Сергей Максудов

ПОБЕДА НАД ДЕРЕВНЕЙ

Демографические потери коллективизации

ФОНД ЛИБЕРАЛЬНАЯ МИССИЯ

Сергей МАКСУДОВ

ПОБЕДА НАД ДЕРЕВНЕЙ

Демографические потери коллективизации

2-е издание, электронное

Челябинск • Москва
СОЦИУМ
2020

УДК 338(470+571):34.03
ББК 65.9(2Рос)+67.021
М6

ФОНД ЛИБЕРАЛЬНАЯ МИССИЯ

Максудов, Сергей.

М6 Победа над деревней. Демографические потери коллективизации / С. Максудов. — 2-е изд., эл. — 1 файл pdf : 603 с. — Москва ; Челябинск : Социум, 2020. — Систем. требования: Adobe Reader XI либо Adobe Digital Editions 4.5 ; экран 10". — Текст : электронный.

ISBN 978-5-91603-713-5

Книга посвящена трагическим событиям в советской деревне в 1929—1934 годах. Она опирается на комплекс источников — архивные материалы, воспоминания очевидцев, постановления советских властей, опубликованную литературу. В работе охарактеризованы причины, масштабы и последствия преобразований в деревне, получивших название «коллективизация», рассматривается изменение демографических параметров (рождаемость, смертность, численность населения) и оцениваются размеры потерь от раскулачивания, депортации и голода во всей стране и в отдельных, наиболее пострадавших регионах.

УДК 338(470+571):34.03
ББК 65.9(2Рос)+67.021

Электронное издание на основе печатного издания: Победа над деревней. Демографические потери коллективизации / С. Максудов. — Москва ; Челябинск : Социум, 2019. — 601 с. — ISBN 978-5-906401-94-6. — Текст : непосредственный.

В соответствии со ст. 1299 и 1301 ГК РФ при устранении ограничений, установленных техническими средствами защиты авторских прав, правообладатель вправе требовать от нарушителя возмещения убытков или выплаты компенсации.

ISBN 978-5-91603-713-5 © ООО «ИД «Социум», 2019

Содержание

От автора 9
Список принятых сокращений 11

Часть I. ИСТОРИЯ

Глава 1. Иосиф — фараон 15
Глава 2. Коллективизация — революция сверху 19
На хлебном фронте 20
Разведка боем 27
Цена ошибки 33
Глава 3. Великий перелом 36
Кулаки и «партейцы» 40
Судьба кулаков 44
Третья категория 46
И восстал брат на брата 47
Глава 4. Разочарование 49
Недовольство крестьян 53
Урожай 1932 года 57
Хлебозаготовки 1932 года 62
Глава 5. Сталин на хлебозаготовках 72
Украина 74
Северный Кавказ 87
Глава 6. Питание села 92
Глава 7. Питание горожан 99
Глава 8. Законодательное оформление голода 106
Глава 9. Голод 117
Глава 10. Новый порядок 137
Политотделы 144
Устав сельскохозяйственной артели 147
Единоличникиц 151
«И будете есть хлеб свой из рук моих!» 155
Новое или старое крепостное право 158
Глава 11. Первый памятник жертвам голода в СССР 1932–1933 годов 161
Глава 12. Был ли голодомор геноцидом 163

Часть II. ДЕМОГРАФИЯ

Глава 13. Численность населения 170
Городское население 173
Сельское население в 1926 году 190
Возраст, уровень образования, национальный и социальный состав населения 194

Глава 14. Движение населения 200

Глава 15. Переписи населения 217
Перепись 28 августа 1920 года 220
Городская перепись 15 марта 1923 года 221
Перепись 17–30 декабря 1926 года 221
Перепись 11 января 1937 года 235
Перепись 17 января 1939 года 244

Глава 16. Рождаемость 267
При царе 267
Война 274
НЭП 275
Индустриализация и коллективизация 286
Катастрофа 292
В стране победившего социализма 305

Глава 17. Смертность 308
Перед революцией 308
После Гражданской войны 314
Смертность в 1930-х годах 327
Смертность на Украине 330

Часть III. ПОТЕРИ

Глава 18. Оценки потерь 345

Глава 19. Методика расчета 352
Расчетная выборка 353
Перепись 1937 года 359
Таблицы смертности 361
Численность новорожденных 363

Глава 20. Размеры потерь 366
Потери в результате депортации кулаков 368
Потери населения Украины 377
Потери казахов 383
Подводя итоги 394

Глава 21. Расчеловечивание 398

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1. Голод в дореволюционной России и в 1921 году 408
Приложение 2. Голод 1891 и 1921–1922 годов на Украине . . 419
Приложение 3. Сведения ОГПУ о голоде 1933 года 427
Приложение 4. Сведения о поголовье скота у селян Украины 439
Приложение 5. Доходы, расходы, затраты труда и питание колхозников Украины в 1935 году 446
Приложение 6. Баланс расхода зерна в 1932/33 году 449
Приложение 7. Точность учета численности населения . . . 454
Приложение 8. Коррекция численности населения в 1939 году 460
Приложение 9. Браки и разводы в СССР 463
Приложение 10. Браки и разводы на Украине 467
Приложение 11. Восточные народы 471
Приложение 12. Аборты 480
Приложение 13. Численность женщин 15–49 лет 486
Приложение 14. Коэффициент рождаемости по сведениям о плодовитости 491
Приложение 15. Тенденция изменения плодовитости в 1920–30-х годах 496
Приложение 16. Оценка рождаемости разными авторами в 1913–1926 годах 503
Приложение 17. Точность сельскохозяйственной статистики 508
Приложение 18. Влияние высокой смертности на продолжительность жизни 519
Приложение 19. Смертность в украинском селе Романково . . 528
Приложение 20. Таблицы смертности 532
Приложение 21. Детская смертность 544
Приложение 22. Расчет коэффициентов потерь 553
Приложение 23. Сведения ЗАГСов по регионам РСФСР . . . 556
Приложение 24. Балансы миграции 558
Приложение 25. К истории этой книги 579
Библиографические ссылки на источники 585

Моей бабушке, Татьяне Ефимовне Коренблат, которая,
нарезая хлеб, всегда смахивала крошки со стола
и отправляла их в рот.

От автора

Кукушка воробью пробила темя,
За то, что он кормил ее все время.

Вильям Шекспир. Король Лир

Слова Шекспира, вынесенные в эпиграф, абсолютно точно показывают, что случилось в конце 1920-х — начале 1930-х годов в СССР. Крестьянство, кормившее страну, было поставлено перед жестокой альтернативой: голодная смерть или полное подчинение распоряжениям властей. Это была вторая гражданская война, в которой погибли миллионы. Война бедных против зажиточных, города против деревни, государства против сельского жителя. В советской прессе эти события получили в свое время множество наименований: «аграрная революция», «второй шаг Октября», «великий перелом». Все характеристики по-своему справедливы. Общепринятое название этих преобразований — коллективизация[1]. Она была естественным завершением Октябрьской революции, кровавой битвой между Коммунистической партией и селом. Подсчет числа жертв этой катастрофы является главной целью книги.

Я начал работу над этой темой 40 с лишним лет назад (подробнее см. прил. 25). Первый раз почти завершил ее в 1983 г., когда передал рукопись объемом 1250 страниц Украинскому институту Университета города Эдмонтон в Канаде. Книга до типографии не дошла, но я продолжал обсуждать затронутые в ней проблемы на международных конференциях и в статьях.

Разгоревшаяся между российскими и украинскими учеными полемика вокруг вопроса, является ли голодомор геноцидом, в ходе которой выяснилось, что пока нет общепризнанных научно

---

[1] Название плохо соотносится с реальностью 1930-х годов. В то время власти решительно уничтожали сельские коллективы: общину, производственную кооперацию, сельские коммуны. Труд колхозников на полях был коллективным в такой же мере, как в свое время барщина, только помещика заменило государство. Сельский житель на колхозном поле работал на государство, получая (или не получая) мизерную оплату трудоднями, а на приусадебном участке трудился на себя, выплачивая оброк государству. Впрочем, происходит переосмысление многих советских терминов. Сергей Красильников справедливо замечает, что раскулачивание практически не было направлено против кулаков, это было раскрестьянивание.

обоснованных оценок размеров потерь в годы коллективизации, заставила меня вернуться к этой работе. Я не согласен с утверждением, что происходил геноцид украинского народа. Попытка сегодня использовать трагедию голодомора в политических целях, желание поссорить два братских народа мне крайне неприятны, но при этом абсолютно недопустимо равнодушное отношение к этой трагической странице истории. В Москве нет ни одного памятника миллионам жертв коллективизации. Мы не должны оставаться Иванами, не помнящими родства. Нужны музеи, памятники, перечни погибших в каждом селе, поселке, городе, районе.

Эта книга включает историческое описание происходивших событий, демографическую картину движения населения СССР в 1920–30-е годы и расчеты повышенной убыли населения. В первых двух частях в значительной степени использованы публикации прошлых лет, расчет потерь выполнен по новым данным из российских архивов и новой, прежде не применявшейся методике.

Я благодарен руководителю Украинского института Эдмонтона Богдану Кравченко, который в свое время инициировал и финансировал это исследование и оказал большую помощь в сборе необходимых материалов. Хочу сердечно поблагодарить всех, кто поддерживал меня все эти годы, и в первую очередь Владимира Малинковича, Михаила Денисенко, Александра Немцова и всю семью Бабёнышевых и Покровских.

Список принятых сокращений

АДХ — Андреев Е. М., Дарский Л. Е., Харькова Т. Л.
БСЭ — Большая советская энциклопедия.
ВМН — высшая мера наказания (расстрел).
ВМСЗ — высшая мера социальной защиты (расстрел).
ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации.
ИТЛ — исправительно-трудовой лагерь.
КК — контрольная комиссия.
РГАЭ — Российский государственный архив экономики.
РКИ — рабоче-крестьянская инспекция.
СЗ — сборник законов.
СХ — сельское хозяйство.
НХ — народное хозяйство.
СС — социалистическое строительство.
СКК — Северокавказский край.
ДВК — Дальневосточный край.
НВК — Нижневолжский край.
ЦГАНХ — Центральный государственный архив народного хозяйства.
ЦГАОР — Центральный государственный архив Октябрьской революции.
ЦСК — Центральный статистический комитет.
ЦСУ — Центральное статистическое управление.
ЦУНХУ — Центральное управление народно-хозяйственного учета.
ЦЧО — Центрально-Черноземная область.
ОГПУ — Объединенное государственное политическое управление.
ЭСБЕ — Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона.
Непфонд — неприкосновенный фонд.
ДОПР — дом предварительного заключения.
WKP — номер касеты в Смоленском архиве (Партийный архив Западной области (ПАСО), вывезенный в годы войны в Германию и хранящийся сегодня в виде видеокассет и ксерокопий во многих американских и европейских университетах).

Часть I

ИСТОРИЯ

Глава 1. ИОСИФ — ФАРАОН

И вот, вышли из реки семь коров, тучных плотию и хороших видом, и паслись в тростнике. Но вот, после них вышли семь коров худых, очень дурных видом и тощих плотию; я не видывал во всей земле Египетской таких худых, как они. И съели тощие и худые коровы прежних семь коров тучных. И вошли тучные в утробу их, но неприметно было, что они вошли в утробу их: они были так же худы видом, как сначала.

Бытие 41: 18–21

Как известно, в далекие времена находчивый еврейский пастух Иосиф предложил фараону египетскому поставить под контроль производство и распределение сельскохозяйственной продукции. Для этого в течение семи лет строились элеваторы, накапливались запасы зерна, а когда наступили трудные неурожайные годы (опять же семь), фараон скупил за кусок хлеба у голодных крестьян их участки и стал единственным землевладельцем в стране, монопольно распоряжаясь плодами полей и водой Нила в течение тысячелетий. Понимая, что всякое сравнение неточно, а любая аналогия условна, рискнем, однако, сопоставить библейскую легенду с событиями, происшедшими 85 лет назад в нашей стране.

Среди большевистских вождей многие могли бы претендовать на роль Иосифа. Большое участие в проведении коллективизации приняли Л. М. Каганович, замещавший Сталина во главе Политбюро во время продолжительного отпуска вождя в 1932 г., и В. М. Молотов, который возглавлял правительство, а также сельскохозяйственный отдел ЦК и руководил одной из важнейших комиссий Политбюро — «О кулаке». Головокружительную карьеру сделал Я. А. Яковлев (Эпштейн), ставший первым наркомом земледелия СССР и возглавивший комиссию Политбюро по коллективизации[1]. И все же ни Яковлев, ни другие партийные вожди

[1] В начале своего восхождения Яковлев был активным борцом против левого уклона (Троцкий, Зиновьев и Каменев), требовавшего повышения сельхозналога на 300 млн руб. В 1926/27 г. Яковлев с помощью гнездовых сельскохозяйственных переписей доказал, что кулаков в деревне нет, лишь 2,6% крестьян имеют доход 100–150 руб. в год на едока, а свыше 150 руб. — всего 0,6% хозяйств. Для

не могут претендовать в полной мере на роль Иосифа Прекрасного. Фигура Иосифа Виссарионовича (прекрасным его не называли даже в самый разгар культа) была во всех отношениях определяющей. В одном лице совместились все виды власти и формы управления, совпали Иосиф и фараон. Именно Сталину принадлежат основные идеи преобразований и методы их осуществления. Ему, судя по всему, снились вещие (марксистские) сны, и он же выступил их толкователем.

Как ни отличны друг от друга Древний Египет и СССР, нельзя не отметить общие черты систем, возникших в результате аграрных преобразований. Иерархическая, бюрократическая концентрация в одних руках управления производством и распределением, высокая «товарность», аресты и высылка на стройки за плохую работу или неуплату налогов. Даже в пристрастии к монументальным сооружениям, будь то каналы, высотные здания или пирамиды, прослеживается сходство вкусов.

Много общего можно отметить и в методах решения аграрной проблемы. Неожиданность начала преобразований, предвидимый голод как главное звено построения новой системы, семь благополучных лет, за которыми последовали семь «тощих». Поразительно, что во сне фараона тощие коровы пожрали тучных, но при этом «были так же худы видом, как и сначала». Применительно к древнеегипетским событиям это мало о чем говорит, так как после реформы наступило изобилие. Однако для советского

сравнения укажем, что зарплата служащего составляла в это время 960 руб. в год [*Итоги десятилетия*, с. 347]. Не было, по мнению Яковлева, и избытков хлеба в деревне, небольшие запасы являлись лишь необходимым резервом на случай неурожая. Он справедливо, опять же с цифрами в руках, доказал, что до революции налоги на село были меньше (564 млн руб. вместе с арендной платой) и выплачивали их главным образом зажиточные крестьяне, купившие или арендовавшие землю. В 1926 г. выплаты села в тех же довоенных рублях составили 1312 млн, и они приходились, по утверждению Яковлева, в основном на середняка. В речи Яковлева есть прямо-таки пророческие слова: «Понимает ли партия, что зерновая проблема не является сегодня главной в сельском хозяйстве?» Он имел в виду более высокую товарность животноводства и технических культур, развитие которых могло дать больший доход как внутри страны, так и во внешней торговле. И сам же оратор ответил: «Партия этого, кажется, не понимает» [*Яковлев*]. Прошел всего год, и большевики, так и не успев ничего понять, начали поход в деревню за зерном, а Яковлев, вопреки своим разумным соображениям, возглавил борьбу за то, чтобы отнять у крестьян уже не триста миллионов, а миллиарды рублей. Начиная с 1930 г. Яковлев постоянно появляется на государственной сцене с сообщениями и проектами. Он докладывает о колхозном строительстве на XVI съезде партии, является автором Устава сельскохозяйственной артели и множества других партийных решений и документов.

сельского хозяйства эта деталь сна фараона кажется пророческой. Конечно, читатель возразит, что нехватка продовольствия в 1929–1936 гг., как и в последующие годы, не воля богов, а дело рук человеческих. Это верно. Но можно предположить, что и в Египте события развивались не совсем естественным образом. Семь неурожайных лет подряд в районе орошаемого земледелия — явление маловероятное. Да и сны фараона, истолкованные Иосифом, выглядят подозрительно.

Существенное различие заключается, на мой взгляд, в том, что реформы библейского Иосифа были тщательно подготовлены. Он знал, чего хочет, запас необходимые средства, приступил к преобразованиям и пришел к намеченной цели, избежав голода, благословляемый жителями страны. По сравнению с этими продуманными мерами действия советских вождей выглядят непоследовательно и нелепо. Вот несколько примеров.

1. В декабре 1920 г. VII съезд Советов принимает решение о социализации крестьянского хозяйства (каждое хозяйство подлежит планированию, контролю и управлению из центра). В феврале 1921 г. упраздняются деньги.

   А через месяц, в марте 1921 года, вводится НЭП, государство отказывается от управления селом, торговлей и некоторыми отраслями промышленности. Деньги не просто возвращаются в оборот, а приобретают важнейшее значение.
2. Земля дается навеки всем, кто на ней работает.

   Вскоре землю изымают у бывших помещиков, даже у тех, кто сам на ней работает, затем отбирают ее у кулаков. Наконец, все та же земля передается колхозам.
3. С введением НЭПа продразверстка сменяется продналогом, крестьяне начинают выплачивать налог деньгами.

   В 1928 г. вводятся обязательные поставки по фиксированным ценам, затем продразверстка с обысками и арестами и, наконец, колхозная барщина и государственный оброк.
4. Арендовать землю и нанимать рабочих не позволено, затем разрешено. Расширение возможностей аренды земли было осуществлено решением ЦИК и СНК 16 октября 1929 г.

   А первого февраля 1930 г. аренда была полностью запрещена, и арендаторы начали подвергаться аресту и конфискации имущества, высылке на север, туда же отправились многие, прибегавшие к оплачиваемой помощи в работе или по дому (СЗ. 1929. № 69. С. 1320).

5. Трактора необходимы для создания коллективных социалистических хозяйств.

   Колхозы можно и нужно создавать без тракторов и сельскохозяйственных машин.

6. План коллективизации, утвержденный XV съездом ВКП(б) в 1927 г., предусматривал объединение 15% хозяйств к 1932 г.

   Осуществление плана — вступление в колхозы 60% хозяйств за два месяца 1930 г.

Хаотичность и непоследовательность действий были таковы, что самые послушные, старательные, честные исполнители не могли понять, чего от них, в конце концов, требуют: загонять крестьян в колхозы или не загонять, обобществлять скот и птицу или нет, выдавать зерно авансом при обмолоте или отнимать его. Одно они знали хорошо: за невыполнение очередного приказа наказание будет суровым. Впрочем, в этом отношении все фараоны одинаковы.

Сопоставляя поведение Иосифа и советских вождей, можно подумать, что Госплан, ЦСУ, ВАСХНИЛ и прочие полезные учреждения функционировали в Древнем Египте, а не в СССР. Вряд ли можно объяснить расхождение методов национальными традициями — простодушным русским «авось» и семитской расчетливостью египтян. Лишь отчасти справедливо замечание, что у фараонов был позади многовековой опыт управления, а советская власть возникла без году неделя. Потому «отчасти», что фараону не приходилось бороться за власть. Непоследовательность действий сталинистов вытекала из необходимости маневрировать при устранении политических противников, которыми поочередно становились многие бывшие соратники. Главной целью было достижение безраздельной власти, а тактические шаги предпринимались в зависимости от обстоятельств. Сравнивая готовую постройку с проектными чертежами, мы почти не найдем соответствия в конструктивных решениях. Но колхозная система выполнила то, ради чего она была создана, — был достигнут полный контроль над жителями деревни, над производством и распределением продукции. Возникла огромная, современная, советской выделки сталинская экономическая пирамида.

Глава 2. КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ — РЕВОЛЮЦИЯ СВЕРХУ

Гражданская война закончилась военной и политической победой большевиков и их поражением на экономическом фронте. Хозяйство страны было разрушено, правительство было вынуждено отказаться от полного контроля над экономикой и перешло к так называемой Новой экономической политике (НЭП), которая была новой для руководителей страны, а для населения означала частичное восстановление старой жизни. Вслед за этим началось возвращение к нормальной хозяйственной деятельности, появились продукты и другие товары, начали функционировать системы снабжения, образования, медицинского обслуживания. Жители постепенно приходили в себя после пережитой катастрофы.

У большевиков, оказавшихся волею судеб правителями страны, семь мирных лет ушли на внутрипартийную борьбу за власть, которая маскировалась расхождениями во взглядах о направлении дальнейших преобразований. Необходимость переустройства не ставилась под сомнение, она вытекала из несовпадения существующего положения с марксистскими идеями. Разными были лишь методы, предлагавшиеся для реорганизации, и оценки степени допустимого давления на население. Одновременно шло быстрое пополнение партии и государственного аппарата новыми людьми, старавшимися занять теплое местечко и готовыми ради этого на многое.

К 1928 г. произошло несколько существенных, хотя внешне не слишком заметных событий. Страна приблизилась к довоенному экономическому уровню, воспринимавшемуся многими как важный качественный рубеж, за которым должен последовать новый шаг. Кроме того, равновесие в среде партийных руководителей сместилось, и Сталин сумел получить поддержку значительной части партийной элиты. Это позволило ему устранить из политической жизни оппонентов и одному определять методы решения проблемы. Передышка закончилась, началось наступление на деревню. Это был кульминационный момент развития советского государства, подчинение бюрократической системе управления огромной массы сельского населения. О революционном характере реформ свидетельствуют и масштаб изменений, и скорость перемен, и насильственные методы реорганизации.

Обычно революции опираются на недовольство населения очевидными пороками общества (социальные конфликты, стагнация экономического развития, падение уровня жизни). Сильная сторона революционеров состоит в подчеркивании этих очевидных недостатков существующего строя, отталкиваясь от которых они проектируют вектор перемен в противоположном направлении так, чтобы выбранный курс отражал настроения и потребности общества. Особенностью коллективизации было преобладание обещаний, светлых перспектив над критикой реально существующей ситуации. Преобразования затевались не потому, что дальше так жить было нельзя, а из-за убежденности руководителей в том, что возможны более удачные способы организации производства. Естественно, что такая идеология не пользовалась широкой поддержкой населения. По этой причине, из-за отсутствия в стране экономических предпосылок для преобразований, а также потому, что во главе страны стояли бывшие революционеры, перемены носили насильственный характер.

Коллективизация была революцией сверху. Правительство разрушало существующую систему производства, традиции, обычаи и нормы хозяйственной жизни, нарушало собственные обещания и законы страны, а порой вступало в конфликт с законами природы и здравым смыслом. Опорой властей при проведении преобразований служили государственный и партийный аппараты, ОГПУ-НКВД, комсомольская молодежь, мобилизованные рабочие и некоторое количество крестьян-бедняков, связавших себя в прошлом с действиями властей. Противостояло реорганизации большинство жителей страны: почти все крестьяне и значительная часть горожан. Эта революция меньшинства против большинства, конечно, не могла быть проведена без широкого применения насилия. Но была еще одна особенность, осложнявшая положение: ошибочность предпосылок.

На хлебном фронте

Впервые лозунг коллективизации в более или менее отчетливой форме был выдвинут в декабре 1927 г. на XV съезде партии. В резолюции съезда говорилось: «Одной из основных предпосылок развития СССР к социализму является подъем производительных сил деревни и рост благосостояния широких крестьянских масс. Социалистический город может вести за собой деревню только на этом пути, всемерно способствуя постепенному переходу

от индивидуального собственнического хозяйства, которое еще значительное время будет базой всего сельского хозяйства, к коллективным формам... Этот переход может происходить только при согласии на это со стороны трудящихся крестьян» [*Коллективизация*, с. 18, 21].

В соответствии с решениями съезда был составлен план роста производства сельскохозяйственной продукции на 20–30%, в значительной степени благодаря созданию крупных коллективных хозяйств, которые к концу 1932 г. должны были охватить 15% сельского населения. Нельзя сказать, что такой рост выглядел нереальным. В предыдущее пятилетие (1923–1927) продуктивность различных отраслей сельского хозяйства возросла на 30–50%. Неплохими были и дореволюционные темпы (33% с 1900 по 1914 г.).

В 1913-м, последнем предвоенном году, в России было собрано 5 млрд пудов зерна, 26% которого было продано на внешнем и внутреннем рынках. При этом на долю помещиков приходилось 12% валового сбора, но их хозяйства работали на рынок, продав 46,9% созданной продукции. У кулаков товарность хозяйства была поменьше (34,2%), но половина зерна на рынке принадлежала им. Середняки и бедняки произвели чуть больше половины зерна в стране, но от продаж их доля составляла всего 28,4%. В 1928 г. в брошюре с характерным названием «На хлебном фронте» Сталин привел эти данные, сравнив их с выходом товарной продукции в 1926/27 г. (табл. 1.1[1]).

В 1926/27 г. деревня оставляла себе почти семь восьмых урожая. Можно было бы порадоваться за село, припомнив слова Ленина о том, что «крестьянин никогда еще в течение долгих веков нашей истории не имел возможности работать на себя: он голодал, отдавая сотни миллионов пудов хлеба капиталистам в город и за границу»?

Казалось бы, к этой фразе не следует относиться серьезно, ведь в советское время дореволюционный «голодный» уровень потребления оставался для сельского жителя недостижимой мечтой. И все же в ней есть некоторый резон. Сравнительно высокая товарность сельскохозяйственного производства до революции

[1] Как стало известно впоследствии, таблицу подготовил для Сталина академик С. Немчинов. Однако он не опубликовал в своих трудах методов расчета или обоснования данных. Попытка отыскать в архивах Немчинова эту рукопись, предпринятая историком И. А. Чемерисским [с. 62–67] в начале 1970-х годов, не увенчалась успехом.

Таблица 1.1. **Производство и товарность зерна**

	Валовой сбор		Товарность		% в товарности
	млн пудов	%	млн пудов	%	
1913					
Помещики	600	12,0	281,6	21,6	46,9
Кулаки	1900	38,0	650,0	50,0	34,2
Середняки и бедняки	2500	50,0	369,0	28,4	14,8
Итого	5000	100,0	1300,6	100,0	26,0
1926/27					
Колхозы и совхозы	80	1,7	37,8	6,0	47,2
Кулаки	617	13,0	126,0	20,0	20,4
Середняки и бедняки	4052	85,3	466,2	74,0	11,5
Итого	4749	100,0	630,0	100,0	13,0

Примечание. В 1913 г. урожай зерновых был высокий, и, естественно, товарность была выше средней.
Источник: [*Сталин*, т. 11, с. 81–97].

достигалась частично за счет снижения потребления села, особенно продуктов животноводства.

Но Сталин не для того открывал свой «фронт», чтобы дать возможность крестьянам лучше питаться. Для него очевидно другое: товарная продукция упала, так как исчезли крупные помещичьи и кулацкие хозяйства. С другой стороны, в социалистических крупных хозяйствах (колхозах и совхозах) товарность не ниже, чем у помещиков. Вывод: для увеличения товарности надо создать больше колхозов и совхозов, то есть провести коллективизацию.

Довод Сталина прост и на первый взгляд не лишен привлекательности. Известно, что помещичьи усадьбы работали в большой мере на рынок. Известно, что советское правительство испытывало трудности со снабжением городского населения хлебом, в то время как до революции хлеба в городах было вдоволь. Развивалась промышленность, городское население росло; нужно было думать, как его прокормить. Приводя в 1952 г. сталинскую табличку, автор «Истории народного хозяйства СССР» бывший министр сельского хозяйства в правительстве Керенского С. И. Прокопович писал: «Цифры эти не могут претендовать

на точность, но, в общем и целом, они правильно рисуют хлебные балансы России 1913 г. и 1926/27 г. Аграрная революция совершенно уничтожила помещичьи хозяйства, в три раза сократила продукцию зажиточных крестьян, имевших значительные запашки, значительно увеличила продукцию хозяйств средних и беднейших крестьян и создала небольшое количество коллективных и советских хозяйств. В итоге продукция зерновых хлебов упала на 5%. Но на товарную часть хлебной продукции аграрная революция оказала катастрофическое действие: она упала наполовину. Сокращение посевов у зажиточных крестьян, естественно, должно было понизить товарность их продукции; но она упала и в хозяйствах средних и бедных крестьян, которые, увеличив свою валовую продукцию на 62%, увеличили количество хлеба, выпущенного на рынок, только на 26,3%. Очевидно, большинство крестьян воспользовались результатом аграрной революции, прежде всего для повышения своего личного потребления; они перестали вести полуголодное существование и стали есть досыта» [*Прокопович*, т. 1, с. 176].

Трудно согласиться с Прокоповичем в том, что таблица дает верное представление о хлебных балансах. По данным известного историка сельского хозяйства России А. М. Анфимова [с. 296], сокращение товарности зерна в рассматриваемый период, если оно имело место, не превышало 5–10%, а товарность зерна в 1913 г. составляла 24%. В среднем за 1909–1913 гг., по оценкам ЦСУ, товарность была 21% [*СХ*, 1960, с. 86] или 22% [*Итоги десятилетия*, с. 214–215]. Оценка товарности в 1926/27 г. Сталиным заметно занижена. Она даже ниже государственных заготовок, составивших в 1926/27 г. 15% урожая. Оценка по железнодорожным и морским перевозкам, принятая до революции, дает 21,5%. Исследователи оценивают товарность 1926/27 г. от 19 до 30%: В. С. Немчинов [т. 4, с. 330–336] — 22%; В. П. Данилов [1979, с. 166] — 21,3%; Ю. А. Мошков [с. 23–24] — 20–22%; П. С. Лященко [т. 3, с. 244] — 21%; В. Н. Яковецкий [с. 145] — 29,7%; В. Г. Громан [с. 200–219] — 27%, в том числе экспорт 11,8%. Мы видим, что сокращение товарности если и было, то не превышало 1–3%. А причины для возможного сокращения были очень серьезными — снижение валового сбора примерно на 10% и рост сельского населения на 7%. Так что, вопреки утверждениям ряда советских исследователей и партийных пропагандистов, потребление зерна на одного сельского жителя в 1926/27 г. не только не увеличилось по сравнению с дореволюционным временем, но и, напротив, сократилось.

Недостатком сталинского подхода было использование сведений только о зерне. На зерновые приходилось не более трети всей товарной продукции села. Товарность по мясу составила в 1913 г. 38,1%, в 1926/27 г. — 40,9%, в 1927/28 г. — 42% [*Яковецкий*, с. 146]. Общая товарность сельскохозяйственной продукции по одним сведениям была выше, чем в 1913 г., по другим примерно одинакова — 30% [*СХ*, 1960, с. 23–24].

Таким образом, можно утверждать, что к концу 1920-х годов сельское хозяйство хотя немного отставало от довоенного уровня по валовому производству продукции, догнало его по товарности. Некоторое снижение товарного выхода зерна компенсировалось животноводством, огородными и техническими культурами. Если учесть, что производительность была в среднем ниже, чем до революции, а население села увеличилось, то сохранение того же уровня товарности означало, что крестьяне снизили собственное потребление, чтобы больше продать на рынке. Причин для этого было немало: рост налогов, ножницы цен на промышленные товары, необходимость приобретения средств производства, не обновлявшихся за годы Мировой и Гражданской войн, сокращение поголовья лошадей (главных потребителей овса).

Рассмотрим данные Сталина о товарности различных типов хозяйств. Говоря о высокой товарности помещичьего хозяйства, не следует забывать, что это было специализированное производство. Как таковое оно нуждалось в сотрудничестве с мелким хозяином. У помещика практически не было скота, и для полевых работ он нанимал крестьян с лошадьми. Все потребление зерна рабочими и скотом шло за счет хозяйств мелкого производителя. Следовательно, если бы в стране зерно производили только помещики, то доля продаж зерна в город и за границу была бы гораздо меньше, так как помещичьим хозяйствам пришлось бы взять на себя и все расходы сельского населения. Это и произошло с советскими аналогами помещичьих хозяйств — колхозами и совхозами. Сотни монографий советских авторов расписывали высокую товарность колхозного производства перед коллективизацией. В 1920-е годы, пока колхозов было мало, их невысокая производительность маскировалась тем, что коммуны и совхозы располагали несколько более плодородной землей, поскольку были созданы в бывших помещичьих усадьбах; они были лучше оснащены технически; и, конечно, манипуляции с отчетностью играли определенную роль. Зерновые совхозы, подобно помещичьим хозяйствам, были или по крайней мере стремились быть специализированным производством,

со своими рабочими они расплачивались деньгами. Естественно, что, за вычетом расходов на семена, вся совхозная продукция рассматривалась как товарная. Другое дело, что сами рабочие совхозов, покупая муку и хлеб, превращались в потребителей. Другими потребителями были животноводческие совхозы, не производившие зерна. Таким образом, реальная товарность совхозного производства в системе взаимоотношений между деревней и городом была намного ниже, чем та, о которой рапортовали официальные отчеты.

Сказанное относится и к колхозам. Первые колхозы не были обычно универсальными хозяйствами; в частности, они не уделяли достаточного внимания животноводству. Вдобавок комплектовались почти исключительно из бедняков и батраков — людей со сравнительно малочисленными семьями. Наконец, говоря о высокой товарности колхозов в конце 1920-х годов, не учитывают обычно, что обобществление земли поначалу было неполным. В 1928 г. внутри самих коллективных хозяйств было обобществлено лишь около 54% обрабатываемой земли [*НХ*, 1932, с. 130]. Колхозник обеспечивал свою семью за счет собственного поля, которое следовало бы тоже принять в расчет при определении товарности колхозного производства.

В советской литературе обходился стороной вопрос, почему, когда колхозов стало много, их товарность и производительность оказались ниже, чем в хозяйствах единоличников. Очевидно, что либо авторы манипулируют ложными сведениями, либо колхозы стали другими. На самом деле произошло и то и другое.

Курьезный пример подтасовки сведений дает нам сталинско-немчиновская табличка. Данные о товарности зерна за 1926/27 г. совпадают в ней с публикацией ЦСУ [*Итоги десятилетия*, с. 214–215]. Однако, по данным ЦСУ, валовой сбор зерна колхозами и совхозами был не 80, а 96 млн пудов. Зачем же вождю понадобилось преуменьшать успехи столь любимых им коллективов? Дело в том, что при указанном ЦСУ валовом сборе товарность социалистических хозяйств получалась меньше, чем до революции у помещиков. Этого нельзя было допустить! Пришлось преуменьшить урожай колхозов, чтобы хоть немного превзойти помещиков по товарности.

Подобные манипуляции производились в те годы не только на самом высоком уровне. Тесно связанные с местными властями колхозы имели возможность получать ссуды, которые в производстве и товарности не учитывались. Например, 37 колхозов

Харьковского округа к 15 февраля 1929 г. сдали 27 589 пудов зерна и сразу получили помощь в размере 15 тыс. пудов [*Слинько*, с. 80]. Зачем же, спрашивается, сдавали? Однако тут вступают в действие механизм бюрократической отчетности и местные административные интересы.

В дальнейшем, по мере роста посевных площадей в колхозах, их товарность неуклонно снижалась. В 1929 г. колхозы и совхозы засевали 5% площадей, а урожайность их составляла 8 и 8,4 ц с гектара, в то время как у единоличников — всего 7,4 ц с гектара. В 1930 г. колхозы уже отставали от единоличников по урожайности. На Украине коллективизация охватывала 35% хозяйств; колхозам принадлежало 33,7% посевов, однако они сдали всего 30% от общего объема хлебозаготовок [*Очерки*, с. 189–190]. Причем рыночные продажи осуществляли также единоличники, и почти весь гарнцевый сбор, составлявший в 1929 г. 16,6% заготовок, также приходился на их долю [*НХ*, 1932, с. 169–170, 332–343]. Единоличники кормили бóльшую часть скота, имевшегося в деревне, и численность их семей была несколько выше, чем у колхозников. Размер посевной площади на одного члена семьи в колхозах после 1930 г. оказался больше, чем в единоличных хозяйствах, а товарность — намного меньше. Причина заключалась в поразительной неэффективности колхозного производства. В 1931 г. зерновых было собрано в колхозах в среднем 6,29 ц с гектара, в совхозах — 5,85, у единоличников — 7,48. Если бы весь урожай собирали единоличники с их скромными техническими средствами, он оказался бы выше на целых 70 млн ц (на 12%). В 1932 г. колхозы и совхозы получили 6,8 ц с гектара, единоличники — 7,7; в 1933-м — 8,8 и 9,4 соответственно, а в 1934-м колхозы — 8,5 ц с гектара, совхозы — 8,44, а единоличники — 9,41[1]. И вплоть до полного вытеснения индивидуальных хозяйств они служили образцом высокой производительности, молчаливым укором колхозно-государственной системе.

Итак, оба утверждения товарища Сталина, высказанные им в брошюре «На хлебном фронте», были ошибочны. Товарность сельского хозяйства до революции не превышала уровня 1926/27 г. Совхозы и колхозы не были образцами высокотоварного эффективного производства. Однако из ложных посылок был получен

[1] Рассчитано по валовому сбору и посевным площадям [*СС*, 1935, с. 328–340, 361–363]. Приведенные цифры не слишком достоверны, потому что в 1933 г. была существенно изменена методика подсчета урожая (прил. 17). Но вряд ли государственная статистика могла позволить себе ошибочно преувеличить достижения индивидуальных хозяйств.

желаемый результат. На пленуме ЦК партии 7 января 1933 г. вождь докладывал о победе на хлебном фронте: «Партия добилась того, что вместо 500–600 млн пудов товарного хлеба, заготовлявшегося в период преобладаний индивидуального крестьянского хозяйства, она имеет теперь возможность заготовлять *1200–1400 млн пудов зерна ежегодно*» [*Сталин*, т. 13, с. 191].

Это, однако, был не конец, а только начало «успехов». Через два года возможности партии «заготовлять» из такого же или даже меньшего урожая почти удвоилась. В 1936–1939 гг. при большей численности сельского населения и при меньших урожаях заготовки составили 1800–2200 пудов [*СХ*, 1960, с. 196; *Итоги десятилетия*, с. 214–219; *Мошков*, с. 133, 230]. В 1913 г., когда сельских жителей было 114 млн, в деревне было 4300 млн пудов собранного зерна. В 1936–1939 гг. деревне оставалось в среднем всего 2400 млн пудов в год, почти в два раза меньше, чем в 1913 или 1926–1929 гг. На одного сельского жителя в день приходилось по 700–800 г зерна. Если вспомнить, что распределение по территории и социальным слоям было неравномерным, можно с горечью заметить, что значительная часть деревенских жителей была лишена куска хлеба в буквальном смысле этого слова. Сельский житель порой должен был бродить с протянутой рукой по городским улицам. Партия и лично товарищ Сталин добились того, что крестьянин стал меньше есть.

Разведка боем

Коллективизация началась за два года до ее официального объявления. В ходе индустриализации государству понадобилось больше продовольствия для быстро растущих городов и строек и для продажи на внешнем рынке, чтобы за вырученные деньги купить оборудование для заводов. Село же давало все меньше зерна, поскольку увеличение численности населения и поголовья скота вело к росту потребления зерна в деревне и повышению рыночных цен на хлеб. Нужно было поднять заготовительные цены, но платить больше власть и не могла, и не хотела, поскольку это угрожало снижением темпов индустриализации. Это вело к отказу от политики закупок и возврату к продразверстке.

Началось с повышения сельскохозяйственного налога на хозяйство в 1928/29 г. с 18 до 28 руб., а для 890 тыс. хозяйств, отнесенных к кулацким, со 100 до 267 руб. Наряду с налогами возникло и огромное число дополнительных обязательных и «добро-

вольных» платежей, превышавших сумму налога в несколько раз[1]. Непомерное финансовое давление поставило сельского жителя на грань разорения. Не меньшее значение имело решение Политбюро о конфискации хлеба у крестьян в счет налога, то есть отказ от предписанных НЭПом закупок зерна и переход к хлебозаготовкам[2]. Зерно изымалось у более зажиточной части деревни, так называемых кулаков, и часть его (25%) распределялась среди бедной части села через комитеты бедноты. При этом рыночные цены начали стремительно расти. Так, на Украине в 1926/27 г. заготовительные цены на пшеницу были ниже рыночных на 24%, в 1927/28 г. — на 54%, в 1928/29 г. — на 210%, в 1929/30 г. — на 341% (*Збірник*, 1932, с. 115–116).

Сбор налогов и принудительное изъятие зерна сопровождались судебными и административными мерами против неплательщиков: исключением из кооперативов и общинных организаций, запретом на участие в выборах, наделением землей при переделах в последнюю очередь, повышением ставок при получении кредитов и множеством других наказаний и ограничений. Было также специальное постановление, разрешающее сельским сходам брать на себя обязательства по поставкам зерна государству и распределять размеры поставок между отдельными хозяйствами. В случае если семья не выполняет этого решения, сельсовет имеет право налагать штраф в пятикратном размере, описывать и распродавать имущество, а 25% полученного от этого дохода отчислять в фонды коллективизации и кооперирования деревенской бедноты [*Ивницкий*, 1972, с. 115]. На Украине такое же постановление было принято правительством и ЦИК Советов Украины за подписями Г. Петровского и В. Чубаря [*Голод 1932–1933*, 1993, с. 80].

---

[1] За пятилетку (1928–1932) было выплачено 1989 млн руб. сельскохозяйственного налога, 4401 млн руб. обязательных платежей и 6300 млн руб. «добровольных» платежей [*Кульчицкий*, 1979, с. 208].

[2] Для этого применялась 107-я статья Уголовного кодекса РСФСР и аналогичная статья 127 на Украине, согласно которым «злостное повышение цен на товары путем скупки, сокрытия или не выпуска на рынок карается лишением свободы на срок до одного года с конфискацией всего или части имущества или без таковой» [*Прокопович*, с. 178]. Статья абсолютно не подходила, потому что крестьяне как раз старались продать зерно на рынке, но это не мешало местным властям сначала в Сибири, а потом по всей стране ходить по дворам с обысками, конфискуя найденное зерно. В 1929 г. введением статьи 61 в Уголовный кодекс РСФСР (статья 57 УК Украины) администрация получила право наказывать невыполнение плана по сдаче зерна штрафом в пятикратном размере и принудительными работами до года [*Ивницкий*, 1972, с. 110–111; *Кульчицкий*, 1979, с. 208].

Казалось бы, в этом решении заключена некоторая апелляция к общинной традиции: коллектив сам распределяет налоги внутри деревни. Однако на деле это не так. Общество не только не несло коллективной ответственности за сдачу налогов по его раскладке, но, напротив, получало прямой доход от разорения некоторых своих членов. Больше всего этот принцип напоминает мораль людоедов, которые коллективно решают, кому быть съеденным на этот раз, ориентируясь на степень упитанности жертвы.

Экономические меры дополнялись массовыми арестами. На Украине по 22 из 41 округа в 1929 г. были осуждены (в основном с конфискацией имущества) 33 тыс. человек [*Очерки*, с. 174]. По всей Украине число осужденных, вероятно, приближается к 60 тыс., что составляет примерно 2% сельских хозяйств, или половину кулаков, учтенных гнездовой переписью 1927 г. В Западной области во время хлебозаготовительной кампании 1929 г. было осуждено 3108 человек, треть из них были приговорены к лишению свободы, остальные — к принудительным работам, штрафам и конфискации имущества (WKP 61, 116). В ряде зерновых районов репрессии были еще более серьезными. В Средневолжском крае под действие уголовных статей попало примерно 20 тыс. хозяйств, в том числе около 6 тыс. с изъятием имущества. На Северном Кавказе частично или полностью было конфисковано имущество 30–35 тыс. семей, 20 тыс. человек были отданы под суд и 600 расстреляны [*Ивницкий*, 1972, с. 115].

В июне 1929 г. Шолохов пишет в Москву своей близкой знакомой Левицкой: «Вешенская 18 июня 1929 года... Я втянут в водоворот хлебозаготовок (литературу по боку!) и вот верчусь, помогаю тем, кого несправедливо обижают, езжу по районам и округам, наблюдаю и шибко “скорблю душой”... А вы бы поглядели, что творится у нас и в соседнем Нижневолжском крае. Жмут на кулака, а середняк уже раздавлен. Беднота голодает. Имущество, вплоть до самоваров и полостей, продают в Хоперском округе у самого истого середняка, зачастую даже маломощного. Народ звереет, настроение подавленное, на будущий год посевной клин катастрофически уменьшится...» (Московские новости. 1987. 12 июля).

Шолохов рассказывает, что почте запрещено принимать телеграммы во ВЦИК, а незаконно обложенным не разрешают выезжать из края. Раскулачивают всех подряд без разбора.

В Сибири за саботаж хлебозаготовок были оштрафованы в пятикратном размере 13 тыс. кулацких хозяйств и почти 6 тыс. кулаков были осуждены. В Казахстане были привлечены

к ответственности 52 тыс. человек. В результате на Украине, Средней Волге, Северном Кавказе и в Сибири была отдана под суд примерно половина кулацких хозяйств, учтенных в 1927 г., а в Казахстане — практически все кулаки [*Данилов*, 1977, с. 213–227; 1979, с. 340–343; *Ивницкий*, 1972, с. 71–72, 174; *Очерки*, с. 174; *Пиджарый*, с. 16; *НЭП*, с. 66, 201; *Проблемы аграрной истории*, с. 183].

Ужесточился и характер судебных решений по всей стране. Если в 1927 г. сроки от года до десяти получили 51 652 человека, то в 1929-м их было 92 034. К принудительным работам в 1928 г. были приговорены 200 тыс. человек, а в 1929-м — 596 тыс. Число заключенных в тюрьмах увеличилось за эти годы с 146 тыс. до 183 тыс. [*Ежегодник*, 1931, с. 395]. Число арестованных в стране с 1927 по 1930 г. выросло в четыре с лишним раза, еще сильнее выросли репрессии против крестьянства и некоторых социальных категорий (табл. 1.2, 1.6).

Таблица 1.2. **Репрессии против сельских жителей в 1927–1930 гг.**

Социальный состав	1927	1928	1929	1930
Всего арестовано	23 125	36 239	99 662	278 142
Кулаки	2 137	8 280	49 949	148 297
Середняки	10 069	14 934	33 411	56 770
Бедняки	10 919	13 025	16 302	17 143
Колхозники	—	—	—	218
Без занятий	—	—	—	55 732

Примечание. Единоличники включены в категорию «Середняки». Категория «Без занятий» включает лиц без определенного места жительства, тех, кого называли деклассированными элементами или бывшими людьми. *Источник*: [*Мозохин,* с. 81–150].

И у каждого репрессированного оставались дома без куска хлеба жена и дети. Вот как описывает происходящее крестьянка из сибирской деревни Сумки:

«Товарищ Сталин,

Я бедная женщина, крестьянка, кругом обиженная. Наша власть на местах не выполняет твоих постановлений и приказов. Плакала я, плакала да и решила написать к тебе, все равно один конец. Но я надеюсь на тебя, на твою правду: спаси меня и моих малых деток от смерти голодной. Несмотря на то, что мой муж Василий Федосеев служил в Красной Армии, был раскулачен. Мы считались в деревне самые бедные, наш дом был ветхий, никудышный,

все у нас отняли, меня больную гоняли, гоняли и, наконец, разрешили жить на задах в худой избенке. Мужика сослали в ссылку — станция Усолье Уральской области в 15 роту под ОГПУ. У меня четверо детей, старшему девять, а младшей два годика, сама я нищая и больная. Верни нам нашего кормильца или прикажи нас всех добить. Наши деревенские власти ничего не хотят делать, совсем запугали всех. Пусть убивали бы совсем, так лучше было бы, чем так мучить. Вся надежда на тебя, товарищ Сталин, помоги нам, мы по занапрасну страдаем. Сколько лет мы работали и тут вдруг не нужны стали. Прости меня, бедную бабу. Великое горе и нищета пишет тебе это письмо. *Крестьянка деревни Сумки Елена Федосеева*» (ПАКО, ф. 75, оп. 1, д. 115, л. 6).

Это письмо — крохотная часть трагического, мучительного, не услышанного никем крестьянского протеста, и с каждым днем, с каждым месяцем, с каждым годом таких безнадежных протестов становилось все больше и больше.

С другой стороны, энергичные и неожиданные экспроприации 1928 г. дали блестящие результаты. В деревне, накопившей за несколько относительно благополучных лет запасы, было что брать. Пленум ЦК ВКП(б) в апреле 1928 г. не без гордости отметил: «Мероприятия партии, в известной своей части носившие чрезвычайный характер, обеспечили крупнейшие успехи в деле усиления хлебозаготовок. С первого января по первое апреля удалось заготовить 110 млн пудов, больше, чем за тот же период прошлого года, то есть почти полностью наверстать потерянное» [*Коллективизация*, с. 44–49].

Это постановление демонстрирует низшую ступень экономического мышления. «Удалось заготовить», да еще больше, чем в прошлом году! Так радовался, вероятно, первобытный собиратель, которому удалось повалить дерево и обобрать плоды. Победа подталкивала к движению в том же направлении. Пленум постановил: «Не успокаиваясь достигнутыми успехами, продолжать кампанию с неослабным вниманием» [*Коллективизация*, с. 44–49].

Но в партийном руководстве не все радостно восхищались «поразительными успехами». Заместитель министра финансов Моисей Фрумкин обратился с письмом к ЦК партии, предупреждая, что политика хлебозаготовок и наступления на кулака ведет страну к голоду. В более мягкой форме эти взгляды разделяли многие руководители партии и страны, получившие название «правой оппозиции». На июньском пленуме ЦК 1928 г. правым на короткое время удалось победить. Было заявлено, что политика НЭПа продолжается,

чрезвычайные меры заготовок зерна были названы «административным произволом». Была предписана «немедленная ликвидация практики обхода дворов, незаконных обысков и всякого рода нарушений революционной законности. Немедленная ликвидация всех и всяких рецидивов продразверстки» [*Коллективизация*, с. 60–64].

Однако главного сделано не было: Сталина не отстранили от контроля над партийными кадрами, давление на кулака не было прекращено, не был осуществлен возврат к рыночным ценам. Это позволило Сталину, не считаясь с решениями пленума, проводить прежнюю политику и с помощью закулисных маневров, шантажа и угроз перетащить на свою сторону некоторых партийных руководителей. За сохранение Сталина на его посту выступили Калинин, Ворошилов, Рудзутак, Куйбышев и украинские лидеры (Косиор, Петровский, Чубарь), входившие в то время в узкий круг партийного руководства, принимавшего основные решения[1]. Возможно, этим объясняется снижение размера заготовок на Украине, семенная и продовольственная помощь, отсрочка в погашении ссуд и ряд других разумных мероприятий, вызванных плохим урожаем 1928 г. в республике — 138,8 млн ц при 186,7 в 1927 г. (СЗ. 1928. № 43. С. 388; № 44. С. 400; № 56. С. 497; [*Народне господарство*, 1935, с. 245]). Но эти и другие разумные меры не могли изменить наиболее важного для села факта — принудительного изъятия зерна и повышенного налогового давления на зажиточных крестьян. Нажитая тяжелым трудом собственность оказалась более опасной, чем кража. Крестьянин увидел, что нельзя хорошо работать, расширять посевы, иметь несколько лошадей, коров или сельскохозяйственные машины. За все это можно попасть в категорию эксплуататоров, налоги которых превышают не только доход, но нередко и стоимость всего крестьянского имущества, так что неизбежными становятся арест и суд.

Сельское население ответило на принудительное изъятие зерна уменьшением площади посевов, сокращением поголовья скота, прекращением использования наемного труда (даже пастухов и нянек), продажей или выбрасыванием сельскохозяйственных

---

[1] Каменев записал разговор с Бухариным в те дни: «В общем впечатление обреченности. Не есть ли вся наша “буза” онанизм. Иногда я говорю Ефиму (секретарь Бухарина Цейтлин. — *С. М.*), не безнадежны ли наши дела? Если страна гибнет — мы гибнем. Если страна выкручивается, Сталин вовремя поворачивает, и мы тоже гибнем. Что делать, что делать, когда имеешь дело с таким противником: Чингизханом» (Обозрение. 1986, янв. № 18). О трагических перипетиях партийной борьбы см. [*Данилов*, 2011, ч. 1–2; *Коэн*, с. 254–287].

машин, отказом от земли, бегством в город. Мечта сельского жителя иметь доходное хозяйство превращается в прямую противоположность — желание не иметь посева, быть безлошадным, безземельным, сторожем, лесником, разнорабочим. Еще лучше — партийцем, комсомольцем, сельским администратором, продавцом в кооперативной лавке. Паника крестьян не была напрасной, наличие даже неработающей сеялки окажется вскоре поводом для повышенного налога, конфискации имущества, а затем и депортации. Но чем больше падало производство зерна, тем сильнее власти давили на деревню, стараясь его получить. Хлеба не хватало.

Цена ошибки

Заканчивая описание первой стадии коллективизации, нельзя не задуматься над вопросом, а что было бы, если... В данном случае этот вопрос не кажется бессмысленным. Дело в том, что фантастический эксперимент был проделан и результаты его известны. Вопрос, таким образом, сводится не к изучению чего-то необычного, а, напротив, к рассмотрению нормальной ситуации, если бы жизнь в селе продолжалась как прежде (табл. 1.3).

В 1927 г. разрыв рыночных и заготовительных цен на пшеницу составлял на Украине 3,83 руб. за центнер [*Економічні відомості*, с. 115–116]. Таким образом, выигрыш правительства от успешного изъятия 17,6 млн ц оказался примерно равен 67 млн руб. (как максимум, так как снижение цен при больших закупках неизбежно). Это не так уж много по сравнению с обычными затратами государства на сельское хозяйство в 1927/28 г. — 771 млн руб. (из них 20 млн на колхозы, 43 млн на борьбу с засухой, 33 млн на переселение и т. д.) [*Коллективизация*, с. 30–41].

Каков же был убыток в хозяйстве страны от этой «удачной» экономии? Посевные площади в течение 5 лет (1923–1928) ежегодно росли как в целом, так и под зерновыми культурами. В среднем за пять лет посевы зерновых увеличивались на 3,2 млн га в год. Фактически в 1928 г. площади сократились на 2,5 млн га, а в 1929-м выросли только на 1,2 млн га., Доходность одного гектара, по данным налогообложения 1927/28 г., составляла 40 руб. Следовательно, убытки от сокращения роста площадей под зерном составили в 1928 г. 220 млн руб., а в 1929 — 192 млн. Аналогично рассчитаны потери доходности от животноводства (табл. 1.3).

Убытки от «крупнейшей экономии» составили за два года 1126 млн руб. Обычный налог с сельского хозяйства был равен

Таблица 1.3. **Изменения параметров сельского хозяйства СССР в 1928–1929 гг. при сохранении прежних условий развития**

Годы	Фактические	Предполага-емые	Разница	Стоимость потерь, млн руб.
		Посевы в год		
1923–1927	3,2	—	—	—
1928	−2,5	3,2	−5,7	228
1929	1,2	6,0	−4,8	192
		Лошади		
1923–1927	1,8	—	—	—
1928	0,5	1,8	−1,3	29
1929	−1,1	3,6	−4,7	103
		Крупный рогатый скот		
1923–1927	3,7	—	—	—
1928	−1,9	3,7	−5,6	101
1929	−9,5	7,4	−16,9	304
		Овцы и козы		
1923–1927	7,8	—	—	—
1928	0,1	7,8	−7,7	15
1929	−13,7	15,6	−29,3	59
		Свиньи		
1923–1927	2,3	—	—	—
1928	−2,6	2,3	−4,9	29
1929	−7,8	4,6	−12,4	74
		Итого потери		
1928	—	—	—	402
1929	—	—	—	732

Примечание. При расчете данные округлены до млн. Посевы в млн га; скот — млн голов.

Источники: Известия ЦИК Союза ССР и ВЦИК. 1927. 3 апр. (№ 76); [*Данилов,* 1977, с. 284, 298; *Прокопович,* с. 206, 210].

10%, так что просто в результате сбора налогов в первые же годы государство вернуло бы себе расходы на закупку зерна по рыночным ценам и в дальнейшем продолжало бы ежегодно получать заметную прибыль. Не приходится говорить, что и сама произведенная продукция (зерно, мясо, молоко) была бы не лишней. В действительности мы рассмотрели только часть потерь. Снизился рост

технических культур и огородного хозяйства. Многие десятки, если не сотни, миллионов рублей были утеряны в результате разорения по суду 160 тыс. крестьянских хозяйств, распродажи или уничтожения сельскохозяйственного инвентаря.

Наконец, нужно упомянуть косвенные потери от усилий государства по изъятию хлеба при проведении заготовительной кампании. Десятки тысяч горожан участвовали в обысках, вместо того чтобы заниматься производительным трудом. Десятки тысяч людей арестовывали, судили, охраняли кулаков, не говоря уж о том, что труд этих сотен тысяч квалифицированных земледельцев также использовался не по назначению.

Можно сказать, что «удачное приобретение», сделанное Политбюро зимой 1928 г., давшее экономию в 67 млн руб., уже в ближайшие два года принесло прямые убытки в 1–1,5 млрд руб., а вместе с косвенными расходами государство недополучило два с лишним миллиарда. Потери от этой операции с каждым годом продолжали нарастать, а экономический дикарь, окрыленный успехом, бросился преумножать богатство теми же методами.

Глава 3. ВЕЛИКИЙ ПЕРЕЛОМ

— Я полагаю, спору нет,
Вам все ж видней, партейному:
Скажите мне, на сколько лет
Такая жизнь затеяна?..

.....

— Сначала только на пять лет.
— А там?..
— А там — на десять лет.
— А там?..
— А там — на двадцать лет.
— А там?..
— А там — навечно.
— И это твердо, значит?
— Да.
— Навечно, значит?
— Навсегда...

Александр Твардовский.
Страна Муравия

«Успехи партии» в 1928 г. в ходе хлебозаготовок были решением одной части задачи, вторая часть заключалась в том, чтобы увеличить производство зерна в стране. Увидев, что по мере усиления давления на производителя продовольствия становится все меньше (эффект шагреневой кожи), правительство решило пойти на крайние меры: полностью взять под свой контроль все сельскохозяйственное производство и распределение, создав крупные высокопроизводительные коллективные хозяйства. В ряде районов и округов этот процесс начался уже во второй половине 1929 г. А зеленый свет сплошной коллективизации был дан ноябрьским пленумом ЦК партии того же года.

Принимая это решение, советские руководители расставались с одним из своих самых устойчивых представлений — что крупные коллективные хозяйства немыслимы без механизации. Ленинские 100 тыс. тракторов кочевали по страницам партийных постановлений как светлая перспектива и очевидная необходимость. Тракторов не было и 10 тыс., и они использовались в совхозах. Новые колхозы должны были стать крупными хозяйствами без тракторов. Другой переменой, очевидно не совсем отчетливо понимаемой делегатами пленума, было изменение отношений

между колхозами и советской властью. Перед коллективизацией колхозы и совхозы были любимыми детьми. Они получали львиную долю техники, кредитов, семенной и продовольственной помощи, выгодных заказов и прочих благ. Массовое колхозное движение неизбежно должно было уничтожить эти привилегии — кредитов, техники, а тем более помощи на всех хватить не могло. Напротив, давление на деревню, требование поставок зерна во всевозрастающих размерах ложится теперь на колхозные плечи. Балованному сынку суждено с этой минуты стать главным работником, с которого и весь спрос. Важным решением с далеко идущими последствиями было создание всесоюзного Наркомата земледелия. Тем самым национальные республики теряли контроль над самой «широкой» отраслью производства — сельским хозяйством.

Вопросами о темпах коллективизации, типах коллективных хозяйств и необходимых ресурсах занималась комиссия во главе с наркомом земледелия Я. А. Яковлевым. Скрепя сердце организаторы отказались от коммуны, оставив ее в качестве идеала на будущее. В колхозы объединялась земля, мертвый и живой инвентарь, хозяйственные постройки, товарно-продуктивный скот. Какие именно домашние животные подпадают под это определение, местным властям позволялось решать самим. В качестве премии колхозы получали имущество раскулачиваемых жителей села. Для организации колхозов было решено послать 25 тыс. рабочих и мобилизовать все активные силы деревни: советы, молодежь, бедноту, сельскую интеллигенцию и т. д.

Сталин лично отредактировал рекомендации комиссии, сократив сроки, убрав предостережения против насилия, а также утверждение, что коллективизация не цель, а главное средство подъема производства. Перед местными партийными и советскими руководителями создание коллективных хозяйств было поставлено именно как главная цель.

И процесс пошел. Обещания вступающим в колхоз светлой и счастливой жизни, машин, тракторов, снижения налогов, а в случае отказа — угроза повышения налогообложения, исключение из кооперативов, конфискация земли, избиения, распродажа имущества... Страшная судьба арестованных и депортируемых соседей ослабляла сопротивление сельского жителя. Он чесал в затылке, резал потихоньку корову или овцу, говорил что-нибудь самоутешительное вроде «Против рожна не попрешь!» — и записывался в колхоз. Практически от этого в первый момент мало что

менялось. Почти нигде не было больших скотных дворов, поэтому «колхозные» лошади и коровы оставались под расписку у прежних владельцев. Перенесение инвентаря на общие площадки не очень печалило, а обязанность ходить на собрания, слушать приезжее начальство всегда признавалась сельским жителем.

Совсем иначе это согласие воспринималось в партийной среде. Это была победа, прежде всего уполномоченного по коллективизации, он ставил в своем списке галочку и увеличивал цифру охвата. Эта цифра тут же входила в сводки района, округа, области, края, республики и вскоре ложилась на широкие столы членов Политбюро. Они рассматривали цифры, следили за темпами роста, хвалили передовых бойцов и ругали отстающих. По всей стране шло отчаянное соревнование партийных аппаратов всех уровней, всем хотелось оказаться в передовиках, отличиться в изнасиловании тугодумного крестьянина, заслужить похвалу, награду, продвижение по службе. «Вам же лучше будет!», чередующееся с «Пеняйте на себя!», можно было услышать в любом захолустье. А в мозгу у активистов стучало: «Или сто процентов, или партбилет!» Декадные сводки по стране отражают эту бешеную энергию партийных чиновников, утешающих себя тем, что в будущем «эти дураки спасибо скажут», и упорное отчаяние селян, жуткий страх, принуждающий их к шагу в неизвестное. На всех партийных уровнях коллективизация проводилась по принципу «аппетит приходит во время еды». Так, ЦК КП(б)У 27 декабря 1929 г. постановил, что посевные площади республики в 1930 г. будут коллективизированы на 35%, а через два месяца он же решил полностью завершить коллективизацию в Степи к весне, а по всей Украине — к осени 1930 г. [*Історія коллективізації*, т. 2, с. 224, 345–346; *Голубничий*; *Ильиных*].

Вступление за четыре месяца в колхозы 930 тыс. хозяйств (по 7,8 тыс. семей в день), позволило товарищу Сталину констатировать, что «в колхозы пошел середняк» [*Сталин*, т. 12, с. 132]. После ноябрьского пленума скорость увеличилась в четыре раза, меньше чем за три месяца, к 20 января, в колхозы вошло 3,5 млн хозяйств — середняк побежал. Но после принятия решения о депортации кулаков началась настоящая гонка. Бег переходит в немыслимый галоп. По 10% в декаду, по 250 тыс. семей в день. Крестьянин несся к светлому будущему с вытаращенными от испуга глазами, теряя по дороге инвентарь, скот и членов семьи. По бокам, подстегивая это и без того стремительное движение, бежали сельские активисты и рабочие-«двадцатипятитысячники». Сзади,

подталкивая мужика в спину, семенили представители райкома, на финише республиканские, окружные и краевые вожди едва успевали ставить галочки.

В предварительном забеге соревновались Нижняя Волга и Северный Кавказ. До середины февраля Северный Кавказ был впереди, и не случайно ему первому был разрешен вывоз кулаков на север, а его первый секретарь А. Андреев перешел с повышением на работу в центр. Но в двадцатых числах февраля положение меняется. Вперед вырывается ЦЧО, за ней по пятам несется Башкирия, настигаемая Татарией и Московской областью. К 10 марта на финишной прямой впереди Башкирия. Это было нарушением решения партии о первоочередной коллективизации главных зерновых районов. Но, с другой стороны, руководителей потребляющих областей можно понять. Большим зерновым регионам достаются и кредиты, и техника, и места в ЦК. А тут наконец честное соревнование, как не проявить себя, как не постараться доказать, что ты тоже кое-что умеешь.

И вдруг движение останавливается. По инерции самые непонятливые еще делают несколько шагов вперед, но остальные топчутся на месте или поворачивают обратно. В начале апреля на первое место чуть не выскочил Казахстан, руководители которого, видимо, никак не могли осознать, что соревнование отменяется. Отбой. Не веря своему счастью, крестьяне бросаются обратно. Двое из трех колхозников изменяют светлому будущему повсеместно, а в таких регионах, как Татария, ЦЧО, Московская область, разбегаются девять из десяти. Почему, взяв крепость штурмом, победители отступили? Испугались ли многочисленных крестьянских бунтов в разных концах страны? Срыва весеннего сева? Внутрипартийного переворота? Почувствовали, что процесс выходит из-под контроля? Возможно, все эти факторы внесли свой вклад в сталинское «головокружение от успехов».

Виновными, конечно, оказались местные низовые партийные работники. Перегибами было признано наступление на церковь, попытка полного обобществления хозяйств, прямое насилие, большое число раскулаченных и т. д. и т. п. Тысячи активистов, энергично выполнявших партийные решения, были отданы под суд [*Советская деревня*, т. 3, кн. 1, с. 344; *Трагедия*, т. 2, с. 479–480]. Среди пряников, врученных селу, было признание урожая озимых, засеянного бывшими единоличниками, их собственностью (за вычетом заготовок и семенного фонда артели). Колхозникам обещали оплачивать работу не только деньгами, но и зерном,

выделив для этого 5% урожая. Распоряжение было подписано самим И. Сталиным 10 апреля 1930 г. [WKP 193, 196].

Новое наступление началось осенью 1930 г. Оно шло не так быстро, но непрерывно. Повышенные налоги, установление высоких норм сдачи зерна (твердое задание), административные угрозы заставляли крестьян понемногу возвращаться в колхозы, на этот раз навсегда. Уровня коллективизации марта 1930 г. (15 млн хозяйств) страна достигла лишь через несколько лет, когда после страшного голода полностью изменилось социальное и экономическое положение жителей деревни.

Кулаки и «партейцы»[1]

Одновременно с организацией колхозов проводилась кампания изгнания из деревни и «уничтожения как класс» так называемых кулаков. Признаками кулацкого хозяйства считались применение наемного труда, наличие мельницы, маслобойни или других сельскохозяйственных машин, имеющих механический двигатель, доход хозяйства, превышающий 1500 руб., больше 300 руб. на душу. (Следует заметить, что эта цифра примерно соответствовала зарплате среднего городского рабочего, который при этом платил меньше налогов и не имел никаких производственных расходов.) В то же время треть бедняцких хозяйств была вообще освобождена от налогов (СЗ. 1929. № 34. С. 301; [*Залесский*, с. 87; *Марыхин*, с. 38, 40]). К моменту расправы кулаки были уже не деревенскими богачами, а бедными, погрязшими в долгах перед государством, лишенными прав, гонимыми местной администрацией, работящими многосемейными мужиками.

Комиссия Молотова по раскулачиванию 30 января 1930 г. выпустила инструкцию по ликвидации этих кулаков. Их разделяли на три категории. Первая — опасные враги, «контрреволюционный актив» (60–80 тыс.), их арестовывало ОГПУ и приговаривало к заключению в лагеря или расстрелу. Это была профилактическая мера, изъятие из деревни лиц, которые могли бы возглавить сопротивление. Вторая — «кулацкий актив» — наиболее успешные хозяева, они подлежали выселению в отдаленные районы страны (на север, на Урал, в Сибирь, в Казахстан). Всего намечалось выслать 245 тыс. семей. Списки высылаемых составлялись администрацией районов и утверждались

---

[1] Проблеме разделения деревни в начале коллективизации посвящен сборник документов Смоленского архива [*Максудов*, 1987а].

тройками руководителей округов. Третья категория (остальные кулаки) переселялась на плохие земли в границах региона.

Кампания готовилась как военная операция. Сельским активистам, коммунистам, комсомольцам и рабочим-«двадцатипятитысячникам» были розданы наганы, составлены списки лиц, подлежавших предварительному аресту и высылке на север. Примерно 5% всех крестьянских хозяйств подлежали раскулачиванию, то есть полному ограблению, изъятию практически всего хозяйства и депортации независимо от возраста, пола, состояния здоровья либо далеко на север, либо не так далеко, на границы региона, на плохие земли, где они должны были начать жизнь заново. Следует заметить, что вся эта кампания раскулачивания (уничтожения кулака) была абсолютно вне рамок закона. Люди, бывшие до вчерашнего дня законопослушными гражданами, вдруг арестовывались, приговаривались без следствия и суда к смертной казни или полной конфискации имущества, ссылке вместе с малолетними детьми в необжитые края. Такого не происходило даже в годы революции и Гражданской войны, даже по отношению к открытым врагам советской власти, к лицам, причисленным к крупной буржуазии. Наказание за самые серьезные преступления никогда раньше не распространялось на детей и престарелых родителей.

У кулаков изымались земля, постройки, инвентарь, скот, денежные накопления в сберкассах, паевые взносы в кооперацию и практически все домашнее имущество. Принимать кулаков в колхозы было категорически запрещено [*Ивницкий*, 1972, с. 194–233].

Задание по раскулачиванию было с восторгом встречено местными партийными работниками. Оно повышало их значимость, позволяло расправиться с деревенскими оппонентами, воспользоваться чужим имуществом. Руководители всех уровней стремились к увеличению квоты на раскулачивание, сверх размера, предписанного правительством. Газеты изображали кулаков злобными коварными врагами, не заслуживающими снисхождения. И во многих случаях местные власти так с ними и поступали[1]. Инструктор

---

[1] В Смоленском архиве содержится множество примеров того, как к кулакам необоснованно (даже по мнению властей) относили людей из-за наличия сломанной сеялки, найма соседней девчонки для присмотра за малолетними детьми во время полевых работ и т. п. Блестящий пример абсурдности такого подхода дал Андрей Платонов в повести «Котлован». Ручного медведя водят по деревне, у чьих ворот он останавливается, те хозяева и подлежат раскулачиванию как эксплуататоры медвежьего труда. В конце концов кулаков сажают на плот и отправляют вниз по течению реки в море-океан.

обкома Западной области еще в самом начале кампании, в октябре 1929 г. сообщал начальству: «Мне пришлось крепко повоевать сегодня на тройке. Отдельные ребята, вдаваясь в детали, скатываются к осторожности: “не взять больше”, “не обидеть”, а это уже пахнет сам понимаешь чем. Сам секретарь райкома Шкляров, давая сегодня политическую установку наступления на кулака, впал в филантропию. Его установка нажимать, но оставлять на посев, на прокорм семьи, детей подсчитывать, излишки. Это, по сути дела говоря, забота о кулаке, а не нажим на него. Я так это здесь и формулировал и говорил: “Когда наступаешь — не жалей, не думай о голодных кулацких детях, в классовой борьбе филантропия — зло”. Нужен нажим на кулака самый беспощадный» (WKP 122).

Картины принудительных заготовок и раскулачивания-ограбления описывают очевидцы из самых разных концов страны. Вот обычный разговор председателя колхоза и уполномоченного района: «Кулаков, какие у нас были, мы выселили — всех! Девять семей. По программе партии. У кого более одного плуга в запряжке, лишние коровы, молотилка с движком либо частная торговля в прошлом. Это никуда не обойдешь, раз ликвидация как класса. У Ефрема Нагайкина, бывшего красного комэскадрона, к примеру, триер появился, и пять пар быков за время НЭПа подросло, как его не выселить, дурака? Выселили! А дальше, товарищи, уже работать надо. Пахать, сеять, траву косить, скирдовать. — По мартовской разнарядке... — кашлянул уполномоченный, — по вашей станице — недобор 25 хозяйств! Указание окружкома!» [*Знаменский*, с. 118].

Для сельского актива, комсомольцев, коммунистов и люмпенизированной части деревни коллективизация была тяжелой и изнурительной работой, а раскулачивание стало заманчивым и увлекательным занятием, подлинным праздником. Самые низкие инстинкты: корысть, жестокость, зависть — получили законную возможность реализации. В архивах и сборниках документов рассказывается о тысячах случаев так называемых перегибов, чудовищных зверствах, насилии, издевательствах над людьми, напоминающих еврейские погромы и эпизоды Варфоломеевой ночи. Женщины и дети рыдали, старики не могли стронуться с места, мужчины бросались с вилами навстречу вооруженным грабителям. Вот одна из сотни тысяч подобных историй.

В селе Борисовка Никопольского района Украины противником коллективизации оказался бывший красный партизан, герой Гражданской войны Трубчанинов. Для жителей села он был непререкаемым авторитетом. Его вызвали в район и по дороге

арестовали, после чего группа активистов явилась в дом Трубчанинова. Его жена с семимесячным ребенком на руках бросилась на уполномоченного Буланова и стукнула его по лицу так, что у того хлынула кровь из носа. Тогда он вырвал ребенка у матери и силой швырнул его во двор в снег. У того произошло выпадение прямой кишки, и он почти сразу умер. Тут же был составлен акт о том, что жена контрреволюционера сама со злости бросила ребенка, так как хотела зарубить топором уполномоченного. Весь сельский актив подписался под этой бумагой. За несколько часов имущество Трубчанинова было разграблено, и только мать с мертвым ребенком остались в пустом доме. Через два дня Борисовка была коллективизирована на 100% [*Голод 1933*, 1963, с. 51–52].

Подобные картины можно было увидеть повсюду. Вооруженные активисты, уполномоченные, партийцы и комсомольцы врывались в дома, глумились над хозяевами, выгоняли их на улицу, устраивали пьяные оргии, делили на глазах у беспомощных владельцев годами нажитое имущество: «Пей, ешь, гуляй! Все наше, все позволено!» Сводки ОГПУ, направляемые партийному руководству из самых разных уголков страны, сообщают о насилии и жестокостях, сопровождающих раскулачивание. Неслучайно в это время появляется в таких сводках новый раздел: «Самоубийства кулаков» [WKP 200]. Вот несколько выдержек из регулярной сводки ОГПУ по Западной Сибири:

«В деревне Косаревой Ирбитского округа в качестве уполномоченного по коллективизации работает член ВЛКСМ Малков, который продержал всю деревню на общем собрании девять суток, арестовав при этом 11 человек, из них семь выслал из деревни. Не вступивших в колхоз заставлял освещать фонарями улицы деревни в ночное время...

Тюменский округ, Ново-уфимский район. Избач Иванов и учитель Пульников пытали батрачку Матвееву, заподозрив, что она скрывает имущество кулаков. Они вывели ее на пруд, где угрожали ей расстрелом, а затем опустили ее головой в прорубь и держали до потери сознания...

Курганский округ, Лопатинский район. Осипова поставили на стул, надели на шею шнурок от креста, привязали шнурок к гвоздю на стенке, убрали из-под ног стул с целью повесить. На вопли двух женщин из кулацких хозяйств издевались над ними, ставили к стенке, угрожали расстрелом. Секретарь партячейки пытался изнасиловать Павлову. После Павловой занялся тем же самым с Езовской Верой» (ГАТО, ф. 865, оп. 2, д. 2, л. 43).

Судьба кулаков

Василий Сапожников рассказывает, как раскулачивал в сибирской деревне его отца, засевавшего до 200 десятин земли, Ингушка Плюхин, сеявший только подсолнухи на огороде. Автор вспоминает, как выбрасывали из сундука на пол вещи матери, как соседки хватали кто что успела и тут же начинали примерять материнские юбки. Помнит, как избивали отца при аресте. Он пишет:

«Летом двадцать девятого весь мой клан был согнан с родных пепелищ с детишками и стариками, под вооруженной охраной посажен на баржи и отправлен вниз по Оби в Нарым. Ту баржу, где плыли мои родные, чьей-то волей высадили на обский песчаный остров, и все они той же зимой на том голом острове нашли покой: мой дед по матери, дядья, мужики здоровенные, но смирные, тетки, все мои двоюродные браться и сестры.

Я тогда остался жив по чьему-то недосмотру, потому что мать перед посадкой на баржи убежала, прихватив меня, в бор, а зимой увезла в Кузбасс. Мы поселились в совхозном общем бараке, где все было общее: нары, чашки-ложки, клопы и вши и даже эпидемия тифа. Четыре недели я провалялся в беспамятстве, и когда я очнулся, оказалось, что все барачные дети умерли, остались в живых лишь мы вдвоем с девчонкой по имени Парунька, которая ела известку» [*Сапожников*].

О судьбе высаженных с барж написал Олег Волков:

«К весне перемерло более половины всех новоселов. Но само собой сколотилась группа тех, кто поздоровее и крепче духом, кто решил во что бы то ни стало не поддаваться, выжить. Сплотились, стали валить лес, рубить поначалу зимовья, позже обращенные в баньки, подбадривать других — не давали опустить руки. Нашлись умевшие ладить с начальством, выколачивать нужное, добиваться продовольствия, материалов, а потом семян.

Выжила всего, как определял председатель, пятая часть высаженных с барж в тайгу: поумирали дети, смерть косила стариков, гибли беглецы, морозились, мерли от поносов, простуд, разных воспалений — лечить было нечем, негде и некому. А уцелевшие, не растерявшие свои вековые крестьянские навыки, стали прилаживаться к нерожающей таежной земле» [*Волков О.В.*, с. 316–318].

А вот другой рассказ о таком же событии, но в другом конце страны:

«До сих пор вижу этот день: зима, мороз, мне семь лет, братьям, сестрам — кому больше, кому меньше, нас шестеро детей, мы

идем 15 километров на станцию Курган... Бабушки Аня и Фрося умерли на чужой кухне. В Кургане несколько дней мы жили под открытым небом, нас много было на этой земле, раскулаченных, ни медиков, ни столовой, никакого благоустройства. Потом подошел состав из "телячьих" вагонов, и нас погрузили. По дороге люди умирали. Конвоиры приходили на остановках, проверяли, не сбежал ли кто» [Огонек. 1988. № 8].

Планы по выселению кулаков на север повсеместно перевыполнялись: с глаз долой — из сердца вон. И осенью 1929 — зимой 1930 г. двигались эшелоны и баржи в тайгу, тундру, на необитаемые острова, на лесоповал. В течение четырех лет туда вывозились все новые и новые семьи хлеборобов[1].

Всего в 1929–1932 гг. было выслано в отдаленные районы страны около 2,5 млн крестьян. В местах ссылки погибли сотни тысяч. Еще два с лишним миллиона были ограблены и выгнаны из родных деревень или предусмотрительно бежали оттуда.

Не все сельское население участвовало в раскулачивании или было настроено против кулаков. Депортируемым устраивали проводы, оставляли у себя их детей и престарелых родственников, а порой даже решались на открытое противостояние властям. Например, в селе Началове Астраханского округа Нижневолжского края в ответ на выселение 26 семей ударили в набат, крестьяне сбежались на площадь, убили шестерых и ранили 10 активистов, преимущественно коммунистов, проводивших выселение. Выступление, как и сотни других, было жестоко подавлено [*Ивницкий*, 1972, с. 236; *Медведев*, с. 9–29].

И среди проводивших коллективизацию партийных работников находились люди, для которых картины происходившего были невыносимы. Одним из них оказался фабричный рабочий из города Иванова Александр Шевченко, посланный в Холмский район Западной области для колхозного строительства. Через 11 дней после приезда в деревню он покончил с собой, оставив записку: «Товарищи, простите меня за этот поступок, пока больше не мог ничего сделать, так как выходу нет. Я не трус и не робок, достоинства рабочего не замарал. Но когда я окунулся в деревню, то я вижу, что здесь другое, что нам говорили — этого нет в деревне» [*Максудов*, 1984, с. 227–235).

---

[1] Оценка численности депортированных в 1930–1931 гг. (2–2,5 млн человек), сделанная по публикациям советских историков 1960-х годов и материалам Смоленского архива [*Максудов*, 1989а, с. 26–53], подтвердилась с открытием российских архивов. По данным ОГПУ, было выслано в эти годы 2 437 062 человека [*Советская деревня*, т. 3, кн. 1, с. 771–772].

Покончил с собой и начальник исполкома Котельничевского района Полтавской области Петр Братошевский, разослав своим партийным товарищам письмо: «Нет больше сил так постыдно издеваться над своим народом. Лучше умереть» [*Сова*, с. 15].

Третья категория

Самая «легкая» третья категория, выселяемая за пределы района прежнего обитания, находилась также в крайне тяжелом положении, эти люди оказались париями, неприкасаемыми, лишенными каких-либо законных средств существования. Лишь в нескольких районах им действительно отвели участки земли, но без лошадей и сельскохозяйственных машин их невозможно было обрабатывать. Кулаки пытались спрятаться, устроиться на работу в городах, на стройках, в колхозах и совхозах в других районах страны. Сотрудник одного из районных отделений ОГПУ Украины сообщает: «Немало раскулаченных на Николаевщине кулаков выехало из сел и окопалися на заводах и шахтах. Недавно кулак Шульга прислал селянину Антоновской сельрады письмо из Донбасса, где спрашивал, что делает сволота в сельраде, приглашал: „Приезжайте ко мне, тут нашей братвы немало. Мы тут барствуем“. Следует указать, что из того же села кроме Шульги уехало в Донбасс еще 9 кулаков» *(*Архив Украинского института, Эдмонтон, Канада).

До чего надо довести крестьянина, чтобы работа на шахте показалась ему замечательной, барской жизнью! И до чего надо опуститься государству, чтобы и на шахте продолжать преследовать крестьянина, не давая ему жить и работать спокойно.

Нелегко было и раскулаченным, которые не могли оторваться от родных мест и пытались пристроиться где-нибудь по соседству. Вот типичная картина того времени, рассказанная женой поэта Надеждой Яковлевной Мандельштам, оказавшейся вместе с мужем в ссылке в Воронеже: «Под вечер мы выехали на поляну, где торчала еле заметная землянка. Впервые за день директор проявил прыть: вместе с шофером и тремя рабочими, ехавшими с нами в кузове, он выскочил из машины, бросился к землянке, залез на крышу и поднял пляс. Рабочие в шесть рук принялись разносить землянку ломами... Первой поддалась крыша, что-то грохнуло, и из землянки начали гуськом выползать люди с вещами. Одна из женщин вынесла прялку, другая швейную машинку... Последней из землянки вышла женщина, — там ютились старики, женщины и дети, — в таком же ослепительном белом сарафане, как

другие, а на руках у нее сидел заморыш, живой трупик, безволосый, с морщинистыми, с зеленоватыми отростками вместо рук. Он всегда стоит у меня в глазах, как символ — чего? Жизни, действительности, реальности и всеобщей, в том числе и моей, жестокости» [*Мандельштам*, с. 327–329].

Мы видим, что крестьянская семья не просто ограблена, осталась без земли, скота, у нее отнят дом, и ее пытаются лишить места под солнцем в буквальном смысле этого слова. Людям, изгоняемым из землянки, нет места на родной земле. Они покорно подчиняются насилию, и рассказчица надеется, что они выживут, власть так или иначе включит их в свою систему полезной для государства деятельности, как оно приспособило и саму Надежду Яковлевну. Директор, испытывая некоторое чувство неловкости, объясняет свое поведение распоряжениями сверху. Рабочие послушно выполняют приказ, зарабатывая себе право на существование. Надежда Мандельштам замечает, что они с мужем также являются соучастниками преступления, поскольку молчат, понимая, что протесты не помогут, а их положение ухудшится.

И восстал брат на брата

Одним из печальных последствий раскулачивания было ожесточенное противостояние борющихся сторон: города и села, молодежи и старшего поколения, крестьян и рабочих. Линия раскола порой разрывала дружные, традиционно крепкие деревенские семьи. Вот одна из множества подобных трагических историй. Кузнец Трифон Твардовский был сослан вместе с женой и пятью детьми на Северный Урал. Его сын Иван рассказывает, что в таежном поселке выжить было практически невозможно. Местное население относилось враждебно — и потому, что голодные переселенцы не так умелы в работе в лесу, и из-за говора, отличавшегося от местного, и, главное, из-за пропаганды против кулаков.

«Отношение к спецпереселенцам усугублялось еще и тем, что звучавший повсюду лозунг: “Ликвидировать кулачество как класс!” многими из низовых руководящих работников был понят в том смысле, что все позволительно по отношению к спецпереселенцам, которые в массе своей голодали, болели сыпным тифом, умирали. Убежденное пренебрежение и равнодушие к спецпереселенской молодежи и даже к детям горечью накапливалось в душе, лишало надежд, омрачало сознание. Я никак не мог понять: в чем же моя вина и за что? К нам не было элементарного сочувствия,

никакого милосердия — только жестокость. Каждый случай конфликта на работе заканчивался напоминанием: "Вас ликвидируют... как класс! Ясно?!"»

Убедившись, что на новых местах выжить невозможно, Трифон, взяв с собой тринадцатилетнего сына Павла, бежал из ссылки на родину. Месяц пути в обход деревень и городов и наконец встреча в Смоленске с уцелевшим от репрессий сыном Александром, журналистом, будущим знаменитым поэтом.

«Стоит и смотрит на нас молча. А потом — не "Здравствуй, отец", а — "Как вы здесь оказались?!"

— Шура! Сын мой! — говорю — Гибель же нам там! Голод, болезни, произвол полный!

— Значит, бежали? — спрашивает отрывисто, как бы не своим голосом, и взгляд его, просто не ему свойственный, так всего меня к земле прижал. Молчу — что там можно было сказать? И пусть бы он даже так, только бы Павлуша этого не видел. Мальчишка же только тем и жил, что надеялся на братское слово, на братскую ласку старшего к младшему, а оно вон как обернулось!

— Помочь могу только в том, чтобы бесплатно доставили вас туда, где были! — так точно и сказал» [*Твардовский*, с. 10–31].

Отец от такой «помощи» отказался, не столь политически сознательный дальний родственник отдал ему свою справку (документ, заменявший крестьянам паспорт). Обосновавшись на Урале, Трифон вывел туда одного за другим всех членов своей семьи. Иван вырос, защищал родину на фронтах Великой Отечественной войны. Александр Твардовский описал коллективизацию в поэме «Страна Муравия» и стал впоследствии редактором самого либерального в Советском Союзе журнала. Воспоминание о встрече с отцом и братом мучило его, вероятно, всю жизнь.

Глава 4. РАЗОЧАРОВАНИЕ

Урожай 1930 г., посеянный и собранный еще главным образом единоличниками, оказался хорошим, выше, чем в предшествующие несколько лет[1]. Неплохой урожай и наличие у деревни запасов продовольствия, накопленных в предыдущие нэповские годы, позволили государству заготовить 22,1 млн т зерна (рис. 1.1 на с. 54; табл. 1.4 на с. 58). Меньше этого власти уже никогда не хотели получать, независимо от величины урожая. На полную мощность работала отлаженная машина хлебозаготовок. Государство изъяло в два раза больше зерна, чем удавалось забирать в 1926–1929 гг., и тут же направило четверть урожая на внешний рынок для оплаты закупаемого промышленного оборудования. Это был грандиозный успех, и, естественно, он воспринимался руководством страны как победа курса на коллективизацию. Мечта Сталина о высокой товарности на удивление быстро воплотилась в жизнь.

Однако первый подлинно колхозный урожай 1931 г. принес неутешительные результаты. Оказалось, что урожай не увеличивается автоматически с организацией коллективных хозяйств. Расширив площадь посевов под зерновыми до небывалых размеров (104,5 млн га), больше, чем когда-либо в прошлом и будущем, собрали самый низкий урожай после 1924 г. Но государство нуждалось в большем количестве хлеба для растущих городов, новостроек, специальных групп населения. Рыбаки, хлопкоробы, лесорубы, работники Севера, армия, ГПУ, а теперь еще и спецпереселенцы, недавно бывшие земледельцами, не могли обходиться без государственного снабжения. Кроме того, власти не хотели отказываться от экспорта зерна. Проблема заготовок обсуждалась в конце октября на пленуме ЦК ВКП(б). Микоян объяснил собравшимся, что план экспорта пришлось увеличить из-за потребности в валюте на оборудование для индустрии, а мировой кризис уронил цены на зерно.

---

[1] Официальная цифра превышала даже вершину дореволюционных успехов 1913 г., но статистики ЦУНХУ использовали в своих расчетах оценку урожая на 64 млн ц меньше пропагандистской цифры [*Трагедия*, т. 2, с. 842–865]. Не исключено, что фактический урожай был еще меньше, поскольку с началом коллективизации изменился подход к учету. Если индивидуальный хозяин занижал урожай, то председатели колхозов и партийные работники были склонны его преувеличивать (прил. 17).

Первый секретарь компартии Украины Косиор проявил понимание желания правительства увеличить размер заготовок. Он сказал: «План хлебозаготовок Украины 510 млн пудов... несмотря на то, что мы в прошлом году заготовили на Украине 462 млн пудов хлеба, мы убедились, что у нас в деревне остались значительные товарные остатки прошлогоднего хлеба. Мы, конечно, не можем их подсчитать, но насколько нам удалось это дело прощупать, местами они составляют довольно солидные фонды. Говоря об урожае этого года, я не буду приводить цифр, потому что сколько-нибудь достоверных цифр нет и не может быть на этой стадии... В общем, в этом году урожай несколько хуже прошлогоднего. С другой стороны, в этом году должно быть повышение товарности. Коллективизация в прошлом году у нас равнялась 36%, а в этом году мы имеем почти 70% при условии большого развития совхозов. Если принять во внимание все эти обстоятельства, то план в 510 млн пудов, в особенности после того, когда мы все-таки более или менее крепко и прочно прощупали положение на местах, как теперь принято выражаться, безусловно, реальный и выполнимый без всяких особых жертв со стороны колхозного крестьянства и нашей украинской деревни вообще» [*Трагедия,* т. 3, с. 198–206].

Плохой урожай яровых должен был очень сильно снизить валовой сбор, поскольку в 1931 г. яровые составляли половину всех посевов на Украине [*СС*, 1935, с. 361]. Урожай кукурузы был в СССР действительно неплохой, но на нее приходилось всего 8% всей площади зерновых на Украине. Поразительна убежденность в том, что при неизвестном валовом сборе, безусловно худшем, чем в предыдущем году, можно получить больше зерна из деревни, поскольку стало больше коллективных хозяйств. Это холуйское и безответственное заявление Косиора оказалось роковым. На Украине, не получившей в 1931 г. скидок по заготовкам, голод разразился на год раньше, чем в других регионах, и, естественно, в 1932–1933 гг. он привел к более значительным потерям населения, чем в других зерновых районах, где 1931–1932 гг. оказались в результате снижения размера заготовок более благополучными в этом смысле.

Столь же уверенно эту очень приятную руководству страны мысль Косиора не поддержал ни один из руководителей крупных зерновых регионов страны. Все они ссылались на засуху, указывали на другие трудности, такие как отсутствие транспорта, и просили уменьшить размер заготовок. Когда они пытались обосновать свою просьбу количественно, говоря об урожае или урожайности, это вызывало раздраженные реплики московских руководителей.

Так, первый секретарь Нижневолжского края Птуха сообщил, что рожь дала примерно на полцентнера с гектара больший урожай, чем в прошлом году, но урожайность пшеницы примерно в два раза ниже прошлогодней, овса — в 2,5 раза ниже, ячменя — почти в три раза ниже. В прошлом году урожайность по всем культурам была около 6 ц с гектара, а в этом году при увеличении экспертных данных на 20% получили всего лишь 3,8 ц. В этом месте его иронически прервали.

«*Сталин:* Какая точность!

Птуха: Тов. Сталин, здесь точности нет, потому что мы сделали накидку в 20%. Конечно, точности нет. Но, тов. Сталин, неизвестно, в какую сторону мы ошиблись.

Молотов: Именно неизвестно.

Сталин: Какими точными стали вы за последнее время.

Птуха: Я думаю, что удивляться такому снижению урожайности по Нижней Волге нет оснований, поскольку мы вспомним ту полосу засухи и суховея, которые очень гибельно отразились на состоянии урожая Нижней Волги. В результате каких-нибудь 10 дней необычайной жары мы потеряли колоссальное количество зерна, и наша урожайность колеблется сейчас от полцентнера на границе с Казахстаном и до 9 ц на границе с ЦЧО.

Калинин: А сколько всего посева?

Птуха: 9 млн.

Молотов: Такие цифры, как от полцентнера до 9 ц, ничего еще не говорят. Эти цифры без указания того, к каким площадям они относятся, не дают представления о результатах урожая».

Секретарь обкома Северного Кавказа Шеболдаев выступил с совершенно крамольным утверждением: «Связь хлебозаготовок с распределением доходов непосредственная, ибо прежде всего хлебозаготовки определяют фонд распределения урожая. Кроме того, это сильнейший рычаг в деле самих заготовок. Что мы проделали на Северном Кавказе? Мы, во-первых, выдали 15% причитающегося к распределению продовольственного фонда на отработанные трудодни».

Через год за такие слова и такое распределение зерна Шеболдаев попал бы в саботажники, пособники кулака, а то и хуже — в агенты Пилсудского. Первый секретарь обкома ЦЧО Варейскис не разделял убеждения Косиора в возможной высокой товарности колхозов. Он говорил: «В деревне у нас в громадной степени люди идеализировали колхозы. Идеализировали колхозы в том отношении, что думали: раз колхозы, значит они сами механически

повезут хлеб! Раз есть МТС во главе с нашими партийными директорами, значит эти МТС, по плану обмолачивая хлеб, будут его в строго установленные сроки сдавать. Такое предположение оказалось крупной политической ошибкой, и в известной доле это есть и наша общая ошибка, допущенная в первой стадии организации хлебозаготовок... в колхозах объединяются различные слои крестьянства, а многие колхозы к тому же засорены чуждыми элементами, — недооценка этих обстоятельств, конечно, сыграла очень большую роль и отразилась на ходе хлебозаготовок».

Поставил все точки над i в разговорах об урожаях и размерах заготовок Микоян в своем заключительном слове:

«Товарищи преподносили цифры Пленуму ЦК, как будто это почти святые цифры. Несомненно, на них полагаться нельзя и надо подвергнуть их самому критическому разбору. Вопрос не в нормах, сколько останется на еду и прочее, — главное заключается в том, чтобы сказать колхозам: в первую очередь выполни государственный план, а потом удовлетворяй свой план, чтобы совхозы, а за совхозами колхозы и единоличники план хлебозаготовок выполнили полностью.

Сегодня Политбюро ЦК приняло окончательный план хлебозаготовок, выслушав всех секретарей заготовляющих районов. Поэтому мы должны сказать: никаких дальнейших пересмотров, никаких обсуждений, каждый район обязан полностью выполнить утвержденный план. В некоторых областях засуха оказалась несколько больше, чем мы предполагали, было много утери во время уборки, много хлеба утаили и пропало, и, видимо, его не взять, поэтому принято решение уменьшить план ряду областей по сравнению с тем, что было утверждено, но чтобы этот план был полностью выполнен. Для того чтобы компенсировать это дело и выйти с хлебным балансом, некоторым районам, которые успешно заготовляют, план несколько увеличен. Конечно, это нежелательно. Люди хорошо работают, заготовляют, а теперь им прибавляют. Лучше было бы этого не делать, но нужда нас заставляет некоторым районам дать прибавку, компенсировать падение заготовок в восточных районах» [*Трагедия*, т. 3, с. 200–205].

Осенью 1931 г., еще сильнее надавив на рычаг хлебозаготовок, власти получили больше зерна, чем в предыдущем урожайном году. Заготовки и закупки впервые превысили треть валового сбора и составили 22,8 млн т, из них 5,1 млн т ушли на экспорт. Это также был советский рекорд, лишь в недолгие годы при Хрущеве (1957–1963) вывоз зерна немного превышал эту цифру [*Мошков*, с. 131].

Наркомторг планировал получить в следующем 1932 г. еще больше — 29 485 тыс. т. Советской выделки скатерть самобранка, казалось бы, начала работать.

Недовольство крестьян

Иначе воспринималась эта ситуация сельским населением. Оно было недовольно распределением сельскохозяйственной продукции и начальством, это распределение осуществлявшим. Крестьян заставили вступить в колхозы, сдать туда землю, орудия труда, бóльшую часть скота. Практически они потеряли право распоряжаться выращенным их руками урожаем. Они не имели права покидать без разрешения администрации родную деревню, то есть утратили и экономическую и политическую свободу, а материальное положение их резко ухудшилось. Заготовки и закупки, составлявшие до революции и в 1925–1928 гг. 12–25% урожая, поднялись с началом коллективизации до 30–35%, а после 1933 г. скакнули до 40–50% ([*Страна советов*, 1967, с. 122–123; *НХ*, 1972, с. 216–218; *СХ*, 1960, с. 127, 196–197; *НХ*, 1932, с. 172–173, 336–338]; рис. 1.1; прил. 4–6).

Кроме государства, потребителем зерна с хорошим аппетитом была земля. Расходы на семена росли словно специально, чтобы показать Сталину, что его могуществу есть естественные границы. Происходило это лишь отчасти в связи с расширением посевных площадей, а главным образом из-за падения урожайности. В 1913–1914 гг. на посев ушло 13,5% валового сбора, в 1926–1927 гг. — 15,2%, а в 1933–1936 гг. — 19,9%. Говорящие и мычащие обитатели села безропотно уступали властям и природе свою долю. В 1931 г. на потребление села (без расходов на семена и после заготовок) осталось 30 млн т, почти в два раза меньше, чем было совсем недавно, а в 1932 г. село получило почти на четверть меньше, чем в предыдущем году [*Мошков*, с. 225–230]. Причем следует отметить, что земля и государство получали реальное зерно достаточно высокого качества, а все потери уборки, все погрешности учета падали на остаточную крестьянскую долю.

Государство забирало себе не только зерно. Росли заготовки мяса, молока, яиц, и, словно шагреневая кожа, с ростом заготовок сокращалось производство и стремительно снижалось потребление страны, и деревни в первую очередь. Зерна, молока и яиц в селе оставалось почти в два раза меньше, чем до коллективизации, мяса — в три с лишним раза меньше. В 1928 г. на каждого жителя

страны производилось 400 кг зерна, 300 кг картофеля, 32 кг мяса, 70 яиц и 200 л молока. В 1933–1937 гг. зерна было в среднем за год 336 кг, картофеля — 314 кг, мяса — 16 кг, яиц — 35 штук, молока — 136 л (рассчитано по [*НХ*, 1922–1972, с. 216–218; *СХ*, 1972, с. 27, 86–89, 196–197, 328–329; *НХ*, 1958, с. 208; *СХ*, 1960, с. 27, 86–89, 127, 328–32]).

Главная претензия крестьянина относилась к оплате работы. Она оказалась ничтожной, а то и совсем отсутствовала. Сельскому жителю было трудно смириться с почти полным изъятием продуктов его труда. Средний расход зерна в крестьянской семье превышал в 1926 г. 4 т (без семян), а сдав свою землю в аренду «на кабальных условиях» за половину урожая, крестьянин мог, не ударив пальцем о палец, получить 15–20 ц зерна, намного больше, чем за год напряженной работы в колхозе. Но главное, на такой колхозный заработок было невозможно прожить.

Тяжелая ситуация при распределении урожая 1931 г. превратилась в следующем году в катастрофическую. К первому февраля 1933 г. только 22,7% колхозов Украины провели распределение доходов за 1932 г., то есть почти четыре пятых семей ничего не получили за свой труд в течение целого года. По Харьковской области таких колхозов было 81,6%, по Одесской — 88%, по Днепропетровской — 94,8%. При этом треть украинских колхозов выдали

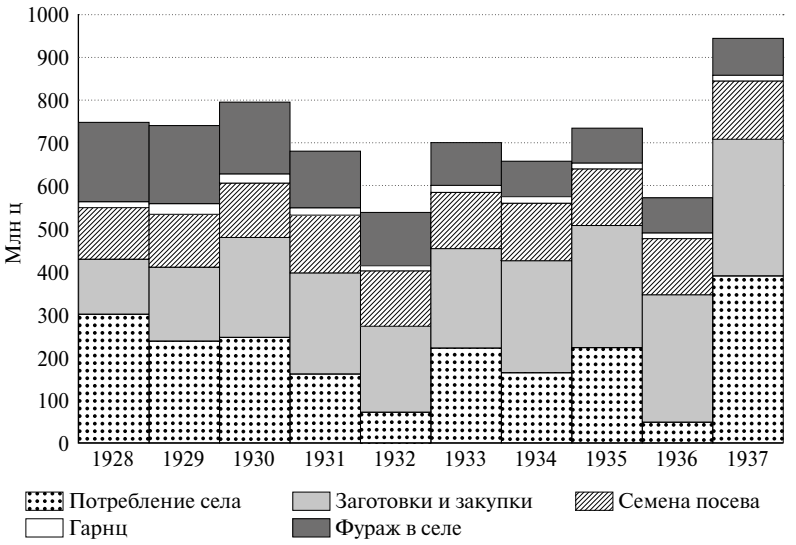

Рис. 1.1. Распределение урожая зерна в 1928–1937 гг.

на трудодень меньше 1 кг зерна. Это при 115 трудоднях в среднем на одного работающего колхозника. На одного члена семьи приходилось около 40 кг зерна в год [*Соціалістічна перебудова*, с. 460].

В книге украинского историка советских времен И. Слинько помещена фотография: телега с горкой зерна, крестьянин лопатой аккуратно насыпает зерно в мешок другому. Рядом уже отоварившийся колхозник с мешком на плече ждет товарища. Мешок полон примерно на треть (килограммов 20–30). Подпись под фотографией: «Раздача зерна в счет аванса лучшим колхозникам. Село Павловка Харьковской области, 1932 год» [*Слинько*, с. 214]. Аванс, который выдается не всем, а только лучшим, помещается в одном неполном мешке. Совсем недавно таким был дневной заработок батрака, а теперь это может стать основной частью оплаты труда за год. А скорее всего, положение оказалось еще хуже. Осенью, когда выяснится, что Харьковская область не выполнила план хлебозаготовок, из закромов «лучших» колхозников выгребут и этот жалкий аванс, оставив их семьи без куска хлеба.

Часто колхозники не получали вообще ничего. Так, в селе Марки в 1931 г. на 1230 человек было роздано на трудодни 2300 кг зерна, по 2 кг на человека в год [*Слинько*, с. 288]. Согласно официальным (и, очевидно, преувеличенным сведениям) в среднем по СССР на колхозную семью было выдано в 1932 г. 6 ц зерна (по 330 г в день на человека) [*Очерки*, с. 147]. Это была самая низкая цифра за все годы коллективизации. Обычно, кроме 1936 г., в котором урожай был еще меньше, чем в 1932 г., зерна выдавалось примерно на треть больше. А в рекордном 1937-м — в три раза больше [*Прокопович*, с. 273].

Не получив в 1931 г. за тяжелую работу почти ничего, крестьяне перестали напряженно и старательно работать, а именно на таких сверхусилиях в пору страды держалось в течение многих десятилетий сельскохозяйственное производство. Неудивительно, что в 1932 г. не удалось засеять всю пашню, не удалось вовремя собрать урожай. О нежелании сельского жителя бесплатно работать рассказывают самые разные наблюдатели. Петр Григоренко, будущий генерал и диссидент, отправился на Украину, чтобы забрать своего отца в город. Вот что он там увидел:

«Огромное, в 2000 дворов, степное село на Херсонщине — Архангелка — в горячую уборочную пору было мертво. Работала одна молотарка, в одну смену (8 человек). Остальная рать трудовая: мужчины, женщины, подростки — сидели, лежали, полулежали в “холодку”.

— Хлеб же в валках лежит, а кое-где и стоит. Этот уже осыпался и пропал, а тот, который в валках, сгинет.

— Ну, известно, сгинет, — с абсолютным равнодушием отвечали мне» [*Григоренко*, с. 121].

Григоренко вторят английские туристы, супруги Вебб: «Целые деревни на Кубани, так же как и на Украине, угрюмо уклонялись от сева и уборки или обрабатывали лишь крошечную часть своего поля, так что к концу года у них не было семян, а часто даже и хлеба для себя. В других случаях крестьяне потихоньку потрошили созревающую пшеницу, то есть вышелушивали зерно или даже срезали колосья и откладывали в индивидуальный запас то, что было бесстыдно похищено из общественной собственности с полей» [*Вебб*, с. 265][1].

Об этом же говорил генсек ЦК КП(б)У Косиор: «Возьмем первейший лучший колхоз, в котором числится 300–500 работников, и посмотрим, сколько людей там трудится в самое горячее время полевых работ. В большинстве случаев половина, в самом лучшем случае две трети» [*Голод 1932–1933*, 1990, с. 350–370].

Косиор сообщил, что, по данным обследования, в 1932 г. 1300 колхозов, 10% колхозников не выработали ни одного трудодня, 29% имели меньше 50 трудодней.

Не устраивало сложившееся положение не только крестьян, но и руководство страны. Его волновало падение сельскохозяйственного производства, трудности с заготовкой зерна. Виновник этих трудностей очевиден — крестьянин, который не желает выполнять своих обязательств перед государством. Оказалось, что коллективные хозяйства, созданные с такими усилиями, не только не увеличили производство, но даже необходимую товарную часть получать у них было все труднее. Начался новый этап в жизни

---

[1] В архиве ГПУ сохранился ответ одного из жителей Северного Кавказа любознательным английским путешественникам: «Краснодар, анонимка: “Почему вы не видали на железнодорожных станциях умирающих от голода людей, стоны, слез ограбленных коммунистами и насильно загнанных в колхозы? Вы не видели десятки тысяч умирающих от голода крестьян, не видели, что кушают наши рабочие и во что они одеты, не видели голодные бунты, как живут угнетатели и поработители рабочих и крестьян. Вы, г-н Вебб, не видели так же, как “добровольно” на заем подписываются. За не подписку на заем отбирают корову и определяют на Соловки как противника коммунизма. Вы не спросили, какой процент населения отправлен на Соловки, в Сибирь, сколько сидят в тюрьмах? Вы, г-н Вебб, видели, наверно, только сотрудников ГПУ. Вы поезжайте в деревню и посмотрите, как крестьяне приветствуют палача-Сталина“» (орфография источника сохранена). К письму приколота вырезка из газеты «Известия» — «Супруги Вебб о СССР».

деревенского жителя. Государство перестало отождествлять свои интересы с развитием колхозного строя. Колхозники, как до них кулаки, а потом единоличники, попадают в разряд саботажников, не выполнивших предписания власти. За это их следует беспощадно наказывать. В селе открылся новый фронт, врагом оказался на этот раз не злобный кулак, не упрямый единоличник, а прежний, пусть и подневольный союзник — колхозник.

Главной целью сражения, развернувшегося на бескрайних полях, был хлеб. Правительство требовало, чтобы государственная доля зерна из нового урожая была первоочередной и не зависела от размеров валового сбора. Государство желало получить столько, сколько ему необходимо, и только после этого должны формироваться сельские фонды: семенной, фуражный и прочие. А все оставшееся, если таковое будет, получит колхозник на заработанные трудодни. Это положение находилось в вопиющем противоречии с только что проведенными преобразованиями деревни. Разрушив старую систему производства и построив новую, власть вдруг решительно заявила, что за плохую работу этой системы, за неудовлетворительные результаты она не несет никакой ответственности и проблема продовольственного обеспечения семьи крестьянина ее не касается. На вопрос, как выжить, не получив необходимого количества зерна из собранного урожая, крестьянин должен отвечать сам.

Урожай 1932 года

После успешных заготовок в 1930 и 1931 гг. в высоких советских кабинетах (в Политбюро, Госплане, Наркомторге и Наркомземе) ожидали лишь новых, еще бóльших достижений. Р. Дэвис и С. Уиткрофт, рассмотрев архивные и опубликованные сведения, показали, как неохотно, постепенно в течение года власти вынуждены были снижать предполагаемую величину урожая и размеры заготовок (табл. 1.4).

В 1930 г. первоначальная оценка урожая заметно превышала окончательную. В июле урожай оценивался в 88 млн т, а через два года эта официальная цифра уменьшилась задним числом до 83,5 млн т. Среди архивных документов обнаружена и заметно меньшая оценка: 77,2 млн т. Интервал возможных расхождений составляет, по мнению Девиса и Уиткрофта, 73–77 млн т (табл. 1.4). Эти величины заимствованы авторами из зерновых балансов, сохранившихся в архиве.

Таблица 1.4. **Различные оценки величины урожая 1930–1933 гг.**

Год урожая	Дата оценки урожая	Урожай, млн т	Заготовки, млн т	Заготовки, %
1930	Июль – сентябрь	88,0	24,6	28,0
	Официальные данные 1932 г.	83,5	22,1	26,5
	Архивные данные 1932 г.	77,2	22,1	28,6
	Оценка Дэвиса и Уиткрофта	73–77	22,1	28,7–30,2
1931	План, январь	97,0	30,7	31,6
	Оценка, июнь – июль	79,2–85,2	30,7	33,5–35,2
	1932 ЦУНХУ	68,2	22,8	33,4
	Окончательные официальные данные	69,5	22,8	32,8
	Оценка Дэвиса и Уиткрофта	57–65	22,8	35,1–40
1932	План, январь	90,7	29,5	32,5
	Июль, ЦУНХУ	76,0	23,3	29,4
	Сентябрь, ЦУНХУ	67,1	22,8	34,0
	Политбюро, сентябрь 1933 г.	69,9	18,5	26,5
	Оценка Дэвиса и Уиткрофта	55–60	18,5	30,8–33,6
	Наша оценка	52,0	18,5	35,6
1933	План	80,2	26,1	32,6
	Совнарком, октябрь 1933 г.	89,7	22,7	25,3
	Оценка Дэвиса и Уиткрофта	70–77	22,7	29,5–32,4
	Оценка ЦСУ 1963 г.	68,4	22,7	33,2

Примечание. «Оценка Дэвиса и Уиткрофта» базируется на архивных сведениях о балансовых расчетах [*Дэвис, Уиткрофт*, с. 449–457]. «Наша оценка» рассмотрена ниже. «Оценка ЦСУ 1963 г.» см. в [*НХ*, 1987, с. 208].

Следует заметить, что речь в данном случае идет не о количественном расхождении, а о способах оценки урожая. Как известно, урожай может оцениваться в поле до уборки (биологический урожай или урожай на корню) и при вывозе с поля в места хранения (амбарный урожай). Известный американский ученый, специалист по сельскому хозяйству СССР Наум Ясный [с. 544–548, 730–745] показал, что расхождения между оценками амбарного и биологического урожая колебались от 14,4% (1935 г.) до 24,1% (1933 г.). Естественно, в балансах расходов зерна рассматривался амбарный урожай, а порой и чистый урожай, то есть урожай за вычетом посевных затрат. Официальные инстанции оценивали сначала урожай на корню, а по прошествии некоторого времени, через год или больше, переходили к оценке амбарного урожая (прил. 17). Урожай

1930 г. называли хорошим, а 1929-го (71,7 млн т) — посредственным, а то и плохим. Урожай 1928 г. (73,3 млн т) считался средним, зато урожай 1913 г. (80,1 млн т) остался в статистических публикациях как хороший или очень хороший. Результат 1930 г. был выше среднего и, скорее всего, близок к 75–77 млн т.

Для более сложного 1931 г. официальные цифры менялись от 98,6 до 69,5 млн т, но встречаются и меньшие значения. Цифра ЦУНХУ (Центральное управление народно-хозяйственного учета Госплана СССР) — 68,2 млн т, и в одном из балансов используется цифра 66,5 млн т. Оценка Дэвиса и Уиткрофта (57–65 млн т) мало отличается от официальных данных урожая 1932 г., но разрыв с 1930 г. очень большой (12–16 млн т). Получается, что огромное падение валового сбора произошло в 1931-м, а не в 1932 г. Этому противоречит множество документов, свидетельств очевидцев, данные о смертности и, главное, разница в величине заготовок. Представляется, что более надежной оценкой урожая 1931 г. будет 65 млн т.

Достоверных оценок урожая 1932 г. не существует. Огромные заготовки исключали любые сведения о размерах урожая, противоречащие планам властей. Люди, возражавшие, апеллировавшие к оценкам урожая, обвинялись в саботаже и вредительстве. Большой интерес в связи с этим вызывают результаты бюджетных обследований колхозов 1935 г. (табл. 1.5, прил. 4–6, 17).

По этим данным, на территориях Украины и Северного Кавказа урожайность в 1932 г. была на 30–100% ниже, чем в 1933-м. Доля государства от урожая в южных областях превысила половину валового сбора, а колхозникам оставалось от 10 до 25%, в некоторых областях в два раза меньше, чем в 1933 г. Выдача зерна на колхозную семью в 1933-м в два и более раз превышала показатели 1932 г. Относительно благополучным выглядит Среднее Поволжье и катастрофическими — Одесская и Днепропетровская области.

В справочники вошла утвержденная Политбюро цифра — 699 млн ц. В последующие годы официальные данные давали сведения о биологических урожаях (1933 г. — 898 млн т, 1934 г. — 894 млн т). Эти цифры заметно превышали результат 1932-го, и тем самым он отчасти казался достоверным.

О низком урожае 1932 г. свидетельствуют также воспоминания множества очевидцев[1]. Совхозы сдали государству в 1932 г.

---

[1] Сводки работ на эту тему и множество доказательств приводятся в [*Дэвис, Уиткрофт*]. См. также: [*Голод*, 2011–2013, т. 2, с. 19–84].

17 млн ц, всего 25% от урожая в 66,5 млн ц. А в 1931 г. они сдали 18 млн ц из урожая в 47 млн ц (38%). Как же могло случиться, что полностью подотчетные государству организации, несмотря на строгие требования властей, оставили огромную часть урожая себе? Единственное разумное объяснение: зерна в совхозах не было, а урожай в 1932 г. был оценен неверно. Поголовные обыски в хозяйствах колхозников и единоличников, которыми так выделяется из обычных заготовительных кампаний именно 1932 г., также свидетельствовали о невысоком урожае зерна.

Пересчет ЦСУ по указанию Хрущева валовых сборов уменьшил урожай 1933 г. на 23,8%, а 1934-го — на 24% (рис. 1.2 на с. 98, прил. 17). Можно предположить, что оценка урожая 1932 г. имела примерно ту же ошибку, что и в 1933-м. При снижении валового сбора на 24% урожай 1932 г. равен 51 млн т. В справочниках 1960–80-х годов урожай 1932 г. оказался немного выше, чем 1933-го. Возникла нелепая картина: в 1932 г. государство не сумело выполнить план заготовок, хотя предпринимало огромные усилия,

Таблица 1.5. **Распределение урожая зерновых на Украине в 1932–1933 гг.**

Область/ край	1932	1933	1932	1933	1932	1933	1932	1933
	Урожайность зерна, ц с га		Распределение урожая в %				Кг на 1 двор	
			Государство		Колхозники			
Одесская	5,45	8,84	65,30	36,8	—	25,1	6,18	17,50
Днепропетровская	5,06	9,14	63,50	31,3	11,2	24,9	4,08	18,80
Винницкая	6,80	9,93	35,90	24,9	20,9	24,4	3,62	9,92
Киевская	4,90	8,82	31,30	25,4	26,1	28,9	2,74	6,59
Азово-Черноморский	4,00	8,10	56,00	40,0	16,2	18,2	3,40	8,10
Средневолжский	7,15	7,74	35,60	30,4	29,0	28,0	9,38	10,50
Воронежская	7,08	8,68	42,20	32,1	23,0	30,4	5,27	9,80

Примечание. Материалы бюджетного обследования колхозов Украины, 1934 г. Материалы обследования помечены 1935 и 1936 гг., и так на них и ссылались в советской литературе, в частности Струмилин, но ряд таблиц содержит сведения 1932–1934 гг. Они отмечены как сквозные бюджеты. Вероятно, некоторые сведения собирались по инерции даже в 1932–1933 гг., но не использовались, пока не началось массовое обследование 1935 г. Доля урожая, не указанная в таблице, приходится на оплату МТС, выплату ссуд и создание колхозом семенных, страховых, фуражных и других фондов.

Источник: РГАЭ, ф. 260, оп. 1, ед. хр. 290, л. 11–55; ед. хр. 676, л. 11–44.

а в 1931-м и 1933-м при таких же практически валовых сборах более высокие планы были успешно выполнены. О более благополучной ситуации в деревне в 1933 г. свидетельствуют и более быстрая сдача заготовок государству, и бóльшая цифра гарнца в 1931 и 1933 гг. по сравнению с 1932-м, и более высокая выдача зерна на трудодни (в 1932-м во многих регионах ее просто не было), а также рост поголовья свиней и местные статистические сведения.

При этом известно, что в 1930-х годах заготовки постоянно росли, причем при низких урожаях их доля в валовом сборе увеличивалась. Отмечены лишь небольшие спады в 1935 и 1937 гг. Это годы, когда валовой сбор был относительно высоким. И напротив, доля заготовок возрастает в тех случаях, когда урожай падает. Причина этого очевидна: государству нужно было получить зерно для снабжения населения городов и армии не меньше 230 млн ц в первой половине 1930-х годов и 300 млн ц во второй.

Исходя из этих соображений, можно утверждать, что изымаемая доля урожая в 1932 г. была немного больше, чем в соседние годы. Расчет был проведен по заготовкам, по валовым сборам и по чистому урожаю (табл. 1.6). Результат 52 млн т хорошо согласуется с оценкой урожая по пропорции изменения довоенной и послевоенной оценок валового сбора. Снижение составило 24,5%, а в последующие годы, особенно в 1934-м, оно было еще больше. Оценка 52 млн т, по нашему мнению, близка к максимальной.

Для 1933 г. предлагаемый Дэвисом и Уиткрофтом интервал значений (70–77 млн т) больше, чем оценка, полученная в 1950-х годах и советскими учеными (68,4 млн ц). Представляется, что уточнения, внесенные сотрудниками ЦСУ, более надежны, чем расчеты современных историков по архивным материалам. Дело в том, что занимались этим специалисты, располагавшие для своих оценок более полным объемом сведений, чем современные исследователи, и в то же время хорошо представлявшие методику получения публиковавшихся и непубликовавшихся данных.

Кроме этого, следует принять во внимание несколько факторов.

Во-первых, положение в различных регионах было неодинаковым. Везде хлеба было меньше, чем привыкло потреблять сельское население, но в ситуации вымирания оказалось лишь несколько территорий. Во-вторых, годовое потребление села включало в себя запасы, сделанные из урожая прошлого года. Особенно тяжелым было положение в тех случаях, когда уже в 1931 г. эти запасы были использованы полностью, а из-за заготовок сельские жители не сумели создать новых запасов. В-третьих, государственная помощь

Таблица 1.6. **Соотношение урожая и заготовок в 1928–1938 гг.**

Год	Площадь, млн га	Урожай, млн ц	Урожайность, ц с га	Заготовки, млн ц	Семена, млн ц	% заготовок из урожая	% в чистом урожае
1928	92,0	731	7,9	128	119	18	21
1929	96,0	717	7,4	161	124	23	22
1930	101,8	750	7,6	221	131	29	36
1931	104,4	650	6,2	228	135	35	44
1932	99,7	520	5,3	186	129	36	48
1933	101,6	684	6,7	233	131	34	42
1934	104,7	676	6,5	262	135	39	48
1935	103,4	750	7,3	284	133	38	46
1936	102,4	558	5,4	298	132	53	70
1937	104,4	974	9,3	319	135	33	38
1938	102,4	736	7,2	350	132	48	53

Примечание. Данные округлены. Чистый урожай равен валовому сбору минус запас семян на следующий год. Урожайность — отношение валового сбора к площади посева. Семена для посева рассчитаны по рекомендации Ясного и Прокоповича по норме 1,29 ц на гектар. В литературе встречаются различные архивные документы, в которых при построении балансов сведения о посевах отличаются от полученных нами, но эти отличия, как правило, не слишком существенны и укладываются в общую погрешность расчета. Урожай 1931, 1932 гг. — наша оценка.

Источник: [*Итоги десятилетия*, с. 119; *СС*, 1935, с. 361; *НХ*, 1932, с. 162–163, 338; 1958, с. 386–387; 1987, с. 210, 219; *СХ*, 1935, с. 266; 1939, с. 89; *Мошков*, с. 31, 225–226; *Прокопович*, с. 160, 207, 210–215; *Ясный*, с. 793; *Уиткрофт*, 2001б, с. 845–862].

хотя и была не очень большой (330 тыс. т продссуды и 1274 тыс. т семссуды), дала возможность продержаться некоторое время части жителей голодающих регионов [*Уиткрофт*, 2001б, с. 862].

Хлебозаготовки 1932 года

В 1932 г. было намечено собрать сверхвысокий урожай и заготовить 324 млн ц. От этой цифры пришлось впоследствии отказаться, но требование заготовить как можно больше дамокловым мечом висело над головами местных руководителей. Не желая признать, что планы и фактическое их выполнение расходятся все заметнее, было решено собрать в 1932 г. 96 млн т и заготовить 295 млн ц, на 74

и 67 млн ц больше, чем было собрано с огромным трудом в 1930 и 1931 гг. [*Дэвис, Уиткрофт*, с. 95]. В законе о хлебозаготовках 1932 г., подписанном Молотовым и Сталиным 5 мая 1932 г., говорилось: «Союз ССР за два года достиг развертывания зернового хозяйства, расширения посевных площадей и роста валовой продукции зерна, и можно кроме заготовок развернуть колхозную торговлю хлебом в городе. В результате решено уменьшить государственный план хлебозаготовок по Союзу ССР из урожая 1932 г. по колхозам и единоличным хозяйствам по сравнению с планом 1931 г. на 264 млн пудов, установив для 1932 г. план в 1103 млн пудов при среднем урожае (без гарнца) вместо прошлогоднего плана в 1367 млн пудов» (Известия ЦИК Союза ССР и ВЦИК. 1932. 7 мая).

Стивен Уиткрофт предполагает, что это снижение заготовок и предоставление беспроцентной семенной ссуды свидетельствовали о намерении уменьшить давления на село: «Контуры так называемого „нео-нэпа“ обозначились 6 мая 1932 г. Планы хлебозаготовок были снижены до 235 млн ц, и было объявлено, что крестьяне по выполнению поставок государству смогут продавать зерно на колхозном рынке» [*Уиткрофт*, 2001б, с. 849–850].

В действительности обещание снизить план по сравнению с прошлым годом было фиктивным. Сравнивались результаты заготовок только по колхозному и единоличному секторам, при этом по сравнению с фактическими заготовками цифра 1931 г. была преуменьшена на 3 млн ц. Кроме того, не учитывался в 1932 г. возврат семенных ссуд и гарнцевый сбор. «В результате обязательства крестьянского сектора перед государством уменьшились всего на 1.256 тысяч пудов», — замечают Дэвис и Уиткрофт в своей более поздней работе [*Дэвис, Уиткрофт,* с. 150–153]. Но «нео-нэпом» не пахло не только потому, что снижение уровня заготовок было не таким существенным, как официально обещалось. Положение очень осложнялось требованием закона собрать заготовки почти на полгода раньше, чем в прошлом году, а разрешение торговли на рынках колхозам и колхозникам после выполнения плана хлебозаготовок, обещанное в виде пряника, было в действительности страшным ударом по рядовому сельскому жителю. Если раньше, чтобы получить разрешение торговать на рынке, крестьянину было необходимо выполнить поставки государству, то теперь это должна была сделать вся его область, край, республика. А поскольку план был невыполним, рыночная торговля оказалась всерьез и надолго запрещена. Пострадали многие деревенские жители и горожане, обычно покупавшие муку на рынке.

ЦУНХУ было запрещено пересматривать в дальнейшем оценку урожая 1932 г., оставив ее на уровне 671 млн ц. Была создана специальная комиссия для оценки урожаев в будущем, которая рекомендовала оценивать урожай на корню, то есть завышать валовой сбор на 15–25% (прил. 17).

Суть этих мер сводилась к намерению государства забрать необходимую долю зерна независимо от того, каким реально будет урожай и сколько зерна останется в деревне. Это делало наступление катастрофы массового голода неизбежным. Летом 1932 г., стремясь увеличить заинтересованность колхозников, правительство осудило задержку оплаты и разрешило в качестве аванса раздавать на трудодни 10–15% обмолоченного зерна. Но осенью эта раздача была категорически запрещена, специальным решением правительства предписывалось оплачивать трудодни только после полного выполнения плана поставок государству. Руководителей колхозов, которые допустят раздачу хлеба, не выполнив плана заготовок, приказано было отдавать под суд. Опасаясь репрессий, большинство правлений колхозов не расплатились с колхозниками за 1931 г. до весны 1932 г. Многие председатели колхозов даже не создали семенных и фуражных фондов.

Кампания по проведению хлебозаготовок к 1932 г. стала уже чем-то достаточно привычным. Тысячи уполномоченных, десятки тысяч горожан, обыски у зажиточных — все это казалось неизбежным и воспринималось селом как стихийное бедствие. Так, на Украине ЦК КП(б)У принимает специальное постановление «О мобилизации рабочих коммунистов на хлебозаготовки» [*Колективізація і голод*]. Мобилизованных в промышленных центрах коммунистов посылали бригадами по 3–4 человека. Было организовано 1100 бригад: 350 в Харьковской области, 300 — в Киевской, 200 — в Винницкой, 100 — в Черниговской, в остальных областях по 50 бригад в каждой [*Трагедия*, т. 3, с. 541–547]. Кроме того, 1 декабря сельским партийным организациям было приказано организовать бригады из колхозников, которые выполнили план или близки к выполнению, для содействия выполнению плана единоличниками, то есть для обысков и конфискаций [*Соціалістична перебудова*, с. 462–463].

Бригады, выезжающие в чужие районы, применялись еще в 1931 г. и получили название буксирных. Они были рассчитаны на то, что вне своей деревни крестьяне будут меньше испытывать чувство неловкости, участвуя в обысках и ограблениях. Порой случалось, что, пока глава семьи проводил изъятие зерна в соседнем

селе, его собственное хозяйство подвергалось ограблению другой бригадой. Члены буксирных бригад ходили со щупами, отыскивая ямы с зарытым зерном. На Украине несколько тысяч бригад работали в колхозном секторе и несколько тысяч — в единоличном. Голод в страшных, невиданных прежде размерах приближался к селу с одной стороны, террор угрожал ему с другой. Всего к хлебозаготовительной кампании в 1932 г., по некоторым свидетельствам, было привлечено 112 тыс. человек [*Сірык*, с. 47].

Однако в конце осени выясняется, что всех этих действий недостаточно, и политика ужесточается. Для выполнения плана хлебозаготовок ЦК прибегает к самым решительным, никогда прежде не использовавшимся мерам. 20 ноября всем колхозам, не выполнившим план, запрещается создавать фонды и выдавать авансы колхозникам. Все созданные фонды конфискуются в счет заготовок. Также предписывается вернуть зерно, данное колхозникам авансом и переданное в фонды питания, как раскраденное. Изъятию подлежало любое продовольствие, находившееся в доме, независимо от того, каким путем оно было получено крестьянином. Особенностью этой кампании стали массовые обыски в домах и во дворах рядовых сельских и даже городских жителей. Не были застрахованы ни колхозники, ни единоличники. Искали зерно у всех, так как все без исключения зерно должно было быть сдано государству. К поискам спрятанного зерна привлекаются самые разнообразные группы людей: горожане, члены комитетов сельской бедноты, коммунисты, комсомольцы, школьники и даже плохо работавшие колхозники и единоличники. Так, Днепропетровский обком КП(б)У постановил: «“Колхозникам, которые имеют мало трудодней, и единоличникам, которые остались без хлеба, нужно также предложить активно заняться вскрыванием разворованного и припрятанного хлеба с тем, чтобы сдать его в семенной фонд и тем самым обеспечить себя продовольствием за счет 10—15% отчислений, установленных для тех, кто вскрывает спрятанный хлеб”. Секретарь обкома КП(б)У *Хатаевич*» [*Трагедия*, т. 3, с. 641].

Похожее постановление принимает бюро Северо-Кавказского крайкома [*Трагедия*, т. 3, с. 645–646]. Заготовки проводились беспощадно, без оглядки на необходимость иметь семена, кормить скот и самим что-то есть. Сельские жители должны были не рассуждая сдать все зерно. В ходе обысков забирали порой даже картофель, фасоль, свеклу, хотя эти культуры и даже мясо не засчитывались вместо поставок зерна. Нередко портили то, что не хотели унести, а на вопрос: «Что же мы будем есть?» — отвечали:

«Работать надо было лучше!» Было несущественно, выполнила ли семья свои обязательства перед государством, хорошо или плохо она работала в течение года в колхозе, буксирную бригаду интересовало только, имеются ли в доме запасы продуктов и где они спрятаны. Фактически утверждалось, что у крестьянина не должно быть продовольствия, он не имеет права есть.

В дневнике Л. М. Кагановича приведен рассказ первого секретаря Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) Шаболдаева: «В Ново-Александровском районе выезжавшие из крайкома работники ОГПУ констатировали около 100 случаев смерти от голода... В ст[анице] Старо-Минской к одной единоличнице поставили для наблюдения агента. Пока он жил 5 дней, семья ничего не ела, была накануне смерти, а когда агента вынуждены были снять, на другой день нашли свежий печеный хлеб» (РГАЭ, ф. 1235, оп. 2, ед. хр. 1522, с. 313).

Конечно, Лазарь Моисеевич зафиксировал эту историю не из сочувствия к детям, которым грозила голодная смерть. Для него это поучительный пример коварства саботажников, готовых умереть, но не отдать государству необходимое ему зерно. История должна была пригодиться для массовой агитации, воспитания у низовых работников бдительности и беспощадности к хитрым противникам. Убежденность в том, что так называемые кулаки готовы умереть с голоду, лишь бы не отдать зерно государству, было широко распространена в партийной верхушке. Вот что секретарь ЦК ВКП(б) П. П. Постышев писал в декабре 1932 г. Сталину: «Кулачье и всякая прочая сволочь настолько обнаглели в прошлом, но испугавшись решительного удара, начали выкидывать хлеб в речки, в колодцы с водой, в уборные. Тех, кто будет пойман, а такую задачу я дал ГПУ, и поймаем, безусловно, за выкидку хлеба в воду и уборные, виновных будем расстреливать, конечно, через суд» [*Голод в СССР*, т. 2, с. 304–306][1].

И. М. Хмильковский (Черкассы) с горечью вспоминает о своем участии в изъятии продуктов у жителей деревни: «Шел февраль 1933 года. Директор школы в Степанках, где я учился, Федор Иванович Чигирик вызвал меня и ученицу Анастасию Боровую в кабинет: “Пойдете сегодня вечером к Макару Хандусь, там собирается комиссия, которая будет работать ночью на хлебозаготовке. Вы будете в этой комиссии от школы”. Трое мужчин во главе

[1] После просьбы в письме разрешить высылку 200–300 человек на север на полях помета И. В. Сталина: «Правильно!»

с Макаром и нас двое подростков зашли в домик, в котором проживали совсем старые дед с бабушкой и внук 3–4 лет. Родители его невесть куда выехали. Макар сразу же грубо предложил деду сдавать зерно. Дед ответил, что нет у него. Зерна действительно не оказалось. Тогда члены комиссии отправились в сарай и нашли припрятанный клунок ржи — килограмм 20. Дед стал на колени и начал просить: "Сыночки, оставьте. Он же умрет от голода". На санках в три часа ночи зерно увезли. Дед с бабкой и внуком скоро умерли с голоду. Хлеб изымался до последнего килограмма» [*Голод 33*, 1991, с. 85–860].

Начальник Управления городской милиции посылает рапорт о проделанной работе: «Утайка — Сорока Иван Алексеевич, рабочий, проживающий в городе Каменском, перепрятал у себя зерно, вывезенное его сестрой, где в результате обыска изъято — пшеницы 119 кг и проса 50 кг, заведено расследование» [*Калинник*, с. 21–22].

Наличие продуктов питания для семьи на одну-две недели рассматривается властями как преступление, подлежащее уголовному наказанию. Люди боялись топить печи. Увидят дым из трубы, подумают, что еда готовится, и придут с обыском. Рассказывают, что нередко после обыска проводились контрольные обходы. «Ну, детки, что вы ели на завтрак сегодня?» — ласково спрашивали бегающих по улице детей. И если дети ели, если для них нашелся кусочек хлеба, это было основанием для повторного обыска. Известны случаи исследования фекалий, по которым деревенские шерлоки холмсы старались понять, не ели ли крестьяне хлеба.

Изъятие зерна оборачивалось дополнительными жестокостями и прямыми издевательствами над беззащитным сельским жителем. Например, председатель исполкома Курсавского района сообщает секретарю ЦК партии Северокавказского края Шеболдаеву о проверке колхоза «Пролетарский труд»: «Руководящая головка колхоза занималась систематическими избиениями колхозников, привязывали их цепями, сажали в подпол, стегали кнутом, угрозы расстрелом, пьянство, дискредитация колхозного строя и т. д. <...> Гражданка Лобова в июне месяце с. г. похитила чайное блюдце колосков ячменя с колхозного поля, Демьяненко вместо того, чтобы передать это дело в органы расследования на предмет привлечения к уголовной ответственности, принял свои собственные административные меры, посадил гражданку Лобову и ее несовершеннолетнюю дочь в сырой подвал, где держал полтора суток. После этого стал отправлять их к инспектору милиции, стал наносить побои в голову кулаком. От побоев гражданка Лобова свалилась

с ног и была в течение одного часа без сознания» (РГАЭ, ф. 1235, оп. 2, ед. хр. 1522, с. 313).

Доходы от обысков были не велики, практически все уходило на содержание бригад грабителей. Но воздействие на население было огромным. Крестьяне наглядно убеждались в том, что нужды государства важнее права сельского жителя съесть заработанный им кусок хлеба, важнее его жизни.

Несомненно, все действия по изъятию продовольствия у голодающего населения были преступлением против человечности. Среди решений властей были и такие меры, которые не диктовались соображениями экономической целесообразности и, очевидно, ставили своей целью наказание и запугивание крестьянина. Например, наложение на не выполнивших твердое задание по зерну поставок мяса на год и три месяца вперед[1]. Эта мера свидетельствует о многом. Власти понимают, что зерна нет. Учитывается, что полностью ограбленное население рассчитывает на свой скот как на страховку на случай голода, отчасти это мясное питание, отчасти продажа с целью покупки хлеба. Поэтому особое коварство заключалось в уничтожении такой возможности с помощью принудительной конфискации скота.

Также не диктовался никакими экономическими соображениями вывоз из колхозов семенных и фуражных фондов. Было ясно, что придется привозить семена обратно, поскольку власти не смогут отказаться от посева на следующий год.

Не только крестьяне, но и многие рядовые партийные работники не могли смириться с чудовищной реальностью и абсурдностью происходившего. Вот письмо коммуниста, написанное в декабре 1932 года:

«Тов. КОСИОР. Откройте глаза на действительность, что вы делаете своей политикой, безмолвные вы рабы Москвы. Вы за два года угробили Украину, сельское хозяйство... в прошлом году вы оставили украинское крестьянство без куска хлеба, без картошки, ни зерна кукурузы, даже сою, никому не нужную, повывозили, а колхозники как дикие волки стояли, уходили в поле собирать падалишнюю сою да кукурузу. Вы хотя бы посчитали, сколько у нас умерло детей и стариков от голода? Вы хотя бы потрудились

[1] Эти 15 месяцев возникли следующим образом. Традиционное наказание — на год вперед. Однако в это время происходил перенос начала хозяйственного года с 1 октября на 1 января. Так появились дополнительные три месяца (РГАЭ, ф. 1235, оп. 2, ед. хр. 1522, с. 313).

и собрались с мужеством подсчитать эти жертвы и познакомить Москву с результатом нашей беззаботной и безответственной "борьбы" за социализм?.. Крестьянин получил 20 кило аванса, и вы постановили у него отобрать, как незаконно полученный... В общем, остается последнее постановление издать, объявить, что он незаконно существует на свете. Вы не разрешали ему родиться. Вы объявили ему, что он ест незаконно, а законно ли ему гниль селедок продают по 5 р. фунт? Весной у нас работать некому будет, лошади подохнут и остальные, а обманутый дважды крестьянин в третий раз не поверит. Если только живой доживет до весны. Человек с человеческим сердцем не может спокойно смотреть на несчастного служащего города, которому совершенно не дают хлеба, а на рынке нет ни крупы, ни картошки, ничего съестного, и кооперация ничего не доставляет, он побледнел как тень, а будущее поколение, для которых мы строим социализм, на 90% рахитны и туберкулезны... Это есть худшая форма нажима на босого, раздетого, коллективизированного, голодного крестьянина, которого за одну похлебку заставляют бесплатно перемолачивать солому под командой какого-нибудь прохвоста, который их за ихний хлеб называет кулаками и врагами советской власти... Он на молотьбе в карман наберет зерна, чтобы голодным детям сварить кашу, а его арестовывают в ДОПР. Даже с мышиных гнезд не позволяют колхознику собирать зерна... — это "борьба за социализм"... ЛЕНИН говорил, что нужно показать, что в колхозах лучше живется, чем в индивидуальном хозяйстве, мы до 31 года это показали, а в 1931 и 32 году как будто нарочно показали: "А, попался, наконец-то в наших руках. Ну, теперь не вырвешься", и безрассудно начали над ним издеваться. *Живанов*» [*Голод в СССР*, 2009, с. 21].

Для усиления давления в каждой области создается специальная комиссия, в которую входят секретарь партийного комитета и прокурор. Во многих районах репрессиями было охвачено 15–20% правлений колхозов. В каждой области работало 5–10 выездных судов, рассматривавших невыполнение плана поставок государству. Желая наказать и припугнуть единоличников, ЦК КП(б) У предлагает Днепропетровскому и Харьковскому обкомам выбрать в каждой области по 1500 крестьян, злостно не выполняющих план хлебосдачи и обязательства по контрактации, распродать их имущество, отобрать землю и все строения. О нарастании репрессий свидетельствует самая общая статистика осужденных.

Из табл. 1.7 видно, что арестованных граждан страны, в том числе и сельских жителей, было в 1933 г. больше, чем во все

предшествующие и последующие годы, кроме 1937-го, открывшего новый этап истории советского общества. Репрессии 1933 г. обрушиваются на большие группы активистов, еще недавно бывших лучшими помощниками властей. Во многих районах наказаниями охвачено до 50% правлений колхозов. Под удар попадают даже целые районы, они заносятся на так называемые черные доски. К середине декабря в таком положении оказались 82 района Украины, к концу декабря — 86 районов (то есть около 4 млн человек), ряд районов Северного Кавказа и Нижней Волги. Занесение на «черную доску» означало прекращение завоза товаров и вывоз имеющихся, запрет торговли, закрытие учреждений, досрочное взыскание кредитов и платежей, в частности поставок мяса, роспуск партийных и комсомольских организаций, а в некоторых

Таблица 1.7. **Наказания через суд и ОГПУ в 1926–1937 гг.**

Год	Арестовано	Освобождено	ВМН	Члены ВКП(б)	Кулаки	Работающие в с/х
1926	62 817	28 916	590	3 413	1 116	16 033
1927	76 983	42 868	2 399	3 357	2 137	23 602
1928	111 879	20 826	869	6 571	8 280	36 239
1929	207 212	24 723	2 099	6 683	49 949	99 662
1930	378 539	72 672	20 201	10 049	148 297	222 570
1931	479 065	100 164	9 876	3 204	—	21 294
1932	499 249	108 995	2 728	15 035	92 181	173 084
1933	634 429	146 971	2 840	2 616	127 847	271 048
1934	336 003	38 885	2 454	14 887	32 883	141 007
1935	293 681	26 200	2 174	13 116	—	58 576
1936	175 752	17 845	1 482	3 204	—	21 294
1937	945 268	—	353 074	55 428	370 422	439 240

Примечание. В статистике ОГПУ-НКВД не всегда указываются сведения о численности арестованных сельских жителей. В этих случаях мы суммировали категории по месту работы: середняки, бедняки, колхозники, единоличники, работники МТС, совхозов, агротехники, кулаки (если они были указаны). Но из выходцев из села состояли, конечно, такие группы, как деклассированные элементы, без определенного места жительства, без определенных занятий, сельские контрреволюционеры, классово-враждебные элементы, и довольно странная категория «бывшие люди». Многие из этих лиц были, очевидно, сельскими жителями. В 1937 г. репрессированных называли «бывшие кулаки», а «бывшие люди» расшифровываются как помещики, дворяне, торговцы, жандармы и т. п. [*Мозохин,* с. 70–167].

случаях и депортацию населения. В дальнейшем по представлению Кагановича с Северного Кавказа были целиком высланы на север шесть станиц, десятки тысяч человек.

Проводится чистка парторганизаций многих районов, под судом оказываются руководители совхозов, местные руководители партии и администрации, не сумевшие поставить интересы государства выше соображений экономической целесообразности, и т. п. Так, на Украине потеряли свои посты 237 секретарей райкомов, 249 председателей исполкомов (примерно половина их численности) и 158 руководителей контрольных комиссий. Было исключено из партии 27 тыс. коммунистов. В марте 1933 г. было расстреляно 35 руководителей Наркомзема Украины и еще 49 были осуждены [*Соціалістічна перебудова*, с. 463; *Гришко*, с. 58; *Данилов*, 1977, с. 137]. Перемещения, снятия, исключения из партии охватывают даже самую верхушку украинской власти. Из восьми областей в трех были сняты первые секретари ЦК КП(б)У (Майоров, Строганов и Терехов, их места заняли Постышев, Хатаевич и Вегер). Разворачивается борьба с национализмом. Некоторые лидеры уходят в тень, другие меняют политическую ориентацию [*Мэйс*, с. 41–86]. Низовой аппарат наполняется новыми, более послушными людьми, а главной опорой власти становится ОГПУ.

Голод, вызванный плохим урожаем и его несвоевременной уборкой, превращался в результате чудовищного давления на село и полного изъятия продовольствия в страшный, невиданный в прежние времена голодомор.

Глава 5. СТАЛИН НА ХЛЕБОЗАГОТОВКАХ

А вокруг него сброд тонкошеих вождей,
Он играет услугами полулюдей,
Кто свистит, кто мяучит, кто хнычет.
Лишь один он бабачит и тычет.

Осип Мандельштам

Как уже отмечалось, архивные документы свидетельствуют о том, что множество людей обращались к Сталину, как к главе государства, с просьбами и протестами, надеясь, что он разберется, вмешается, примет меры, исправит абсурдную чудовищную ситуацию, с которой они сталкиваются в ходе реорганизации сельского хозяйства, и в частности в ходе хлебозаготовок. Сохранились некоторые ответы Сталина, демонстрирующие его безусловные полемические способности, а также полное нежелание внять доводам и эмоциям оппонентов. Он и без незваных корреспондентов знал все, что ему нужно было знать, чтобы добиться своей цели. А цель была ежегодное получение необходимого количества зерна. Добиваться цели приходилось в тяжелой борьбе с сельским жителем, и ради победы ничего не было жалко. Впрочем, Сталин ради достижения цели никогда не жалел ни патронов, ни человеческих жизней. Поэтому апелляции к идеям социализма мало что значили для него, в отличие от его многочисленных корреспондентов. Вот одно из множества обращенных к нему писем:

«Тов. Сталин, “борьба за хлеб — борьба за социализм” — эту фразу видим мы на каждом перекрестке улицы, слышим на каждом собрании и заседании, эта фраза брошена великим теоретиком и практиком — вождем всех угнетенных, когда наша страна — мировая житница — потеряла свое значение как житница, а нуждалась в привозе хлеба из-за границы. Борьба за хлеб означала добиться в советских условиях того, чтобы Россия снова стала житницей мирового значения. Мы этого добились, мы развязали хлебную проблему.

Но сейчас механические коммунисты, которые не увязывают отдельной кампании с общей целью партии и которые не имеют хотя бы смутного представления об общей цели нашей партии, которые хватаются за какой бы то ни было лозунг, захватываются им до головокружения и делают партии медвежьи услуги...

Здравомыслящие коммунисты доведены до такого состояния, что нельзя высказываться, что ты думаешь, будь автоматом, послали тебя на село, написали тебе план на сельсовет 70 тыс. пудов, а намолочено 20 тыс., ты как "коммунист" должен говорить, что план вполне реален и нужно выполнить, это его долг как "коммуниста", иначе он рискует потерять партбилет.

Я член партии с 1918 г., три года был в рядах Красной армии, партизан, но сейчас созданы такие условия, что выступить и сказать — это значит вынести себе приговор... Я не могу равнодушно смотреть на головотяпов, которые, забирая у коллектива до фунта хлеб, думают, что строят социализм. *А. Чалов*» [*Голод в СССР*, т. 1, кн. 1, с. 548–549].

Еще более резкое письмо направили бывшие красные партизаны, колхозники из АССР Немцев Поволжья во все местные и центральные газеты:

«Рапорт т. Сталину.

Мы, колхозники, красные партизаны, М.-Узеня колхоза "Карла Маркса" шлем товарищу Сталину рапорт. Проклятие, т. Сталин, не пора ли тебе остановиться шагать этими издевательскими шагами — время бросить, мы, колхозники, шлем тебе проклятие вместо рапорта, вышли из терпения, замучил ты нас, совсем разорил и своими бюрократическими шагами, и планами, сделал ты нас рабами и отнял ты у нас свободу, кровью завоеванную нами, стали мы хуже, чем были наши деды барскими. Нет нам ни одежи, ни хлеба, работаем как скот, голодные, разутые, раздетые, спрашиваем мы Вас, будет ли конец этому? Когда же мы будем хозяевами, эта политика не рабочего класса, это строят над нами наши враги — буржуазия, и наши вожди попали под удочку их, всех крестьян разорили, скот весь передушили, села все поразрушили, нас оголодили, сделали нас как оборванных собак, попомните, что скоро эти собаки вынуждены будут вцепиться Вам в горло и отомстить вам за нашу издевательскую свободу.<...>

Нам ваши планы, планы издевательские, не нужны, они разорили нас совсем, довольно нам планов, план должны выработать сами колхозники, но не брехуны, которые издают планы и пугают нас колхозников, примерно хлеб гниет, сено погнило, скот замученный, мы замучились, а нам силосу шлют для еды, как не стыдно за наш труд, как собакам так нам дают хлеб... Они смеются над нами, правду сказать нельзя, как сказал — так оппортунист, подкулачник, а разберись все коммунисты остались у нас самые кулаки, хорошие партийцы все уже отошли от руля, остались только кулаки,

да бродяги, дошли до такой степени, что стали раскулачивать бывших батраков защитников, это кто работает, это самые наши враги, а наши буржуи все живут хорошо, служат на хороших местах и нами воротят, а наши брехуны готовое исполняют... *Соловьев»* (три другие подписи неразборчивы) [*Трагедия*, т. 3, с. 188–189].

Эти письма, как и вся корреспонденция такого рода, попали не к Сталину, а в соответствующие подразделения ОГПУ. В отличие от красных партизан Сталин в первой половине 1932 г. не был обеспокоен положением в деревне. В июне 1932 г. он покинул Москву, уехал на юг, в Сочи, то ли в давно заслуженный отпуск, то ли на лечение[1]. От дел, однако, Иосиф Виссарионович не удалился и обменивался регулярно шифротелеграммами с Л. М. Кагановичем, руководившим Политбюро во время сталинского отсутствия, и председателем правительства В. М. Молотовым, а порой и с другими ответственными руководителями. Среди вопросов, обсуждавшихся во время этой двухмесячной переписки, был размер урожая и хлебозаготовки. Власти в это время считали, что урожай неплохой, помощь семенами и продовольствием совсем недавно нуждающимся регионам была оказана.

Украина

Однако украинским руководителям положение благополучным не казалось. Два главных государственных деятеля Украины в один и тот же день, 10 июня 1932 г., обратились к Сталину с рассказом о тяжелом положении, сложившемся в республике, и высказали опасения, что весенний сев может быть сорван, если не предоставить дополнительной помощи продовольствием, тракторами, лошадьми и посевным материалом. Председатель СНК УССР В. Я. Чубарь писал Сталину и Молотову:

«Сейчас уже можно считать минимум 100 районов (вместо 61, считавшихся к началу мая), нуждающихся в продовольственной помощи и срывающих план весеннего посева... В некоторых селах погибло лошадей от 50 до 80% имевшегося в наличии 1 октября 1931 г. Из числа погибших значительная часть лошадей съедена. Оставшиеся в живых были в таком состоянии, что 80–90, а то

[1] В повестке дня заседаний Политбюро последним, 104-м пунктом 1 июня 1932 г. значилось «О С.» [*Политбюро ЦК РКП(б)*, т. 2, с. 313]. Современные издатели, нарушая эту почтительную таинственность, расшифровывают в квадратных скобках: [Сталине].

и 100% не могли выполнять тяжелые работы (тянуть плуг, сеялку, даже подвозить горючее к тракторам)... Наряду с уменьшением конского состава резко уменьшился состав крупного и мелкого рогатого скота, свиней и птицы. Хозяйственное ослабление группы так называемых тяжелых районов Украины таково, что без специальных плановых (срочных и решительных) мероприятий они будут висеть камнем на шее нашего народного хозяйства, не только УССР, но и СССР в целом. Без специальных кредитов для организованного завоза лошадей, телят, для выращивания волов, свиней, даже птицы, эти районы не встанут на ноги в течение двух-трех лет и будут срывать наши темпы... Правильное ведение хозяйства нарушено у нас в УССР на таком большом участке, что требует внесения специальных корректив в планы хлебозаготовок, мясозаготовок и других заданий в области сельского хозяйства, о чем придется входить в ЦК и Совнарком особо» [*Голод в СССР*, т. 1, кн. 2, с. 230–240].

Причину сложившегося трагического положения Чубарь видит в близорукости руководства Украины, слишком большом размере хлебозаготовок 1931 г. и насильственных непродуманных методах их выполнения. В результате возросла угроза воровства урожая с колхозных полей. Местные руководители либо сняты со своих постов, как не справившиеся, либо разбежались, а враг (кулак) поднял голову, его ряды пополнились большим количеством середняков и бедняков. К письму приложены две таблицы о 29 районах Винницкой и Киевской областей, демонстрирующие очень тяжелое положение их жителей.

Председатель ЦИК Верховного совета Украины Г. И. Петровский в своем письме косвенно обвиняет московскую власть в требовании невыполнимых заготовок:

«Мы знали, что в хлебозаготовках у нас будет суровый нажим, и горшки будут биты. По-моему, взявшись выполнить 510 млн пудов хлебозаготовки на Украине, ЦК КП(б)У виноват в том, что он без возражения это сделал, подчиняясь повелительной необходимости сохранить взятые нами темпы социалистического строительства... Так как семенной материал почти повсеместно забирался в хлебозаготовку, то засев производился часто недоброкачественным материалом, и всходы по этим районам хотя и хорошие, поля без бурьянов, но хлеба редкие. По-видимому, высев был по пониженной норме. К тому же в некоторых случаях колос озимый короткий, тощий и имеет мало зерен. Бросается в глаза много незасеянной земли.

До нового хлеба еще месяц или полтора. Значит, голод будет усиливаться. Поэтому я ставлю перед вами вопрос — нельзя ли оказать помощь украинской деревне в размере двух или, в крайнем случае, полутора миллионов пудов хлеба... Помощь нужно оказать еще и потому, что от голода крестьяне будут снимать недозревший хлеб и его много может зря погибнуть» [*Голод в СССР*, т. 1, кн. 2, с. 240–242].

Первый секретарь ЦК КП(б)У С. В. Косиор был намного более осторожен, чем вышеназванные руководители. Он пишет, что сев весной 1932 г. идет намного лучше, чем в прошлом году, что за все ошибки и проблемы в ходе хлебозаготовок отвечают местные власти: «У нас есть отдельные случаи и даже отдельные села голодающие, однако это только результат местного головотяпства, перегибов, особенно в отношении колхозов. Всякие разговоры о голоде на Украине нужно решительно отбросить. Та серьезная помощь, которая Украине была оказана, дает нам возможность все такие очаги ликвидировать» [*Голод в СССР*, т. 1, кн. 2, с. 227–229].

Москвичи Молотов и Каганович соглашаются, что надо некоторую помощь киевлянам оказать, негативно отзываются о местных украинских вождях и ожидают окончательного ответа на поставленные вопросы от Сталина. Трудности положения населения главу компартии СССР мало интересуют. Его метод решения проблемы — увеличение давления на местные власти, а через них на сельского жителя и сохранение тем самым высокого уровня заготовок зерна. Он пишет Кагановичу: «Письма Чубаря и Петровского не понравились. Первый разводит самокритику, чтобы получить из Москвы новые миллионы пудов хлеба, чтобы добиться снижения плана хлебозаготовок. Ни то, ни другое неприемлемо... По-моему, Украине дано больше, чем следует. Дать еще хлеб незачем и неоткуда» [*Голод в СССР*, т. 1, кн. 2, с. 244].

Главный вывод, который сделал Сталин из писем украинцев, — необходимо найти для Украины новых надежных руководителей. Первым важным укреплением местных кадров было направление в украинское ОГПУ В. А. Балицкого со специальными полномочиями, в результате чего репрессии против руководителей низового и среднего звена стремительно возросли. Из Средневолжского края перебрасывают Хатаевича, позднее направляют Постышева. Сталин собирался убрать и Косиора, он указывал Кагановичу:

«Обратите серьезнейшее внимание на Украину. Чубарь своей разложенностью и оппортунистическим нутром и Косиор своей гнилой дипломатией (в отношении ЦК ВКП)

и преступно-легкомысленным отношением к делу — загубят в конец Украину. Руководить нынешней Украиной не по плечу этим товарищам. Если поедете на Украинскую конференцию (я на этом настаиваю), — примите там все меры к тому, чтобы переломить настроение работников, изолировать плаксивых и гнилых дипломатов (не взирая на лица!) и обеспечить подлинно-большевистские решения конференции. У меня создалось впечатление (пожалуй, даже убеждение), что придется снять с Украины обоих — и Чубаря и Косиора... Говорят, что в двух областях Украины (кажется, в Киевской и Днепропетровской) около 5-ти райкомов высказались против плана хлебозаготовок[1], признав его нереальным. В других райкомах обстоит дело, как утверждают, не лучше. На что это похоже? Это не партия, а парламент.

Если не возьмемся теперь же за выправление положения на Украине, Украину можем потерять. Имейте в виду, что Пилсудский не дремлет, и его агентура на Украине во много раз сильнее, чем думает Реденс или Косиор. Имейте также в виду, что в Украинской компартии (500 тысяч членов, хе-хе) обретается не мало (да, не мало!) гнилых элементов, сознательных и бессознательных петлюровцев, наконец — прямых агентов Пилсудского. Как только дела станут хуже, эти элементы не замедлят открыть фронт внутри (и вне) партии, против партии. Самое плохое это то, что украинская верхушка не видит этих опасностей. Так дальше продолжаться не может.

Нужно:

А) Взять из Украины Косиора и заменить его Вами с оставлением Вас секретарем ЦК ВКП(б)...
Б) Через несколько месяцев после этого заменить Чубаря другим товарищем, скажем Гринько или кем-либо другим...
В) Поставить себе целью превратить Украину в кратчайший срок в настоящую крепость СССР, в действительно образцовую республику. Денег на это не жалеть...».

Дело с Украиной, как видно, обстоит неважно. Заменить Косиора можно было бы лишь Кагановичем. Других кандидатур не видно. Микоян не подходит не только для Украины — он не подходит

---

[1] Сталин в письме Косиору от 20 апреля 1932 г., возможно, по этому же случаю пишет: «Похоже на то, что в некоторых пунктах УССР советская власть перестала существовать. Неужели это верно? Неужели так плохо с деревней на Украине? Где органы ГПУ, что они делают?» [*Голод в СССР*, 2011–2013, т. 1, кн. 2, с. 229–230].

даже для Наркомснаба (безрукий и неорганизованный «агитатор»). Но направлять сейчас Кагановича на Украину нельзя (нецелесообразно!): «ослабим секретариат ЦК» [*Голод в СССР*, т. 2, с 105–106; *Хлевнюк и др.*, с. 210, 248–249, 282–284].

Кроме кадровых перестановок с целью укрепления власти в республике, Сталин, видимо, серьезно восприняв замечание Петровского, что голодные крестьяне будут «снимать недозревший хлеб», занялся разработкой закона об охране общественной и государственной собственности, появившегося 7 августа 1932 г. и прозванного в народе «законом о пяти колосках» [*Голод в СССР*, т. 2, с. 105–106; прил. 3].

От сталинского предложения возглавить Украину Лазарь Моисеевич, конечно, не мог отказаться, хотя ему не улыбалось вновь стать во главе республики, в которой все его не просто ненавидели, но сумели добиться в свое время снятия с поста первого секретаря КП(б)У. Он ответил Сталину стандартной формулой, принятой в их общении: «Я целиком и полностью согласен с вашей оценкой положения и сделаю так, как вы считаете нужным!»[1]

В таком же духе отвечали, как правило, все соратники вождя. Но иногда даже самые старательные не могли угадать, что от них требуется, или пытались, исходя из здравого смысла, донести до высшего руководства важную, по их мнению, информацию. Вот, например, первый секретарь Средневолжского края Хатаевич, переведенный на Украину, пишет вождю 22 октября 1932 г.:

«ЦК ВКП(б) — тов. Сталину[2]

Сегодня исполнилось только 9 дней, как я работаю на Украине. Было бы с моей стороны, по меньшей мере, странно, если бы я претендовал на сколько-нибудь исчерпывающее знание здешних условий и обстановки. Но кой о чем я считаю нужным написать. Чтобы выполнить полностью весь свой годовой план **хлебозаготовок**, Украина должна дать дополнительно к тем 140 (с лишним) миллионам пудов хлеба, которые уже заготовлены, еще около

---

[1] Косиора так и не сняли, а только попугали, возможно, потому, что Каганович умелыми докладами сумел избавиться от угрожающего назначения.

[2] Над машинописным текстом красным карандашом надпись: «Письмо Хатаевича». Жирным шрифтом выделены отрывки, подчеркнутые красным карандашом. Подчеркивание сделано, скорее всего, первым читателем, адресатом письма И. Сталиным. Очевидно, читателем письма был и Молотов, что видно из его реплики к другому письму Хатаевича от 27 декабря: «Ложную установку свою Хатаевич углубляет».

235 миллионов пудов. **Для меня является уже совершенно бесспорным, что этого количества хлеба Украина не даст… следует внести скорее возможно более полную ясность, за какое же точно количество хлеба нам следует драться.** Поправки к планам хлебосдачи значительной части колхозов Харьковщины, Днепропетровщины, Одессщины должны быть внесены возможно скорее.

А для этого необходимо возможно скорее внести вызываемые необходимостью поправки к хлебозаготовительным планам тех колхозов, которые на деле переобложены… Чтобы поднять как следует заготовки от нынешнего их позорно-низкого уровня, потребуется очень сильный нажим. Такой нажим легче будет осуществить, и он даст должный эффект только при условии, если будут внесены такие коррективы в действующий план хлебозаготовок, при которых была бы уверенность, что в колхозах оставляется количество хлеба, обеспечивающее их минимальную потребность в продовольствии, фураже и семенах.

Мне, понятно, крайне трудно сказать точно, сколько же можно будет заготовить хлеба на Украине. Слишком я еще молодой украинец для этого. Но боюсь, что пахнет тут чем-то вроде 70 миллионов пудов. (Из них по колхозно-крестьянскому сектору миллионов 55–58.)

С ком. приветом. 22.X.1932» [*Голод в СССР*, 2009, с. 187–191].

Молотов решительно возражал Хатаевичу:

«Нельзя большевику отодвигать удовлетворение нужд — **минимальных нужд**, по строгому и неоднократно проверенному партией решению — нужд государства на десятое и даже на второе место.

С товарищеским приветом, *В. Молотов*».

Косиор, возмущенный попыткой Хатаевича обсуждать проблемы с Москвой через его голову, решительно возражает против немедленного снижения плана, утверждая, что этим можно сорвать заготовки следующего месяца. Только потом (в конце ноября-декабря) можно будет уменьшить, по его словам, план заготовок на 25 млн пудов [*Голод в СССР*, 2009, с. 191–195][1]. Еще более несвоевременным оказалось предложение Хатаевича оставить часть зерна сельскому населению для продовольствия и семян. В это время

[1] Письмо датировано 23 декабря. Над текстом красным карандашом подписано: «От Косиора С.». Многое, как и в письме Хатаевича, подчеркнуто тем же красным карандашом. В углу сверху простым карандашом: «Мол., Куйб.» Очевидно, письмо рекомендуется прочитать Молотову, Кагановичу и Куйбышеву.12 января 1933 г. план заготовок по Украине бы уменьшен на 28 млн пудов [*Трагедия*, т. 3, с. 862].

и в Москве, и в Киеве приходят к прямо противоположному решению: независимо ни от чего вывезти абсолютно все. Косиору даже приходится отказываться от своих прежних рекомендаций:

«25 декабря 1932 г.

Спустившись поглубже в колхозы, я убедился, что пункт о фондах в письме обкома от 18 декабря нужно не только отменить, а также осудить как политически неправильный, особенно в части мотивировки, почему не следует вывозить семенных фондов.

Хотя я был основным автором этого документа и принимал участие в его окончательном редактировании, но, именно поэтому, считаю своим долгом внести это предложение, чтобы не путать районных работников, не облегчать возможности всякого рода оппортунистам для злостных разговоров вокруг вывоза посевных фондов, которые мы сейчас в обкоме решили и проводим в жизнь.

Конечно, вывоз семенных фондов является мерой тяжелой, но по отношению к колхозам, недобросовестно относящимся к выполнению своих обязательств перед государством, другого выхода нет... Для того чтобы организовать сев, нужно прежде всего сломить организованный кулаком саботаж хлебозаготовок, побить кулака в этом решающем пункте нашей борьбы с кулаком и его пособниками и подпевалами, с их влиянием в колхозе.

С. Косиор» (письмо В. А. Строганову) [*Голод в СССР*, т. 2, с. 295–296].

Сталин тем временем, анализируя трудности проведения хлебозаготовок и завершения колхозного строительства, находит, как это он всегда старается делать, ключевую идею, которая должна заставить местных руководителей успешнее решать возникающие проблемы: интересы государства должны быть *всегда* на первом месте. Свои соображения он сформулировал в специальной статье «О работе в деревне».

Во-первых, «чтобы не сорвать заданий советской власти, коммунисты должны были при этих новых условиях с первых же дней уборки еще в июле месяце 1932 г., — они должны были всемерно усилить и подгонять хлебозаготовки. Этого требовала обстановка, а как они поступили на деле? Вместо того чтобы подгонять хлебозаготовки, они стали подгонять образование всякого рода фондов в колхозах, усиливая тем самым сдержанность сдатчиков хлеба в деле выполнения их обязанностей перед государством».

Во-вторых, коммунисты должны взять на себя руководство всей хозяйственной деятельностью колхозов. Переход к коллективному хозяйству не уменьшает, а увеличивает руководящую роль

партии. «Единоличник должен был сам заботиться о себе, об уборке и вообще обо всех процессах сельскохозяйственного труда, если он не хотел остаться без хлеба и стать жертвой голода... центр тяжести ответственности переместился теперь от отдельных крестьян на руководство колхоза, на руководящее ядро колхоза... Партия должна теперь взять в свои руки руководство колхозами, принять на себя ответственность за работу и помочь колхозникам вести свое хозяйство вперед на основе данных науки и техники».

В-третьих, рядовые крестьяне и даже местные руководители могут оказаться врагами советской власти, вредителями и саботажниками. За ними нужен самый тщательный и жесткий контроль. «Их [кулаков] не нужно искать далеко от колхоза, они сидят в самом колхозе и занимают там должности кладовщиков, завхозов, счетоводов, секретарей и т. д. Они никогда не скажут — "долой колхозы". Они "за" колхозы. Но они ведут в колхозах такую саботажническую и вредительскую работу, что колхозам от них не поздоровится. Они никогда не скажут — "долой хлебозаготовки". Они "за" хлебозаготовки. Они "только" пускаются в демагогию и требуют, чтобы колхоз образовал резерв для животноводства, втрое больший по размерам, чем это требуется для дела, чтобы колхоз образовал страховой фонд, втрое больший по размерам, чем это требуется для дела, чтобы колхоз выдавал на общественное питание от 6 до 10 фунтов хлеба в день на работника и т. д. Понятно, что после таких "фондов" и выдач на общественное питание, после такой жульнической демагогии хозяйственная мощь колхоза должна быть подорвана, и для хлебозаготовок не остается места» (датировано 11 января 1933 г.) [*Сталин*, т. 13, с. 218–230].

Мудрые идеи вождя были тут же подхвачены руководителями областей и республик. Переброшенный на Украину со специальными полномочиями ЦК Петр Постышев 4 февраля 1933 г. на конференции коммунистов Украины объяснял:

«Прежние местные руководители должны понять, что с появлением колхозов их работа существенно меняется и углубляется, теперь подлежит управлению каждая деталь сельскохозяйственного производства. Раньше единоличник был сам заинтересован в получении урожая, сам сеял, сам пахал, и было важно только получить с него налоги. Теперь иначе. Колхозник, вчерашний бедняк, и со своим-то хозяйством едва справлялся, как ему совладать с большим новым делом. Он ждет, что партия, которая его организовала в колхозы, будет им и дальше руководить. А главное, у крестьянина не изжита частнособственническая психология, он свя-

зан родственными узами с врагами советской власти, и поэтому необходим самый жесткий контроль.

Допустил, что вместо 6 пудов на гектар побросали в землю 3, а разницу 3 пуда поклали в кишки, получишь бурьян во время хлебозаготовок. Не поставил контроля за молотилкой, не наладил учет хлеба, перевозимого с тока в амбар и из амбара на элеватор, — знай вперед, что злодеи и рвачи его растащат в убыток трудовым колхозникам и государству...

Классовые враги намереваются организовать расхищение собранного посевного материала. Надо к этому подготовиться, выделить завхозов, кладовщиков, сторожей, абсолютно проверенных надежных колхозников и специальных товарищей из районных и областных организаций»[1].

Полностью признает справедливость сталинских указаний, раскаивается в собственных ошибках первый секретарь компартии Украины С. Косиор: «Мы должны были мобилизовать все силы на первоочередное выполнение обязательств перед государством, поставить под непрерывный контроль сбор, скирдование, обмолот, выставить наистрожайшую охрану хлеба и максимально ускорить движение хлебозаготовок»[2].

Еще одна вина местных руководителей заключалась в том, что они не верили в возможность выполнения плана заготовок, считали его нереальным и обращались с просьбами о его снижении. По словам Косиора, среди них были и многие, прежде занимавшие первые места по заготовкам, и ЦК КП(б)У, вместо того чтобы крепко ударить по таким гнилым настроениям, снять непригодных, пытался их переубедить. Многие местные руководители пошли тем временем на открытый саботаж хлебозаготовок, пряча зерно. Корнем этой ошибки было доверие к статистическим сведениям о размерах урожая. Разоблачая эту ошибочную тенденцию, Косиор идет двумя противоположными путями.

Во-первых, по статистическим данным, урожай был лучше прошлогоднего, и план заготовок легко мог быть выполнен:

«То, что в этом году положение в смысле хлебных ресурсов в Союзе у нас лучшее, более благоприятное, чем в прошлом,

---

[1] Интересно, что в ходе колхозного строительства никому из руководителей не приходило в голову, какую огромную работу по контролю и охране имущества, по управлению сельскохозяйственным производством им самим придется выполнять.

[2] Косиор отмечает, что ошибка была исправлена, посевные фонды вывезены в счет хлебозаготовок, но план все равно выполнить не удалось.

не подлежит никакому сомнению... в этом году у нас урожай сравнительно более благоприятный, валовой сбор хлебов больший, чем в 1931 г. И, тем не менее, заготовки в этом году проходили с большими затруднениями... Говорят, что урожай был плохой. Если даже принять целиком на веру цифры наших статистических учреждений, а эти цифры основаны на сильно приуменьшенных данных фактического обмолота, то выходит, что урожай, по этим данным, на первое октября составил в среднем 7,3 ц с га, а в прошлом году урожай, по тем же данным, был ниже, чем 7 ц с га. Выходит, что при сравнительно лучшем урожае в этом году мы заготовили по всем секторам 255 млн пудов против 440 млн пудов, заготовленных в прошлом году. Как бы мы ни оценивали урожай, даже если брать наиболее заниженные данные, то и тогда нельзя найти объяснение такому низкому выполнению плана хлебозаготовок».

Во-вторых, статистические сведения недостоверны: «Когда приезжаешь в район для хлебозаготовок, то вам начинают вытаскивать отовсюду сведения, таблицы про низкую урожайность, которые везде и всюду составляют вражеские элементы, которые окопались в колхозах, земельных отделах, МТС... такая арифметика есть кулацкая арифметика, по ней мы не только не получили бы такого количества хлеба, который заготовили, а и половины не заготовили бы».

Косиор открыто признает, что, по данным статистики, план выполнить нельзя и наполовину. Выход он видит в разоблачении вредительской, кулацкой статистики. Руководители не должны доверять никаким сведениям, которые указывают, что план выполнить нельзя. Надо разоблачать авторов этих данных как врагов и продолжать заготовки. Если верить цифрам, то нельзя хорошо организовать заготовки, признается Косиор. Осуждает он и запрет в Днепропетровской области на разглашение сведений о размере урожая, чтобы не стала всем очевидной невозможность выполнения плана. Замалчивать недостаточно, считает Косиор. Это значит, что сами руководители верят этим сведениям, и поэтому они не могут решительно продолжать хлебозаготовки. Необходимо не замалчивать, а разоблачать данные как вражеские. Нужно понять, что эти сведения фальшивые, даже если сами партийные работники принимали участие в их составлении. Только решительно отбросив всю статистику, можно добиться выполнения плана.

Еще одной «страшной» ошибкой было создание фондов для подготовки урожая следующего года прежде полного выполнения

заготовок. Государственные интересы должны стоять на первом месте, и заготовки проводятся в первую очередь.

«Конечно, если найдется классовый враг, который скажет: сначала себе, а потом государству, то его каждый коммунист легко разоблачит как оппортуниста. Тут сразу видно, что линия не наша, подсказана классовым врагом. Хотя еще были и такие „коммунисты“, которые эту линию отстаивали... Но другая — принесла большие потери: создание посевных фондов. Ошибочность представления о неприкосновенных посевных фондах заключается в том, что интересы государства ставятся на второй план и такая политика ослабляет позицию хлебозаготовителей в борьбе за хлеб, дезориентирует и демобилизует их» [*Голод 1932–1933*, с. 350–370].

Наконец, страшный урон, по мнению Сталина, Косиора и Постышева, понесло государство от общественного питания во время посевных работ. Правда, проводилось оно за счет трудодней, заработанных колхозниками, причем во многих местах было израсходовано 60–70% и более всего фонда выдачи зерна колхозникам на трудодни. Косиор приводит «совершенно возмутительные» факты:

«В “Стрельницком” колхозе хлеб выдавался всем без разбора, и главное, он попадал лодырям, которые специально приходили к раздаче хлеба в обед, в колхозе “Батрак” под видом общественного питания выдавали по 3 фунта хлеба на человека, в колхозе “Пятилетка” тем, кто работали в поле, ежедневно выдавалась по 4 фунта хлеба и по фунту крупы.

Там, где давалось по 3–4–5 фунтов на день, было уже не общественное питание, а воровство хлеба явочным порядком, нелегальная система раздела, проходившая абсолютно бесконтрольно и безнаказанно, пока это не было пресечено».

Мы видим, что, по мнению высшего партийного руководителя Украины, выдача на питание 1,5–2,5 кг хлеба на работника (то есть по 500–700 г на члена его семьи) — страшное преступление, воровство из кармана государства. Показательно, что партийные руководители не упрекают председателей колхозов в разбазаривании на общественное питание мяса, сала, яиц. Хлеб и крупа, а сколько же их надо во время тяжелой работы?! Как не вспомнить тут традиционные «кулацкие» помочи с ведрами самогона, зажаренным поросенком и караваями хлеба! [*Данилов*, 1977, с. 137].

Колхозники и их семьи не должны есть. Это не говорилось прямо, но подразумевалось постоянно, когда вожди с гневом обрушивались на фонды питания. Очень знаменательно, что ни Косиор, ни Постышев, ни Сталин не приводят положительных примеров,

не указывают, сколько же надо тратить на общественное питание. По их глубокому убеждению, тратить нельзя ничего. Таким образом, местным руководителям следовало в первую очередь усвоить следующие истины: задачи государства важнее всего, распоряжения вышестоящих организаций выполняются без размышлений независимо от возможных последствий, сельскому жителю нельзя ни в чем доверять, партийный аппарат должен контролировать производство и распределение от начала до конца.

Решительные и, казалось бы, логичные утверждения Сталина, Постышева, Косиора и других высших партийных вождей содержат элементы иррационального абсурда. Они порой говорят вещи совершенно бессмысленные, и их аудитория, состоящая из партийных работников, возможно не слишком грамотных, но все же знакомых с арифметикой и основами сельскохозяйственного производства, не могла не понимать нелепости этих указаний. Но они слушали, хлопали и принимали активное участие в их выполнении.

Например, методы оценки урожаев были известны всем. Контрольные обмолоты делались не первый год, для всех очевидно, что это не окончательная цифра, не собранный урожай, а выращенный, его можно получить лишь в случае успешной (абсолютно без потерь) уборки. Почему в этом году следует считать эти сведения сильно преуменьшенными, а не преувеличенными, как думали серьезные экономисты в предшествующие годы? Какие другие методы оценки следует применять? Как плановая цифра заготовок связана с размерами урожая? Почему никто не вспоминает о договорах по контрактации, о страховке посевов и прочих механизмах, согласовывавших намерения крестьянина и планы государства в предшествующие годы? Все эти естественные вопросы не получают ответа в речах вождей. Более того, вполне определенно заявлено, что всех, кто ставит под сомнение возможность выполнения плана заготовок в предписанном размере, следует считать врагами. Без всяких колебаний Косиор уступает «врагам-кулакам» всю статистику, оставляя себе только интуитивные эмоциональные оценки.

Также и докладчикам и слушателям очевидно, что без семян для нового урожая не обойтись. И так как сеять будут, то вывоз семян противоречит интересам государства, а не защищает их. Это приводит к потерям при транспортировке, к ухудшению качества посевного материала, так как районные сорта заменяются неизвестно чем. Если принимать во внимание урожай следующего года, то как заготовки могут быть предпочтительней создания семенных фондов? Конечно, очень скоро государство должно было

отказаться от абсурдных двойных переброс и признать, что необходимо оставлять семена в селе.

Но самым иррационально трагическим было умолчание о праве крестьян есть. Следует заметить, что, с точки зрения сельского жителя, традиционный порядок: питание семьи, семена, фураж, налоги — был не просто нормой, но единственно возможным способом существования. Даже в годы военного коммунизма признавалось, что сельские жители имеют право на часть продовольствия. Критикуя общественное питание, разбазаривание зерна, выдвигая на первый план право заготовок, руководители ни разу не обмолвились о необходимости хотя бы самого минимального обеспечения сельского населения продовольствием. Практически они такую необходимость решительно отрицали. Но ведь и это абсурд. Государство для выполнения работ нуждалось в людях, и значит, необходимо было признать их право на потребление продуктов, хоть в какой-то степени. Как ни стремилось государство все забрать себе, с проблемой питания в селе нельзя было не считаться. Это прекрасно понимали и докладчики и слушатели. Понимали и молчали.

Почему это оказалось возможным? Как вместо определенных экономических и политических целей возникали бессмысленные фантастические утверждения? Очевидно, что в этом безумии «была своя система». Это логика приучения граждан к полному подчинению. И нет более высокой степени подчинения, чем признание нормой абсурда. Вынужденный постоянно называть черное белым, человек теряет способность к независимому анализу, становится автоматом, колесиком и винтиком государственной машины. Ради воспитания покорных и безответственных исполнителей не жалко было и потерять некоторое количество зерна, возя его туда и обратно. Логика безумия оказалась необходимой для создания тоталитарной системы управления. Основным методом воздействия на население становятся в это время репрессии. «Плохими» оказывались сначала зажиточные крестьяне (кулаки), затем единоличники, не желавшие вступать в колхоз, после этого колхозники, не хотевшие или не умевшие работать по указаниям властей, и местные руководители, не справившиеся с организацией работ и заготовками зерна в размерах, предписанных центром. Все они заслуживали сурового наказания. Каждый житель деревни стоял перед выбором — полное подчинение или тюрьма. И от голодной смерти оказался никто не застрахован.

Любой руководитель должен был беспрекословно, старательно, без обсуждений и размышлений выполнять все распоряжения

высших властей. Н. Я. Терехов 24 января 1933 г. был снят с поста первого секретаря обкома Харьковской области за попытку просветить вождя по проблеме голода на Украине. По словам Терехова, Сталин ответил: «Нам говорили, что вы хороший оратор, оказывается вы хороший рассказчик — сочинили такую сказку о голоде, думали нас запугать, но не выйдет! Не лучше ли вам оставить пост секретаря Харьковского обкома и пойти в Союз писателей: будете сказки писать, а дураки будут читать» (Правда. 1964. 26 мая).

Северный Кавказ

Интересно, что если секретарю обкома Сталин иронически рекомендовал перейти в Союз писателей, то к писателю Михаилу Шолохову он относился намного более уважительно. На трагические письма Шолохова из донской станицы вождь ответил серьезно и даже приказал принять некоторые конкретные меры. Шолохов писал 4 апреля 1933 года:

«Было официально и строжайше воспрещено остальным колхозникам пускать в свои дома ночевать или греться выселенных... Им надлежало жить в сараях, в погребах, на улицах, в садах. Население было предупреждено: кто пустит выселенную семью — будет сам выселен с семьей. И выселяли только за то, что какой-нибудь колхозник, тронутый ревом замерзших детишек, пускал своего выселенного соседа погреться. Тысяча девяносто семей при 20-градусном морозе изо дня в день круглые сутки жили на улице. Днем как тени они слонялись около своих замкнутых домов, а по ночам искали убежища от холода в сараях и на мякинниках. Но по закону, установленному крайкомом, им там нельзя было ночевать! Председатели сельских советов и секретари ячеек посылали по улицам патрули, которые шарили по сараям... Я видел такое, чего нельзя забыть до смерти: в хуторе Волоховском Лебяженского колхоза ночью, на лютом ветру, на морозе, когда даже собаки прячутся от холода, семьи, выкинутые из домов, жгли на проулках костры и сидели возле огня. Детей заворачивали в лохмотья и клали на оттаявшую от огня землю. Сплошной детский крик стоял над проулками...

В начале февраля по пути в Вешенскую приехал секретарь крайкома Зимин... Первый вопрос, который он задал присутствовавшему на бюро секретарю Чукаринской ячейки: “Сколько у тебя выселенных из домов?” “Сорок восемь хозяйств”. “Где они ночуют?” Секретарь ячейки засмеялся, потом ответил, что ночуют, мол, где придется. Зимин ему на это сказал: “А должны ночевать

не у родственников, не в помещениях, а на улице!" После этого по району взяли линию еще круче. И выселенные стали замерзать. В Базковском колхозе выселили женщину с грудным ребенком. Всю ночь ходила она по хутору и просила, чтобы ее пустили с ребенком погреться. Не пустили, боясь, как бы самих не выселили. Под утро ребенок замерз на руках у матери. Сама мать обморозилась. Женщину эту выселял кандидат партии — работник Базковского колхоза. Его, после того как ребенок замерз, тихонько посадили в тюрьму. Посадили за "перегиб". За что же посадили? И если посадили правильно, то почему остается на свободе т. Зимин?

Число замерзших не установлено, т. к. этой статистикой никто не интересовался и не интересуется; точно так же, как никто не интересуется количеством умерших от голода. Бесспорно одно: огромное количество взрослых и "цветов жизни" после двухмесячной зимовки на улице, после ночевок на снегу уйдут из этой жизни вместе с последним снегом. А те, которые останутся в живых, будут полукалеки. Но выселение — это еще не самое главное. Вот перечисление способов, при помощи которых добыто 593 т хлеба...» [*Шолохов*, с. 105–124].

Шолохов рассказывает о чудовищных мерах, которые применялись при заготовках: раздетых сажают в холодный амбар, вывозят за несколько километров от села и заставляют голыми бежать по снегу домой, ставят или сажают на раскаленную плиту, ставят к стенке и стреляют поверх головы, избивают, топчут ногами, мучают членов семьи, разрушают крыши домов или печки, заставляют часами стоять с высунутыми языками. Писатель называет станицы, где это происходило, и имена мучителей и заключает: «Примеры эти можно бесконечно умножить. Это — не отдельные случаи загибов, это — узаконенный в районном масштабе — "метод" проведения хлебозаготовок. Об этих фактах я либо слышал от коммунистов, либо от самих колхозников, которые испытали все эти "методы" на себе и шли ко мне с просьбами "прописать про это в газету"».

Товарищ Сталин телеграфно поблагодарил Шолохова за сигнал о перегибах, даже попенял писателю: надо было сообщать такую важную информацию не письмом, а телеграммой. Он написал, что по его просьбе выделено 160 тыс. пудов зерна, а для разбора дела выезжает партийная комиссия во главе со Шкирятовым[1]. Через

---

[1] Результаты работы партийной комиссии были рассмотрены через два месяца на Политбюро в присутствии Шолохова. Историк Николай Алексеевич Ивницкий

месяц Сталин снова благодарит Шолохова, но также отмечает, что письма Шолохова «производят несколько однобокое впечатление»[1]: «Наши работники, желая обуздать врага, бьют нечаянно по друзьям и докатываются до садизма. Но это только одна сторона дела... а другая сторона состоит в том, что уважаемые хлеборобы вашего района (и не только вашего района) проводили “итальянку” (саботаж!) и не прочь были оставить рабочих, Красную Армию, — без хлеба. Тот факт, что саботаж был тихий и внешне безобидный (без крови), — этот факт не меняет того, что уважаемые хлеборобы, по сути дела, вели “тихую” войну с советской властью. Войну на измор, дорогой тов. Шолохов, и виновные в этих безобразиях должны понести должное наказание. Но все же ясно как божий день, что уважаемые хлеборобы не такие уж безобидные люди, как это могло показаться издали» [*Трагедия*, т. 3, с. 717–718].

Смысл этого ответа очевиден: сельский житель — враг, ведущий тихую, но опасную войну против советской власти, а как точно заметил в те же годы в газетах «Правда» и «Известия» Максим Горький: «Если враг не сдается, его уничтожают». Это реально и происходило в те годы в боях на хлебном фронте.

рассказал о принятых решениях. Он считает наказания партработников очень несерьезными. *«Инициатору перегибов Овчинникову объявлен строгий выговор, он был снят с работы с запретом на один год работать в деревне»* [*Ивницкий*, 2009, с. 220–221]. Второй секретарь крайкома Н. Н. Зимин был освобожден от работы и направлен в распоряжение ЦК в Москву. Там он получил должность заместителя начальника политуправления Наркомата путей сообщения, был выбран в Верховный Совет СССР, а затем стал первым секретарем Ярославского обкома ВКП(б). В репрессиях 1937 г. Зимин вместе с руководителем НКВД Ершовым принял самое активное участие. Были арестованы 544 руководителя областного уровня (в частности, первый секретарь обкома, на смену которому пришел Зимин), 166 директоров предприятий, 40 преподавателей учебных заведений и множество партийных и беспартийных граждан. В 1938 г. Зимин и Ершов были арестованы по обвинению в шпионаже и вредительстве, выразившемся в необоснованных арестах. В 1956 г. Зимин был реабилитирован, а впоследствии внесен «Мемориалом» в список жертв сталинских репрессий. Первый секретарь Северокавказского крайкома партии Б. П. Шеболдаев, сторонник и проводник жестоких мер, был также репрессирован в 1937 г.

[1] Шолохов в эти дни пишет в Москву Левицкой: «Сейчас я несколько распрямился: послал хозяину два письма (единственный продукт творчества за полгода) и получил от него две т-мы [телеграммы]. Приеду, привезу, расскажу... Гляжу на всё. А поглядеть есть на что. Хорошее: опухший колхозник, получающий 400 г хлеба пополам с мякиной, — выполняет дневную норму. Плохое: один из хуторов, в нем 65 хозяйств, с 1-го февраля умерло около 150 человек. По сути — хутор вымер. Мертвых не зарывают, а сваливают в погреба. Это в р-не, который дал стране 2 300 000 пудов хлеба. В интересное время мы живем!»

О том, какое важное значение придавал Сталин этапу коллективизации, рассказал один знаменитый свидетель, Уинстон Черчилль. В Москве в 1942 г. он спросил Сталина:

«— “Лично для вас тяготы этой войны так же тяжелы, как проведение политики коллективизации”?

Эта тема сразу оживила маршала.

— “О нет, политика коллективизации была ужасной борьбой”, — ответил он.

— “Я так и думал, что вы считаете ее тяжелой, — сказал я — Вы ведь имели дело не с несколькими десятками тысяч аристократов или крупных помещиков, а с миллионами маленьких людей”.

— “С десятью миллионами, — сказал Сталин. — Этот кошмар продолжался четыре года, но России было абсолютно необходимо пахать землю тракторами, для того чтобы избежать голода. Мы должны были механизировать наше сельское хозяйство. Когда мы давали крестьянам тракторы, они через несколько месяцев приходили в негодность. Только колхозы, где есть мастерские, могут правильно обращаться с тракторами. Мы старались всеми силами объяснить это крестьянам. Но спорить с ними было бесполезно. После того как вы все изложите крестьянину, он вам говорит, что должен пойти домой и посоветоваться с женой, посоветоваться со своим пастухом. — Это последнее выражение было для меня новым в этой связи. — Обсудив это дело с ними, он всегда отвечает, что не хочет колхоза и лучше обойдется без тракторов”.

— “Это были люди, которых вы называли кулаками”?

— “Да, — ответил Сталин, не повторив этого слова. После некоторого молчания он сказал: — Все это было очень скверным и трудным, но необходимым”.

— “Что же случилось”? — спросил я.

— “Многие из них согласились с нами пойти. Некоторым из них дали землю для индивидуального пользования в Томской области, или в Иркутской, или же еще дальше на севере, но в массе своей большие наделы оказались очень непопулярными и их уничтожили свои же батраки”...

Я обращаюсь к этим воспоминаниям по мере того, как они возникают в памяти. Помню, какое сильное впечатление произвело на меня в то время сообщение о том, что уничтожаются или переселяются миллионы мужчин и женщин. Конечно, придет поколение, которому неведомы будут их страдания, и оно, конечно, будет иметь больше еды и будет боготворить имя Сталина. Я не повторил афоризм Бёрка: “Если я не могу провести реформу

без несправедливости, то не надо никаких реформ". Когда вокруг шла мировая война, не время было морализировать» [*Черчилль*, с. 195–196].

Иосиф Сталин не нуждался в идеях Бёрка[1], важных для Черчилля. Он сам сформулировал и реализовал целый ряд крылатых выражений: «цель оправдывает средства», «лес рубят — щепки летят», «незаменимых у нас нет», «жить стало лучше, жить стало веселей».

[1] Эдмунд Бёрк — ирландский философ. Отстаивал в английском парламенте право американских штатов на независимость, но с самого начала Французской революции был ее решительным противником. Он считал, что существовавшую во Франции систему надо было улучшать, но не полностью уничтожать, чтобы построить все заново. В книге «Размышления о Французской революции» предсказал и политический террор, и появление Наполеона (как поспешное возведение новой политической конструкции из обломков разрушенной старой).

Глава 6. ПИТАНИЕ СЕЛА

Изучению потребления населения в дореволюционный и доколхозный периоды уделялось большое внимание. Оно рассматривалось с помощью бюджетных обследований различных социальных слоев населения. Средние значения потребления отдельных продуктов до революции и в годы НЭПа мало различались. Вероятно, во втором случае распределение потребления было более равномерным: уменьшился разброс между зажиточными и бедными слоями населения, сократилось различие между городом и деревней. Средний уровень питания тех лет был довольно высоким и по калорийности заметно превышал норму. Происходило это за счет традиционного переедания частью населения в определенные периоды (в основном осенью). В другое время потребление снижалось, что связано с обычаями, религиозными традициями (посты), а также с отсутствием холодильного оборудования. Служащие питались лучше рабочих, крестьяне многопосевные получали на 10–15% более калорийную пищу, чем малопосевные [*Итоги десятилетия*, с. 357].

Наиболее важным продуктом был хлеб. На него приходилось в среднем 45–50% калорийности питания, а в голодные годы и того больше. Традиционное потребление зерна в потребляющей полосе России составляло около 280 кг на душу населения. Отмечается некоторая разница между районами страны. В северной (потребляющей) полосе использовалось больше мяса, молока, картошки, овощей; в южной (производящей) было выше потребление хлебных культур, свинины, птицы. В редконаселенных районах Сибири чаще прибегали к охоте и рыболовству; кочевые народы Казахстана, Бурятии, Туркмении и Киргизии питались в основном продуктами животноводства. В Средней Азии и Закавказье важную роль играли садоводство и скотоводство. В табл. 1.8 показано потребление различных районов Украины, где хорошо представлены основные группы сельского населения. Степь — это типичный зерновой (производящий) район. По характеру питания он близок к Поволжью, Северному Кавказу, земледельческой полосе Сибири и Казахстана. Хлеб, в значительной части пшеничный, был там основой питания сельского жителя. Картофель и крупы играли второстепенную роль, потребление мяса и рыбы было незначительным, жиров — относительно большим. Кроме сала и сливочного масла, жители использовали растительное масло, 3–4 кг на человека.

Таблица 1.8. **Потребление продуктов в Украине и СССР, кг на человека в год**

Регионы	Год	Мука	Картофель	Мясо	Животн. жиры	Раст. жиры	Яйца, шт
Неурожайные губернии Украины	Осень 1921	140*	79,0	36,7	4,70	3,7	51
Вся Украина	Осень 1921	206*	74,0	33,6	6,40	2,9	44
Неурожайные губернии Украины	Весна 1922	107*	53,0	19,7	2,60	2,6	58
Вся Украина	Весна 1922	161	141,0	25,0	6,50	1,7	39
Левобережье	1927/28	278	12,9	23,3**	1,10	—	—
Полесье	1927/28	183	18,9	29,9	11,00	—	60
Степь	1927/28	187	93,0	24,2	18,00	—	65
СССР, земледельцы	1928	192	141,0	24,8	11,50	—	58
СССР, неземледельцы	1928	134	87,6	51,7	2,97	—	110
СССР, земледельцы	1932	165	125,0	24,8	1,55	—	58
СССР, неземледельцы	1932	163	110,0	16,9	1,75	—	100
Семейные рабочие	1933	156	92,0	14,6	3,70	1,1	77
Колхозы	1935/36	125	116,0	8,8	1,40	1,2	33

* Хлеб пересчитан в муку по коэффициенту 1,3 без суррогатов.

** Без рыбы.

Примечание. Строка «Колхозы» — бюджетное обследование колхозов Днепропетровской области в 1935 г., средние значения по 479 хозяйствам (2260 человек). Бюджетные обследования колхозов Киевской области дают похожие цифры, иногда более развернуто. «Семейные рабочие» — данные за первый квартал, общественное и домашнее питание пересчитано на год. Данные 1921–1922 гг. пересчитаны на мужские души с коэффициентом 0,75. Мука в 1921, 1922 и 1935 гг. включает крупу и зерно, пересчитанные по коэффициенту 1,3. 1927–1932 гг.: хлеб пересчитан в муку по коэффициенту 1,3 без суррогатов. В 1921–1922 гг. мясо включает мясо, рыбу и птицу, в 1928–35 гг. — мясо, сало, птицу. В творог и сметану включено молоко с коэффициентом 0,1. Животные жиры для СССР, Полесья, Степи — только масло сливочное. Яйца рассчитаны по производству и заготовкам.

Источники: [*НХ*, 1923, с. 1–2; *Кононенко*, с. 322; *Мошков*, с. 136; *Страна Советов*, с. 122–123; *Итоги десятилетия*, с. 357; *Осокина*, 2008, с. 333]; РГАЭ, ф. 260, оп. 1, ед. хр. 676, л. 5–49; ед. хр. 290, л. 5–44.

Например, мяса и сала — 5,8 кг на человека в год, рыбы — 2,2 кг, сметаны и сыра — 1,8 кг, сахара — 1,6 кг, молока — 120 л. Молоко и молочные продукты играли важную роль — свыше двух третей сельских жителей имели коров (рис. 1.1 на с. 54, прил. 4, 5). Кроме того, крестьянское питание включало около 100 кг фруктов и овощей, в значительной части бахчевых, несколько килограммов сахара [*Итоги десятилетия*, с. 357]. Потребление Полесья типично для центральных районов европейской части страны и отчасти для северных территорий. Для этих регионов характерно увеличение потребления картофеля и круп, снижение уровня использования хлеба, особенно пшеничного, более существенная доля мяса и меньшая — жиров. В некоторых местностях заметно растет потребление рыбы. Среди овощей преобладают капуста и огурцы, засаливаемые на зиму.

Коллективизация и вызванное ею падение сельскохозяйственного производства привели к резкому снижению потребления в стране. В городе ухудшается характер питания, становится меньше мяса, молока, жиров, больше картошки и хлеба, причем качество последнего заметно снижается. В селе в 1932 г. на одного сельского жителя приходилось 165 кг муки, 125 кг картошки, 11,2 кг мяса и 0,7 кг масла (табл. 1.8).

Уровень жизни сельского населения в ходе коллективизации снизился до немыслимого в прежние времена предела. Свою роль сыграло прекращение свободной продажи хлеба в городах, сокращение, а затем и запрет хлебной торговли в областях, не выполнивших план хлебозаготовок, о котором правительство постоянно напоминает в своих постановлениях.

И до революции, и в годы НЭПа уровень потребления продовольствия сельским населением был в несколько раз выше. Удивительная картина рисуется при сравнении колхозного уровня потребления в относительно благополучном 1935 г. с питанием крестьян Украины в 1921–1922 голодных годах. В 1935 г. колхозник в среднем за год потреблял мяса в 4 раза меньше, чем украинский крестьянин в 1921 г. Животных жиров, овощей, молока, яиц он получал в 3–4 раза меньше, хлеба меньше на четверть и лишь картофеля больше. Только в самый тяжелый период, весной 1922 г., положение в голодавших губерниях оказалось в чем-то сопоставимым с обычным уровнем жизни колхозников (табл. 1.8, прил. 5). Валовые сборы и доля заготовок последующих лет показывают, что такое потребление в селе стало «нормой». Ни разу, кроме урожайного 1937 г., сельский житель не имел хлеба в достаточном количестве (табл. 1.9).

Таблица 1.9. **Распределение урожая зерна в 1928–1938 гг., млн ц**

Год	Валовой сбор	Заготовки и закупки	Семена посева	Фураж в селе	Гарнц	Село
1928	731	128	119	183	14,4	301
1929	717	161	124	182	23,0	250
1930	750	225	131	161	22,2	232
1931	650	228	135	133	15,2	161
1932	520	188	129	119	12,3	84
1933	684	233	131	99	15,4	221
1934	676	262	135	85	11,9	164
1935	750	284	133	102	—	223
1936	558	298	132	90	—	48
1937	974	319	135	110	—	390

Примечание. Потребление фуражного зерна в селе — 1928–1932 гг. [*Трагедия*, т. 3, с. 851, 852]. По остальным годам рассчитано как соотношение фуражных расходов и численности конского поголовья. Расчет урожая 1931–1932 гг. сделан нами. Баланс зерна, остававшегося в селе, занижен, поскольку не учитывает гарнцевого сбора и возврата ссуды, составившего, например, в 1932 г. 30 млн ц [*Первая заповедь*, с. 352–356].

Источники: [*СХ,* 1960, с. 86–89, 196, 328–329, 263; *СХ,* 1935, с. 266; *Мошков,* с. 130–133, 226–231; *Прокопович,* с. 210–215; *Дэвис, Уиткрофт,* с. 92, 456–488; *Данилов,* 1977, с. 170; *НХ,* 1972, с. 216, 228; 1987, с. 210; *Ясный*, с. 793].

Особенно фантастически выглядит 1936 г. Из урожая 558 млн ц государство забрало 298 млн ц. Расходы на семена составили 132 млн ц и фураж — около 80 млн ц. На питание села осталось ничтожно мало — 100 г на сельского жителя в день. А если вспомнить, что по территории страны этот жалкий остаток был распределен неравномерно, становится очевидно, что в наиболее пострадавших регионах у сельских жителей не было абсолютно ничего (табл. 1.9, прил. 4–6)[1].

По результатам выборочного обследования в первой половине 1933 г. в Киевской области на одного взрослого человека в течение

[1] В 1926 г. на Украине из урожая 178 млн ц хлебозаготовки составили 30 млн ц, потери — 10 млн ц, на семена было отложено 25 млн ц, на корм скоту — 63 млн ц и на потребление жителям деревни осталось 50 млн ц. А в 1931 г. при урожае 160 млн ц заготовки составили 76 млн ц, потери — 10 млн ц, на семена ушло 28 млн ц и 46 млн ц осталось на потребление жителей и их домашних животных. В два с лишним раза меньше.

полугода приходилось по 209 г в день. В Одесской области — 162 г. Это меньше, чем блокадная ленинградская норма, которая в России стала символом чудовищного голода (табл. 1.10).

Таблица 1.10. **Потребление хлеба на взрослого человека, г в день**

Регион	I–VI 1933	VII–XII 1933	I–VI 1934	VII–XII 1934
Ленинградская обл.	504	478	478	496
Московская обл.	468	452	478	466
Средневолжская обл.	409	422	468	452
БССР	297	316	354	351
ЦЧО	311	318	398	376
Киевская обл.	209	414	473	420
Одесская обл.	162	416	517	408

Примечание. В расчете предполагалось, что весь хлеб представлен ржаной мукой с припеком 1,4–1,5. Вероятно, с использованием суррогатов припек доводился до 2, а то и больших величин; правда, этот продукт трудно назвать хлебом. Для пересчета зерна в муку используется коэффициент 0,9; муки в хлеб — 1,5–1,6; детская норма — 0,7; женская — 0,9 от нормы взрослого мужчины [*Дэвис, Уиткрофт,* с. 514–515].

Разница между зимой 1932 — весной 1933 г. и 1936 г. не в размере хлебной пайки, а в психологической и экономической готовности населения в 1936 г. к отсутствию хлеба. Недостаточное и некачественное питание было естественным для советского сельского жителя в последующие 20 лет. Нехватка мяса, жиров, а зачастую хлеба и картошки стала «нормой».

Это показало, в частности, бюджетное обследование колхозов Украины в 1935 г. (прил. 5): ничтожное количество продуктов животного происхождения и картофель как основной наполнитель желудка. Уже в 1931 г. село Украины получило в два раза меньше зерна, чем обычно. На одного человека приходилось в год 100–120 кг, крайне скудная норма, указывающая на огромную нехватку и голод во многих районах страны. Однако в 1932 и первой половине 1933 г. положение оказалось еще хуже. Из урожая 120–130 млн ц было заготовлено 60 млн ц, потери составили 20–30 млн ц, расходы на семена (не считая государственной ссуды) — 20 млн ц. Таким образом, даже если полностью исключить потребление скота, на одного сельского жителя приходилось по 85 кг зерна, то есть по 230 г в день. Выборочные обследования показали, что в начале 1933 г. положение было еще хуже (табл. 1.8, 1.11, прил. 6).

Как показал голод 1921 г., главной опорой селянина при неурожае служили суррогаты и домашний скот. Неслучайно доля мясного питания осенью 1921 г. в неурожайных губерниях Украины была больше, чем в среднем по республике, и заметно больше, чем традиционное потребление села. Суррогаты состояли из отходов сельского производства, обычно идущих на корм скоту: жмых, макуха, полова, порой желуди и т. п. В потреблении сельским населением Украины во время голода 1921–1922 гг. суррогаты составляли 10–15 кг на человека (5–10% продовольствия). Но это средние цифры. В питании жителей неурожайных губерний доля суррогатов была больше, а среди беспосевных крестьян достигала 40–60%. Особенностью 1932–1933 гг. было то, что сельский житель потерял бóльшую часть земли, прежде обеспечивавшей его суррогатами. Колхозными оказались и солома, и полова, и оставшиеся в поле опавшие зерна, невыкопанная свекла и т. п. Желание воспользоваться этими полусъедобными продуктами наказывалось по закону от 7 августа 1932 г. смертной казнью или заключением на 10 лет. Поэтому в обеспечении себя суррогатами крестьянин оказался крайне ограничен.

Скот был также необходимым элементом существования сельской семьи. Птица и домашние животные обеспечивали крестьянина мясом, молоком, яйцами, давали ему значительную часть дохода. Крестьянин без скота был обречен на полуголодное существование. Лишь 5–10% сельских жителей, не связанных с земледельческим трудом, не имели в прежние времена домашних животных. Скот был и важной страховкой на случай голода. Зарезанная корова (около 350 кг мяса), свинья (100 кг), овца (35 кг) могли прокормить семью в течение нескольких месяцев. Во время голода 1921 г. в неурожайных губерниях в среднем на одно хозяйство было зарезано 3,6 домашних животных. При этом 8% хозяйств (133 тыс.) потеряли скот полностью. Несомненно, положение этих семей было тяжелым, но также очевидно, что зарезанные животные послужили для них в трудное время значительным подспорьем. Не имела такой страховки в 1921 г. лишь незначительная часть населения, 6,3% сельских жителей неурожайных губерний Украины [*Итоги сельскохозяйственной переписи*, с. 118].

Совсем иным было положение крестьян на Украине в 1930-е годы. Поголовье скота в хозяйстве было в 2–3 раза меньше, чем в 1921 г., налоги по мясу и молоку были у колхозников существенными, у единоличников — невыносимыми, а неурожай 1931 г. вместе с огромными заготовками нанес животноводству

сокрушительный удар. Больше трети хозяйств вообще лишились скота. К середине 1932 г. почти половина селян обходились без домашних животных, а коровьего молока не имели две трети (рис. 1.2, прил. 4).

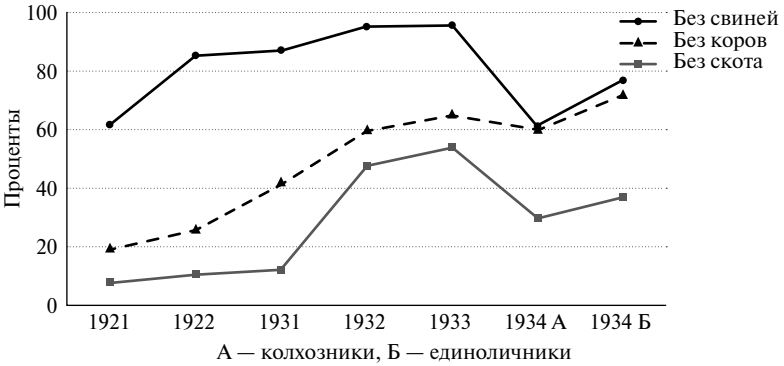

Рис. 1.2. Хозяйства в селах Украины без скота

Ничтожные запасы зерна и других продуктов и полное отсутствие животной пищи — вот в каком положении оказались 12 млн сельских жителей Украины зимой 1932/33 г. В этот период к ним присоединяются еще 320 тыс. семей (около 1,5 млн человек), потерявших весь скот. По отношению к ним нельзя столь же уверенно говорить, что скот послужил спасением от голода, как было со многими селянами в 1921 г. Государство существенно ограничивало возможности крестьянина и в этом отношении. На убой животного требовалось разрешение властей, громадные мясопоставки и поставки молока отбирали заметную часть запасов, и, наконец, специальное изъятие мяса за 15 месяцев вперед в качестве наказания жителям районов, не сумевших выполнить план сдачи зерна, выхватывало у самых необеспеченных эту последнюю опору. В южных районах страны, на Северном Кавказе и Нижней Волге, положение было похожим на степные районы Украины.

Глава 7. ПИТАНИЕ ГОРОЖАН

Реорганизация сельского хозяйства, падение производства продовольствия нанесли тяжелый удар не только по селу, но и по городу. Положение усугублялось стремительным ростом городов и разрушением частной торговли. Изымая у села все излишки, правительство тем самым брало на себя обязательства по снабжению горожан, прежде покупавших продовольствие на рынке. Оно пыталось, но не всегда могло эти обязательства выполнить. В табл. 1.11 показано, как расходовалось заготавливаемое зерно в наиболее трудном 1932 г. и как планировали расходовать его в последующем 1933-м (рис. 1.3 на с. 102, прил. 6).

Наибольшая цифра расходов была в снабжении населения по карточкам — 431,7 млн пудов. На втором месте по количеству используемого зерна оказались пищевая промышленность (переработка зерна в крупу, изготовление макарон, кондитерских изделий и производство спирта) и затраты на сельское хозяйство (семенная, продовольственная, фуражная ссуды, расходы на развитие животноводства — по 16,5 млн пудов, создание неприкосновенного фонда (12 млн пудов), в конце концов почти полностью израсходованного, так же как и государственного фонда (5,5 млн пудов). Затем следует так называемое специальное снабжение (1,68 млн т) — обеспечение хлебом людей, создающих продукцию, нужную государству (ловля рыбы во время путины, выращивание хлопка, чая, табака, рубка леса, заготовка торфа, разработка месторождений золота и цветных металлов и т. п.).

Экспорт зерна за границу унес 1,6 млн т.

На армию и ОГПУ, ГУЛАГ и спецпоселенцев выделено 1,06 млн т. Баланс также включает небольшие расходы: на гужевой транспорт, на снабжение северных территорий, на изготовление манной крупы, выделенное почему-то из пищевой промышленности, и, наконец, «утери». Эта странная графа в 1932/33 г. составляла 22 млн пудов, а на следующий год намечалось «утерять» немного больше — 22,2 млн пудов. По мнению Дэвиса и Уиткрофта, это условные сведения, вставляемые составителями баланса для корректировки размера заготовок. Мне представляется, что для такой цели эти цифры малы и непригодны, поскольку практически одинаковы в разные годы. Скорее всего, это просто потери хранения. Удивительно, однако, что в плане 1934 г. «утери»

Таблица 1.11. **Расходы зерна в 1932 и 1933 гг., млн пудов**

Виды расходов	1930/31	1931/32	1932/33	1933/34	1933/34, %
Всего поступление	1465	1586	1228	1525	102,9
Снабжение, продажи	528	567	487	586	43,1
Армия, ОГПУ, ГУЛАГ	46	58	64	79,9	5,9
Особые категории	203	214	83	96	7,0
Развитие с/х	59	91	81	117	8,6
Помощь с/х	30	5	114	143	10,57
Экспорт	293	317	88	130	9,6
Разные расходы	110	130	173	188	13,8
Фонды	408	425	184	169	11,1
Утери	20,8	21,3	20,2	20,2	1,4
Всего расходы	1397	1480	1293	1482	100,0
Остаток	135	255	−65,1	42,5	—

Примечание. Данные округлены. Общее снабжение — расходы на потребление населения по карточкам и в свободной продаже и промышленное производство кондитерских изделий, безалкогольных напитков, макарон, манной крупы. «Особые категории» включают зерно на питание лиц, занятых заготовками леса, торфа, рыбы (путина), добычей золота и цветных металлов, снабжение Крайнего Севера. Расходы на развитие сельского хозяйства — снабжение лиц, занятых в выращивании технических культур и развитии животноводства. «Помощь с/х» включает семена и продовольствие. Фонды (государственный, неприкосновенный и особый) создавались как резерв на будущее, но в 1932 г. они были почти полностью израсходованы (в таблице указаны их размеры после засыпки), в 1933 г. на дату составления баланса (4 февраля 1934 г.) фонды уже начали расходоваться, в балансе 9 августа они были на 482 тыс. т больше. Экспорт в 1930–1932 гг. производился, очевидно, из государственных фондов. «Разные расходы» включают переработку в муку и крупу, расходы на производство спирта и пива и гужевые затраты. В «остаток» включены в 1930–1932 гг. коммерческий остаток госфонда и непфонда, указанные вне баланса. Рассчитано по: [*Голод в СССР,* т. 3, с. 59–64, 319–324]; РГАЭ, ф. 7486, оп. 37, ед. хр. 159, л. 91–96; прил. 6.

присутствуют в том же размере, и государство даже не пытается с ними бороться.

Вернемся, однако, к самому важному разделу — снабжению населения. Поскольку известно, что карточки получили в 1932 г. 40 млн человек, в среднем на каждого приходится 177 кг зерна в год, чуть меньше полкилограмма в день. Для городских жителей того времени это маловато, особенно если учесть заметное снижение уровня снабжения всеми остальными продуктами (табл. 1.8–1.10). По мере ухудшения экономического положения потребление мяса, масла, молока в городе падало, зато потребление хлеба и картофеля росло. В 1930/31 г. в среднем на горожанина приходилось

хлеба заметно больше, чем он использовал в 1928 г. Но в 1932 г. и эта цифра «упала».

Государство установило сложную иерархическую систему централизованного снабжения: четыре класса городов, четыре или пять категорий жителей. Рабочие и служащие получили карточки на продукты. Такие же карточки, но с нормами потребления в 2–3 раза ниже получили неработающие члены их семей (иждивенцы) и дети. Категория карточек зависела от важности предприятия. Рабочие крупных заводов, железнодорожники, работники ОГПУ и ряд служащих обеспечивались лучше, чем многие другие слои населения. Кроме того, по-разному снабжались различные районы и города. Москва, Ленинград и Донбасс относились к первой категории, затем следовали другие крупные города и столицы республик. Маленькие населенные пункты снабжались совсем плохо, порой их полностью снимали с довольствия. В областях и районах контроль за распределением продуктов переходит к высшему руководству (тройкам — секретари райкома и райисполкома и представитель ОГПУ). Система снабжения строилась абсолютно централизованно.

При этом даже у самой высшей группы (рабочие важнейших промышленных предприятий Москвы и Ленинграда — 1-й класс первой категории) нормы были ниже среднего уровня потребления времен НЭПа. Практически семейные рабочие Москвы получали в 1932–1934 гг. в месяц 2 кг мяса, 1,5 кг рыбы, 100 г масла, 2 л молока. Главным компонентом питания были хлеб — 15–20 кг и картофель — 12–16 кг в месяц на рабочего [*Осокина*, 2008, с. 333]. Города низших категорий и семьи рабочих неосновных индустриальных предприятий снабжались практически только хлебом. Местные власти получали в свое распоряжение лишь ничтожную часть заготовок (0,6%), 10% от гарнцевого сбора. На Украине за счет этих фондов снабжали лишь медицинский персонал и лечебные учреждения, сельских учителей, работников милиции и ОГПУ. Кроме того, местным руководителям было разрешено проводить закупки на селе, но это не могло дать заметных результатов из-за огромного разрыва рыночных и закупочных цен и отсутствия продуктов у сельских жителей. В результате местные власти прибегали к обыскам и экспроприации зерна у сельских жителей.

Время, когда в магазине будут давать хлеб или другие продукты, не было фиксированным, поэтому огромные силы горожане тратили на стояние в очередях в ожидании подвоза «товара». Не оказавшись на месте вовремя, можно было ничего не получить.

Практически в каждой семье выделялся человек для хождения по распределителям.

В течение 1931–1932 гг. нормы снабжения постоянно уменьшались, а порой и полностью исчезали. Полномочное представительство ОГПУ по Западной Сибири в июле 1931 г. сообщает своему руководству в Москве и всем руководящим инстанциям Западной Сибири о перебоях со снабжением городского населения. Хлеба полагалось выдать во втором квартале 49 тыс. т, фактически выдано 35 тыс., крупы соответственно 6 и 4,3 тыс., жиров — 4 т вместо 10 и т. д. Положение в третьем квартале еще хуже. Представитель ОГПУ предупреждает: «Дальнейшее ограничение рабочего потребительского рынка Наркомснабом путем урезки контингентов, находящихся на централизованном снабжении, при неуклонно увеличивающемся объеме строительных работ и расширении промышленности, — создает угрозу перебоев и срывов ряда производственных планов» [*Голод в СССР*, т. 1, кн. 1, с. 613–614].

5 февраля 1931 г. директивой ЦК ВКП(б) были урезаны продовольственные фонды Украины на 7 тыс. т в месяц. В связи с этим было снято с централизованного снабжения 18 городов (Черкассы, Чернигов, Полтава и др.), кроме транспортников, а в восьми других городах было решено обеспечить только рабочих основных предприятий. Некоторые рабочие и служащие переводились на снабжение по сниженной категории. В марте этого же года Наркомторг СССР снял часть населения с централизованного

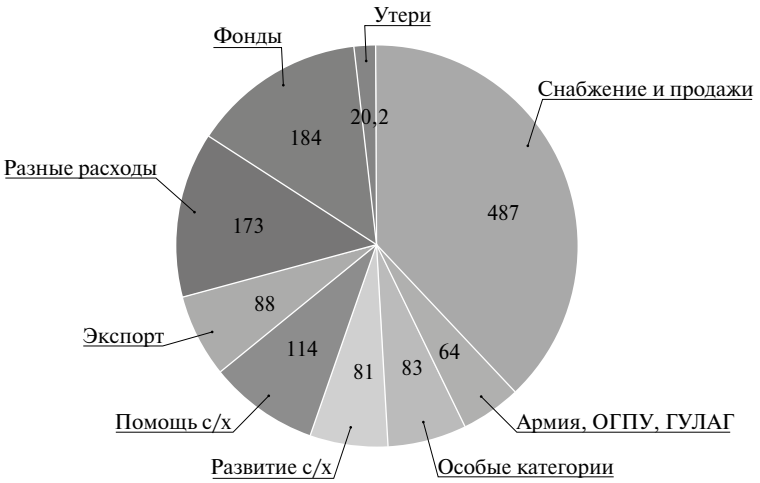

Рис. 1.3. Баланс расхода зерна в 1932/33 г., млн пудов

снабжения по всей стране. В апреле была отменена система снабжения хлебом рыболовецких районов [*Мошков*, с. 128].

Немногочисленные горожане, сумевшие сохранить ценности (драгоценности, серебряные ложки и т. п.), или те, кому родственники из-за границы присылали валюту, покупали продукты в специальных магазинах — торгсинах, служивших мощным источником выкачивания валюты и драгоценностей у населения. В 1932 г. торгсинами было выплачено 49 млн руб., в 1933-м — 105 млн, в 1934-м — 66 млн. По средним рыночным ценам 1932 г. это позволило нескольким десяткам тысяч счастливых владельцев драгоценностей купить несколько миллионов килограммов муки и мяса [*Осокина*, 2008, с. 332, 336]. Однако для подавляющего большинства горожан такая возможность была закрыта.

Важное значение для снабжения горожан имеет в это время организация подсобного производства. Крупные предприятия заводят огороды, на которых силами своих рабочих выращивают картошку и овощи. Также разводят свиней, ловят рыбу. Полученные продукты идут на организацию общественного питания и дополнительное снабжение работников. Кроме того, предприятиям выделялись земли под огороды для рабочих и служащих, обрабатывая которые во внерабочее время горожане получали возможность обеспечить себя некоторым количеством продовольствия.

Самоснабжение предприятий и городов достигло в 1932–1933 гг. очень больших размеров. Например, рабочие треста СК Уголь собрали в 1932 г. 14,7 тыс. т овощей и картофеля, в 1933 г. — 26,9 тыс. т; завода «Россельмаш» — соответственно 4,6 и 6,5 тыс. т; железнодорожники Северного Кавказа — 13 и 25,4 тыс. т; Грознефть — 4,3 и 10,4 тыс. т. Только 15 предприятиями Ростова и Таганрога было выловлено 1875 т рыбы. За год по шахтам СК Уголь было дано рабочим для выращивания 2268 поросят, 162 теленка, 16 185 работников этого треста имели индивидуальные огороды, а в пригородных хозяйствах предприятия в 1931 г. было отработано 126 тыс. трудодней, в 1932-м — 476 тыс., в 1933-м 1995 тыс. [*История индустриализации*, с. 82–83].

На этом примере видно, каких огромных размеров достигла вовлеченность рабочих в самоснабжение продовольствием. Очевидно, что это сыграло некоторую роль в снижении текучести кадров в 1933 г., а также в общем уменьшении числа рабочих, так как прием на работу лимитировался наличием продовольственных карточек.

Когда осенью 1932 г. продажа хлеба, зерна и муки на рынке в областях, не выполнивших государственный план хлебозаготовок,

была запрещена, в особенно тяжелом положении оказались горожане, не имевшие хлебных карточек. Это были жители маленьких городков, которыми государство пренебрегло, распределяя свои блага, одинокие старики, ремесленники, бывшие нэпманы, потерявшие как раз в этот период свое занятие, лица свободных профессий, люди, работавшие в селе и имевшие там землю, но утратившие ее в ходе коллективизации, и т. д. По рассмотренным выше данным, фонд свободной продажи хлеба составлял в 1932 г. всего 129 тыс. кг. Правда, планом на 1933 г. увеличение свободной продажи предусматривалось в десятки раз (прил. 6). Жители небольших городов и маленьких населенных пунктов традиционно покупали хлеб на рынке, а картофель, овощи, яйца, молоко и отчасти мясо получали в собственном домашнем хозяйстве. Но и эти источники пропитания оказались с началом коллективизации под ударом. Положение этих людей было ужасным. Цены на рынке стремительно росли — в 1933 г. месячного заработка подсобного рабочего или ремесленника хватало лишь на покупку двух-трех буханок хлеба. Единственным источником существования многих горожан был огород, и многие из них держали коров, коз, кур, свиней. Но и к этому индивидуальному источнику пропитания государство протягивало свои цепкие руки. Приусадебные участки и огороды были обложены огромными налогами, требовалось сдать молоко, мясо, картофель, нередко в бóльших размерах, чем было произведено в хозяйстве.

В Смоленском архиве хранится множество жалоб горожан в Рабоче-крестьянскую инспекцию на такое положение. Так, житель города Велижа Западной области Войцеховский в июне 1931 г. объясняет, что не может сдать 1000 л молока, поскольку его корова не дает столько. Он просит снизить налог до 300 л либо забрать корову. По этому заявлению РКИ принимает соломоново решение: «Проверено и установлено, что твердое задание как зажиточному дано правильно, но несоразмерно и потому снижено до 600 л, так как на 8 едоков одна корова» (WKP 348). Фадей Додон, также житель Велижа, просит снять с него налоговое задание в 15,7 т картофеля и 500 л молока. Заметим, что средний урожай картофеля не превышал 100–150 ц с га, а средний удой — 1000 л с коровы. Додон — бедняк и в 1930 г. платил налог всего 8 руб. У него огород 0,75 га и одна корова. В 1931 г. он сдал 3,9 т картофеля и 60 пудов сена. Он пишет, что корова «не дает такого количества молока, так как питалась всю зиму ржаной соломой», а картофеля «едва хватает на семена, так как часть его померзла зимой».

Додон просит Горсовет прислать комиссию убедиться в этом. Заканчивается письмо так: «При этом сообщаю, что я имею от роду 80 лет, нахожусь на иждивении сына, который работает на постройке моста чернорабочим». За письмом следует запрос РКИ и решение Велижского горсовета: «Отказать как имеющему излишки картофеля» (WKP 348).

Городские жители не только не получали помощи от государства, но и, напротив, подвергались мощному налоговому давлению. Особенно тяжело пришлось горожанам зимой 1932/33 г., когда рыночная продажа продуктов почти полностью сошла на нет. Положение несколько улучшилось, когда были открыты коммерческие магазины, в которых государство по высоким ценам продавало продукты. Эти магазины оказались мощным орудием выкачивания денег у населения, с их помощью удалось приостановить инфляцию, изъять у людей все накопления.

Наиболее низкого уровня снабжение горожан достигло зимой 1932-го и весной 1933 г. Мясо почти исчезло из потребления широких слоев населения (16,9 кг на душу в год, а масла — 1,75 кг, в то время как в 1928 г. соответствующие цифры были 51,7 и 3 кг). Меньше становится молока, сыра, яиц, овощей, все эти потери компенсируются хлебом (211 кг зерна на человека при 174 кг в 1928 г.). В 1930-е годы мясо почти повсеместно заменяется рыбой. Завоз рыбы в города Украины превышает в 1932–1934 гг. завоз мяса в 2–3 раза. На одного горожанина приходится около 25 кг рыбы в год (30 кг в Донбассе и 18 кг в Черниговской области). На всей Украине мясом снабжались только рабочие Донбасса (15 кг на душу в 1932 г. и 28 кг в 1933–1934 гг.). В Донбассе выдавали на городского жителя растительного масла по 10 кг, а картофеля — свыше 100 кг. Все остальные области Украины были обеспечены намного хуже [*Народне господарство*, 1935, с. 296–299; *Мошков*, с. 131–136].

Никогда еще положение украинского городского населения не было таким тяжелым. Даже во время голода 1921 г. питание в среднем было лучше. Мяса осенью 1921 г. потреблялось 39 кг в год на человека, весной 1922 г. — 32 кг, масла — 6–7 кг, молочных продуктов (сметана, сыр, творог) — 25–45 кг, около 140 кг зерна и круп (табл. 1.6; [*НХ*, 1923, с. VIII, 10–11]).

С 1 января 1935 г. карточки были упразднены, новые цены оказались ниже коммерческих, но выше, чем по карточкам. С этого времени уровень потребления населения определяется его доходами, и характер питания начинает постепенно изменяться в лучшую сторону.

Глава 8. ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ ОФОРМЛЕНИЕ ГОЛОДА

В упоминавшемся выше постановлении правительства и ЦК ВКП(б) «О плане хлебозаготовок из урожая 1932 года и развертывании хлебной торговли», подписанном Молотовым и Сталиным и опубликованном 7 мая 1932 г., много места уделялось колхозной торговле зерном:

«Совет народных комиссаров Союза ССР и Центральный комитет ВКП(б) постановляет: Признать целесообразным по окончании выполнения настоящего хлебозаготовительного плана и образования семенных фондов, т. е. с 15 января 1933 г., предоставить колхозам и колхозникам полную возможность беспрепятственной продажи излишков своего хлеба по своему усмотрению как на базарах и рынках, так и в своих колхозных лавках, обязав местные органы власти оказывать в этом колхозам и колхозникам полное содействие и принять меры к искоренению частников и перекупщиков-спекулянтов, пытающихся нажиться на колхозной торговле» (Известия ЦИК Союза ССР и ВЦИК. 1932. 7 мая. № 135)[1].

Как уже отмечалось, это иезуитское решение на самом деле было не предоставлением возможности колхозникам торговать, а полным запретом рыночной торговли всем без исключения гражданам страны. Запрет продаж существенно менял всю картину потребления хлеба в деревне и небольших городах, поскольку множество крестьян и горожан, как уже отмечалось, покупали хлеб на рынке. Как показывают исследования советского историка В. П. Данилова, почти третья часть сельских жителей не обеспечивала себя хлебом собственного урожая. Рассматривая бюджетные данные сельских жителей, Данилов приходит к заключению, что в хозяйствах с посевом до четырех десятин покупки преобладали над продажами. Деньги на покупку зерна приобретались побочными заработками: в промышленности, продажей продуктов животноводства и т. п. Но и в более зажиточных хозяйствах, существовавших главным образом продажей зерна, покупки не были редкостью. Для группы с посевами 8–10 десятин,

---

[1] Здесь и дальше в этой главе постановления правительства и Политбюро цит. по: [*Максудов*, 1984, с. 287–298; *Калинник*, с. 21–22].

то есть зажиточных середняков, покупки составляли примерно 25% от продаж [*Данилов*, 1977, с. 170–178; *Социалистическое переустройство*, с. 31]. Это явление связано с естественной неравномерностью производства: неурожаи, долги в результате закупок товаров или налогов, неверный хозяйственный расчет, нужда в фураже и семенах — все это гнало на рынок крестьянина, который в следующем году мог начать продавать больше, чем покупал сегодня.

Перераспределение хлеба внутри деревни осуществлялось по множеству различных каналов. Исследования академика Немчинова, также уделившего много сил изучению рынка сельскохозяйственных продуктов, показали, что в 1926–1927 гг. из общей массы проданного хлеба 43% пошли на нужды города и армии, 25% были реализованы внутри деревни по сельскохозяйственным каналам государственной и кооперативной торговли, 32% (140 млн т) составили непосредственные продажи на деревенском рынке [*Немчинов*, с. 58].

И вот весь этот непростой механизм, обеспечивавший перераспределение труда и потребления сельского населения, был единым махом упразднен, и его использование было приравнено к уголовному преступлению. Но где должны были достать хлеб миллионы сельских жителей, покупавших его прежде? На этот вопрос партия и правительство не ответили. Не было ни одной организации, предоставлявшей в долг крестьянам в тот год продовольственную или семенную помощь. Не было ни одного решения или приказа об обеспечении нуждающихся хотя бы минимальным уровнем питания. Напротив, принимались грозные постановления, пресекавшие любые попытки воспользоваться существующими запасами продовольствия. В конце 1932 г. несколько незерновых областей выполнили план заготовок (на этих территориях, относящихся к потребляющей полосе, планы заготовок были невелики). Власти опубликовали новое постановление, повторявшее предыдущее, но с более угрожающими интонациями:

«1. В связи с тем, что Татарская АССР и Московская область выполнили досрочно установленный для них Советом народных комиссаров Союза ССР и ЦК ВКП(б) годовой план хлебозаготовок, как в целом, так и по отдельным культурам, и обеспечили себя семенами для ярового сева, — с настоящего времени разрешить колхозам и колхозникам и трудящимся единоличникам Татарской АССР и Московской области производить беспрепятственно

продажу своего хлеба (мукой, зерном, печеным хлебом) как государственным и кооперативным организациям, так и на базарах и станциях Татарской республики и Московской области.

<...>

3. Предупредить колхозы, колхозников и единоличников, что в областях, краях и республиках, не выполнивших годового плана хлебозаготовок и не обеспечивших себя семенами для ярового сева, колхозная торговля хлебом допущена не будет, а также предупредить их о том, что торговля хлебом в этих областях, краях и республиках будет преследоваться, как спекуляция, согласно постановлению Центрального исполнительного комитета и Совета народных комиссаров Союза ССР от 22 августа 1932 г.

Председатель СНК СССР *В. Молотов* (*Скрябин*)
Секретарь ЦК ВКП(б) *И. Сталин*
Москва, Кремль, 2 декабря 1932 г.».

Впоследствии (23 января 1933 г.) разрешение торговать в награду за выполнение плана было даровано Белоруссии, Узбекистану, Туркменистану, Северному и Западносибирскому краям. 18 февраля льготы распространились на Таджикскую и Грузинскую ССР, Западную, Центрально-Черноземную, Киевскую и Винницкую области (СЗ. 1933. № 4. С. 27; № 14. С. 81). Однако это разрешение торговли было фикцией. Оно не спасало от обысков и изъятия запасов продовольствия, от голода и повышенной убыли населения. Это видно по уровню смертности в Киевской и Винницкой областях и рассказам жителей о работе буксирных бригад. Но кроме того, в конце февраля сельским жителям Киевской, Винницкой, Центрально-Черноземной областей нечего было продавать на рынке. Их небольшие запасы были уже съедены или изъяты при обысках [*Голод 1933*, с. 25–165, 233–375]. При этом на огромных территориях (бóльшая часть Украины, Северный Кавказ, Поволжье, Казахстан) торговля хлебом все еще была запрещена и приравнивалась к спекуляции.

Запрет продаж зерна внутри деревни означал голод для массы мелких производителей, которые традиционно не обеспечивали себя хлебом полностью и некоторую часть докупали на рынке. По балансу академика Немчинова, такому внутридеревенскому перераспределению подлежала пятая часть урожая. Несомненно, что в связи с плохим урожаем и изменением положения в деревне размеры хлебооборота должны были сократиться, но численность населения, нуждающегося в закупках, не имеющего зерна до нового

урожая, заметно возросла за счет широких колхозных масс. Одного решения о запрете продажи хлеба было достаточно для возникновения голода при очень хорошем валовом сборе. Но урожай не был хорошим, и многие районы страны больше года находились на совершенно недостаточном продовольственном обеспечении. Чем хуже становилось положение сельских жителей, тем к более строгим мерам прибегало государство. Покупка и перепродажа зерна рассматриваются властями как спекуляция, и наказания за нее возрастают до огромных размеров.

«Центральный исполнительный комитет и Совет народных комиссаров Союза ССР обязывает Объединенное государственное политическое управление, органы прокуратуры и местные органы власти принять меры к искоренению спекуляции, применяя к спекулянтам и перекупщикам заключение в концентрационный лагерь сроком от 5 до 10 лет без права применения амнистии.

Председатель ЦИК Союза ССР *М. Калинин*
Зам. Председателя СНК Союза ССР *В. Куйбышев*
Секретарь ЦИК Союза ССР *А. Енукидзе*»
(Известия ЦИК Союза ССР и ВЦИК. 1932. 21 авг. № 333).

Уплата налога деньгами власти не устраивает. Простой возможности продать мясо на рынке и заплатить налог крестьянин был лишен. Налог был страшен не своей денежной стоимостью, а обязательным натуральным выполнением по фиксированной цене. Поэтому была введена не уплата налога вместо зерна мясом, а сдача мяса в счет будущих времен, которая применялась в качестве наказания. Осенью 1932 г. ограничения по забою домашнего скота были отменены. Государство понимало, что лучше получить мясо сейчас, чем трупы животных весной.

В связи с запретом торговли на дорогах, на границах областей и городов были установлены контрольно-пропускные пункты, где отбирали купленный или предназначавшийся для продажи хлеб. В деревне кооперативным магазинам запретили торговать продовольственными товарами. Но и этих мер оказалось недостаточно.

«В целях обеспечения полного и своевременного выполнения установленного плана хлебозаготовок, Совет народных комиссаров Союза ССР постановляет:

1. Подтвердить постановления Колхозцентра Союза ССР и РСФСР и Трактороцентра от 18 октября т. г. об обязательности

для колхозов первоочередного выполнения хлебозаготовительных планов и об отмене бронировки зерновых кормовых фондов для скота и животноводческих ферм-колхозов за счет плана хлебозаготовок.

2. Предложить Народному комиссариату земледелия и Народному комиссариату снабжения Союза ССР принять немедленные меры к отмене всех распоряжений по линии Народного комиссариата земледелия и Народного комиссариата снабжения, поскольку эти распоряжения предусматривают образования в колхозах или совхозах зерновых фондов за счет установленного государством плана хлебозаготовок.

Председатель СНК СССР *В. Молотов* (*Скрябин*)
Управляющий делами СНК Союза ССР *Н. Керженцев*»[1]
(Известия ЦИК Союза ССР и ВЦИК. 1931. 19 окт. № 870).

В жертву сиюминутным заготовкам приносится возможность получения хорошего урожая в следующем году, в заготовки включается корм рабочих лошадей и семена, предназначавшиеся к яровому севу. В прежние неурожайные годы пострадавшее население получало государственную ссуду на семена. В 1932 г. правительство сочло необходимым специально предупредить жителей, чтобы они не рассчитывали ни на какую помощь:

«Ряд местных организаций обращается в СНК и ЦК за семенной ссудой для совхозов и колхозов. Ввиду того, что урожай настоящего года является удовлетворительным, а правительством установлен для колхозов уменьшенный план государственных хлебозаготовок, который должен быть выполнен полностью, Совет народных Комиссаров Союза ССР и Центральный комитет ВКП(б) постановляют: Отклонить все предложения о выдаче семенной ссуды. Предупредить, что в текущем году ни в совхозах, ни колхозах семенная ссуда не будет выдаваться ни для озимого, ни для ярового сева.

Возложить на председателей колхозов, директоров МТС и директоров совхозов ответственность за выделение полностью семенных фондов к яровому севу в установленные Советом народных

[1] В развитие этого постановления на Украине было выпущено собственное, в котором, в частности, запрещалась выдача авансов колхозникам до полного выполнения районом плана, допускались штрафы не только мясными заготовками, но и заготовкой картофеля, закон от 7 августа 1932 г. распространялся на бухгалтеров, кладовщиков, счетоводов, завхозов и т. д. [*Шаповал*, с. 139–140].

комиссаров Союза ССР и Центральным комитетом ВКП(б) сроки (не позднее 15 января 1933 г.) и за их полную сохранность.

Председатель СНК СССР *В. Молотов* (Скрябин)
Секретарь ЦК ВКП(б) *И. Сталин*».

И еще раз в середине 1933 г. самым «наивным» и непонятливым товарищ Сталин объясняет:

«ЦК ВКП(б) Сов. секретно 17.6.1933, № 79/К-10.
Секретарю ЦК КП(б)У С. В. Косиору.
Копия: Секретарям обкомов, горкомов и райкомов.

В расчете на то, что мы позволим и далее разбазаривать наши хлебные запасы, некоторые наивные товарищи из числа низовых партийных и советских работников ошибочно обращают свои взоры на склады Заготзерно. Следует, наконец, понять этим нашим товарищам, что ЦК в этом вопросе сделал все, что было возможно».

Распоряжениям вождя вторит в феврале 1933 г. на страницах газеты «Правда» Петр Постышев: «Необходимо разъяснить партийным и беспартийным работникам колхозов, что не может быть никакой речи о помощи государства в поставках посевного материала. Зерно должны найти и посеять сами колхозы, колхозники и единоличники».

Самые суровые наказания ожидали тех, кто пытался вмешаться в распределение зерна. Эта прерогатива принадлежит теперь только высшему руководству.

«Предложить прокурорам республик дать указание краевым и областным прокурорам о привлечения к ответственности организаций и лиц, понуждающих производить отпуск хлеба, зерна и объемистого фуража не на прямые нужды, для которых выделены указанные фонды.

Предупредить организации и лица, производящие отпуск хлеба, зерна и объемистого фуража, что за отпуск хлеба не по прямому назначению, независимо от наличия распоряжения местных организаций они будут привлекаться к уголовной ответственности.

Председатель СНК Союза ССР *В. Куйбышев*
Зам. Упр. делами СНК Союза ССР — *И. Мирошников*».

Особенное беспокойство вызывает у руководителей возможность использования населением части кормов, предназначенных

для скота. В связи с этим выделение минимального уровня корма для лошадей правительство сопровождает специальными строгими указаниями о его хранении [*Український збірнік*, с. 97].

«Москва. Кремль. ЦК ВКП(б) 20.1.1933. Сов. секретно
Секретарю ЦК КП(б)У тов. Косиору
Копия: Секретарям обкомов, горкомов и райкомов
Наркому ОГПУ и прокурору республики.

По линии системы Заготзерно дано распоряжение об отпуске за наличный счет фуражного зерна для конского поголовья колхозов Украины. Принять срочные меры к получению, транспортировке и сохранности этого зернофуража в колхозах. Упомянутый зернофураж может быть использован исключительно в период весенней посевной кампании текущего года. Обратите особое внимание на хранение этого зернофуража в колхозах, не допуская использования его на другие нужды. Виновных в хищениях, разбазаривании и использовании его не по назначению беспощадно привлекайте к ответственности по закону от 7 августа 1932 г. Выполнение доложите ЦК. 20-го февраля с. г.

(факсимиле) *И. Сталин*».

Интересно, что жизнь и здоровье лошади ценятся в это время намного выше, чем человека. За убийство человека максимальный приговор был 10 лет заключения, а нанесение ему увечий наказывалось одним-тремя годами тюрьмы. И уж, конечно, сельским жителям и не снилась такая трогательная забота, какую правительство проявляло в отношении питания и здоровья лошадей.

«XVI партийный съезд поставил перед всеми партийными организациями задачу бережного отношения к лошади[1]. Установить твердый распорядок работы лошадей, обеспечивающий нормальный ежедневный отдых и периодическое освобождение от работы лошадей для восстановления их работоспособности.

Местным земельным органам установить с учетом местных особенностей и исходя из качества средней лошади данного района норму выработки для лошадей по основным видам работ. При проведении сдельно-премиальной оплаты труда лиц, работающих на лошадях, и конюхов-уборщиков ввести прямую зависимость оплаты труда не только от выполнения нормы выработки, но и от состояния здоровья и упитанности лошадей.

---

[1] См. Постановление ЦК ВКП(б) от 1 января 1930 г. [*Коллективизация*, с. 4].

Обязать Комитет по заготовкам при СТО при определении заготовительного плана по отдельным районам и колхозам учитывать наличие в них конского поголовья с тем, чтобы окончательное распределение хлебозаготовок обеспечивало бы в районах и колхозах минимально-необходимого зернофуража для лошадей...

Обязать колхозцентр при распределении зернофуража для лошадей, остающегося сверх хлебозаготовок и образования семенных фондов, обеспечить полностью потребности в кормах для конского состава колхозов.

Поручить советам народных комиссаров союзных и автономных республик, краевым (областным) исполнительным комитетам установить минимальные нормы зернофуража, необходимые для сохранения лошадей в рабочем теле»[1].

Ни колхозникам, ни тем более единоличникам партия, повторим, никогда не оказывала такого внимания, не предусматривала норм питания (пусть минимальных), не заботилась о поддержании их в «рабочем теле». В иерархии партийных ценностей лошадь заняла свое вполне определенное место: после хлебозаготовок, но перед говорящими обитателями деревни. В страшном 1932 г. сам товарищ Сталин, выделяя ей зерно, приказывает строго-настрого следить за тем, чтобы люди его не съели.

Очевидцы рассказывают, как происходила выдача этого драгоценного зерна. Кони ели свой корм в обязательном присутствии бригадира, конюха и партийного уполномоченного, и, когда эта процедура завершалась, все трое подписывали на конюшне специальный акт, что своими глазами видели, как зерно съели лошади, а не люди. Эту поистине фантастическую сцену невозможно придумать. Ни один самый злобный враг социализма и советского строя не смог бы додуматься до такого. Но так было — в советской жизни.

Самым же страшным оружием в борьбе с любыми нарушителями решений властей и с любыми попытками воспользоваться продовольствием или даже продовольственными отходами без разрешения государства был упомянутый выше закон от 7 августа 1932 г. об охране колхозной и государственной собственности.

«Центральный исполнительный комитет и Совет народных комиссаров Союза ССР считают, что общественная собственность (государственная, колхозная и кооперативная) является основой

---

[1] Постановление ЦИК и СНК за подписью Калинина и Молотова (Известия ЦИК Союза ССР и ВЦИК. 1932. 30 мая. № 148).

советского строя, она священна и неприкосновенна, люди, покушающиеся на общественную собственность, должны быть рассматриваемы как враги народа, в виду чего решительная борьба с расхитителями общественного имущества является первейшей обязанностью органов советской власти.

Исходя из этих соображений и идя навстречу требованиям рабочих и колхозников, Центральный исполнительный комитет и Совет народных комиссаров Союза ССР постановляют:

<...>

1. Приравнять по своему значению имущество колхозов и кооперативов (урожай на полях, общественные запасы, скот, кооперативные склады, магазины и т. п.) к имуществу государственному и всемерно усилить охрану этого имущества от расхищения.

2. Применять в качестве меры судебной репрессии за хищение (воровство) колхозного и кооперативного имущества высшую меру социальной защиты — расстрел с конфискацией всего имущества и с заменой при смягчающих обстоятельствах лишением свободы на срок не ниже 10 лет с конфискацией всего имущества.

3. Не применять амнистии к преступникам, осужденным по делам о хищении колхозного и кооперативного имущества.

<...> Применять в качестве меры судебной репрессии по делам об охране колхозов и колхозников от насилия и угроз со стороны кулацких и других противообщественных элементов лишение свободы от 5 до 10 лет с заключением в концентрационный лагерь.

<...> Не применять амнистии к преступникам, осужденным по этим делам.

Председатель ЦИК Союза ССР *М. Калинин*
Председатель СНК Союза ССР *В. Молотов (Скрябин)*
Секретарь ЦИК Союза ССР *А. Енукидзе*»
(Известия ЦИК Союза ССР и ВЦИК. 1932. 8 авг. № 218).

Упоминание в законе в качестве наказания при смягчающих обстоятельствах лишение свободы сроком не ниже 10 лет поразительно, потому что срока выше 10 лет не существовало. Это был максимальный срок заключения в трудовых лагерях, а в общих местах заключения высшим сроком было три года.

Закон от 7 августа, по мнению секретаря ЦК ВКП(б), был «важнейшим», товарищ Сталин назвал его «основой революционной законности в настоящий момент».

Для советского законодательства тех лет постановление было несообразно жестоким. За полгода до этого в специальном

решении Верховного суда РСФСР было указано, что кража хлеба с колхозных полей «наказуется» принудительными работами до одного года или лишением свободы до трех лет. Контрреволюционные и вредительские действия, которыми предлагалось считать поломку тракторов и машин или убой кулаками лошадей, наказывались 2–3 годами заключения. Расстрел в законодательстве признавался лишь «временно в качестве меры высшей социальной защиты впредь до полной ее отмены ЦИК Союза ССР для борьбы с наиболее тяжкими видами преступления, угрожающими основам советской власти и советского строя».

Расстрелом каралось, например, восстание, при смягчающих обстоятельствах — замена тремя годами строгой изоляции; или подделка и сбыт валюты, при смягчающих обстоятельствах — строгая изоляция не менее двух лет (СЗ. 1927. № 12. С. 122–123; № 50. С. 505–506; 1931. № 9. С. 104–105).

Воровство картошки или куска хлеба приравнивается отныне в СССР к изготовлению фальшивых денег и сдаче военных крепостей. Из колхозников, которым может грозить десятилетний срок заключения, запрет амнистии и конфискация имущества, делают более опасных и неисправимых преступников, чем изменники родины, шпионы и убийцы-рецидивисты. Закон от 7 августа 1932 г. стал главным оружием, с помощью которого правительство пыталось удержать население от воровства и заставить его старательно работать. Постепенно он приобретает все более расширенное толкование.

«В целях борьбы с хищениями свеклы во время копки и сбора обязать директоров свеклосовхозов и МТС, правления колхозов, районные и городские комитеты и сельские советы организовать охрану накопанной свеклы, и также при вывозке; в отношении лиц, расхищающих свеклу, применять закон от 7 августа 1932 г.» (Известия ЦИК Союза ССР и ВЦИК. 1933. 24 янв. № 33).

«За незаконное расходование поступившего гарнцевого сбора владельцы и арендаторы частных предприятий, а также должностные лица государственных, кооперативных и иных общественных предприятий подлежат уголовной ответственности в порядке постановления ЦИК и СНК Союза ССР от 7 августа 1932 г.».

«...Рассматривать уличенных в краже семян из амбаров и сеялок или во вредительском уменьшении норм высева и вредительской работе при пахоте и севе, рассчитанной на порчу полей и срыв урожая, — как расхитителей колхозной и государственной собственности и применять к ним декрет от 7 августа 1932 г.».

«Обязать судебно-карательные органы в отношении воров, расхищающих свеклу и хлопок, применять закон об охране общественной собственности от 7 августа 1932 г.».

«Центральный комитет ВКП(б) и СНК Союза ССР обязывают все карательные и судебные органы строжайше применять закон от 7 августа 1932 г. об охране общественной собственности ко всем ворам и расхитителям колхозного и совхозного урожая».

«Невыход на работу и злостно-небрежное отношение к работе в поле со стороны отдельных колхозников должны караться без всякого снисхождения вплоть до исключения из колхоза. Первейшей обязанностью является сломить всякие проявления кулацкого саботажа, которые еще могут повториться в ряде районов во время сбора семян или во время сева, причем всякое снисхождение к врагам народа, саботирующим сев, будет рассматриваться как помощь с их стороны кулаку и контрреволюционному вредителю».

«Центральный исполнительный комитет Союза ССР постановляет:

Применять к лицам, уличенным в саботаже сельскохозяйственных работ, краже семян, во вредительском преуменьшении норм высева, вредительской работе на пахоте к севу, ведущей к порче полей и снижению урожая, в умышленной поломке тракторов и машин, в уничтожении лошадей, как к расхитителям колхозной собственности, постановление от 7 августа 1932 г. об охране общественной собственности» (СЗ. 1932. № 2. С. 9; № 6. С. 41; № 33. С. 190–191; № 69. С. 413; 1933. № 4. С. 36).

Смерть за кражу зерна, смерть за расхищение свеклы, смерть за неполную норму высева, смерть за поломку трактора или сдохшую лошадь, смерть за плохую работу на пахоте — за любое нарушение принятых правил и постановлений, за любую погрешность в работе крестьянину отныне грозила смерть. Покупка и перепродажа зерна рассматриваются властями как спекуляция, и наказания за нее возрастают до огромных размеров. Постановление от 22 августа 1932 г., принятое для борьбы с так называемой спекуляцией, то есть с продажей крестьянином результатов своего труда без санкции государства, было, как и все решения 1932 г., также необычайно суровым.

Жестокие наказания были необходимы, чтобы обреченный на голод полным изъятием продовольствия крестьянин послушно подчинялся любым, даже самым абсурдным распоряжениям властей. Эти меры превращали царивший в стране страшный голод в чудовищный голодомор.

Глава 9. ГОЛОД

И тени страшные Украйны и Кубани —
На войлочной земле голодные крестьяне
Калитку стерегут, не трогая кольца.

Осип Мандельштам.
«Старый Крым». 1933 г.

Тысячи очевидцев рассказали о страшных событиях того времени, миллионах трагедий, огромных людских потерях в семьях, селах, районах, где не стало каждого десятого, а где и каждого второго. Этим рассказам трудно поверить и невозможно не верить, потому что человеческая фантазия не способна выдумать такое.

Страшны и многообразны формы голода. Страшно и трудно писать о них. Голод стал нормой жизни. Почти никто в стране не получал удовлетворительного питания. Лишь ничтожная кучка самых высших руководителей и людоеды. Но их всех, вместе взятых, едва ли наберется сотня тысяч. А миллионы людей, ложась спать, думали о еде, вспоминали пышные караваи и окорока, встречавшиеся в доброе старое время. Миллионы были готовы на все за кусок хлеба. Недоедание, отсутствие мяса, масла, молока, яиц, овощей, рыбы, а часто и картошки были знакомы каждому, но в деревне положение было намного хуже, чем в городе. Вдоль железной дороги на коленях стояли крестьяне, крича: «Хлеба, хлеба», а железнодорожная охрана опускала шторы на окнах, запрещая не только бросить кусок хлеба, но и смотреть на несчастных. Крестьянин был объявлен преступником, скрывающим от государства продукты. Иметь их он не имел права. По мнению властей, он вообще не должен был есть.

Начиная с 1931 г. голод охватывал все более широкие слои населения. Вот несколько историй, взятых из публикаций, мемуаров, писем в газеты и журналы, опросов населения, архивных документов[1].

---

[1] Источники: [*Трагедия*, т. 3, с. 318–679; *Совершенно секретно*, т. 8, ч. 1–2; *Голод в СССР*, 2009, 2013; *Голод в СССР*, 2011–2013, 2010; *Голодомор*, 2001, 2007, 2008, 2010); *Голод 1933*, 1963, 1991; *Голод 1932–1933*, 1990, 1993; *Чорна книга*; *Чорні жніва*; *Документы свидетельствуют*, 1989; *Крестьянские истории*; *Гроссман*; *Соловей*, 1952, 1953, 1955; *Лютаревич*; *Солоневич*; *Вербицький*; *Семашко*, 1988; *Тендряков*; *Копелев*; *Пам'ять народу*; *Шаповал*; *Максудов*, 1989а]. См. также прил. 3.

Анонимный автор, подписавшийся «Динамовец», отправил письмо в газету «Известия», откуда его переслали в КГБ:

«Товарищи, в настоящий момент вполне реальным для всего населения СССР стал факт настоящего катастрофического голода по всей Украине и средней полосе Поволжья, и относительно голода по всей стране, за исключением искусственно поддерживаемого относительного сытого положения в Москве, где тоже положение с каждым днем продолжает ухудшаться. Массы беженцев из голодающих районов заполняют вокзалы железных дорог, массы идут, передвигаясь пешком до тех станций, где еще не было распоряжения их не допускать в поезда. Группы их на каждом шагу можно встретить на улицах Москвы. Беженцы бегут и несут с собой вести о царящем голоде на местах, от которых волосы становятся дыбом. Они скажут вам, что урожай в прошлом году у них был хороший, но что его весь "отобрали" большевики, что голод в Каменец-Подольском городе и др. местах довел до такого состояния, что они предпочитают умереть от угара, который они делают в своих избах и от которого умирают целыми семьями.

Привести людей в такое состояние, когда смерть делается желанной избавительницей от мучений — сверх человеческих сил, — может или тупость, или бесчеловечность власти местных сатрапов, которые обобрали, ограбили народ и довели его до массовых самоубийств во имя дутых планов, составленных усердными плановиками, желавшими подслужиться под власть, не считаясь с последствиями, на основании цифр, взятых с потолка».

Житель Хмельницкого района Винницкой области, родившийся в 1923 г., вспоминает: «Наша семья состояла из десяти человек: шесть братьев, две сестры, отец и мать. Жили не слишком хорошо, но и не очень плохо. Имели коня гнедого, объединялись для пахоты с дядькой Яковым, у него была кобыла Сирка. Однажды приходит "бригада", чего-то кричат отцу, через какой-нибудь час не стало коня. Я узнал, что увели коня в коллектив».

Ограбление семьи продолжалось. Увели корову, овец, унесли тушу забитого поросенка. Требовали сдать все запасы зерна, хотя все налоги были семьей заплачены. Искали закопанное металлическими щупами[1], арестовали отца и 10 дней допрашивали в рай-

[1] По всей необъятной стране члены буксирных бригад при поиске закопанного зерна использовали металлические штыри, с помощью которых можно было обнаружить мягкий, недавно выкопанный грунт. Любопытно, кем было сделано это «изобретение» и было ли оно запатентовано...

оне. Однажды зимой отобрали дом и все вещи выставили у школы на продажу. Что никому не понадобилось — впоследствии сожгли. Два брата уехали на строительство Магнитки. Трое детей устроились в соседний совхоз, выращивать рассаду сахарной свеклы.

«Верховоды нашего села, узнав про это, стали добиваться, чтобы моих братьев повыгоняли с работы. Администрация совхоза, спасибо ей великое, не послушалась их требований.

Весной отцу разрешили занять пустую хату на другом конце села. Пришла голодная весна. Я рвал лопухи и крапиву на огородах, приносил матери, мать накрошит мелко и наварит целый котел. Ешь, ешь, живот полный, а есть хочется... Много было попрошаек, которые, ничего не выпросив, тут же садились около хат и умирали. Подошла и ко мне очередь. С огорода до хаты я уже не мог дойти. Мама меня привела до хаты, постелила на полу, положила и что-то отцу сказала. Поздно вечером пришла сестра из совхоза, принесла еды, мама сварила суп и дала мне. Я съел. Брат и сестра, убедившись, что мы трое дошли до края, договорились десятую часть пайка каждого из них приносить по очереди нам.

Началась жатва, в хате появился кулеш из недозревшей пшеницы или ржи, но мне не давали наесться досыта, чтобы не случилась неожиданная смерть. Во время жатвы паек брата и сестры в совхозе увеличился, и нам троим стало перепадать побольше. Жатва и дружная семья спасли нас»[1].

Но очень часто всё заканчивалось не так благополучно. Можно бесконечно пересказывать страшные истории о людях, вырывавших кусок хлеба изо рта ближнего, потерявших человеческий облик. Голод разделил людей. Многие утратили одно из важнейших человеческих свойств — сострадание. «Самому мало» — этот ответ часто приходилось слышать людям, молившим о помощи. Нужны были океаны человеческой доброты, а находились лишь скудные, хотя и бесконечно драгоценные крохи. Фотографии сохранили людей, деловито спешащих мимо скрючившегося в канаве ребенка, женщин с хозяйственными сумками, беседующих о чем-то неподалеку от валяющихся у дороги трупов, возчиков, из телег которых торчат в разные стороны руки и ноги. Сколько их было, безнадежно молящих глаз, протянутых за подаянием рук, разрушенных надежд?..

---

[1] Весной 1933 г. для работающих в поле восстановили общественное питание, правда не везде и в ограниченных размерах, так как прошлогодние угрозы по поводу напрасной траты зерна были хорошо памятны местным руководителям.

Мать троих детей воровала по ночам мерзлую свеклу, ее застрелила охрана и бросила для устрашения на улице рядом с домом. А ее маленькие дети умерли от голода.

Соседка семейства Федорчук пожалела малолетних детей, Николая (6 лет) и Олю (2 года), и согласилась давать им в день по кружке молока. Однако дети молока не получали. Омелий, глава семьи, сказал жене: «У соседей у всех дети давно уже умерли, а мы будем их кормить, себя надо, пока не поздно, спасать». Когда соседка, рассердившись на это, перестала давать молоко, Омелько донес на нее, что у нее якобы спрятано во дворе зерно.

Селянин Василь Лучко жил на хуторе Лукашенко Полтавской области с женой Оксаной и двумя сыновьями шести и четырех лет. Жена его, энергичная сельская активистка, ездила за продуктами в Полтаву, Миргород, отсутствуя дома по нескольку недель. Однажды сосед Василя зашел к нему и увидел, что его старший сын повешен на двери.

— Что ты сделал, Василь?

— Повесил хлопца.

— А где другой?

— В кладовке лежит, я еще вчера повесил его.

— Зачем ты это сделал?

— Есть нечего. Ксанка как привозит хлеба, все дает детям, детям. А теперь, как привезет, и мне даст.

Люди озлобились, ожесточились. Многие, особенно дети, не могли удержаться от воровства. С пойманными на краже еды расправлялись тут же, нередко забивая до смерти.

Девочка шести лет, Таня Покидько, сорвала на грядке у соседа, Турка Гаврилы, головку чеснока. Турка избил ее так, что она, забравшись под свою хату, умерла. Ее отец Степан, бывший красный партизан, взял четырех уже опухших детей и пошел просить помощи в районном комитете. Получив отказ, он оставил детей в кабинете секретаря райисполкома Полонского, сказав: «Лучше вы их съешьте, чем я буду смотреть, как они мучаются». Детей отдали в интернат, где двое из них вскоре умерли. Степан повесился на березе во дворе райисполкома, а его жена Одарка, съев сразу много лягушек, умерла.

Мальчик 7–8 лет украл на базаре печеную рыбу, толпа остервенело погналась за ним, набросилась, стала топтать ногами и разошлась только когда детское тельце перестает дергаться. Когда подошел милиционер, мальчик лежал на земле с выбитым глазом.

Сергей Фурса рассказывает, как на станции Юзовка милиция обыскивала людей и забирала у них все, что находила. У одного крестьянина отобрали 5 фунтов крупы и две буханки хлеба. Он умолял оставить их, говоря, что у него дома больная жена и дети, просил окружающих людей за него заступиться, но ничего не помогло. Через полчаса он бросился под поезд.

Селянин Терешко, схватив женщину, выкопавшую у него на грядке картошку, избил ее ногами, а затем засунул ей в рот большой амбарный ключ и начал крутить, стараясь выломать зубы. Через несколько дней женщина умерла.

Ослабевали родственные связи.

«Умер дедушка в 33-м трагически, голодной смертью, — рассказывает писатель и журналист Юрий Черниченко. — Мы в то время жили в Донбассе в Сталино, в тот год к нам приехало 15 человек родственников. Страшно вспомнить то время: опухшие, голодные... Отец спросил у теток, почему старика не привезли. Тетя Варя сказала — очень плохой, не доехал бы... "Но вы-то доехали — и он бы доехал". Стали по возможности собирать и отправлять посылки. Но дедушка был слаб ходить на почту и поручал получать посылки невестке Степаниде, она получала и кормила свою семью, все остались живы, а дедушки не стало».

Дедушка умер, потому что дочь, спасая свою семью, не взяла его с собой, а невестка воровала продукты из посылок, которые сын посылал отцу. Люди, травмированные страхом голода, не соблюдают элементарных этических норм.

Но и истории про добрых, отзывчивых людей, помогавших другим, когда это было возможно, нельзя читать без слез. Вот рассказ Ивана Солоневича, обитателя ГУЛАГа в районе Беломорско-Балтийского канала. Как-то, вернувшись с работы, Солоневич обнаружил, что остатки щей в кастрюле превратились в глыбу льда. Он решил освободить кастрюлю, чтобы получить свою порцию каши. Но тут откуда-то возникла девочка лет одиннадцати с голодным блеском в глазах под спутанными космами волос и стала выпрашивать у него содержимое кастрюли. Она буквально выхватила у него кастрюлю, «распахнула рваный зипунишко, под которым не было ничего, только торчали голые острые ребра, прижала кастрюлю к своему голому тельцу, словно своего ребенка, запахнула зипунишко и села на снег... Я прошел в палатку отыскивать другую посуду для каши своей насущной.

В жизни каждого человека бывают минуты великого унижения. Такую минуту пережил я, когда, ползая под нарами в поисках

какой-нибудь посуды, я сообразил, что эта девочка собирается теплом изголодавшегося своего тела растопить эту глыбу замерзшей, отвратительной, свиной, но все же пищи; и что во всем этом скелетике тепла не хватит и на четверть этой глыбы. Я очень тяжело ударился головой о какую-то перекладину под нарами, и, почти оглушенный от удара, отвращения и ярости, выбежал из палатки. Девочка все еще сидела на том же месте, и ее нижняя челюсть дрожала мелкой частой дрожью.

— Дяденька, не отбирай! — завизжала она. Я схватил ее вместе с кастрюлей и потащил в палатку. В голове мелькали какие-то сумасшедшие мысли. Я что-то, помню, говорил, но думаю, что и мои слова пахли сумасшедшим домом. Девочка вырвалась в истерике у меня из рук и бросилась к выходу из палатки. Я поймал ее и посадил на нары. Лихорадочно, дрожащими руками я стал шарить на полках под нарами. Нашел чьи-то объедки, полпайки Юриного хлеба и что-то еще. Девочка не ожидала, чтобы я протянул ей все это. Она судорожно схватила огрызок хлеба и стала запихивать себе в рот. По ее грязному личику катились слезы еще не остывшего испуга. Я стоял перед нею пришибленный, полный великого отвращения ко всему в мире, в том числе и к самому себе. Как это мы, взрослые люди России, тридцать миллионов взрослых мужчин могли допустить до этого детей нашей страны».

Агроном Беленький рассказывает, как он ехал на скором поезде Шепетовка — Баку. На станции Гребенка в вагон сели две крестьянки с детьми.

«Маленький хлопчик лет четырех, которого мать держала на коленях, заныл: “Мамо, исты!” Женщина посмотрела на ребенка взглядом, наполненным болью, развязала котомку, достала из нее что-то черное, испеченное как коржик, отломила по маленькому кусочку и дала детям. Пассажиры зашевелились, полезли в сумки и чемоданы, доставая припасы.

— Дивись, мамо, хлиб! — закричала девочка, когда кто-то протянул четвертинку стандартного клейкого хлеба, который выдавали по карточкам. Дети разом кинулись на него, хотели вырвать каждый себе и есть, есть, только есть. Их глаза разгорелись, как у голодных зверят. Это продолжалось одно короткое мгновение. Изо всех концов вагона пассажиры несли еду, и в следующую минуту дети уже жадно ели, завистливо глядя, как приносили и давали матерям кто что мог. Разом обе матери не выдержали и разрыдались. Следом заплакали и дети, и, наверное, все женщины в вагоне. Мужчины отворачивались, смахивая слезы. Наступила какая-то

психическая разрядка, что-то прорвалось. То, что люди думали каждый про себя, передалось всем, овладело целым вагоном».

Женщинам в истории агронома повезло. Нашелся сердобольный железнодорожник, который продал им билеты, несмотря на запрет. Но тысячи и тысячи крестьян шли из родных мест, не рассчитывая на железную дорогу. Шли, падали, вставали и шли, шли, шли. Когда не было сил идти дальше, ползли, сворачивались клубочком в придорожной канаве.

Некоторым крестьянам удавалось устроиться на работу на шахтах и стройках. Начальство, нуждавшееся в рабочих руках, временно закрывало глаза на социальное происхождение. Очень многие уже не были пригодны для тяжелой физической работы. Они просили милостыню, собирали объедки, застывали неподвижно на порогах домов. Милиция вылавливала крестьян на вокзалах, рынках, улицах, грузила на машины и увозила. Куда? В некоторых случаях в совхозы или на другие государственные предприятия, чаще всего куда попало, просто подальше от центра города.

«Мы жили в Одессе... Осенью в городе появились первые голодающие. Они неслышно садились семьями вокруг теплых асфальтовых котлов позади их законных хозяев — беспризорников — и молча смотрели в огонь. Глаза у них были одинаковые — у стариков, у женщин, грудных детей.

Никто не плакал. Беспризорники что-то воровали в порту или на Привозе, порой вырывали хлеб из рук зазевавшихся женщин. Эти же сидели неподвижно, обреченно, пока не валились здесь же на новую асфальтовую мостовую. Их места занимали другие. Просить что-нибудь было бессмысленно. По карточкам в распределителе научных работников мать получала по фунту черного хлеба на работающего, полтора фунта пшена на месяц и три-четыре сухие тарани. Эта деликатесная рыба была тогда основной едой: “Ешь таранку, пий водичку, та викуруй пятиричку”! Одесса шутила.

Это была очередная “неформальная” веха. Тридцать третий год. С середины зимы голодающих стало прибавляться, а к весне будто вся Украина бросилась к Черному морю. Теперь уже шли не семьями, а толпами, с черными высохшими лицами, и детей с ними уже не было. Они лежали в подъездах, парадных, на лестницах, прямо на улицах, и глаза у них были открыты. А мимо нашего дома к портовому спуску день и ночь грохотали кованые фуры, везли зерно, гнали скот. Каждый день от причала по обе стороны холодильника уходили по три-четыре иностранных парохода с мороженым мясом, маслом, битой птицей. В городе вместо тарани

стали выдавать на месяц по полтора фунта сине-зеленой конины. Мне в тот год предстояло идти в школу. Помню буйный майский дождь. Задрав штаны, мы, припортовые дети, бегали в потоках несущейся вдоль тротуаров воды и во все горло пели: “Телятину, курятину буржуям отдадим, а Конную-Буденную мы сами поедим!”».

Пассивные, ни на что не способные жертвы голода один за другим умирают. Рядом с ними активно борющиеся за жизнь беспризорники и вокруг них равнодушный к первым и опасающийся вторых большой приморский город. И таких примеров ослабления жизнедеятельности, выполнения любых распоряжений любых властей, пассивности и покорности можно привести множество. Такая же картина наблюдалась и в отдаленных северных уголках страны. Писатель В. Тендряков десятилетним пацаном в пристанционном вологодском поселке видел умирающих от голода крестьян:

«1933 год. У прокопченного крашенного казенной охрой вокзального здания, за заборчиком — сквозной березовый скверик. В нем, прямо на утоптанных дорожках, на корнях, на уцелевшей пыльной травке валялись те, кого уже не считали людьми.

Правда, у каждого в недрах грязного, вшивого тряпья должен храниться — если не утерян — замусоленный документ, удостоверяющий, что предъявитель сего носит такую-то фамилию, имя, отчество, родился там-то, на основании такого-то решения сослан с лишением гражданских прав и конфискацией имущества. Но уже никого не заботило, что он, имярек, лишенец, адмвысланный, не доехал до места, никого не интересовало, что он, имярек, лишенец, нигде не живет, не работает, ничего не ест. Он выпал из числа людей... Куркули даже внешне не походили на людей... Одни из них — скелеты, обтянутые темной, морщинистой, казалось шуршащей кожей, скелеты с огромными, кротко горящими глазами. Другие, наоборот, туго раздуты — вот-вот лопнет посиневшая от напряжения кожа, телеса колышутся, ноги похожи на подушки, пристроченные грязные пальцы прячутся за наплывами белой мякоти... Больше всего походили на людей те, кто уже успел помереть. Эти покойно лежали — спали.

Но перед смертью кто-нибудь из кротких, кто тишайше грыз кору, вкушал мусор, вдруг бунтовал — вставал во весь рост, обхватывал лучинными, ломкими руками гладкий, сильный ствол березы, прижимался к нему угловатой щекой, открывал рот, просторно черный, зубастый, собирался, наверное, крикнуть испепеляющее проклятие, но вылетал хрип, пузырилась пена. Обдирая кожу

на костистой щеке, “бунтарь” сползал вниз по стволу и... затихал насовсем. Такие и после смерти не походили на людей — по-обезьяньи сжимали деревья.

Время от времени появлялся милиционер Ваня Душной, парень с застывшей миной — “смотри ты у меня!”.

— Никто не выполз? — спрашивал он у начальника станции.

А тот не отвечал, проходил мимо, не подымал головы. Ваня Душной следил, чтоб куркули не расползались из скверика — ни на перрон, ни на пути. Мы, мальчишки, в сам скверик тоже не заходили, а наблюдали из-за заборчика. Никакие ужасы не могли задушить нашего зверушечьего любопытства...

Начальник станции — “красная шапочка” — однажды повернулся в нашу сторону воспаленно-темным лицом, долго глядел, наконец изрек то ли нам, то ли самому себе, то ли вообще равнодушному небу: “Что же вырастет из таких детей? Любуются смертью. Что за мир станет жить после нас? Что за мир?..”

Я садился дома за стол, тянулся рукой к хлебу, и память разворачивала картины: направленные вдаль, тихо ошалелые глаза, белые зубы, грызущие кору... И под горло подкатывала тошнота.

Уже взрослым я долгое время удивлялся и гадал: почему я, в общем-то, впечатлительный мальчишка, не заболел? Наверно, потому, что ужасы сквера появились не сразу, и у меня была возможность как-то попривыкнуть, обмозолиться. Первое потрясение, куда более сильное, чем от куркульской смерти, я испытал от тихого уличного случая. Женщина в опрятном и поношенном пальто с бархатным воротником и столь же опрятным и поношенным лицом, на моих глазах поскользнулась и разбила стеклянную банку с молоком, которое купила у перрона на станции. Молоко вылилось в обледеневший нечистый след лошадиного копыта. Женщина опустилась перед ним, как перед могилой дочери, придушенно всхлипнула и вдруг вынула из кармана простую обгрызенную деревянную ложку. Она плакала и черпала ложкой молоко из копытной ямки на дороге, плакала и ела, плакала и ела, аккуратно, без жадности, воспитанно.

В тот месяц застрелился начальник станции, которому по долгу службы приходилось ходить в красной шапке вдоль вокзального сквера».

Когда в 1933 г. была разрешена продажа хлеба по коммерческим ценам, тысячи людей с утра до ночи стояли в очередях у магазинов. Стояли, вцепившись друг в друга, опасаясь отойти, страшась

потерять свое место, боясь, что шпана разорвет очередь. Ветер качал цепочку обхвативших друг друга людей из стороны в сторону. Люди кричали, плакали, выли, но не уходили. Они боялись потерять очередь, они боялись, что им не достанется, они хотели жить. Лишенцы, потерявшие работу, а следовательно, и карточки, и селяне составляли основную массу этих многоклеточных цепочек голодных ртов. Один из очевидцев рассказывает, как он с самым первым поездом отправлялся из пригородной деревни в Харьков для того, чтобы занять очередь в коммерческий магазин за хлебом, и как ему многократно хлеба не доставалось. За хлебом по карточкам тоже надо было стоять в очередях, хотя, возможно, не столь безнадежных.

...К инженеру Ломака в Брянскую область приехала сестра. Он купил ей крупу и муку, чтобы она отвезла их семье на Украину. Однако на станции Купянск железнодорожная милиция отобрала все продукты. Картошка, посланная багажом, также была конфискована ГПУ на станции Поворино.

Но самые страшные трагедии разыгрывались тогда, когда, вернувшись домой, добытчики не заставали в живых своих близких. В селе царила смерть. Братские могилы на несколько человек выкапывались впрок, никто не сомневался, что скоро они будут заполнены и понадобятся новые. Телеги, собирающие скончавшихся, стали привычной частью деревенского быта. Как будто так и должно быть, ни прощания с покойником родных и близких, ни отпевания, заботливая власть присылает на дом своих уполномоченных, интересуясь (не без основания), не умер ли хозяин или кто другой из членов семьи, и, если умер, помогает сбросить мертвое тело в большую общую яму. Михаил Якимович Попенко, 1921 г. рождения, житель Полтавской области, рассказывает:

«В 1932 г. мой отец Яким Филиппович и мать Марта Родионовна распродали свое имущество и на лошадях поехали из нашего села Зубани на железнодорожную станцию Сагайдак, взяли с собой меня и брата Владимира, 1919 г. рождения. Мы зашли в вокзал, помню по залу ходил милиционер, я его увидел первым. Вдоль стен лежали мертвые люди, никто их не убирал, по стенам ползали вши, противно было дотронуться до стенки и сиденья скамейки. Людей снимали с крыш вагонов, у них забирали кукурузную муку, которую они везли с Кавказа. Нам билеты не продавали, не давали возможности уехать с Украины. Мать сняла с руки золотое обручальное кольцо, дала милиционеру, и он посадил нас в поезд... Приехали в село Ново-Ивановка у речки Урвань. Там

голоду не было. Нас, как беженцев, люди взяли на квартиру, отец пошел на завод обжигать известь, мать ходила по хатам белила стены и печи... С приближеньем весны 1933 г. отца вызвали в сельраду и приказали ехать назад. Нас обвиняли в том, что мы бросили землю и уехали, а нужно, дано указание, всех украинцев возвратить на родину. Мы не хотели ехать, но нас со многими другими семьями отправили домой... Глава сельрады, увидев, что мы люди сильные, дал нам наряд: собирать мертвых и свозить их на кладбище. В селе было 450 домов и, соответственно, семей. Нам дали подводу и двух коней. Отец на кладбище копал яму, а мы втроем вытаскивали из нее ведром землю. Когда яма была готова, мы ездили по улицам от избы до избы и собирали умерших еще зимой. Стягивали покойника на подстилку. Отец брал подстилку со стороны головы, а мы с Вовкой со стороны ног и выносили на подводу. Когда набирали полную подводу, ехали на кладбище и выворачивали подводу в яму, присыпали трупы соломой и ехали снова. Я хорошо помню, что в яму входило по 27–30 трупов, а сверху полной ямы присыпали горку земли. И так выкопали до 20 ям...

Одна женщина Мария Гончар бросила свою дочку пяти лет Марусю и укатила в Донбасс. Эта девочка ходила голодная по селу, и никто не мог ничего ей дать, так как в селе нечего было есть. Около церкви нас окликнули, чтобы положили на подводу мертвую девочку, это была Маруся. Мой отец кинул сверху других ее трупик и поехали на кладбище. Перекинули подводу в яму, которая оказалась почти полна. Эта девочка оказалась сверху. Присыпали соломой и поехали за новой ходкой. Ездили, ездили, около веялки нас позвали подобрать мертвую девочку. Мы с братом пошли за ней, оказалось это опять Маруся. Она выбралась из ямы и дошла до мельницы, где искала еду, и там умерла. Через несколько лет вернулась ее мать и пришла спрашивать нас о могиле Маруси. Отец выгнал ее со двора, а она сказала, что невиновна. Если бы не уехала, она сама бы вместе с дочерью умерла».

Что люди ели? Правильнее было бы задаться вопросом, чего они только не ели. Желуди считались деликатесом, отруби, полова, мороженая свекла, листья сушеные свежие, древесные опилки — все шло в ход, наполняя человеческие желудки. Кошки, собаки, вороны, дождевые черви и лягушки стали мясной пищей человека.

Весной, когда появилась трава, дизентерия и понос оказались более опасными для жизни человека, чем голод. И даже обычная человеческая еда грозила искалеченным людям смертью. Один из научных работников Харьковского технологического института,

отправленный вместе с группой студентов в село, рассказал: «Когда вышли ужинать, со всего села начали сбегаться голодные дети и даже взрослые и просить хлеба или затирки. Студенты, пораженные страшным видом голодных детей, стали давать им куски хлеба и сваренную затирку. Дети и взрослые с жадностью бросились на еду... Через полчаса или час после этого дети, которые после долгого голодания с жадностью наелись хлеба, с криком и плачем стали падать на землю и корчиться от боли. Среди студенток начались истеричные крики... руководство приказало студентам зайти в помещение школы, а детей отвести в село... Пошли в поле полоть буряки. И тут снова несчастье. Колхоз прикрепил к нашей бригаде одного селянина, точить тяпки. Колхозник молча выполнял свое задание до обеда. Во время обеда студенты от щедрого сердца дали ему немало хлеба и вареной каши, не опасаясь беды. Голодный человек хорошо поел, а через какие-нибудь полчаса тут же умер у всех на глазах...».

Люди разучились есть. Свидетель рассказывает, как в большом селе Киевской области выдали весной по килограмму гречки на человека. Люди ели ее прямо сырой, и некоторые умерли от этого достаточно диетического продукта.

Вынужденные весной ввести для работающих обеды в поле, местные руководители делали это очень осторожно, хорошо помня недавние страшные расправы с «разбазаривавшими» государственное зерно. И эти опасения были не напрасны. Так, директор районного земельного отдела (райзо) Чорноусского района приказал перебрать посевной материал и картошку, потерявшую качество, продать колхозникам. За это распоряжение он был снят. Директор МТС добивался разрешения ввести в колхозах МТС общественное питание и просил для этих целей зерно — он был исключен из партии за антигосударственные тенденции. И т. д.

В стране выстраивается новая иерархия потребления, появляется слово номенклатура — люди, снабжаемые продовольствием по специальному списку. Номенклатура ЦК партии, обкома, министерства, райкома. Предприятия, города и районы разбиваются на категории по уровню снабжения. Иногда эта различие было совсем небольшим, всего лишь кусок хлеба, но даже ничтожно малое превращалось в огромное рядом с полным отсутствием. Сохранился документ, фиксирующий одну из ступеней иерархии лиц, заслуживающих государственного снабжения. Это постановление СНК СССР от 5 декабря 1931 г. «Число районов и количество районных работников (с членами их семей),

подлежащих снабжению в централизованном порядке». Список включал 2415 районов[1]. По 50 человек на район, всего 132 815 человек (РГАЭ, ф. 7486, оп. 37. ед. хр. 159, л. 59).

В литературе встречаются примеры норм выдачи продовольствия сельским привилегированным руководителям (табл. 1.12).

Таблица 1.12. **Снабжение работников райкомов Уральского края, кг в месяц**

Продукты	Первая категория		Вторая категория	
	Работающий	Иждивенец	Работающий	Иждивенец
Мука	18,0	8,0	16,0	8,00
Мясо	3,0	1,0	1,5	0,50
Сахар	2,5	0,8	1,0	0,50
Масло животное	1,0	0,5	0,5	0,25
Рыба	3,0	1,0	1,5	0,50
Масло растительное	2,0	1,0	1,0	0,50
Печенье	2,0	1,0	1,5	0,50

Примечание. Данные по Сухоложскому и Камышловскому райкомам. Нормы были установлены в 1931 г. решением обкома партии [*Кулак и агрогулаг*, с. 99].

Эти сведения кажутся не слишком достоверными и, скорее всего, отражают пожелание, а не реальное снабжение. Почти во всех категориях они представляются преувеличенными. Но даже если бы они были в десятки раз меньше, то это все равно намного больше, чем доставалось рядовому сельскому жителю, находившемуся в самом низу продовольственной пирамиды. Рядом с ним любой горожанин ощущал себя миллионером.

Вот молодые рабочие возвращаются в январе 1933 г. из деревни Харьковской области, где участвовали в поисках спрятанного крестьянами зерна. Они не только кажутся себе, но и действительно являются крезами по сравнению с селянами.

«В Миргороде мы впервые за долгое время по-настоящему обедали. В столовой райкома нам дали мясной борщ, гуляш и хлеб — не кукурузный, не ячменный, а ржаной. Наши продовольственные карточки в деревнях были ни к чему. А в Миргороде нам сразу выдали по целой буханке хлеба. Сыроватый,

[1] В список районов попали почему-то и две автономные области: Ингушская и Черкесская.

с закальцем и с отстающей верхней коркой, но все же настоящий хлеб. Получили мы еще и по куску сала, несколько банок консервов — бычки в томате, — сахар и конфеты — липкие комья карамели. Без карточек мы купили полдюжины пива. И погрузившись в поезд со всеми этими сокровищами, мы сразу же почувствовали, что, несмотря на великолепный обед, очень голодны. Поезд был почтовый, тащился долго и пировали мы блаженно» [*Копелев*, с. 269].

Главной особенностью лета 1933 г. была охрана урожая. Необходимо было сохранить каждое зернышко. Не от птиц или грызунов. От людей. На полях были сооружены дозорные вышки. Конные разъезды притаились в засадах. Сельские жители не должны были получить ни одного колоска колхозного хлеба. Даже с собственного поля не имел права колхозник унести ни одного зерна. Специальное распоряжение запрещало жатву раньше времени, и вдова — мать шестерых пухнущих от голода детей, сре́завшая у себя на огороде несколько колосков, получила три с половиной года работ в трудовой колонии, где она через две недели умерла. «Хищение» зафиксировали голова сельрады, председатель колхоза и агроном. Они смололи снопы, взвесили их, затем через несколько дней, когда пшеница дозрела, вновь повторили операцию и установили, сколько граммов зерна государство недополучило (могло недополучить) из-за преступного желания матери накормить своих детей. Затраты труда государственных чиновников, каждый из которых съел в тот день больше хлеба, чем собиралась несчастная мать скормить своим детям, оказались вполне оправданными. Они доказали, что государство могло иметь на 100 г больше зерна, если бы не преступление вдовы.

Охрана урожая стала важнейшим в стране делом. В ней участвовали не только взрослые, но и маленькие дети. Как утверждал Косиор, 500 тыс. пионеров сторожили в то лето поля от своих родителей. Правда, другие очевидцы рисуют менее патриотическую картину: «Разговаривая друг с другом, усталые колхозники шли с поля. И вдруг, что за явление? На краю деревни они догоняют странное сборище детей, старух и стариков под охраной головы сельрады Зозули, вооруженного ружьем и пистолетом, верхом на коне. Плетется толпа медленно. Детишки в запачканных, сто раз заплатанных портках и рубашках, все босиком и почти у каждого через плечо котомка, а в ней вещественные доказательства этих великих преступлений. Важных преступников вышел встречать сам начальник районной милиции Смирнов: “Гони их

всех в сарай, а завтра разберемся, кого куда!" А утром несколько детских трупов похоронная бригада увезла на кладбище. Мертвые вне закона».

Много сил тратилось на то, чтобы скрыть правду. Поездки иностранных корреспондентов были ограничены. Советское правительство категорически отрицало существование каких-либо проблем в деревне и, напротив, необычайно гордилось своими успехами. Слухи о трудностях и неполадках циркулировали по всей стране, но правдивой и полной информации ни у кого не было. Никита Хрущев, занимавший уже высокий пост в Московском комитете партии, пишет, что получил достаточно подробные сведения о положении дел на селе лишь спустя несколько лет. Петр Григоренко едет спасать отца в деревню по сигналу родных, но до этого не имеет представления о том, что там происходит.

ТАСС выпускает специальное опровержение информации о голоде, появившейся за границей, называя ее клеветой на прекрасную советскую действительность. Особенно засекречивались случаи людоедства. В архивах и воспоминаниях людей сохранилось множество страшных свидетельств. На секретаря сельрады села Шиловка Полтавской области напали ночью трое. Секретарь отбился, и утром в домах этих людей нашли головы, руки зарезанных детей, чугуны с человеческим мясом.

«Я зашел в одну хату и окаменел. У самой стены на деревянной лавке лежал почти высохший ребенок лет пяти-шести. Над ним склонилась мать, держа в руке нож, с трудом старалась отрезать ему голову. Нож и руки были в крови, ребенок конвульсивно дергал ногами. Побежал в сельсовет, где председатель и двое дежурных равнодушно заметили, что случаи, когда родители ели своих детей, в селе не единичны».

Поскольку существующим уголовным законодательством не предусматривалось наказание для виновных в людоедстве, было выпущено специальное распоряжение, согласно которому все дела по обвинению в людоедстве и убийстве, предшествовавшем людоедству, должны быть переданы на рассмотрение ОГПУ в Москве.

Как уже отмечалось, много сельских жителей приезжало в город, чтобы выменять там продукты на вещи. Эти мешочники забирались далеко на север, вплоть до Москвы, повторяя историю Гражданской войны в обратном направлении. На железнодорожных станциях их ловили и отбирали продукты.

Очень многие просто бежали из дома в поисках места, где можно прокормиться.

В январе 1933 г. руководству областей и районов Украины направляется постановление Политбюро ЦК КП(б)У о пресечении массовых выездов за пределы республики колхозников и единоличников и возвращении беглецов домой посредством арестов на новых местах их жительства. При этом принимаются некоторые меры по исследованию продовольственных затруднений и помощи голодающим.

«Постановление Политбюро ЦК КП(б)У 17 марта 1933 г. ЦК считает, что тяжелое продовольственное положение, создавшееся в ряде важнейших районов Киевской обл. — при условии больших льгот и помощи, оказанной Киевской обл., и, в частности, большого уменьшения плана хлебозаготовок и удовлетворительного урожая этого года, в значительной степени является результатом:

А) Непринятия своевременно предупредительных мер со стороны обкома и несвоевременного выявления обкомом действительной обстановки в районах.

Б) Отсутствия со стороны парторганизации отпора и разоблачения различных панических и провокационных слухов...

Поручить т. Балицкому со своей стороны немедленно принять все необходимые меры, как по линии ГПУ, так и милиции.

В) За счет оказываемой государством продовольственной ссуды оказывать прежде всего и немедленно помощь добросовестным колхозникам, имеющим большое количество трудодней, но почему-либо получившим малое количество хлеба или имеющим большую семью.

Г) Организовать через детсады, детясли и школы кормление всех детей, нуждающихся в помощи, в том числе детей колхозников, имевших мало трудодней, а также детей единоличников... не менее 0,5 стакана молока на каждого ребенка».

Заготовки с помощью обысков и конфискаций продолжались практически до начала февраля, после чего они перешли в подготовку к севу. Следует заметить, что административная и партийная деятельность тех лет носила характер кампаний, и в каждый отдельно взятый момент главной считалась только одна кампания, требовавшая концентрации всех сил и средств на ее выполнении. Поэтому, когда в начале февраля власти начали подготовку к севу, заготовки перешли в сбор семян, а все административно-партийные усилия были направлены на организацию посевной. Для этого

требовались семена (частично выдаваемые в долг государством), рабочий скот, трактора и, главное, рабочие руки, то есть сам сельский житель, способный работать. Обтянутые кожей скелеты для работы не годились. Крестьянин из злоумышленника, прячущего государственное зерно, превратился в работника, которого надо подкормить. Начался отлов беглецов по стране и возвращение их по месту жительства, организация общественного питания, а также некоторой помощи голодающим, в первую очередь работающим на посевной и детям. К этому времени относятся исследования ОГПУ масштабов голода (прил. 3); наказания местных руководителей, на которых была возложена вина за гибель голодающих (хотя они всего лишь усердно выполняли распоряжения центра); отпуск продовольствия нуждающимся районам и областям. Политбюро ЦК КП(б) поручает ГПУ в первую очередь решительно бороться с паническими и провокационными слухами.

К сведениям ОГПУ весной 1933 г. добавились рапорты, организуемые повсеместно политотделами. Все они проходят под рубрикой «Совершенно секретно» (прил. 3). Вожди получали эту информацию и трактовали в свете оправдания своих действий в прошлом и решения проблем в настоящем. Ответственности за гибель людей от голода ни украинские, ни центральные власти не ощущали. Но они хотели обеспечить весенний сев рабочими руками и лошадьми, для чего поручили ОГПУ оценить численность голодающих и начать понемногу снабжать деревню хлебом, фуражом и посевными материалами. Вот что пишет в связи с этим Станислав Косиор Сталину 15 марта 1933 г.:

«Если в прошлом году замалчивали о тяжелом положении в районах, то в этом году наоборот — всячески стремятся выпятить наиболее тяжелые случаи, собрать и обобщить цифры. В очень многих сообщениях проглядывает целевое назначение информации — получить помощь ЦК. Само по себе это было бы правильно, если бы области и районы эти свои требования предваряли или хотя бы сопровождали собственной энергичной работой по мобилизации местных ресурсов для организации помощи. Имеющиеся в ЦК КП(б)У сведения, как от обкомов, так и по линии ОГПУ, о размерах голодовок крайне разноречивы. Это объясняется тем, что достаточно серьезной и трезвой оценки положения без замалчивания и замазывания, как равно и без преувеличений и паники, в областях, как правило, еще нет. Во всяком случае, несомненно, что наиболее тяжело в Днепропетровске, ибо пока 60% всех сведений о количестве голодающих и больше 70% зарегистрированных

случаев смертей приходится на Днепропетровск. Из 49 районов в Днепропетровской области тяжелыми считаются 21 район. На втором месте по количеству сообщений о голодании стоит Киевская область, в которой особенно тяжелыми районами считаются 31. Здесь мы, несомненно, имеем очень серьезный рецидив прошлогодних голодовок в довольно широких размерах. Дальше по количеству пораженных районов идет Винница — 17, Донбасс — 11 районов, Одесса — 14, Харьковская — 9 районов. Всего по регистрации ГПУ по Украине охвачено 103 района...

По сравнению с прошлым годом и в отношении пораженных районов, как и в отношении колхозов, получается значительно более пестрая картина. Тут явно поражены районы с наиболее разложенными колхозами и плохим ведением хозяйства. Основная часть голодающих — это те, кто совсем не имел или имел очень мало трудодней, в особенности из числа многосемейных, а также единоличники. В особенности тяжелое положение так называемых возвращенцев, т. е. тех, кто подчас вместе с семьями где-то бродил, а теперь в значительном количестве возвращается обратно...

Но большую часть голодающих представляют колхозники, хотя и выработавшие много трудодней, но получившие на руки очень мало хлеба. В этих районах 75–80% выданного хлеба падает на общественное питание. Причем, конечно, относительно больше пострадали от общественного питания как раз хорошие колхозники, а в особенности тяжело многосемейным. Есть случаи, когда выданный на руки хлеб отбирали обратно. Имеются такие факты, когда очень многие колхозники и единоличники под влиянием паники хлеб попрятали, а и в то же время голодают. По одной Днепропетровской области таких случаев обнаружено больше 50. Основная причина голода — плохое хозяйничанье и недопустимое отношение к общественному добру (потери, воровство и растрата хлеба) — в этом году перед массами выступает более выпукло и резко. Ибо в большинстве голодающих районов хлеба по заготовкам было взято ничтожное количество, и сказать, что "хлеб забрали", никак невозможно. Это нужно сказать по отношению к большинству районов, даже Днепропетровской области, тем более это выпирает, например, в Киевской области, где в этом году хлебозаготовки были совершенно ничтожны... То, что голодание не научило еще многих колхозников уму-разуму, показывает неудовлетворительная подготовка к севу как раз в наиболее небагополучных районах» [*Голод в СССР*, 2009, с. 304–307].

Мы видим, что автор письма знает, что голод был и в прошлом 1932 г., хотя его замалчивали. Он не сомневается, что его корреспонденту это также хорошо известно. Он отмечает, что в этом году более «пестрая картина», не хочет сказать «более тяжелая». Виноваты в трудностях в первую очередь сами крестьяне (плохо работали, убегали куда-то). И то, что в наиболее пострадавших районах медленнее идет подготовка к севу, цинично объясняется тем, что голод «им» еще недостаточно показал, что надо хорошо работать («уму разуму даже теперь не научились»). Несут ответственность за голод и местные партийные руководители (разбазаривали зерно на общественное питание и не хотят энергичной работой «мобилизовать» местные ресурсы). И меньше всех, конечно, виновато республиканское и общесоюзное руководство: «...сказать, что "хлеб забрали", никак невозможно».

Непонятно, было ли у Косиора адекватное представление о числе голодающих и их распределении по республике. Он не уверен (возможно, притворно), что голод 1933 г. сильнее, чем в предыдущем году, считает, что потери Днепропетровской области самые высокие, а Харьковской — наименьшие. По архивным данным за 1933 г., в Днепропетровской области смертность 1933 г. превышает уровень 1927–1929 гг. в три раза, в то время как в Харьковской области уровень смертности 1933 г. в 4,5 раза выше, чем в доколхозные годы. Возможно, однако, что потери населения в Днепропетровской области зимой были действительно больше, но благодаря принятым мерам в летние месяцы смертность хотя и выросла в несколько раз, оказалась меньше, чем в других областях Украины.

О реальных размерах потерь от голода Косиор не то чтобы не знает — не хочет знать. Были об этом осведомлены и другие высшие украинские руководители, но лишь немногие из них пытались заговорить об этом в Кремле. В своих мемуарах Н. С. Хрущев сообщает: «Микоян рассказал мне, что товарищ Демченко, бывший тогда первым секретарем Киевского обкома партии, однажды приехал к нему в Москву. И вот что Демченко ему сказал: — Анастас Иванович, знает ли товарищ Сталин или хоть кто-нибудь в Политбюро, что делается на Украине? Так, если нет, я приведу Вам пример, чтобы Вы имели об этом хоть какое-нибудь представление. Вот недавно в Киев прибыл поезд, нагруженный трупами людей, умерших с голоду. Это был поезд, подбиравший трупы вдоль железнодорожного полотна от Полтавы до Киева. Мне кажется, что хорошо бы, чтобы кто-нибудь проинформировал товарища Сталина про это положение!» [*Хрущев*, с. 73–74].

Демченко не случайно предлагал кому-нибудь информировать Сталина, сам он явно не спешил это сделать.

В начале февраля 1933 г. заготовительная кампания стихает, поскольку властям стало ясно, что дальнейшее давление на деревню может обернуться потерей нового урожая. Для посевной нужны были семена, лошади, люди, способные работать, и, главное, новый государственный подход. Государство начинает оказывать продовольственную помощь, в первую очередь работникам и детям. Одновременно принимаются ключевые решения об организации сельскохозяйственного производства. Расправившись с мужиком, изолировав его в деревне, обреченной на голод, власть задумывается над дальнейшей организацией сельского хозяйства. Прежде всего принимаются решения о ближайшей посевной, о выделении семян для ее проведения, о мерах по окончательному подавлению любого возможного сопротивления. Но звучат эти решения уже совершенно по-другому.

Глава 10. НОВЫЙ ПОРЯДОК

Утверждения Сталина обычно не фиксировали факты, а формировали окружающую реальность. Они показывали, как следует воспринимать жизнь, какой она должна быть или в крайнем случае как следует ее себе представлять. И вот в конце страшного 1933 г. власть констатирует: «Огромная победа в этом году одержана трудящимися СССР в сельском хозяйстве, где достигнуто значительное организационно-хозяйственное укрепление колхозов и совхозов... значительно повысились урожайность и валовой сбор зерновых и технических культур, а также обеспечено улучшение и подъем животноводства. Все это в соединении с успешной борьбой против кулацких элементов обеспечило значительный рост жизненного уровня широких масс колхозников» [*Коллективизация*].

В действительности все утверждения следует понимать прямо противоположным образом. Производство сельской продукции резко сократилось. Понизились урожайность, валовой сбор, уменьшилась численность поголовья всех видов скота, а жизненный уровень крестьянина упал фантастически. Но победа власти над селом была достигнута. Зимой 1933 г. государство уже не боялось деревенского противника. Житель села капитулировал. Он не бунтовал, не уклонялся от работы, не пытался спрятать зерно (правда, урожай ему уже больше не принадлежал), послушно выполнял любые распоряжения начальства, не возмущался, когда весь колхозный урожай отправлялся прямо в закрома государства и он за свой труд он не получал ничего. Воровство стало единственной формой сопротивления, отстаиванием личных потребностей, единственным способом противостояния насилию властей. Результатом было полное неуважение к закону. Другим психологическим изменением был страх перед голодом и неожиданными переменами.

Послушание крестьянина было вознаграждено — ему разрешили жить. На приусадебном участке, выделенном колхозом, он мог работать на себя, выплачивая, конечно, государству за эту счастливую возможность налоги мясом, молоком и деньгами. Со своего огорода сельский житель, затягивая туже пояс и снижая потребление своей семьи, научился обеспечивать себя продовольствием. Поэтому, когда власть забирала все бóльшую долю урожая

зерна, даже в таком неурожайном году, как 1936-й, катастрофы не случалось[1].

Для того чтобы лучше понять глубину происшедших перемен, следует сопоставить распоряжения советского руководства 1933 г. с аналогичными постановлениями предшествующих лет. В 1928 г. перед весенним севом правительство ласково убеждало, уговаривало сельских жителей расширять посевы, обещая им лучшее снабжение промтоварами:

«Крестьяне и крестьянки должны отдавать себе ясный отчет в значении текущей весенней посевной кампании... Успешная весенняя яровая кампания — это одновременно означает успешное, более полное снабжение деревни необходимыми промышленными изделиями... Со своей стороны, каждый крестьянин и каждая крестьянка должны всемерно стремиться к тому, чтобы улучшать свое хозяйство, развивать его производительность с помощью и под руководством советской власти. Вспомните, сколько крестьяне выгадали, заменив старую трехпольную систему многопольной. Посмотрите, насколько больше вам земля стала давать после того, как вы стали ее обрабатывать хорошим плугом, машинами, в том числе тракторами.

Наступает весенняя яровая кампания. Перед крестьянами и крестьянками встает неотложная, огромной важности задача использовать ее в целях поднятия производительности своего хозяйства. В первую очередь яровой клин не только не должен быть уменьшен, но увеличен в настоящую весеннюю кампанию. Увеличение ярового клина выгодно для крестьянства, обеспечивает ему большее количество хлебов, дает ему возможность рассчитывать на большее получение товаров из города» (СЗ. 1928. № 14. С. 118–119).

Такого человеческого обращения сельские жители больше никогда не удостоятся. В 1933 г. распоряжения либо отдаются деревенским надсмотрщикам (руководителям ведомств), либо не имеют прямого адресата — исполнители не посмеют сделать вид, что приказы к ним не относятся.

«Центральный комитет Союза ССР обязывает все исполнительные комитеты, советы и земельные органы, МТС и колхозы немедленно переключиться на работу по подготовке к севу...

---

[1] В 1936 г., узнав, что урожай хуже, чем когда-либо, Каганович обращается к Сталину, предлагая подготовить специальные меры по борьбе за выполнение плана заготовок по образцу 1932 г. Но Сталин успокаивает ретивого помощника: «Не бойся, сами все привезут». И он оказался прав.

Провести сплошную очистку полей от сорняков путем их сжигания и другими методами, предоставить райисполкомам право мобилизации крестьянского населения в порядке трудовой повинности... Собрать семена полностью... в случае необходимости в порядке проведения хлебозаготовок... Совет народных комиссаров Союза ССР и Центральный комитет ВКП(б) указывают, что без установления твердой трудовой дисциплины в колхозах невозможно успешное проведение сева; в связи с этим невыход на работу и злостно-небрежное отношение к работе в поле со стороны отдельных колхозников должны караться без всякого снисхождения, вплоть до исключения из колхоза...

Совет народных комиссаров Союза ССР и Центральный комитет ВКП(б) предупреждают партийные и советские организации, работников земельных органов, машинно-тракторных станций и совхозов, а также членов правлений, бригадиров в колхозах, что их первейшей обязанностью является сломить всякое проявление кулацкого саботажа и вредительства, которые еще могут повториться во время сбора семян или во время сева, причем всякое снисхождение к врагам народа, саботирующим сев, будет рассматриваться как помощь с их стороны кулаку и контрреволюционному вредителю.

Совет народных комиссаров Союза ССР и Центральный комитет ВКП(б) обязывают местные органы власти рассматривать уличенных в краже семян из амбаров и сеялок или вредительском уменьшении норм посева и вредительской работе при пахоте и севе, рассчитанной на порчу полей и срыв урожая, — как расхитителей колхозной и государственной собственности и применять к ним декрет от 7 августа 1932 г. об охране общественной и государственной собственности, не допуская снисхождения.

Совет народных комиссаров Союза ССР и Центральный комитет ВКП(б) предупреждают партийные и советские организации о недопустимости игнорирования единоличников при выполнении посевного плана... Каждый единоличник, сохраняющий право пользования государственной землею, обязан выполнить установленный для него местным советом план посева и обязательства по сдаче продукции государству... В отношении единоличников, ударившихся в спекуляцию и упорно отказывающихся обрабатывать и засевать занимаемые ими земли, как это имело место в некоторых районах Северного Кавказа, — местные органы власти должны принимать суровые меры, вплоть до лишения их приусадебной земли, а в отдельных случаях, как крайнюю

меру — к высылке из пределов края в места менее плодородные...» (СЗ. 1933. № 10. С. 4).

Эти документы настолько разнятся между собой, что кажется — между ними прошли не четыре года, а столетия. В одном крестьянам объясняют, как хорошо и полезно было бы расширить посевную площадь, в другом советским и партийным руководителям напоминают, что они должны заставить сельских жителей полностью выполнять все предписанные распоряжения, что следует строго наказывать нарушителей приказов вплоть до применения закона о смертной казни, конфискации имущества и ссылки на север. Причем малейшее снисхождение со стороны местных властей сделает их соучастниками преступления, за что им придется отвечать по тем же грозным законам.

Но главные изменения произошли не в организации производства, а в способах и пропорции распределения урожая. Он полностью оказался в распоряжении государства.

Новый «конкордат» действительно стабилизировал обстановку, однако он не спас деревню от голода. Недоедание стало на долгие времена хронической формой существования сельского жителя. Бюджетное обследование колхозов Украины в 1935 г. показало, что колхозник в среднем за год потреблял мяса, жиров, овощей, молока в 4 раза меньше, чем украинский крестьянин в голодном 1921 г. (табл. 1.9; прил. 5, 6). На несколько десятилетий картошка стала основным наполнителем крестьянского желудка. Жить было тяжело, но... можно. Продуктивность сельскохозяйственного производства упала и некоторое время еще продолжала сокращаться. Однако, забирая у села почти все, государство успешно или не очень, но справлялось со своими проблемами.

Битву за хлеб Сталину и его подручным удалось выиграть. Но это была не просто пиррова, а сверхпиррова победа. Удар по сельскому хозяйству был такой силы, что оно не могло оправиться несколько десятков лет. Погибли миллионы! Надолго, если не навсегда страна утратила класс людей, любящих землю и умеющих на ней работать.

Деградировали морально-этические нормы. Было практически утрачено чувство независимости, самоуважения, потеряна самостоятельность, изменилось отношение сельского жителя к труду. Все это в дальнейшем определило жизнь страны вплоть до развала СССР[1]. Жестокость и привычка к насилию, охватившие насе-

---

[1] СССР отставал от США и европейских стран в несколько раз по урожайности зерновых и картофеля, по надою с одной коровы, а поголовье крупного рогатого

ление в годы коллективизации, аукнулись террором 1936–1938 гг. Нежелание защищать ненавистную власть, уморившую голодом родных и близких, во многом определило массовую сдачу в плен и дезертирство советских солдат в первые месяцы войны и толкнуло к сотрудничеству с немцами многих жителей страны. «Совковое сознание», сохраняющееся отчасти и сегодня, с его пассивностью, равнодушием, двоемыслием и неуважением к закону, тоже в значительной степени является наследием тех страшных лет.

Невольно возникает вопрос: почему люди терпели? Почему не боролись, чтобы прекратить это страшное нечеловеческое положение, почему не восстали, чтобы вернуть себе отобранное продовольствие? Они восставали. Грабили магазины и склады, убивали своих мучителей. Но восстания эти были без надежды на победу. Главными участниками всех выступлений были женщины, эти бунты нетрудно подавить.

Осенью и зимой 1932/33 г. государство уже не боялось сельского населения, но лишь демонстрировало ему свою абсолютную силу, требовало беспрекословного подчинения. И крестьянин подчинялся. Он пытался приспособиться к новым требованиям властей. Информационный отдел ПП ОГПУ Северокавказского края 17 мая 1933 г. сообщает о ходе весеннего сева: «Повсеместно отмечаются высокие выходы колхозников в поле, укрепление производственной дисциплины по сравнению с мартом-апрелем, что особенно подчеркивается в связи с начавшейся прополкой посевов, потребовавшей большого количества колхозников в поле. В целом ряде мест на работу выходят даже старики, освобожденные от работы колхозники — “надо уберечь урожай, всходы хорошие, а то во-время не прополем — пропадет”. Зам. Начальника политотдела Тимошевской МТС отмечает, что по всем колхозам небывалые выходы в поле. Например, по колхозу Днепровец ежедневно выходит на прополку 1350 чел. — “в прошлом году с трудом можно было выгнать 100 чел.”... В связи с повышенным выходом на работу часть работников, особенно районов, где продолжают остро ощущаться продовольственные затруднения, начинает бить тревогу, заявляя: “Это неизбежно приведет к усилению продовольственных затруднений”. В ряде мест правления колхозов начинают снижать нормы выдачи хлеба для работающих колхоз-

---

скота, возраставшее в 1921–1928 гг., в конце 1980-х было в полтора раза меньше, чем до революции и перед коллективизацией. Страна превратилась в устойчивого импортера мясных продуктов.

ников, доводя их до занятых на легких работах до 200–250 г на трудодень» [*Трагедия*, т. 3, с. 751].

В это время принимаются принципиально новые решения, которые в течение долгого времени будут оставаться основой советской системы сельскохозяйственного производства. Смысл их сводится к следующему. Государство берет на себя монопольное право распоряжаться всей продукцией сельского хозяйства, орудиями и средствами производства, организацией работ. Долг крестьянина — хорошо работать, беспрекословно подчиняться всем распоряжениям и постановлениям власти. В этом случае он не будет наказан. При хорошем урожае и честном отношении к труду сельское население получит свою долю — то, что останется после изъятия требуемого государством и создания фондов и резервов. При плохой работе оно ничего не получит и будет наказано самым строгим образом, в частности полным изъятием продовольствия, депортацией в другие районы страны, арестом и тюрьмой.

До 1928 г. сельское население платило денежный налог, примерно 10% от чистого дохода, 5% от валовой стоимости продукции. Цифры эти заметно преуменьшены, что признавали порой советские руководители в дискуссиях с троцкистами. Долю изымаемого налога можно точнее оценить по размерам последнего натурального налога в 1923/24 г. (в пересчете на зерно всех других зерновых продуктов). Это составило 14,4% от валового сбора [*Яковецкий*]. В 1931–1932 гг. изымаемый урожай заметно превысил 30% (табл. 1.4–1.6, 1.9).

В 1933 г. публикуется постановление о том, что государство забирает себе свыше половины валового сбора зерна. Это постановление содержит почти все основные принципы, которые использовались в советском сельском хозяйстве в последующие десятилетия. Обязательные поставки государству, не зависящие от размера урожая и засеянной площади (налогом облагалась площадь, которую приказано было засеять). Размер поставок близок к половине валового сбора для колхозов, не обслуживаемых МТС. Средняя урожайность в 1933–1936 гг. составляла около 6,6 ц с гектара (расчет по [*СХ*, 1960, с. 96; *НХ*, 1972, с. 218]). К налоговой ставке 2,5–3 ц с гектара надо прибавить гарнцевый сбор, скидку за качество зерна, налог с невспаханных и погибших земель. Колхозы, обслуживаемые МТС, и единоличники сдают еще более высокую долю урожая.

Цены на зерно остаются фиксированными. Практически это означало бесплатную сдачу зерна государству, так как уже

в 1933–1935 гг. заготовительные цены были в десятки раз ниже фактических (рыночных).

За качество и доставку зерна отвечают колхозы. Невыполнение плана строго карается. На колхозы накладывается штраф в размере рыночной стоимости недовыполненной части обязательства и сверх того к этим колхозам предъявляется требование о досрочном выполнении всего годового обязательства, подлежащего взысканию в бесспорном порядке. Единоличные хозяйства, не выполнившие своих обязательств по сдаче зерна государству к установленному настоящим постановлением сроку, привлекаются к судебной ответственности (СЗ. 1933. № 4. С. 25). Таким образом, государство обеспечивало себе бóльшую часть урожая без всяких встречных обязательств. Принципиальное отличие новой системы от старой неоднократно подчеркивалось в дальнейшем: «В отличие от прежних лет, мы имеем в этом году не хлебозаготовки старого типа, проводившиеся на основе не вполне определенных контрактационных договоров с крестьянством, а зернопоставки, основанные на твердом и непререкаемом законе, обязательном к выполнению всеми колхозами и единоличниками. Это значит, что никакое уклонение от обязательств, от сдачи зерна в срок не должно быть допущено ни под каким видом» (СЗ. 1933. № 38. С. 228).

В первый момент правительство упустило из виду собственную землю колхозников, но еще до первого урожая успело исправиться: «Распространить закон об обязательной зернопоставке на колхозников, посеявших зерновые культуры на приусадебных землях, из расчета фактического посева на 5% ниже нормы единоличников и на 5% выше нормы колхозов» (СЗ. 1933. № 38. С. 228).

Претендуя примерно на половину урожая при среднем валовом сборе, государство, однако, не забыло распорядиться, что делать с оставшимся зерном: «Обеспечивается право самих колхозников свободно распоряжаться остатками хлеба в колхозах после выполнения колхозом своих обязательств перед государством и после засыпки обязательных фондов — семенных, страховых, фуражных... Совет народных комиссаров и ЦК ВКП(б) разъясняют, что если сами колхозы пожелают, они имеют право постановлением общего собрания с участием не менее 2/3 колхозников создавать и другие фонды в колхозах, как то фонд на увеличение неделимых капиталов в колхозах, а также фонд для оказания продпомощи инвалидам, семьям красноармейцев, на содержание детских яслей» (Постановление СНК и ЦК ВКП(б) от 20 июля 1933 г. — СЗ. 1933. № 54. С. 315).

Таким образом, устанавливалась четкая иерархия потребления зерна: государство — примерно 40–60% урожая, земля (семена)— 15–20%, скот, принадлежащий колхозу, — 10–15%, фонд помощи и иные общественные расходы — 1–2,5%, сельское население — 10–25% [*Колгоспи УРСР*, с. 132–136].

Вопрос, достаточно ли колхознику и его домашним животным четверти или пятой части урожая, обсуждению не подлежал. Опыт 1933 г. показал, что «более чем достаточно». Вскоре одно за другим следуют решения и постановления, регулирующие все остальные аспекты сельскохозяйственного производства: как выращивать картошку, свеклу, хлопок, лен и т. д., как распределять урожаи каждой из этих культур. Принципиально важными, однако, были два вопроса: как проследить, чтобы крестьяне действительно работали, а не пытались обмануть государство, воруя его продукты, и что есть сельскому населению. Товарища Сталина в этот период очень волнует нравственно-экономическая проблема, ему кажется, что все дело теперь за честностью. Принимая делегацию колхозников Днепропетровской области, он объяснил: «...главное теперь работать в колхозах честно. Если все колхозы будут работать честно, то они завалят продуктами и товарами наши города» [*Максудов*, 1989а].

Но освоить эту премудрость в сложившихся советских условиях было нелегко, поэтому для наблюдения за работающими были образованы мощные контролирующие структуры, новый государственный аппарат специального назначения — политотделы.

Политотделы

Политотделы были системой контроля не только за сельскими жителями, но и за местным руководством. Они создавались при МТС и совхозах, охватывали практически всю страну и должны были следить за точным выполнением правительственных распоряжений. Начальники политотделов подбирались уже не из рабочих с производственным стажем, их время прошло, а из офицерских кадров и партийной верхушки. Заместителями были уполномоченные ОГПУ. Двадцать пять процентов начальников политотделов Северного Кавказа служили в армии комиссарами корпусов, начподивами и военкомами [*Трапезников*, с. 419].

На Украине было создано 846 политотделов, в которых работало 4500 коммунистов. Начальники политотделов проходили специальную комиссию ЦК ВКП(б) и ЦК КП(б)У.

Обвинения в саботаже, вредительстве, аресты и изгнание из колхозов были главным оружием, помогавшим политотделам установить суровую дисциплину. По данным политотделов 24 областей за 1933 г., были сняты с работы как вредители 30% агрономов, 47,3% счетоводов, 23,7% учетчиков, 24,4% конюхов, 13% трактористов. Врагами колхозного строя были объявлены 25–33% председателей колхозов Казахстана, Нижней Волги, Северного Кавказа [*Очерки*, с. 58]. В Одесской области политотделы сменили 49,2% председателей колхозов, 44,3% завхозов, 32,2% бригадиров. Еще более интенсивные перемены произошли в Донбассе [*Історія селянства*, с. 181]. Из колхозов были выброшены сотни тысяч человек... «и лишь немногие, — философски констатирует нарком Земледелия Яковлев, — были действительно неисправимыми» [*Очерки*, с. 57–58]. В отличие от 1929–1932 гг. исключенным не возвращалась земля и орудия производства. В лучшем случае они оставались на свободе.

Только в 24 совхозах Украины политотделы разоблачили 564 кулака и 644 активных петлюровцев, то есть в среднем по 50 человек на совхоз, при средней численности персонала в совхозе около 400 человек [*Народне господарство*, 1935, с. 174; *Соціалістічна перебудова*, с. 467].

Важной особенностью политотделов была строгая централизация. Они подчинялись не местному руководству, а прямо Москве. Странно и нелепо видеть в документах Смоленского архива рапорты, посылаемые в Кремль (копия — обком Западной области), о том, что к трактору «Фордзон» нужна шестеренка, что сын лишенца в далекой деревушке выражал сомнения в мудрости последних распоряжений партии, кто и какие заметки написал в стенгазету и т. п. [*Максудов*, 1989а, с. 66–88; *Материалы*].

Этот централизованный контроль поставил под пристальный надзор и сам местный партийный и государственный аппарат, показал местным руководителям, что они не всесильны, что без них могут обойтись, что их тут же снимут в случае невыполнения распоряжений.

Практически руководители политотделов должны были сразу начать отыскивать недостатки в работе партийного и государственного аппарата, иначе на них самих ложилась ответственность за невыполнение плана. Доносы на районных руководителей, директоров совхозов и МТС были для них средством самозащиты.

«Политотделы — писал С. Киров, — были свежей струей в деревне, которая оживила и растормошила работу и секретарей

райкомов, и председателей райисполкомов, и директоров совхозов» [*Історія селянства*, с. 184].

Но и в политотделах, несмотря на специальный отбор, нередко оказывались люди, заинтересованные в укреплении экономики, сочувствующие колхозникам. Так, глава Политуправления Криницкий на пленуме ЦК 1933 г. сообщил, что в 15 политотделах Харьковской области засели вредители, которые, скрывая хороший урожай, добивались, чтобы их колхозы были признаны неурожайными (Известия. 1934. 25 сент.).

Антигосударственные тенденции вскрылись у начальников политотделов в Днепропетровской и Винницкой областях, где они преувеличивали посевные фонды в колхозах. И вот уже этих начальников вычищают из партии и называют если не кулаками, то подкулачниками.

Но такие действия были скорее исключением, чем правилом. В целом политотделы оправдали надежды высшего руководства, обеспечивая контроль на всех уровнях, беспрекословное выполнение распоряжений, расстановку кадров.

Как сильная внешняя власть, политотделы во многих местах действительно навели порядок и улучшили организацию работ. Но главное, они показали сельскому жителю, включая и сельского администратора, что он находится под жестким государственным контролем. Появление политотделов совпало с внутренней капитуляцией деревни. Крестьянам была дана возможность убедиться, что сопротивление бесполезно, они, побывав на краю пропасти, на грани жизни и смерти, почувствовали, что возврата к старым порядкам не будет. Теперь сельскому жителю больше всего хотелось хоть как-то устроить свою жизнь, пусть и не так, как прежде. Политотделы оказались тем аппаратом, который принял капитуляцию деревни. Это положение хорошо выразил один колхозник, письмо которого любили цитировать советские авторы: «Мы те же люди, что и раньше были. Только порядка у нас не было. Пришел политотдел, показал каждому заслуженное место, навел порядок, и тогда мы сами почувствовали свою силу» [*Очерки*, с. 141].

Действительно, где уж сельскому дурачку разобраться, на что он способен, чем ему следует заниматься. Его надо было «прощупать», припугнуть, и он сам после этого поблагодарит. Этот сталинский политотдел, пришедший на смену ленинской кухарке, умудрявшейся управлять государством, очень знаменателен. Через два года от политотделов решено было отказаться, чтобы устранить трения между ними и местными партийными

организациями. Начальники политотделов были награждены орденами и переведены на руководящую работу, главным образом — секретарями райкомов.

Устав сельскохозяйственной артели

Вопрос, что же есть крестьянину после столь решительного перераспределения продуктов, правительство в первое время совершенно не интересовал. Увлекаясь нормированием и кодификацией всех без исключения сторон сельскохозяйственной жизни, выпуская сотни постановлений и предписаний, в которых регламентировалось буквально все (нормы вывоза удобрений, глубина боронования, распределение соломы, правила откорма свиней, фуражные выдачи лошадям и т. д. и т. п.), руководство ни разу не обмолвилось, какой минимальный уровень снабжения продуктами полагается сельскому жителю. Кроме общих соображений, что крестьянина следует кормить в последнюю очередь, после того, как будут завершены заготовки, оплачены все обязательства, созданы необходимые фонды, никаких указаний на эту тему дано не было. Вероятно, предполагалось, что, взяв фиксированную долю урожая и распределив еще 30% по разным фондам, государство предоставляет крестьянину широкие возможности для поднятия производительности труда. Увеличив валовой сбор, он сможет получить зерно в свое распоряжение. Была предложена и другая возможность — расширение пахотных площадей. С площади, запаханной сверх плана, налоги вообще не брались. Обе идеи опирались на излюбленный конек Сталина в тот период — материальную заинтересованность. Однако они не привели к желаемым результатам. Дело в том, что в созданной системе крестьянин был уже лишен возможности оказывать влияние на колхозное производство. Все попытки создать непосредственно работающие маленькие коллективы (бригады, звенья) упирались в централизованную систему руководства. Интересы же колхозного и райкомовского начальства были иными. Здесь наиболее важным аспектом являлось выполнение спущенного сверху плана, будь то посев озимых, внедрение травополья или что-либо другое. Поэтому урожайность практически всех культур оказалась в колхозах ниже, чем до революции или в доколхозный период.

Решение продовольственной проблемы села произошло сначала стихийно, а затем получило и соответствующее теоретическое обобщение. Формулируя свои требования к колхозам, государство

в первый момент не учитывало, что незначительное количество земли (приусадебные участки) еще находится в личном распоряжении колхозников. Скоро эта ошибка была исправлена. Однако налогами были обложены лишь посевы зерновых, и некоторое время колхозники на приусадебных участках могли выращивать овощи и картошку почти беспрепятственно. Главное, крестьянин получил от государства важнейшее из прав — право на жизнь. Оно обеспечивалось возможностью работать на приусадебном участке (прил. 5). Это, а также небольшие дополнительные заработки на стороне обеспечивали сельского жителя необходимым для выживания количеством продовольствия. В урожайные годы крестьянин еще получал на трудодни несколько центнеров зерна.

Второй точкой опоры оказался скот. Государство обложило поставками мяса каждый колхозный двор — в размере от 15 до 32 кг (в зависимости от района и наличия в колхозе животноводческой фермы) и единоличников — от 45 до 50 кг. Но из этого факта следовало право крестьянина иметь домашних животных. Более того, он даже обязан был их иметь. Продукты животноводства, реализуемые в городе на рынке и потребляемые дома, стали существенным подспорьем для сельской семьи. В этом случае принцип материальной заинтересованности сработал успешно. Государство облагало налогом хозяйство, но продуктами сверх налога можно было пользоваться самому крестьянину. Он знал, что из двух выращенных свиней одна будет его, и это, несмотря на отсутствие кормов, стимулировало развитие животноводства (прил. 4). Сталин также решил, что размер приусадебного участка должен быть достаточно большим, а не составлять одну восьмую гектара, как настаивали колхозные активисты. Он отметил, что крестьянину надо дать возможность иметь сад, огород, пасеку, выращивать домашних животных.

Продукты с приусадебного участка и домашний скот позволили сельскому жителю существовать. На этом промежуточном, раньше не предусмотренном этапе система неожиданно застыла. Преобразования закончились. Отдельные мероприятия последующих лет вносили лишь некоторые коррективы, расставляя там или здесь ударения. Увеличивались налоги, переселялись жители хуторов и далеких поселков, сокращалась площадь приусадебных участков, но все это были уточнения в сложившемся и работающем механизме. Под этот странный симбиоз колхозного производства и личного хозяйства в речи на II съезде колхозников в 1935 г. была подведена товарищем Сталиным соответствующая

теоретическая база: «Лучше исходить из того, что есть артельное хозяйство, общественное, крупное и решающее, необходимое для удовлетворения общественных нужд, и есть наряду с этим небольшое личное хозяйство, необходимое для удовлетворения личных нужд колхозника. Коль скоро имеются семьи, дети, личные потребности и личные вкусы, то с этим нельзя не считаться. Сочетание личных интересов колхозников с общественными интересами колхозов — вот где ключ укрепления колхозов» [*Сталин*, т. 14, с. 53–54].

Сложившаяся ситуация была кодифицирована в Уставе сельскохозяйственной артели, принятом 17 февраля 1935 г. Он сформулировал и четко разделил эти две сферы интересов крестьянина и государства [*Коллективизация*, с. 531–539]. За крестьянской семьей (независимо от ее численности) оставались приусадебный участок размером 0,2–0,5 га, в некоторых районах до одного га, скот (корова и две головы молодняка, свиноматка с приплодом, до 10 овец и коз), неограниченное количество птицы и кроликов, до 20 ульев. В ее распоряжении оставался дом, хозяйственные постройки для скота и мелкий инвентарь. В отдельных районах в эти нормы были внесены изменения. К продуктам, получаемым на приусадебном участке, артель прямого отношения не имела, колхозник за них сам отвечал перед государством, уплачивая налоги. При этом колхоз и сельсовет получили право контролировать передвижение членов семьи колхозника. Без справки от колхоза крестьянину не могли выдать в сельсовете временный (на три месяца) паспорт, необходимый для работы вне деревни. Во многих случаях колхоз стремился получить некоторую долю от заработков отходника. Какое-то время это разрешалось, но в конце концов правительством было решено, что сельская артель не имеет на это права.

В завуалированном виде государство признало минимальный размер выдачи зерна колхозникам. В Уставе указано, что после начала молотьбы хлебов из урожая, отчисляемого на внутриколхозные нужды, выдаются и натуральные авансы — 10–15% намолоченного хлеба. Так как практика отбирания авансов использовалась только в 1932 г., можно считать, что государство признало за производителем право примерно на десятую часть урожая. Это, конечно, меньше, чем девять десятых, которые крестьянин имел в прежние времена, но все-таки...

Важной особенностью второго устава сельскохозяйственной артели был пункт о земле: «Земля, занимаемая артелью (как и

всякая другая земля в СССР), есть общенародная государственная собственность. Она согласно законам рабоче-крестьянского государства закрепляется за артелью в бессрочное пользование, то есть навечно, и не подлежит ни купле-продаже, ни сдаче артелью в аренду» [*Коллективизация*, с. 96–98].

Совсем недавно земля была навечно закреплена за крестьянином. Как могло государство вечную собственность одного владельца передать другому, не совсем ясно. Также из Устава артели не ясно, что стало с «правом трудящихся на землю», которое гарантировалось всем желающим обрабатывать землю своим трудом гражданам СССР без различия пола, вероисповедания, национальности. Все могли получить землю в трудовое пользование, включая иностранцев [*Коллективизация*, с. 96–98].

Согласно Уставу, колхозник обязан работать в артели добросовестно, аккуратно выполняя все обязанности и распоряжения и соблюдая дисциплину труда. За плохую работу колхознику грозят самые разнообразные наказания, за хорошую — записываются трудодни. По этим трудодням он может получить некоторую часть доходов артели, если таковые будут.

Распределение доходов перечисляется в Уставе дважды: для урожая и продуктов животноводства и для денежных поступлений. Оба раза указывается, что члены артели получают все оставшееся после выполнения обязанностей перед государством, создания фондов семян, фуража, страхового фонда (конечно, не для колхозников, а для животноводства), помощи инвалидам, сиротам, семьям красноармейцев, расходов на борьбу с вредителями, покупки средств производства, страховых взносов, уплаты административных расходов, затрат на культурные нужды и подготовку кадров, пополнения неделимых фондов в размере 10–20% денежных доходов. Все, что останется после этих трат и затрат, принадлежит колхозникам и делится между ними пропорционально заработанным трудодням. Как член артели, колхозник должен выполнять все предписания государства:

«Артель обязуется вести свое коллективное хозяйство по плану, точно соблюдая установленные органами рабоче-крестьянского правительства планы сельскохозяйственного производства и обязательства артели перед государством.

Артель принимает к точному исполнению: планы сева, подъема пар междурядной обработки, уборки, молотьбы и зяблевой пахоты, составляемые с учетом состояния и особенностей колхозов, а также государственный план развития животноводства».

Слово «план» повторяется два раза в одном предложении не случайно. План стал символом веры того времени наряду с соцсоревнованием и материальной заинтересованностью или даже в большей степени.

«Партия выдвинула новое мощное орудие в деле подъема животноводства — государственный план», — записал в своем постановлении VII съезд Советов 6 февраля 1935 г. [*Коллективизация*, с. 530; *Сталин*, т. 13, с. 260].

И хотя ни один план по сельскому хозяйству ни разу не был выполнен и в действительности порой происходило прямо противоположное намеченному плану, это ни в коей степени не дискредитировало волшебную идею планирования. Новые планы с маниакальным упорством становились на место старых, чтобы вновь доказать свою несостоятельность Будущие достижения кружили голову и помогали мириться с настоящими потерями. В этом действительно была могущественная сила составляемых планов.

Период коллективизации принятием второго Устава сельскохозяйственной артели был завершен. С небольшими модификациями сложившаяся система просуществовала вплоть до реорганизаций Н. С. Хрущева в середине 1950-х годов.

Единоличники

Проблема единоличников была решена просто. Им было отказано в праве на существование. Сделано это было с помощью налогообложения, внутри которого единоличник занял место исчезнувшего кулака. Налог на хозяйство единоличника устанавливался местными советами практически произвольно. Уже в 1934 г. налоги в два или три раза превысили доходы единоличника. Норма сдачи зерна с гектара пахоты для него в августе 1934 г. на 50% превышала норму для колхозов, не обслуживаемых МТС (СЗ. 1934. № 40. С. 321; № 49. С. 380). Для Украины это означало 4,5 ц с гектара засеянной площади. Если прибавить расходы на семена (1,3 ц с гектара), то окажется, что при среднем урожае 1933–1936 гг. в 6,6 ц с гектара на долю хозяйства единоличника оставалось 80 кг с гектара пашни. Однако он также должен был заплатить так называемое самообложение, равное по объему сельскохозяйственному налогу. Кроме того, в 1932 г. был введен единовременный налог на единоличников, ставки которого были дифференцированы от нескольких десятков рублей до 175% сельскохозяйственного налога (для кулаков — 200%). Этим налогообложение не исчерпывалось,

но и этого было достаточно для полного разорения единоличника. Специальным постановлением правительство отменяет все ограничения, которые прежде существовали на конфискуемое у крестьян имущество ([*Кульчицкий*, 1979, с. 139]; СЗ. 1932. № 78. С. 476; 1934. № 49. С. 380).

«При невыполнении в срок единоличными хозяйствами государственных обязательных натуральных поставок и неуплате денежных платежей взыскание обращается на все имущество единоличных хозяйств за исключением лишь топлива, необходимого для отопления жилых помещений, носильного зимнего и летнего платья, обуви, белья и других предметов домашнего обихода, необходимых для недоимщика и лиц, состоящих на его иждивении» (СЗ. 1934. № 48. С. 370).

Чтобы понять, что реально изменилось с введением нового закона, следует привести отменявшиеся им прежние ограничения.

«Взыскание не может быть обращено на следующее имущество частных предприятий и лиц (кроме кулацких хозяйств и лиц, облагаемых подоходным налогом по расписанию № 3):

а) на сельскохозяйственный живой и мертвый инвентарь в количестве, необходимом для ведения сельского хозяйства;
б) на жилые и хозяйственные постройки, составляющие неотъемлемую принадлежность сельского хозяйства;
в) на продовольственные продукты лиц, занимающихся сельским хозяйством, в количестве, необходимом для недоимщика и его иждивенцев до нового урожая;
г) на семена в количестве, необходимом для посева в текущем хозяйственном году, а в скотоводческих хозяйствах — на скот в количестве, необходимом для сохранения хозяйства;
д) на корм скоту в количестве, необходимом до сбора новых кормов;
е) на неснятый урожай;
ж) на оборудование производства, инструменты, пособия и книги, необходимые для профессиональных занятий недоимщиков, работающих без наемного труда или имеющих не более 3-х наемных рабочих;
з) на сырье и топливо, необходимое для работы предприятия в течение трех месяцев;
и) на необходимое для недоимщика и лиц, состоящих на его иждивении, нательное зимнее и летнее платье, белье, обувь и другие необходимые предметы домашнего обихода;

к) на запас топлива, необходимый для отопления жилых помещений;
л) на паевые взносы членов кооперативных организаций;
м) на причитающееся недоимщику страховое вознаграждение по обязательному страхованию» (СЗ. 1932. № 69. С. 410).

Мы видим, что раньше в случае конфискации закон оставлял крестьянину средства производства, личные вещи, продовольствие — все необходимое для дальнейшей трудовой деятельности и жизни. По новому закону конфискация полностью лишала его возможности продолжать работу. Конфискация продовольствия в ряде случаев ставила вопрос о выживании должника и членов его семьи.

Судьба единоличников после этого сложилась по-разному. Одни вступили в колхозы, не дожидаясь конфискации имущества, другие — после того, как их дом и вещи были распроданы, третьи бежали в город или устроились на работу на государственные предприятия (в совхозы, на железную дорогу и т. п.), четвертые были арестованы. Так или иначе, сельскохозяйственное производство единоличниками было прекращено в течение 2–3 лет в европейской части страны и несколько позже — в азиатских районах.

Следует отметить, что завершение коллективизации было некоторым рубежом не только для сельского населения, но и для партийного руководства. Увидев, что победа достигнута и крестьяне больше не оказывают сопротивления, товарищ Сталин простил сельских жителей. Были сняты в ряде случаев недоимки по зернопоставкам, и взыскание ссуд было распределено на три года. Было решено прекратить массовые произвольные аресты кем угодно и кого угодно. Право ареста становится привилегией ОГПУ и милиции, причем и над ними вводится прокурорский надзор. Резко ограничиваются депортации. Пятнадцати регионам оставлены лимиты на высылку от 500 до 2 тыс. семей, всего 12 тыс. хозяйств. Численность заключенных в тюрьмах уменьшается в два раза, с 800 до 400 тыс., причем для каждого места заключения вводятся предельные нормы числа содержащихся там под стражей, выше которых начальники тюрем не должны принимать арестованных. Предписывается «обязательно обеспечить арестованных хлебным пайком». Контрольным комиссиям поручается проверять контингент арестуемых и переселяемых, чтобы в их число попадали только активные противники колхозов и организаторы отказа от сева и заготовок. Комиссии должны были следить за организацией

транспорта и снабжения высылаемых, медицинским состоянием мест заключения, бороться с сыпным тифом[1].

Даже «важнейший» закон от 7 августа, «основа революционного правопорядка», подвергнут КК ВКП(б) некоторой косвенной критике. Он, оказывается, «применялся довольно часто неправильно». Закон перестает постоянно упоминаться в правительственных постановлениях, и число наказанных по этой статье уменьшается в десятки раз (СЗ. 1934. № 12. С. 72). Не слишком быстро, но все же сокращается число осужденных судами. В первом полугодии 1933 г. их было 738 тыс. человек, во втором полугодии — 687 тыс.; в первом полугодии 1934 г. — 580 тыс., во втором — 516 тыс. Правда, в 1935-м цифра начинает возрастать, но это уже не следствие коллективизации, а грозное дыхание приближающегося Большого террора [*Советское руководство*, с. 313–319].

Общий смысл принятых решений сводился к переходу от массовых репрессий против всего сельского населения к подавлению лишь активно сопротивляющихся противников. Это означало, что власть больше не считает себя в состоянии гражданской войны с селом и согласна вернуться к законным с точки зрения государства формам репрессий. Значительное число колхозников было выпущено из тюрем. Центральный исполнительный комитет и Совет народных комиссаров Союза ССР постановил: «Снять судимость с колхозников, осужденных к лишению свободы на срок не свыше 5 лет либо к иным более мягким мерам наказания и отбывших данное наказание или досрочно освобожденных до издания настоящего постановления, если они в настоящее время добросовестно и честно работают в колхозах, хотя бы они в момент совершения преступления были единоличниками» (на Украине таких крестьян, по словам Косиора, был миллион) [*Советское руководство*, с. 269].

«Действие этого постановления не распространяется:

а) на осужденных за контрреволюционные преступления и особо опасные преступления против порядка управления;

---

[1] Согласно инструкции «Всем партийно-советским работникам и всем органам ОГПУ, Суда, Прокуратуры» от 8 мая 1933 г., подписанной Молотовым и Сталиным [*Максудов*, 1989а, с. 287]. Любопытно, что этот важнейший для того времени документ назван не законом, не постановлением или решением, а инструкцией, то есть набором технических, не подлежащих обсуждению правил дальнейшего существования системы управления сельским населением и сельскохозяйственным производством.

б) на осужденных по всем преступлениям на срок свыше 5 лет лишения свободы;
в) на рецидивистов;
г) на лиц, осужденных за злостное и систематическое невыполнение обязательств по поставкам сельскохозяйственных продуктов (зернопоставки, мясо и молокопоставки и др.)» (СЗ. 1935. № 40. С. 327).

А в секретной, упомянутой выше инструкции, описывающей это же решение ЦК и СНК, говорилось: «Теперь задача состоит в том, чтобы пойти навстречу растущей тяге единоличных трудящихся крестьян в колхозы и помочь им войти в колхоз, где только и могут они уберечь себя от опасности обнищания и голода» [*Максудов*, 1989а, с. 287].

Еще более образно это положение Сталин описал, беседуя с американским полковником Робинсоном: «Что оставалось крестьянам: либо лечь помирать, либо перейти к новой форме землепользования и машинному способу обработки земли... Понятно, что крестьяне ухватились за предложение Советского правительства, стали объединять свои мелкие земельные клочки в большие поля, приняли тракторы и другие машины и вышли, таким образом, на широкую дорогу укрупнения сельского хозяйства, на новую дорогу коренного улучшения сельского хозяйства» [*Сталин*, т. 13, с. 257].

Здесь опущено только, каким способом удалось поставить сельское население перед этой замечательной альтернативой: смерть или «новая форма землепользования» — и во что ему это преобразование обошлось.

«И будете есть хлеб свой из рук моих!»

«Всемирно-историческая победа колхозного строя» в 1933 г., как уже отмечалось, не привела к росту производства. Продовольствия в стране стало меньше. Падение производства произошло несмотря на огромные затраты государства. В МТС числились в 1939 г. десятки тысяч комбайнов, больше, чем в США, больше, чем в Англии, Франции и Германии, вместе взятых [*Куц*, с. 110]. При этом по урожайности зерновых СССР уступал европейским странам в несколько раз. Средняя урожайность зерна в 1931–1935 гг. составила 6,9 ц на гектар, тогда как в Германии — около 20, в Польше — 11,8; в Канаде и США — около 10 ц на гектар. Уступали колхозные поля

и дореволюционному времени, и мирному доколхозному. За девять лет, с 1922-го по 1930-й, урожайность выросла до 7,7 ц с гектара [*СС*, 1935, с. 361; *СХ*, 1960; *НХ*, 1972, с. 218]. Казалось, что советское государство своими огромными затратами на технику стремится доказать одну из аксиом марксизма, что существенны не только и не столько производительные силы, сколько производственные отношения, или, иными словами, что рабский труд во всех случаях непроизводителен. Сотни миллионов рублей в виде машин, агротехнических мероприятий, единые большие поля, сортовые семена — одной десятой доли этих средств было достаточно, чтобы заметно поднять урожайность. Об этом свидетельствует опыт всего мира, в том числе и рациональных дореволюционных хозяйств. Но в колхозной системе эти фантастические усилия лишь позволяли удерживать производство зерна от катастрофического падения.

Когда чешскому исследователю Беджриху Грозному попали в руки глиняные таблички с текстами на хеттском языке, он расшифровал их, не зная ни одной буквы. Его осенила гениальная догадка, что первой фразой в царском повелении жителям города должно быть: «Хлеб ешьте, а воду пейте». Это было милостивое разрешение, а также напоминание о том, что без позволения верховной власти, являющейся единственным собственником, употреблять зерно в пищу нельзя. Этот исторический факт характеризует дух отношений в некоторых древних и, как оказалось, не очень древних государственных системах.

Сталину удалось воссоздать подобный строй в XX веке. Получив полное право указывать, кому сколько есть, кому что делать, он лишь восстановил одну из самых старых восточных моделей сельскохозяйственного производства.

Победив, он разрешил российским крестьянам есть. Не очень много, но больше, чем ничего. При этом они не должны были забывать, кто дал им хлеб, кому они обязаны своей «счастливой жизнью». То, что жизнь замечательная и необычайно счастливая, доказывалось самым надежным в мире способом: несогласные с этим утверждением исчезали навсегда.

Заключение соглашения между правительством и крестьянством (партия приказывает, село подчиняется) не решило полностью проблему производства и потребления. Для получения прежних урожаев не хватало рабочих рук. Но больше всего не хватало знаний и умения у взявшего в руки все функции управления бюрократического аппарата. Требуя беспрекословного подчинения, власть отдавала множество нелепых, не соответствующих

реальной ситуации, опыту и здравому смыслу распоряжений. Внедрялось травополье по Вильямсу, местные сорта вытеснялись едиными для страны, глубина запашки и плуг у трактора не всегда соответствовали мощности гумусового слоя и т. д. и т. п. Но полностью уничтожить сельскохозяйственное производство властям не удалось. Зерна, брошенные в землю, становились колосьями, люди выходили на поля, пололи сорняки, собирали урожай. Людей было меньше, они были не так старательны, как когда-то на своем поле, нередко урожай уходил под снег, чего прежде почти не бывало. И все-таки какой-то валовой сбор был и какое-то производство продолжалось.

В чем-то оказался прав товарищ Сталин. Жить стало если не веселее, то спокойнее, определеннее. После 1933 г. не было массовых депортаций крестьян. В дома не врывались с обысками активисты. Не то чтобы совсем ничего такого не случалось, но репрессии перестали быть ежедневным, бессмысленным повсеместным произволом. Обыскивать и арестовывать мог теперь только уполномоченный ОГПУ-НКВД, приказы отдавать — председатель колхоза и секретарь райкома партии, урожай с приусадебного участка принадлежал самому крестьянину. И хотя голод многие годы оставался постоянным спутником деревни, он не был столь опустошительным и чудовищным, как в 1932–1933 гг. (за исключением военных и первых послевоенных лет).

Неурожай 1934-го и неважный урожай 1935 г. на Украине сохраняли село в полуголодном состоянии апатии и равнодушия. Жить было тяжело, голодно. В катастрофическом 1936 г. Украина оказалась даже в лучшем положении, чем другие регионы страны, собрав более высокий урожай и, несмотря на заготовки, получив больше зерна на душу сельского населения. В последующие 1937 и 1938 гг. экономическое положение колхозника было относительно неплохим. Город тем временем не мог похвастать стабильностью жизни. Постепенно вводилось прикрепление к рабочему месту, и в конце концов самовольный переход с одной работы на другую был запрещен. За опоздания и прогулы стали судить и отправлять в лагеря. Цены после отмены карточек выросли почти в 10 раз, и зарплата за ними не поспевала. А главное, аресты и репрессии бушевали теперь среди горожан. Это там, оказывается, прятались главные враги и вредители, занимая руководящие посты или работая у станка.

Полного выравнивания советских людей по доходам и положению не произошло, но некоторые аспекты жизни, безусловно,

были снивелированы. В стране появился «новый человек», принципиально отличавшийся от прежнего отношением к труду, взаимоотношениями с окружающими людьми, положением в государственной системе. Этот новый советский человек скоро узнал, что он живет при социализме, и даже, более того, почти поверил, что живет несравнимо лучше и счастливее всех других народов на земле.

Новое или старое крепостное право

Нередко отмечают, что установившаяся в 1930–1934 гг. колхозная система напоминает отмененное за 70 лет до этого крепостное право. Обработка помещичьей земли за некоторую плату или без всякого вознаграждения, называвшаяся барщиной, соответствовала обязанности колхозника трудиться не за вознаграждение, которого может и не быть. Сибирь, как угроза нерадивым и непослушным — в сталинские годы их еще называли «саботажниками», — присутствовала в обоих случаях. Введение паспортной системы в 1932–1934 гг. еще более усилило сходство. При крепостном праве крестьяне обычно не могли отлучаться дальше 30 км от собственного жилья без специального паспорта, заверенного губернатором по просьбе помещика. Колхознику были необходимы справка правления, ходатайство сельсовета и временный паспорт районной милиции. Многочисленные поставки — мясо, яйца, молоко, шерсть, — которые налагались на каждый крестьянский двор независимо от доходов, напоминают и оброчные повинности, и подушную подать, практиковавшуюся в течение столетий. Даже мелочная регламентация сельского быта и трудовых работ не была советским нововведением, а соответствовала старой традиции.

Например, в имениях А. П. Волынского десятские ежедневно утром и вечером обходили вверенные им 10 домов, свидетельствовали трезвость их обитателей и отмечали приезд и отъезд посторонних. Без разрешения даже детям не позволялось выходить из деревни [*Александров*, с. 55–56]. Помещик В. Н. Самарин ввел специальный институт «первостатейных крестьян», которые решали основные вопросы в деревне и следили за порядком. В частности, мирские поверенные должны были обходить дворы и гасить свет по вечерам. Хозяин считал вредной рыночную продажу хлеба крестьянами и предписывал ссыпать хлеб в барские житницы по пониженной цене. Крупный землевладелец Суворов вставал раньше всех и сам будил мужиков на работу, наставительно объясняя,

что «нельзя мужику спать долго: поле проспит, покос проспит и все именье потеряет» [*Семевский*, с. 262]. Регулируя сельскохозяйственное производство, этот помещик поступал так не только в собственных интересах — нередко он заботился и о нуждах своих крестьян. Например, Суворов отдает следующее курьезное для советских лет распоряжение: «У крестьянина Михаила Иванова одна корова... следовало бы старосту и весь мир оштрафовать за то, что допустили они Михаилу Иванову дожить до одной коровы, но на сей раз, впервые и в последнее, прощается. Купить Иванову другую корову из оброчных моих денег. Сие делаю не в потворство и объявляю, чтобы впредь на то же еще никому не надеяться» [*Семевский*, с. 271].

Характерные черты подневольного состояния: забитость, незаинтересованность в результатах труда, низкая производительность, отсутствие инициативы, пьянство, нищета — типичны и для дореформенного, и для колхозного периодов крестьянской истории.

Можно было проследить еще много близких и отдаленных совпадений, но в первую очередь следует остановиться на одном важном различии. Крепостник-помещик был в законодательном порядке обязан содержать престарелых и неимущих и иметь достаточно хлеба, чтобы обеспечить своих крестьян в случае неурожая [*Семевский*, с. 263–270]. Помещики пытались переложить эту обязанность на плечи крестьян, а нередко и вовсе ею пренебрегали. Правительству против таких землевладельцев приходилось принимать специальные постановления. Первым из них является, по-видимому, уложение Алексея Михайловича об освобождении холопов, которых господин не кормил во время голода. В 1734 г. в местностях, пострадавших от неурожая, у помещиков был конфискован хлеб и продан по твердым низким ценам. В 1750 г. правительство ввиду неурожая запретило винокурение [*Семевский*, с. 263].

Напоминаю об этих фактах не для идеализации крепостного права. Думаю, сегодня ни у кого не вызывает сомнений чудовищная несправедливость этой системы. Но нужно подчеркнуть, что она включала определенные обязательства землевладельца в случае наступления голода. Отсутствие таких обязательств при колхозном строе оказалось в 1932–1934 гг. роковым.

Защитники колхозной системы тоже постепенно, хотя и очень медленно, пришли к мысли, что минимальный прожиточный уровень старикам и больным должен быть как-то обеспечен. В 1937 г. (через семь лет после начала массовой коллективизации) старикам, не имеющим в семье трудоспособных, было разрешено

не платить налогов с приусадебного участка. В 1960-е годы колхозам было разрешено выплачивать пенсионерам крошечные пособия, а в 1970-е эту обязанность взяло на себя государство. К сожалению, на осознание факта, что крестьянин тоже человек, которому нужно есть, ушло немало времени и человеческих жизней.

Таким образом, колхозная система — это не просто еще одна форма крепостного права. Это новое, никогда прежде не существовавшее сооружение. Не было и предварительных теоретических построений, предполагавших именно такую модель. Был лишь чудовищный эксперимент, продолжавшийся несколько лет, в ходе которого была создана двойная система производства: каждый крестьянин работал на государственном поле на государство и на собственном маленьком участке — на себя и на государство. Возникший монстр, сочетавший якобы личные и государственные интересы, был непредсказуем, но оказался жизнеспособным и продержался почти полвека.

Глава 11. ПЕРВЫЙ ПАМЯТНИК ЖЕРТВАМ ГОЛОДА В СССР 1932–1933 ГОДОВ[1]

Черная материя рывками опускается, открывая памятник. Серый круг, разорванный сверху, так что черный проем служит стрелкой, показывающий ровно 12. Час пробил. Круг разбит. Круг жизни. Круг времени. А с надломленной стороны памятника тянутся руки: жалкие, беспомощные, молящие.

Не забывайте. Прощайте. Простите.

На постаменте на украинском, английском и французском языках высечены слова «Божественной комедии» Данте:

Очнувшись раньше, чем зарделось небо,
Я услыхал, как, мучимые сном,
Мои четыре сына просят хлеба
(Ад, XXXIII, 37–39).

Памятник миллионам погибших от голода в Советском Союзе пятьдесят лет назад. Памятник хлеборобам Украины, у которых отняли хлеб. Памятник плакавшим от голода детям, старикам и старухам, худым, истощенным, потерявшим человеческий облик. Потерявшим жизнь.

«Я Вас любила и люблю, Иосиф Виссарионович. И я не верю, что Вы допустите, чтобы я погибла в расцвете моей молодости так трагично и бессмысленно от голодной смерти», — писала комсомолка, ученица 8-го класса, дочь красного партизана из села Стовбина Долина Ново-Саджарского района Харьковской области в декабре 1932 г. Товарищ Сталин допустил.

Памятник, открытый 23 октября 1983 г. в городе Эдмонтоне, столице огромной канадской провинции Альберта, создан монреальским скульптором Людмилой Темертей, мать которой пережила голод 1932–1933 гг. на Украине. Освящение памятника и панихида по жертвам голода проводились одновременно по православному и католическому обрядам. В молитве принимали участие римско-католический архиепископ, епископы других церквей и раввин.

Перед собравшимися выступили очевидцы голода, представители многочисленных украинских организаций, руководители города, провинции, правительства Канады.

---

[1] Опубликовано в журнале «Страна и мир». 1984. № 1.

Монумент перед зданием муниципалитета в центре Эдмонтона — пока единственный памятник погибшим от страшного голода 1933 г. в СССР. Но придет время, и такие памятники покроют нашу страну. Они будут стоять в Киеве на Крещатике, куда был закрыт милицией доступ умирающим от голода и куда они прорывались, чтобы выпросить кусок хлеба и в судорогах вытянуться вдоль тротуара. В Харькове на вокзале, где каждый день находили десятки окоченевших трупов. В Полтаве, где была обнаружена подпольная фабрика, перерабатывавшая людей на котлеты. Памятники будут стоять в кубанских станицах, Казахстане и Сибири, в тундре и в тайге. Памятник будет установлен в центре Москвы.

Скульпторы будут соревноваться друг с другом, пытаясь передать невозможное — боль, скорбь и отчаяние. Нечеловеческую жизнь и смерть. Они создадут памятники, восстанавливая нашу память о невинно замученных.

Их имена, Господи, мы вспомним.

Глава 12. БЫЛ ЛИ ГОЛОДОМОР ГЕНОЦИДОМ[1]

Главным делом моей жизни стала оценка потерь от сталинских репрессий, а последние 25 лет я занимаюсь изучением потерь от коллективизации и голода на Украине. Я прочитал сотни книг и статей, ознакомился с тысячами документов в архивах США и Канады, Москвы и Киева, знаком я и с большинством работающих в этой области специалистов. Результаты моей работы опубликованы в журналах США, Канады, Франции, России и Украины, в книге «Потери населения СССР». Рукопись книги о голоде на Украине объемом 1250 страниц, законченная в 1983 г., депонирована в украинских институтах Гарварда и Эдмонтона и, насколько я знаю, передана профессором О. Прицаком в Украинскую академию наук в годы перестройки.

Первые расчеты потерь Украины в 1926–1939 гг. сделал замечательный украинский демограф Ю. А. Корчак-Чепурковский, который, конечно, не мог в советской печати прямо сказать о потерях, но, сопоставив переписи 1926 и 1939 гг., показал, что имела место повышенная убыль населения — 4 млн человек.

В годы перестройки, когда советские ученые начали заниматься этой проблемой, мы с профессором С. Кульчицким написали статью, чтобы объяснить читателям различия в наших подходах и наших результатах (Український історичний журнал. 1991. № 2).

Профессор Кульчицкий, опираясь на архивные данные текущей статистики рождаемости, смертности и миграции, оценивал потери в 3–3,5 млн. Я, считая текущий учет населения в годы коллективизации неполным, рассчитывал потери по переписям населения 1926, 1937, 1939 гг. и получил 4–4,5 млн. Истина, как я теперь думаю, лежит где-то посредине. Практически все известные мне серьезные научные оценки укладываются в интервал от 3 до 4,5 млн. Причем надо помнить, что речь идет о повышенной смертности за весь десятилетний период 1927–1936 гг.

Сюда входят и расстрелянные по первой категории при раскулачивании, и умершие в северной ссылке так называемые кулаки,

---

[1] Открытое письмо к украинским парламентариям, принявшим закон о судебном преследовании лиц, не считающих голодомор геноцидом (опубликовано в киевской газете «2000» 9 декабря 2006 г.).

и жертвы кампании борьбы с украинской «националистической» интеллигенцией, и люди, умершие раньше своего срока из-за ухудшения условий жизни и питания, и многие другие. Не забудем и начальника маленькой северной станции, который застрелился, не выдержав зрелища ползающих в привокзальном скверике обтянутых почерневшей кожей скелетов с горящими глазами. На время великого голода конца 1932 — начала 1933 г. приходится около 2 млн погибших.

Но какая, собственно говоря, разница — 2, 4, 10 млн человек?

Разница огромная. Трагические события тех лет требуют бережного, трепетного отношения, в точности и аккуратности проявляется уважение к жертвам потерь, а пренебрежительное публицистическое «не все ли равно» является оскорблением их памяти. Мы обязаны не просто поставить свечки, необходимо назвать имена, вспомнить каждого погибшего, составить полный мартиролог, собрать все документы, все материальные свидетельства той трагической эпохи. Израильский музей Холокоста «Яд Вашем» должен стать для нас образцом. Там есть постоянно пополняемый список, в котором на сегодня числится около 3,5 млн фамилий. Там собрано несколько миллионов документов, рассказывающих о Катастрофе.

Почему это не сделано в Украине? Почему такая работа даже не начиналась?! Пятнадцать лет назад я обошел ряд научных организаций Киева, пытаясь уговорить кого-нибудь провести выборочный опрос людей, переживших голод. Никто не брался за проведение этой работы. Нашелся в конце концов один социолог, получив аванс, он прислал через несколько месяцев трехстраничную отписку, в которой самым содержательным был список областей и населенных пунктов Украины. На этом руководство Украинского института Гарварда решило приостановить финансирование. Сегодня время упущено.

Возможен, однако, сбор сведений у детей и внуков погибших, возможно использование первичной документации: списков сельсоветов, домовых книг, материалов ЗАГСов. Смешно сказать, в научном обороте имеется единственная книга ЗАГСа за 1933 г. села Романкова Криничанского района Днепропетровской области, вывезенная из Украины немцами. А ведь в украинских архивах гниют десятки тысяч таких книг и бесконечное множество других документов. Лишь бережно собрав и проанализировав каждый из них, мы сможем представить себе подлинную картину происходивших событий.

Можно ли называть случившееся геноцидом?

Факт голода, замалчивавшийся советской властью и отрицавшийся некоторыми западными учеными, сегодня ни у кого не вызывает сомнения. Также бесспорно, что голод был прямым следствием политических действий правительства СССР. В первую очередь коллективизации. Отобрав у крестьян землю и скот, государство уничтожило заинтересованность сельского жителя в результатах труда и тем самым резко снизило уровень производства. При этом власть получила монопольное право распоряжаться всей сельскохозяйственной продукцией.

В этом страшном новом мире не существовало никаких обязательств государства перед сельским жителем. При хорошем урожае и честном отношении к труду он мог получить свою долю, при плохой работе или при неурожае он наказывался самым жестоким образом, в частности полным изъятием продовольствия, депортацией в другие районы страны, арестом и тюрьмой. Период 1931–1933 гг. был столкновением этих чудовищных правил и неготового им подчиниться селянства. Голод был кульминацией этой борьбы. Осознав, что ему грозит неминуемая гибель, сельский житель сдался.

В этой неравной битве правительством были изданы десятки законов и распоряжений, которые демонстрируют не только желание получить свою долю урожая, но и намерение наказать крестьянина, нанести ему чувствительный ущерб. Была запрещена торговля хлебом и зерном на рынках в областях, не выполнивших государственный план сдачи зерна.

Этот закон с одновременным введением карточной системы в городах обрекал на голод треть деревенских жителей и миллионы горожан, не имевших собственных посевов и традиционно покупавших продовольствие на рынках. Семенные и кормовые фонды колхозов вывозились в счет поставок зерна государству. Был запрещен убой скота и объявлен сбор мясопоставок на 15 месяцев вперед. («Предусмотрительный шаг», не позволивший голодающим съесть свою корову или козу, — свиней и птицы в Украине к этому времени уже практически не осталось.)

Был издан закон о борьбе со спекуляцией, под который подпадала любая покупка продовольствия сколько-нибудь заметного размера (порой речь шла о двух-трех буханках хлеба). Было введено ограничение общественного питания во время полевых работ, принято постановление о строгом контроле за целевыми фондами, отдано тайное распоряжение о пресечении использования населением

корма для скота. Многие сельсоветы и целые районы заносились на черную доску, что означало их полный бойкот, закрытие всех государственных учреждений, школ, медпунктов и магазинов.

По закону об охране государственного и колхозного имущества за кражу горсти зерна, картошки или мороженой свеклы похитителю грозила смертная казнь. Все эти чудовищные распоряжения дополнялись насилием и произволом со стороны местных властей, угрозами, избиениями, обысками. В ряде случаев все население села вывозили на далекий север. Так, с Северного Кавказа депортировали всех жителей нескольких крупных станиц — около 25 тыс. человек.

Эти чудовищные приказы, очевидно, могут быть названы актами геноцида крестьянства, поскольку принимавшие их руководители знали, что их реализация приведет к гибели множества людей. Но невозможно согласиться с тем, что жертвами их были люди только одной национальности или граждане одной республики. В Украине под их действие равно подпадали и украинцы, и русские, и евреи, и болгары. Большие потери понесло население Крыма, не входившего тогда в состав УССР. А украинская Донецкая область находилась в самой высокой категории снабжения, куда, кроме нее, входили только Москва и Ленинград. В 1933 г. туда по железной дороге было завезено 1263 тыс. т зерна, примерно по 300 кг в год на человека, 62 тыс. т мяса и 73 тыс. т рыбы — огромные цифры для того голодного времени. Семь других областей Украины получили вместе только 20 тыс. т мяса.

Сильно пострадали от голода Ростовская область, Ставропольский и Краснодарский края, Среднее и Нижнее Поволжье и Казахстан, где была в это время запрещена хлебная торговля. В то же время 23 января 1933 г. был снят запрет с колхозной торговли хлебом в Киевской и Винницкой областях, выполнивших план хлебозаготовок. Таким образом, ни Украину, ни собственно украинцев нельзя выделить как отдельный объект геноцида. Они страдали так же, как и многие другие сельские и городские жители СССР, в одних случаях намного больше, в других — меньше.

Отдельная проблема заключается в том, кого можно назвать виновниками случившегося, кто совершил это страшное преступление?

Правительство СССР, украинское партийное руководство? Их вина бесспорна, но ведь наряду с отдававшими приказы были и непосредственные исполнители, палачи. Кто же они?

Может быть, это Микоян и Молотов ходили по дворам, тыкая в землю металлическими щупами: не мягко ли где, не зарыт ли

мешочек с зерном или картошкой? Может быть, это Каганович ласково расспрашивал утром детишек: «А что вы, пацаны, ели сегодня на завтрак?» И если ели, то бригада вваливалась в дом с новым обыском.

Это лишь два эпизода той адской реальности. В моих статьях и книгах можно найти еще десятки подобных происшествий. Я не старался ужаснуть читателей, рассказывая типичные истории, но их трудно читать без слез.

В своей работе я никогда не делал акцент на национальном аспекте происходивших тогда событий, но, если вам угодно, готов помочь разобраться. Вы хотите узнать фамилии председателя колхоза и секретаря сельсовета, пытавших в правлении одного за другим колхозников, чтобы узнать, где спрятаны жалкие остатки еды?

А может быть, вас интересует фамилия сторожа, загнавшего малолеток, собиравших колоски, в сарай и державшего их там до тех пор, пока некоторые из них не умерли? Вопросы эти можно задавать бесконечно. По ходу работы я составлял по документам и воспоминаниям список жертв (в нем немного больше двух тысяч погибших) и список гонителей (полторы сотни человек). Это не репрезентативная выборка, но она в некотором отношении случайна и представляет определенный интерес.

Если я предоставлю вам эти списки, что вы будете с ними делать? Отмечать русские и еврейские фамилии? Выискивать знакомых, родственников и однофамильцев среди украинцев? Смею вас заверить, соотношение русских, украинцев и евреев в этих данных таково, что невозможно представить один народ в качестве жертвы, а другой — в облике палача. Ваши деды и прадеды, господа депутаты, мучили, унижали, избивали, морили голодом ваших же дедов и прадедов.

Бессмысленно при этом утверждать, что сельские активисты выполняли приказы Москвы. Деревня — не армия, никто не принуждал крестьян вступать в партию, участвовать в ограблении соседей. Активисты были добровольцами и поэтому несут личную ответственность за свои поступки. Это было грязное, жестокое дело. И все-таки я бы поостерегся обвинять в преступлениях против человечества миллионы отцов, дедов и прадедов граждан сегодняшней Украины. Это неблагородно и неразумно.

Но были в то страшное время не только жертвы и их мучители, но и герои, сохранявшие человеческий облик. Героизмом в то бесчеловечное время было продать билет на поезд человеку, не имевшему справки сельсовета, разделить кусок хлеба с голодным,

закрыть глаза на воровство с колхозного поля или амбара. Эти поступки могли стоить жизни, но люди шли на риск и оставались людьми. Героизмом были и усилия рассказать миру о случившемся. И одним из первых сделал это в повести «Все течет» русский писатель, еврей по национальности, Василий Гроссман.

Насколько я знаю, господа депутаты, вы предусмотрели наказание за несогласие с вашим постановлением. Я принимаю ваш вызов. Я публично заявляю, что вы ошибаетесь, что чудовищный голод 1931–1933 гг. не был ни геноцидом украинцев, ни геноцидом жителей Украины. Я не боюсь вашего суда, как никогда не боялся неправедных судов советской власти. *И я обвиняю вас. От имени жертв голода, с которыми я нерасторжимо связан вот уже несколько десятилетий.*

Обвиняю в том, что 15 лет назад вы не приняли закона о помощи жертвам коллективизации и голода.

Я обвиняю вас в том, что вы не организовали в то время серьезного научного изучения коллективизации и голода.

Я обвиняю вас в некомпетентности, безответственности и неуважении к этой страшной трагедии, в поспешном и бездумном принятии закона, который будет способствовать не восстановлению исторической истины и справедливости, а розни между людьми и народами.

Часть II

ДЕМОГРАФИЯ

Глава 13. ЧИСЛЕННОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ

Начало сего полагаю самым главным делом: сохранением и размножением российского народа, в чем и состоит величество, могущество и богатство всего государства, а не в обширности, тщетной без обитателей.

Михаил Ломоносов

В XX век Россия вошла в разгар демографической революции, продолжавшейся все XIX столетие, в течение которого население страны утроилось [*Рашин*, с. 25]. Численность населения и высокие темпы его роста всегда вызывали чувство «законной гордости» у русских и советских правителей. Чего только с ними не увязывали! И отсутствие западных свобод, и благодетельные последствия индустриализации и коллективизации, и особые советские законы народонаселения.

«А так как всем известно, что есть народы, остановившиеся в приросте и даже вымирающие, и что большая прибыль народа указывает нечто иное, чем убыль или остановка, то тут есть над чем подумать. Во всяком случае, тут дело не в "пресловутых видах свобод", особенно "политических", а в чем-то гораздо более важном, что нередко забывается» [*Менделеев*, с. 11].

«Жить стало лучше, веселее, но это ведет к тому, что население стало размножаться гораздо быстрее, чем в старое время. Смертность стала меньше, рождаемость больше, чистого прироста получается несравненно больше... сейчас у нас чистого прироста получается около трех миллионов душ» (*Сталин И.В.* Речь на Первом Всесоюзном совещании стахановцев 17 ноября 1935 г. [*Сталин*, т. 14, с. 79]).

«В СССР и в странах Народной демократии действует новый социалистический закон населения, характеризующийся систематическим быстрым ростом населения, неуклонным повышением благосостояния народа, низкой заболеваемостью и смертностью населения» [*БСЭ*, т. 29, с. 175].

Для подобных горделивых заявлений были определенные основания. В течение нескольких столетий прирост населения в России и СССР был заметно выше, чем в странах Европы, Азии, Африки. Бурный рост численности населения казался вечным.

У руководителей государства было ощущение, что в их распоряжении имеются бесконечные людские ресурсы. Может не хватить железа, зерна, но людей для любых мероприятий можно найти сколько угодно. Именно эта убежденность двигала рукой Сталина, когда он распоряжался судьбами миллионов, бросая их на север, на восток для освоения территорий, в лагеря, на фронт стеной навстречу врагу. Лишь в середине XX века выяснилось, что людские ресурсы в стране так же ограниченны, как и все другие.

И еще в одном направлении оказывала демография влияние на политику. Происходило не только увеличение численности, но и стремительная смена поколений, а вместе с ней исчезновение памяти о прошлом. Через 10 лет после Октябрьской революции почти две трети жителей страны составляли люди, начавшие свой трудовой путь в годы советской власти. А еще через 12 лет, согласно переписи 1939 г., родившихся после революции было больше половины, а тех, кто пошел в школу после 1917 г., — две трети. Людей, работавших при царе, оставалось меньше 20% населения. Это стремительное омоложение страны обеспечивало высокую эффективность целенаправленной пропаганды. В 1939 г. о реальных событиях Октября или уровне жизни населения до революции могли на собственном опыте рассказать только немногие. Влияние этих демографических факторов на характер политических процессов требует самостоятельного изучения.

При этом во второй половине XX века убежденность в том, что высокие темпы прироста — это особенный русско-советский демографический закон, поколебалась. Оказалось, что на такой путь вступили одна за другой слаборазвитые страны, а СССР вслед за Западом начал снижать рождаемость и переходить к «современному уровню воспроизводства». Тогда не в приросте населения, а в соотношении темпов его изменения обнаружилось нечто позитивно современное.

«Переход к новому типу смертности в СССР происходил гораздо быстрее, чем во Франции, и переход к новому типу рождаемости был не менее быстрым. Соответствие темпов обоих переходов привело к тому, что демографический переворот у большей части населения СССР совершился без демографического взрыва» [*Вишневский*, 1976, с. 194].

С последним утверждением нельзя полностью согласиться. «Демографический взрыв» затронул Россию еще в середине XVIII века и продолжался до середины XX столетия. В 1750–1799 гг. рост численности населения в России был выше среднемирового,

европейского и азиатского в 2–3 раза. Еще в 20-е годы XX века увеличение населения СССР достигало 2% в год, заметно больше прироста населения почти всех стран Европы, Азии и Америки. Лишь политические и социальные перемены 1930-х годов и Вторая мировая война приостановили этот рост. Но вплоть до своего распада СССР продолжал обгонять Европу по приросту населения [*Естественное движение*, 1974, с. 17–18; *Народонаселение*, с. 8–49].

Владимир Ильич Ленин был, как известно, большим поклонником статистики народонаселения[1]. Еще в селе Шушенском к нему в руки попал один из томов переписи населения 1897 г., послуживший материалом для многих ленинских статей. Ленин предлагал царскому правительству издать закон об обязательном проведении переписей по всей стране раз в 10 лет, а на окраинах со смешанным национальным составом населения — раз в пять лет (к сожалению, в советские годы такой закон также не был принят). Неудивительно, что, оказавшись у власти, Ленин содействовал организации переписи населения. Думаю, что именно уважением классического марксизма к статистике объясняется отчасти огромная по объему и удивительная по оперативности работа по сбору и обработке данных, проводившаяся в первые годы советской власти под руководством квалифицированных, широко образованных дореволюционных статистиков.. Достаточно сказать, что за первые восемь лет деятельности труды ЦСУ вышли в 34 томах (190 выпусках) — больше, чем за все последующие советские годы, вместе взятые. В условиях полного развала и дезорганизации они проводили исследования жизни, хозяйства, быта, производства и других важных проблем. Упомяну только гнездовые динамические обследования крестьянских хозяйств, проводившиеся ежегодно и содержавшие богатейший экономический и социальный материал, только понемногу и не без искажений вовлекаемый в научный оборот исследователями.

В европейской части страны были организованы государственный (нецерковный) учет рождений, смертей, регистрация браков и разводов. Постепенно это система расширялась, охватывая все более отдаленные уголки страны.

На первом съезде статистиков в 1918 г. была даже предпринята попытка сделать систему учета независимой от государства. К сожалению, это не удалось осуществить. Ленин, правда, утвердил

---

[1] Любовь к цифрам и, в частности, к статистике населения Ленин унаследовал от Маркса.

выбранных съездом руководителей ЦСУ, однако было ясно указано, что статистика и статистики находятся на службе у государства.

Сталин по-своему тоже любил статистику, но только не противоречившую его представлениям. В 1930-х годах все беднее и беспомощнее становятся статистические публикации, закрываются журналы «Вестник Статистики» и «Статистическое Обозрение», исчезает и само учреждение ЦСУ (правда, по счастью, не навсегда). В демографической статистике наступает в 1932 г. тягостное молчание, которое завершается катастрофой переписи 1937 г. Приказ Сталина уничтожить перепись вместе с ее организаторами войдет в историю наряду с известным распоряжением Ксеркса высечь не угодившее ему море. И вскоре реальные цифры полностью исчезли из публикаций. Гигантскими шагами двигаясь к коммунизму, страна не смела задуматься, чему равен один такой шаг. Все цифры давались в процентах к неизвестной, как правило, величине. Еще на XX съезде в 1956 г. в докладе ЦК валовая продукция зерна, хлопка, производство мяса, молока, шерсти, яиц, поголовье скота — все приводилось в процентах к неизвестному 1950 г.[1]

В этой главе будут рассмотрены демографические процессы, происходившие в СССР, состав населения по полу и возрасту на даты проведения переписей, изменение численности всего населения и отдельных поколений, распределение жителей между городом и селом, степень достоверности основных демографических параметров. Все эти сведения должны стать основой при выборе расчетных параметров для оценки потерь населения в годы коллективизации.

Городское население

В начале интересующего нас периода, в 1926 г., в стране насчитывалось 709 городов и 1216 поселков городского типа. Горожане составляли 18% населения. Многие из них жили в маленьких и

---

[1] В последующие годы появились конкретные сведения и, в частности, данные о статистике населения. Но с середины 1970-х годов эти публикации стали более бедными. Пропали материалы о повозрастной смертности, смертности новорожденных, рождаемости по полу. Советское руководство было Нарциссом, который опасался зеркала. Оно понимало в душе, что красоты зеркало статистики ему не прибавит, а даже самое благожелательное рассмотрение опасно для доктрины абсолютного совершенства. Характерно замечание, приписываемое Косыгину. На просьбу включить в перепись 1970 г. вопрос о жилье он ответил: «Мы еще не так хорошо живем».

средних городках и поселках, мало отличавшихся от больших сел по условиям существования и занятиям населения. Как показали исследования заведующего отделом переписей ЦСУ О. Квиткина, в четверти городов (490 из 1926) население на 40–60% было занято сельским хозяйством, а еще в 13% городов — на 20–30%.

Почти половина городов и 94% поселков имели меньше 10 тыс. жителей. Всего на них приходилось 5,2 млн (20%) горожан [*Квиткин*, с. 35]. Это были небольшие населенные пункты, в среднем около 500 зданий, находившихся в частном владении, — одно- и двухэтажные дома. Даже среди помещений, занятых государственными учреждениями и предприятиями, почти половина (33 тыс. из 55 тыс.) отмечены как имеющие меньше 20 человек. В 50% частных домов было меньше пяти жителей, в 90% — меньше 10 человек. Жилых домов с более чем 30 жильцами было по два-три на город [*Перепись 1926*, т. 17, с. 5–7, т. 53, с. 2; *Перепись 1959*, с. 62; *География населения*, с. 11; *Перепись 1923*, 1923]. Почти у всех горожан были сады, участки, огороды, многие держали домашний скот. В поселках обычно находились школа, больница или другое медицинское учреждение, клуб, иногда кинотеатр и несколько десятков административных учреждений и торговых заведений. Общественный транспорт и коммунальные услуги, как правило, отсутствовали.

Более крупных населенных пунктов (10–50 тыс. жителей) насчитывалось 388. В них проживало 7,5 млн человек. В среднем на населенный пункт приходилось около 20 тыс. жителей и 2,5 тыс. строений. Преобладала по-прежнему одноэтажная и двухэтажная застройка. Свыше 80% домов имели меньше 10 человек и более 90% — меньше 20 [*Перепись 1926*, т. 17, с. 5–7, т. 53, с. 2; *Перепись 1959*, с. 62; *География населения*, с. 11]. Транспорт отсутствовал. Часть города снабжалась водой из уличных водозаборных колонок, другая часть — из колодцев. Обычно такой город имел больницу, немалое число учреждений, магазин, несколько предприятий. Городские окраины тяготели к сельским занятиям.

Городов за 50 тыс. жителей насчитывалось 85. Как правило, это были бывшие или настоящие административные центры — пункты преобразования приказов властей в действия на местах.

Высокая концентрация горожан (до половины населения) отмечалась лишь в нескольких регионах: Ленинградская область, Центральный промышленный район, Донбасс, небольшие территории Урала, Средней Азии и Закавказья. В остальной части страны немногочисленные города тонули в окружавшем их сельском

море, являясь в первую очередь центрами административного управления. Города также были очагами русской колонизации — 72% горожан назвали своим родным языком русский. Исключения составляли лишь старинные города Бухары и Хорезма, недавно присоединенных к СССР [*Перепись 1926*, т. 54, с. 2–10].

Действительно больших городов с населением свыше 400 тыс. было в стране шесть (Москва, Ленинград, Харьков, Киев, Одесса, Баку). Только здесь были заводы и фабрики, транспорт, мощеные мостовые, водопровод и канализация, многоэтажные дома, театры, высшие учебные заведения, разнообразные магазины и т. п.

Жители городов были наиболее активными сторонниками советской власти в годы Гражданской войны, оказывая антибольшевистским войскам открытое или тайное сопротивление. Города же послужили основой для создания новой системы бюрократии. В них находился формальный победитель — рабочий класс и реальный победитель — ВКП(б) в виде многоступенчатой лестницы комитетов и организаций, осуществлявших непосредственное управление населением[1].

Городские жители составляли 5828 тыс. семей, рабочих и служащих среди них было примерно поровну (2544 тыс. первых и 2498 тыс. вторых). Число работающих членов семей — 8861 тыс. Средняя численность семьи — около четырех человек. Всего через 12 лет половина городских семей состояла из 2–3 человек. В деревне положение было более благополучным, семей до трех человек насчитывалось лишь немногим больше трети [*Перепись 1939*, 1992, с. 90–91]. Многие горожане продолжали сохранять землю в деревне.

Формирование семьи продолжалось в большинстве республик прежним порядком. В браке старше 15 лет состояли в 1926 г. 655 мужчин из тысячи, а в 1939-м — 668. Величина расхождения этих значений по отдельным республикам колеблется от 0 до 20–30 человек и лишь в двух случаях (Туркмения и Киргизия) достигает 40 человек (6%). У женщин в славянских республиках, Закавказье и Казахстане похожая ситуация, но в Средней Азии число состоявших в браке в 1926 г. (700–800 человек на тысячу) уменьшается к 1939 г. на 10–15%. Это связано, очевидно, с запретами многоженства и браков с несовершеннолетними. В юношеских возрастах наблюдается сильное расхождение между славянскими республиками, где до 20 лет вступают в брак меньше 20% женщин, Грузией и Казахстаном, где в 20 лет замужем треть поколения,

[1] См., например, описание Смоленска в [*Максудов*, 1987а, с. 13–20].

и остальными республиками Закавказья и Средней Азии, где в этом возрасте в браке состоят 70–80% женщин. В более старших возрастах все республики выглядят почти одинаково (80–97% замужних), но в категории старше пятидесяти опять появляются заметные различия. В РСФСР, Украине, Белоруссии, Казахстане процент замужних в 1939 г. заметно меньше, чем в 1926-м. Причины этого очевидны: большая потеря мужчин в годы коллективизации и репрессий. Во всех остальных республиках наблюдается обратная картина: замужних в 1939 г. больше, чем в 1926-м. Этот рост, вероятно, объясняется увеличением продолжительности жизни пожилых и улучшением статистического учета. Какой из этих факторов играл более важную роль, оценить трудно [*Перепись 1926*, т. 54, с. 2–10].

О связи с сельским хозяйством в 1926 г. заявили 486 тыс. глав городских семей (численностью 2161 тыс.). Кроме того, имели землю в селе 279 тыс. одиноких горожан. Всего для участия в полевых работах выезжали из города 971 тыс. горожан.

Большинство семей возглавляли мужчины, но примерно в каждой шестой семье главой была женщина. Эти семьи были малочисленны (3,2 человека в среднем), что свидетельствует об отсутствии мужчины в доме. Одиноких мужчин было немного больше одиноких женщин (996 тыс. и 901 тыс.). Среди первых преобладали рабочие (420 тыс.), а одинокая женщина чаще была служащей (467 тыс.) [*Перепись 1926*, т. 54, с. 2–10].

Кроме постоянных жителей, в городах было учтено 533 тыс. приезжих, вместе с которыми общая численность горожан составила 26,3 млн человек.

Перепись 1926 г. не была рубежом, изменившим процессы, происходившие внутри советского общества. Напротив, она пришлась на середину восстановительного периода, и в 1927–1929 гг. наблюдались те же демографические тенденции, что и в предшествующие годы. В течение 13 лет вслед за восстановлением экономики происходил медленный рост городского населения (на 1–1,3 млн в год), главным образом в результате прибытия сельских жителей. Доля горожан оставалась на довоенном, дореволюционном уровне — около 18% (табл. 2.1, рис. 2.1).

Переезд из деревни в город носил в этот период индивидуальный характер (на заработки, на учебу, в няньки и т. д.). Массовый выезд из села сдерживался жилищным кризисом в городах, безработицей, убывавшей медленно, и, главное, перераспределением земли в деревне. Советская власть поставила землевладельца

в сложные условия. Он получал землю, порой за счет экспроприации у зажиточных хозяев (кулаков и помещиков), но продать ее не мог. Земля принадлежала крестьянину при условии трудовой обработки собственными силами. В противном случае она могла быть отобрана. Дореволюционный вариант: продать землю и переехать в город с некоторыми деньгами — отпадал. Крестьянин оказался привязанным к своему сокровищу, что, правда, не исключало переезда в город отдельных, как правило более молодых, членов семьи. В силу этих причин в середине и даже в конце 1920-х годов, несмотря на быстрое развитие экономики и рост численности населения, перемещение жителей из села в город было незначительным и рост городского населения не превышал 1–3% в год ([*Труд в СССР*, 1968, с. 22, 73; 1936, с. 10–11]; табл. 2.1, 2.2).

Наиболее интенсивно развивалась в те годы административно-управленческая функция городов. В 1928 г. общее число горожан превышало дореволюционный уровень примерно на 15%, однако численность рабочих на предприятиях и стройках оказалась на 12% меньше, в торговле и снабжении было занято в три раза меньше и лишь в управлении и сельском хозяйстве в 1928 г. был более высокий процент занятых, чем до революции [*Труд в СССР*, 1968, с. 30].

С учетом этих фактов и принимая во внимание более высокую численность населения в 1928–1930 гг. по сравнению с 1913 г., можно считать, что довоенный уровень занятости был превзойден лишь в начале 1930 г., когда в разгар пятилетки число рабочих и служащих увеличивалось необычайно быстро, на 2–4 млн в год (табл. 2.1, рис. 2.1).

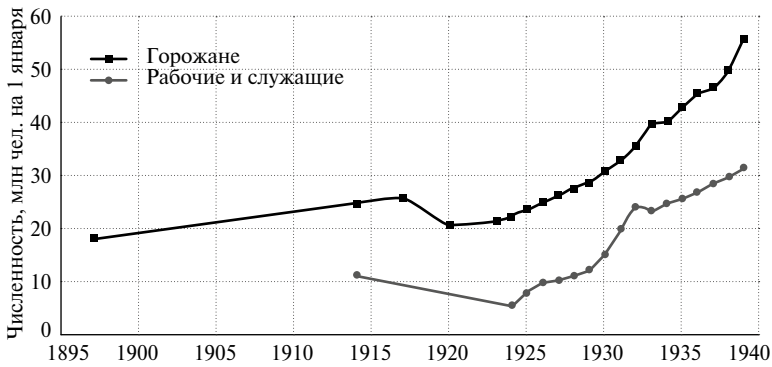

Рис. 2.1. Численность населения в городах России — СССР

Таблица 2.1. **Численность населения в городах России — СССР, млн человек по состоянию на 1 января**

Год	Вся страна	Горожане	Рабочие и служащие*	% горожан
1897	124,7	18,4	—	14,8
1914	139,3	24,8	11,4	17,8
1917	143,5	25,8	—	18,0
1920	136,8	20,9	—	15,3
1923	136,1	21,6	—	15,9
1924	138,8	22,3	5,8	16,1
1925	141,7	23,7	8,6	16,7
1926	144,8	25,0	10,0	17,3
1927	149,9	26,3	10,7	17,5
1928	153,1	27,6	11,4	18,0
1929	156,3	28,7	12,4	18,4
1930	158,8	30,9	15,4	19,5
1931	161,0	33,0	20,2	20,5
1932	162,4	35,6	24,2	22,0
1933	162,9	39,7	23,5	24,4
1934	158,2	40,5	24,8	25,6
1935	158,7	43,0	25,9	27,1
1936	160,5	45,5	27,2	28,3
1937	165,7	46,6	28,6	28,1
1938	168,6	50,0	29,9	29,7
1939	171,5	55,8	31,6	32,5

* В численность рабочих включены работники совхозов (около 2 млн до 1932 г. и около 4 млн после 1932 г.).

Примечание. Численность населения рассчитана нами по данным 1897, 1920, 1923, 1926, 1937, 1939 гг., сведениям переписей, приводимым обычно для наличного населения. Остальные годы — статистика текущего учета постоянного населения. Поскольку наличное население в городах, как правило, превышало постоянное, это создает в некоторых случаях фиктивные перепады численности.

Источники: [*СССР в цифрах*, с. 133; *Труд в СССР*, 1936, с. 7–11; 1968, с. 22, 73; *20 лет*, с. 11; *Перепись 1937*, 1991, с. 42–47; *Население СССР*, 1973, с. 7; *Перепись 1959*, с. 13; *СС*, 1936, с. 133].

В конце 1920-х годов начинаются один за другим два экономических процесса, которые полностью меняют условия жизни и быт населения: индустриализация и коллективизация. Первый открывает рабочие места во всех уголках страны, второй делает опасной жизнь в деревне, наглядно демонстрируя крестьянину,

что земля и продукты его труда фактически ему больше не принадлежат.

Оба фактора самым решительным образом выталкивали деревенского жителя в город, на стройки, куда угодно, лишь бы подальше от родных мест. В 1929 г. число переселившихся в города удваивается по сравнению с предыдущим годом, в 1930 г. опять почти удваивается и достигает 4,1 млн, то есть 12% городских жителей (табл. 2.2).

Таблица 2.2. **Движение населения в городах, тыс. человек**

Год	Численность	Прибыло	Выбыло	Оседание в городе
1928	27 600	6 477	5 415	1 062
1929	29 200	6 958	5 566	1 392
1930	30 900	9 534	6 901	2 633
1931	32 000	10 810	6 710	4 100
1932	33 622	10 605	7 886	2 719
1933	39 732	7 416	6 644	772
1934	40 500	11 856	9 404	2 452
1935	43 000	13 732	11 176	2 556

Примечание. Численность 1932 г. — специальный учет на 1 июля 1931 г.
Источники: [*Труд в СССР*, 1936, с. 7; *СС*, 1935, с. 542].

Еще более нагляден этот процесс на примере отдельных городов. Так, в Харькове за три года (1930–1932) появилось 270 тыс. новоселов, увеличив число жителей столицы Украины на 64%. В 1932 г. из пяти харьковчан двое не прожили в городе и пяти лет [*Демографічні дослідження*, вып. 2, с. 101–120].

Так же быстро увеличивалась численность населения Москвы, Ленинграда, Свердловска, Челябинска, Новосибирска, Перми и нескольких других больших городов (табл. 2.3). Стремительно росли новостройки, приобретая за 1–2 года десятки тысяч жителей. Относительно скромным был рост городов в Закавказье, Средней Азии, Белоруссии ([*Труд в СССР*, 1936, с. 6–7; *СССР в цифрах*, с. 93–96; *НХ*, 1932, с. 405–406; *СС*, 1935, с. 540–542]; табл. 2.3).

Одновременно растет число женщин, вовлеченных в производство. Из-за Мировой и Гражданской войн и изменения характера занятий населения доля женского труда стала довольно высокой: около 25% в 1932 г., 35% в 1934 г. [*Труд в СССР*, 1936, с. 10–11;

1968, с. 20]. Однако среди переезжавших в города по-прежнему преобладали мужчины рабочего возраста. Число работающих мужчин увеличивается несколько быстрее, чем женщин [*Труд в СССР*, 1936, с. 10–11]. При этом сведения для отдельных лет не очень сильно меняются. Процент детей и стариков был пониженным, у женщин — при заметном преобладании рабочих возрастов [*Труд в СССР,* 1936, с. 10–11; *20 лет*, с. 4].

Следует отметить, что в 1933 г. процент детей и лиц старших возрастов несколько возрастает, что связано, вероятно, с попытками горожан вывезти из деревни остававшихся там родственников. Этим же объясняется, очевидно, и некоторое увеличение процента женщин среди мигрантов [*Труд в СССР*, 1936, с. 95, 107].

Высокими темпами росли в эти годы промышленность, строительство, транспорт, здесь занятость увеличивалась на 30–40% ежегодно. В крупной промышленности, на долю которой приходилось примерно 20–25% всех занятых, число работающих за три года (1929–1932) удвоилось, причем численность собственно рабочих возрастала немного медленней, чем общее число занятых. Наиболее интенсивно росли машиностроение и каменноугольная промышленность, заметно отставали отрасли легкой промышленности, особенно хлопчатобумажная, льняная, шерстяная. Непроизводственная сфера (управление, торговля, здравоохранение, просвещение) росли быстро и устойчиво, на 20% ежегодно. Медленно, но также постоянно (примерно на 15% в год) увеличивалось число рабочих и служащих в сельском хозяйстве [*Труд в СССР*, 1936, с. 91–95; *НХ*, 1932, с. 104–105].

Движение сельского населения в годы коллективизации было интенсивным и чрезвычайно хаотичным, об этом сведения скудны и не слишком достоверны. Статистический учет был очень ненадежным. Миллионы крестьян были вывезены из родных мест на северо-восток страны. Сотни тысяч сельских жителей трудились в Кузбассе, Магнитогорске и на других стройках пятилетки. Масса крестьян, бежавших из деревни, металась по стране в поисках не то «страны Муравии», не то хоть какого-либо укрытия от страшной волны преобразований.

Каждая из групп мигрантов несла повышенные потери в результате ухудшения условий жизни и эпидемических заболеваний, что практически не учитывалось официальной статистикой. Массовая неконтролируемая миграция разрушала статистический учет численности, рождаемости и смертности населения, которые становились постепенно условными величинами, заметно

Таблица 2.3. **Изменение численности населения городов, тыс. человек**

Город	1897	1914	1917	1920	1923	1926	1931	1933	1934	1935	1937	1939
Москва	1039	1763	1701	1028	1543	2026	2781	3663	3614	3642	3798	4137
Ленинград	1265	2119		722	1037	1614	2188	2776	2711	2740	2814	3191
Алма-Ата	—	—	—	—	—	44	109	150	183	197	167	231
Баку	112	232	—	256	336	439	575	709	634	670	619	809
Витебск	61	108	100	80		88	108	127	128	131	142	167
Астрахань	113	152	—	116	138	180	199	228	230	250	234	254
Владивосток	29	—	—	—	99	101	129	180	203	235	207	206
Ворошиловград	20	—	—	57	44	69	102	119	124	124	170	213
Гомель	35	—	65	61	75	81	108	122	122	127	125	144
Горький	96	112	148	106	168	217	350	459	464	513	576	644
Грозный	16	—	—	46	64	94	149	198	201	165	157	172
Днепропетровск	113	211	—	163	150	225	323	378	360	385	456	501
Киев	248	521	506	366	423	483	539	599	575	625	776	846
Краснодар	66	102	106	143	142	156	170	193	176	186	168	204
Куйбышев	90	144	228	176	149	167	220	260	262	271	330	390
Одесса	404	500	—	428	314	406	476	497	488	509	548	604
Оренбург	72	100	—	109	106	121	129	145	139	141	156	173
Пермь	45	—	—	68	97	80	123	—	220	168	166	255
Макеевка	—	—	—	12	16	51	81	149	105	122	97	107
Ростов-на-Дону	120	172	—	233	249	300	425	518	455	479	461	510
Саратов	137	236	223	189	182	209	278	—	308	340	351	376
Свердловск	43	—	—	90	97	134	223	463	435	450	387	425
Симферополь	—	—	—	–	—	85	97	103	100	103	89	143
Сталинград	55	101	133	90	106	144	295	404	367	390	392	445
Сталино	—	—	—	38	32	104	194	274	288	273	245	462
Харьков	174	245	288	230	307	399	522	654	635	625	759	833

Примечание. Данные округлены до целого. Справочники разных лет содержат различающиеся данные в связи с изменениями границ городов. Но сведения за интересующий нас период 1931–1935 гг. взяты из одних и тех же источников, т.е. в тех же самых границах.
Источники: [*НХ*, 1932, с. 405–407; *СС*, 1936, с. 540–541; *СССР в цифрах*, с. 93–96; *Труд в СССР*, 1936, с. 6–7; *Перепись 1937*, 2007, с. 42–47; *Население СССР*, 1975, с. 26–35].

отличающимися от реальности. Результаты расчета миграционных потоков между Россией, Украиной и другими регионами СССР с учетом интенсивной русификации украинского населения, происходившей в тот период, даны в прил. 25.

Людские волны перекатывались из конца в конец страны, сквозь города, стройки, заводы и фабрики. Во многих городах, например в Харькове, сумма приехавших и выехавших превышала численность живущих [*Демографічні дослідження*, вып. 2, с. 101–120]. Быстро росли новостройки, города Сибири и Урала, все больше становились столицы России, Украины и других республик (табл. 2.3). Сравнительно скромным было увеличение населения городов Кавказа, Средней Азии, Белоруссии и некоторых старых российских и украинских городов, таких как Тула, Калинин, Смоленск, Симферополь, Полтава, Николаев и др. Вероятно, часть жителей этих городов «вытягивали» стремительно растущие промышленные центры.

Данные о миграции населения также указывают на то, что быстрый рост числа горожан приходится на 1930–1932 гг. (табл. 2.1–2.3). В города прибывает по 10 с лишним миллионов человек в год (треть от численности их населения) и убывает по 6–7 млн. Еще бóльшая текучка отмечалась в рабочих кадрах. В 1930 г. на работу было принято 176% рабочих по отношению к среднесписочному составу и 152% уволились. В некоторых городах потоки прибывающих были еще заметнее. Так, в 1923–1928 гг. число принятых было чуть больше 100%, а уволенных — немного меньше [*Труд в СССР*, 1936, с. 95, 107; *НХ*, 1932, с. 40]. Эти фантастические цифры являются средними по стране.

На многих фабриках и стройках движение рабочей силы было еще более интенсивным, их персонал обновлялся полностью чуть ли не каждые два-три месяца. Неудивительно, что для закрепления населения и рабочей силы власти прибегли вскоре к довольно решительным мерам. Стремительный рост 1931–1932 гг. приостанавливается неожиданно в 1933-м. Несомненно, некоторую роль в этом играло снижение рождаемости и повышение смертности городского населения, но также очевидно, что прекратился массовый поток мигрантов из деревни. Если иметь в виду происходившие в деревне события, понятно, что прекращение переселения крестьян в город не могло быть добровольным. Очевидно, были приняты специальные меры, чтобы сократить численность прибывающих в города сельских жителей. Одна из мер — раздача продовольственных карточек по месту работы,

другая — ограничения в приеме на работу, третья, без которой в данном случае нельзя было обойтись, — милицейские преследования прибывших.

Между данными табл. 2.1–2.3 можно отметить некоторое противоречие. Общие цифры по городскому населению отмечают рост в 1934 г. на 2,5 млн человек, данные по отдельным городам дают заметно меньшую цифру. Вероятно, рост в городах был более значительным, но ему предшествовало падение в течение 1933 г. Неслучайно сведения на 01.01.1933 не появились в справочниках тех лет, хотя данные о численности жителей в больших городах для всех остальных лет (кроме 1937 г.) регулярно публиковались.

Следует подробнее остановиться на точности учета городского населения. Специальные переписи и учеты горожан проводились в 1920, 1923, 1926, 1931, 1937 и 1939 гг. При переписях фиксировалось наличное население и постоянно проживающее, причем наличное, как правило, преобладало за счет сельских жителей, приехавших на время в город. Между переписями ЦСУ вело систематический учет движения городского населения. Оно располагало при этом данными о предшествующих переписях, сведениями о рождаемости и смертности, транспортной статистикой, материалами о продовольственном потреблении горожан (карточки, выпечка хлеба и т. п.); наконец, в 1932–1934 гг. появились данные милицейского учета (сведения о прописке и выписке). Сведения текущей статистики, учитывавшие постоянное население, были, очевидно, менее точны, чем переписи или специальный учет. Еще с дореволюционных времен отмечалось, что местная статистика, как правило, преувеличивает число жителей. Это связано с большими трудностями учета уезжающих по сравнению со статистикой вновь прибывших, а также с повышенными престижными соображениями местной администрации. В советское время от сведений о численности населения зависело распределение многочисленных продовольственных и товарных фондов, что, конечно, подталкивало чиновников к завышению числа своих «подопечных». После очередной переписи или учета местные сведения уточнялись в сторону уменьшения, а затем вновь начинала проявляться та же тенденция преувеличенного роста.

Большое влияние оказывало на оценку численности горожан изменение списка городских поселений, административное причисление к городским поселкам новых и новых населенных пунктов. Дополнительная трудность возникает из-за частого изменения границ городских поселений (обычно в сторону их

расширения). Данные о численности при очередных публикациях пересчитывались в новые границы. Для того же самого города можно увидеть в справочниках разных лет на ту же самую дату сильно различающиеся цифры. Так, Ленинград по переписи 17 декабря 1926 г. при публикации в 1927 г. насчитывал 1560 тыс. человек, в справочниках 1932 и 1935 гг. на ту же дату приводится цифра 1614 тыс. человек, с указанием, что сделан пересчет в границы 1930 г., в 1937 г. — 1560 тыс., в 1939 г. — 1690 тыс., а в 1973 г. — 1737 тыс. В последнем случае с пояснением «без городских поселений, подчиненных Ленинградскому горсовету» приводится другая цифра — 1619 тыс. [*Перепись 1926*; *Предварительные итоги*, 1923; *НХ*, 1932, с. 405; *СС*, 1935, с. 541; *Перепись 1937*, 2007, с. 29; *Перепись 1939*, 1992, с. 27].

Некоторое влияние на учет численности населения города оказывало и расширение ГУЛАГа. Текущая статистика населения, опираясь отчасти на данные продовольственного снабжения, не делала принципиального различия между жителями населенных пунктов и работающими на стройках заключенными. Однако перепись совершенно по-другому учитывала лагерную статистику. Сведения о заключенных собирались непосредственно Управлением лагерей в обход областного учета и распределялись по стране специальным образом. Так, ярким примером «воздействия» ГУЛАГа является Карельская АССР. По переписи 1937 г. в ней очень сильно выросло население, и мужчин стало больше, чем женщин. Скорее всего, это было результатом строительства Беломорско-Балтийского канала (табл. 2.4).

Не исключено, что некоторое снижение численности городского населения связано с репрессиями 1937–1938 гг. Перепись не обнаружила арестованных по месту жительства, в то же время в общей цифре городского населения они могли быть указаны. Таким образом, говорить о численности всего городского населения или об отдельных городах можно лишь в самых общих, приблизительных пределах, принимая во внимание многочисленные, довольно существенные погрешности учета.

Однако данные за период 1931–1935 гг. чаще всего вполне сопоставимы. Они приводятся в тех же самых справочниках и в одних и тех же границах. Кроме того, сведения на 1 июля 1931 г. являются сведениями специального учета, проводившегося в связи с внедрением в городах карточной системы, поэтому они точнее, чем обычные материалы текущей статистики. При расчете цифр для нескольких последующих лет авторы справочников опирались

Таблица 2.4. **Численность населения регионов по переписи 1937 г. и прирост по данным 1937 г. по отношению к 1926 г.**

Республика, край, область	Всего, тыс. чел.	Мужчины, тыс. чел.	Женщины, тыс. чел.	Мужчины, %	Женщины, %	Город, %	Село, %	Всего, %
СССР	162 039	77 692	84 347	109	111	197	91	110
РСФСР	3 968	48 726	55 242	111	112	209	91	112
Северная	2 262	1 051	1 210	104	106	241	90	105
Карельская АССР	513	280	233	217	168	298	161	192
Калининская	3 221	1 491	1 729	92	92	168	83	92
Западная	4 963	2 151	2 543	91	96	158	86	94
Кировская	2 389	1 071	1 309	98	101	199	91	100
Куйбышевская	3 948	1 790	2 158	89	95	173	80	92
Мордовская АССР	1 192	542	650	92	97	188	91	95
Воронежская	6 087	2 761	3 326	94	101	174	90	98
Ярославская	2 197	542	650	—	—	193	84	104
Курская	4 167	1 878	2 289	81	89	120	82	86
Азово-Черноморский	5 601	2 605	2 996	97	101	175	79	99
Северокавказский	1 635	765	870	94	98	159	85	96
Сталинградская	2 225	1 029	1 196	101	105	177	82	103
Немцев Поволжья	489	228	261	83	88	162	74	86
Саратовская	1 887	865	1 022	74	79	162	60	77
УССР	28 388	13 118	15 270	94	102	182	80	98
Винницкая	3 919	1 760	2 158	84	95	87	90	90
Киевская	5 098	2 317	2 781	83	92	125	80	88
Черниговская	2 522	1 154	1 369	86	95	96	90	91
Харьковская	5 053	2 322	2 732	84	93	162	73	88
Донецкая	4 579	2 204	2 374	148	161	342	68	155
Днепропетровская	3 721	1 755	1 966	105	109	276	74	107
Одесская	2 925	1 343	1 582	86	93	90	77	90
Молдавская АССР	570	262	308	95	105	124	97	100
Казахская ССР	5 120	2 586	2 534	83	85	247	69	84
Красная армия	1 956	1 947	8 779	317	936	226	1 386	318

Примечание. Данные округлены до целого. 1926 г. принят за 100%.
Источники: [*Перепись 1926*, т. 17, с. 515; *Перепись 1937*, 2007, с. 34–54].

на этот учет, и два-три года слишком малый срок, чтобы накопилась большая ошибка.

Таким образом, заметный рост населения городов в 1931–1932 гг. не вызывает сомнения, хотя его абсолютная величина может быть и меньше той, что зафиксирована статистикой. В целом за период 1926–1938 гг. рост городского населения также очевиден. Его основными очагами были Москва и Ленинград, Донбасс, Приднепровье, столицы Украины, новостройки Сибири, Казахстана и Дальнего Востока. Однако степень урбанизации была не так велика, как это казалось по публикациям 1930-х годов. Кроме изменения границ городов и перевода сел в города, заметную роль сыграло сокращение численности сельского населения почти на 10 млн человек [*Перепись 1937*, 1991, с. 48–61]. Без этих факторов доля горожан вряд ли превысила бы в 1939 г. 25%.

Общие цифры численности городского населения не дают ясного представления о происходивших изменениях. Более интересны в этом отношении данные о населении отдельных городов (табл. 2.3): численность населения Москвы на 1 января 1933 г. 3663 тыс., а на 1 января 1934 г. — 3614 тыс.; Ленинграда — 2776 и 2711 тыс. соответственно; Харькова — 654 и 635 тыс.; Ростова-на-Дону — 518 и 455 тыс.; Свердловска — 463 и 435 тыс.; Сталинграда — 404 и 367 тыс. и т. д. Все эти города в предыдущие годы стремительно увеличивали свою численность и в 1933–1934 гг. вдруг остановились [*Труд в СССР*, 1936, с. 6–7; *СССР в цифрах*, с. 93–96; *НХ*, 1932, с. 405–406; *СС*, 1935, с. 540–542].

В то же время прекращается рост числа занятых в народном хозяйстве, снижается численность работающих почти во всех отраслях промышленности. В 1932 г. рабочих и служащих было 22 943 тыс., а в 1933-м — 22 301 тыс. Наиболее сильное падение произошло в крупной промышленности и строительстве (около 7%), наименее задетыми оказались непроизводственные области — просвещение, здравоохранение, управление (табл. 2.5). Профессионально сильнее пострадали рабочие и служащие, численность инженерно-технических работников не сократилась [*Труд в СССР*, 1936, с. 91–96; *СС*, 1935, с. 474–477].

Сокращение затронуло как рабочих, так и учеников, как молодых, так и старых, как мужчин, так и женщин. Но мужчины, особенно занятые в промышленности, пострадали сильнее. Их число уменьшилось почти на 11%. В 1933 г. доля мужчин среди рабочих составила всего 65%. Даже через три года (в 1935-м) численность работающих мужчин была меньше, чем в начале спада в 1932 г.

В 1933–34 гг. численность рабочих приближается к уровню 1932 г., а затем медленно начинает расти (на 5% в год, табл. 2.1). Этот небольшой рост не был равномерным. Он распространялся на машиностроение, но не затронул каменноугольную и железорудную промышленность, а также многие отрасли легкой промышленности. Химическая промышленность и выработка электроэнергии вообще не испытывали спада [*Труд в СССР*, 1936, с. 11–11, 91–96; 1968, с. 22, 73; *20 лет*, с. 4].

Уменьшение числа рабочих сопровождалось улучшением трудовой дисциплины. Уменьшилась, хотя и не очень сильно, текучесть кадров, в 8–9 раз упало число прогулов. На одного рабочего в среднем в 1931–1932 гг. приходилось 5–6 прогулов без уважительной причины, в 1933-м — 0,93 и около 0,7 в 1934-м [*Труд в СССР*, 1936, с. 95; *СС*, 1935, с. 503]. Наиболее дисциплинированными оказались работники машиностроения, черной металлургии, швейники (0,5–0,6 прогулов на человека в год), наименее — строители, шахтеры, совхозные рабочие (около двух прогулов в год)[1].

В ноябре 1932 г. было введено суровое ужесточение режима работы: «Постановление Центрального исполнительного комитета и Совета народных комиссаров... Установить, что в случае хотя бы одного дня неявки на работу без уважительной причины работник подлежит увольнению с предприятия или учреждения с лишением его права пользования выданными ему, как работнику данного предприятия или учреждения, продовольственными и промтоварными карточками, а также лишения прав пользования квартирой, предоставленной ему в домах данного предприятия или учреждения. Предложить правительствам союзных республик ввести соответствующие изменения в кодексы законов о труде»[2].

Вероятно, рабочие в тот период боялись не столько лишения зарплаты, сколько утраты карточек, которые, как и часть дополнительного продовольственного снабжения, выдавались администрацией предприятий.

---

[1] Фактически число рабочих дней составляло в среднем 266. На одного работающего приходилось в 1934 г. 2 дня простоя, 65 выходных и праздничных дней, 14 дней отпуска, 13 дней по болезни и родам и 5 дней неявки по уважительным причинам [*Труд в СССР*, 1936, с. 110; *СССР в цифрах*, с. 114]. Через несколько лет закон покажется слишком мягким, и за опоздание на работу будет введена уголовная ответственность.

[2] До этого увольнение было возможно лишь при трех днях прогула. Постановление было подписано председателем ЦИК СССР М. Калининым и председателем Совета Министров В. Молотовым (Известия ЦИК и ВЦИК. 1932. 16 нояб.).

Чем же было вызвано сокращение числа занятых в 1932–1934 гг.? Ведь это был единственный случай в истории советской промышленности, не считая военных лет. Возможны несколько объяснений: 1) реакция на мировой экономический кризис; 2) нехватка рабочей силы в связи с потерями от голода; 3) ограничение передвижения сельских жителей по стране; 4) перенапряжение финансовых и экономических сил государства в три предшествующих года.

Каждый из этих факторов имел значение. В частности, начавшаяся паспортизация городского населения закрыла доступ крестьянам в города и лишила промышленность возможности пополнения трудовых ресурсов. Определенную роль сыграло введение карточной системы и самоснабжение предприятий. Вынужденная распоряжаться ограниченным количеством продовольствия, администрация предпочла иметь меньше штатных работников. Подробное рассмотрение промышленного кризиса не входит в задачу нашего исследования, отметим только, что катастрофа, происшедшая в деревне, и снижение темпов расширения промышленности совпадают по времени и такое совпадение вряд ли можно считать случайным.

Начавшаяся в 1934 г. новая волна увеличения численности горожан продолжается вплоть до 1939 г. Общие цифры выглядят при этом довольно внушительно: прирост за 1933–1938 гг. оказался выше, чем за весь предшествующий период 1920–1932 гг. (11 млн). Естественный прирост составил 29,4 млн человек, прибытие из села — 18,7 млн, преобразование сел в города — 19,7 млн. Численность городского населения составила в начале 1938 г. 55,8 млн человек, по расчету П. И. Попова, уточненному в 1964 г. в ЦСУ [*Архив ЦСУ*; *Писарев*, с. 97].

Сведения по отдельным крупным городам не подтверждают такого интенсивного роста. В подавляющем большинстве случаев абсолютные цифры роста в 1920–1932 гг. выше, чем соответствующие данные в 1933–1939 гг. (см. в табл. 2.3 и 2.7 данные по Москве, Ленинграду, Сталино, Перми, Макеевке, Свердловску, Днепропетровску, Баку, Сталинграду).

Даже знаменитые новостройки в эти годы не так сильно увеличили свою численность. 10 февраля 1939 г., рапортуя о результатах переписи правительству, ЦСУ оценивало наличное население в городах в 52 377 тыс. человек (без результатов контрольных бланков, без переписанных особым порядком и, конечно, без 1% добавки на недоучет). Данные об общем числе переехавших из деревни

в город на постоянное жительство, показанные в табл. 2.2, видимо, несколько преувеличены. Оседание в 1928–1935 гг. составило 17,7 млн. Если учесть миграцию за 1927 г. (около 1 млн) и 1936–1938 гг. (5–7 млн), то общее число новых горожан даже с учетом смертности превысит 24 млн человек. Специальная комиссия ЦСУ под руководством В. И. Попова оценила механическую миграцию из деревни в город в 18,7 млн. Это не меняет существенно представлений об общей тенденции заметного роста городского населения. К такому выводу приходит Анатолий Вишневский [1998, с. 85–97]. Число населенных пунктов с населением свыше 50 тыс. выросло в 1926–1939 гг. с 93 до 174. При этом в 77 городах численность возросла больше чем в два раза, в 42 — больше чем в три и в шести — больше чем в 10 раз.

Преобразование сел в поселки и города носило явно кампанейский характер, продиктованный желанием получить бóльшую численность городского населения, на что справедливо указывает В. Б. Жиромская. Она отмечает, что к городскому населению напрасно была приписана значительная часть армии и заключенных. А главное, она предлагает отбросить села и поселки, срочно, без соблюдения принятого порядка переведенные перед переписями 1937 и 1939 гг. в города. По ее оценке, «подлинная численность городского населения СССР составляла 47–48 млн человек» [*Жиромская*, 2001, с. 61–74].

Можно принять эту точку зрения, поскольку, по сути дела, урбанизация в очень многих населенных пунктах была не завершена, что отмечает Анатолий Вишневский [1998, с. 98–111]. Но не приходится сомневаться, что со временем (довольно скоро) жители новых городов стали в некотором отношении горожанами, хотя бы потому, что перестали заниматься сельским трудом. А рост городов и образование новых стремительно продолжались. По переписи 1937 г. численность горожан, без армии и НКВД, составляла 51 949 тыс. [*Перепись 1937*, 2007, с. 48–58]. Численность населения городов в 1939 г. — 56 125 тыс., в 1956 г. — 87 млн, в 1959 г. — 100 млн. [*Перепись 1939*, 1992, с. 20; *НХ*, 1956, с. 24; *Перепись 1959*, с. 13]. Приводимый результат заметно выше, чем в расчете Попова. Но в последующих публикациях ЦСУ цифра увеличивается еще на несколько сотен тысяч человек [*Население*, 1975, с. 14–25].

При этом естественный прирост городского населения в 1937–1938 гг. был равен только по РСФСР 1300 тыс. (РГАЭ, ф. 1562, оп. 329, ед. хр. 256). По всей стране естественный прирост горожан

составил примерно 2 млн человек. Заметный прирост городского населения произошел на Украине. По вычислениям современных украинских демографов, оно выросло в 1937–1939 гг. на 2 млн [*Рудницкий*]. Если принять во внимание, что часть военных и их семей, а также большинство сотрудников НКВД проживали в городах, а среди заключенных процент горожан был довольно высок, то цифры 55,8 млн (табл. 2.8) и 56,1 млн [*Перепись 1939*, 1992] выглядят достоверно.

Сельское население в 1926 году

Полный список деревень, составленный к переписи 1926 г., насчитывал 613 587 населенных пунктов. При этом выяснилось, что в административных данных существовали заметные пробелы [*Перепись 1926*, т. 9, с. 2–24]. Сельских жителей было больше, чем горожан, почти в пять раз, 121,2 млн человек проживали в деревне постоянно и составляли 24–25 млн крестьянских хозяйств (в среднем по пять человек в семье). Размеры и вид сельских населенных пунктов были крайне разнообразны: одинокие деревянные избушки Вологодчины, юрты кочевников Казахстана, многотысячные села Украины и станицы Северного Кавказа, кишлаки и аулы Средней Азии и Кавказа, деревни, села, хутора, сторожки, железнодорожные будки и проч. [*Перепись 1926*, т. 17, с. 6–7]. Их характер определялся экономическими и географическими факторами, историческими условиями освоения территории, наличием или отсутствием сельских общин.

Общей закономерностью сельского расселения в европейской части страны было укрупнение деревень при движении с северо-запада на юг и юго-восток. На северо-западе небольшие клочки удобных для пашни земель перемежались обширными лесами, болотами, разделялись реками и озерами. Это определяло размеры деревень (10–15 дворов), жители которых занимались, кроме земледелия, рыболовством и охотой. При движении на юг в Белоруссии, Западном и Центрально-Промышленном районах леса редеют и средний размер населенного пункта увеличивается, но не сильно, поскольку в силу характера земледелия экономически целесообразными были деревни не больше 20–30 домов. Например, в Белоруссии 83% деревень имели меньше 200 жителей, в том числе 15% — меньше 10 человек (избушки и хутора) [*Перепись 1926*, т. 17, с. 5–7]. Население этих мест занималось по большей части огородничеством, разведением льна, сажало картошку,

то есть разводило относительно трудоемкие культуры, обработка которых была возможна лишь при близком расположении поля от дома. В средней полосе увеличивалось число деревень с населением свыше 500 человек. В них находилось до 30% жителей, при 5–10% на севере.

Коренным образом характер и размеры поселений менялись при переходе от зоны лесов к зоне лесостепи и степи, в основных земледельческих районах страны — в Черноземном центре, на Среднем и Нижнем Поволжье, Северном Кавказе, Украине. Здесь огромные пространства удобной для возделывания земли, но мало водных источников, необходимых для равномерного заселения. Деревни располагались тут по берегам рек, количество их сокращалось, но сами они увеличивались. Среднего размера населенный пункт в этих районах насчитывал около 400 жителей (70–80 дворов), однако свыше двух третей крестьян проживало в селениях с числом дворов от 100 и больше. Село или станица в 100–200 дворов считались не очень крупными. Большие села с населением в несколько тысяч человек, а часто и больше 10 тыс. охватывали почти треть жителей в Центрально-Черноземном районе и Поволжье, 59% жителей Северного Кавказа и 43% селян Украины.

Естественный прирост постепенно увеличивал размеры сел, а выход на хутора, после столыпинской реформы, немного их сокращал. Следует отметить, что хуторские хозяйства южных районов не были так сильно обособлены, как одиночные поселения на севере. Они обычно были связаны с селами, из которых произошло выделение на хутор.

Для Сибири и Дальнего Востока также характерна концентрация основной массы населения в больших селах (более 100 домов). Однако система заимочного землепользования приводила к росту удельного веса мелких поселений. Своеобразным было расселение сельских жителей в Закавказье и Средней Азии. Здесь, при множестве небольших деревень и кишлаков, основная масса населения была сконцентрирована в больших населенных пунктах. Так, в Закавказье свыше 90% крестьян жили в деревнях с населением свыше 200 человек. В Узбекистане, Таджикистане и Туркмении в таких поселках было сосредоточено свыше 80% жителей [*Перепись 1926*, т. 17, с. 5–7]. Совершенно иначе группировалось население Казахстана. Небольшие по размерам (менее 200 человек) стоянки (кочевья) составляли там 94% всех поселений, и в них находилось 55% коренных сельских жителей. Русско-украинская колонизация Казахстана и Дальнего Востока происходила обычно деревнями

среднего размера в 50–100 домов. Расселение определялось ограниченными источниками водоснабжения и необходимостью взаимопомощи в экономической деятельности и в столкновениях с коренными жителями.

Плотность сельского населения и размеры отдельных деревень были тесно связаны с экономико-географическими и климатическими условиями. На севере и западе мы видим редкие разобщенные малочисленные селения, на юге — огромные села, связанные между собой и с близлежащими городами, на востоке — средних размеров поселения недавних переселенцев, большие кишлаки коренных жителей, сконцентрированные поблизости от водных источников, или маленькие кочевья, перемещающиеся вслед за стадами по степям и полупустыням.

По своим занятиям бóльшая часть жителей деревни (78% населения, 83% работающих) оказалась связана с сельским хозяйством. Свой труд в сельское производство вкладывали 71 млн человек, то есть почти половина населения страны. Они кормили 42,3 млн членов своих семей и 33 млн человек, связанных с другими областями деятельности [*Перепись 1926*, т. 34, с. 2–3, 120–180]. Вовлеченность сельских жителей, включая женщин, стариков и детей, в трудовую деятельность была огромной. Лишь дети младше 10 лет и нетрудоспособные члены семьи не принимали участия в работе. Это был собственный внутрисемейный труд. Наемные работники составляли около 1% занятых в сельском хозяйстве (рассчитано по [*Данилов*, 2011, ч. 1, с. 273; ч. 2, с. 124–125; *Ясный*, с. 783]. От всего затраченного труда наемный составлял 1,5%.

Число неработающих членов семьи у рабочих, служащих и других горожан оказалось в полтора-два раза больше, чем у крестьян. Этот показатель в то время характеризовал если не прямо уровень жизни, то по крайней мере его качество. Неслучайно служащие имели больше незанятых членов семьи, чем рабочие (при меньшей детности), лица свободных профессий — еще больше, чем служащие, а предприниматели — больше, чем лица свободных профессий. Так же неслучайно безработные инвалиды и асоциальные элементы имели наихудшее соотношение занятых и иждивенцев.

Некоторое количество жителей деревни (около 6%) не было связано с сельским производством: рабочие, железнодорожники, работники торговли, служащие системы управления, лица, занятые непосредственным обслуживанием села. Процент сельской интеллигенции был невелик: около 300 тыс. учителей,

священников, медсестер (табл. 2.5). При этом почти все они имели огороды, сады и домашний скот. Члены их семей (родители, братья и сестры, дети) нередко были заняты сельским трудом.

Переселение в город носило, как отмечено выше, индивидуальный характер (образование, лечение, временные заработки). Аграрная колонизация на востоке страны в эти годы также значительно ослабела: во-первых, из-за появившейся возможности расширить землевладение дома; во-вторых, из-за уменьшения государственных субсидий переезжающим; в-третьих, из-за противодействия местных национальных властей. Они не только не приветствовали прибытие колонистов, но даже пытались вытеснить русское население, уже обосновавшееся в этих краях в прошлые годы. Так, из Казахстана и с Северного Кавказа были высланы десятки тысяч семей семипалатинских, уральских, оренбургских и терских казаков.

Таблица 2.5. **Численность жителей деревни по переписи 1926 г., не занятых сельским трудом, тыс. человек**

Занятия	Работники	Иждивенцы	Всего
Рабочие на фабриках и заводах	543	757	1300
Кустари	870	1046	1916
Строители и транспортники	474	971	1445
Торговые работники	223	373	596
Служащие	508	542	1050
Военные	60	10	70
Безработные	122	66	188
Без занятий	492	184	676
Руководители	36	—	—
Агрономы и землемеры	55	—	—
Учителя	180	—	—
Библиотекари*	20	—	—
Врачи	6,939	—	—
Медсестры	28,7	—	—
Ветеринары	1,885	—	—
Священники**	88	—	—
Бывшие помещики***	13	—	—
Местные руководители****	88	—	—

* Включая клубных работников.
** Из них 68 тыс. православных.
*** Вскоре почти все были выселены.
**** 55 тыс. из них имели другое главное занятие.
Источник: [*Перепись 1926*, т. 34, с. 2–3, 120–180].

Возраст, уровень образования, национальный и социальный состав населения

Перепись 1926 г. исследовала население на огромных пространствах СССР и дала его обобщенную демографическую и социальную характеристику. Это население было очень молодым, половине жителей еще не исполнилось 20 лет. Рождаемость была выше в деревне, но город пополнялся деревенскими мигрантами.

В 1939 г. в городе проживала почти треть населения. Сравнительно высокий процент горожан был у нескольких народов: евреев (87%), армян (41%), русских, поляков, греков (по 37%) и нескольких небольших народов с численностью несколько десятков тысяч человек. Основную часть горожан составляли люди в возрасте 15–59 лет. В городе было относительно больше мужчин, чем в селе, и заметно меньше детей в возрасте до 15 лет, стариков старше 60 лет. При этом в старших возрастах преобладали женщины (табл. 2.6).

Таблица 2.6. **Городское и сельское население в распределении по возрасту и полу в 1926 и 1937 гг., %**

Год переписи	Место проживания	0–14 лет	15–19 лет	20–59 лет	Старше 60 лет	Мужчины	Женщины	Женщины/мужчины
1926	Город	29,5	11,1	53,4	5,6	49,1	50,9	103,7
	Село	38,9	11,6	42,7	6,9	48,2	51,8	107,7
	Всего	37,2	11,5	44,6	6,7	48,3	51,7	107,0
1937	Город	26,0	8,8	59,7	5,5	47,8	52,2	109,2
	Село	36,6	8,0	48,3	7,1	47,1	52,9	112,2
	Всего	33,7	8,2	51,4	6,7	47,3	52,7	111,3

Примечание. Между данными встречаются расхождения из-за округления и из-за лиц, не указавших свой возраст.

Источники: [*Перепись 1926*, т. 17, с. 46–49; *Перепись 1937*, 2007, с. 77–84].

Вопросы изучения численности населения, прогнозы численности для нужд экономики постоянно занимали исследователей. Но политические события опережали ученых. Коллективизация, голод, падение рождаемости, запрещение абортов, а также жесткий контроль власти над сбором статистических сведений привели

к тому, что никаких серьезных работ о демографическом состоянии страны в те годы опубликовано не было. Национальный состав населения был пестрым. Численность русских немного превышала 50%. Русское население преобладало в большинстве городов, служивших центрами административного управления и очагами русификации.

В 1926 г. большинство русских жило в России (РСФСР), составляя там 77,8% населения. В 1939 г. их было уже 90 306 тыс. (91% всех жителей). На втором месте находился Казахстан (19,7%). Вообще, в 1926 г. в Казахстане отмечалась наименьшая доля коренного населения: 57,1% (14% среди горожан). В 1939 г. здесь русских (40%) было больше, чем казахов (37,8%). Из 14 казахстанских областей в восьми русские и украинцы составляли более 50% населения, и лишь в трех областях казахов было больше половины. В столице республики Алма-Ате русских было 72%, а казахов — 11%. На Украине, в Азербайджане и Киргизии в 1926 г. русских было 9–12%, в остальных союзных республиках — от 0,7% (Таджикистан) до 7,7% (Белоруссия) [*Перепись 1939*, 1992, с. 57–83].

В большинстве автономных республик (Башкирия, Татария, Бурятия, Карелия) численность русских колебалась между 40 и 53%, превышая порой численность коренного населения. Минимальное количество русских приходилось на Якутию, Дагестан, Калмыкию и Абхазию (6–12%). В городах автономных республик русских было заметно больше, чем в общей численности населения. Сильно выросла численность народов Кавказа и некочевых жителей Средней Азии. Сократилась численность казахов, украинцев, поляков, жителей Поволжья и Северного Кавказа и нескольких небольших народов.

К 1939 г. увеличилось количество русских и расширилось их расселение по стране (например, Дагестан — 40%, Абхазия — 23,6%, Якутия — 54% [*Перепись 1926*, т. 4]). Лишь в Белоруссии и Узбекистане их становится меньше. Расселение украинцев и белорусов повторяет процессы, происходившие с русской диаспорой, только в меньшем масштабе. При этом сами Украина и Белоруссия были в группе наиболее мононациональных — доля граждан титульной нации составляла в них 80,6%. Только Армения имела немного больше — 84,4%, при этом много армян жило в России, Грузии и Азербайджане.

Выросла грамотность населения, особенно у женщин, практически у всех народов увеличилось число лиц, имеющих среднее и высшее образование, однако разрыв в степени грамотности

жителей разных районов страны оставался еще значительным (табл. 2.7; [*Перепись 1926*, т. 51, с. 228; *Перепись 1959*, с. 88]). В 1937 г. перепись учла 14 720 тыс. учащихся, из них 378 тыс. в 8–10 классах, 507 тыс. в техникумах и 335 тыс. в высших учебных заведениях (Вестник статистики. 1990. № 8). Лучше других дело обстояло у евреев, немцев, грузин и армян, наиболее медленно продвигались туркмены и жители Дагестана, чеченцы (особенно женщины) [*Максудов*, 2010, с. 86–94].

Таблица 2.7. **Численность и уровень образования в 1926 и 1939 гг. по национальностям СССР**

Национальность	Численность, тыс. чел.		Язык, %	Грамотных старше 9 лет, %		Образование в 1939 г., %	
	1926	1939	1939	1926	1939	Среднее	Высшее
1	2	3	4	5	6	7	8
Украинцы	31 195	28 111	12,0	59	84	8,2	0,53
Белорусы	47 289	5 275	13,0	48	78	7,1	0,47
Казахи	3 968	3 101	1,0	9	62	2,2	0,09
Узбеки	3 905	4 845	2,1	5	63	1,5	0,07
Татары	2 916	4 315	3,4	42	78	5,0	0,22
Евреи	2 601	3 028	60,3	85	94	26,8	5,70
Грузины	1 821	2 250	0,9	50	82	13,0	1,40
Азербайджанцы	1 707	2 276	2,8	11	64	4,7	0,41
Армяне	1 568	2 153	10,8	50	79	10,7	1,10
Мордва	1 340	1 456	11,3	43	68	2,9	0,14
Немцы	1 238	1 427	11,6	79	93	7,0	0,50
Чуваши	1 117	1 370	3,3	48	89	5,7	0,26
Таджики	979	1 229	1,6	42	80	1,2	0,05
Киргизы	763	885	1,1	3	76	0,9	0,02
Поляки	782	630	88	58	91	12,0	1,04
Башкиры	714	844	41,6	32	81	3,6	0,14
Дагестанцы	630	857	1,6	н. с.	80	2,2	0,11
Удмурты	504	606	1,0	33	82	4,0	0,15
Чеченцы — ингуши	495	501	0,2	6	50	1,1	0,05
Туркмены	763	812	0,1	3	72	1,3	0,06

Примечание. Столбец 4 — процент назвавших родным языком не язык данной национальности. Столбцы 6–8 — процент от численности нации.
Источники: [*Перепись 1939*, 1992, с. 57–87; *Козлов*, с. 249–250].

Но даже у чеченцев и ингушей, оказавшихся в самом конце списка, число грамотных в 1926-1939 гг. выросло почти в 10 раз и составило половину населения (табл. 2.7).

Переписи 1926 и 1939 гг. различаются не просто названиями профессий работающих граждан, но и социальным положением, типом и характером занятий. Нет в переписи 1939 г. многочисленных в 1926-м групп: хозяева с наемными рабочими, хозяева, работающие только с членами своей семьи, одиночки. В переписи 1926 г., в свою очередь, трудно оценить категорию руководителей. В 1937 г. их две группы: 277 тыс. председателей колхозов и 1046 тыс. руководителей предприятий, учреждений и их отделов. Через два года бюрократия выросла до 1960 тыс. и разбита при переписи уже на 14 категорий: общесоюзные, республиканские и областные руководители — 73 тыс., главы районов и городов — 181 тыс., секретари партийных, комсомольских, профсоюзных и общественных организаций — 99 тыс. и т.д., вплоть до председателей колхозов и их заместителей — 279 тыс., а также директоров и заведующих магазинами — 197 тыс. Женщины в среднем составляют всего 11% руководящих работников. Больше всего их среди руководителей медицинских учреждений (39%), меньше всего (2,8%) среди колхозных начальников (табл. 2.8).

Таблица 2.8. **Занятия женского населения по переписям 1926, 1937, 1939 гг.**

Занятия	1926		1937		1939	
	Численность, тыс. чел.	%	Численность, тыс. чел.	%	Численность, тыс. чел.	%
Руководители	—	—	1 313	11	1 960	11
Рабочие	5 603	26	24 310	33	25 339	33
Служащие	3 981	38	10 600	34	13 100	35
Занятые в с/х	71 736	50	33 884	64	40 197	52
Колхозники	—	—	29 978	—	36 466	53
Единоличники	—	—	3 528	54	54	60
Кустари	1 866	24	909	26	—	—
Военнослужащие	631	—	1 956	—	—	—
Все занятые	82 712	47	77 873	45	78 811	43

Источники: [*Перепись 1926*, т. 34, с. 2–5; *Перепись 1937*, 2007, с. 48–50; *Перепись 1939*, 1992, с. 92–147].

Сохранилась небольшая группа нетрудящихся, живущих продажей вещей или сдачей жилья в аренду. В 1937 г. их было 76 тыс. (30 тыс. мужчин и 46 тыс. женщин), а в 1939 г. — 78 тыс. (33 тыс. мужчин и 46 тыс. женщин). Зато резко выросла группа тех, кто неточно указал или вообще не указал свое занятие. В 1937 г. их было 55 тыс. мужчин и 52 тыс. женщин, а в 1939-м — 1032 тыс. мужчин и 209 тыс. женщин. При этом у не сумевших назвать свое занятие оказалось очень мало иждивенцев, 13 тыс.

Из соотношения мужчин и женщин ясно, что к этой группе принадлежат главным образом лица, оказавшиеся в тюрьмах и лагерях [*Перепись 1939*, 1992, с. 93–96]. Например, 1,2 млн русских, появившихся в Казахстане, были, вероятно, в большинстве своем спецпереселенцами и фиктивными лицами, возникшими при увеличении численности населения по переписи на 1% (прил.7–8).

Несмотря на рост численности населения, немного сократилось общее число занятых: в 1926 г. 44 млн мужчин и 38,7 млн женщин, а в 1939-м — 44,7 и 34,1 млн соответственно. Это сокращение произошло главным образом за счет младших возрастов, дети 10–15 лет при переписи 1926 г. указывались помогающими родителям в хозяйстве. Колхозная администрация, несомненно, также использовала труд школьников, но не столь систематически. Стало больше людей, занятых умственным трудом (по классификации переписи 1926 г. — служащие, лица свободных профессий, хозяева с наемными рабочими вне села). В 1926 г. они составляли 4,6 млн человек, в том числе 2,9 млн мужчин. В 1939 г. их стало 13,8 млн, из них мужчин 9,8 млн. Резко возросло число рабочих практически всех специальностей: горняки, металлурги, железнодорожники, строители и т. д. Каждое из этих занятий в 1939 г. привлекало в 2–5 раз больше людей, чем в 1926-м.

«Упало» лишь одно занятие — сельское хозяйство. Если в 1926 г. в нем было занято 71,3 млн человек, то в 1939-м — в два раза меньше (34,8 млн). Исключая заведующих, бригадиров, мотористов, комбайнеров и прочие специализированные профессии, почти отсутствовавшие в 1926 г., в поле и на фермах работали 32 млн человек [*Перепись 1926*, т. 51, с. 228; *Перепись 1939*, 1992, с. 100–220].

Возможно, этот экономический результат оказался неожиданным для руководителей. Ликвидировав материальную заинтересованность, они сразу потеряли заметное число рабочих рук (лиц, не обязанных по возрасту или по состоянию здоровья к трудовой повинности). Силы этих людей концентрировались на приусадебных

участках, вспомогательных домашних работах и т. д. Власти компенсировали эту потерю повышенным налогообложением крестьянского двора как такового, требуя поставок мяса, яиц и т. п. за само право жить в деревне и пользоваться приусадебным участком. Однако с того времени дефицит рабочих рук стал хронической болезнью советского сельского хозяйства, так что для уборки урожая приходилось постоянно привлекать массу городских жителей.

Глава 14. ДВИЖЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ

После 1926 г. ЦСУ ежегодно публикует сведения о рождаемости, смертности и численности населения. Это по-прежнему фактические данные по большей части европейской территории страны и оценки по ее азиатской части. Данные эти свидетельствуют об устойчивом росте численности населения, что и было зафиксировано в пятилетнем плане. Числу жителей предписывалось возрастать дальше такими же темпами или, перевыполняя план, более высокими. С началом коллективизации эта идиллическая картина перестала работать, но власти на это не скоро отреагировали.

В связи с введением карточной системы было решено провести административный учет населения. В городах это было обследование, близкое к переписи, в сельской местности расчеты опирались на административные и налоговые данные. От переписи населения административный учет отличается отсутствием персонального опроса. Вместо этого собираются необходимые сведения из государственных учреждений. Учет проводился весной и в начале лета 1931 г., когда население более подвижно, чем зимой. Это должно было привести к некоторому занижению численности по отношению к переписи 1926 г., проводившейся в декабре. Кроме того, оценка 1931 г. проходила в намного более напряженной политической ситуации, чем перепись 1926 г. Коллективизация, уничтожение кулачества «как класса» всколыхнули и стронули с места сельских жителей, которые огромными массами перемещались по стране и вряд ли поддавались строгому учету административными органами. Это позволяет предполагать, что численность населения в 1931 г. учтена с меньшей полнотой, чем в 1926 г. (результаты учета и оценки разных авторов приведены в табл. 2.9).

При этом общая численность учтенного в середине 1931 г. населения представляется довольно правдоподобной, она хорошо согласуется с материалами о рождаемости, смертности и численности населения в предшествующие годы[1]. Так, в конце 1928 г. числен-

---

[1] Следует заметить, что работники ЦСУ, используя экспертные оценки и косвенные методы, получали очень хорошие результаты. Особенно сильное впечатление производит подсчет численности населения СССР через 11 лет после Великой Отечественной войны, в ходе которой произошли огромные перемены: погибли, умерли, родились, сменили место жительства, появились в стране десятки миллионов человек. По расчету ЦСУ, 1 апреля 1956 г. в СССР проживало

Таблица 2.9. **Сравнение численности населения на 1 июля 1931 г. по данным учета и расчетам авторов**

Автор расчета	Автор сглаживания	Автор таблиц смертности	Результаты, млн чел.	
			Все население	Старше 4-х лет
Административный учет	—	—	162,143	142,036
Новосельский, Паевский	Новосельский, Паевский	Новосельский, Паевский	163,700	141,400
АДХ	АДХ	АДХ	160,846	135,872
Лоример	Лоример	Лоример	161,000	—
Максудов	Бирабен	Новосельский	161,200	141,400

Источники: [*Новосельский, Паевский*, 1934а, с. 7–37; *Лоример*, с. 134, 235; *НХ*, 1932, с. 402; *АДХ*, 1993, с. 123–124; *Максудов*, 1989а, с. 151].

ность населения равнялась 154,3 млн, 1929 г. — 157,4 млн, 1930 г. — 160,6 млн, а в 1931 г. — 163,7 млн человек. Прирост населения в год составлял, таким образом, немногим больше 3 млн. Административный учет (162,143 млн на 1 августа 1931 г.) хорошо коррелирует с этими демографическими данными. Слишком хорошо. Даже по прогнозу Новосельского и Паевского убыль поколений старше четырех лет (учтенных переписью 1926 г.) оказалась больше, чем по данным учета (табл. 2.9). Очевидно, в этих сведениях не учитывался рост смертности от репрессий при раскулачивании, от потерь при депортации сельских жителей на север и от ухудшения условий жизни. Напротив, в расчете АДХ отклонение от нормальной смертности доколхозного времени слишком велико. Да и трудно поверить, что ЦСУ, обычно неплохо оценивавшее численность населения, вдруг преувеличило его на 6 млн. Убыль за

200,2 млн человек. Были сделаны оценки численности и по отдельным республикам, и по большим городам [*НХ*, 1956, с. 17]. После переписи 1959 г. эту цифру можно было проверить. По оценке АДХ, сделанной обратным расчетом, численность на эту дату составила 199 339 тыс., расхождение всего 861 тыс. (меньше 1%), меньше точности переписи! Эта оценка, так же как и предварительные подсчеты ЦСУ, предшествовавшие переписи 1926 г., свидетельствует о больших возможностях административного учета населения СССР. Заметим также, что публикуемые между переписями оценки численности населения в 1970, 1979, 1989 гг. расходились с результатами переписей всего на несколько сотен тысяч человек. При этом в азиатской части страны неполнота учета долго оставалась актуальной проблемой. Можно предположить, что и в 1931 г. оценка была достаточно достоверной.

четыре с небольшим года 6 млн человек явно преувеличена. Результаты Лоримера не противоречат оценкам административного учета.

Где-то в начале 1930-х годов советские руководители потеряли реальное представление о демографической ситуации в стране, а ученые не имели возможности напомнить им об этом. В результате виновными оказались ученые. По советской статистике был нанесен страшный удар. Было упразднено ЦСУ, и изучение параметров народного хозяйства (в том числе и статистики народонаселения) перешло в ведение Госплана, организации, необычайно заинтересованной в том, чтобы ее прогнозы и планы совпадали с реальностью.

В Госплане вместо ЦСУ было создано Центральное управление народно-хозяйственного учета (ЦУНХУ). Статистика окончательно потеряла свою независимость и стала частью государственного аппарата. Большая группа ученых и работников статистики была арестована, а на их место пришли партийные кадры и работники ОГПУ. Исчезли журналы «Вестник статистики» и «Статистическое обозрение». Даже уникальные результаты переписи 1926 г. остались практически неизученными. Публикация томов переписи по инерции продолжалась, но в последней книге авторы даже предприняли попытку отмежеваться от полученных результатов. Исчезают из печати данные о рождаемости и смертности, а после 1932 г. — и о численности населения. Последняя опубликованная цифра на начало 1933 г. — 165,7 млн человек, — как заевшая пластинка, повторялась из года в год в последующих публикациях в течение шести лет. Само отсутствие данных в печати служит косвенным подтверждением относительной надежности учета. Очевидно, демографические сведения (численность, рождаемость и смертность) были неблагополучны, и это осознавали не только рядовые работники, но и руководители статистического учета.

Катастрофическая ситуация стала очевидной в 1933 г., когда текущий учет показал снижение численности населения в стране. Этот факт требовал срочного объяснения. В архивах сохранилось несколько записок сотрудников ЦУНХУ, свидетельствующих о том, что, столкнувшись в 1932–1933 гг. со снижением численности населения, они пытались объяснить руководителям страны, что произошло, не имея при этом возможности сказать правду о демографической и экономической катастрофе, ставшей результатом действий кремлевских вождей. Так, в письме, озаглавленном «Материалы к итогам естественного движения населения за 1933 г.», датированном 31 марта 1934 г., завсектором статистики

населения С. И. Каплун рассказал о полноте охвата населения статистическим учетом и его результатах в 1933 г.[1]:

«Для характеристики имеющегося материала следует учесть недохват по трем линиям:

А) По местам с плохой записью актов гражданского состояния или отсутствием таковой. Сюда относятся: Казахстан, Киргизия, Кара-Калпакия, Дагестан, Ингушетия и сельские местности Чеченской области (Сев. Кавказского края), Якутия, сельские местности Бур. Монгольской республики, Сахалин, Камчатка и район Нижне-Амурского округа (ДВК). Территория указанных административных единиц охватывает, по данным на 1/I–33 г., около 3 млн городского населения и 17 млн сельского населения. Итого 20 млн;

Б) Неполный охват месячной конъюнктурой всех административных единиц в областях и краях, представляющих отчетность. Конъюнктурой охвачено на Украине 76%, а по РСФСР около 66% населения (данные по РСФСР получены по учету загсомесяцев, что дает, по-видимому, преуменьшение на 2–3 пункта). В среднем по СССР конъюнктура охватывает примерно 70% населения территории, по которым поступала месячная отчетность;

В) Отсутствие в конъюнктуре 1933 г. Западной Сибири и полностью ДВК и Сев. Кавказа. Недохват по этой линии равен 4,6 млн человек по городам и 14,6 млн по сельским местностям. Итого 19,2 млн человек.

Если учесть все эти элементы, то окажется, что конъюнктура 1933 г. охватывает примерно 70% населения местностей, попавших в учет, или 53% всего населения СССР. Годовая разработка, в которую попадет вся территория за исключением местностей с не налаженным или отсутствующим учетом движения населения, по которым в этом году можно ожидать до 95% охвата, будет готова по Украине 1-го мая, а по РСФСР, согласно намеченному сроку, 1 августа. (Я полагаю, что нужно предложить УНХУ РСФСР сократить этот срок на один-полтора.) Отмечаю, кстати, что в прошлом году по плану был установлен срок первое ноября» (РГАЭ, ф. 1562, оп. 329, ед. хр. 107, л. 169–179).

Мы видим, что статистики хорошо знали ограниченность текущей информации, поступающей в их распоряжение, но они умели преодолевать эту неполноту данных. Достаточно надежные

---

[1] Записка машинописная, подписана от руки. Под подписью карандашом надпись, вероятно архивиста: «По-видимому, С. Каплун».

сведения (с недоучетом 5–10%) они получали лишь в конце следующего года. Зная размер неполноты данных, они, естественно, вносили соответствующие коррективы. Например, по сведениям Каплуна, рождаемость и смертность на Украине в 1933 г. были равны 358,9 тыс. и 1309 тыс. человек. В более поздних материалах оценка рождаемости возросла до 470,7 тыс., на 31,1%, а смертности — до 1850,3 тыс. человек, на 41% (РГАЭ, ф. 1562, оп. 329, ед. хр. 132, л. 22; также ед. хр. 256).

Немного позже, 14 июня 1934 г., исполняющий обязанности начальника УНХУ РСФСР Н. Соловьев и начальник сектора учета населения и здравоохранения И. Гуревич направляют заместителю начальника ЦУНХУ Госплана И. А. Кровалю письмо, посвященное той же проблеме — снижению численности населения в 1933 г. Они сообщают, что при расчете по стандартной методике для РСФСР в отличие от предшествующих лет получено «уменьшение численности населения за 1933 г. (хотя и незначительное, на 0,2%) против 1932 г.». Авторы признают, что «при исчислении населения ошибки по условиям работы в настоящее время неизбежны, вследствие чего возможны большие искажения действительности». Они указывают несколько существенных причин этого явления.

Во-первых, «единственная надежная база — перепись 1926 г. за прошедшие семь с половиной лет оказывается уже мало пригодной для расчетов».

Во-вторых, «чрезвычайная текучесть населения, которое определяется термином: население на колесах». Перемещение из села в город, с одного предприятия на другое, из одной области (республики) в другую приводит к тому, что «немалая часть населения ускользает от расчетов».

В-третьих, «малодоступны для учета, хотя и по другим причинам, и некоторые группы населения, как то: переселенцы, военнослужащие, заключенные. Крайне трудная задача по определению общей по РСФСР численности этого ускользающего населения чрезвычайно осложняется необходимостью распределять его (в учетном смысле) по отдельным областям (краям)».

В-четвертых, «организации, о которых получаются материалы для исчислений, в своей учетной работе не связаны между собой ничем, ни организационно, ни методологически. Согласованной в отдельных своих частях системы учета населения нет».

В-пятых, «органы ЗАГС, которые служат единственным источником по естественному движению населения, по регистрации

актов рождений и смертей, выполняют работу неудовлетворительно, особенно за последние (1931–1933) годы, когда почти повсеместно наблюдались перерывы в их работе вследствие перебоев в снабжении ЗАГС актовыми книгами. Произведенными обследованиями установлен факт недоучета рождений и смертей, обнаружены также случаи двойных записей одних и тех же актов».

При использовании в качестве источника сельхозналога выпадают крестьяне, отсутствующие более трех месяцев, и живущие в селе, но не занятые в сельском хозяйстве. Не учитываются работающие в совхозах и жители местностей, где сельхозналог не взимается.

Отмечается трудность учета жителей городов, неполнота охвата их пропиской и перепропиской. В результате, по мнению автора, оценки ЦУНХУ «как в центре, так и на местах, должны быть признаны в значительной мере гадательными, экспертными». При этом отмечается громадный разрыв в некоторых регионах между исчислениями центра и местными расчетами. Разрыв по селу составляет в Казахстане 1870 тыс., а по Северному Кавказу — около одного миллиона (РГАЭ, ф. 1562, оп. 329, ед. хр. 135, л. 26).

Для изучения возможных погрешностей в системе учета рядом областных и республиканских УНХУ были проведены специальные обследования сельсоветов. В сводном отчете заведующего сектором статистики народонаселения и здравоохранения М. В. Курмана подведены итоги этой работы. Обследование выяснило, что учет движения населения ведется повсюду крайне неудовлетворительно. Записи неполны, неправильно оформляются, отсутствуют многие важные элементы, такие как подписи официальных лиц, свидетелей и родственников. Книги записей зачастую неполны, часто не составляются копии для отправки из сельсовета в район.

«Таким образом, обследованием выявлен сравнительно незначительный переучет смертей и очень большой их недоучет... Обнаружены также случаи переучета рождений, когда в книгу рождений записывали лиц, родившихся много лет тому назад в связи с необходимостью получения ими паспортов» (РГАЭ, ф. 1562, оп. 329, ед. хр. 132, л. 75–86).

Упоминавшийся выше С. Каплун, ездивший в командировку на Украину, представил записку об уровне смертности и рождаемости 1933 г. Он описал характер смертности по территории и по времени на Украине в городе и в селе и пришел к выводу, что «динамика естественного движения населения, в особенности смертности, дает поразительно закономерную картину, как по месяцам,

так и по географии и типам населенных мест, целиком корреспондирующую с известными нам данными о явлениях, происходивших в конце 1932 и 1933 гг. на Украине, что, безусловно, говорит за правильное вскрытие этими цифрами основных закономерностей и возможность наличия ошибок в них лишь в весьма незначительных пределах. Особо обращает на себя внимание крутое и резкое снижение смертности сразу после получения нового урожая» (РГАЭ, ф. 1562, оп. 329, ед. хр. 107, л. 169–179).

Правительственная Комиссия советского контроля, возглавлявшаяся Вознесенским, рассмотрев материалы проверки, суммировала сведения о неудовлетворительном учете населения. Основной вывод комиссии, очевидно, соответствует утверждению высших властей, что в снижении численности населения в стране в 1933 г. виноваты статистики, плохо организовавшие систему учета, в том числе и авторы рассмотренных выше записок Курман и Каплун. Это утверждение настолько противоречило фактам и здравому смыслу, что ученые попытались с ним бороться.

В архиве сохранился текст пояснения к докладной записке начальника ЦУНХУ Вознесенского «О статистике народонаселения» с грифом «совершенно секретно», адресованный председателю Комиссии партийного контроля т. Кагановичу и председателю Комиссии советского контроля т. Куйбышеву. Это пояснение не подписано. Прежде всего анонимный автор отмечает, что сведения 1933 г. собирались по всей стране по той же методике, что и в предшествующие годы, «и поэтому нет никаких оснований предполагать, что это недопустимо безобразное положение дела регистрации смертей и рождений отразилось на цифрах в сторону преуменьшения прироста; скорее можно даже предполагать обратное». Автор также отмечает, что в 117 проверенных сельсоветах зарегистрировано 13,7 тыс. смертей и выявлено лишь несколько случаев неучтенных рождений. Почти все они связаны с техническими ошибками, и лишь один факт может быть рассмотрен как злоупотребление.

«С другой стороны, всеми товарищами, принимавшими участие в обследовании, в том числе представителями Комиссии Советского контроля т. Вознесенским и Левиным, были выявлены многочисленные факты большого недоучета смертей. Так, в Прочно-Окопском сельсовете Азово-Черноморского края в поименном списке умерших значится 984 человека, из коих только 555 зарегистрированы в книгах ЗАГС. По справке Киевской медицинской инспектуры число умерших, подобранных трупным покоем

города Киева, составляет 9472 человек, из которых зарегистрировано 3991 человек. Число неучтенных умерших по Песчанскому с/совету Киевской области достигает нескольких сот человек... Факты чрезвычайно большого недоучета смертей отмечены и в ряде других районов Украины, С. Кавказа, Нижней Волги, ЦЧО. Обследованием установлено, что в отдельных районах Украины и С. Кавказа работникам с/советов давались прямые указания районными властями временно не регистрировать случаи смертей.

Между прочим, факты, приведенные т. Вознесенским, говорят в неизмеримо большей степени о недоучете смертей, чем об их переучете. В частности, временное прекращение регистрации в книгах ЗАГС по отдельным с/советам, на что ссылается т. Вознесенский как на источник якобы возможного переучета, — на самом деле являлось источником большого недоучета смертей. Прекращение регистрации в книгах ЗАГС вызывалось тем, что этих книг не хватало при массовых смертях. Комиссии, создаваемые сельсоветами, имели своей целью убрать трупы и похоронить. Задача же учета смертных случаев, естественно, являлась для них второстепенной. По единодушному отзыву всех руководящих работников с/советов, во всех подобных случаях налицо имеется значительный недоучет смертей за этот период. Так, по той же Прочно-Окопской станице, на материалы которой опирается т. Вознесенский, действительное число смертей значительно превышает цифру поименного списка (984), о чем с/советом представлена соответствующая справка представителю Комиссии советского контроля т. Левину. В случае, упоминаемом т. Вознесенским, когда колхозника Прочно-Окопской станицы Бацая записали умершим, в действительности имел место факт не переучета смертей, а их большого недоучета. В самом деле, умершая жена Бацая и его трое детей зарегистрированы не были. Это объясняется, по-видимому, тем, что сообщение о смерти жены и детей Бацая было передано в с/совет через представителей специально выделенной комиссии, а работники с/совета ошибочно записали умершим главу семьи вместо членов его семьи, что облегчалось еще характером фамилии Бацай, звучавшей одинаково для мужчин и женщин.

Наконец, т. Вознесенский ни словом не обмолвился об обнаруженном представителем Комиссии Советского контроля т. Левиным факте переучета рождений, что так же, как и недоучет смертей, преувеличивает прирост населения. В ряде с/советов (С. Кавказ, Ленинградская область) в связи с необходимостью получения паспорта для многих граждан, не имевших метрических выписей,

восстанавливались записи в текущей книге регистрации рождений, а вторые экземпляры отсылались в район. Как показало обследование по Прочно-Окопскому стансовету — из 60 попавших в сводку за 1933 г. случаев рождений в 33-х имело место присчитывание давно родившихся.

Общий вывод из изложенного выше может быть только один: при весьма ничтожном переучете смертей налицо их большой недоучет. При отсутствии документального характера ряда актов, при отсутствии точной цифры рождений и смертей все же можно с уверенностью сделать вывод о том, что неточности статистики населения в 1933 г. в первую очередь идут по линии недоучета смертей».

Автор записки подробно останавливается на неправильном объяснении Вознесенским данных по национальным районам, неверной трактовке методов составления временных отчетов УНХУ. Защищает от несправедливых нападок работников ЦУНХУ Курмана и Каплуна (РГАЭ, ф. 1562, оп. 329, ед. хр. 107, л. 156–165).

Неясно, была ли отправлена эта записка адресатам. Известно только одно: еще несколько лет власти считали, что за нехватку населения несут ответственность статистики. Были приняты серьезные меры для повышения точности учета. ЗАГСы были переданы в ведение ОГПУ (НКВД), с ответственных исполнителей требовали своевременного предоставления данных, сеть учета была распространена на всю территорию страны. Однако факт, что катастрофа потери миллионов жизней уже произошла, не был осознан властями. Представлялось, что теперь все обстоит хорошо и должно выглядеть хорошо. Случилось же обратное. Рождаемость резко сократилась, смертность возросла, прирост населения снизился почти до нуля, а в 1933-м вместо ожидавшегося прироста в 2,3 млн произошла трехмиллионная убыль. При этом в основу второго пятилетнего плана была положена цифра численности населения в 165,7 млн человек, достигнутая якобы в конце 1932 г. Предполагалось, что к концу пятилетки (1937 г.) население увеличится до 180,7 млн человек. В отчетном докладе на XVII съезде партии в январе 1934 г. говорилось о «росте населения Советского Союза со 160,5 млн человек в 1930 г. до 168 млн в конце 1933 г.». Это утверждалось в тот момент, когда численность стремительно сокращалась со 160 млн до 157 млн (табл. 2.4). Также странно читать статью серьезных исследователей С. А. Новосельского и В. В. Паевского [1934а, с. 7–37], рассматривавшую возможное изменение численности населения так, как будто ничего особенного с последним не происходило. Авторы прогнозировали

рост численности населения страны до 167,7 млн в конце 1932 г. и 191,1 млн в конце 1938 г. Расхождение с реальностью составило, таким образом, 8–10 млн в первом случае и 20 млн во втором.

Аналогичную работу проделали известные украинские демографы В. М. Птуха и А. П. Хоменко. Их прогнозы численности населения Украины в 1935 и 1939 гг. разошлись с реальностью на 5–8 млн человек [*Корчак-Чепурковский*, 1970, с. 303–315]. Ученые, конечно, знали о том, что произошли огромные потери, но, поскольку изучать и обсуждать их было запрещено, они как бы не существовали.

Эта инерция мышления завершилась трагическим исходом переписи в январе 1937 г. Перепись не удалась. Она явно не справилась со своей задачей: не представила правительству ожидавшихся результатов. Виноватыми опять оказались статистики, сообщившие неприятные известия: «К руководству ЦУНХУ и к непосредственному руководству Бюро переписи населения пробрались гнусные троцкистско-бухаринские агенты фашизма... Враги народа сделали все для того, чтобы извратить действительную цифру населения. Они давали счетчикам вредительские указания, в результате которых многочисленные группы граждан оказались не внесены в переписные листы» [*Воблый, Пустоход*]. «Славная советская разведка во главе со сталинским наркомом Н. И. Ежовым разгромила змеиное гнездо предателей в аппарате советской статистики» (Плановое хозяйство. 1938. № 4).

Аннулирование переписи через восемь месяцев после ее проведения (постановление СНК в сентябре 1937 г.) говорит о многом. Уже были подведены предварительные итоги, их доложили, они не понравились. Как сказал Оскар Уайльд, Калибан испугался, увидев себя в зеркале, рассердился и зеркало разбил... Для замены одних сфабрикованных данных другими не требовалось вновь проводить такое грандиозное, дорогостоящее мероприятие, как перепись населения. Подтасованные сведения ничто не мешало опубликовать.

Успешные попытки как-то согласовать между собой имеющиеся статистические сведения о численности населения были предприняты лишь в 1944 г. Под руководством П. И. Попова был составлен баланс населения СССР за 1926–1939 гг. Число родившихся за этот период, по данным ЗАГСов, оценивалось в 61 104 тыс., а число умерших — в 35 204 тыс. Таким образом, прирост оказался 25 900 тыс., на 2371 тыс. больше, чем демонстрировала разница между переписями 1926 и 1939 гг. В соответствии с этим результатом смертность в каждом году была увеличена на 6,7%.

Рождаемость же не менялась, поскольку число детей до года, учтенных переписью 17 января 1939 г., — 5756 тыс. — оказалось очень близко с расчетом по данным ЗАГСов на эту дату — 5673 тыс. Эти сведения сообщаются в объяснительной записке сотрудников отдела статистики населения С. А. Бекуновой и Е. В. Родиной, сделавшими новый расчет в 1964 г. [*Архив ЦСУ*].

В этом новом расчете на территории, где в 1927–1935 гг. информация не собиралась, распространяются сведения о рождаемости и смертности с территорий с налаженной регистрацией. В результате число родившихся в 1927–1938 гг. принимается равным 70 122 тыс., а умерших — 40 309 тыс. Естественный прирост, соответственно, составляет 29 814 тыс., на 6284 тыс. больше (15,6% от числа всех умерших), чем дает разница между численностями населения по переписям 1926 и 1939 гг. Эта поправка была распределена по годам в процентах к уровню смертности следующим образом: 1927 — 10%, 1928–1931 — 19,7%, 1932 — 21,3%, 1933 — 19,7%, 1934–1935 — 21,3%, 1936–37 — 5%, 1938 — без поправок. Результаты расчета численности населения показаны в табл. 2.10.

Более радикальный вариант расчета был предпринят в 1990 г. Андреевым, Дарским и Харьковой (табл. 2.10, 2.11). Они построили согласованную модель изменения численности населения в предположении, что данные ЦСУ о смертности и рождаемости в течение почти всего рассматриваемого периода были сильно занижены. Их коэффициенты рождаемости в 1927–1933 гг. выше сведений ЦСУ на 24–42%, а коэффициенты смертности — на 60–94%. В 1934–1936 гг. увеличение меньше (рождаемость на 16%, смертность на 24%). На обсуждении этих результатов мы остановимся в дальнейшем.

Здесь же отметим лишь, что регионы, которые обычно опускались ЦСУ из-за недостатка сведений (Средняя Азия, Кавказ), находились в 1927–1939 гг. в более благополучном положении, чем вся страна. Прирост узбеков, киргизов, азербайджанцев, грузин, армян, таджиков, народов Дагестана, осетин и др. был заметно выше, чем в среднем по стране (исключение составляли казахи и туркмены). Можно определенно заключить, что прирост населения на территориях с плохим учетом был больше, чем в других областях и республиках и чем предполагалось ЦСУ. Напротив, численность народов европейской части страны, для которых статистика более надежна, выросла меньше. Гипотезы относительно уровня рождаемости и смертности в малоизученных и сравнительно благополучных районах не следует привлекать для изучения

территорий с более надежной статистикой и сильно пострадавших в рассматриваемый период.

Я принимаю оценки рождаемости, рассчитанные ЦСУ в 1964 г., и уровень смертности с коррекциями в соответствии с историческими сведениями о процессе коллективизации и репрессиях. Эти данные представлены в табл. 2.10, 2.11.

С 1935 г. начинается подъем, который в 1937 г. в результате запрета абортов и хорошего урожая этого года быстро растет и сменяется устойчивым высоким уровнем. Смертность начиная с 1929 г. заметно растет и чуть ли не удваивается в 1933 г. По сравнению со статистикой ЦСУ наши цифры убыли населения в 1932–1933 гг. заметно больше. Причины этого расхождения подробнее рассматриваются в прил. 7.

Таблица 2.10. **Численность населения СССР в 1927–1938 гг. по разным оценкам, млн человек на начало года**

Год	ЦУНХУ	ЦСУ 1964	Лоример	АДХ	Максудов
1927	147,0	147,0	147,0	148,7	150,0
1928	150,0	150,2	150,0	151,6	153,0
1929	153,2	153,4	153,0	154,7	156,3
1930	156,0	156,0	155,5	157,4	158.9
1931	158,4	158,4	157,8	159,8	161.2
1932	160,4	160,4	159,9	161,9	162.6
1933	162,0	161,8	161,8	162,9	163.5
1934	160,5	159,3	158,1	156,8	158,0
1935	161,3	159,8	159,5	158,2	158,8
1936	163,5	161,6	161,1	160,1	160,6
1937	165,9	163,8	163,4	162,5	162,6
1938	167,1	167,1	166,7	165,5	165,5
1939	170,3	170,6	170,3	168,5	168,6

Примечание. Данные округлены. Данные по 1927, 1937, ЦСУ приведены по [*АДХ*, 1993]; ЦУНХУ — по [*Жиромская*, 2001а, с. 37; *Лоример*, с. 134; *АДХ*, 1993, с. 118]; «Максудов» — рассчитано по сведениям рождаемости и смертности (табл. 2.11).

Важной особенностью этапа, начавшегося в 1930 г., было движение населения на восток и север. Это было организованное переселение. На огромные строительные объекты, такие как Беломорско-Балтийский канал, в тайгу на лесоразработки, на золотые прииски, на строительство железных дорог, городов и шахт двинулись эшелоны вытесненных из деревни крестьян. Некоторые из

них переселились добровольно, но большинство везли, не спрашивая согласия.

Основное направление указал В. М. Молотов: «Вы знаете, что хозяйственные вопросы Дальнего Востока выдвинулись у нас далеко вперед. В связи с этим большое значение приобрели задачи организации переселения на Дальний Восток».

Из табл. 2.11 видно, что прирост численности населения сменяется в 1929 г. снижением, которое в 1933–1934 гг. переходит в спад.

Таблица 2.11. **Прирост населения СССР в 1927–1938 гг., тыс. человек**

Годы	ЦСУ 1964	Лоример	АДХ	Максудов
1927	3 073	3 000	2 965	3 100
1928	3 186	3 000	3 066	3 202
1929	2 603	2 500	2 745	2 600
1930	2 346	2 300	2 410	2 300
1931	2 045	2 100	2 009	1 500
1932	1 394	1 900	1 051	800
1933	−2 450	−3 700	−5 905	−5 100
1934	447	1 400	1 369	475
1935	1 770	1 600	1 967	1 800
1936	2 206	2 300	2 366	1 900
1937	3 279	3 300	2 992	3 000
1938	3 362	3 600	3 033	2 900
1927–1931	13 253	12 900	13 195	12 700
1932–1934	−609	−400	−3 485	−3 825
1935–1938	10 617	10 800	10 358	9 600

Примечание. Данные округлены. «Максудов» — расчет по переписям 1927, 1937, 1939 гг.; [*АДХ*, 1993, с. 40, 118; *Лоример*, с. 134].

С 1926 по 1939 г. население Восточной Сибири увеличивается в полтора раза, а Дальнего Востока — почти удваивается. И это несмотря на встречную переброску почти 200 тыс. жителей Дальнего Востока, корейцев в Казахстан и Среднюю Азию и высылку десятков тысяч китайцев на родину. Быстрее всех в стране росло население Магаданской области — в 8,4 раза с 1926 по 1939 г. Большинство прибывших «предпочли» поселиться в сельской местности [*Население*, 1975, с. 14–19]. У этих людей была удивительно низкая рождаемость (10,9 промилле) и еще более низкая смертность (8 промилле) [*НХ*, 1966, с. 20–23]. С одной стороны, заключенные

лагерей были сравнительно нестарыми мужчинами, и их смертность в нормальных условиях должна быть ниже средней по стране. С другой стороны, возможен обычный для лагерей недоучет смертности, а скорее всего, невключение сведений лагерей в статистику ЗАГСов. Всего, по оценкам советских ученых, на восток проследовало около 4,7 млн человек, из них 1,7 млн обосновались в Казахстане и Средней Азии, 590 тыс. — в Закавказье и более 2 млн — в Сибири и на Дальнем Востоке [*Максудов*, 1996, с. 763–796].

Сокращение сельского населения, закрытие городов с помощью прописки, движение на восток — все это оказывает заметное влияние не только на численность населения в отдельных регионах, но и на статистику занятых на производстве по всей стране. В статистике занятых обращает на себя внимание систематическое расхождение данных между справочниками тех лет и публикациями 1970–80-х годов [*Труд в СССР,* 1936; 1968]. Расхождение это отмечено с 1930 г. и для 1930–1935 гг. составляет более миллиона человек. Почему же ученые после войны оценивали число занятых заметно выше, чем это делали современники событий. Количество работающих обычно довольно точная величина, многократно фиксируемая финансовыми органами и статистикой предприятий и министерств. Почему, пересматривая эти данные, исследователи внесли в них значительные коррективы? Совершенно очевидно, что они добавили к имеющимся сведениям вполне определенную группу трудящихся, которую по каким-то причинам не учитывали в публикациях соответствующих лет. Эта группа в 1930 г. увеличилась с 250 тыс. до 900 тыс. человек, затем оставалась постоянной до 1935 г. (1–1,3 млн человек), но с 1936 г. вновь быстро растет, достигая в 1939 г. 3 млн, или почти 10% рабочей силы. Сегодня совсем не трудно понять, что это были за люди и почему современные им статистики обходили их существование молчанием. Речь идет о заключенных лагерей.

Дыхание ГУЛАГа заметно и в статистике городского населения. В 1936–1938 гг. сокращается или почти не увеличивается численность многих больших городов, таких как Свердловск, Нижний Тагил, Омск, Томск, Барнаул, Златоуст, Новороссийск, Сталинск, Челябинск, Кемерово, Красноярск, Магнитогорск и др. [*Максудов*, 1977, с. 233–265]. Вероятно, в некоторых случаях колебания численности вызваны погрешностями учета, но, возможно, некоторое влияние на статистику отдельных городов оказал и способ учета репрессированных. Очевидно, что ухудшение соотношения между численностью мужчин и женщин в городах,

зафиксированное переписями 1937 и 1939 гг., может быть объяснено тем же обстоятельством. Ведь известно, что среди приезжих в города, по крайней мере на первом этапе, преобладали мужчины рабочих возрастов, и вдруг доля женщин в 1937 г. оказалась заметно выше, чем в 1926-м (табл. 2.4). Это явление фиксируется как для всего городского населения, так и среди жителей отдельных больших городов, о которых имеются соответствующие статистические сведения. Определенную роль в этом изменении сыграли, по-видимому, аресты 1936–1938 гг., которые проредили городское мужское население. Также некоторое влияние оказала более высокая мужская смертность в годы коллективизации. Изменилась и возрастная структура городского населения: в 1939 г. вырос процент детей и заметно сократилась численность рабочих возрастов — 20–59 лет (табл. 2.6).

Конец 1930-х годов отмечен высоким ростом численности населения, вызванным некоторой стабилизацией условий существования сельских жителей и, конечно, запрещением абортов. В 1937 и 1938 гг. рост, как и за 10 лет перед этим, превышает 3 млн человек. Однако увеличение численности не затрагивает деревенских жителей и полностью «сосредотачивается» в городах. Статистика ЦСУ не отмечает в этот период роста смертности. По нашему мнению, он был довольно заметным, но не попадал в обычный учет.

Перепись 1939 г. подвела итоги перераспределению населения между городом и деревней. Выяснилось, что город за 12 лет почти удвоил свою численность, получив 18,7 млн человек из деревни, 5,8 млн — за счет преобразования деревень в поселки и 5,3 млн — естественный прирост [*Писарев*, с. 97]. Сельское население сократилось повсеместно. Но если в азиатской части страны относительное сокращение сопровождалось абсолютным ростом, то в европейской части и в Казахстане сельское население уменьшилось в абсолютных размерах. Упало и число горожан, занятых сельским хозяйством. Города стали крупнее, уменьшилось число поселков с населением до 10 тыс. человек, сократилось число жителей в них. Четвертая часть горожан в 1939 г. находилась в больших городах (свыше 400 тыс. человек), а число последних возросло до 15. Появился 51 новый город с населением свыше 100 тыс., так что почти половина горожан сталкивалась с действительными городскими проблемами [*Перепись 1959*, с. 35].

Итак, период 1927–1938 гг. по характеру изменения численности населения не был однородным.

На первом этапе, в 1927–1929 гг., происходил быстрый общий рост числа жителей и в городе, и в деревне. Миграция из деревни в город была небольшой.

На втором этапе, в 1930–1931 гг., общий рост населения снижается, а численность городского населения стремительно возрастает. Одновременно происходит миграция крестьянского населения по стране: принудительный и добровольный переезд на север.

Третий этап, 1932–1934 гг., принес общую убыль населения, приостановку миграции в города, сокращение численности рабочих. Сельское население уменьшило свою численность почти повсеместно, кроме Закавказья и некоторых республик Средней Азии. В ряде регионов падает численность как сельского, так и всего населения.

На четвертом этапе, в 1935–1938 гг., восстанавливается рост численности населения и в целом по стране, и в городах. Растет численность рабочих и служащих, доля мужчин среди них сокращается.

Общая численность населения выросла с 1926 по 1939 г. на 16,5%. Этот рост по территории страны и у отдельных народов не был одинаковым. Снизилась численность казахов, украинцев, поляков, бурят, уйгуров, карелов, калмыков, ногайцев, абхазов, нескольких народов Севера. Русские «выросли», причем их численность возрастала не только в результате естественного прироста, но и в силу ассимиляции украинцев, народов Поволжья и ряда других национальностей. Выше среднего «выросли» также некочевые народы Средней Азии, Закавказья и Северного Кавказа.

Сведения о численности населения в стране в середине 1930-х годов практически не публиковались в годы советской власти, что косвенно свидетельствует о происшедшей катастрофе. Из материалов переписи 1937 г. видно, что сократилась численность жителей села, а в 1933 г. отмечается даже общая убыль населения (табл. 2.10, 2.11).

Так, в 1926 и 1937 гг. численность населения составляла (в тыс. человек): на Украине — 28 926 и 28 000, на Северном Кавказе — 1705 и 1561, в Саратовской области — 2451 и 1854, Куйбышевской области — 4281 и 3893, Воронежской области — 6216 и 6040, Курской области — 4865 и 4133, Казахстане — 6079 и 4820 [*Перепись 1937*, 2007, с. 26–28]. Сильно пострадали казахи, украинцы, туркмены и некоторые небольшие кочевые народы (см. следующую главу «Переписи населения»). Сравнительно благополучно миновали страшную катастрофу жители большей части Средней Азии и Закавказья [*Козлов*, с. 285–287].

Точность учета населения в начале 1930-х годов заметно снизилась, и советские руководители отчасти утратили реальное представление о демографической ситуации в стране, а ученые не имели возможности напомнить им об этом. Это привело к катастрофе переписи 1937 г. и повторной переписи 1939 г. В 1964 г. ЦСУ согласовало результаты переписей со сведениями о движении населения. Надежность этих данных и оценки численности и прироста населения, сделанные разными авторами, рассмотрены в прил. 7.

Глава 15. ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ

Переписи населения СССР проводились с помощью персонального учета каждого жителя страны. На человека заполнялся специальный бланк, в котором счетчик с его слов фиксировал ответы на конкретные вопросы: фамилия, имя, отчество, пол, возраст и т. д. Ответы должны были даваться самим опрашиваемым, а для малолетних детей — их родителями. В этих переписях фиксировалось обычно наличное население, что в соответствии с содержательным значением этого слова обозначало лиц, которые на критический момент переписи находились в данном помещении, включая всех временно проживающих (находящихся в данном месте менее шести месяцев) и всех живущих в нем постоянно, в том числе и находившихся вне помещения на территории того же городского или сельского совета или на работе, хотя бы за пределами данного совета, или выбывших в такие места, где они не могут быть переписаны.

В некоторых переписях учитывалось также постоянное население, в которое включались люди, живущие в данном месте более шести месяцев и временно отсутствующие (находящиеся вне дома меньше шести месяцев и собирающиеся в него вернуться). В состав постоянного населения входили военнослужащие по месту нахождения части, учащиеся (не менее года) по месту нахождения учебного заведения, все, кто не мог указать место постоянного жительства (по месту переписи). Если военнослужащие и учащиеся оказались в момент переписи дома (в отпуске или на каникулах), они там переписывались как временно проживающие. Все выбывшие на постоянное жительство в другое место, а также выбывшие из данного помещения более чем за шесть месяцев до дня переписи, по прежнему месту своего жительства вовсе не переписывались, а включались в наличное и постоянное население по новому месту жительства. Таким образом, при точном проведении переписи количество временно проживающих и количество временно отсутствующих, а также постоянное и наличное население по всей стране должны совпадать. Их расхождение указывает определенным образом на погрешность переписи.

Для историков, занятых изучением потерь населения, переписи являются бесценным источником. Их сведения нужны не только в виде суммарных цифр, но и прежде всего в разбивке по возрасту, полу, национальному составу населения и территориям.

Переписи — это наиболее точные и важные сведения о населении в демографическом, социальном и экономическом отношении. Однако лишь про первую российскую перепись 1897 г. можно сказать, что она полностью выполнила свою задачу и оправдала ожидания.

Перепись 1920 г. проходила в трудное для страны время, и поэтому ее результаты оказались не слишком достоверны. Перепись 1923 г. учла только городское население.

Перепись 1926 г. была хорошо подготовлена и проведена. Она стала картиной жизни населения в мирное время перед началом страшной катастрофы, получившей название коллективизации, но все прогнозные расчеты, основанные на этой переписи, не оправдались. К сожалению, огромные фактические сведения переписи так и не были в полной мере проанализированы и использованы, так как одновременно с завершением публикаций началось гонение на статистику, а положение в стране изменилось так сильно, что результаты переписи казались свидетельствами о жизни далеких столетий. Хотя перепись 1926 г. является, вероятно, лучшей в русской и советской истории, но стремление к максимально точному учету численности населения не было ее главной задачей. По точности она значительно уступает последующим переписям.

Перепись 1937 г. подвела итоги процессу коллективизации и стала картиной жизни населения в начале террора, косившего сначала бывших кулаков, а затем всех, кто хоть сколько-нибудь выделялся из покорной серой массы. Эта перепись сама оказалась жертвой репрессий. Она была объявлена вредительской, подверглась политическим обвинениям и почти полному уничтожению. Первая публикация уцелевших материалов состоялась лишь в 1990 г.

Немногим более счастливой оказалась перепись 1939 г. Разработка результатов проводилась в 1939–1940 гг., но в печать они попали лишь после развала СССР. При этом многие исследователи относятся к этим результатам с недоверием, отмечая, что при проведении переписи и обработке данные были сфальсифицированы, чтобы угодить властям, заинтересованным в бóльших цифрах. Искажения и малообоснованные поправки действительно имели место, но серьезных доказательств фальсификации первичных материалов нет. Напротив, сохранилось немало документов, показывающих, что участники переписи ответственно относились к своей работе, не жалели ни сил, ни времени, старательно добиваясь как можно более высокой точности результатов. Пред-

ставляется, что перепись 1939 г. является абсолютно уникальной, причем не только в советской, но и в мировой практике. Никто никогда не прикладывал таких огромных усилий, чтобы персонально опросить каждого жителя, подсчитать население с точностью до одного человека[1]. При этом поправки и прямые фальсификации, внесенные в конце обработки как в общую численность, так и по отдельным территориям, легко могут быть устранены, сохранившиеся архивные материалы позволяют это сделать.

Разработке материалов переписи помешала Великая Отечественная война. Вообще, можно констатировать, что ни одна советская перепись первой половины XX века не стала в свое время важным инструментом изучения социального и экономического развития общества.

При оценке потерь населения переписи 1926, 1937 и 1939 гг. рассматриваются вместе, чтобы с помощью коррекций привести их возрастные группы и суммарную численность к одинаковой точности. Только в этом случае результаты расчетов по переписям будут достаточно надежны. При этом заслуживают особенного внимания оценки демографов 1930-х годов и потому, что они были опытными, квалифицированными специалистами, и потому, что в их распоряжении был большой фактической материал, из которого до наших дней дошли немногие, порой случайные документы[2]. Исключение составляют лишь некоторые «объяснительные» записки, адресованные правительству, когда, не имея возможности прямо сказать о потерях населения от голода и репрессий, ученые прибегали к надуманным, фиктивным аргументам.

Несмотря на то что за последние годы появилось много новых важных сведений, проблема оценки точности переписей остается по-прежнему актуальной (прил. 7, 8).

---

[1] Рассматривая эти проблемы более сорока лет назад, я писал, что перепись 1939 г. учла население намного более точно, чем перепись 1926 г. [*Максудов*, 1977].).

[2] Леонид Евсеевич Дарский рассказывал мне, как был уничтожен архив ЦСУ. В 1941 г. при эвакуации из Москвы его закопали в котловане, вырытом во дворе дома Корбюзье. А в конце войны, после возвращения в Москву, откопали и, так сказать, сактировали, то есть уничтожили, резонно опасаясь, что, если какие-либо документы испортились или не будут найдены, за это придется отвечать. Современным исследователям достались в основном материалы, сохранившиеся в других организациях. Впрочем, первичные результаты переписей и опросов продолжали регулярно уничтожаться и в последующие десятилетия. Я буквально на несколько недель опоздал с просьбой дать мне поработать с анкетами опроса плодовитости женщин СССР, проведенного Р. И. Сифман. Их уничтожили, освобождая место в шкафах для новых документов.

Перепись 28 августа 1920 года

Перепись 1920 г., проводившаяся еще до окончания Гражданской войны, была ленинским детищем. Желание провести перепись и узнать, сколько же людей осталось в его, Ленина, стране, довольно естественно. В обращении к населению о Всероссийской переписи М. И. Калинин писал: «Хороший хозяин — это, прежде всего, тот, кто знает свое имущество, знает свои поля и леса, свои фабрики и заводы, знает, сколько и где он имеет». К переписи были выпущены специальные плакаты и призывы. Например, «Статистика — зеркало народной жизни. Не делай его кривым, говори только правду статистике». Но, кроме призывов, Декрет о переписи содержал в духе того времени и прямые угрозы: «Все граждане РСФСР обязаны дать верные сведения по всем вопросам переписи. Уклоняющиеся от дачи сведений или дающие неверные сведения предаются народному суду» [*Павлов*, с. 10]. Несмотря на этот грозный приказ, единственный в истории советских переписей, в 1920 г. не были учтены десятки миллионов людей.

«По существующим оценкам, перепись учла 72% населения. Переписью не были охвачены Дальний Восток, Белоруссия, Крым, Закавказье, Туркестан, Хива, Бухара, несколько губерний Украины, некоторые районы Сибири, Поволжья и Северного Кавказа. В ряде районов перепись проводилась по сокращенной программе» [*Павлов*, с. 9].

Любопытно, как легко автор приведенной цитаты перечисляет через запятую еще не освобожденные от противника районы страны (Крым, Северный Кавказ, Белоруссия) и независимые (признанные советским правительством) Бухару, Хиву, Закавказье (Грузия, Армения, Азербайджан). Логично было бы отметить, что перепись не проводилась в Бессарабии, Прибалтике, Восточной Польше и на других территориях, которые впоследствии Советский Союз сумел присоединить.

Предварительные результаты переписи были вскоре опубликованы, затем они несколько раз корректировались с помощью административного учета. В частности, на Украине для каждой губернии был издан свой том переписи. В этом издании отмечалось, сколько человек прошли перепись, а сколько внесено по оценке. Сами результаты переписи не представляют особого интереса. Особенно хорошо это видно по окончательной публикации ЦСУ, вышедшей только в 1928 г. и содержавшей всего четыре таблицы: население по однолетним возрастным группам, лица с физическими

недостатками, участники империалистической и Гражданской войн [*Перепись 1920*, 1928]. Все приведенные в этих таблицах сведения существенно неполны. Достаточно отметить, что, по этим данным, участников Первой мировой войны зафиксировано 3,4 млн человек, а по данным Ставки Верховного командования, призвано было почти 16 млн. Но, несмотря на заведомую неполноту и искажение сведений, перепись 1920 г. принесла определенную пользу. Она послужила основой для дальнейшего учета населения в стране. Отталкиваясь от ее цифр, губернские статистики постепенно уточнили оценки численности населения. Это видно на примере Украины, где сведения административного учета, построенные на основе переписи 1920 г., оказались близки к результатам переписи 1926 г.

Городская перепись 15 марта 1923 года

Перепись 1923 г. была первой советской переписью мирного времени. Позади остались Гражданская война, страшный голод, катастрофические эпидемии. Население начинало возвращаться в города, и учет его численности, занятий, семейного положения представлял большой интерес. К сожалению, постоянные административные перемены (изменение границ областей, городов, районов, преобразование деревень в города и т. п.) не позволяют сопоставить данные переписи ни с предшествующими сведениями 1920 г., ни с последующими данными — 1926 г. Но сами по себе они тоже представляют достаточный интерес.

Перепись 17–30 декабря 1926 года

Перепись 1926 г. впервые дала достаточно полную характеристику населения СССР и условий его существования. Эта перепись была первой, охватившей всю страну. Она тщательно подготавливалась в течение нескольких лет. Контрольной датой переписи служили 12 часов ночи в среду с 16 на 17 декабря. Объектом переписи было наличное население. В городах, где заполнялась семейная карта, учитывалось тем самым и постоянно проживающее население.

Личный листок переписи, заполнявшийся на каждого человека, содержал, кроме фамилии-имени-отчества, 13 вопросов: пол, возраст, народность, родной язык, место рождения, продолжительность постоянного проживания в месте переписи, семейное состояние, грамотность, физические недостатки, психические заболевания, занятие, положение в занятии и отрасль труда.

Многие признаки были детально охарактеризованы, что позволило в дальнейшем подвергнуть результаты переписи разносторонней обработке. Но в первую очередь, конечно, перепись фиксировала наличие человека, проживающего или находящегося в данном месте. Вот как были сформулированы указания счетчикам:

«На личные листки в каждой квартире записываются только:

а) все, кто провел в данной квартире ночь на день переписи (хотя бы он и не жил здесь постоянно), кроме тех, кто живет в этом же месте на другой квартире, так как он записывается на своей квартире;
б) все, кто хотя и не ночевал в данной квартире, но был в этом же городе или деревне, но вернулся или должен был вернуться в день переписи (работники ночной смены, ночные извозчики, лица, дежурившие ночью на постах или в учреждениях, бывшие в гостях);
в) младенцы, родившиеся до полуночи дня переписи;
г) умершие после полуночи дня переписи.

На личные листки не записываются в данной квартире:

а) ночевавшие в данной квартире, но постоянно живущие в том же населенном месте на другой квартире (гости);
б) лица, дежурившие в учреждениях, переписываются не в месте своего дежурства, а в квартире, где постоянно проживают;
в) взятые в места заключения или отправленные в больницы ранее дня переписи (они обязательно переписываются в больницах или местах заключения);
г) родившиеся после полуночи на день переписи;
д) прибывшие в данную квартиру после дня переписи» [*Перепись 1926*, т. 17, с. 97].

Вне жилых помещений специальным образом учитывались люди, не находившиеся в день переписи по месту своего основного жительства (находившиеся в больницах, тюрьмах, на судах торгового флота, в военных частях и т. д.). Отсутствующие дома охотники, рыболовы, лесорубы, геологи в экспедициях, пастухи, ушедшие на зимние откочевки, переписывались по месту проживания.

Поскольку перепись в поездах и на вокзалах не производилась, лица, проведшие ночь с 16 на 17 декабря в пути (в поездах, на пароходах, вокзалах, постоялых дворах, передвигавшиеся гужом и т. д.),

должны были записываться в квартирах, где их застал опрос. Поэтому, встретив в квартире лиц, не ночевавших здесь в ночь на 17 декабря, регистратор должен был спросить, не находились ли они в эту ночь в пути, и при утвердительном ответе составить на них личный листок. Сельские жители, выехавшие накануне и не ночевавшие дома, записывались по месту постоянного жительства, хотя бы они и не вернулись 17 декабря домой.

Железнодорожные служащие (машинисты, кочегары и т. п.) записывались как наличное население в тех квартирах, где они постоянно живут [*Воробьев*, с. 25].

Перепись была аккуратно обработана и солидно опубликована. Вышли три выпуска «Предварительных итогов», 10 выпусков «Кратких сводок», 56 томов основного издания. Кроме того, были напечатаны два тома, посвященные северным регионам. Ряд специальных изданий предприняло ЦСУ Украины. Обработка и публикация переписи проводились достаточно быстро, а издание специальных томов на украинском языке даже опередило всесоюзную серию. Программа итогов переписи на Украине была несколько расширена по сравнению со стандартной; в частности, большее внимание было уделено национальным вопросам.

Важным результатом переписи явились сведения о численности населения по полу и возрасту в одногодичной группировке. Однако очень многие округлили свой возраст до ближайшей цифры, кратной пяти или десяти. Женщинам это было более свойственно, чем мужчинам, так что, например, мужчин в возрасте 42, 43, 44 года оказалось больше, чем женщин, а женщин 40 и 45 лет — намного больше, чем мужчин.

Можно ожидать, что соседние возрастные группы будут иметь примерно одинаковый размер. Так и происходит в развитых западных странах, например в Англии. Мы видим, что больше других округлены возраста, кратные десяти, затем следуют пять, восемь и два. Интересно, что округление к десяти происходит и с той, и с другой стороны, в то время как к пяти чаще округляют с меньшей стороны. Все эти особенности хорошо видны в табл. 2.12 и на рис. 2.2. В среде сельского населения округляют заметно больше, чем в городах, в России больше, чем на Украине, в Закавказье больше, чем в России, а в Польше меньше, чем на Украине.

В других республиках СССР округление было еще более существенным, чем в РСФСР, и носило примерно такой же характер. Самые огромные цифры наблюдаются в Закавказье, где мужчин в возрастных группах, оканчивающихся на 0, оказалось в семь раз

Рис. 2.2. Ошибки округления при указании своего возраста участниками переписи 1926 г. на Украине

больше, чем в соседних интервалах, а женщин — даже в 12 раз больше (табл. 2.12).

Ошибки, возникающие в результате округления возраста, вызвали необходимость перераспределения по половозрастным группам, так называемого сглаживания. Наиболее важным был вопрос о младших возрастах 0–5 лет.

Таблица 2.12. **Ошибки округления при указании своего возраста участниками переписи**

Страна	1	2	3	4	5	6	7	8	9	0
РСФСР, 1926										
Мужчины	555	851	1147	944	1358	1072	926	997	751	1401
Женщины	438	757	1038	867	1582	989	943	1013	645	1729
УССР, 1926										
Мужчины	561	864	1182	966	1252	1120	931	1053	758	1316
Женщины	411	756	1035	885	1505	1045	929	1123	628	1680
Англия, 1921										
Мужчины	867	889	1083	1064	1056	1038	1002	1020	982	998
Женщины	846	894	1090	1077	1061	1033	989	1026	970	1015
Польша, 1921										
Мужчины	1069	1034	1247	1119	958	980	742	1255	791	802
Женщины	1005	1000	1360	1067	850	950	650	1610	754	750

Примечание. В таблице показано отношение числа лиц, указавших свой возраст оканчивающимся на данную цифру, к общему числу лиц в возрастном интервале 23–72 года, умноженному на 1000.

Источник: [*Корчак-Чепурківський,* 1929].

Сглаживая сведения о детских возрастах, большинство ученых не меняют общей численности населения (табл. 2.13). Для старших возрастов вносимые коррективы менее значительны, чем для детских, хотя погрешность в указании возраста, как правило, довольно велика. Лоример делает небольшие исправления, связанные с группой, не указавшей своего возраста.

Таблица 2.13. **Численность младших возрастов в переписи 1926 г. в интерпретации разных авторов, тыс. человек**

Возраст	Год рождения	Перепись 1926	Новосельский и Паевский	Лоример	Бирабен	АДХ
0	1926	5 183	5 458	5 390	5 152	5 575
1	1925	4 528	4 569	4 898	4 809	4 500
2	1924	4 415	4 278	4 416	4 407	4 464
3	1923	4 543	4 123	4 544	4 381	4 453
4	1922	3 654	3 748	3 654	3 748	3 361
0–4	1922–1926	22 323	22 174	22 902	22 235	22 353
5	1921	3 543	3 337	3 543	3 392	3 355
6	1920	3 058	3 306	3 089	3 058	3 320
7	1919	3 013	2 289	3 014	2 951	3 302
8	1918	3 335	2 293	3 336	2 934	3 334
9	1917	2 321	2 236	2 322	2 386	2 232

Источники: [*Перепись 1926*, т. 17, с. 46–48; *Новосельский, Паевский*, 1934а, с. 7–37; *Лоример*, с. 112, 124, 235; *Бирабен*; *АДХ*, 1993, с. 20, 122].

Новосельский и Паевский вносят изменения во все сведения, используя при сглаживании данные о смертности поколений в 1925–1926 гг. Бирабен опирался при сглаживании на послевоенные переписи населения. АДХ и Максудов корректировали численность поколений 0–2 года. Интересно, что при столь разных подходах результаты сглаживания не сильно отличаются друг от друга.

Сглаживание Бирабена более равномерное, но содержит малопонятные колебания численности женщин 30–50 лет. Каждый из вариантов аппроксимации обладает определенными достоинствами и недостатками, и, так как их авторы исходили из совершенно разных предпосылок, целесообразно использовать для расчетов и

те и другие данные. Характер округления при переписи оказался практически таким же, как и в 1897 г. Это убедительно показывает, что речь идет не о каких-либо закономерностях изменения численности, а именно о психологических свойствах и обычаях населения, которые за 30 лет удивительно мало изменились.

Половозрастная пирамида, зафиксированная переписью, демонстрирует заметную нехватку населения в результате трагических последствий Мировой и Гражданской войн.

Кроме наличного населения, многие переписи учитывают также постоянное, то есть включают в подсчет лиц, отсутствующих в критический момент (находящихся в деловой поездке, в отпуске, в гостях и т. п.), но проживающих постоянно в данном месте. Запись об этих лицах вносится в семейную карту наряду с другими обитателями данного помещения со слов родственников, соседей, а в последних советских переписях — и со слов администрации данного населенного пункта. Естественно, численность наличного и постоянного населения расходится для отдельных районов и городов. Для всей страны при абсолютно правильном учете она должна совпадать. На практике же наблюдается некоторое расхождение. Вероятность двойного счета в составе постоянного населения не исключена, так как человек, которого родственники указали живущим постоянно вместе с ними, сам может считать себя живущим отдельно (обучение, временная работа, семейные ссоры, служба в армии и т. п.). Недоучет постоянного населения также возможен — как за счет уклоняющихся от переписи лиц, так и в результате забывчивости или нежелания родных вписать уехавшего члена семьи. Переписью 1897 г. [с. 97] было учтено 126 587 тыс. постоянного и 125 640 тыс. наличного населения. Вторая цифра, по мнению многих исследователей, ближе к подлинной численности населения, так как среди постоянного населения был довольно вероятен двойной счет работающих временно, по мнению родственников, в городах.

По переписи 1926 г. [т. 17, с. 6, 97] постоянное население в городах составило 25 783 тыс. при наличном населении 26 316 тыс. Превышение наличного населения естественно, так как часть сельских жителей перепись застигла в городе. В основном это были мужчины (400 тыс. человек из 533 тыс.) [*Перепись 1926*, т. 17, с. 6, 97]. Всего переписью было учтено 147 028 тыс. человек (71 043 тыс. мужчин и 75 985 тыс. женщин). Однако исследователи справедливо отмечали неполноту данных переписи. В первую очередь речь идет о неполном учете в детских возрастах.

Ю. А. Корчак-Чепурковский, разрабатывая структуру населения Украины в однолетней группировке, увеличил численность детей младше пяти лет и при этом отказался от выравнивания младших возрастов математическими методами, справедливо полагая, что неравномерность рождаемости в те годы связана с экономическими и социальными процессами в стране. Однако он был убежден, что в возрасте от года до двух численность детей переписью заметно занижена. В доказательство он ссылался на Англию, где при переписи 1911 г. нехватка детей в возрасте 1–2 года составила 6,8%, а в 1921 г. — 28%. Он отмечает, что и российская перепись 1897 г. недосчитала примерно 15–17% детей в этом возрасте. При оценке числа детей 1925–1926 годов рождения Корчак-Чепурковский использовал данные о рождаемости соответствующих лет, также, по его мнению, недостаточно полные, и увеличил численность на 11,9%. Численность поколений, родившихся в 1923–1924 гг., он тоже полагал несколько заниженной, но не вносил поправки, так как считал, что ошибка компенсируется соответствующим преуменьшением детской смертности [*Корчак-Чепурковский*, 1970, с. 289–382][1].

Другой известный украинский демограф, М. В. Птуха, в прогнозном расчете украинского населения не использовал эти поправки, считая, что недоучет детей переписью маловероятен. Однако последующие переписи населения, в частности перепись 1939 г., подтвердили правоту Корчак-Чепурковского, показав, что численность поколений 1923–1926 годов рождения сократилась на Украине заметно меньше, чем соседних возрастов. Очевидно, что эта когорта была изначально преуменьшена.

Наибольшую поправку в перепись 1926 г. внесли Андреев, Дарский и Харькова. Они увеличили численность возрастов 0–4 года на 1558 тыс., а также численность мусульманок Средней Азии и Азербайджана на 233 тыс. [*АДХ*, 1993, с.120–121]. Я согласен с авторами в том, что перепись 1926 г. с точки зрения общего охвата населения была менее точной, чем последующие. Она фиксировала только наличное население и не предусматривала никаких контрольных мероприятий, также был заметный недоучет в младших возрастах. Я столкнулся с этим явлением при расчете потерь для 1926–1939 гг. Оказалось, что убыль поколений 1922–1926 годов

[1] По сообщению украинского демографа Натальи Левчук, в архиве Корчак-Чепурковского есть расчеты поправок к численности поколений 1923–1926 годов рождения, — заметно бóльшие, чем он использовал в опубликованных работах.

рождения при передвижке к 1939 г. заметно меньше, чем соседних возрастных групп. Это объясняется начальным преуменьшением численности этой когорты в переписи 1926 г. примерно на полтора миллиона человек. На этом основании поправка к численности поколений 0–2 года мной принимается в размере 1500 тыс. человек (770 тыс. мальчиков и 730 тыс. девочек). Из них 272 тыс. родившихся в 1924 г. (140 тыс. и 132 тыс. соответственно), 530 тыс. — в 1925 г. (270 тыс. и 260 тыс.), 698 тыс. — в 1926 г. (355 тыс. и 343 тыс.).

Переписи 1937 и 1939 гг. в поправках к численности новорожденных не нуждаются, поскольку многие факторы вели к более полному их учету. А именно: передача ЗАГСов в ведение НКВД, паспортная система, прикрепление крестьян к месту проживания, значительное расширение медицинской помощи при рождении, рост грамотности, падение рождаемости. В «Объяснительной записке», составленной в 1964 г., работники ЦСУ отмечают, что в отличие от смертности в рассматриваемый период рождаемость не следует увеличивать. В подтверждение приводятся данные за 1938 г., когда с учетом смертности новорожденных численность годовалых по сведениям ЗАГСов (5673 тыс.) на 17 января 1939 г. оказалась меньше численности по переписи на 83 тыс. (1,4%) [*Архив ЦСУ*, с. 6].

Не следует забывать, что в ходе самой переписи шел непрерывный обмен между городом и деревней. Часть жителей деревни, оказавшихся в городе с кратковременным визитом, уезжала домой примерно в половине случаев, так и не пройдя перепись, а в деревне с вероятностью в среднем 25% приезжие оказывались на территории, уже пройденной счетчиком. Сельские жители также продолжали уезжать в город, не пройдя перепись, попадали на территорию, где перепись уже была проведена. Когда перепись в городе уже была закончена, из сельской местности, где переписана к этому времени была только половина населения, в город продолжали ехать не прошедшие перепись крестьяне. Если считать, что разница между наличным и постоянным населением (533 тыс.) является ориентировочной оценкой численности сельского населения в городе и что средняя продолжительность поездки составляла 5–7 дней (продажи и покупки, другие деловые поездки, посещение врачей, родственников и друзей и т. п.), то число ускользнувших от переписи в ходе таких поездок сельских жителей будет колебаться между 500 и 800 тыс. Кроме того, мы не учли переезды такого же типа в самой сельской местности и подобные передвижения горожан, также составлявшие сотни тысяч.

Как показано ниже, в 1939 г. контрольные меры дали дополнительно 1258 тыс. человек, 0,75% (табл. 2.4). В 1959-м эти мероприятия увеличили численность наличного населения на 0,51% [*Перепись 1959*, с. 7]. Осторожно можно считать, что из-за их отсутствия в 1926 г. недоучет составлял не меньше 0,5% от численности населения (*740 тыс. человек*, 450 тыс. мужчин, 290 тыс. женщин). Соотношение мужчин и женщин берется по их пропорции среди включенных в перепись с контрольных бланков в 1939 г. Возможен другой вариант расчета. В 1939 г. только с контрольных бланков было записано 859 тыс. человек. С учетом соотношения численности населения в 1926 и 1939 гг. (86%) получаем практически ту же цифру — 739 тыс. Принимаем такое же соотношение между полами, как в контрольных мероприятиях переписи 1939 г. (158 мужчин на 100 женщин).

Кроме переезжавших из села в город и обратно, было немало людей, случайно не прошедших учета: охотники, рыболовы, лесорубы, алкоголики, командировочные и т. п. Численность таких людей, очевидно, достигала многих сотен тысяч, и вероятность, что они встретятся с переписчиком и ответят на его вопросы, была невелика. Предполагалось, что они будут записаны в переписные листы по месту постоянного проживания, но многие из этих людей не имели семей, или вопрос о них мог не подниматься при обследовании, поскольку в селе счетчик не заполнял семейную карту и инструкция не предписывала ему расспрашивать об отсутствующих членах семьи.

Отдельную группу «потерь» составляли люди, уклонившиеся от переписи.

Сектанты. Некоторые крайние религиозные группы, судя по литературе, не признавали никаких контактов с властями и скрывались от учета. Часть из них с этой целью селилась в отдаленных местах страны. В 1937 г. ленинградский НКВД сообщил, что в Ленинграде и области насчитывается 7,6 тыс. сектантов [*Перепись 1937*, 1991, с. 223–226]. Относительная численность сектантов в Ленинградской области, очевидно, была меньше, чем в Поволжье, на Урале, в Закавказье, Казахстане и других окраинных и отдаленных частях страны. Поэтому подсчет по ленинградской пропорции не приведет к преувеличению их численности. Мы получаем 170 тыс. человек.

Преступники. Только за 1923 г. в РСФСР было арестовано за разбой, грабежи, убийства и телесные повреждения 105 тыс. человек, в 1926-м — 63 тыс. [*Мозохин*]. Очевидно, что несколько сотен тысяч бывших и будущих преступников находились во время

переписи на свободе, и весьма вероятно, что эти люди не захотели лишний раз встречаться с представителями власти.

Бродяги. По сведениям ленинградской статистики, из 13 тыс. жителей Ленинграда, не имевших постоянного ночлега, перепись 1937 г. прошла только тысяча человек [*Перепись 1937*, 1991, с. 223–226].

Достаточно осторожной оценкой численности группы уклонявшихся от переписи будет 0,5–1 млн человек. Однако мы не станем вводить поправок на их недоучет, поскольку таких поправок не было ни в 1937, ни в 1939 г.

Заметную погрешность в подсчете численности населения при переписи вносят поездки людей за пределы постоянного места пребывания. За одну-две недели, а тем более за месяцы совершается довольно большое количество переездов отдельных лиц и даже целых семей. Про визит уехавшего родственника или случайно заночевавшего приятеля нетрудно забыть, а отъезд целой семьи вообще исключает возможность ее учета в нужном месте. Таким образом, перемещения заметно снижают численность населения, учитываемого как наличное.

Существовало множество причин, вызывавших необходимость поездок сельских жителей в город или в другие деревни. Крестьяне выезжали на заработки, чаще всего они это делали зимой, возвращаясь домой к севу. Это явление получило название «отход», и участвовавшие в нем люди назывались «отходниками». Одни из них вербовались различными организациями, другие подыскивали работу сами или через знакомых. В 1925–1927 гг. число отходников в СССР (без Закавказья, Узбекистана и Туркмении), по данным анкетного обследования, составляло 3237 тыс. человек (2673 тыс. мужчин, 564 тыс. женщин), причем недоучет из-за отсутствия сведений по отдельным регионам составлял 18%. В 1927/28 г. цифра возросла до 3963 тыс. человек [*Отход*, с. 6–15; *Данилов*, 2011, ч. 1, с. 613–625]. Основные занятия отходников: чернорабочие, строители, лесорубы и сплавщики леса, сельскохозяйственные рабочие, помощницы в домашнем хозяйстве и уходе за детьми. Средняя продолжительность жизни вне дома составляла пять месяцев. Без поправки на неполноту данных можно считать, что за неделю переписи в города и поселки с целью устройства на работу прибывало *160 тыс. человек* и примерно такое же количество возвращалось в родную деревню. Кроме того, на постоянное жительство в город перебралось за год около миллиона человек, что дает около *20 тыс. переездов в неделю*.

Немалое число сельских жителей приезжали в город по делам: за покупками, в гости, с обращениями в различные организации, за медицинской помощью, на учебу и т. д. Этот постоянный двусторонний поток, конечно, продолжал функционировать и во время переписи. В результате большая группа деревенских жителей, возвращавшихся домой или ехавших в город, не имела физической возможности пройти перепись. Это были люди, выехавшие до прихода счетчика и поселившиеся на территории, где счетчик уже закончил свою работу. Кроме того, осуществлялись многочисленные переезды такого же типа в самой сельской местности. Попробуем оценить ориентировочно численность поездок сельских жителей по различным нуждам. При этом следует принять во внимание, что, по данным переписи 1926 г., в СССР неместные уроженцы составляли 24% [*Перепись 1926*, т. 51, с. 132]. Именно этим людям по различным поводам приходилось время от времени возвращаться в родные места. Наиболее частыми поводами для поездок были следующие.

Свадьбы. Перед Первой мировой войной в год заключалось девять браков на тысячу человек, всего 1254 тыс. в год [*Население*, 1975, с. 150]. В 1926 г. население увеличилось, но брачность, вероятно, немного снизилась. Можно считать, что число браков составило 1200 тыс. При этом на декабрь приходилось всего 4,2% (50 тыс. браков, 11 тыс. в неделю) [*Народонаселение*, с. 134]. Число гостей в среднем можно ориентировочно оценить в 50 человек, из них приезжих родственников будет не меньше десяти. Таким образом, из-за свадеб могло быть совершено *110 тыс. поездок за неделю.*

Рождения и крестины. Число родившихся в 1926 г. принимаем, с поправками на неполноту регистрации, в размере 6619 тыс. человек [*АДХ*, 1993, с. 18], в неделю — 120 тыс., причем в декабре цифра должна быть выше средней. Число участников этих событий включает родственников двух семей и составляет не меньше 20 человек, из них трое, вероятно, приезжие. Это дает *360 тыс. человек,* оказавшихся в течение недели не дома.

Похороны. В 1926 г. умерло 2953 тыс. человек [*Население*, 1975, с. 69], в среднем 50 тыс. в неделю. На похороны и поминки собираются близкие родственники и друзья, примерно 20–30 человек, из них, возможно, пятеро не местных — *250 тыс. поездок.*

Дни рождения и именины. Будем считать, что в год происходит 50 млн таких событий, на которые издалека приезжает хотя бы один родственник. При одном приезжем будет *900 тыс. поездок в неделю.*

Посещение врачей. В 1930 г. в сельской местности работало 10 тыс. амбулаторий, которые посетили 156 216 тыс. сельских жителей. Кроме того, на селян приходится 13 528 тыс. посещений врачей в городах и несколько миллионов посещений зубных врачей [*НХ*, 1932, с. 556–557]. Как уже отмечалось, в стране было 613 тыс. деревень, так что амбулатории находились лишь в 2% сельских населенных пунктов. Поскольку численность населения в этих селах была, очевидно, выше, можно считать, что там проживало 10% сельского населения, а 90% деревенских жителей обращались за медицинской помощью в соседние села и города. В 1926 г. амбулаторий было меньше, а сельского населения — больше. Потребность сельских жителей в медицинской помощи за четыре года вряд ли сильно изменилась. Принимаем число посещений за год в 150 млн (*2800 тыс. в неделю*).

Поездки в гости, за покупками, на ярмарку, по административной необходимости составляли как минимум одну поездку двух человек на семью в год. Для 24 млн семей это дает *860 тыс. поездок в неделю.*

По очень приблизительному подсчету (довольно осторожному, поскольку многие поездки могли включать не одного человека и продолжаться не один день) мы получили *более 5,6 млн человек,* уезжавших из дома в течение недели (*800 тыс. в день*). При этом около 700 тыс. поездок в неделю приходится на город (отходники, посещение городских врачей, 15–20% поездок в гости и по другим делам).

Ученые еще в 1920–30-х годах отмечали, что в самой методике проведения переписи 1926 г. — 7 дней в городе и 14 дней в селе (при отсутствии контрольного обхода) — заложена погрешность. Она вызвана тем, что люди, еще не прошедшие перепись, уезжают из дома и попадают в места, где она уже завершена, а граждане, прошедшие перепись, могут пройти ее повторно. Двойной счет в наличном населении был возможен в случае, если человек, находившийся в критическую дату переписи в одном населенном пункте, переехал за время проведения переписи, а встретившись со счетчиком на новом месте, вновь пройдет перепись. Попытаемся подсчитать возможное число таких случаев.

Предположим, что в неделю из села в город и из города в село выезжает по 7X человек (X в день). При этом уезжающие и возвращающиеся распределяются по территории равномерно. В первый день в городе приняла участие в переписи 1/7 часть населения, и, соответственно, немного меньше чем 1/7 переезжавших были

переписаны. Во второй день переписанных среди уезжавших было в два раза больше и т. д. На седьмой день почти все переезжавшие из города прошли перепись. Всего за семь дней примерно половина приехавших из города в село прошла перепись до отъезда, одна четвертая оказалась на территории, где в эту неделю проходила перепись, и половина из них, то есть 7/8, имели возможность пройти перепись повторно в селе. На следующей неделе все выезжавшие из города были уже переписаны, половина из них попала на территорию, где в эту неделю шла перепись, а 7/4 этих людей могли пройти перепись в селе повторно. Тогда же повторно могли пройти перепись 7/4 переехавших из города в первую неделю и оказавшихся на землях, где переписи еще не было.

При переезде из села в город в первую неделю четверть переезжавших прошли перепись дома, а половина из них (7/8) имели возможность пройти перепись повторно в городе. На второй неделе приезжавшие в город не могли там повторно пройти перепись. Всего за две недели переездов из села в город и обратно повторно могли пройти перепись 7/8 + 7/4 + 7/4 + 7/8 = 4X.

Мы не рассматриваем многочисленные поездки из села в село, поскольку в силу их кратковременности счетчики могли записать переезжавших в переписные листы со слов родственников. Сейчас невозможно установить, в какой степени они захотели и смогли это сделать. Не учитывая этих переездов, мы несколько преуменьшаем численность населения, не учтенного переписью.

Замначальника отдела населения и здравоохранения М. В. Курман подсчитал в свое время, что повторно пройти перепись в 1926 г. могли 1,5 млн человек (РГАЭ, ф. 1562, оп. 329, д. 107, л. 90–95). Это, безусловно, не соответствует реальности. Большинство людей, конечно, не проходили перепись второй раз, а просто сообщили счетчику, что уже были переписаны в другом месте. Курман сделал этот фиктивный расчет с целью объяснить недоучет населения переписью 1937 г. Однако не приходится сомневаться, что он не выдумал эту цифру, а оценил продолжительность и частоту поездок жителей по имевшимся в его распоряжении сведениям. Поэтому его теоретическая оценка представляет интерес. Также отметим, что она не противоречит сделанному выше подсчету числа кратковременных поездок сельских жителей. Из данных Курмана следует, что число переезжавших в день — 1500/4 = 375 тыс. человек.

При расчете числа лиц, не попавших в перепись из-за разной ее продолжительности в городе и селе, ограничимся второй неделей, поскольку первая неделя принципиально не отличается

от ситуации с другими переписями и, следовательно, учитывается поправкой, введенной выше по аналогии с переписями 1939 и 1959 гг. Во вторую неделю в городе перепись была уже завершена, а в селах еще не переписана половина жителей, очевидно и половина переезжающих. Следовательно, четверть приехавших в город на второй неделе не была охвачена переписью. Общее число не переписанных за эту неделю равняется, таким образом, 7/4X. Подставляем X = 375 тыс., рассчитанное выше по данным Курмана, и получаем не прошедших перепись на второй неделе в количестве *656 тыс. человек* (420 тыс. мужчин, 336 тыс. женщин).

Известно, что в 1926 г. умиротворение Средней Азии было еще далеко не закончено. Многочисленные отряды басмачей скрывались в пустыне, уходили за границу, потом возвращались. Численность банд, продолжавших борьбу с советской властью, составляла тысячи, а порой и десятки тысяч человек, и, скорее всего, не только басмачи, но и их родственники предпочитали уклоняться от переписи.

Учет кочевых жителей Казахстана, Туркмении, Киргизии в 1926 г. был также, несомненно, намного менее полным, чем в 1939-м, когда кочевники почти полностью перешли к оседлой жизни. Сами организаторы переписи 1926 г. отмечали, что в Средней Азии и Казахстане она затянулась на несколько месяцев, а обитатели пустыни Кара-Кум вообще не были переписаны[1].

В республиках Азии от переписи скрывали вторых-третьих жен, жен, не достигших совершеннолетия, а порой и детей. Андреев, Дарский и Хорькова оценили численность мусульманок Средней Азии и Азербайджана, не прошедших перепись, в 87 тыс. [*АДХ*, 1993, с. 20–22]. Можно определенно считать, что недоучет в Средней Азии и Казахстане в 1926 г. по сравнению с 1939 г. составлял не меньше *150 тыс. человек* (65 тыс. мужчин, 85 тыс. женщин).

Таким образом, коррекция переписи 1926 г. сводится к следующему: увеличение численности детей в возрастах 0–2 года на 1,5 млн человек; поправка на численность лиц, не прошедших перепись из-за поездок во время второй недели проведения переписи в селе (500 тыс.); оценка численности не учтенных переписью из-за отсутствия контрольных мероприятий (740 тыс.); поправка

[1] «93% населения были переписаны в установленное время, для 6,3% населения в азиатских районах страны перепись затянулась на срок от трех недель до трех месяцев, а 0,7% жителей труднодоступных районов переписывались вплоть до 1928 г. Примерно 30 тыс. жителей Каракумов переписать вообще не удалось» [*Перепись 1926*, т. 17, с. 97].

на недоучет числа жителей Казахстана и Средней Азии (150 тыс.). Всего 2890 тыс. человек. Численность населения в 1926 г. с учетом коррекции оценивается в **149 918 тыс. (72 633 тыс. мужчин и 77 285 тыс. женщин)**.

Перепись 11 января 1937 года

Перепись 1937 г. проводилась, как и предполагалось, через 10 лет после предыдущей переписи. Критической датой было 12 часов ночи с субботы, 5 января, на воскресенье, 6 января. Программа переписи включала 14 вопросов, близких к вопросам основной анкеты переписи 1926 г. Одни, например образование, рассматривались более развернуто, другие, как семейное положение, — сжато. Единственный раз в истории советских переписей был поставлен вопрос о религиозной принадлежности. Эта перепись была не просто учетом населения. Она проводилась как мероприятие исключительной важности: «Перепись должна была отразить численность и состав великого советского народа, должна была отразить гигантские завоевания социализма в нашей стране, приведшие к принятию в ноябре 1936 г. Сталинской Конституции» (Плановое хозяйство. 1938. № 11).

Перепись учитывала только наличное население и была однодневной. Огромная армия счетчиков (более миллиона) пять дней обходила свои участки и заполняла переписные листы, а затем 6 января каждый счетчик снова навестил каждый дом, уточняя сведения, внося родившихся, вычеркивая умерших и уехавших навсегда, отмечая временно отсутствующих[1]. С 7 по 11 января происходил контрольный обход инструктора вместе со счетчиком, а в сельской местности — и с уполномоченным сельсовета. Ряд объектов (тюрьмы, лагеря, колонии, спецпоселки и т. п.) описывались органами НКВД. Армия также проводила перепись собственными силами. Кроме того, 11 специальных групп переписывали некоторые территории и организации (учреждения закрытого типа, поезда и вокзалы, торговый флот, больницы, санатории, жители Крайнего Севера) особым порядком.

---

[1] Неясно, как счетчик должен был узнавать, на какой срок уехали потенциальные респонденты, особенно когда отсутствовали целые семьи или одиночки. Число таких людей было довольно велико. Так, перепись 1939 г. насчитала 14 с лишним миллионов членов семей, живущих отдельно, и 4 млн одиночек [*Перепись 1939*, 1992, с. 90]. При этом отдельно жившие члены семьи были намного более склонны к поездкам, чем жившие в семье.

25 января начальник ЦУНХУ Кроваль сообщал Сталину и Молотову:

«Численность населения, переписанного в общем порядке (т. е. без населения, переписанного НКВД и НКО, и пассажиров поездов и пароходов), составляет по СССР в целом 155,6 млн человек. Сюда не входит также население, не охваченное счетчиками 6 января и дополнительно выявляемое в процессе контрольных обходов.

Можно считать, что численность населения, не вошедшего в указанную выше цифру, составляет около 6 млн человек: несколько более 5,5 млн человек должны дать НКВД и НКО, около 350 тыс. человек — перепись пассажиров поездов и пароходов и 300–400 тыс. человек могут дать контрольные обходы. Общая численность населения СССР окажется равной примерно 162 млн человек против 147 млн человек по переписи 17 декабря 1926 г.» [*Перепись 1937*, 2007, с. 22].

По телеграфным донесениям с мест была составлена таблица результатов по регионам в сопоставлении с численностью по переписи 1926 г. По сравнению с данными Кроваля, переданными Сталину и Молотову, численность возросла на 300 тыс., составив 155 903,4 тыс. человек (в том числе РСФСР — 101 016,5 тыс., Украина — 28 000 тыс.) [*Перепись 1937*, 2007, с. 27, 34].

В середине марта были включены в результаты переписи сведения о переписанных особым порядком и направлены правительству итоговые таблицы с данными по регионам, по городу и селу, по полу и национальностям [*Перепись 1937*, 2007, с. 34–67]. В сопроводительном письме Кроваль сообщает, что относительно 1926 г. уменьшилась численность населения в нескольких регионах, которые отличались ожесточенной борьбой с кулаками в ходе коллективизации, «большим по сравнению с другими областями процентом выселенных за пределы области кулацких элементов. Сюда относятся сельскохозяйственные области Украины (кроме Донбасса), Казахстан, Курская область, Саратовская область, АССР Немцев Поволжья, Куйбышевская область, Азово-Черноморский край, русские районы Северо-Кавказского края, отчасти Воронежская и Сталинградская области. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в эту группу входят области, сопротивление кулачества в которых было наиболее ожесточенным и острым, и это сказалось на численности населения» [*Перепись 1937*, 2007, с. 34–67].

Сопоставим предварительные (январские) сведения о численности населения, переписанного общим порядком по регионам,

с окончательными (мартовскими) данными, включающими все перечисленные дополнения (переписанных НКВД, в транспорте, при контрольном обходе), кроме армии. Почти по всем областям и республикам окончательные цифры на 2–3% выше предварительных. Самое значительное изменение численности населения произошло на Дальнем Востоке — рост на 504 тыс. (25%). Это объясняется как относительно большой долей заключенных, так и наличием народов Крайнего Севера, не охваченных общей переписью, но включенных в окончательные результаты. Похожее положение наблюдалось в Красноярском крае и Восточной Сибири (рост по 8%). Население Казахстана выросло на 6,2% и Киргизии — на 4,9%. Эти республики стали местом расселения депортированных народов (поляки, немцы, украинцы, финны). Возможно, в окончательный учет были включены и дополнительные данные о кочевниках, не охваченных переписчиками в первые дни. Относительно высокая цифра прироста численности в Северокавказском крае (4,7%) также, возможно, связана с запозданием переписи в горных аулах.

Но наиболее загадочный результат демонстрирует Северная область. Ее население не увеличилось, а после присоединения данных спецпереписей — сократилось на 185 тыс. (–6,9%). Границы области не менялись, во время переписи это было запрещено, но также это видно из того, что численность населения области в 1926 г. в обеих таблицах одинакова. Очевидно, какая-то часть населения, опрошенного счетчиками в Северной области, была отнесена при обработке данных к другим территориям. Скорее всего, это были жители кулацких поселков, депортированные в свое время на север, однако к моменту переписи уравненные в правах (а точнее говоря, в бесправии) с местным населением. Но НКВД формально продолжало считать их своими подопечными, как ссыльнопоселенцев, и, изъяв из общей переписи, перераспределило по своему усмотрению, вероятно по месту расположения контролирующих организаций. И возможно, неслучайно в соседних автономных республиках прирост населения оказался неправдоподобно большим: в Коми 51 тыс. человек (20%), в Карелии 104 тыс. (25%). В последующих советских переписях практика перераспределения лиц, переписанных в особом порядке, по всей территории страны нашла широкое применение.

После завершения переписи ее организаторов и участников наградили орденами и довольно скоро арестовали (Квиткина, Курмана и Брандгендлера в марте, Кроваля в мае). За ними последовали и многие другие. Новые руководители И. Ю. Писарев

и В. И. Хотимский, признавая неполноту переписи, предлагают поправки (на Украине 6,2%, в Казахстане 7,8%, а в среднем по стране 4%). Обращаясь с этим предложением к правительству (17 сентября 1937 г.), они обещают, что «материалы переписи, освобожденные от вредительских искажений, дадут исключительную по полноте и богатству характеристику населения Союза ССР. Для целей народнохозяйственного планирования будут иметь особо важное значение территориальные итоги первого раздела...» (ЦГАНХ СССР, ф. 1362, оп. 329, д. 200, л. 187–196, с. 34–67).

Однако это заклинание не помогло. В сентябре 1937 г. в «Правде» появилось постановление СНК СССР, объявлявшее перепись вредительской, «извратившей действительную цифру населения». Что же случилось? Не могли же руководители не знать про умерших от голода и расстрелянных по их приказу людей, ведь еще в 1933 г. ЦУНХУ сообщило правительству, что прирост населения приостановился. Конечно, знали, но в то же самое время не хотели знать. Привыкнув в ходе коллективизации решать все проблемы с помощью силы, власти считали, что запрет публикации демографических сведений в 1934 г. как бы исправил положение. В то же время поиск виновников и их строгое наказание стали к осени 1937 г. привычными способами решения проблем. Поэтому виновными оказались вестники неприятной информации. И мало горя, что информация уже давно была известна. То, что в январе 1937 г. было не слишком приятной объективной реальностью, в сентябре стало злым умыслом. Любопытно, что среди назначенных в ЦУНХУ новых руководителей оказались ученые, не так давно подвергавшиеся суровой критике за непонимание теории марксизма и злоупотребление количественными методами статистики: Старовский, Боярский и др. (о судьбах демографов и деградации методов статистического учета см.: [*Блюм, Меспуле*]). Новым руководителям была поручена организация переписи в 1939 г.

Вскоре после того, как перепись 1937 г. была объявлена дефектной, появились объяснения, почему мог получиться недоучет населения.

1. «При проведении переписи, вредители, орудовавшие в ЦУНХе, исходили из определения населенного места как группы строений, связанных сплошной застройкой, зачастую мелкие населенные места и отдельно стоящие строения просто не включались в списки, что повлияло на недоучет населения при переписи».

2. «В целях недоучета населения подлые враги народа, пробравшиеся к руководству ЦУНХ, опубликовали так называемую “памятку счетчика”, напечатав ее на обороте переписного листа. В этой вредительской памятке, напечатанной без разрешения правительства, было предложено вычеркивать всех, кто не ночевал дома в ночь с 5 на 6 января, и тем самым вредители добились значительного недоучета населения» (Плановое хозяйство. 1938. № 2, 6; цит. по: [*Воблый, Пустоход*, с. 128–130])[1].

Оба обвинения, однако, несостоятельны. Конечно, как и при других переписях, в 1937 г. был возможен пропуск отдельных населенных пунктов, домов и квартир. Но организаторы переписи сделали очень много, чтобы этого избежать. В инструкции «вредителей» предусматривалось, кроме связной застройки, составление полного списка сельских поселений: «Даже самые незначительные населенные пункты, как, например, отдельные дворы, урочища, дачи, железнодорожные будки, сторожки и т. п., необходимо считать отдельными населенными пунктами» [*Пустоход*].

Предварительный, а затем повторный контрольный обход участков, огромная масса счетчиков, участие в контрольном обходе представителя сельсовета — все это обеспечивало высокую вероятность охвата всех населенных пунктов и абсолютного большинства их жителей. Точность учета в 1937 г. (как и в 1939-м) была намного более высокой, чем при переписи 1926 г.

Еще более нелепо выглядит пункт с вычеркиванием из переписного листа лиц, не ночевавших дома в критический момент. Конечно, некоторые из миллионной армии счетчиков, не слишком хорошо обученных, могли формально последовать пункту четвертому памятки для счетчика и вычеркнуть не ночевавших дома работников ночной смены и других временно отлучившихся лиц. А инструкторы, проверявшие счетчиков, могли не заметить этого нарушения инструкции. Но ведь в зачеркнутом виде все эти лица оставались на бланках, находившихся в распоряжении статистиков, и ничто не мешало точно подсчитать количество вычеркнутых — постоянно живущих, но в момент переписи временно

[1] Воблый и Пустоход в первом издании своей книги (1936 г.) подробно объяснили, как хороша программа и организация переписи 1937 г., а затем, переиздавая книгу, сменили эпитеты: точная стала дефектной, надежная — вредительской и т. п. Но и положительные эмоции не пропали. Они пригодились для описания переписи 1939 г.

отсутствовавших. Для этого не требовалось назначать новую перепись через два года.

Статистическими организациями и специальными комиссиями были проведены исследования недоучета населения переписью, следы которых сохранились в архивах. В записке от 14 марта 1937 г., адресованной начальнику ЦУНХУ И. А. Кровалю, М. В. Курман пишет о недоучете переписью 1937 г. 0,5–0,6%, то есть около 1 млн человек (РГАЭ, ф. 1562, оп. 329, д. 132, ед. хр. 258). Имеется также письмо трех областных УНХУ, которые считают возможным недоучет в 0,12, 0,38, 0,44% (РГАЭ, ф. 1562, оп. 329, д. 132, ед. хр. 143, с. 151). Выборочная проверка 23 неблагополучных районов Казахстана (в них численность населения оказалась меньше, чем в 1926 г.), охватившая 428 тыс. из 656 тыс. проживавших там людей, показала, что возможное преуменьшение учета составило 0,99%, без города Петропавловска — 1,1% (РГАЭ, ф. 1562, оп. 329, д. 132, ед. хр. 967, с. 102–104). В докладной записке, адресованной Я. А. Яковлеву, говорится, что в Петропавловске было обнаружено 1485 пропусков. В том числе пропуски населенных пунктов — 43, пропуски домов и квартир —153, пропуски лиц — 242, в том числе скрывавшихся — 18, находившихся в отлучке — 526, неправильно вычеркнутые — 54. Отмечается, что пропуски связаны с недавними переселениями на стыках переписных участков, умышленными уклонениями от переписи, откочевками и переездами. Так, в Кустанайскую область во время переписи прибыло 697 человек, из них 53 оказались непереписанными. В других местах из 81 проверенных 10 не прошли перепись. Также отмечается связь между количеством пропусков и контрольными обходами. В Кустанайской области там, где контрольный обход проводился два раза, выявлено 2,52% пропусков, там, где один раз, — 0,64%. В документах содержится ряд рекомендаций по исправлению недоучета. Поправка к численности переезжающих — 0,5%, неправильно вычеркнутые — 1,1%, пропуск квартир — 0,5%, укрывающиеся от учета — 0,3%, пропуски населенных пунктов — 0,3%, а всего — 2,7% (РГАЭ, ф. 1562, оп. 329, д. 132, ед. хр. 329, с. 49–50). Комиссия нового начальника ЦУНХУ И. Д. Веремінчева оценила недоучет переписи по Казахстану в 220 тыс. человек (4,7%). Комиссия заместителя председателя КПК Я. А. Яковлева, обобщая критические замечания различных организаций и специалистов, оценила недоучет в 3–4% от численности населения, в том числе из 3 млн вычеркнутых в переписных листах счетчиками 2 млн не могли попасть в перепись [*Тольц*, 1989, с. 169, 175].

Статистики Ленинграда отмечают возможный недоучет населения в следующих случаях. По городу было вычеркнуто в ведомостях 34,7 тыс. человек, а действительно выехало только 9 тыс. Недоучет составил 1,6%. По городам Ленинградской области эта цифра равна 1,1%, а по сельской местности — 2,7%. Оценка не прописанных в Ленинграде и области, по данным милицейского учета, составила 24 тыс., бездомных — 4,4 тыс., сектантов — 7,6 тыс. человек. Всего недоучет по Ленинграду оценивается в 1,3%, а по области — в 3,2% (рассчитано по [*Перепись 1937*, 1991, с. 48–49]).

Критика методики проведения переписи в большинстве этих примеров, несомненно, является реакцией на правительственный заказ, и к ней следует относиться с осторожностью. Но отдельные упоминаемые факты, вполне возможно, являются достоверными. Очевидно, что погрешности переписи 1937 г. приводили к недоучету населения, но сохранившиеся материалы не позволяют достаточно точно оценить его размеры.

Общая численность населения по переписи — 162 039 тыс. человек (77 692 тыс. мужчин и 84 347 тыс. женщин):

155 903 тыс. — переписанные общим порядком;

1956 тыс. — военнослужащие Красной армии и погранвойск НКВД;

741 тыс. — жители Крайнего Севера;

2660 тыс. — переписанные НКВД, в том числе 270,7 тыс. сотрудников органов;

427 тыс. — вольнонаемные Красной армии, гражданские жители военных городков, лица, находящиеся на сборах;

352 тыс. — граждане, переписанные на транспорте и при контрольном обходе. Эта цифра рассчитана как разница между общей численностью и всеми остальными группами [*Перепись 1939*, 1990, ч. 4, с. 687, 696; ч. 8, с. 1648–1649; *Перепись 1937*, 1991, с. 47, 246–251; *АДХ*, 1993, с. 27].

Долгое время материалами переписи не пользовались, не упоминали о ней, даже после того, как репрессированные статистики были реабилитированы. Последний раз негативная оценка переписи 1937 г. прозвучала в статье Г. А. Павлова в 1972 г. [с. 28]. Но уже в следующем году говорилось: «Ф. Д. Лифшиц на основе проделанных им расчетов пришел к выводу, что максимально возможный недоучет населения из-за этих ошибок составляет 0,33% численности населения СССР (450 тыс.)» [*Лифшиц*, с. 329].

К сожалению, в этом расчете численность учтенного населения очень сильно преуменьшена (136 млн), но сам факт реабилитации переписи имел большое значение.

Вскоре в справочнике «Население СССР. 1973» [*Население*, 1975, с. 7] появилась оценка численности населения в 1937 г. — 163 772 тыс. человек (46 636 тыс. горожан и 117 136 тыс. сельских жителей). Судя по всему, эта цифра была получена введением поправки на недоучет к данным переписи 1937 г. в 1% (точнее, в 1,07%; вероятно, численность населения по переписи 1937 г. была принята при расчете в размере 162 151 тыс.). Этот шаг, вероятно, сделан по аналогии с переписью 1939 г., в которой была введена однопроцентная поправка. Определенную роль сыграли, конечно, оценки погрешности, сделанные после запрещения переписи и хорошо известные статистикам ЦСУ.

В перестройку интерес к переписи 1937 г. заметно вырос [*Максудов*, 1986, с. 325–342; *Поляков и др.*, № 6, с. 3–26; № 7, с. 50–70; № 8, с. 30–52; *Жиромская*, 2001, с. 47–48; *Жиромская, Поляков*, с. 5–23; *Тольц*, 1986, с. 161–178; *Максудов*, 1986]. Уцелевшие материалы сегодня опубликованы [*Перепись 1937*, 1991, 2007]. Если в недавнем прошлом основные эпитеты, которыми ее характеризовали, были «дефектная», «вредительская», то сегодня, как отмечает В. Б. Жиромская [*Перепись 1937*, 2007, с. 23], «исследователи единодушны в том, что перепись 1937 г. была проведена с большой тщательностью, и результаты ее отличаются высокой точностью».

Порой даже небольшие поправки, предлагавшиеся в свое время организаторами переписи, вызывают подозрение.

«М. В. Курман писал о недоучете 0,5–0,6% населения (одного миллиона человек). Особые обстоятельства, когда непризнание руководством страны результатов переписи становилось уже совершившимся фактом, думается, не могли не повлиять на оценку Курмана» [*Тольц*, 1986].

В. Б. Жиромская [2001а, с. 47–48], ссылаясь на И. А. Кроваля, оценивает погрешность переписи в 0,4–0,5%, АДХ [1993, с. 29, 44, 48, 124] корректируют материалы переписи в распределении по возрасту и полу на 700 тыс. человек (0,43%). В дальнейшем, ссылаясь на расчеты рождаемости и смертности, они снизили оценку поправки до 0,28% (460 тыс.).

Определенные недостатки переписи были признаны организаторами еще до объявления ее вредительской. Так, в марте 1937 г. начальник ЦУНХУ Кроваль писал:

«Большинство пропусков, имевших место при переписи, связаны с тем, что учитывалось **наличное** население: пропускались люди, выехавшие куда-либо на один-два дня из места своего постоянного жительства. Счетчики, работавшие по месту постоянного жительства этих граждан, вычеркивали их из своих списков (и поступали правильно), но они не всегда оказывались переписанными в тех местах, где находились фактически в ночь с 5 на 6 января.

Поэтому в дальнейшем, исходя из интересов абсолютно точного учета населения, необходимо перейти при переписи на учет наряду с наличным также и **постоянного** населения.

День переписи был установлен **неудачно**: выходной день, да еще под рождественские праздники, в каникулярное время. Дата неудачная, потому что подвижность населения в этот день резко повышена» [*Перепись 1937*, 2007, с. 40].

Погрешности в учете могли возникать также из-за слишком большой армии счетчиков (больше миллиона) и недостаточно хорошей их подготовки. Отмечалось еще, что счетчики, внося исправления в переписные листы, вычеркивая или вписывая отдельных людей, никак не фиксировали причины этих действий, что, конечно, затрудняло исправление сделанных ошибок. Сравнение численности народов Кавказа и Средней Азии в переписях 1937 и 1939 гг. показывает в ряде случаев слишком большой рост за два года, который не может быть объяснен высокой рождаемостью. Например, прирост чеченцев и ингушей, узбеков и др. [*Перепись 1937*, 2007, с. 110–111; *Перепись 1939*, 1992, с. 80–82]. Это явление вызвано, очевидно, неполнотой учета численности в 1937 г. Но главный недоучет, как отмечает Кроваль, вызывался вычеркиванием временно выехавших из дома перед днем переписи. Это было воскресенье накануне православного Рождества, когда число поездок, очевидно, было намного выше среднего и во многих случаях они захватывали субботу, воскресенье и соседние дни.

Вносить поправки в перепись 1937 г. по аналогии с переписью 1939 г. не слишком корректно, поскольку методики их проведения сильно различались. Очень существенно, что в 1937 г. не использовались контрольные бланки, обработка которых позволила включить в перепись 1939 г. 1171 тыс. человек (табл. 2.15, 2.16). Число контрольных бланков связано с количеством людей, не прошедших перепись дома, то есть уезжавших по делам. Расчет по данным Курмана оценивает число поездок в одном направлении в 1926 г. в 286 тыс. Учитывая поездки из села в город, из города в село и из села в село, получаем: $286 \times 3 = 858$ тыс. Такое же число получено

нами выше (860 тыс.) при рассмотрении различных вариантов коротких поездок сельских жителей. Эти цифры близки к оценке современных исследователей, колеблющихся в интервале 0,3–0,6% от численности населения. Работа, проделанная после признания переписи дефектной, дает заметно бóльшие цифры, как правило выше одного процента. Однако очевидная политическая ангажированность статистиков того времени не позволяет пока серьезно воспользоваться этими данными. С другой стороны, нельзя не отметить парадоксальное противоречие: перепись 1939 г., более точная, очевидно, по сравнению с предшествующей, включает поправки заметно более высокие, чем предлагают современные авторы к переписи 1937 г.

Я считаю возможным принять меньшее значение поправки, предложенной Курманом, — 0,5% от численности населения (800 тыс.). Может быть, эта цифра приводит к преуменьшению или преувеличению численности населения на несколько сот тысяч человек, но, как справедливо отметила по аналогичному поводу В. Б. Жиромская, переучет населения «не выходит за рамки допустимого в мировой практике переписного дела» [*Перепись 1939*, 1992, с. 8]. Таким образом, по нашему расчету, численность населения в стране на начало 1937 г. равна **162 839 тыс. (78 188 тыс. мужчин и 84 651 тыс. женщин).**

Перепись 17 января 1939 года

После объявления переписи 1937 г. вредительской было решено провести новую перепись. Ей придавалось огромное политическое значение:

«Задачи предстоящей переписи населения нашли свое исчерпывающее выражение в программе переписи, утвержденной СНК СССР и разработанной при личном участии и под руководством главы советского правительства В. М. Молотова. Переписной лист и инструкция к его заполнению являются документами выдающегося значения...

Программа переписи проникнута великими идеями Сталинской Конституции» [*Воблый, Пустоход*].

Одной из «великих идей», сформулированных, правда, в несколько угрожающей форме, было указание ЦК ВКП(б) и СНК: «Провести перепись без единого пропуска, без ошибок». Что может случиться с теми, чьи результаты будут ошибочными (или покажутся таковыми), организаторы переписи слишком хорошо знали.

Перепись 1939 г. послужила образцом для всех последующих, и статистики через 30 лет продолжали ею гордиться: «Перепись населения 1939 г. была проведена на значительно более высоком научном, методологическом и организационном уровне, чем предыдущая перепись, и явилась важным вкладом в развитие статистической науки и практики. При ее проведении применялись более совершенные методы организации всех работ, направленные на обеспечение точности и полноты учета населения, а также на сокращение сроков обработки полученных материалов. Разработка переписи была механизирована и осуществлена в короткий срок — 15 месяцев» [*Перепись 1970*, 1969, с. 21].

Результаты переписи были опубликованы в крайне сжатом виде в июне 1939 г. Обработка переписи проводилась в 1939–1940 гг., но доступными для исследователей эти материалы стали лишь в конце перестройки [*Перепись 1939*, 1990; *Демоскоп*, № 519, 520].

Перепись показала заметные изменения в грамотности, образовании, характере занятий и распределении населения по социальным группам. Эти и другие вопросы рассматриваются в работах ряда авторов, в первую очередь Вишневского [1998], Жиромской [2000, 2001, 2012], в коллективном исследовании «Демографическая модернизация России. 1900–2000» [2006].

Демографическая структура населения продолжала меняться в негативном направлении. Уменьшился по сравнению с 1926 г. процент мужчин, в то время как он должен был постепенно возрастать, поскольку в населении увеличивалась доля поколений, не пострадавших в годы Мировой и Гражданской войн. Половозрастные составы мужчин и женщин все более расходились между собой. У женщин снизился процент детей и увеличилась доля пожилых, у мужчин число лиц старше 60 сократилось до 5,3% и стало меньше, чем в 1926 г. (5,8%) и в 1897-м (6,2%) [*Перепись 1926*, т. 17]. Население страны оставалось в 1939 г. очень молодым. Половина граждан появилась на свет уже при советской власти, и лишь 20% жителей могли быть участниками Мировой и Гражданской войн.

В общем порядке при переписи 1939 г. было учтено 159 137 тыс. человек. Эта цифра была сообщена Сталину и Молотову 10 февраля 1939 г., тогда же дано распределение населения по областям и республикам с разбивкой на наличное и постоянное. Данные были получены обработкой телеграфных донесений с мест с учетом некоторых результатов контрольных обходов. Численность населения в труднодоступных районах была принята по переписи 1937 г. в размере 2330 тыс., а точнее 2 329 499 человек [*Перепись*,

1939, ч. 4, с. 688–695]. По сравнению с 1926 г. эта цифра выросла в несколько раз. Численность лиц, переписанных в особом порядке, 9–10 февраля, на 3 тыс. меньше, чем в данных, представленных правительству 1 февраля (табл. 2.14). В предварительной оценке численности населения ЦУНХУ, очевидно, использована эта более ранняя и более существенная цифра. Чтобы учесть неполный охват населения переписью, ЦУНХУ ввело поправку в 1% от численности населения — 1673 тыс. (табл. 2.14) [*Перепись*, 1939, *1990, ч. 4, с. 687*–696; *Перепись 1939*, 1992, с. 7][1] и добавило оценку по выборке из контрольных бланков — 1142 тыс.

Сегодня, когда мы наконец представляем себе не только политическую обстановку в ходе переписи, но и реальные обстоятельства ее проведения и обработки, проблема сводится к оценке поправок, сделанных ЦУНХУ на неполноту переписи (1%) и учет контрольных бланков (0,68%). (В табл. 2.15 число включенных с контрольных бланков равно 1140 тыс. человек.)

В результате получается численность наличного населения в размере 170 121 тыс. человек. Практически эту цифру и озвучил Сталин на XVIII съезде партии (170 126 тыс.). АДХ ставят под сомнение обе поправки, считая, что оценка численности населения была продиктована правительством:

«Численность населения была декларирована еще до получения окончательных итогов переписи. И. В. Сталин назвал 170 млн человек 10 марта 1939 г. в докладе на XVIII съезде ВКП(б), а после

---

[1] НКВД переписало 366 тыс. своих сотрудников, 269 тыс. гражданских лиц и 3108 тыс. заключенных и ссыльных. «Справка о численности контингентов, прошедших перепись по линии НКВД», в которой приводятся данные по областям и республикам общей численностью 3 742 914, составленная 1 февраля, получена в ЦУНХУ 4 февраля. Однако в докладе правительству 9 и 10 февраля использована цифра 3 738 822. Видимо, для этого снижения численности у статистиков ЦУНХУ были неизвестные нам причины. Данные о военнослужащих были отправлены в ЦУНХУ 7 февраля. На полях первой таблицы приложения записано: «3742 — НКВД, 2103 — НКО — 39 г., 156 948 т. общим порядком». Неизвестный автор привел численность населения, переписанного в особом порядке, — 5845 тыс. человек, то есть на 3 или 6 тыс. больше, чем сообщалось правительству 1, 9 и 10 февраля (табл. 2.14). Если использовать в расчете численности населения цифру переписанных в особом порядке (5845 тыс.), численность населения в труднодоступных районах, правильно округленную, — 2329 тыс., численность переписанных в общем порядке — 159 137 тыс., получаем численность населения в размере 167 311 тыс. человек. При использовании других данных о переписанных в особом порядке (табл. 2.14) возникают небольшие отклонения. Расхождения появляются потому, что мы не знаем, какие именно материалы использовали статистики того времени, а пользуемся случайно сохранившимися источниками. Также появляются отклонения из-за округления данных до тысяч.

трагического опыта переписи 1937 г. было очевидно, что расхождение итогов переписи с уже оглашенными цифрами привело бы к тяжелым последствиям для ее организаторов. Именно поэтому итоги переписи неоднократно пересматривались, а в окончательном виде содержат малообоснованные поправки. По архивным документам общий результат переписи 1939 г. можно представить следующим образом (в тыс. человек):

1. Численность наличного населения, переписанного в общем порядке (без спецпереписи) — 159 137.
2. Оценка численности по труднодоступным районам — 2330.
3. Численность населения, переписанного в особом порядке — 5843.
4. Всего переписано по СССР — 167 309.

Судя по архивным документам, эти сведения были получены в начале марта 1939 г.» [*АДХ*, 1993, с. 30–31].

Сравнение приведенных АДХ цифр с данными табл. 2.14 показывает, что все сведения с ничтожными расхождениями были представлены правительству не в начале марта, а уже 10 февраля. АДХ также неправы, утверждая, что оценка численности в 170 млн навязана ЦУНХУ докладом Сталина на съезде. Сталин лишь назвал результаты предварительной обработки данных, представленные руководством ЦУНХУ. Оно находилось в постоянном контакте с правительством, рапортуя обо всех этапах проведения и обработки переписи и всех полученных результатах. Уже первого февраля Саутин отправил Молотову справку об итогах переписи, а 9 и 10 февраля переслал правительству уточненные данные, очень близкие к окончательным результатам (табл. 2.14).

Таблица 2.14. **Численность населения по переписи 1939 г., тыс. человек**

Население	1 февраля 1939	9–10 февраля 1939	
	Наличное	Наличное	Постоянное
Городское	52 107	52 377	51 567
Сельское	106 701	106 760	107 504
Переписано в особом порядке	5 842	5 839	5 830
Труднодоступные районы	2 330	2 330	2 330
Всего	166 980	167 306	167 230

Источник: [*Перепись 1939*, 1990, ч. 2, с. 241–244].

В конце февраля или самом начале марта правительству была направлена предварительная оценка численности населения — немного больше 170 млн. Неслучайно Саутин, отвечая на запрос о классовой структуре населения, 5 марта оперирует этой цифрой как общеизвестной: «Центральное Управление Народно-Хозяйственного Учета Госплана СССР сообщает Вам расчетные данные о классовой структуре населения СССР. Численность населения на 1 января 1937 г. и на 1 января 1938 г. принята предположительно с учетом предварительных итогов переписи населения 1939 г. (на январь 1939 г. около 170 млн)» [*Перепись 1939*, 1990, вып. 4, с. 784].

Однопроцентная поправка

АДХ отмечают: «Перепись 1939 г. с точки зрения счета населения проводилась весьма тщательно. Все инструкции были нацелены на то, чтобы не пропустить ни одного человека. Дважды уточнялись списки домовладений, тщательно составлялся оргплан, в котором имелись предварительные оценки численности населения. Усилия организаторов переписи скорее могли привести к повторному счету, чем к недоучету населения, что после трагедии 1937 г. было вполне понятно. Из этих соображений весьма преувеличенной представляется и однопроцентная поправка на недоучет. Сопоставляя итоги переписей 1937 и 1939 гг. и привлекая данные о числе рождений и смертей за 1937, 1938 гг., с соответствующей коррекцией можно принять как наиболее вероятную поправку на недоучет в переписи 1939 г., равную 0,3%» [*АДХ*, 1993, с. 32].

Авторы совершенно правы, утверждая, что перепись 1939 г. проводилась тщательно, лучше, чем какая-либо другая перепись в СССР. Но, как было показано выше, существуют большие группы населения, которые случайно или умышленно могли не пройти перепись.

В письме к правительству руководители ЦУНХУ объясняют введение поправки тем, что в переписях западных стран отмечался такого рода и даже больший недоучет (1–2%). Введение такой поправки (в размере 1673 тыс.) совершенно очевидно продиктовано желанием увеличить численность населения. Характер проведения переписи 1939 г. сильно отличался от принятого в западных странах. Конечно, уклонения от учета, умышленные и случайные, имели место всегда. Но не приходится сомневаться, что в 1939 г. таких погрешностей было меньше, чем в каких-либо

иных советских переписях. А для коррекции необходимы серьезные методы оценки пропусков, а не просто волевое решение. Попытка дополнительно повысить точность может осложнить сопоставление полученных результатов с другими переписями. При использовании в расчетах переписей 1926 и 1937 гг. введение такого рода поправок в перепись 1939 г. заметно искажает картину. Трудно согласиться и с тем, что соотношение переписей 1937 и 1939 гг. показывает необходимость такого рода поправки. Скорее наоборот, в поправке нуждается перепись 1937 г. Таким образом, для переписи 1939 г. поправка на недоучет не нужна не только в один процент, но даже в десятые доли процента, особенно если принять во внимание, как уже отмечалось, необычайную тщательность проведения этой переписи. Добавим еще, что при окончательной обработке переписи однопроцентников не только распределили по территории страны, но и присвоили им определенную национальность (прил. 8).

Обработка контрольных бланков

Вторая важная поправка к результатам переписи 1939 г. получена при обработке контрольных бланков.

Контрольный бланк был одной из специальных мер, направленных на повышение точности учета населения: для предотвращения пропусков и во избежание двойного счета. Бланк заполнялся счетчиком, когда он «во время переписи встречал лиц, которые постоянно или хотя бы временно проживали на его участке, но на день переписи (на момент счета населения) находились в другом месте и не имели справки о прохождении переписи в этом месте... Лица, на которые составлены контрольные бланки, не вносятся в общие переписные листы в число наличного населения» [*Подъячих*, с. 19].

Однако счетчики могли вносить таких людей в переписные листы как временно отсутствующих. Контрольный бланк содержал все вопросы переписного листа, но, кроме того, в специальную графу записывался подробный адрес места, где был заполнен бланк. Также спрашивалось, внесен ли адресат одновременно с составлением бланка в переписной лист или нет, составлен бланк путем личного опроса или заочно. Записывался и подробный адрес места, где данное лицо должно было пройти перепись, включая фамилию владельца дома, фамилию, имя, отчество лица, у которого проживал респондент. Кроме того, подробнейшим образом

требовалось зафиксировать проводившуюся проверку: переписной отдел, инструкторский участок, счетный участок. Если данное лицо было вписано ранее в переписной лист, то требовалось указать номер переписного листа, сводную ведомость по домовладению или подворный список. Если же лицо не было вписано и внесено, после проверки опять же указывался номер переписного листа, сводная ведомость по домовладению или подворный список. Предусматривалась подпись проверявшего и дата проверки.

Контрольные бланки пересылались по месту постоянного жительства человека, в соответствии с адресом, по которому он должен был пройти перепись. (Адрес указывал сам опрашиваемый, и тут были возможны случайные и умышленные искажения.) На участке проверялось, был ли данный человек записан в переписной лист и если не был, то в какую категорию его следует включить.

Заполнение контрольных бланков и их обработка были очень важным элементом переписи, к проведению которой было привлечено около 480 тыс. человек. Эти люди напряженно работали, стараясь точно выполнять требования тщательно разработанной инструкции. Они могли делать ошибки, но следов подталкивания к фальсификации, в частности к завышению численности (выдумыванию лиц или вписыванию фактически отсутствующих), практически не видно. Инструкции и обращения властей призывают лишь к возможно большей точности. Наказанием угрожают как за пропуск, так и за попытку вписать в переписной лист лиц, не подлежащих учету. Также совершенно не ясно, каким образом счетчики могли бы увеличить численность населения. Выдумать членов семей, якобы присутствовавших во время переписи?! Сотворить целые семьи, дома, населенные пункты с фиктивными адресами?! Но такие решения невозможны без участия населения и сельской администрации и легко могут быть разоблачены. Единственная легальная возможность исправить положение заключалась во включении действительно существующих людей, с которыми счетчику не удалось встретиться в ходе переписи и при контрольном обходе, то есть в заполнении переписного листа с чужих слов или по имеющимся документам. Но эту меру трудно назвать фальсификацией, поскольку в последующих советских переписях она стала нормой, законным способом фиксации населения. Таким образом, искусственное завышение численности населения даже при желании счетчиков и инструкторов было в 1939 г. на самом деле невелико.

В ходе переписи было заполнено 2729 тыс. контрольных бланков, а при контрольном обходе — еще около 1838 тыс. Перепись

учла в городе 2 372 131 временно проживающих и 1 562 351 временно отсутствующих, в селе было 3 850 143 временно отсутствующих и 3 056 973 временно проживающих [*Перепись 1939*, 1990, вып. 9, с. 1722–1749]. Эти 5429 тыс. временно проживающих вне дома и составили, по-видимому, значительную часть внесенных в контрольные бланки для дальнейшей проверки по месту прохождения переписи.

Возникает вопрос: почему после завершения переписи, когда абсолютное большинство жителей были занесены в переписные листы, при контрольном обходе инструкторы-контролеры записали еще почти 2 млн на контрольные бланки? Дело в том, что многие временно проживающие уехали из дома на короткий срок и в процессе переписи постепенно возвращались домой, а на их место прибывали новые приезжие. Счетчик проводил перепись на своем участке в течение 6–7 дней, охватывая каждый день в городе лишь одну седьмую (в селе одну десятую) часть населения. Уезжали люди как с переписанных территорий, так и с еще не переписанных, а приезжающие попадали как на не пройденный счетчиками участок, так и на уже обработанную территорию. Таким образом, в конце обхода часть переезжавших оказалась не прошедшей перепись. Контрольный обход почти полностью охватил этих людей, оказавшихся вне учета в ходе переписи.

Другой — и чрезвычайно массовой — группой, поневоле «уклонявшейся» от переписи, были люди, работавшие далеко от дома. Они уходили на работу рано утром и возвращались поздно вечером. Таких работников было много, и счетчик физически не мог забежать к каждому из них пораньше до работы или вечером после работы. А инструкция предписывала ему заполнить переписной лист в личном разговоре с опрашиваемым. Многие из счетчиков так энергично старались выполнить это предписание, что даже заслужили впоследствии неодобрение одного из ответственных руководителей по проведению переписей П. Г. Подъячих: «В городских поселениях в течение шестого и седьмого дней счетчики занимались преимущественно розысками лиц, которых было трудно застать дома. Эта работа была напряженной и требовала много времени, однако фактически она себя не оправдала. Для переписи “неуловимых” лиц нужно было полностью использовать своеобразный “метод самоисчисления”, состоящий в том, что счетчик при первом или втором посещении квартиры оставляет “неуловимому” специальный бланк с вопросами переписного листа и просьбу: 1) записать на бланке ответы на эти вопросы

и 2) оставить ответы у соседей или доставить счетчику по указанному им адресу. В крайнем случае, "неуловимых", которые почему-либо не выполнили бы эту просьбу, можно было переписать со слов соседей или по данным, имеющимся в домоуправлении. Число "неуловимых", которые не отозвались бы на просьбу счетчика, было бы настолько незначительным, что возможные неточности при переписи их со слов соседей или по данным домоуправлений совершенно не оказали бы влияния на качество итогов переписи. Несмотря на указание лично встретиться с каждым "неуловимым", некоторые счетчики уже при втором посещении лиц, которых трудно застать дома, оставляли им переписные листы с просьбой заполнить их. В исключительных случаях поступать так счетчикам разрешали вышестоящие переписные работники» [*Подъячих*, с. 94–95].

Конечно, в последующих переписях такой старательности от счетчиков по поиску каждого человека не ожидалось, хотя бы потому, что возглавил подготовку переписи 1959 г. П. Г. Подъячих. Однако многие исследователи, считая результаты, полученные с помощью контрольных бланков в 1939 г., полностью недостоверными, предпочитают ориентироваться на перепись 1959 г., об обработке контрольных бланков которой известно лишь несколько самых общих цифр. АДХ писали:

«Учитывая спешку с контрольными бланками, долю лиц, не разысканных в переписных листах и внесенных в них с контрольных бланков, следует признать завышенной.

Записка датирована 21 марта, хотя план предусматривал завершение работы с контрольными бланками только 31 марта; фактически разборка бланков закончилась еще позже... Поэтому естественно предположить, что включение в итоги переписи с контрольных бланков более 1,1 млн человек не имело под собой никаких оснований... Если учесть к тому же, что в разных источниках приводилось разное число контрольных бланков, составленных при переписи 1939 г., то станет трудно избежать подозрения, что эти данные не соответствуют реальности. Таким образом, сомнительным представляется не только число лиц, внесенных в переписные листы с контрольных бланков, но и само число контрольных бланков» [*АДХ*, 1993, с. 31; 1998, с. 33, 36].

АДХ ссылаются на П. Г. Подъячих, который в докладе о подготовке переписи 1970 г. упомянул результаты обработки контрольных бланков в 1959 г. При этом, однако, осталось неизвестным, кто и каким образом проверял правильность заполнения

контрольных бланков в 1959 г. Надежность этой проверки вызывает большие сомнения, поскольку абсолютно все лица, и найденные, и ненайденные, в переписных листах были с контрольных бланков учтены в результатах переписи 1959 г.

В 1939 г. большой спешки и нарушения графика работ не было и с числом контрольных бланков никаких проблем не возникало. Скорее всего, сегодня у нас просто слишком мало информации о том, когда, что и как в то время делалось. В упомянутом выше письме от 10 февраля Саутин сообщает о 4452 тыс. контрольных бланков. Это, безусловно, предварительные данные, полученные по телеграфу, потому что в этот день только заканчивался контрольный обход. Неудивительно, что при окончательной обработке число контрольных бланков немного возросло (4567 тыс.). Отмечая неполноту имеющихся сведений, Саутин пишет: «В результате проверки контрольных бланков часть записанных в них лиц должна быть дополнительно внесена в переписные листы. Не имея сейчас возможности определить, насколько увеличится итог наличного населения, ЦУНХУ организует выборочную проверку контрольных бланков и к 27 февраля сообщит расчеты по этому вопросу... Свои предложения о поправке к итогам переписи за счет недоучета ЦУНХУ представит также 27 февраля».

Оценка данных по выборке представляется совершенно верной, поскольку хорошо организованная выборка близка к генеральной совокупности. Результаты обработки бланков на этом этапе представлены, в частности, в табл. 2.15. В ней рассматриваются 4 413 335 контрольных бланков. Три первые цифры в столбце «Наличное» дают в сумме 1140 тыс., то есть практически цифру, вошедшую в расчет предварительной оценки, объявленной Сталиным на съезде. Не были включены в предварительный расчет две категории, которые в таблице указаны как гипотетические («Может быть записано...»).

Таблица 2.15, очевидно, была составлена при расчете численности населения или вскоре после нее, когда еще не все переписные листы были обработаны.

Существует более поздний документ, в котором подводятся окончательные итоги обработки контрольных бланков (РГЭА, ф. 1562, оп. 336, ед. хр. 95, с. 32–37). В нем представлены результаты обработки контрольных бланков по республикам, краям и областям, всего по 93 административным единицам, количество собранных бланков, отосланных в другие области и республики, полученное из других регионов и, наконец, общее количество

Таблица 2.15. **Численность населения по результатам обработки контрольных бланков в переписи 1939 г., тыс. человек**

Распределение контрольных бланков	Мужчины	Женщины	Оба пола	Наличное	Постоянное
Оставлены без изменений в п. л.	1700,3	1154,3	2854,6	—	—
Из временно отсутствующих переведеныв постоянное население	207,4	99,0	306,3	306,3	—
Из наличного постоянного населения переведены во временно проживающие	10,8	7,3	18,1	—	18,1
Из временно проживающих переведены в постоянное	11,0	7,3	18,3	—	18,3
Записано в п. л. как временно проживающие	186,7	96,4	283,1	283,1	—
Записано в п. л. как наличное и постоянное	324,6	226	550,7	550,7	550,7
Может быть записано в п. л. как временно проживающие	43,0	23,9	66,8	66,8	—
Может быть записано в п. л. как наличное и постоянное	192,6	122,8	315,5	315,5	315,5
Итого	2676,3	1737,1	4413,3	1455,6*	866,3**

* В таблице сумма равна 1522,4 тыс., поскольку включает 66,8 тыс. человек, не вошедших впоследствии в перепись.

** Сумма включает только две последние категории постоянного населения (РГАЭ, ф. 1562. оп. 336–337. ед. хр. 95. с. 32–37).

Примечание. «п. л.» — переписные листы. Данные округлены до сотен, что иногда приводит к небольшим расхождениям. Внизу столбца «Наличное» карандашом подписано 170 467 186 (численность населения) и ручкой — 0,89 (процент включаемых бланков от численности населения).

контрольных бланков, подлежащих к обработке на данной территории (табл. 2.16, столбец 2). Хотя суммарное число посланных и полученных бланков должно совпадать, отмечается небольшое расхождение: послано на 2883 бланка больше, чем получено. По-видимому, часть полученных бланков была признана дефектной или пропала по дороге.

В основу табл. 2.15 лег документ, демонстрирующий результаты обработки контрольных бланков. Он, по-видимому, составлен еще до окончания увязки учтенного и «намеченного» населения.

Обработка контрольных бланков проводилась сравнением их с соответствующими переписными листами. По СССР было оставлено без изменений 2879 тыс. человек и вычеркнута отметка о временном отсутствии у 312 тыс. Всего было рассортировано для проверки 4564 тыс. бланков, но число обработанных бланков составляет только 4477 тыс., а 87 тыс. бланков не попали ни в одну из граф, то есть были исключены из расчета. Это специально отмечено составителями таблицы. В конце последней страницы в документе в строке, где подведены суммарные итоги по СССР, вписано «4 476 933 + 87 125 = 4 564 058». Иными словами, авторы продемонстрировали полное совпадение исходного числа бланков и бланков, рассмотренных в процессе обработки.

В табл. 2.16 колонка 1 озаглавлена «Намеченное население на 17.01.1939». Слово «намеченное» означает, что численность не подсчитана, а предписана руководством и демографы должны скорректировать данные так, чтобы получилась заданная цифра. Для этого из центра на места высылались бланки на лиц, переписанных в особом порядке. Так же, очевидно, распределялась фиктивная однопроцентная надбавка, введенная как компенсация неполноты учета.

Лица, не найденные в переписных листах, делятся на тех, у кого установлен пропуск при переписи, и тех, у кого пропуск не установлен. У первых пребывание их в указанном ими месте подтверждено (по СССР — 859 тыс.). Они заносились в переписные листы с отметкой о проживании «временно» — 292 тыс. или с отметкой «постоянно» — 567 тыс. А лица, для которых место прохождения при переписи не установлено и их проживание по указанному на бланке адресу не подтверждается, делятся на тех, кто был занесен в переписные листы, — 69 тыс., и тех, кто в ходе переписи не был занесен в переписные листы, — 320 тыс.

Как видно из табл. 2.15, наличное население СССР могло быть увеличено за счет контрольных бланков на 1559 тыс. человек. Однако при окончательной обработке в перепись не вошла группа лиц, у которых место переписи не было установлено, но они были занесены в переписные листы во время заполнения контрольного бланка. Отказ от использования в переписи этих данных представляется вполне оправданным, так как в этом случае был возможен двойной счет. Таким образом, с контрольных бланков вошло в перепись 1456 тыс. человек. На этой же странице на полях справа разъяснено, из каких сведений по республикам складывается цифра 87 125. Там говорится: «Всего изменения численности

Таблица 2.16. **Численность населения по результатам проверки контрольных бланков по республикам, тыс. человек**

Республика	1	2	3	4	5	6	7	8
СССР	170 467	4 564	69	320	292	566	2 879	312
РСФСР	109 279	3 171	44	213	198	340	2 038	230
Украина	31 785	695	13	57	38	94	445	35
Белоруссия	5 571	92	1	5	8	11	62	5
Азербайджан	3 205	66	—	—	8	26	27	4
Грузия	3 540	107	4	8	10	19	61	5
Армения	1 282	43	2	13	1	—	24	2
Туркмения	1 252	26	—	3	1	5	14	2
Узбекистан	6 347	122	2	8	10	35	60	6
Таджикистан	1 485	42	0	2	3	12	22	2
Казахстан	6 081	169	2	11	11	15	111	17
Киргизия	1 458	30	0	0	4	9	14	3

Примечание. Без районов Крайнего Севера. Данные округлены до тысяч, в связи с этим возможны некоторые расхождения. В колонке 1 «Намеченное население на 17.01.1939» численность населения дана по регионам: для 53 областей и краев, национальных республик России, 12 — Украины, шести — Узбекистана, 12 — Казахстана и семи союзных республик. В колонке 2 указано количество бланков, предназначенных для обработки в данном регионе. В колонках 3 и 4 — контрольные бланки на лиц, у которых место прохождения переписи не установлено. В колонках 5 и 6 — данные занесены в переписные листы, в пятой с отметкой «временно», шестой — «постоянно». Колонка 7 — записи в переписных листах найдены, оставлены без изменений. Колонка 8 — записи в переписных листах найдены и вычеркнута отметка «временно». В следующих двух колонках рассматриваемого документа, не включенных нами в таблицу, у 18 258 человек отметка «постоянно» изменена на «временно», наоборот — у 18 636 человек ([*Перепись 1939*, 1990, ч. 4, с. 688–690]; РГАЭ, ф. 1562, оп. 336, ед. хр. 95. с. 32–33).

наличного населения в результате проверки: 79 417 — РСФСР, 7565 — УССР, 19 — Уз. ССР, 90 — БССР, 33 — Каз. ССР». Очевидно, что эти бланки были исключены из расчета во время обработки. Вероятно, речь идет о людях, пропущенных при переписи и обнаруженных при контрольном обходе. Видимо, эти данные не включались в обработку контрольных бланков, поскольку они уже были занесены в переписные листы[1] (табл. 2.16).

[1] К этому предположению приводит совпадение количества исключенных из таблицы и обнаруженных при контрольном обходе. Также обращает на себя внимание, что большинство исключенных приходится на РСФСР и Украину, то есть территории, где контрольный обход, как и все этапы переписи, осуществлялся более надежным образом.

Возвращаясь к критике переписи исследователями, можно заметить, что контрольные бланки были обработаны полностью, без спешки. Работа была завершена в конце апреля, то есть заняла три месяца. Из методов обработки видно, что вероятность двойного счета в процессе проверки бланков была невелика, поскольку все лица, включаемые с контрольных бланков, были либо найдены в переписных листах, либо было подтверждено их наличие на месте их постоянного проживания, и там они были включены в перепись. Исключение составляет лишь сравнительно немногочисленная группа занесенных в переписные листы и на контрольные бланки, но не обнаруженных на указанном ими месте проживания.

Сравнение результатов переписей 1939 и 1959 годов

Несмотря на сказанное выше о точности переписи 1939 г., АДХ решительно предпочли отказаться от рассмотрения результатов обработки контрольных бланков и опираются на аналогию с переписью 1959 г.: «Мы предложили при оценке возможного числа лиц, внесенных в итоги переписи с контрольных бланков, ориентироваться на перепись 1959 г., где при аналогичной методике работы с контрольными бланками численность населения была увеличена не на 0,68%, как это было сделано ЦУНХУ в 1939 г., а лишь на 0,38%» [*АДХ*, 1993, с. 33].

Действительно, переписи 1939 и 1959 гг. по методике проведения и обработки данных близки, но существенно при этом различалось настроение граждан и участников проведения переписей. В 1939 г. точности учета придавалось огромное значение. Счетчики шли в обход как на битву, в которой решается их личная судьба и судьба всей страны. Они были готовы проделать огромную лишнюю работу, лишь бы подстраховаться и как можно точнее провести перепись. Пропуск или повторный счет могли произойти и по объективным, не зависящим от счетчиков обстоятельствам. Родственники могли забыть или не захотеть указать давно уехавших членов семьи, те же считали себя временно отсутствующими; могли выпасть из рассмотрения люди, побывавшие в переписной день в гостях и уехавшие домой. В то же время могли вписать уехавших на учебу или службу в армии, живущих вне дома более полугода, студентов на каникулах. Страх наказания за ошибку, несомненно, делал учет постоянно проживающих и временно отсутствующих особенно тщательным. Но вписывать несуществующих людей, чтобы увеличить численность переписанных,

было так же опасно и наказуемо. Не следует забывать, что существовал оргплан с ориентировочной оценкой численности населения, составленный, очевидно, по результатам переписи 1937 г. Переписи предшествовал предварительный обход, так что счетчики и контролеры приблизительно знали, сколько человек проживает на данной территории, а вслед за переписью проводился сплошной контрольный обход счетчиком и проверявшим его контролером. Все эти сведения должны были совпадать, и приписки могли быть легко выявлены.

Участники переписи 1939 г. составляли в 1959 г. меньше трети населения [*Перепись 1959*, с. 49]. Изменилась жизнь людей, их занятия, уровень образования и многое, многое другое. Наивно предполагать, что при всех этих фантастических переменах сохранится постоянной пропорция между количеством людей, встретившихся счетчику вне дома (оно зависит от числа кратковременных поездок и их продолжительности), и численностью населения. Насколько неустойчив этот коэффициент, видно из того, что доля населения, записанного с контрольных бланков в переписях, составила в 1939 г. 0,68%, в 1959 г. — 0,38%, а в 1970 г. — 0,14% [*Перепись 1970*, с. 4–5].

Между 1939 и 1959 гг. коэффициент уменьшился на 44%, а между 1959 и 1970 гг. расхождение достигло 63%. При этом ясно, что не следует вносить коррективы в перепись 1959 г. по результатам переписи 1970 г. Рассмотрим подробнее различные оценки вариантов контрольных мероприятий, использовавшиеся в переписях 1939 и 1959 гг. (табл. 2.17).

Таблица 2.17. **Сравнение результатов разборки контрольных бланков при переписях 1939 и 1959 гг., тыс. человек**

Категории населения	1939, АДХ	1939 А	1939 Б	1939 М	1959
Наличное население	168 451	170 126	170 467	168 566	208 827
Постоянное население	168 364	—	170 357	—	208 247
Временно проживающие	—	5 238	5 845	—	5 558
Временно отсутствующие	—	5 157	5 758	—	4 973
Сельское население	—	—	—	114 432	108 849
Заполнено контр. бланков	4 413	4 413	4 567	4 567	1 974
1. Найдено в переписных листах	3 197	3 197	3 228	3 228	1 399

Продолжение табл. 2.17

Категории населения	1939, АДХ	1939 А	1939 Б	1939 М	1959
1а. В т.ч. записано правильно, как наличное население	2 855	2 855	2 879	2 879	1 153
1б. Вычеркнута запись о временном отсутствии	306	306	312	312	217
1в. Вычеркнута запись о временном проживании	18	18	18	18	10
1г. Сделана запись о временном проживании	18	18	18	18	19
2. Не найдены в переписных листах	834	1216	1 339	1 339	575
2а. Внесены в переписные листы как наличное население	834	834	859	859	572
2а-1. Записаны как временно проживающие	283	283	292	292	297
2а-2. Без записи о временном проживании	551	551	567	567	275
2б-1. Могли быть записаны в переписные листы как временно проживающие	—	67	69	69	—
2б-2. Дополнительно записаны как «наличное и постоянное»	—	315	320	320	—
3. Записаны при контрольном обходе	—	87	87	87	285
4. Всего внесено с помощью контр. бланков	1 140	1 140	1 491	1 171	789
5. Всего внесено с контр. бланков и при контр. обходе	—	1 227	1 578	1 258	1 074
6. Оказались дефектными и не включены с контр. бланков	—	382	160	480	3

Примечание. АДХ — расчет Андреева, Дарского, Харьковой. А — результаты предварительного расчета авторов обработки контрольных бланков. Б — окончательные результаты обработки контрольных бланков. М — Максудов.

Источники: РГАЭ, ф. 1562, оп. 336–337, ед. хр. 95, с. 32–37; [*Демографическая история*, с. 35; *АДХ*, 1993, с. 32; *Перепись 1939*, 1992, с. 20–21; *Перепись 1959*, с. 6–7, 17; *Павлов*, с. 27–28].

По лицам, вписанным с контрольных бланков, можно лишь частично судить о результатах контрольных мероприятий (строка 4). В их число входят также люди, не прошедшие перепись и обнаруженные при контрольном обходе (строка 3). Эти два типа контроля связаны между собой. Лица, которые при более аккуратном проведении переписи были записаны на контрольные бланки, в другом случае могли быть обнаружены лишь при контрольном обходе. При оценке изменения численности населения в результате контрольных мероприятий (строка 5) разница переписей уже не так велика (0,75 в 1939 г. по нашей оценке и 0,51% в 1959 г.).

Однако это соотношение не единственная и не лучшая мера качества переписи. Этот показатель в послевоенных переписях быстро снижался. В 1959 г. — 0,51%, в 1970-м — 0,36% (264 тыс. лиц при контрольном обходе половины населения и 348 тыс. при проверке контрольных бланков), в 1979-м — 0,12% (при проверке контрольных бланков и при выборочных контрольных обходах — 305 тыс. человек) [*Перепись 1959*, с. 7; *Перепись 1970*, т. 4, 1972, с. 3–5; *Перепись 1979*, т. 1, с. 5–6]. Это снижение коэффициента вряд ли может служить свидетельством улучшения качества проведения переписей, скорее оно показывает падение интереса к скрупулезной точности учета численности населения[1].

Изменения образа жизни населения, особенно сельских жителей, произошедшие за 1939–1959 гг., оказали существенное влияние на количество и продолжительных деловых поездок. Выросло число горожан, люди стали более образованными. В деревнях стало больше школ, клубов и лечебных заведений, появились грузовые и даже легковые машины, мотоциклы, выросла сеть железных дорог[2]. Уменьшилось число сельских населенных мест. В 1926 г. их было 614 тыс., а в 1959 на большей территории (в послевоенных границах, исключая лишь Прибалтику и Молдавию) — 442 тыс. [*Перепись 1959*, с. 44–51]. В результате для селян перестала быть такой острой необходимость выезжать на день или больше

---

[1] Организаторы переписей все меньше внимания уделяли учету наличного населения, ограничившись постоянным, записываемым, когда это необходимо, со слов родственников, соседей, администрации, а то и самого счетчика. Сегодня погрешность переписи измеряется не долями процента, а многими процентами, поскольку от какой-либо проверки двойного учета отказались, исключив фамилию переписываемого из обработки бланков. Так, в переписи 2002 г. численность чеченцев и ингушей была, по нашему расчету, преувеличена на 32% [*Максудов*, 2010, с. 346–359].

[2] После распространения паспортной системы на сельских жителей заметно возросло число людей, живущих в деревнях и отправляющихся на работу в город на электричках и автобусах.

за границы места своего постоянного проживания, сократились сроки их пребывания вне дома. Отчасти об этом можно судить по меньшему количеству временно проживающих и временно отсутствующих в 1959 г. по сравнению с 1939-м, несмотря на возросшую численность населения (табл. 2.17).

Следует принять во внимание изменение структуры населения между переписями: уменьшилась как доля мужчин, так и процент сельских жителей. А на сельских мужчин приходилось подавляющее число кратковременных поездок и, соответственно, большинство контрольных бланков. Дело в том, что временным отсутствием считался выезд за границы своего населенного пункта. Городов и поселков в стране было около 2 тыс., а деревень и хуторов — более 400 тыс. Так что для крестьянина вероятность оказаться на чужой стороне во время поездки к врачу, в магазин или в гости была в сотни раз выше, чем для горожанина, для которого все эти мероприятия осуществлялись, как правило, в границах места обитания. По этой причине отношение числа лиц, оказавшихся вне дома в день переписи и обнаруженных в результате контрольных мероприятий, к численности сельского населения более показательно, чем пропорция ко всему населению. Оно оказалось в переписях почти одинаковым: в 1939 г. — 1,1%, в 1959-м — 0,99%. При сравнении переписей 1939 и 1959 гг. по другим не менее важным параметрам мы видим, что разница между наличным и постоянным населением, между количеством временно проживающих и временно отсутствующих в 1939 г. в несколько раз меньше, чем в 1959-м (табл. 2.17, прил. 8).

Доля лиц, записанных на контрольные бланки и найденных в переписных листах, в переписях 1939 и 1959 гг. практически одинакова — 71%. Это важное свидетельство того, что большое число контрольных бланков в 1939 г. не было избыточной перестраховкой, оно вполне оправданно, поскольку соответствовало вероятности охвата контрольными мероприятиями как прошедших перепись, так и не прошедших ее. Среди найденных в переписных листах в 1939 г. 89% оказались записаны правильно как наличное население, в 1959 г. их было немного меньше — 82%.

Хотя методика составления контрольных бланков в переписях была одинаковой, действия при рассмотрении бланков, составленных на людей, не обнаруженных в переписных листах, существенно различались.

В 1939 г. бланки тщательно исследовались, сортировались, проверялись по месту проживания данного лица. Дефектные

и сомнительные отсеивались. В результате с контрольных бланков не были включены в перепись из числа лиц, не найденных в переписных листах: в 1939 г. при первоначальном расчете — 31%, в окончательном расчете — 11%, в нашем расчете — 36%[1]. В 1959 г. таких бланков оказалось меньше 1%. Практически все, что написали сотни тысяч счетчиков в разных концах страны на разных языках, разными почерками, с разной аккуратностью, все адреса и факты, названные сотнями тысяч респондентов, были признаны абсолютно достоверными. Так же как и все сказанное сотнями тысяч людей, различающихся возрастом, памятью, желанием или нежеланием сотрудничать со счетчиками...

Очевидно, факт включения всех контрольных бланков в наличное население говорит о том, что в 1959 г. точности переписи не придавалось такого сакрального значения, как в 1939-м, и возможная погрешность в десятые доли процента никого не смущала. Из этого следует, что по степени достоверности перепись 1959 г. заметно уступала своей предшественнице. Об этом же свидетельствует большая разница между числом людей, обнаруженных при контрольном обходе в 1939 г. (87 тыс.) и в 1959-м (285 тыс.). В ответ на мое утверждение, что это демонстрирует более высокую надежность переписи 1939 г., АДХ замечают: «Можно согласиться с мнением Максудова, что значительное число переписанных в 1959 г. при контрольном обходе (285 тыс.) говорит о менее тщательной работе счетчиков, чем в 1939 г. (87 тыс.). Но опыт последующих переписей позволяет допустить, что в 1959 г. при контрольном обходе переписывались жилые помещения, обитателей которых счетчик так и не застал дома за весь период переписи. Данные о таких семьях берутся из картотек паспортного учета. В 1939 г. подобная практика, по-видимому, не стала массовой» [*АДХ*, 1998, с. 36].

Из этого утверждения следует, что в 1959 г., используя картотеки паспортного учета, инструкторы обнаружили несколько сотен тысяч человек, не прошедших перепись, а в 1939-м аналогичные группы людей были пропущены. То есть в 1939 г. не только не была преувеличена численность населения, но она была преуменьшена, и нужно было бы по модели 1959 г. несколько увеличить в 1939 г.

---

[1] АДХ утверждают, что при переписи 1939 г. все контрольные бланки так или иначе включались в перепись: «Заполненные контрольные бланки направлялись в переписной отдел той области, где данное лицо должно было быть учтено в составе наличного населения, и использовались для проверки полноты учета при переписи. Если на такого человека обычный переписной лист отсутствовал, то контрольный бланк приравнивался к переписному листу» [*АДХ*, 1993, с. 31].

долю населения, учтенного с помощью контрольных мероприятий. Однако АДХ поступают прямо противоположным образом.

Заметим, что в 1959 г., как и в 1939-м, от счетчика требовалось лично встретиться с опрашиваемым и самоисчисление допускалось лишь в специальных случаях с разрешения инструктора. Но, несомненно, в 1959 г. этим разрешением пользовались намного более широко. Запись с чужих слов была разрешена лишь в переписи 1970 г. [*Всесоюзное совещание*, с. 184]. Опыт использования паспортного учета в последующих переписях не так существен для 1959 г., поскольку в это время сельские жители, составлявшие больше половины населения, еще не имели паспортов. Массовое использование картотек и других вспомогательных средств началось позже и вело к размыванию идеи учета наличного населения и переходу к фиксации только постоянного. Таким образом, можно утверждать, что небольшое число непереписанных граждан, обнаруженных при контрольном обходе, является следствием более высокого качества проведения переписи в 1939 г. и более широкого использования контрольных бланков в этой переписи.

Численность населения по переписи 1939 года

Как уже отмечалось, окончательная численность населения, опубликованная в июне 1939 г., составляла 159 137 тыс. человек, переписанных общим порядком. В сведения по полу и возрасту вошли также 1588 тыс. жителей труднодоступных районов. Всего было учтено 74 452 тыс. мужчин и 86 273 тыс. женщин [*Перепись 1939*, 1990, ч. 4, с. 241–244]. У оставшихся 741 тыс. жителей Крайнего Севера распределение по полу и возрасту неизвестно. В своем большинстве они являются жителями национальных округов и Дальневосточного региона. Судя по переписям 1926 и 1939 гг., население этих территорий распадается на две группы: коренные жители (примерно 40%) и недавно приехавшие (60%). У коренных жителей количество мужчин и женщин приблизительно одинаково, у приехавших мужчин больше (примерно 60%). Мы получаем ориентировочную численность мужчин среди жителей северных районов — 413 тыс., а женщин — 328 тыс.[1] Армейская перепись

[1] Рассчитано нами по сведениям о численности населения регионов и данным о численности малых народов и числе заключенных в 1939 г. [*Население*, 1975, с. 14–18; *Перепись 1939*, 1999, с. 40–52; *Перепись 1937*, 2007, с. 246–257; *Козлов*, с. 249–250].

учла 2100 тыс., среди которых было только 2 тыс. женщин [*Перепись 1939*, 1992, с. 241–244]. Органами НКВД были переписаны 3739 тыс. (2963 тыс. мужчин и 776 тыс. женщин) [*Перепись 1939*, 1990, ч. 4, с. 691–696]. В результате получено 167 305 тыс. человек (табл. 2.14). Вместе с переписанными с помощью контрольных бланков 1491 тыс. — 933 тыс. мужчин и 558 тыс. женщин (ЦГАНХ, ф. 1562. оп. 336–337, ед. хр. 95, с. 32–37) — получаем 168 796 тыс. (80 860 тыс. мужчин и 87 936 тыс. женщин). Эта цифра является реальным результатом переписи 1939 г. по СССР. К ней организаторы добавили однопроцентную поправку (1673 тыс.) и получили 170 469 тыс.[1] При обработке результатов переписи в 1939–1940 гг. статистики ЦУНХУ внесли еще одну поправку в 89,9 тыс., учитывавшую результаты переписи народов Крайнего Севера, проведенной летом 1939 г. [*Перепись 1939*, 1992, с. 7][2]. Эта поправка представляется достаточно обоснованной, и мы используем ее в окончательном расчете численности населения. Для жителей Крайнего Севера принимаем соотношение между мужчинами и женщинами, подсчитанное выше, а для жителей других регионов — среднее значение, по всему населению. В результате численность населения составила 170 558 тыс. (81 696 тыс. мужчин и 88 862 тыс. женщин). Это и есть практически окончательная цифра переписи, способ получения которой так интриговал российских исследователей.

Однако вызывает сомнение включение в перепись 320 тыс. человек, не обнаруженных по указанным ими домашним адресам (табл. 2.17). Люди, составлявшие таблицу, сделали к этой графе пометку: «Может быть записано в переписные листы как наличное и постоянное население». Их недостаточная уверенность в позитивном решении («может быть») является, по моему мнению, существенным фактором. Учитывая такую позицию авторов документа, следует, на мой взгляд, не включать эту группу в окончательный результат.

---

[1] Опубликованная в июне 1939 г. цифра на 2 тыс. меньше (170 467 тыс.). Проблема, очевидно, в том, что мы не знаем, какими документами статистики пользовались при окончательных расчетах. Очевидно, по каким-то причинам они откорректировали в сторону уменьшения одну из приведенных выше цифр.

[2] В то же время цифра 87 тыс. появлялась дважды в текстах в других значениях: как дополнительный результат просмотра контрольных бланков с расшифровкой по территориям республик и как учтенные дополнительно при контрольном обходе. Не исключено, что упоминание Крайнего Севера было лишь прикрытием сделанных уточнений.

В таком случае, без этих данных и без однопроцентной поправки, получаем численность населения по переписи 1939 г. — **168 565 тыс. человек (80 716 тыс. мужчин и 87 849 тыс. женщин)**. Распределение по типу учета и по основным регионам представлено в табл. 2.18. Интересно, что полученный результат очень близок к основному варианту АДХ, несмотря на сильное различие в использованных данных и методах расчета. Численность населения, по АДХ, равна 168 524 тыс. (80 674 тыс. мужчин и 87 850 тыс. женщин) [*АДХ*, 1993, с. 125].

Таблица 2.18. **Численность населения в 1939 г. по типу учета и территориям, тыс. человек**

Территория	Общий порядок	НКВД	Армия	Бланки	Поправка 1%	1939*	1937**	1939**	1939***
СССР	161 547	3 742	2 103	1 491 (320)	1 673	170 558	800	1 992	168 565
РСФСР, УССР, БССР	134 405	3 297	1 953	1 143 (257)	870	141 668	720	−1 124	140 541
Казахстан	5 226	188	5	55 (11)	677	6 151	20	710	5 463
Ср. Азия и Кавказ	18 517	226	135	241 (50)	126	19 350	60	176	19 174
Прочие	3 399	30	10	52 (3)	—	3 386	—	—	3 383

* Численность населения по переписи.

** Коррекции, вносимые нами в переписи 1937 и 1939 гг.

*** Численность населения, рассчитанная по переписи 1939 г.

Примечание. «Общим порядком» называли незасекреченную часть переписи. «Бланки» — число контрольных бланков. В круглых скобках число контрольных бланков, исключенных нами из расчета ([*Перепись 1939*, 1990, ч. 8]; прил. 8).

Рассмотрение методики обработки контрольных бланков в 1939 г. позволило надежнее рассчитать численность населения на дату переписи. Это, в свою очередь, дает возможность внести соответствующие уточнения в материалы переписей 1926 и 1937 гг. При этом численность населения в 1926 г. увеличилась почти на 2%. Часть этой поправки (1%) связана с недоучетом в переписи детей самого младшего возраста. Другая поправка, вносимая нами в результаты переписи 1926 г., вызвана отсутствием в этой переписи контрольных мероприятий и разной ее продолжительностью

в городе и деревне. Возникает вопрос: почему в свое время ученые не вносили в нее коррективы?

Дело в том, что абсолютно точный учет населения не был главной задачей организаторов этой переписи. Их интересовали в первую очередь социальные и экономические условия жизни людей, и с этой задачей перепись 1926 г. справилась как ни одна другая. Ее организаторы хорошо понимали, что переезды и кратковременные поездки снижают точность учета, и ее можно было бы повысить, предписав счетчику сделать повторный обход. Но такие затраты средств и времени ради улучшения результата на один-два процента не представлялись им необходимыми. Лишь в переписи 1939 г. абсолютная точность учета стала навязчивой идеей, охватившей не только устроителей переписи, но и все население страны.

Кроме того, в 1926 г. точность переписи казалась вполне удовлетворительной. Понимание неполноты возникло лишь после проведения более точных переписей в 1937 и 1939 гг. Но в это время статистики были заинтересованы прямо в противоположном: в преуменьшении численности населения в 1926 г., чтобы объяснить низкие результаты последующих переписей.

Наконец, следует отметить, что совместное рассмотрение результатов переписей 1926, 1937 и 1939 гг. с приведением их к приблизительно одинаковой точности позволяет оценить демографическим путем размеры потерь от коллективизации и репрессий.

Глава 16. РОЖДАЕМОСТЬ

Семнадцатая беременность жены огорчила Прохора Абрамовича по хозяйственным соображениям: в эту осень меньше родилось детей в деревне, чем в прошлую, а главное — не родила тетка Марья, рожавшая двадцать лет ежегодно, за вычетом тех лет, которые наступали перед засухой. Это приметила вся деревня, и, если тетка Марья ходила порожняя, мужики говорили: «Ну, Марья нынче девкой ходит — летом голод будет».

Андрей Платонов.
Происхождение мастера

При царе

Россия! Все более далекая, все более мифическая Гиперборея. Как они жили! В тишине. С чистым воздухом. С реками, полными рыбы, не загрязненными отходами предприятий. Как ели! Убоину, а не замороженное. Консервантов не знали и в помине. Как могли они жить под постоянной угрозой голода, когда из-за отсутствия социальной мобильности и удовлетворительного транспорта нищенствовали целые деревни, а оставшиеся дома питались травой, соломой, опилками и грибами?!

Андрей Платонов изобразил в приведенном в эпиграфе отрывке характерную для деревни начала XX века ситуацию. Огромная, близкая к физиологическому пределу рождаемость (50–55 человек на тысячу). Сегодня такую цифру можно встретить лишь в некоторых наиболее отсталых африканских странах. Россия в начале века и была отсталой. Бóльшую часть населения страны составляли деревенские жители. Брак был одной из основ, определявших демографическое поведение, традиционные культурные нормы и образ жизни русского крестьянина. Плодовитость (число рождений на 1000 женщин) в начале XX века была в России очень велика, особенно плодовитость замужних женщин. Процессы постепенной модернизации, перехода к западноевропейскому типу брачности и рождаемости, которые шли в городах, медленно проникали в русское село в западных регионах страны и почти совсем не затрагивали восточные территории с преимущественно мусульманским

населением (подробнее см.: [*Брачность*, с. 165–170; *Демографическая модернизация*; *Вишневский*, 1998]).

Демографическое и социальное поведение крестьян определялось глубоко укоренившейся традицией и поддерживалось экономическими факторами и религиозными нормами. Как справедливо отмечает Б. Н. Миронов [с. 83–104], это поведение диктовалось социально-психологической моделью, выработанной в деревне в течение нескольких столетий, и мало зависело от желаний или индивидуальных свойств конкретного человека. Семейные отношения определялись не личностью, а окружающей средой; деревенская община осуществляла строжайший социальный контроль и цензуру нравов. Решение о браке принималось родителями, в свадьбе участвовала вся деревня, практиковалось общественное поругание новобрачной, если она не сохранила девственность, на сходах публично разбирались семейные конфликты, и провинившихся нередко наказывали розгами. Измена мужу или внебрачный ребенок — серьезное преступление. Изменившую жену, вымазав дегтем, водили по деревне. Традиция обязывала заводить семью как можно раньше (парни в 18–20, девушки в 16–18 лет), иметь как можно больше детей. Остаться холостым или незамужней было позорно. В возрасте 20–29 лет 65% мужчин и 80% женщин уже состояли в браке. В городах, особенно крупных, браки заключались позже, чем на селе, но значительно раньше, чем в западных странах [*Тольц*, 1977, с. 139]. Разница в возрасте между мужем и женой была невелика. Выйти замуж за «старика», мужчину старше невесты более чем на 2–3 года, считалось большой неудачей.

Брак с точки зрения крестьянина был главным условием порядочности, материального благосостояния, высокого общественного статуса человека. Неженатый парень («малый») рассматривался как неполноценный. Он не имел права голоса в семье, не мог получить надел земли и «сесть в тягло», то есть платить налоги, нести повинности. Нуждалась семья и в женских руках, выполнявших огромную работу по дому, в том числе уход за животными, содержание избы и детей, обслуживание мужа и т. д. Позор и неполноценность незамужней и холостой жизни отмечают многие пословицы и поговорки: «Холостой, что бешеный», «Умрешь, и похоронить будет некому», «Жизнь без мужа — поганая лужа». Правда, особых иллюзий по поводу жизни в браке народная мудрость также не выражала: «Жениться — не все веселиться», «Женился — навек заложился».

Рассматривая брак как Божье дело, крестьянское сознание практически исключало разводы. Расторжение брака — тяжелый грех. Вдовство же считалось бедой, и повторные браки не осуждались. Однако к третьему браку относились с подозрением, считая, что, раз Божья воля была выражена столь определенно, идти ей наперекор — грех.

Ограничение рождаемости было не только грехом, но и уголовно наказуемым преступлением. Оно осуждалось религией, общественным сознанием и, как это ни удивительно, передовой русской литературой. Лев Толстой писал [с. 408]: «С помощью науки на моей памяти сделалось то, что среди богатых классов появились десятки способов уничтожения плода... Это уже далеко распространилось и с каждым днем распространяется все дальше и дальше, и скоро оно охватит всех женщин богатых классов».

Аборты считались уголовным преступлением и были разрешены только после революции. Рождения вне брака также категорически осуждались. По данным Б. Н. Миронова [с. 101], они составляли около 2% в деревне и 2,5–3% по всей стране. Близкие значения приводятся и для Украины: 1,7% для сельского населения, 2,3% в среднем по территории. При этом у крестьян западных и центральных губерний значения поднимались до 2,3%, а на востоке Украины падали до 1%. В городах цифры были заметно выше, а в больших городах (Одесса и Киев) достигали 10% [*Трацевский*].

В то же время традиционный стереотип не включал в себя заботу о детях в современном понимании этого слова. Известный русский писатель Д. В. Григорович отмечал: «Самый нежный отец, самая заботливая мать с невыразимой беспечностью предоставляет свое детище на волю судьбы, нисколько не думая даже о физическом развитии ребенка, которое считается у них главным и в то же время единственным, ибо ни о каком другом мысль не заходит им в голову. Не успеет ребенок освободиться от пелен, как его уже поручают сестре, девчонке лет четырех или пяти» [*Григорович*, с. 87].

По сведениям, собранным А. Г. Рашиным [с. 166–170], в начале века рождаемость в 48–50 промилле считалась средней для европейских губерний, а в азиатской части страны она была, возможно, еще выше. Рождение детей было таким же моральным императивом, как и вступление в брак: «У кого детей нет — во грехе живет». Число рождений, приходившееся на одну женщину, составляло, по данным многих исследователей, около десяти. Брачная плодовитость русских и украинских женщин была

чрезвычайно высока — по ребенку каждые три года. В среднем на каждый брак в Европейской России приходилось в конце XIX века 5,3 рождения (по 6,6–6,8 в Тульской, Пензенской, Тамбовской и Нижегородской губерниях и по 3,1–3,6 в прибалтийских губерниях) [*Рашин*, с. 182–183].

Кормление грудью и связанная с этим временная стерильность продолжались обычно около 2–2,5 лет. При этом высокая смертность (до 30% новорожденных) заметно сокращала интервал между рождениями. Женщина превращалась в своего рода «родильную машину», которая непрерывно производила детей, не имея времени на послеродовый отдых. Огромная физиологическая нагрузка от рождений накладывалась на громадное физическое напряжение, связанное с выполнением домашних и сельских работ. И знаменитое некрасовское «Есть женщины в русских селеньях» следовало бы пополнить наблюдением, сделанным сельским врачом и журналистом, в будущем министром Временного правительства Андреем Ивановичем Шингаревым: «Больная, худая, изможденная, преждевременно увядшая и состарившаяся фигура деревенской женщины, с тупым, забитым и скорбным лицом...» [*Шингарев*, с. 284].

Неслучайно смертность женщин в среднем возрасте превышала в 1897 г. смертность мужчин.

В начале XX века описанная модель брачного поведения уже не полностью соответствовала социально-экономическим условиям жизни крестьянина. России было еще далеко до западноевропейского уровня рождаемости (20–30 промилле), но тенденция к снижению демографических показателей намечалась (табл. 2.19).

Таблица 2.19. **Сведения о рождаемости, смертности и детской смертности в некоторых европейских странах и СССР, на 1000 человек**

Показатель	Франция	Англия	Германия (ФРГ)	Россия (СССР)
		1891–1900		
Рождаемость	22,0	28,9	36,1	50,4
Смертность	21,5	18,2	22,3	33,3
Детская смертность	161,0	154,0	209,0	375,0
		1913		
Рождаемость	18,8	24,1	27,5	47,0
Смертность	17,7	13,8	15,0	29,1
Детская смертность	111,0	105,0	184,0	273,0

Продолжение табл. 2.19

Показатель	Франция	Англия	Германия (ФРГ)	Россия (СССР)
		1933–1939		
Рождаемость	15,2	14,9	18,9	36,5
Смертность	16,0	11,4	10,9	17,3
Детская смертность	65,0	57,0	64,0	167
		1950–1954		
Рождаемость	19,5	15,5	16,1	26,7
Смертность	12,6	11,6	10,3	9,7
Детская смертность	52,0	29,9	55,5	80,7
		1975		
Рождаемость	13,6	12,3	9,8	18,1
Смертность	10,6	11,8	12,1	9,3
Детская смертность	13,6	16,3	19,7	28,5

Примечание. Данные взяты из разных источников и дают лишь самую общую картину. Некоторые цифры приведены не для среднего в указанном временно́м интервале, а для одного из годов данного интервала.

Источники: [*Урланис*, 1985, с. 34, 59, 68, 86–87; *Народонаселение*, 1978, с. 86, 165, 176; *Естественное движение*, 1974, с. 72].

Насколько жестко рождаемость в то время была связана с крестьянским трудом и традициями, показывает ее динамика по месяцам. По всем губерниям Украины наблюдаются одни и те же тенденции отклонения числа рождений в месяц от среднегодовой нормы. Наибольший спад приходится на март-июнь, что при девятимесячном сдвиге соответствует сезону полевых работ. Пики рождаемости отмечаются в январе-феврале (на апрель-май приходились традиционные весенние праздники после поста, к которым приурочивали свадьбы) и в сентябре-октябре (через девять месяцев после зимнего безделья и спада трудовой активности). Любопытно, что в 1929 г. второго пика, связанного с сезонностью сельского труда, не видно, а первый, фиксирующий традиции быта, сохранился [*Трацевский*].

В XX столетии начались заметные перемены в жизни и традициях населения. Практически на всей территории Европейской России уровень рождаемости начинает снижаться. Обращает на себя внимание и единовременность начала снижения, и устойчивые, почти одинаковые темпы его в большинстве украинских губерний. Надо отметить, что Украина была в этом движении

отнюдь не одинока. Напротив, в большинстве европейских стран, включая Прибалтику, Польшу, Белоруссию, рождаемость в эти годы сокращается. Причем снижение во многих регионах началось с более низкого, чем на Украине, уровня. Почему после почти 30-летней стабильности началось повсеместное падение рождаемости? О том, что этот процесс был связан с распространением культурных и социальных перемен, свидетельствует такое же стремительное параллельное снижение смертности, начавшееся раньше (табл. 2.19).

Максимальная рождаемость уже не требовалась селу. Более того, наблюдалось аграрное перенаселение, а недостаточно быстрый рост городов и промышленности усугублял тяжелое положение в деревне. Однако традиция по-прежнему навязывала семье сложившиеся стереотипы и препятствовала ограничению рождаемости.

Более быстрый темп снижения рождаемости в украинском селе по сравнению с русской деревней, объясняется, вероятно, более высокой плотностью населения. Большие украинские села находились близко от городов и недалеко друг от друга, что способствовало быстрому распространению новых культурных влияний. В больших селах раньше появились учителя, врачи и фельдшеры, раньше начали пользоваться элементарными гигиеническими приемами при родах. Все это приводило к снижению смертности (особенно детской), а следовательно, к уменьшению потребности в новых детях. Психологически же желание не слишком увеличивать семью определялось как культурными влияниями, так и аграрными трудностями. Не могли не оказать определенного воздействия и политические события той эпохи: Русско-японская война, революция пятого года.

Другой причиной падения рождаемости было аграрное перенаселение, вызвавшее перемещения жителей Украины и Центральной России на Северный Кавказ, в Сибирь и другие восточные регионы. За Урал ежегодно переселялись десятки, а после 1907 г. и сотни тысяч русских и украинских крестьян [*Пустоход*, с. 32]. Это нередко приводило к разрыву брачных связей (мужчин уезжало больше) и, главное, вымывало из населения более молодое, плодовитое поколение. Миграция оказывала существенное влияние и на точность статистического учета. В течение долгого времени статистические комитеты даже не пытались учесть мигрантов по их прежнему месту жительства, что было, кстати говоря, довольно трудно сделать. В результате выехавшие по-прежнему числились

по месту отъезда, и это вызывало, в частности, уменьшение доли рождаемости, приходящейся на тысячу женщин. Михаил Трацевский [с. 69–112] показал, что только недоучет миграции в Сибирь снизил коэффициент рождаемости на Украине в 1910 г. на 1,5 промилле. А ведь это было не единственное направление оттока населения, многие сотни тысяч переселились на Северный Кавказ, а число еврейских эмигрантов в Америку превысило миллион человек. Таким образом, отчасти снижение рождаемости носило фиктивный характер, связанный с погрешностями учета.

Наиболее активными очагами перехода к новому типу брачного поведения были, как уже отмечалось, города. В прибалтийских губерниях был и наиболее высокий процент городского населения (25,7% при 12,9% в среднем по стране) [*Вишневский*, 1977, с. 109]. Если в начале века цифры рождаемости в городе и деревне различались не слишком заметно (например, в губерниях Украины — 20–25%), то в 1913 г. рождаемость в городе (30,2 промилле) была в полтора раза меньше, чем в сельской местности (48 промилле) [*Трацевский*]. Городское население быстро приближается к западноевропейскому типу брачности. Все больше мужчин и женщин остаются вне брака, все выше становится возраст вступления в брак, все шире распространяются аборты. Отмечается тесная связь характеристик рождаемости с величиной города и интенсивностью развития промышленности.

Более крупные и промышленные города располагали к большему снижению рождаемости, абортам, внебрачным детям — словом, к большей «свободе нравов». Город оказывал косвенное влияние на снижение рождаемости в деревне. Уход на заработки из деревень приводил к перерывам в брачных отношениях. Как показали исследования Д. Жбанкова [с. 17], в «отхожих» семьях детей было на 43% меньше, чем в оседлых. Заметно влияли города и на быт окружающего сельского населения, внедряя новую мораль, иные культурные навыки и представления. Это также приводило к снижению рождаемости. Например, если в целом по Украине рождаемость в 1905–1910 гг. сократилась на 1,1 промилле, то в Киевском округе — на 2; Каневском — на 3,2; Купянском и Екатеринославском — на 3,9; Одесском — на 4,2 промилле [*Трацевский*]. Но по отношению ко всей стране эти новые элементы брачного поведения, внедрявшиеся в городах и их окрестностях, еще не играли существенной роли. Слишком малочисленным было в то время городское население по сравнению с огромной массой сельских жителей России. Коэффициент рождаемости для всей

страны составил в 1913 г. 47 промилле, то есть был лишь немного меньше, чем среднее значение для деревни и восточных окраин [*Лубны-Герцык*, 1928].

Изменение рождаемости имело четкую географическую ориентацию. Она увеличивалась при движении с северо-запада к юго-востоку от 23,5 промилле в Прибалтике до 55 на Дону и Урале. Районы Малороссии и промышленные центральные районы России занимают промежуточное положение, коэффициент равен 43–48 промилле ([Лубны-Герцык, 1928]; табл. 2.20). В такой же закономерности с запада на восток меняются численность женщин, состоявших в браке, и плодовитость.

Относительно уровня рождаемости в азиатских районах страны нет достаточно достоверных сведений. Не приходится, однако, сомневаться в том, что она была довольно высокой. В Сибири, по официальным отчетам, коэффициент рождаемости составлял 50–52 промилле, однако Б. Урланис [1968, с. 80–82] справедливо отмечает, что в этом районе было наиболее молодое население (следствие миграции) и поэтому рождаемость вряд ли была меньше 57 промилле. Уровень рождаемости в Туркестане и на Кавказе также был довольно высок. Взятые вместе, все азиатские провинции России (Кавказ, Сибирь, Туркестан) имели, очевидно, рождаемость около 48–52 промилле, то есть такую же, как и сельские жители европейской части страны (прил. 15).

Таким образом, Мировая война застала Россию в начале перемен. Они уже происходили на Украине, в Белоруссии, Прибалтике, они охватили города, но еще не затронули огромные массы русского сельского населения и восточную часть страны.

Война

Катастрофа, обрушившаяся в 1914 г. на спокойную патриархальную страну, не смогла сразу изменить брачных традиций населения. Снижение рождаемости в 1915 г. на 7 промилле (1 млн рождений) только подтверждает это (табл. 2.20). Оно хорошо соответствует числу разорванных и незаключенных браков. Из 6 млн мобилизованных в 1914 — начале 1915 г. примерно 70% были женаты или могли вскоре жениться. Естественным было и дальнейшее сокращение рождаемости. В 1916 г. — еще 5 млн мобилизованных и падение рождаемости на 10 промилле по сравнению с довоенным временем. Сравнительно небольшое снижение в последующие годы указывает на то, что страна приспособилась

к военному быту. Новые мобилизации практически не приводили к увеличению численности армии, так как значительное число раненых и инвалидов возвращались в свои дома. Кроме того, определенную роль в сохранении уровня рождаемости играли, вероятно, отпуска и высокий процент военнослужащих в тыловых гарнизонах. Не удивительно также, что на революцию и демобилизацию страна ответила резким увеличением рождаемости в 1918 г. Коэффициент рождаемости в 1918–1922 гг. оказывается близок к уровню 1915 г., то есть примерно соответствует отсутствию 5–7 млн мужчин (прил. 16). Вероятно, в годы Гражданской войны число оторванных от дома мужчин складывалось из убитых в боях, попавших в плен, мобилизованных в Красную и Белую армии, эмигрировавших. Численность этих групп в разные годы менялась, но общая сумма оставалась примерно одинаковой, постепенному возвращению из плена соответствовал рост эмиграции и численности призванных в Красную армию.

В начале 1920-х годов рождаемость немного растет, но остается меньше довоенной. В этом повинно не только «отвлечение» мужского населения (1–2 млн погибших на войне, 1,5–2 млн эмигрировавших, 1–3 миллиона продолжавших службу в Красной армии), но и общая хозяйственная разруха. Голод в городах и инфекционные заболевания по всей стране уносили миллионы жизней. А в 1921 г. страшный голод охватил Поволжье и юг Украины. Потери населения от голода оцениваются в 1,5 млн человек (прил. 1, 2).

Этим небывалым по масштабам голодом завершилось разрушение старой патриархальной России и началось восстановление страны на новых основаниях. Революция не остановила, а может, и ускорила внедрение европейских или почти европейских комплексов медицины, гигиены, грамотности. Важную роль в этом отношении играл частичный возврат к дореволюционной экономике, получивший название НЭП.

НЭП

С введением в 1921 г. НЭПа началось постепенно выздоровление страны. Можно было бы ожидать и восстановления довоенного уровня рождаемости, а с учетом изменения границ[1], качественного

[1] От страны отделились западные территории (Польша, Прибалтика, Финляндия), жители, которых (немцы, поляки, финны, литовцы, латыши, эстонцы, евреи) имели заметно более низкий уровень рождаемости.

состава населения и естественных компенсаторных послевоенных тенденций — даже некоторого превышения довоенного уровня.

«Деревня живет естественно-животной жизнью, — отмечает один из участников социологического обследования М. Я. Феноменов. — Бабенка не без ребенка, не по холостому живем, бог велел». Во многих местах крестьянка по-прежнему рожала до 10 детей [*Миронов*, с. 91]. В какой-то момент могло показаться, что страна достигла довоенного уровня рождаемости (табл. 2.20). Однако нужно учитывать, что коэффициент рождаемости определялся не только плодовитостью, но и улучшением возрастной структуры населения, в частности увеличением доли молодых женщин в рожающих возрастах.

Таблица 2.20. **Изменение коэффициента рождаемости в регионах**

Территория	1911–1913	1923	1924	1925	1926	1927	1928
Европейская часть РСФСР	45,7	40,3	43,5	45,7	44,1	44,6	43,8
Украина	42,2	35,4	42,5	42,1	42,1	40,3	38,1
Белоруссия	38,9	37,0	39,5	41,8	40,7	38,6	36,4
Кавказ	55,0	—	—	—	54,0	—	—
Средняя Азия	40,0	—	—	—	40,0	—	—
Сибирь	52,0	—	—	—	51,0	—	—
Европейская часть СССР	45,5	38,8	43,4	44,7	43,6	43,2	42
В т.ч. город	30,2	—	—	—	33,9	32,1	30,2
В т.ч. село	48,8	—	—	—	45,7	45,8	45,0

Примечание. В 1926 г. рождаемость в Азиатской части РСФСР, включая Казахстан, была 48 промилле.

Источники: [*Лубны-Герцык*, *Овчинский*, № 8, с. 85–89; *Естественное движение*, т. 1, 1929, с. 38–48; *НХ*, 1932, с. 41; *Струмилин*, 1964, с. 132–143].

В 1926 г. уровень плодовитости оказался на 15–20% ниже, чем в начале века, а брачная плодовитость упала на 9%, в том числе в селе — на 5% [*Сифман*, 1974, с. 44; *Новосельский*, 1978, с. 138–141; *Паевский*, 1970, с. 308–341]. Падение продолжалось и в последующие годы. Обследования 1960-х годов показали, что каждое следующее поколение женщин рожало меньше детей, чем предыдущее. Так, на 100 женщин 1890–1994 годов рождения приходилось 525 родившихся детей, в каждой следующей пятилетней группе эта цифра уменьшается — 514, 447, 385, 337, 295, 273 и у поколения

женщин 1925–1929 гг. — 222 [*Сифман*, 1974, с. 44]. Этот процесс в городе шел быстрее, чем в деревне, в старших возрастных группах быстрее, чем в младших. Например, на Украине в 1924–1929 гг. плодовитость сократилась на 20%, в том числе у женщин старше 35 лет — на 30%, 25–35-летних — на 25%, 20–24-летних — на 15%, в более младших возрастах не изменилась совсем (прил. 15).

Одной из причин падения плодовитости являлась тенденция перехода к европейскому типу брачности. Он включал распространение грамотности, образования, расширение, сначала в городах, а потом и в деревне, охвата медицинской помощью, снижение смертности, особенно детской. Важную роль в снижении детской смертности, кроме повсеместного повышения грамотности и развития медицины, играло разрешение абортов, что позволило женщинам избавляться от нежелательной беременности на законных основаниях. Не могли не сказаться на общественном сознании и тяжелые потрясения Мировой и Гражданской войн, передел земли и имущества помещиков и кулаков, ожесточение и голод, исчезновение важных правовых норм и авторитетов. Но не менее важную роль играли новые бытовые и морально-этические представления, которые быстро распространялись среди населения и постепенно принесли демографическое успокоение вместе с заметным ростом рождаемости (табл. 2.20).

Война и мероприятия первых лет советской власти заметно подорвали основу патриархального крестьянского быта. Зависимость детей от родителей сменилась бунтом поколения, побывавшего на войне, хлебнувшего новой жизни. Были разрушены многие традиционные экономические основы брака; в частности, отошла в прошлое практика выделения в самостоятельное хозяйство и наделения землей только женатых. Церковный авторитет был поколеблен, в сознание молодежи внедрялось презрение к религии. Освящение брака церковью и убеждение в его нерушимости были заменены будничной, непонятного назначения государственной регистрацией в ЗАГСах[1]. На смену поверженной религиозной морали внедрялись не совсем понятные постулаты марксизма, проповедовавшие если не свободу любви, то по крайней мере «легкий», безответственный брак. Был необычайно упрощен развод. Если прежде на это требовалось специальное разрешение высших

[1] Гражданский брак был введен в декабре 1917 г. В октябре 1926 г. он стал единственной законной формой регистрации брака. Тогда же фактический брак (совместное проживание) был приравнен к официально зарегистрированному браку.

церковных инстанций, то в 1920-х годах было достаточно письменного заявления одной из сторон. Эти факторы не могли не содействовать ослаблению брачных связей, разрушению сложившихся традиционных представлений. В ноябре 1920 г. был издан указ о разрешении абортов, и они постепенно начинают распространяться среди населения, в первую очередь в городах (прил. 12).

Старый быт ломался и видоизменялся на глазах одного поколения, и, естественно, в первую очередь этим изменениям была подвержена молодежь, начинавшая новую жизнь. Лишенная традиций, молодежь вырабатывает собственный комплекс норм и представлений. В него входят ослабление брачных связей, семья с небольшим количеством детей. Важную роль играло также изменение половозрастной структуры в результате повышенной убыли мужчин в годы Мировой и Гражданской войн. Резкое снижение рождаемости во время войны и революции привело в середине 1930-х годов к количественной диспропорции: поколению женихов, родившихся перед войной, существенно не хватало невест.

Казалось бы, множество обстоятельств подталкивали людей к снижению брачности. Однако в середине 1920-х годов она быстро росла. Несколько факторов определяли этот рост. Первое, уже упомянутое, — разрушение традиционных устоев, обычаев, изменение представлений о браке. Это способствовало и распространению абортов. Второе — сокращение численности горожан. Часть из них, причем более интеллигентная, бежала за границу, часть устремилась в деревню, лучше обеспеченную продовольствием. Третье — отсоединение западных территорий с более низким уровнем рождаемости. На влияние этого фактора обратил в свое время внимание Ф. Лоример [с. 12–13]. Он подсчитал, что в 1913 г. коэффициент рождаемости на землях, отошедших от страны, составлял 41 промилле, тогда как в оставшихся 39 губерниях европейской части России он был 50,7 промилле. То есть отделились те области, где происходил быстрый переход к новому западноевропейскому типу брачности. Четвертое — повышенная убыль мужчин в боях и от болезней, увеличение смертности пожилых, сокращение рождаемости привели к изменению структуры населения, в которой увеличилась доля женщин 20–45 лет. Все это поддерживало коэффициент рождаемости на сравнительно высоком уровне, несмотря на тяжелые экономические условия и неуверенность населения в ближайшем будущем. Женщины не прерывали беременность, в частности, потому, что не знали, как это делается и не были уверены в необходимости и возможности такой операции.

Активная перестройка старой жизни далеко не везде происходила одинаково быстро. Ее центрами были города, куда массами устремлялась деревенская молодежь, возвращаясь затем домой учителями, врачами, партийными и комсомольскими функционерами и т. п. Вопреки разнообразным факторам, объективно способствовавшим снижению брачности, в первые годы НЭПа число заключаемых браков стремительно росло. К увеличению брачности приводил также компенсаторный скачок рождаемости, появляющийся, как правило, после продолжительных войн и катастроф.

Этот рост брачности был прямо противоположен главным тенденциям дореволюционного периода. Если за 40 предвоенных лет число вступающих в брак уменьшилось в России с 10,3 до 8 промилле, то за первые же послереволюционные годы эта цифра увеличилась до 12 промилле [*Рашин*, с. 85–89]. Если до войны в городах браков заключалось меньше, чем в селе, а в западных районах меньше, чем на востоке страны, то в начале 1920-х годов все было наоборот — город опередил деревню, причем в больших городах брачность оказалась выше, чем в маленьких, западные районы страны обогнали восточные (табл. 2.21).

Развод становится важным регулирующим фактором брачного поведения. В крупных городах расторгается свыше четверти заключаемых браков, в селе около 10% [*Природний рух*, 1927, 1930].

Создается впечатление, что развитие страны пошло в прямо противоположном направлении, причем наиболее прогрессивные, передовые группы населения опять оказались впереди. Это движение меньше всего походило на возврат к традиционной патриархальной семье. Дело в том, что брак быстро терял многие социальные и экономические функции, в значительной степени соответствовал уже иным моральным нормам и этическим представлениям. Воздержание от брака также перестало быть главным способом ограничения рождаемости, эту важную функцию взяли на себя разводы и аборты (прил. 9, 10, 12). Все чаще встречались разводы в молодом возрасте. Почти треть браков расторгались, не просуществовав и года, причем в селе доля таких браков была заметно больше, чем в городе [*Лубны-Герцык*, 1929].

В 1929 г. браки расторгали 10% мужчин и почти 25% женщин, не достигших 20 лет, причем в этом отношении село также опережало город.

В каждом третьем расторгаемом браке были дети, и в результате развода они оставались с одним из родителей. В городах

Таблица 2.21. **Демографические сведения в 1926 г., на 1000 человек**

Территория	Рождения	Смерти	Браки	Разводы
Европейская часть РСФСР	44,1	20,9	10,6	1,5
В т.ч. города свыше 50 тыс.	31,8	17,5	13,0	3,6
В т.ч. прочие города, поселки	38,6	18,8	10,6	1,9
В т.ч. сельская местность	46,2	31,6	10,4	1,2
В т.ч. город Москва	29,8	13,7	12,7	6,1
Азиатская часть РСФСР	48,6	24,1	9,1	1,1
В т.ч. города свыше 50 тыс.	32,1	22,3	12,6	3,1
В т.ч. прочие города, поселки	41,1	22,5	10,2	1,9
В т.ч. сельская местность	50,6	24,1	8,7	0,9
УССР	42,1	18,1	12,1	1,9
В т.ч. города свыше 50 тыс.	27,3	12,8	13,6	3,8
В т.ч. прочие города, поселки	35,4	14,8	12,3	2,5
В т.ч. сельская местность	44,4	19	11,9	1,7
Белоруссия	40,7	14,7	9,9	1,6
В т.ч. города свыше 50 тыс.	29,8	13,9	12,7	2,9
В т.ч. прочие города, поселки	33,7	12,8	10,2	2,1
В т.ч. сельская местность	42,6	15,0	9,6	1,5
Армянская ССР	53,6	17,2	8,3	0,7
В т.ч. города свыше 50 тыс.	43,4	17,8	10,4	—
В т.ч. прочие города, поселки	46,1	18,7	10,0	—
В т.ч. сельская местность	55,3	16,9	8,5	—
СССР	44,0	20,3	10,8	1,8
В т.ч. города свыше 50 тыс.	30,9	16,4	13,1	3,6
В т.ч. прочие города, поселки	37,8	17,7	11,0	2,1
В т.ч. сельская местность	46,1	21,0	10,5	1,3

Источник: [*Лубны-Герцык*, 1929, с. 85–89].

увеличивалось число внебрачных детей. Так, в Ленинграде в 1927 г. они составили почти треть от общего числа рождений. В селах же и небольших городах рождения вне брака были еще достаточно редки. На Украине в 1929 г. незамужние женщины родили 14,4 тыс. детей, что составило всего 1,3% от всех новорожденных [*Каминский*, с. 238; *Корчак-Чепурковский*, 1970, с. 112–124].

Украинские демографы в свое время уделили большое внимание изучению социальной стороны разводов. Вскоре после их разрешения в 1924 г. они составляли 13% от заключаемых браков. При этом число их постоянно росло, и в 1929 г. они достигли в больших городах трети от всех браков, а в селе — почти 20%.

Для мужчин развод становится способом избежать ответственности перед семьей, и малообразованные слои населения охотно прибегают к нему. У рабочих и сельских жителей мужская инициатива в расторжении брака заметно преобладает над женской. Исключение составлял лишь небольшой круг так называемой городской буржуазии, в котором женщины оказались более энергичной стороной. Из социальных групп наиболее активными в расторжении браков были мужчины-рабочие. Заметно возрастает мужская инициатива при наличии детей в семье или ввиду будущего рождения ребенка. На период 9–11 месяцев после заключения брака приходится абсолютный пик мужской активности в его расторжении, как в городе, так и в деревне. В селе отмечалось намного меньше разводов по обоюдному согласию [*Природний рух*, 1929; 1932]. Так, в 1925 г. таких разводов в городе было 43,7%, а в селе — 27%. На 100 заявлений жены о разводе приходилось в городе 139, а в селе 172 заявления мужа. Заурядным явлением становятся повторные разводы. При этом село было впереди и по частоте мужской инициативы при повторном расторжении брака. Но сельские женщины были, правда, консервативнее горожанок [*Природний рух*, 1929].

Приведенные факты свидетельствуют о недостаточном морально-этическом понимании проблем семьи людьми, заключавшими брак, об отсутствии чувства ответственности и явно ослабленном контроле со стороны государственного законодательства. Формально юридический брак ничем не отличался от совместного проживания, но развод фактически избавлял мужчину от многих экономических тягот, связанных с содержанием семьи.

Хотя количество браков непрерывно увеличивалось, брачная структура населения практически не менялась — главным образом благодаря разводам, число которых росло быстрее, чем число

браков. В крупных городах расторгается свыше четверти заключаемых браков, в селах — около 10%. На Украине, как в городах, так и в селе, число браков и разводов несколько выше, чем в европейской части РСФСР и в Белоруссии (табл. 2.21). Большие города в целом по стране представляли собой довольно однородную картину — высокой брачности в них соответствовало большое число разводов. Маленькие города, напротив, были очень разнообразны. На одних территориях они почти ничем не отличались от сел, на других — тяготели к городам. Это связано, вероятно, с существенными различиями внутри самой группы малых городов. В одних случаях это были хиреющие провинциальные центры с оттоком молодежи и устойчивыми дореволюционными традициями, в других — рабочие поселки, активно развивающиеся и растущие. И неудивительно, что в шахтерских поселках Донбасса заключалось браков в два раза больше, чем в небольших городках Европейской России.

На разных территориях и у разных народов процессы увеличения числа вступающих в брак и снижения уровня плодовитости происходили с разной скоростью. На Украине в 1924–1929 гг. брачность оставалась на постоянном высоком уровне, около 11,5 промилле. В городах значения были выше, при этом наблюдались существенные различия между отдельными городами и территориями. В селах разница была меньше и величины немного ниже (табл. 2.20, 2.21; [*Паевский*, 1970, 342–351]).

Несмотря на рост продолжительности жизни, в среднем по СССР не слишком заметно увеличилась продолжительность пребывания в браке. По сравнению с началом XX века возросла брачность городского населения и крестьян, но доля сельских замужних женщин сократилась. Это объясняется военными потерями, отъездом мужчин в города, а также более устойчивыми традициями сельского населения. Как перед революцией Украина была одним из передовых районов страны, быстрее других территорий воспринимавшим западные влияния и представления и быстро сокращавшим брачность и рождаемость, так и в 1920-е годы она оказалась впереди других территорий, обгоняя их по числу вступающих в брак и проценту разводов. Отчасти это противоречие снималось распространением абортов. Кроме восприимчивости к новым веяниям, более высокое число браков на Украине объясняется, вероятно, лучшим соотношением полов в молодых возрастах, возникшим в результате несколько меньших потерь в годы Гражданской войны и интенсивного притока молодых жителей в Донбасс.

В течение 1924–1929 гг. брачность на Украине оставалась на постоянном, довольно высоком уровне — около 11,5 промилле.

В городах значения были выше, и наблюдалось большое различие между отдельными городами и территориями, в селах разница в значениях коэффициентов менее заметна и их величины меньше 10–11 промилле. Несколько выделяется район Донбасса, в котором у сельского населения более высокие коэффициенты как браков, так и разводов и, кроме того, меньше разрыв значений между городом и селом.

Возраст вступления в брак был в те годы очень невысоким. 38% женщин, заключивших брак в 1929 г., были моложе 20 лет, а 82% не достигли 25 лет. Среди крестьянок соответствующие цифры были 41% и 85%. Мужчин, женившихся до 20 лет, было 14%, а до 25 лет — 56%. Среди крестьян соответственно 18 и 74% [*Природний рух*, 1932, с. 60–62]. Число браков, заключаемых впервые, было близко к общему числу браков молодых людей (17–24 года), особенно у женщин. Можно предположить, что большинство браков в старших возрастах заключались повторно [*Демографічний збірник*, 1926, с. 92–152].

Как показали данные социологического обследования в 1934 г., доля замужних женщин в возрасте до 29 лет в 1920-е годы постоянно росла. Например, в возрасте 25–29 лет состояли в браке в 1914–1918 гг. 78%, в 1924–1928 гг. — 82%, в 1929–1933 гг. — 88% [*Струмилин*, 1964, с. 139]. К 25 годам на Украине состояли в браке 65,5% всех женщин и 69% крестьянок. В плодовитом возрасте 15–50 лет находились в браке 67% женщин. Среди мужчин 15–60 лет были женаты 75%. Соответствующие цифры среди крестьян и рабочих были 77 и 73%, а среди крестьянок и работниц — 69 и 68% [*Природний рух*, 1927, с. 154–158; *Корчак-Чепурківський*, 1979, с. 53–54].

Всего в браке женщина, достигшая 15 лет, должна была проводить, по расчетам Корчак-Чепурковского, 29 лет (58% предстоящей жизни). Это намного больше, чем в среднем по стране — 21,7; и связано с более низкой смертностью украинского населения, лучшим соотношением полов и высокой брачностью.

Фактическая брачность сельского населения была выше, чем городского, главным образом в результате распространенности разводов среди горожан. На селе также отмечается более раннее вступление в брак как женщин, так и мужчин. Легкий и свободный брак и рост брачности не сопровождались, однако, высокой рождаемостью. Это было результатом заметного изменения взглядов населения. Корчак-Чепурковский отмечал, что на Украине,

по анкетному опросу 1930 г. среди сельских активисток, не имевших детей, каждая пятая хотела бы так и остаться бездетной. А в одной из коммун Харьковской области не желала больше иметь детей половина женщин в возрасте 15–20 лет, 74,4% — 20–25-летних, 88,2% — 25–30-летних, 98,3% — 35–50-летних, а в среднем 89% всех женщин. На каждую из этих женщин приходилось 2,84 рождения и 4,9 беременности [*Корчак-Чепурківський*, 1979, с. 53–54].

Рост числа вступающих в брак сопровождался увеличением численности разводившихся. Число разводов по отношению к числу браков быстро возрастало. Особенно интенсивно этот процесс захватывал крупные города. Так, в Москве в 1926 г. на каждые два брака приходился один развод. Во всех больших городах соотношение было в два раза больше, а в селе — в четыре раза больше. Там на восемь браков приходился один развод [*Паевский*, 1970, с. 342–356; *Лубны-Герцык, Овчинский*, с. 85–89]. На Украине, как в городах, так и в селе, число браков и разводов было несколько выше, чем в европейской части РСФСР и Белоруссии. В среднем для всего населения фактическое число браков (разница между браками и разводами) было в 1926 г. близко к 9 промилле. Только в больших городах это значение соответствовало 13 бракам и 3,6 разводам на тысячу пар, 11 и 2 в малых городах, а в селах 10,5 и 1,3 [*Корчак-Чепурковский*, 1970, с. 112–124; *Природний рух*, 1927, с. 154–158; *Паевский*, 1970, с. 342–356; *Лубны-Герцык, Овчинский*, с. 85–89].

Уровень рождаемости по стране в этот период различается незначительно. Выделяются две крупные территории: европейская с коэффициентом рождаемости 42–46 промилле и азиатская, включающая Кавказ, Сибирь, Урал и часть Поволжья, с коэффициентом около 50 промилле. Для многих мусульманских народов Средней Азии и Кавказа уровень рождаемости, очевидно, занижен, поскольку учитывался не полностью (табл. 2.20 и прил. 11).

Пониженные значения коэффициента отмечаются лишь на Украине, в Белоруссии и в нескольких областях РСФСР с высоким процентом городского населения. Коэффициент рождаемости в крупных городах западной части страны составлял 25–29 промилле (Белоруссия, Украина, Крым, Ленинградский район), а в восточной части — 30–32 промилле. Разводы и аборты, все шире распространявшиеся в городах, приводили, несомненно, к снижению рождаемости. Однако в городах, куда интенсивно прибывали массы сельского населения, рождаемость неизбежно повышалась: 43 промилле — Урал, 40 — Донбасс. При этом данные по стране, особенно для сельских жителей, очень однородны,

коэффициент почти не отклоняется от среднего значения больше, чем на 5% [*Лубны-Герцык*, 1926, с. 85–89].

Заметнее различия у городского населения. Оно делится прежде всего на жителей относительно крупных городов (свыше 50 тыс.) и маленьких (меньше 50 тыс. человек), в первых рождаемость на 20–30% ниже, чем во вторых. Исключением оказались районы Поволжья, где в крупных городах рождаемость несколько превысила уровень маленьких (37 и 35 промилле), Вятская область (46 промилле в крупных, 40 в маленьких), Рязанско-Тульский подрайон (25 промилле). Это, очевидно, связано с отливом молодежи из маленьких городов в крупные. Неслучайно в тех же районах отмечается низкий уровень брачности в маленьких городах, порой он даже ниже, чем в сельской местности (табл. 2.21).

Маленькие города и поселки занимают в целом по стране промежуточное положение между крупными городами и сельской местностью. В одних случаях уровень рождаемости в них приближается к крупным городам, в других он ближе к селу, а на Урале, в Башкирии, Сибири и Армении рождаемость в маленьких городах даже выше, чем у деревенского населения.

Более дифференцированное исследование было проведено на территории Украины. Оно показало, что существует прямая зависимость между величиной населенных пунктов, уровнем рождаемости в них и темпом снижения рождаемости (табл. 2.22).

Таблица 2.22. **Рождаемость в Украинской ССР в 1926–1930 гг., промилле**

	1926	1927	1928	1929	1930
УССР	42,1	40,2	37,8	35,2	32,8
Города	31,7	29,6	26,4	24,7	22,9
Сельское население	44,4	42,6	40,5	37,9	35,4
4 больших города	24,9	22,0	18,8	17,8	16,8
12 городов свыше 50 тыс.	31,7	28,6	24,9	23,8	20,9
28 городов 20–50 тыс.	32,5	30,4	27,7	26,4	24,6

Источник: [*Птуха*, 1960, с. 442–448].

Общее падение рождаемости на Украине с 1926 по 1930 г. составило 22% (в больших городах — 32,5%, в селах — 20,3%). Сократилась рождаемость в конце 1920-х годов и в Белоруссии. При этом Европейская Россия в целом, Кавказ и Сибирь оставались на высоком стабильном уровне. Одной из причин сокращения

рождаемости в Белоруссии и на Украине была высокая детность, отмечаемая как в городе, так и в селе и вызванная сравнительно небольшой детской смертностью. Наиболее высокие значения этого показателя в середине 1920-х годов были у азербайджанцев и армян. У сельского населения европейской части СССР отмечается ровный уровень детности, 130–140 детей до 10 лет на тысячу женщин 20–49 лет. Жители города различаются в этом отношении сильнее. У хорошо адаптировавшихся к городской жизни славянских народов и жителей Поволжья детность невелика, а у недавно приехавших из села и у мусульманских народов она приближается к деревенскому уровню. В целом по стране горожане даже отмечали некоторый рост рождаемости по сравнению с дореволюционной ситуацией (прил. 16).

Таким образом, в середине 1920-х годов в СССР наблюдались две противоположные тенденции. Одна — увеличение числа горожан, разрушение традиций, падение влияния религии, убыль мужчин в результате войн и эмиграции — способствовала сокращению брачности и плодовитости. Другая — задержка в заключении браков во время войн, упрощение процедур вступления в брак и развода, разрешение абортов, экономическая независимость молодежи, новая «коммунистическая» мораль и т. п. — помогала росту брачности. Кроме того, в течение всего периода наблюдается рост численности женщин в детородном возрасте. Это привело к тому, что общее число лиц, состоящих в браке, и число рождений изменились незначительно (табл. 2.21). Эта стабильность достигалась в результате сложного взаимодействия нескольких противоречивых тенденций. Рост числа браков отчасти компенсировался разводами. Улучшение брачной структуры и увеличение срока пребывания в браке нивелировались абортами. Падение рождаемости в городах замедлялось притоком туда сельских жителей. Увеличение доли женщин в возрасте 15–49 лет компенсировалось снижением их плодовитости. Сравнительно низкий уровень рождаемости на западе возмещался более высокими значениями на востоке.

Индустриализация и коллективизация

В 1928 г. закончился компенсационный послевоенный рост рождаемости. Страна оправилась от катастрофы. Но во многом это была уже другая страна. Совокупность факторов, условно объединяемых понятием «новая жизнь», подталкивала коэффициент рождаемости вниз.

Представления о семье и браке стремительно изменились самым кардинальным образом. Это говорит о том, что дореволюционные устои были скреплены не столько действительными убеждениями населения, сколько законодательными и общественными предписаниями. Если перед революцией в России происходило постепенное внедрение европейского типа брачного поведения, то в 1920-е годы жители СССР далеко обогнали многие европейские традиции и нормы. Страна, еще совсем недавно практически не знавшая разводов, уже в 1925 г. опередила весь мир по этому показателю, причем в последующие годы он продолжает быстро расти. По числу браков на тысячу жителей, расторгаемых до года, Украина в 1925 г. в 10 раз обгоняла США и в 100 раз — Нидерланды, а Ленинград примерно в 5–6 раз обгонял Украину [*Паевский*, 1970, с. 342–351]. Село во многих отношениях опережало город (а рабочий класс — буржуазию): в деревне был выше процент браков, расторгнутых до года, чаще отмечается мужская инициатива при расторжении брака, особенно при наличии детей, меньше браков, расторгаемых по обоюдному согласию, и т. д. [*Урланис*, 1963, с. 136; *Природний рух*, 1927, с. 154–158].

Одновременно с ростом городского населения и распространением среднего и высшего образования изменялось представление о желательном числе детей. Идея «дети от Бога» постепенно вытеснялась убеждением, что Бога нет, а детей надо кормить. Это, естественно, заставляло искать способы ограничения рождаемости. Следует отметить, что и в дореволюционной деревне неограниченное деторождение рассматривалось не только как благо, но и как тяжелый крест, от которого население попыталось избавиться при первой представившейся возможности. Темпы распространения абортов, совсем недавно еще почти не известных населению, в 1920–30-е годы постоянно росли (прил. 12). В первую очередь этот процесс захватил большие города, затем малые города и пригороды, постепенно проникая в сельскую глушь — вслед за табаком, комсомолом, учителем и медицинской сестрой. Заметно быстрее аборты распространялись на западе страны, «втягивая» все бóльшую долю возможных рождений — 20–30% и более. В 1926–1927 гг. в городах Украины на тысячу жителей приходилось 15–20 абортов, всего в два раза меньше, чем рождений [*Птуха*, 1971, с. 448; *Кошелев*].

Заметное влияние оказывала возможность аборта на бытовые и морально-этические представления. Женщины, не состоящие в браке, прибегают к абортам чаще, чем замужние.

Особенно заметно это явление в молодых возрастах. Так, в Ленинграде в 1926 г. треть беременностей замужних женщин были прерваны абортом, а среди незамужних цифра немного больше — 38%. Замужние женщины 18–19-лет, прервавшие беременность, составляли 20%, незамужние — 53%. Однако и в городе, и в деревне основной причиной аборта было недостаточное материальное обеспечение [*Паевский*, 1970, с. 320, 337]. Применение абортов было тесно связано с занятиями и социальным положением женщин. Работницы совхозов прибегали к абортам в 1930 г. почти в три раза чаще, чем обычные крестьянки, горожанки — в среднем в четыре раза чаще, а городская прислуга — в 14 раз чаще [*Корчак-Чепурковский,* 1975, с. 71]. Особенно трудно было для жительниц села решиться на аборт в первый раз. Так, в 1927 г. процент женщин, прервавших беременность абортом впервые, составлял в селе 16,8; а в 1930 г. — 19,4. В городе соответствующие цифры были 20,9 и 29,6; то есть горожанки по скорости распространения первых абортов заметно обгоняли сельских жительниц. Вторые и третьи аборты давались легче, и разрыв в этом отношении между городом и селом в те же годы несколько сократился [*Корчак-Чепурковский*, 1975, с. 68].

При этом важную роль продолжал играть консерватизм громадных масс сельских жителей, для которых ограничение рождаемости было чужеродным и подозрительным явлением. Множество крестьянок, особенно в средних возрастах, не хотели, да и не умели, прибегать к аборту, служившему единственным средством предотвращения рождений. Нередко мужчины выступали противниками абортов. Даже на Украине, где аборты были довольно заурядным явлением, 25% всех операций делалось, по данным Института охраны материнства, без согласия отцов или втайне от них. Для замужних женщин эта цифра еще больше — 44%. Обследование, проведенное в Харькове в 1938 г., показало, что каждый пятый аборт делался без разрешения мужчины, а при абортах женщин, не имевших детей, мужчины возражали в 35–50% случаев в зависимости от того, была ли это первая, вторая и т. д. беременность [*Корчак-Чепурковский*, 1975, с. 7–74]. Очевидно, что во многих случаях мужьям удавалось предотвратить аборт. Всего на Украине в 1930 г. прерывалась абортом каждая третья беременность, а на женщину, закончившую генеративный цикл, приходилось четыре рождения и два аборта, тогда как в 1925–1928 гг. — пять рождений и один аборт ([*Население*, 1975, с. 69–82]; прил. 12).

Соотношение между возрастом матери и вероятностью аборта было довольно сложным. Молодые женщины чаще стремились со-

хранить первого ребенка, в то же время они легче относились к аборту, имея одного, двух и более детей. В результате в конце 1920-х годов доля старших возрастов в общем числе рождений несколько увеличилась. Женщины старше 40 лет в 1925–1928 гг. родили 9,6% всех детей, в 1930 г. — 11% [*Корчак-Чепурковский*, 1975, с. 67–69].

Зависимость между абортами и численностью детей в семье была очень слабой. Это видно по ситуации в самом продвинутом в отношении абортов регионе — Украине. И при одном ребенке, и при пяти почти во всех возрастных группах (кроме самой молодой, до 20 лет) прерывалось около 20% беременностей. Это свидетельствует о том, что значительная часть женщин вообще не прибегала к аборту. С другой стороны, активная группа женщин (20–30%) прерывала первую, и вторую, и все последующие беременности. Исключением является группа не имеющих детей, представительницы которой до 25 лет заметно чаще решаются сохранить ребенка, а старше 40 лет более часто прибегают к аборту (прил. 12).

Расставаться с традиционным комплексом социальных, нравственных и религиозных убеждений было непросто, поэтому внедрение в жизнь абортов шло постепенно, вслед за ростом городов, распространением новых представлений, расширением медицинской сети, а главное, вступлением в брачный возраст новых поколений и старением женщин, родившихся и выросших до революции. Такая постепенность, зависимость распространения абортов от многих социальных и возрастных факторов делала маловероятным резкое увеличение их использования даже в случае катастрофического ухудшения экономических условий. В русской деревне процесс шел с заметным отставанием от украинского села, возможно из-за менее высокой плотности сельского населения. В момент запрещения абортов в 1936 г. они составляли в сельской местности РСФСР около 10% от числа рождений. В восточные и юго-восточные регионы новшества проникали еще медленнее или не проникали совсем. Мусульманскому населению представления о плодоизгнании были не просто чужды — они резко противоречили морали и традициям. Это положение сохранялось в течение всех 1930-х годов (а в сельских районах сохраняется отчасти и сегодня). В то же время такие государственные мероприятия, как запрет многоженства, повышение возраста вступления девушек в брак, обязательное школьное образование, распространение медицинской помощи при родах и элементарной гигиены, приводили к постепенному увеличению рождаемости среди мусульман и снижению смертности новорожденных. Эта группа

«отсталого» консервативного населения давала в те годы стране около 20% общего числа рождений ([*Корчак-Чепурковский*, 1975, с. 67–70]; прил. 11).

Важным фактором, влиявшим на снижение рождаемости, была миграция населения. Индустриализация стронула с места массу людей, передвигая их из деревень в города, с запада на восток и т. д. Нередко такие переезды приводили к разделению семей, откладыванию браков, откладыванию и ограничению рождений. Коллективизация усилила миграционную волну. Миллионы раскулаченных были перевезены на новые места, причем нередко разрывались семейные связи: мужчин отправляли в лагеря, а женщин — на поселение. Репрессии также вели к разрыву брачных уз и сокращению рождаемости. В стране уменьшалось количество мужчин и росло число вдов и одиноких женщин.

В ходе коллективизации добавились серьезные психологические и социальные причины отказа от деторождения: было утрачено ощущение устойчивости жизни, уверенности в собственных силах, своей способности прокормить семью, угнетала полная зависимость от опасного и прихотливого в своих решениях, непредсказуемого государства, отсутствие надежд на будущее. Весь этот комплекс ощущений был характерен и для горожан, и для сельских жителей.

Наконец, следует отметить постепенно возраставшую занятость женщин работой и учебой, что не могло не отразиться на уровне плодовитости. К сокращению рождаемости вело и снижение детской смертности — увеличивалось время кормления грудью и тем самым удлинялся интервал между беременностями, а также удовлетворялась потребность родителей в желательном количестве детей. Параллельно возрастало и внимание к детям. Во многих слоях населения родители, лишенные возможности проявлять активность в общественной, политической, экономической деятельности и принужденные к подчинению и ограничению во всех жизненных сферах, концентрировали свои душевные силы в семье, направляя их на воспитание детей и заботу о них.

Что препятствовало еще большему падению рождаемости? Таких причин было несколько. Демографические факторы вплоть до середины 1930-х годов продолжали улучшаться. Увеличивалась доля женщин в плодовитом возрасте (прил. 13). Росло число женщин, состоявших в браке (табл. 2.23). Росла продолжительность брачной жизни (в большей степени на Украине, несколько меньше по всей стране). В целом молодой возраст вступающих в брак

и естественное желание иметь хотя бы одного-двух детей не позволяли общему уровню плодовитости упасть слишком низко. Свою роль сыграла, как уже отмечалось, и консервативность громадных масс сельских жителей, для которых ограничение рождаемости было чужеродным явлением.

Таблица 2.23. **Женщины СССР, состоявшие в браке, по возрасту, %**

Возраст	1897	1926	1937	1939
16–19	18,3	17,3	16,3	13,7
20–24	65,0	68,6	61,2	61,4
25–29	89,0	85,0	79,1	78,7
30–34	91,0	85,0	82,6	81,8
35–39	86,0	81,8	80,6	80,0
40–44	82,4	76,3	76,3	75,9
45–49	77,9	70,2	69,0	68,8

Источники: [*Перепись 1897*; *Перепись 1926*, т. 41, с. 10–26; *Перепись 1937*, 2007, с. 73; *Перепись 1959*, с. 82].

Медицинское обслуживание села было также явно недостаточным и сдерживало распространение абортов. На Украине число врачей в сельской местности и коек в сельских амбулаториях и больницах было в десятки раз меньше, чем в городе [*Народне господарство*, 1935, с. 594–607]. Еще хуже было положение в РСФСР, где 90% крестьянок продолжали рожать вне роддомов, без квалифицированной медицинской помощи [*НХ*, 1932, с. 554–563]. Следует учесть бóльшую занятость и меньшую информированность сельских женщин, огромные по сравнению с городом расстояния между жильем и ближайшим медицинским пунктом. Все это приводило к тому, что многие жительницы села просто не имели возможности сделать аборт. В результате, и по сведениям статистических органов, и по оценкам известных ученых, рождаемость в городах плавно понижалась, а в российском селе понижения вообще не происходило до 1928 г., а в 1929 и 1930 гг. оно было сравнительно небольшим (табл. 2.24). Кроме того, существовал, очевидно, определенный минимальный уровень, ниже которого при данных социальных и психологических условиях рождаемость не могла упасть.

В начале 1930-х годов, реализуя грандиозные планы модернизации экономики, власти СССР столкнулись с совершенно неожиданным и неприятным фактом: нехваткой людей. Оказалось,

что прирост населения, вместо того чтобы увеличиваться вместе с рождаемостью в соответствии с пятилетним планом, снижается.

Осознав, правда не сразу, что это недопустимое положение связано с революционными нововведениями, правительство предпринимает ряд мер. Возможность развода была сильно затруднена, были введены алименты, запрещены аборты. Круг замкнулся. Но к уровню рождаемости начала века стране вернуться не удалось. Изменилось население. Колхозник и заводской рабочий не разделяли убеждений дореволюционного крестьянина, что дети от Бога. Ограничение рождаемости тем или иным способом стало нормой советской жизни. Постепенно население переходило к более позднему вступлению в брак и медленному снижению уровня брачности. В большинстве возрастных когорт это падение за 12 лет между переписями 1926 и 1937 гг. составило 1–3%, но для возрастов 20–29 лет приближается к 10% (табл. 2.23).

Таким образом, в СССР революционные перемены, бушевавшие в стране 15 с лишним лет, завершились, как это чаще всего и бывает с революциями, контрреволюционной попыткой возврата к светлому прошлому. При этом оказалось, что сами люди, их взгляды и традиции сильно изменились, но древняя форма их существования — брак — устояла. Разница в доле женщин, состоявших в браке, по отдельным возрастным группам очень мало изменилась (табл. 2.23). Практически не изменилось и среднее время пребывания женщины в браке. Рост продолжительности жизни компенсировался более поздним вступлением в брак. Так что, при смертности и брачной структуре соответствующего периода, время брачной жизни составляло в 1896–1897 гг. 21,4; в 1926–1927 гг. — 21,7; в 1938–1939 гг. — 21 год [*Перепись 1897*, с. 80–83; *Тольц*, 1979, с. 39–58].

Катастрофа

Коллективизация была не просто гражданской войной, не только борьбой партии, правительства, горожан, деревенских комитетов бедноты с крестьянством за землю, орудия и средства производства, урожай. Это было полное преобразование сельской жизни, решительное изменение характера труда, собственности и распределения созданной сельскохозяйственной продукции. Конечно, эти фантастические перемены не могли не сказаться на сельской семье и на уровне рождаемости в деревне. Судить об этом, однако, нелегко, поскольку одновременно стремительно

разваливалась система статистического учета (прил. 7). Власть пыталась бороться с этим явлением. В первую очередь традиционными методами — арестом статистиков и запретом на публикацию сведений. Затем было решено передать ЗАГСы в ведение ОГПУ. Однако для создания надежной базы достоверного учета потребовалось определенное время. Официальные публикации сведений о рождаемости в справочниках ЦСУ (ЦУНХУ) оборвались в 1931 г., после чего единственным источником информации стали случайные сообщения газет и журналов о соотношении тех или иных показателей, например о превышении над уровнем предшествующего года, дореволюционным уровнем и т. п. После войны для новых границ СССР были опубликованы данные за 1937–1940 гг., что сузило интервал неопределенности, но внесло дополнительную погрешность в связи с изменением территории СССР. Сложность еще и в том, что официальные данные были не слишком точны и опирались главным образом на статистику европейских областей, а азиатские регионы оценивались приблизительно. Заметные погрешности имелись и в официальной статистике, которая не поспевала за изменениями, происходившими в стране: ростом городов, миграцией, депортациями крестьян, разрушением системы учета или просто заметными неполадками в ней. Например, в 1933 г. во многих ЗАГСах не хватило книг записи смертей, отдельные учреждения и вовсе закрылись из-за смерти или бегства служащих[1].

Некоторые факторы, влияющие на рождаемость, были в 1930–1933 гг. достаточно благоприятными. Численность женщин плодовитого возраста в конце XIX — первой трети XX века постоянно росла. Так, в 1931 г. численность женщин в возрасте 30–39 лет составила 10 804 тыс., в 1937-м — 12 058 тыс., а наиболее плодовитая возрастная группа 20–29 лет имела соответственно 15 976 и 16 185 тыс. (табл. 2.24). Поколение 15–19-летних по мере вступления в него лиц, родившихся в военные годы, постепенно сокращалось, но все остальные когорты заметно увеличивали свою численность. А поскольку плодовитость в младших возрастах как по

[1] Современные ученые в поисках информации обращаются, как правило, к архивам статистических органов тех лет и работают с материалами переписей населения 1937 и 1939 гг. Оба эти источника важны, но имеют серьезные недостатки. Архивные материалы неполны, составлены разными людьми в разное время для разных лет, не всегда согласованы друг с другом. Переписи фиксируют выживших, а оценить рождаемость по статистике уцелевших практически невозможно.

физиологическим причинам, так и из-за меньшей брачности была относительно меньше, чем в более старших поколениях, реальная способность женщин к рождению детей в течение всех этих лет продолжала расти. Это, по-видимому, справедливо даже для 1931–1937 гг., когда заметно возросла численность лишь 30–39-летних.

Зная историческую обстановку в стране, можно предположить, что в начале катастрофического периода (1931–1934) потери от репрессий, депортации и голода привели к сокращению численности поколений женщин в детородных возрастах. Но в последующие годы это сокращение было компенсировано вступлением в детородный возраст новых когорт. Это соответствует нормальной динамике изменения повозрастной численности, когда более молодое и при рождении более многочисленное поколение остается и в последующие годы более многочисленным, чем предшествующие ему. По-видимому, катастрофу начала 1930-х годов эти женщины прошли относительно спокойно; по крайней мере, разница в возрасте в семь лет не сыграла важной роли в размерах потерь (табл. 2.24)[1].

Таблица 2.24. **Численность женщин 15–49 лет по переписям и административному учету 1931 г., тыс. человек**

Возраст	1897	1926	1931	1937	1939
15–19	5 176 (5,1)	9 005 (6,0)	8 549 (5,3)	6 767 (4,2)	7 732 (4,5)
20–29	8 202 (8,1)	13 707 (9,1)	15 976 (9,9)	16 185 (10,0)	15 870 (9,3)
30–39	6 330 (6,3)	8 991 (6,0)	10 804 (6,7)	12 058 (7,5)	13 169 (7,7)
40–44	2 674 (2,6)	3 575 (2,4)	4 059 (2,5)	4 061 (2,5)	4 552 (2,7)
45–49	2 111 (2,1)	3 077 (2,1)	3 434 (2,1)	3 571 (2,2)	3 723 (2,2)
15–49	24 493 (24,2)	38 295 (25,6)	42 822 (26,4)	42 642 (26,5)	45 046 (26,4)

Примечание. В скобках — доля от общей численности женщин (%).

Источники: [*Перепись 1897*, с. 80–83; *Перепись 1926*, т. LI, с. 10–26; *НХ*, 1932, с. 405; *Демоскоп*, № 520; *Перепись 1937*, 1991, с. 78; *Перепись 1959*, с. 73]. Повозрастная численность в 1926 г. — сглаживание Новосельского и Паевского [1934б, с. 7–37]; прил. 13.

[1] В рассматриваемом примере родившиеся в 1898–1911 гг. сокращают свою численность в 1931–1937 гг. Поколение 1892–1897 гг. выбыло из расчета, а поколение 1912–1917 гг. вошло в когорту 20–39-летних. Поколение 1912–1917 гг. при рождении, безусловно, имело заметно меньшую численность, чем предшествующие поколения, поскольку в 1914–1922 гг. рождаемость сократилась. Несмотря на это, общая тенденция роста численности поколений сохранилась. Очевидно, потери поколений в прошедшие годы были не слишком большими.

С более молодыми и более старыми когортами дело обстояло иначе. Их численность в 1937 г. заметно меньше, чем в 1931-м, что свидетельствует об огромных потерях. На Украине в промежуток 1931–1934 гг. уменьшилась численность всех поколений женщин детородного возраста. В целом можно считать, что в СССР численность женщин в детородном возрасте постоянно росла, в 1932–1933 гг. она упала, а затем снова начала расти (прил. 13). Численность женщин плодовитого возраста, состоявших в браке, в 1926–1937 гг. изменилась незначительно (табл. 2.23). Очень мало менялась и продолжительность пребывания женщины в браке: 21,7 лет в 1926 г. и 21 год в 1938–1939 г. [*Тольц*, 1979]. Как уже отмечалось, плодовитость населения медленно снижалась. Каждое поколение женщин и в городе, и в селе рожало, как следует из опроса Р. Сифман 1960 г., меньше детей, чем предыдущее. Сто женщин 1890–1894 годов рождения родили в течение жизни в среднем 525 детей, а в поколении 1920–1924 гг., — 273 (прил. 15).

Однако при прохождении возрастных когорт через период 1930–1934 гг. их плодовитость на несколько процентов снижается (прил. 14). Эта картина наблюдается и в городе, и в селе. Например, 100 женщин поколения 1910–1914 годов рождения родили к 25 годам 119 детей, более молодая когорта (1915–1919) к этому возрасту имела 126 детей, а следующая пятилетняя группа — 120 детей (прил. 14, 15).

Это можно заметить и при рассмотрении интервалов между появлением детей в семье. Считается, что средний физиологический промежуток между рождениями в отсутствие регулирования составляет примерно 33–34 месяца [*Сифман*, 1974, с. 156–159]. В 1930-х годах и в русской деревне начинает внедряться регулирование численности детей в семье. Лишь появление первого и второго ребенка в 1930–1934 гг. укладывается в естественные нормы, третьих, четвертых детей придерживают. В мусульманских селах России, Кавказа, Казахстана и Средней Азии рождаемость, очевидно, почти не регулировалась (прил. 11). В частности, на это указывают практически одинаковые интервалы (отклонение от среднего меньше 5%) между рождениями первого, второго и т. д. ребенка. При этом интервалы между рождениями были довольно значительными. Это ограничение рождаемости восточного типа вызывалось многоженством и слишком молодым возрастом вступления женщин в брак, что приводило к частым выкидышам и другим гинекологическим проблемам. По мере устранения этих специфических факторов интервалы между

рождениями сокращались; правда, процесс этот сопровождался не всегда понятными колебаниями (конечно, заметное влияние оказала высокая смертность казахов и других кочевых народов в годы коллективизации).

В 1935–1939 гг. у всего сельского населения страны интервал между рождением третьих и четвертых детей немного уменьшается, зато для первых и вторых — возрастает. Очевидно, рождаемость в начале десятилетия была не меньше, а скорее даже несколько больше, чем в конце его. Факт этот представляется удивительным, поскольку в 1930–1934 гг. население испытало огромные трудности (раскулачивание, депортации и голод), а на период 1935–1939 гг. приходятся три с лишним года запрещения абортов, что, естественно, стимулировало высокую рождаемость. Вероятно, сельские женщины при рождении первого и даже второго ребенка еще не были в массе своей готовы прибегнуть к единственному в то время радикальному средству ограничения рождаемости — аборту. Исходя из близких значений плодовитости в 1930–1934 и 1935–1939 гг., можно утверждать, что на эти периоды приходится примерно одинаковое количество рождений (не исключено, правда, что такой результат отчасти объясняется погрешностями статистического учета). Нет оснований сомневаться в том, что эта одинаковость достигнута за счет более высоких значений 1930–1932 и 1937–1939 гг., на период же 1933–1936 гг. приходится некоторый провал. И все же очень важно иметь в виду, что в среднем эти вершины и провалы в рассматриваемых периодах примерно одинаковы. К такому же результату приходят АДХ, и со ссылкой на них в фундаментальной работе Института демографии говорится, что итоговая рождаемость в 1930–1934 и 1935–1939 гг. равна пяти рождениям в расчете на одну женщину [*Демографическая модернизация*, с. 186][1].

Согласно архивным сведениям, рождаемость в РСФСР в городе в середине 1920-х годов равномерно снижалась, в 1929–1932 гг. уровень ее практически не менялся, а в 1933-м произошел резкий скачок вниз, сменившийся в 1935 г. новым подъемом (табл. 2.25).

Украина полностью повторяет кривую изменения рождаемости в РСФСР, только повторный рост начинается у нее в 1934 г. и является более быстрым. Коэффициенты рождаемости крестьян

---

[1] Достоверность этого результата не слишком велика, в частности, и потому, что цифры, очевидно, округлены, но вместе с другими данными они показывают незначительное расхождение рождаемости в рассматриваемые пятилетия.

заметно выше, и сокращалась рождаемость тоже достаточно равномерно.

После открытия архивов выяснилось, что в отделе статистики ЦСУ его сотрудницами С. А. Бекунковой и Е. В. Родиной в 1964 г. проделаны расчеты численности населения между переписями 1926 и 1939 гг. (табл. 2.25).

Таблица 2.25. **Сопоставление рождаемости в 1927–1938 гг. с данными переписей 1937, 1939 гг., тыс. человек**

Год	ЦСУ 1964	1937	1939	Убыль 1937 от ЦСУ, %*	Убыль 1939 от ЦСУ, %*
1927	6655	4017	4169	39,4	37,4
1928	6725	4457	4394	33,7	34,7
1929	6520	4184	3688	35,8	43,4
1930	6229	4245	4224	31,9	32,2
1931	6053	3822	3791	36,9	37,4
1932	5842	3281	3260	43,8	44,2
1933	4435 (5400)	2847	2814	35,8 (52,7)	36,6 (52,1)
1934	4229	3084	3194	27,1	24,5
1935	4888	3771	3714	22,9	24,0
1936	5350	4814	4128	10,0	22,8
1937	6405	—	4936	—	22,9
1938	6323	—	5756	—	9,0

* Процент убыли поколения на дату переписи.

Примечание. В круглых скобках — наша оценка.

Источники: [*АДХ*, 1993, с. 40; *Перепись 1937*, 2007 с. 77–84; *Перепись 1939*, 1992, с. 28–38; *Демоскоп*, № 519–520; *Перепись 1959*, с. 49; *Таблицы смертности*, 1930, с. 108–120].

АДХ предполагают, что авторы расчета сознательно исказили результаты: «Поправки вносились отдельно на неполный охват регистрацией территорий, с одной стороны, и на полноту учета — с другой. При этом поправки были определены для каждого года так, чтобы максимально сгладить динамику населения и минимизировать следы голода 1933 г. ... Результатами этих расчетов иногда пользовались, но никогда их не публиковали. Публикации отсутствовали не только потому, что продолжали скрываться страшные размеры потерь от голода и сам факт катастрофы 1933 г., но и потому, что расчет всегда считался приближенным, признавался его сугубо оценочный характер, и авторы расчета всегда требовали осторожности при его использовании. Кроме малообоснованных

предположений о размерах недоучета смертей в разные годы, слабость расчета, как уже было сказано, состоит в том, что некритически использовались результаты переписей 1926 и 1939 гг., игнорировались итоги переписи 1937 г. Также предполагалось, что при неполном учете смертей существовал полный учет рождений» [*АДХ*, 1993, с. 40].

Относительно переписей замечание АДХ совершенно справедливо, но не следует забывать, что до перестройки ни один советский автор не вносил коррективы в переписи населения. Что касается публикации отдельных сведений из расчетов ЦСУ, то в СССР действительно избегали публикации демографических сведений 1930-х годов, но всегда, когда такие данные были нужны (и разрешены), материалы рассматриваемого расчета, как это принято ЦСУ, печатались без упоминания авторов[1].

Относительно поправок на неполноту учета смертей и рождений авторы ЦСУ рассказывают: «С этого года [1933] органы ЦСУ начали определять полноту полученного материала. Что касается 1927–1932 гг., то для этих лет полнота собранных ЗАГСом материалов была нами проверена по архивным материалам — годовым отчетам естественного движения населения по Ф 1-а, в котором давались подробные примечания, по каким административным единицам — районам, округам, автономным областям — отсутствовали сведения. В свое время (в 1933 г. и последующие годы) в отделе были исчислены за 1927–1931 и 1933–1935 гг. распространенные на всю территорию СССР итоги родившихся, умерших и естественного прироста, которые приведены в специальной брошюре (для служебного пользования). Эти итоги и были нами после проверки использованы для уточнения расчетов населения следующим образом: а) число родившихся и умерших за 1927–1931 и 1933–1935 гг. — были использованы распространенные данные из брошюры; б) за 1931–1932 гг. распространенные итоги были исчислены путем применения процента полноты материалов за 1933 г.; в) за 1936–1938 гг. — отчетные материалы; г) в указанные материалы в отношении умерших были внесены поправки за счет недоучета умерших, который был обнаружен при получении итогов переписи 1939 г. Полученные таким путем распространенные итоги естественного движения населения за весь

[1] См., например, справочники [*Народонаселение*], с. 71 (данные о рождаемости 1927–1938 гг.); [*Население*, 1975], с. 7 (численность населения 1929, 1937, 1938 гг.).

межпереписной период дали следующие результаты (тыс. чел.): число родившихся 70 122, число умерших 40 309, естественный прирост 29 813. Исчисленный таким образом итог естественного прироста (29 813 тыс.) не соответствует приросту, полученному на основании итогов переписей 1926 и 1939 гг. — 23 529 тыс. чел. Для увязки в вышеприведенные данные об умерших (40 309 тыс.) была внесена поправка в размере 6284 тыс.» [*Архив ЦСУ*].

Мы видим, что рождаемость и смертность были увеличены в расчете ЦСУ почти одинаково. А потери населения (убыль сверх естественной смертности) справедливо относятся в расчете к погибшим. При этом можно отметить, что тенденции изменения численности населения в расчете по модели АДХ и ЦСУ очень близки (табл. 2.29). Хотя рождаемость и смертность в оценках ЦСУ и АДХ сильно различаются, разница между средними значениями прироста населения для относительно мирных периодов невелика: в 1927–1931 гг. — 0,4%, в 1935–1938 гг. — 2,4%. По сравнению с возможной ошибкой при подсчете рождений и смертей это очень незначительные величины. Для катастрофического периода 1932–1934 гг. расхождение огромное, и оценка АДХ, очевидно, ближе к истине. Более того, представляется, что и в 1930–1932 гг., и в 1934 г. потери раскулачиваемых, депортированных и голодавших были более значительными, чем следует из расчета АДХ, поскольку в эти годы отчасти вне учета ЗАГСов оказалась высокая смертность высланных на север крестьян и потери казахов, бежавших из мест принудительной оседлости. Следует откорректировать и данные 1937–1938 гг., так как большинство жертв Большого террора, очевидно, не попало в официальный учет.

Отсутствие расхождений в приросте населения между ЦСУ и АДХ, кроме случаев, когда уровень смертности задается на основании дополнительных исторических свидетельств, позволяет ограничиться коэффициентами рождаемости 1964 г., которые имеют огромное преимущество, поскольку хорошо согласуются со всем комплексом демографических данных в разные годы и по разным регионам страны [*АДХ*, 1993, с. 39].

Представляется, что никаких специальных мер по искажению результатов в ЦСУ не предпринимали. Исследователи лишь использовали имевшиеся у них материалы для некоторой корректировки существовавшей статистики. Недоучет смертности в 1932–1933 гг. действительно был больше, чем в предшествующие годы, он явился следствием разрушения статистического учета в результате коллективизации и голода.

Открывшиеся материалы переписей 1937 и 1939 гг. позволяют оценить число выживших на момент переписей из поколений, родившихся после 1927 г. При расчете по таблице смертности первые три года убыль поколения происходит быстро и достигает 25% от числа родившихся. Затем темп роста смертности снижается, к семи годам убыль составляет 30%, а к 12 годам достигает 40%. Иначе выглядят фактические данные переписей 1937 и 1939 гг. (табл. 2.25). Первые три-пять лет данные переписей соответствуют отмеченной тенденции; более того, убыль поколений в 1934–1937 гг. оказывается даже меньше табличной. Этот результат объясняется улучшением медицинской помощи малолетним детям в конце 1930-х годов по сравнению с 1926 г. Но начиная с 1932 г. картина резко меняется. Падение численности поколений оказывается огромным, заметно больше табличного. В 1932 г. оно достигает пика, затем несколько затормаживается, но продолжает оставаться высоким. Превышение рождаемости 1932 г. над уровнем 1933 г. кажется вполне вероятным, но более низкий процент детей в 1933 г. по отношению к переписям 1937 и 1939 гг., как уже отмечалось, безусловно ошибка. По официальным сведениям, смертность населения России и Украины составила в 1932 г. 2719 тыс., а в 1933 — 4847 тыс. человек, в полтора раза больше. Нелепо считать, что при такой огромной разнице в уровне смертности всего населения смертность среди детей носила противоположный характер.

Данные о смертности новорожденных также противоречат гипотезе о более высокой смертности в 1932 г. Это искажение вряд ли вызвано преувеличением размера рождаемости в 1932-м. Комиссии, работавшие в 1933–1934 гг. в разных частях страны, свидетельствовали о массовом недоучете смертности, но лишь в единичных случаях отмечали погрешности в учете рождаемости[1]. Также не приходится сомневаться в результате подсчета численности поколений по переписям. Искажения из-за округления сведений

[1] В записке на имя председателя комиссии партийного контроля Кагановича и председателя комиссии советского контроля Куйбышева анонимный автор доказывал, что вопреки утверждениям председателя комиссии по обследованию учета численности населения Госплана Вознесенского повсеместно погрешность работы ЗАГСов приводит к преуменьшению смертности, а порой и к ошибкам в учете рождаемости: «В ряде сельсоветов (Сев. Кавказ, Ленинградская обл.) в связи с необходимостью получения паспорта для многих граждан, не имевших метрических выписей, восстанавливались записи в текущей книге регистрации рождений, а вторые экземпляры отсылались в район». Такие и другие ошибки в учете населения, конечно, возможны, но вряд ли они были так многочисленны, чтобы исказить статистику (РГАЭ, оп. 329, ед. хр. 107, 132).

о возрасте маловероятны, поскольку обе переписи, проведенные с интервалом в два года, дают практически одинаковый результат. Следовательно, единственным объяснением разницы в данных 1932 и 1933 гг. может служить значительное преуменьшение численности родившихся в 1933 г. Очевидно, в разгар голода в статистику не попала масса новорожденных, погибших вскоре после рождения.

Исходя из уровня рождаемости 1932 и 1934 гг. и сведений переписей, можно оценить рождаемость 1933 г. примерно в 5400 тыс. человек. Убыль новорожденных к переписям 1937 и 1939 гг. будет на 8–9% больше, чем в 1932-м. Эта оценка, вероятно, несколько преуменьшена.

Демограф Михаил Денисенко [с. 106–142] справедливо напоминает, что, кроме смертности, на снижение рождаемости «работало» распространение абортов, уменьшение вероятности зачатий у голодающих, миграции населения, приводившие к разрывам брачных связей. Это хорошо видно из помесячных сведений о смертности и рождаемости в 1932–1934 гг. в наиболее пострадавших от голода регионах.

На Украине, Северном Кавказе и в меньшей степени на Нижней Волге в 1933–1934 гг. отмечаются два периода снижения рождаемости. Первый совпадает с наиболее высоким уровнем смертности, и совершенно очевидно, что причиной его является гибель детей, родившихся в эти месяцы. Второй период снижения, в ряде территорий более сильного, чем в первый период, начинается через семь-восемь месяцев после резкого повышения смертности. Это, безусловно, вызвано реакцией населения на катастрофу, отмеченную Денисенко: аборты, снижение вероятности зачатий, распад семей (табл. 3 прил. 21). Из-за этого явления ошибочной представляется корректировка рождаемости в годы потерь по данным более благополучных лет или месяцев. В нашем расчете мы используем сведения фактического учета новорожденных ЦСУ, внося поправки лишь для 1933 г., поскольку известно, что этот год был самым неблагополучным, следовательно процент умерших детей не может быть меньше, чем в «соседние» годы (табл. 2.26).

Это замечание справедливо и относительно сведений о рождаемости в европейских республиках, например РСФСР. Мы видим, что доли поколений в общей рождаемости по оценке ЦСУ для СССР и по архивным данным для РСФСР очень близки. Это неудивительно, поскольку данные по РСФСР составляли бóльшую часть материалов, на которых основана оценка ЦСУ по СССР.

Таблица 2.26. **Численность поколений 1927–1937 годов рождения в СССР (по оценке ЦСУ) и РСФСР (по архивным данным)**

Год рождения	ЦСУ 1964, тыс. чел.	Рождаемость в РСФСР, тыс. чел.	ЦСУ 1964, %	Рождаемость в РСФСР, %
1927	6 655	4 167	11,7	11,7
1928	6 725	4 276	11,8	12,0
1929	6 520	4 139	11,5	11,6
1930	6 229	3 919	10,9	11,0
1931	6 053	3 573	10,6	10,0
1932	5 842	3 340	10,3	9,3
1933	4 435	2 705	7,8	7,8
1934	4 229	2 628	7,4	7,4
1935	4 888	3 340	8,6	8,6
1936	5 350	3 648	9,4	10,2
1937	6 405	4 198	11,3	11,7
Всего	56 926	35 735	100,0	100,0

Примечание. Источники данных в столбце «Рождаемость в РСФСР»: РГАЭ, ф. 1562, оп. 329, д. 256; [*Денисенко*; *Архив ЦСУ*; *АДХ*, 1993, с. 40].

Уровень рождаемости в 1920-е и 1930-е годы анализировали также многие западные и советские исследователи. Некоторые результаты показаны в табл. 2.27.

Общая тенденция изменения рождаемости в стране в 1924–1938 гг. у разных авторов похожа: стабильность в 1924–1928 гг., плавное снижение уровня рождаемости в 1929–1932 гг., резкое падение в 1933-м, продолжающееся и в 1934-м, и рост в последующие годы. Разброс значений для каждого года сравнительно невелик, не больше чем в 20%, в большинстве случаев 5–10%.

Наибольшие значения практически во всех случаях принадлежат АДХ, которые считали, что данные о рождаемости в 1920–30-х годах систематически преуменьшались. С фактом преуменьшения сведений, собираемых ЦСУ, можно согласиться, но вопрос, как получены поправки, вносимые в конкретные годы, и каковы их величины, остается без ответа. Кроме того, представляется, что недоучет в значительной степени приходится на восточные районы страны, где недосчитывали новорожденных, которые в большинстве своем умирали на первом году жизни, не искажая тем самым общей статистики.

Минимальные коэффициенты рождаемости приводит Бирабен. Его цифры меньше, чем у других авторов, поскольку он использовал

Таблица 2.27. **Коэффициенты рождаемости по данным разных авторов, на 1000 человек**

Год	ЦСУ 1964	Лоример	Марченко	Бирабен	Сифман	М1982	АДХ	М2014
1924	42,9	42,5	—	42,3	43,9	42	47,1	42,5
1925	44,2	43,9	—	43,8	42,5	44	49,3	44,3
1926	44,0	42,6	—	42,3	43,9	44	47,8	40,6
1927	44,8	45,0	43,4	41,6	42,5	43,4	46,3	42,5
1928	44,3	43,7	42,2	41,1	43,9	44,3	45,3	44,3
1929	42,1	41,4	39,8	38,8	38,9	39,8	44,1	40,6
1930	39,6	39,2	39,2	38,0	43,9	39,2	42,2	40,2
1931	38,0	36,9	38,9	34,1	33,1	37,0	40,5	37,4
1932	36,3	34,6	38,0	29,2	36,0	35,0	35,9	36,9
1933	27,6	32,4	34,6	30,3	29,5	32,0	34,6	33,6
1934	26,5	30,1	30,6	25,0	28,8	30,0	30,4	26,7
1935	30,4	30,1	33,0	28,4	31,7	31,4	33,0	30,7
1936	32,9	33,6	38,6	31,7	35,3	35,7	34,6	33,5
1937	38,7	39,6	41,0	37,1	38,2	38,7	39,9	38,7
1938	37,5	38,3	—	36,9	36,7	37,5	40,0	37,5

Примечание. Плодовитость с 1924 по 1940 г. равна 6,17; 5,97; 6,1; 5,38; 6,1; 4,58; 4,99; 4,09; 4,0; 4,37; 4,91; 5,27; 5,27; 5,1; 4,78. «ЦСУ 1964» цит. по: [*АДХ,* 1993, с. 40; *Народонаселение*; *Урланис,* 1977, с. 11–12; *Марченко*, 1953, с. 13, 22; *Бирабен*; *Сифман,* 1974, с. 43]. Рассчитано нами по данным о плодовитости с привязкой к рождаемости по данным 1926–1930 гг. Плодовитость с 1924 по 1940 г. равна 6,17; 5,97; 6,1; 5,38; 6,1; 4,58; 4,99; 4,09; 4,0; 4,37; 4,91; 5,27; 5,27; 5,1; 4,78. М1982 — [*Максудов,* 1989а, с. 147–157; *АДХ,* 1993, с. 40, 57]. М2014 — Максудов, расчет по архивным данным.

возрастную структуру переписей 1959 и 1970 гг., оценивая число родившихся по численности уцелевших, выживших во время голода, то есть не учитывая повышенной смертности.

Результаты расчета по плодовитости также немного занижают рождаемость, так как в число опрошенных не попали погибшие семьи, а опрашиваемые женщины, очевидно, часто пропускали в перечне детей, умерших при рождении или вскоре после него.

Ученому «второй» эмиграции В. Марченко принадлежит самая высокая оценка рождаемости в 1933 г., но неясно, опирался ли автор на какие-то статистические материалы, вывезенные им за границу в годы войны, или это его экспертная оценка.

Интересны результаты Франка Лоримера. Он исходил из предположения, что рождаемость в 1931–1935 гг. постепенно снижалась с 36,9% до 30,1%. Последнюю цифру он взял из статьи И. Сатутина в «Правде», где не было указано, что данные относятся не ко всей стране, а только к европейской части.

Как это ни парадоксально, коэффициенты Лоримера для всего периода, за исключением 1932–1934 гг., почти не отличаются от оценок, сделанных в 1964 г. работниками ЦСУ, обладавшими, в отличие от американского ученого, огромным фактическим материалом. При этом очевидно, что Лоример не имел реального представления о трагических событиях эпохи коллективизации.

Наша оценка [*Максудов*, 1989а, с. 150] была попыткой обобщения известных на тот момент материалов: расчета по данным Сифман, коэффициентов Урланиса, Лоримера и других авторов. Она, как потом выяснилось, в большинстве случаев (кроме 1929, 1933 и 1934 гг.) также близка к результатам ЦСУ 1964 г.

Как уже отмечалось, уровень рождаемости в начале века не очень сильно различался в разных частях страны. Но с началом коллективизации рождаемость стала падать, и расхождение стало увеличиваться. В больших городах на Украине и в Белоруссии рождаемость падала быстрее, чем мы видим в данных ЦСУ и работах вышеназванных авторов (табл. 2.28).

Таблица 2.28. **Рождаемость в различных регионах и городах, на 1000 человек**

Год	Белоруссия	Украина	Киев	Нижняя Волга	Москва
1927	38,1	40,1	21	—	28,9*
1928	36,8	37,7	18	44,8	—
1929	35,8	35,0	17	44,6	—
1930	36,0	32,7	16	38,0	—
1931	34,6	31,1	16	34,5	—
1932	33,7	23,7	10	25,0	—
1933	28,7	15,9	9	19,0	—
1934	28,5	19,4	15	18,8	14,7
1935	28,0	27,2	20	30,9	17,3
1936	28,4	31,7	25	34,1	35,4**

* 1926 г.

** 1937 г.

Примечание. «Белоруссия» — [*Раков, Маськов*]; «Украина» — [*Максудов*, 1991, с. 8]; «Киев» — [*Энциклопедия*, 1963]; «Нижняя Волга» — РГАЭ, ф. 1562. оп. 20. ед. хр. 41.

Белоруссия, как видно из таблицы, не очень сильно пострадала. Медленный спад по одному промилле в год продолжается шесть лет и обрывается в 1933 г. скачком вниз сразу на 5 промилле. На этом уровне рождаемость остается в последующие четыре года. На Украине снижение происходит в два раза быстрее и обрывается двумя уступами, каждый по 7 с лишним промилле, но и последующий рост происходит сразу и очень быстро.

Стремительный рост показывает, что падение было результатом не только регулирования рождаемости, но и в первую очередь массовой гибели новорожденных. Нижняя Волга повторяет в целом украинскую картину, а рост в 1934–1935 гг. достигает огромного размера — 12 промилле в год. В больших городах Киеве и Москве падение более глубокое, а последующий рост более быстрый.

Таким образом, в конце 1920-х — первой половине 1930-х годов происходило постоянное падение рождаемости в СССР, как в городе, так и в селе, наряду со снижением рождаемости во время коллективизации и особенно голода 1932–1934 гг. Происходила массовая гибель младенцев, как новорожденных, так и родившихся в 1927–1933 гг. Заметная часть их не попала в органы учета, главным образом из-за скорой гибели после рождения.

В стране победившего социализма

1936 г. принес стране не только «самую демократическую в мире сталинскую конституцию», не только первые выборы нового типа, когда практически все без исключения дружно и единодушно голосуют «за», но и резкий поворот в демографической политике: семья укрепляется, разводы затрудняются, аборты запрещаются. Государство испугалось уменьшения числа подданных и пожелало иметь их как можно больше. Это неожиданное решение привело к скачку рождаемости в следующем 1937 г. В 1938–1939 гг. отмечается некоторое увеличение брачной плодовитости и, соответственно, рождаемости (прил. 15). Подъем 1937–1938 гг. был отчасти компенсационным (страна выбиралась из демографической катастрофы предшествующих лет), отчасти следствием запрещения абортов. Однако уровня 1920-х годов достигнуть не удалось, а вскоре снова начался рост — на этот раз в основном нелегальных абортов, число которых составило в России в 1938 г. почти 400 тыс., а в 1940 г. — 500 тыс. [*Демографическая модернизация*, с. 210]. Эти цифры, очевидно, неполны, о чем свидетельствует огромная доля (90–92%) неполных абортов, то есть абортов,

начатых вне стен медицинского учреждения и завершившихся в больнице. Конечно, причиной обращения к больничным врачам было какое-то неблагополучие в ходе процедуры, и большое число успешных нелегальных абортов не попало в поле зрения больничных врачей, а значит, и в статистический учет. В целом за 12-летний период (1927–1938) плодовитость в СССР снизилась на 12%, с 159 рождений на 1000 женщин 15–49 лет до 139,5. В том числе плодовитость в возрасте до 25 лет упала на 10%, а в более старших группах — заметно сильнее. Брачная плодовитость изменилась менее значительно, но темп уменьшения этого коэффициента с возрастом выражен столь же отчетливо [*Сифман*, 1974, с. 41, 73–75].

Кроме постепенного снижения плодовитости, в конце 1930-х годов сокращается число заключаемых браков и численность состоящих в браке во всех возрастных группах, особенно среди молодежи. Возрастает процент женатых мужчин по сравнению с долей замужних женщин. Эта тенденция охватила даже народы Кавказа, не затронув только Среднюю Азию. Но общая тенденция к снижению брачности оказывает влияние и на восточные народы, что приводит к уменьшению разброса значений по стране (прил. 11). Становление «Архипелага» в середине 1930-х годов способствовало разрыву брачных уз, что, естественно, вело к сокращению рождаемости. Все больше женщин оставались вдовами, разведенными и одинокими. В стране постепенно уменьшалась доля мужчин, и при этом, как уже отмечалось, рос процент мужчин, состоящих в браке, и число женщин, оставшихся вне брака.

О том, какую роль в ухудшении брачной ситуации сыграли трагические события периода коллективизации, голода и репрессий, говорит сопоставление брачной структуры мужчин и женщин. Если доля женатых мужчин в старших возрастах между 1926 и 1939 гг. практически не изменилась, то заметная часть женщин старше 35 лет потеряла своих брачных партнеров. Для лиц старше 45 ситуация становится еще более тяжелой, так как эти поколения пострадали в годы Гражданской войны. Так, в возрасте 55–59 лет в 1939 г. состояли в браке 900 мужчин из тысячи и только 500 женщин [*Перепись 1959*, с. 49–73].

Оправившись от неожиданного запрета на аборты, население начинает быстро адаптироваться к сложившимся условиям [*Демографическая модернизация*, с. 209–215]. Новая мораль населения вступила в противоречие с новой моралью власти. И в этом столкновении первая постепенно одерживает победу. Все многочисленные факторы, подталкивавшие страну к сокращению

рождаемости, продолжали действовать. Уменьшалась доля женщин в плодовитых возрастах, сокращалось число женщин в браке, увеличивался возраст вступления в брак, росло городское население, присоединялись новые земли с низкой рождаемостью. В 1940 г. коэффициент рождаемости оказывается равным 31,2 промилле, то есть на уровне катастрофических 1933–1934 гг. [*Население*, 1973, с. 69].

В начале 1940-х годов советский человек, потерявший окончательно старую дореволюционную мораль, лишенный возможности пользоваться недавно провозглашенной свободой, переходит к действительно новому типу брачного поведения. Его принципами становятся позднее вступление в брак, небольшое число детей в семье, забота о детях, стремление помочь им в получении образования и в дальнейшей жизни. Эти представления стали в последующие десятилетия социальной и экономической основой советской жизни.

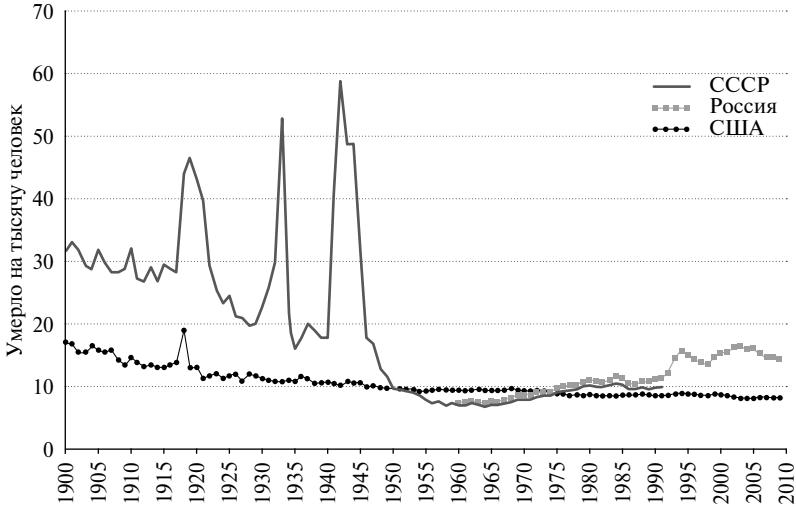

Рис. 2.3. Тенденция изменения смертности в СССР и США в XX веке

Перед революцией

В конце XIX — начале XX века смертность населения в России была очень высока. По уровню смертности от инфекционных заболеваний страна заметно отставала от Западной Европы (табл. 2.29).

М. Птуха [1928б] сравнил повозрастную смертность в 12 странах. По этим сведениям, у мальчиков детская смертность была наиболее высокой в Индии, но Россия не слишком сильно от нее отличалась. Затем с небольшим отрывом следуют Украина, США (негры) и Австрия.

Так, из тысячи родившихся до пяти лет доживало в Индии 566 человек, в Европейской России — 593, на Украине — 667, среди негритянского населения Америки — 681, в Австрии — 697, Италии — 722, Швеции — 850 человек. Однако в возрасте старше 10 лет Россия отодвигается в середину таблицы, пропуская вперед Украину и Японию, а среди самых старших возрастов наблюдается прямо противоположная картина. Наименьшая смертность наблюдается на Украине, затем в России, затем у американских

Таблица 2.29. **Смертность от инфекций, на 100 тыс. человек**

Страна(город)	Годы	Корь	Скарлатина	Коклюш	Дифтерия	Оспа
Петербург	1910–1911	87	42	22	32	—
Ленинград	1938–1939	36	22	14	13	—
Чехословакия	1926	12	3	20	5	0,06
Италия	1925	22	7	8	7	0,03
Германия	1925	11	1	10	5	0,01
Украина	1911–1913	58	106	53	95	17,00
	1927	31	106	38	22	1,04
В тыс. человек	1927	9,025	31,208	11,074	6,343	0,304
В т.ч. село	1927	8,309	28,502	10,511	5,777	0,282

Источники: [*Корчак-Чепурківський*, 1928, с. 74–80; *Новосельский*, 1978, с. 188].

негров (прил. 18). Известный русский демограф С. А. Новосельский в 1916 году [с. 179] оценивал это явление следующим образом: «Русская смертность была, в общем, типична для земледельческих и отсталых в санитарном, культурном и экономическом отношении стран, причем по исключительной высоте смертности в детском возрасте и исключительно низкой смертности в старческом возрасте Россия занимает особое место среди аналогичных государств».

Важной отличительной чертой смертности в тот период была более высокая продолжительность жизни сельских жителей по сравнению с городом. Особенно это заметно у мужчин среднего возраста. Очевидно, что причины данного явления носили социальный характер и были связаны с тяжелыми физическими нагрузками и неустройством быта городских рабочих. Ю. Корчак-Чепурковский отмечает, что такая картина наблюдалась не только на Украине и в Европейской России, но и в западных странах. Так, если смертность мужчин в селе принять за сто, то в городах она будет составлять величины, показанные в табл. 2.30.

Мы видим, что в городах Пруссии у поколений 10–24 года смертность ниже, чем в селе, а начиная с 25 лет городская смертность все более значительно преобладает над сельской, достигая в 35 лет 160%. Снижение во всех странах коэффициента убыли горожан в возрасте 20–24 года Корчак-Чепурковский объясняет сильным притоком в город именно в этом возрасте жителей из села в хорошем рабочем состоянии. Если в России и на Украине

Таблица 2.30. **Соотношение городской и сельской смертности по возрастным группам, горожан на 100 сельских жителей**

Страна	Год	Возраст						
		10–14	15–19	20–24	25–29	30–34	35–39	40–44
Украина	1895–1998	93	110	68	126	150	163	166
Евр. Россия	1896–1897	98	113	82	129	150	169	167
Англия	1891–1900	118	114	98	115	—	146	—
Пруссия, крупные города	1900–1901	93	95	79	120	141	160	159

Источник: [*Корчак-Чепурківський,* 1979, с. 153–154].

можно было бы предполагать преуменьшение смертности в селе из-за плохой статистики, то в Англии и Пруссии это маловероятно.

Очевидно, более высокая смертность в городах населения в рабочих возрастах вызвана плохими бытовыми условиями жизни рабочих, тяжелым, изматывающим продолжительным трудом, алкоголизмом и преступностью, трудностями адаптации недавно прибывших.

Детская смертность в городе была ниже сельской главным образом из-за возможности получить медицинскую помощь и из-за относительно более обеспеченного положения людей, решающих обзавестись детьми. При этом и в городе, и в селе младенческая смертность была очень высокой. Наблюдалась довольно определенная тенденция ее увеличения в стране при движении с северо-запада на юго-восток: в Прибалтике, Белоруссии и на Украине она была меньше, чем в центральных районах, а в Поволжье и на Урале — больше, чем в центре. Это явление, несомненно, тесно связано с бытом и традициями населения. Смертность детей в возрасте 1–5 лет и старше определялась главным образом инфекционными заболеваниями. Так, губернии Украины: Херсонская, Екатеринославская, Харьковская, Черниговская — выделяются повышенными значениями детской смертности, не уступая даже губерниям Поволжья, находившимся по уровню смертности на самых последних местах [*Новосельский*, 1978, с. 68–70]. Очевидно, что существенную роль в данном случае играют такие факторы, как плотность населения, способствующая распространению эпидемий, загрязненность питьевых источников и т. д.

Более всего снижению смертности способствовало сокращение острозаразных заболеваний. Важно, что это происходило

несмотря на быстрый рост численности населения (табл. 2.36, 2.37, 2.39).

Уровень смертности от болезней был тесно связан с местом обитания и социальным положением. С. А. Новосельский [1978, с. 131–134] проанализировал сведения об умерших в различных районах Петербурга и показал, что материальная обеспеченность, социальное положение и культурный уровень оказывают огромное влияние на смертность от самых разных причин. Процент умерших от оспы, кори, коклюша, скарлатины, холеры, брюшного тифа в бедных районах был в 2–5 раз больше, чем в богатых. Причем в ряде случаев заболеваемость различалась по районам слабо, а летальность — очень сильно. Например, в самом зажиточном районе Петербурга корью болели 19 из тысячи детей старше 10 лет, а умерли 81 из тысячи заболевших, в самом же бедном районе — соответственно 25 и 351 [*Новосельский*, 1978, с. 125–126].

Примерно в одинаковом положении оказывались все жители столицы перед лицом рака, аппендицита, болезней печени, сердечных и сосудистых заболеваний. Повышенную дань собирали с бедных районов пневмония, алкоголизм, нефрит. Огромные социальные различия демонстрируют, что при некотором повышении уровня жизни и определенных бытовых и гигиенических улучшениях существующими медицинскими средствами можно было бы значительно снизить смертность от целого ряда заболеваний.

Еще одной важной особенностью дореволюционной смертности была близость повозрастных коэффициентов у мужчин и женщин. В возрастах 20–40 лет в 1896/97 г. вероятность смерти для женщины была выше, чем для мужчины. Причина — огромная физическая и физиологическая нагрузка на женщину, вызванная большим числом рождений (см. главу «Рождаемость»).

В статье, написанной в 1914 г., С. А. Новосельский приходит к следующим выводам:

«1) Смертность и рождаемость в России за последние 25 лет понижаются, причем вначале понижение смертности происходило быстрее понижения рождаемости, за последние же годы падение рождаемости начинает опережать падение смертности.
2) Смертность обнаруживает понижение как в грудном возрасте, до 1 года, так и в возрасте выше одного года, причем понижение смертности в грудном возрасте происходит медленнее понижения ее в возрасте старше одного года.

3) Одной из главных непосредственных причин понижения смертности является уменьшение смертности от острозаразных заболеваний.
4) Главной общей причиной понижения смертности следует признать повышение культурного уровня населения.
5) Причинами понижения рождаемости в России являются: понижение детской смертности, снижение брачности, усилившаяся за последнее время эмиграция и, вероятно, прогрессирующее распространение среди населения практики искусственного предупреждения зачатий» [*Новосельский*, 1978, с. 127].

К четвертому пункту редактор книги Ю. А. Поляков сделал следующее примечание: «С. А. Новосельский здесь переоценивает влияние этого фактора, поскольку повышение культурного уровня населения связано со многими другими социально-экономическими изменениями, которые главным образом оказывали влияние на понижение смертности населения. Нельзя не учитывать также определенные достижения земской медицины в борьбе с высокой смертностью в дореволюционной России».

Согласиться с этим комментарием трудно. Распространение медицинской помощи среди сельского населения, составлявшего подавляющее большинство граждан страны, играло, бесспорно, очень большую роль, но рост обращений деревенских жителей к врачам определялся именно повышением культурного уровня, отказом от стереотипов поведения и бытовых традиций. Что касается социально-экономических перемен, то они были в тот период довольно противоречивы. Со времени крестьянской реформы численность сельского населения удвоилась, размеры крестьянских наделов практически не изменились, урожайность выросла незначительно. В результате положение основной массы сельского населения ухудшилось [*Рашин*, с. 44–48].

Российские историки отмечают очень высокий уровень налогообложения крестьянства. Столыпинская реформа имела целью рост производительности труда в сельском хозяйстве, но на первом этапе лишь обострила социальные противоречия. Из общины выделились на хутора немногочисленные крепкие хозяева, часть жителей ушла в город, пополнив ряды пролетариата. Но и там жизнь была отнюдь не сахарной, по уровню смертности рабочие, как правило, обгоняли селян. Основная масса крестьян осталась в прежнем положении, но утратила веру в стабильную основу

Таблица 2.31. **Смертность мужчин и женщин по регионам СССР в 1926–1927 гг., промилле**

Территория (регион)	Мужчины, город	Женщины, город	Мужчины, село	Женщины, село	Мужчины, всего	Женщины, всего
Ленинград	23,6	19,9	—	—	—	—
Ленинградский	25,1	21,1	23,8	20,4	24,0	20,5
Северный	27,9	22,5	27,5	23,6	27,6	23,6
Москва	22,0	18,9	—	—	—	—
Московский	24,6	20,6	23,8	20,3	24,0	20,4
Рязано-Тульский	23,0	19,9	24,0	21,1	24,0	21,0
Западный	22,2	19,3	23,3	19,8	23,3	20,7
Центрально-Черноземный	22,2	19,6	23,7	22,0	23,6	21,8
Средневолжский	27,3	23,5	26,5	24,0	26,7	24,0
Нижневолжский	26,2	22,3	22,6	20,7	23,3	21,0
Вятский	27,8	22,9	31,5	28,0	31,3	27,6
Уральский	29,0	24,3	28,8	25,7	28,9	25,5
Башкирский	29,3	24,4	22,7	21,8	23,3	22,1
Крымский	—	—	—	—	20,9	18,9
Северо-Кавказский	23,6	21,0	22,7	21,6	23,0	21,5
Европ. часть РСФСР	24,8	21,1	24,8	22,1	24,9	21,9
Сибирский	28,7	24,6	25,0	22,9	25,5	23,2
УССР	20,7	18,5	22,3	20,9	22,0	20,5
БССР	19,5	17,9	19,8	18,3	19,7	18,3

Примечание. Регионы Московский и Ленинградский — без Москвы и Ленинграда. Стационарное население рассчитано по таблицам смертности без учета реального соотношения возрастов [*Паевский,* 1970, с. 305].

своего существования — сельскую общину. Отношение к реформам властей сельское население продемонстрировало в ходе революций 1905 и 1917 гг., а также в Гражданской войне, в большинстве случаев оказавшись на стороне большевиков[1].

Однако, несмотря на некоторое ухудшение условий жизни, смертность в стране, как уже отмечалось, постепенно снижалась (табл. 2.31–2.33).

[1] В ходе Гражданской войны в Красной армии крестьян побывало в 13 раз больше, чем в составе антибольшевистских сил [*Максудов*, 1978, с. 246].

Это снижение было связано с перестройкой быта, распространением европейского культурного влияния, и неслучайно в первую очередь оно охватило западную часть страны (табл. 2.31). Определенную роль, несомненно, играло и сокращение рождаемости, поскольку младенческая смертность составляла больше трети всей убыли населения [*Корчак-Чепурковский*, 1929].

Реальное снижение уровня смертности было в действительности даже существеннее, чем фиксировала статистика. Мировая и Гражданская войны не могли прервать этого процесса, хотя на время скрыли его результаты. Повышение смертности было следствием военных действий, эпидемий и голода, на фоне которых трудно было заметить, как вырос культурный уровень населения, что выразилось в перестройке быта, увеличении заботы о детях, внедрении гигиены и первичной медицины. Но как только исчезли внешние причины высокой смертности, результаты этих изменений стали очевидны.

После Гражданской войны

Как уже отмечалось, Первая мировая и Гражданская войны были грандиозным потрясением для страны, сломавшим старый строй, старый быт.

Официальные данные об уровне смертности в тот период неполны и носят в значительной степени ориентировочный характер. При этом несомненны огромные потери населения от «испанки», тифа и других инфекционных болезней, от голода, полного развала системы жизнеобеспечения в 1918–1921 гг. (табл. 2.32).

Таблица 2.32. **Коэффициенты смертности в 1913–1927 гг., промилле**

Год	СССР (Россия)	Украина	Белоруссия	АДХ, СССР	Максудов, СССР
1913	30,2	24,8	19,1	—	30,2
1914	29,0	24,4	—	—	27,2
1915	29,9	31,9	—	—	28,8
1916	28,7	36,1	—	—	25,4
1917	27,6	27,5	—	—	29,1
1918	44,2	28,8	—	—	44,2
1919	46,7	39,8	—	—	46,7
1920	43,3	40,4	—	45,4	43,3
1921	29,7	24,6	—	39,8	40,0

Продолжение табл. 2.32

Год	СССР (Россия)	Украина	Белоруссия	АДХ, СССР	Максудов, СССР
1922	29,6	35,1	—	38,8	29,6
1923	25,5	21,9	13,3	29,1	25,5
1924	22,0	18,0	15,3	27,6	23,5
1925	23,2	19,2	18,7	28,7	24,5
1926	19,1	18,1	14,9	25,5	21,5
1927	21,0	17,8	14,2	26,5	22,0

Источники: [*Гражданников*, с. 68; *Урланис*, 1968, с. 20–43; *Население*, 1975, с. 9; *Корчак-Чепурковский*, 1970; *Раков*, с. 66; *АДХ*, 1993, с. 40; *Максудов*, 1977].

Война и революция не прервали общую тенденцию падения смертности, но снизили ее темпы[1]. Можно указать на несколько основных факторов, определивших более низкие значения коэффициентов смертности в официальных сведениях в первой половине XX века.

Первый — очевидно, наиболее важный — усиление тенденции распространения культурных и гигиенических навыков. За 13 лет (1914–1926) к активной деятельности подключились еще несколько десятков миллионов людей, получивших по крайней мере начальное образование.

Второй фактор заключается в изменении структуры населения. Огромные потери в годы Гражданской войны понесли наиболее старшие возрастные группы и дети младших возрастов, сильнее других реагирующие на нехватку питания, холод, ухудшение медицинского обслуживания. В результате увеличилась доля средних поколений, коэффициент смертности которых, как известно, намного ниже. В этом же направлении действовало падение рождаемости в 1915–1923 гг., заметно сократившее численность поколений моложе 10 лет.

Для Украины, по оценке Ю. А. Корчак-Чепурковского, смертность населения в 1925–1928 гг. при сохранении дореволюционной структуры населения должна была быть на 0,77 промилле выше, чем наблюдавшаяся [*Корчак-Чепурковский*, 1970, с. 37]. Кроме того, за счет снижения рождаемости смертность должна была сократиться примерно на 0,4 промилле. Для СССР в целом соответствующая оценка была около 2 промилле. Разница между уровнем

[1] См.: [*Паевский*, 1970, с. 294; *Корчак-Чепурковский*, 1970; *Раков*, с. 66].

смертности стационарного населения по таблицам С. Новосельского и В. Паевского и фактическим коэффициентом смертности составила 2,3 промилле и показывает понижение смертности за счет падения рождаемости и соответствующей меньшей убыли годовалых. Коэффициент смертности стационарного населения европейской части страны составил в 1896/97 г. 31,8 промилле у мужчин и 29,9 промилле у женщин; в 1927 г. он был равен 21 промилле для всего населения (табл. 2.32, 2.33) [*Паевский*, 1970, с. 127, 294].

Третья причина падения смертности заключается в повышенной убыли населения в предшествующий период, в годы Гражданской войны. Голод и эпидемия унесли много потенциально слабых людей (стариков, больных хроническими и наследственными заболеваниями) в каждой возрастной группе, и поэтому на какой-то период статистическая вероятность умереть у уцелевших представителей каждого поколения оказывается меньше (прил. 18).

Четвертая причина связана с характером учета демографических данных. Государственная регистрация смертей была обязанностью населения, но не являлась во многих случаях очевидной необходимостью. Запрещение хоронить на кладбище без необходимых документов действовало только в крупных поселках, где на кладбищах имелся соответствующий персонал. Сельсоветы, обязанные регистрировать смерть, были отнюдь не в каждой деревне, и во многих случаях население обходилось без лишних формальностей. Таким образом, среди жителей небольших деревень учет смертности существенно страдал неполнотой. Вероятно, не всегда фиксировалась смерть одиноких людей, а главное, смерть младенцев, рождение которых еще не было зарегистрировано [*Корчак-Чепурковский*, 1970, с. 374; прил. 7][1].

Рассмотрение изменения смертности по возрастам позволяет лучше понять характер происшедших перемен (табл. 2.37). Мы видим, что смертность снизилась во всех без исключения возрастных группах, причем у женщин в большей степени, чем у мужчин, а в более молодых возрастах сильнее, чем в старших.

В-пятых, были некоторые общие медицинские причины, влиявшие на снижение смертности. Главная из них, видимо, это сокращение инфекционных заболеваний.

---

[1] Срок регистрации новорожденного был месяц, а наибольшая смертность приходилась на несколько первых дней. В результате огромное число младенцев не попадало в регистрацию [*Корчак-Чепурковский*, 1970, с. 37].

Более быстрое снижение убыли женщин (табл. 2.34) объясняют обычно ослаблением мужчин в предшествующий период, их более высокой подверженностью эпидемическим заболеваниям в 1918–1922 гг., а также активной борьбой медицины со смертностью женщин во время родов [*Дмитриева*, с. 31; *Паевский*, 1970, с. 280–290]. Следует подчеркнуть, что опережающее снижение женской смертности было общемировой тенденцией, указывающей, вероятно, на бóльшие по сравнению с мужчинами физиологические возможности женского организма. Также надо указать, что недоучет более вероятен для женщин, чем для мужчин. На поколениях женщин старше 30 лет не могло положительно не сказаться и снижение нагрузки от родов в течение 1915–1922 гг. Наконец, существенное влияние на смертность как женщин, так и мужчин оказало, вероятно, изменение социально-бытовых условий существования. Сюда входит и улучшение жилищных условий некоторых слоев рабочих, и наделение землей бедняков, и уменьшение напряженности труда, и сокращение распространенности социальных заболеваний, и падение на некоторое время алкоголизма, и распространение медицинского обслуживания[1].

В-шестых, упомянем об общем оздоровлении обстановки в городе, так как в отличие от конца XIX века в 1926 г. смертность горожан оказалась ниже смертности сельского населения и у женщин, и у мужчин, и в Европейской России, и на Украине, и в Белоруссии (табл. 2.32). Правда, в отдельных регионах (Башкирия, Сибирь, Поволжье, Северный Кавказ, Московская и Ленинградская области) смертность в городе по-прежнему остается более высокой, но и там она продолжает быстро снижаться. Следует заметить, что более быстрое снижение смертности в городе по сравнению с селом было общемировой тенденцией, которая в СССР развивалась, видимо, столь же быстро, как и на Западе. У мужчин более низкая смертность в городе по сравнению с селом отмечается в возрастах до 25 лет и в самых старших возрастных группах — более 80 лет.

---

[1] Анализируя причины значительного снижения смертности именно у женщин, украинские демографы отмечают два момента: снижение рождаемости и связанных с ней физиологических нагрузок на женский организм и уменьшение доли замужних женщин. Смертность молодых замужних женщин была выше смертности не состоявших в браке. Очевидно, это связано с рождением детей, оказывавшим на женский организм неблагоприятное воздействие [*Демографічні дослідження*, вып. 3, с. 50; *Корчак-Чепурковский*, 1928, с. 74–83; *Новосельский*, 1978, с. 115–119]. Урланис [1968, с. 224–227] показал, что материнская смертность составляла в 1920-х годах 0,4–0,5 промилле, из них 10% приходилось на смертность в результате абортов.

Это свидетельствует о том, что напряженность городской жизни, приводившая и до революции к более высокой смертности горожан, не была полностью устранена, хотя и снизилась довольно заметно. У женщин до 45 лет смертность в селе выше, чем в городе, затем до 65 лет отмечается небольшой перевес убыли горожанок, после чего село вновь лидирует [*Бедный*, 1976; *Корчак-Чепурковский*, 1970, с. 37]. Однако по сравнению с резким снижением детской смертности в городах расхождения в последующих возрастных группах невелики. Поэтому в среднем продолжительность жизни горожан оказалась более высокой, чем жителей села. Более быстрое падение уровня смертности горожан указывает на то, что было бы неосторожно преувеличивать роль плохой статистики, так как она, несомненно, была хуже в деревне.

Некоторые советские исследователи уверены, что учет смертности в 1926/27 г. был лучше, чем в 1896/97 г., поэтому цифры снижения смертности, полученные при сопоставлении данных этих переписей, скорее всего, преуменьшены [*Дмитриева, Андреев*, с. 30–31; *Паевский*, 1970, с. 31]. Вероятно, это справедливо не для всех возрастных групп.

Наиболее высокой была смертность в азиатской части РСФСР — 24,1; наиболее низкой — около 14 промилле — в Белоруссии и больших городах Украины. Смертность в средних и маленьких городах была обычно выше, чем в крупных, что связано, очевидно, не только с условиями жизни, но и с интенсивным ростом больших и новых городов, куда мигрировали молодые (и относительно более здоровые) жители деревни.

Стандартизованные коэффициенты смертности, независимые от возрастной структуры населения, показывают довольно высокую степень однородности показателей по стране (табл. 2.31).

При расхождении максимального и минимального значений на 30% отклонение от среднего не превышает обычно 5–10%. Наиболее высокой была смертность в районе Урала и Среднего Поволжья, наименьшей — в западных областях страны [*Дмитриева, Андреев*, с. 28–61; *Паевский*, 1970, с. 31]. Это, вероятно, указывает на национальные различия. В Белоруссии повышенный процент населения составляли поляки и евреи, уровень смертности которых был заметно ниже, чем у русских и белорусов. Кроме того, в восточных районах страны условия жизни и климат были более суровыми.

Одним из важнейших показателей, характеризующих уровень смертности и его изменение, с дореволюционного време-

ни была детская смертность, сильно снизившаяся с начала века, но по-прежнему очень высокая по сравнению с западными странами (табл. 2.33, прил. 21, 23). Общая смертность и убыль детей возрастают при движении с запада на восток.

Таблица 2.33. **Детская смертность в городе и селе СССР в 1911–1940 гг., промилле**

Год	Город СССР	Село СССР	Всего СССР	Город УССР	Село УССР	Всего УССР	Ленинград
1906	—	—	273	185	19	193	243
1924	—	—	—	122	129	128	—
1925	—	—	198 (а)	126	149	146	—
1926	164 (а)	191 (в)	187 (а)	126	144	142	—
1927	183 (а)	213 (в)	190 (а)	121	152	148	140
1928	150; 162 (а)	187 (в)	191 (в)	127	138	137	—
1929	179 (в)	203 (в)	204 (в)	138	153	150	—
1930	182 (в)	208 (в)	204 (в)	126	139	—	—
1931	196 (в)	208 (в)	208 (в)	136	125	—	—
1932	210 (в)	210	210 (в)	177	181	—	—
1933	211 (в)	233	229 (в)	208	205	206	—
1934	169	172	173 (в)	140	105	114	—
1935	165 (в)	168	168 (в)	138	111	118	151
1936	187	179	181 (в)	—	—	142	—
1937	182	165	174 (в)	—	—	177	—
1938	174	155	161 (в)	—	—	—	—
1939	175	166	167	—	—	140	148
1940	205	171	182	—	—	140	148

Примечание. (а) — европейская часть СССР; (в) — РСФСР. Данные в границах страны в соответствующие годы. Сводные данные округлены до целого. Сведения взяты из различных источников и не всегда согласованы между собой, а в ряде случаев противоречат друг другу, так что они дают лишь самую общую картину изменения младенческой смертности.

Источники: [*Природний рух*, 1932, с. 13; *Вісник статистики*, 1928, № 1, с. 73–79, *Новосельский*, 1978, с. 153–159; *Бабанов*, с. 61; *Хоменко, Кольнер*, с. 5–19; *Корчак-Чепурківський*, 1929, с. 25–29; *Лоример*, с. 114–115; *Население*, 1973, с. 9]; РГАЭ, ф. 1562, оп. 329, ед. хр. 16, л. 11; ед. хр. 83, л. 27; ед. хр. 50, л. 168; ед. хр. 55, л. 182; ед. хр. 83, л. 19, 22; ед. хр. 132, л. 22.

Смертность детей в городе, по стране и по отдельным регионам, как правило, ниже, чем в селе. Исключение — Нижневолжский регион, где в сельской местности заметную роль играли немецкие колонисты, у которых уход за детьми традиционно был

поставлен заметно лучше, чем у других представителей здешнего населения. Лучшее положение младенцев женского пола в селе отмечается также на Средней Волге в Башкирии. Это может объясняться как большим количеством в этом регионе татар, также известных своими традициями ухода за детьми, так и недостатками статистического учета в сельской местности. Почти во всех регионах смертность младенцев мужского пола была выше, чем женского. Удивительное исключение составляют новорожденные мальчики-горожане на Украине, почти на 10% превосходящие по жизнестойкости представительниц слабого пола.

После переписи 1926 г. детская смертность и в городе, и в сельской местности, и в СССР в целом, и на Украине перестает снижаться, замирает на 10 лет на одном и том же уровне (табл. 2.33). Это удивительно, потому что именно в эти годы произошли события, которые не могли не повлиять на уровень детской смертности в сторону ее понижения. Широкое распространение грамотности и школьного образования, снижение рождаемости, переезд миллионов сельских жителей в города, распространение медицинского обслуживания, и в частности детских учреждений, по всей стране, массовые прививки против детских инфекционных заболеваний. Наиболее серьезный исследователь смертности на Украине в те годы Ю. А. Корчак-Чепурковский считал, что данные существенно преуменьшены за счет недоучета детской смертности в первые дни и недели после рождения. Он отмечает, что закон разрешал регистрировать рождение в течение месяца, что приводило к массовому недоучету умерших сразу после появления на свет. Анализируя сведения о смертности в первые дни жизни, ученый предлагает внести поправку для первых трех дней по уровню стран с хорошей статистикой, в частности Пруссии [*Корчак-Чепурківський*, 1929, с. 25–29]. Только эта поправка составила, по его расчету, 16 промилле для села и 15 для города. По мнению автора, она показывает, что уровень детской смертности практически не снизился.

Правда, другой исследователь, А. Хоменко, считает, что и до революции наблюдался заметный недоучет смертей [*Хоменко, Кольнер*, с. 10–19]. В качестве доказательства он приводит «пониженное» соотношение между показателями смертности на первом месяце и первом году жизни — 30,4%. По его сведениям, в Венгрии в 1919–1921 гг. эта цифра равнялась 39%.

Если сам факт неполноты учета весьма вероятен, то размер вносимой поправки вызывает сомнения. Представляется, что

смертность в первый месяц связана с целым рядом физиологических причин: возрастом матери, уровнем рождаемости в стране, бытовыми условиями, наследственностью, врожденными травмами, инфекциями и т. д. Без сопоставления этих параметров перенос сведений из одной страны в другую, из одного времени в другое выглядит малообоснованным. Так, по мнению С. А. Новосельского [1978, с. 154], соотношение 32–34% имели в 1920-х годах многие европейские страны: Греция, Италия, Португалия, Франция, Болгария. Если ориентироваться на эти цифры, то поправка Хоменко должна быть заметно меньше.

Таким образом, детская смертность в селах Украины в 1906–1927 гг. упала со 190 промилле до 140–150, причем в городах она сократилась более заметно — до 120–126 промилле (табл. 2.34). Это произошло главным образом в результате успешной борьбы с инфекционными заболеваниями при помощи массовых прививок от скарлатины, кори, оспы, коклюша и др. [*Вісник статистики*, 1928, № 1, с. 78–80]. Кроме того, существенную роль сыграл искусственный предродовой и межродовой отдых, появившийся в жизни многих женщин в 1914–1921 гг. Следует отметить также некоторое изменение возрастного состава рожающего контингента.

Таблица 2.34. **Коэффициенты детской смертности в СССР, число умерших на первом году жизни из 1000 родившихся**

Регион	Мужчины		Женщины	
	Город	Село	Город	Село
Ленинградский	172	203	149	168
Московский	189	212	164	181
Северный	183	271	163	238
Нижневолжский	204	180	175	158
Центрально-Черноземный	179	203	164	171
Средневолжский	236	248	225	217
Уральский	263	339	228	303
Вятский	202	307	174	267
Западный	157	193	133	163
Башкирский	259	198	221	179
Северокавказский	183	184	155	165
Белорусская ССР	113	111	93	90
Украинская ССР	133	163	145	135

Примечание. За 1926–1927 гг.
Источник: [*Новосельский, Паевский*, 1930].

Известно, что смертность у рожающих в старших возрастах выше, особенно для первых, вторых детей [*Хоменко, Кольнер*, с. 20–27]. В сочетании с этим фактором очень важную роль сыграло разрешение абортов. По свидетельству врачей, аборты отрицательно влияют на последующие рождения, но в то же время появившаяся после революции возможность легального аборта принесла огромное социальное облегчение. Дети, нежелательные для родителей и потому нередко умиравшие вскоре после рождения, теперь просто не появлялись на свет. Именно аборты оказались неожиданным благом, снизившим так резко детскую смертность в городах буквально за 2–3 года. Однако постепенно эта социально полезная роль абортов стала терять свое значение, а на передний план выступило негативное их воздействие на последующие рождения.

Одновременно продолжалось наступление медицины на основные детские болезни, и понемногу улучшался учет смертей. Большую роль играло развитие медицинской помощи и распространение элементарных знаний. До революции на Украине было три женские консультации, 1220 коек для рожениц, пять молочных кухонь. Система медицинской помощи охватывала 4–6% беременных. В 1928–1935 гг. коек было уже 5,5 тыс., не считая 2–4 тыс. гинекологических и 2–3 тыс. абортных. Число консультаций увеличилось до 500–600, молочных кухонь — до 200–350. Открылись тысячи ясель, возникла специализированная медицинская помощь [*Досягнення*, с. 38–39, 217–232; *Народне господарство*, 1935, с. 599–601]. В первую очередь вся эта система устанавливается в городе, но постепенно практика медицинской консультации распространяется и на село.

Существенным фактором стало введение оплаченных отпусков перед родами и после них, а также перерывов в работе для кормящих матерей. Сократилось число детей в семье, и отчасти поэтому возросла забота родителей о каждом отдельном ребенке.

Самые большие потери и в городе, и в селе новорожденные несли от болезней первого года жизни (недоношенность, врожденные дефекты, родовые травмы). Снижению этих потерь способствовала акушерская помощь при рождениях, все шире распространявшаяся в городах и постепенно переходившая в села, наблюдение врача за новорожденным в первые месяцы, уменьшение числа рождений, приходящихся на одну женщину, сокращение рождений в старших возрастах и увеличение перерывов между рождениями. Но слишком заметного общего эффекта эти мероприятия дать не могли, так как болезни первого года с трудом поддаются

излечению. На это указывает, в частности, примерно одинаковая пропорция умерших по этой причине в городе и селе (табл. 2.35).

Таблица 2.35. **Причины смертности на первом году жизни на Украине в 1926–1927 гг., на 100 тыс. новорожденных**

Причина смертности	Город		Село		Всего, тыс.
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	
Болезни первого года жизни	5036	4222	5327	4316	46,5
В т.ч. недоношенность	—	—	—	—	21,5
В т.ч. врожденные пороки	—	—	—	—	23,9
Болезни желудка	4145	3621	4832	3958	41,7
Болезни дыхательной системы	2227	1744	3629	2992	30,1
Болезни нервной системы	1658	1428	2739	1832	21,1
В т.ч. детская судорога	—	—	—	—	17,9
Эпидемические болезни	1401	1273	2329	2105	20,6
Туберкулез	722	648	470	455	4,8
Всего	16 338	13 867	20 334	16 393	173,0
Численность на 17.12.26	67 685	65 500	422 205	406 359	961 749

Источник: [*Демографічні дослідження*, вып. 5, с. 89–91].

На втором месте были желудочные заболевания. Здесь медицинская помощь, распространение грамотности и вместе с ней элементарных правил гигиены давали быстрый эффект. Стоило начать использовать кипяченую воду вместо сырой, вовремя вводить подкормку и отказаться от хлебного мякиша в качестве основного дополнительного питания, как смертность новорожденных резко снижалась. Главным желудочным заболеванием малолетних на Украине были энтериты и колиты, уносившие 216 из каждых 100 тыс. жителей (главным образом младенцев до двух лет) [*Демографічні дослідження*, вып. 5, с. 87–91]. Разница между городом и селом в смертности по этой причине, довольно ощутимая (у мальчиков 17%, у девочек меньше, вероятно из-за неполной сельской

статистики), определялась не столько возможностями медицины, сколько условиями жизни и заботой о детях в городских семьях.

Третья причина смертности новорожденных — болезни нервной системы — также обнаруживает огромное различие между городом и деревней, у мальчиков и девочек (табл. 2.35).

В-четвертых, простудные заболевания уносили 14–15% младенцев в городе и 18% в деревне. Разница между городом и селом, по-видимому, также объяснялась общекультурным уровнем и особенностями быта. Как уже отмечалось, родители в городе больше внимания уделяли уходу за ребенком.

На пятом месте среди причин гибели новорожденных стоят эпидемические заболевания. Главные среди них — корь, коклюш и скарлатина — уносили подавляющее большинство жизней. Около 5% детей до года в городах умирали от туберкулеза, в деревне цифра несколько меньше, главным образом, очевидно, из-за плохой диагностики. Однако наступление медицины на туберкулез в 1930-х годах шло очень энергично и довольно успешно, и вместе со всем населением постепенно все меньшую дань ему стали приносить новорожденные.

Огромное различие в смертности между городом и селом показывает, что медицина была отнюдь не бессильна в борьбе с болезнями (табл. 2.34, 2.35). Существовали широкие возможности снижения детской смертности самыми простыми способами, которые сначала реализовывались в городах: помощь при родах, консультации матерей по уходу и кормлению, прививки и т. д. Постепенно, с ростом численности горожан, расширением медицинской сети в селе, распространением грамотности среди молодого поколения как в селе, так и в городе, снижение детской смертности приняло устойчивый характер. В больших городах оно происходило быстрее, чем в малых, в селах медленнее, чем в городах.

Заметна также разница в уровне детской смертности у разных народов. Так, на Украине у русских на первом году умирало 185 из тысячи мальчиков и 157 из тысячи девочек. В первый месяц — 74 и 58 соответственно. У украинцев в год — 175 и 142, на первом месяце — 73 и 56. У немцев коэффициенты были поменьше, а у евреев — значительно меньше: 70 и 59 за год, то есть меньше, чем у украинцев за первый месяц [*Хоменко, Кольнер*, с. 12].

В национальных различиях проступают в первую очередь особенности быта, но в то же время они показывают и имеющиеся возможности. Так, по сравнению с концом XIX века коэффициенты смертности у евреев сократились более чем в три раза,

а у украинцев примерно на треть. Очевидно, что медицинские и гигиенические возможности, только что успешно освоенные одной национальной группой, постепенно становились достоянием и других национальностей.

Важно также отметить роль детской смертности в общей убыли населения. В 1926/27 г. младенцы до года составляли треть всех умерших, поэтому некоторое снижение детской смертности существенно влияло и на уровень общей убыли населения.

Вне зависимости от улучшения медицинских условий и других объективных факторов, перечисленных выше, само сокращение рождаемости должно было приводить к падению общего коэффициента смертности. В начале 1930-х годов это сокращение должно было составить на Украине 2–2,5 промилле, или почти 15% от уровня смертности 1926/27 г.

Детская смертность в СССР снизилась в 1926/27 г. по сравнению с дореволюционным периодом еще сильнее, чем на Украине. В первую очередь заметную роль играло наступление на инфекционные и желудочные заболевания. Новосельский, изучавший смертность младенцев в Ленинграде, говорит о снижении ее с дореволюционных времен к 1935 г. на 38% (табл. 2.33). При этом смертность в первый месяц, когда главную роль играют врожденные пороки, упала на 21%, а в последующие 11 месяцев — на 46%. Это снижение произошло главным образом за счет детских инфекционных заболеваний — сокращение на 54%, желудочных болезней — на 40%, туберкулеза — у детей 0–4 года в два раза, пневмонии — на 16% ([*Новосельский*, 1978, с. 153–159, 187–188]; прил. 23).

Конечно, внедрение медицинской помощи в Ленинграде происходило быстрее, чем в среднем по СССР, однако определенные меры принимались повсюду. Везде в эти годы увеличивается число врачей-педиатров, расширяется сеть женских консультаций, много исследований проводится в области охраны здоровья матери и ребенка. Врачебная помощь при родах охватывает почти все городское население и часть сельского. Первичная информация о правилах гигиены и кормлении ребенка широко распространяется в европейских районах страны. Медицинская помощь новорожденным и их матерям в 1926–1938 гг. не вызывает сомнения. Безусловно, она была много выше и эффективнее, чем в предшествующий период.

Однако при рассмотрении статистических сведений тех лет возникает чувство недоумения. Почему серьезные и, несомненно, эффективные усилия медицины не дали почти никакого результата? Смертность до года в городах СССР в 1926 и в 1939 гг.

не изменилась. В сельской местности снижение составило около 18%, в два раза меньше, чем в тяжелые годы Мировой и Гражданской войн (табл. 2.33–2.35).

Эта загадка имеет три объяснения.

Первое и наиболее важное — все достижения медицины и повышение культурного уровня не могли перевесить ухудшения условий жизни в период коллективизации: снижение качества питания, рост тесноты в городских жилищах (см. прил. 23). Кроме того, запрет абортов в 1936 г. привел к увеличению среди новорожденных доли нежеланных детей, следствием чего стал рост младенческой смертности (напомним о прямо противоположной тенденции после революции, когда аборты были разрешены).

Второе, о чем уже говорилось, — постепенное улучшение статистического учета в 1930-х годах скрадывало медицинские успехи.

Третье — при расширении системы учета с европейской части на всю страну в городских районах стал фиксироваться рост смертности, так как в азиатской части страны смертность детей среди горожан была выше, а статистический учет не намного хуже. Для сельского населения присоединение мусульманских районов с плохой статистикой сыграло обратную роль, заметно уменьшив показатели смертности. Вероятно, детская смертность среди сельских жителей была по крайней мере такой же, как и среди горожан, или даже превосходила ее. Сами причины смертности на первом году жизни (желудочные и инфекционные заболевания, простуды) намного более вероятны среди сельских жителей, а летальность в силу меньшей медицинской помощи была, несомненно, выше.

Представляется, что уровень детской смертности был и в начале рассматриваемого периода (1926–1927), и в его конце (1938–1939) несколько выше, чем на это указывают официальные источники. Причины недоучета в 1920-х годах кроются в плохой регистрации смертей, главным образом в селе, а в 1930-х — особенно среди мусульманских народов и других национальностей юго-востока. Постепенное улучшение учета нивелировало результаты медицинских достижений тех лет. Однако следует иметь в виду, что погрешности статистики равно относились как к умершим в первые дни и недели, так и к родившимся. Если родители регистрировали рождение ребенка, то во избежание неприятностей они регистрировали и его смерть. Поэтому на балансе населения, его приросте эти погрешности мало сказывались, так как рождаемость и смертность имели примерно одинаковую ошибку. Это же относится и к мертворождениям, составлявшим, по мнению

Корчак-Чепурковского [1929, с. 25–29], около 3% и фиксировавшимся в городах наполовину, а в деревнях намного меньше.

Кроме погрешностей статистики, увеличение (или неснижение) коэффициентов смертности при совершенно очевидных медицинских успехах показывает, что в стране были серьезные факторы, действовавшие в сторону роста детской смертности, главный из них — снижение уровня жизни в городе и селе (прил. 18, 21).

Смертность в 1930-х годах

Новая демографическая реальность, установившаяся в стране после завершения Гражданской войны и ликвидации ее последствий, оказалась устойчивой (табл. 2.32, 2.34, 2.36). В течение семи лет (1924–1930), для которых публиковались относительно надежные сведения, уровень смертности колебался довольно незначительно — около 20–24 промилле в европейской части СССР и 18 промилле на Украине.

Таблица 2.36. **Коэффициенты смертности населения СССР по сведениям ЦУНХУ, ЦСУ и некоторых авторов, промилле**

Год	ЦУНХУ	ЦСУ 1964	Лоример	Марченко	АДХ	Максудов
1927	21,0*	24,1	26,0	21,0	26,5	22,0
1928	18,2*	23,4	24,2	18,2	25,3	23,4
1929	20,3*	25,3	25,1	20,3	26,5	23,7
1930	20,4*	24,7	24,3	20,4	27,0	26,0
1931	—	25,1	23,5	21,0	28,0	28,3
1932	—	27,6	22,7	21,6	29,5	31,9
1933	—	42,9	21,8	100,7	71,6	64,9
1934	19,5**	23,7	21,0	16,1	21,7	23,7
1935	16,3*	19,4	20,2	18,0	20,6	19,4
1936	18,4	19,3	19,4	21,0	20,0	21,4
1937	17,9	18,9	18,6	19,0	21,7	20,3
1938	16,9	17,5	17,8	—	20,9	20,0

* Европейская часть СССР.

** УССР, БССР и РСФСР без Западной Сибири, Дагестана, Дальневосточного края, Казахской и Якутской АССР.

Примечание. ЦУНХУ 1927–1930 — [*Гражданников*, с. 68]; ЦУНХУ 1934–1938 — [*Урланис*, 1968, с. 20–43, 200]; ЦУНХУ 1936–1938 — справка начальника ЦУНХУ Писарева от 21 января 1939 г. [*Перепись 1939*, 1990, ч. 4, с. 699–702; *Население*, 1975, с. 9, 69; *Прокопович*, с. 86; *Кулишер*, с. 80; *АДХ*, 1993, с. 40, 118; *Марченко*, 1953, с. 13, 22; *Лоример*, с. 134; *Максудов,* 1977].

Похожие данные приводит Марченко, украинский демограф, покинувший страну в годы Второй мировой войны. Его ряд постоянных коэффициентов немного длиннее, он включает 1931 и 1932 гг. Коррекция сотрудниками ЦСУ в 1964 г. уровня смертности за рассматриваемый период дает более высокие значения, но они довольно близки друг к другу.

Аналогичную картину, только с бóльшими значениями коэффициентов, показывают расчеты АДХ. Лоример увеличил коэффициент 1927 г. на 25 промилле[1], а затем постепенно снижает его до оценки 1938 г. (17,8 промилле). В нашей оценке учтены основные исторические события тех лет (неурожай 1928 г., депортации кулаков в 1929–1932 гг., потери кочевых народов, резкое ухудшение условий жизни с началом коллективизации, страшный голод 1932–1934 гг.). В результате смертность в рассматриваемый период постоянно возрастала.

Огромную величину смертности в 1933 г. отмечают все авторы, кроме Лоримера. Наибольший коэффициент принадлежит Марченко — 10% населения. Представляется, что для СССР эта цифра слишком велика, но для Украины, где работал автор, она выглядит достаточно достоверной. Так, известно, что в Киеве смертность, составлявшая в 1923–1929 гг. 13 промилле, достигла в 1932 г. 30, а в 1933 — 85 промилле.

Хлеба не хватало. В городе вводилась карточная система для поддержания минимального уровня снабжения продуктами рабочих и служащих, из села изымались все излишки, и не только излишки. Ухудшение питания вело к росту смертности. Структура смертности указывает на низкий культурный уровень общества и тяжелые условия жизни населения. Об этом же свидетельствует, в частности, очень высокая младенческая смертность.

В 1934 г. она составила 15 промилле, а затем вернулась к уровню 13–14 промилле [*Энциклопедия*, 1963, с. 191]. Поскольку голод в украинском селе был несравнимо более сильным, чем в городе, смертность в Киеве в 8,5% никак не противоречит среднему значению по Украине в 10% или даже больше. Наиболее низкое значение коэффициента смертности для 1933 г. принадлежит сотрудникам ЦСУ (1964 г.), но и оно в два раза превосходит уровень 1926 и 1936 гг.

---

[1] Такой недоучет представляется завышенным. Преуменьшение смертности малолетних детей, стариков и женщин в ряде регионов, несомненно, имело место, но эта погрешность мало отличалась от имевшейся в соседние годы и не меняет представлений о стабильности уровня смертности в 1927–1931 гг.

После затухания острой вспышки голода все исследователи отмечают стабильный однородный уровень смертности, ниже предшествовавших коллективизации лет на 3–5 промилле. Постоянство уровня смертности наблюдалось на большей части территории Европейской равнины, где коэффициент смертности населения в отдельных регионах отличался всего на 5–10%, увеличиваясь лишь на северной и восточной границах (табл. 2.30, 2.33). В то же время новая демографическая реальность давала заметный выигрыш в продолжительности жизни детям до пяти лет — на 20–50% (особенно в городе), продлевала примерно на 10% жизнь городских мужчин (на 5% — деревенских) и на 15–20% увеличивала продолжительность жизни женщин во всех возрастных группах города и деревни [*Паевский*, 1970, с. 302–305].

От всех умерших треть составляли новорожденные и 57% — украинские дети до пяти лет (табл. 2.37).

Таблица 2.37. **Смертность по возрасту в 1926/27 г. на Украине, тыс. человек**

Возраст	Всего	Город		Село		% от умерших	% от возрастной группы
		Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины		
До 1 года	173	11	9,0	86,0	67,0	33,2	6,0
1–4	126	9	8,0	57,0	52,0	24,2	4,3
5–14	38	2	1,8	17,7	16,5	7,3	1,3
Старше 15	184	17	15,2	75,3	76,5	35,3	6,3
В т.ч. 15–60	123	—	—	—	—	23,6	4,2
Всего	521*	39	34,0	236,0	212,0	100,0	17,9

* Корчак-Чепурковский указывает суммарную цифру 539 тыс. человек.
Источники: [*Корчак-Чепурковский,* 1975, с. 78–107; *Природний рух*, 1932, с. 14].

Заметный вклад в детскую смертность вносили тяжелые условия существования на сотнях строек, разбросанных по всей стране, особенно на северо-востоке. Люди жили в бараках, страдали от тесноты, холода, эпидемических болезней. Вот как описывают работники ОГПУ положение на строительстве Магнитогорска: «На 1 октября в Магнитогорске имеется 10 тыс. семейств — 42 462 чел. В том числе имеется детей до 14-летнего возраста 15 000 чел. ... К моменту обследования на центральном и известковом поселках жило в палатках 7 500 чел., остальные в общих бараках, вместимостью до 200–250 чел. Большинство бараков вследствие скученности

содержатся крайне грязно. Особенно тяжелые условия размещения сказываются на детях (о детях смотри ниже). В последний месяц приступлено к постройке дерновых 10-ти комнатных домов... Санитарное состояние надо признать явно неудовлетворительным, медицинское обслуживание недостаточным. Основной причиной являются исключительно тяжелые жилищные условия: отсутствие бань, прачешных, оборудованных больниц, амбулаторий и недостаток медперсонала. Всего имеется 5 врачей и 21 фельдшер... Единственный детский врач, имеющийся там, так описывает положение детей: "Когда проходишь по баракам, то всюду, на каждом шагу, наталкиваешься на лежащих с поносами, корью, воспалением легких детей; из разных углов доносится коклюшный кашель, лежат дети с желтухой; лежат и, несомненно, нераспознанные больные брюшным тифом, как среди детей, так и взрослых. Остальные дети, шныряющие по нарам и проходам в общей толкотне, в громадном большинстве резко исхудалые, без кровинки в лице, ослабевшие, — кандидаты на тяжелую инфекцию, а возможно, на скорую смерть. Когда мне приходилось принимать этих детей, это были в большинстве своем здоровые, крепкие дети. Разрушение их здоровья идет быстро, и нет сомнения, что если не будут приняты быстрые меры, хотя бы к некоторому улучшению положения детей, то погибнет из них в течение ближайших месяцев не 7% (по данным магнитогорского горздравотдела, за 3 месяца умерло 7% детей. — *С. М.*), а 50%. В настоящее время больных детей имеется не менее 80%» (ЦГАОР, ф. 374, оп. 28, д. 4055).

Смертность на Украине

При общей высокой убыли разные возрастные группы мужчин и женщин по-разному «участвовали» в ней и имели свои специфические причины смертности. Так, на Украине, регионе с относительно высокой продолжительностью жизни, смертность малолетних детей (1–4 года) составляла почти четверть всей убыли населения, а до 15 лет не доживали две трети жителей. Главными причинами убыли являлись инфекционные заболевания (туберкулез, скарлатина, дифтерия, коклюш, пневмония), по лечению которых Россия и Украина заметно отставали от западных стран (табл. 2.37, 2.39, 2.40).

Смертность на Украине была ниже, чем в РСФСР. У разных национальностей уровень смертности существенно различался, что было связано в первую очередь с бытовыми привычками

населения, характером занятий, а отчасти с климатом. Так, у украинцев и белорусов смертность была меньше, чем у русских, у евреев до 30 лет — меньше, чем у украинцев, у жителей Прибалтики — меньше, чем у евреев [*Козлов*, с. 149]. Уровень смертности в стране не был постоянным. Отмечаются его повышения в годы эпидемий и неурожаев, снижения в благополучные годы. За исключением таких скачков, в последние десятилетия XIX — начале XX века он постоянно снижался и на Украине, и в европейской части России (табл. 2.38).

На поколения старше 60 лет приходилось всего 11,7% общей убыли. В деревне она была несколько больше, чем в городе, среди мужчин больше, чем среди женщин. Самая частая причина смерти в этом возрасте — заболевания сердечно-сосудистой системы и болезни нервной системы у женщин. В деревне также простуды (в большей степени у мужчин) и туберкулез.

Детские и юношеские поколения (5–14 лет) имели сравнительно невысокую смертность. Основной ее причиной были инфекционные заболевания, причем после 10 лет на первое место выходил туберкулез. Пневмония уносила 10% в сельской местности и 4–6% в городе. У мужчин старше 10 лет заметная доля смертей приходится на несчастные случаи и убийства — 15%; у женщин в городе — почти 10%, в селе — 5%. На втором месте у девочек смертность от простуды.

Таблица 2.38. **Смертность в России и на Украине в среднем за год, промилле**

Годы	Европейская Россия	Украина, оба пола	Украина	
			Мужчины	Женщины
1867–1872	38,1	34,1	—	—
1873–1877	35,1	31,8	—	—
1878–1882	36,7	33,9	—	—
1883–1887	34,9	30,9	—	—
1888–1892	36,5	32,8	33,5	32,1
1893–1897	33,8	29,6	30,6	28,4
1898–1902	31,8	26,9	27,8	26,1
1903–1907	30,0	25,8	26,9	24,7
1908–1912	28,6	24,7	25,8	23,4
1913–1914	27,3	23,1	24,4	21,8

Источники: [*Новосельский*, 1978, с. 122–123; *Птуха,* 1928, с. 1–9].

Сведения по туберкулезу рассчитаны по указанию Чепурковского, согласно которому у 25–60-летних мужчин на туберкулез падает 24,8% всех смертей, у женщин — 22,4%. Чепурковский считает, что статистика по туберкулезу в городе преуменьшена, так как из села уезжают в город более здоровые, а больные, напротив, возвращаются умирать домой в деревню. Почти четверть населения умирала в рабочем возрасте 15–60 лет, и 12% умерших были старше 60. Даже с точки зрения достигнутого страной медицинского уровня убыль детей и работающих людей была явно повышенной. В городах положение обстояло несколько более благополучно, в деревнях потери малолетних были значительней. Основные медицинские меры заключались в разработке методов лечения, включающих улучшение диагностики, массовое вакцинирование, дезинфекцию помещений, расширение медицинской сети, организацию эпидемиологических станций и специализированных больниц.

Для всего населения Украины пневмония занимает среди причин смерти третье место после желудочных заболеваний и туберкулеза, а скарлатина — четвертое. На долю туберкулеза среди малолетних детей (1–2 года) приходится 5–7% смертей, среди 3–4-летних уже около 10% в городе и 7% в деревне. В течение первых двух лет жизни в городе две трети потерь вызывались желудочными и инфекционными болезнями. В деревне последовательность заболеваний меняется: инфекционные болезни занимают первое место, простуды — второе, желудочные — третье. В возрасте 3–4 лет смертность снижается, причем в городе она немного выше, чем в деревне, и инфекционные заболевания оказываются преобладающими. За ними следуют простуды, желудочные заболевания и общие болезни, унося 7–15% от общего числа умерших (табл. 2.39).

Детские и юношеские поколения (5–14 лет) имели сравнительно невысокую смертность, основной причиной которой являлись инфекционные заболевания, причем после 10 лет на первое место выходит туберкулез. Пневмония по-прежнему уносит около 10% в сельской местности и 4–6% в городе.

Различие между городом и селом, между Украиной и Россией в некотором отношении можно оценить, рассматривая причины смертности в табл. 2 40.

Мы видим, что лишь смертность от туберкулеза и болезней мозга и нервной системы различается в регионах не слишком сильно. В Ленинграде больше смертность от болезней сердца и системы кровообращения, злокачественных новообразований, травм и убийств.

Таблица 2.39. **Смертность от различных болезней на Украине в 1926/27 г., на 100 тыс. человек**

Возраст	Болезни	Город		Село	
		Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
1–2	**Все**	4488	4121	5110	4746
	VI	1418	1207	1160	1091
	Ia	1089	1062	1631	1602
	Ib	347	348	277	154
	V	878	824	1264	1159
	iI	425	403	397	341
3–4	**Все**	1407	1291	2347	2257
	Ia	614	568	1164	1109
	Ib	164	144	165	168
	V	206	178	388	417
	VI	125	142	228	241
	II	145	130	167	139
5–9	**Все**	571	510	870	826
	Ia	236	232	458	457
	Ib	88	69	94	91
	III	79	63	79	61
	VI	35	39	88	80
10–14	**Все**	306	258	370	365
	Ia	52	55	100	117
	Ib	74	71	85	106
	XIV	57	22	44	19
	III	39	34	39	41
	V	15	12	41	38
55–64	**Все**	2769	1713	2469	1941
	Ia	77	65	116	125
	Ib	407	160	331	223
	II	488	395	325	227
	III	236	193	138	121
	IV	569	366	417	435
	V	277	150	433	296
	VI	177	100	245	117
	XIII	67	60	138	171
	XIV	126	31	123	41
	VII	97	101	84	94

Примечание. Данные для города приведены по крупнейшим городам. «Село» — 4% сельского населения на территориях, где освидетельствование смерти было обязательным. Номенклатура болезней: Ia — острые инфекционные заболевания; Ib — туберкулез; II — общие болезни; III — болезни нервной системы; IV — сердечно-сосудистой системы; V — дыхательной системы; VI — органов пищеварения; VII — кишечника, почек (нефрит); XIII — болезни старческих возрастов; XIV — несчастные случаи, самоубийства, убийства.

Источник: [*Корчак-Чепурковский*, 1970, с. 240–260].

Таблица 2.40. **Смертность от разных заболеваний в Ленинграде и на Украине, %**

Заболевание	Ленинград		Украина	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
Туберкулез	12,9	8,4	10,6	10,9
Острозаразные	10,4	10,9	16,7	18,0
Сердце и кровообращение	14,2	15,0	4,7	6,0
Злокачественные новообразования	11,3	12,3	2,3	2,7
Мозг и нервная система	9,9	12,9	9,1	9,2
Дыхательная система	11,9	10,8	14,8	13,9
Желудочные	9,5	8,7	14,7	13,9
Врожденная слабость	4,2	3,6	10,3	8,8
Травмы, убийства	6,3	2,9	4,8	2,1
Старческая дряхлость	2,7	7,8	5,0	6,5
Общие болезни	2,2	1,3	1,2	0,9
Почки	1,4	1,3	1,8	1,8
Беременность	—	0,6	—	1,6
Прочие	3,1	3,5	4,0	3,7

Источники: [*Паевский*. 1970, с. 447; *Демографічні дослідження*, вып. 5, с. 89–91].

Из детских болезней наибольшие успехи были достигнуты в борьбе с дифтерией. Прививки позволили снизить заболеваемость в стране с 500 тыс. случаев в 1913 г. до примерно 100 тыс. в 1930-е годы. На Украине в 1913 г. было около 140 тыс. заболеваний дифтерией, в 1925-м — в семь раз меньше, а в 1935-м — в 20 раз меньше [*Досягнення*, с. 273–287, 486]. Успешно протекала борьба с ветряной оспой. Скарлатина, корь и коклюш не нашли в те годы эффективного профилактического лечения. И хотя средний уровень заболеваемости ими заметно снизился, время от времени возникали эпидемии. Смертность от этих болезней постепенно снижалась благодаря разработке новых методов лечения (сыворотки, переливание крови матери), расширению медицинской помощи [*Досягнення*, с. 486–496].

Борьба против тифов и дизентерии шла с переменным успехом. В конце 1920-х годов их уровень заметно снизился по сравнению как с 1913 г., так и с 1926/27 г. Был налажен выпуск дезинфекционных камер, проводились массовые прививки [*Досягнення*,

с. 273–287, 480], охватившие только в борьбе с тифом 28 млн человек. Была разработана поливакцина (тифы, дизентерия, холера, столбняк). Смертность постепенно снижалась. Например, на Украине брюшной тиф уносил в начале века 22% больных, в 1910–1914 гг. — 18%, в 1927–1928 гг. — 14% [*Вісник статистики*, 1930, с. 102–106; *Демографічні дослідження*, вып. 5, с. 89–91].

Но, несмотря на все эти меры, тифы и дизентерия в 1932–1934 гг. дают новые вспышки, превосходящие, возможно, по частоте заболеваний даже годы Гражданской войны. Данные о числе больных дизентерией в 1933 г. в публикациях вообще отсутствуют, но обследование колхозников Украины осенью 1934 г. показало, что почти 4% из них больны дизентерией (табл. 2.38) [*Збірнік*, с. 150–151]. Это в 10 раз превышает среднюю цифру по России за 1913 г., в 50 раз — уровень на Украине в 1926/27 г. и в несколько раз — имеющиеся сведения об уровне заболеваний в годы Гражданской войны. В последующие годы заболеваемость снижается, до уровня 1926–1927 гг., а затем опускается еще ниже.

Из эпидемических заболеваний, не приводивших к очень большим потерям, но заметно ослаблявших население, следует отметить малярию и грипп. Число больных малярией составляло много миллионов человек, только на Украине до 2 млн [*Досягнення*, с. 273–287, 480]. Борьба с малярией шла по двум направлениям: развивалась диспансерная сеть и предпринимались попытки уничтожить источник инфекции. Существенную роль в оказании помощи больным играли синтетические препараты — аналоги хинина (акрохинин и др.). Вспышка малярии в 1934–1935 гг. свела на нет все предпринимавшиеся усилия и увеличила число больных в несколько раз даже по сравнению с дореволюционным временем. В упомянутом выше обследовании колхозников Украины 1934–1935 гг. больным малярией оказался каждый пятый человек в 1934 и каждый десятый в 1935 г. [*Збірник*, 1938, с. 150–151].

В работе О. Барояна [с. 45–150] представлены статистические данные о ежегодном числе заболеваний в СССР за ряд лет. Мы видим, что некоторые болезни (оспа, холера) были побеждены, основные венерические заболевания сократились в несколько раз. Однако структура первоначальных обращений за медицинской помощью существенно не изменилась (табл. 2.41 на с. 336).

И в Москве, и в киевских поликлиниках, и по всей Украине в 1926–1934 гг. около трети посетителей шли на прием к терапевтам и детским врачам. Примерно пятая часть больных нуждалась в помощи хирурга, а у 7–9% подозревали инфекционные

Таблица 2.41. **Первоначальные обращения в амбулаторную сеть, %**

Место	Дата	Специальности врачей								
		Терапевтические и детские	Инфекционные (включая туберкулез)	Хирургические	Кожно-венерологические	Нервные	Глазные	Ухо, горло, нос	Гинекологические	Прочие
Серпухов	1924–1925	34,9	10,7	22,0	8,0	6,1	6,5	2,5	—	9,8
Москва	1921	37,6	9,1	20,9	4,8	4,1	8,3	7,7	4,6	2,9
	1926	37,0	5,4	18,7	5,4	4,1	9,0	8,2	6,2	6,0
	1927	37,4	6,3	18,9	5,4	4,3	9,1	8,3	5,2	5,1
	1928	39,3	8,6	19,5	5,2	4,2	8,8	8,0	5,5	0,9
Ленинград	1928	31,8	8,3	18,5	4,8	4,3	9,2	7,4	6,2	9,5
Киев, диспансер	1932–1935	31,6	7,8	16,7	8,1	4,6	7,8	8,2	5,4	9,8
Киев, рабочие*	1933–1934	39,5	7,5	17,6	5,7	4,4	9,7	7,1	4,9	3,6
Харьков	1935	31,0	7,6	16,5	11,5	4,6	6,9	7,0	6,5	8,4
Киевская обл., 12-й район	1935, полгода	36,2	8,2	16,3	7,1	4,1	8,2	7,2	5,1	7,6
Украина	До 1917	31,1	11,4	20,0	8,5	3,8	5,4	4,6	2,1	13,1
	1928	35,2	8,8	17,1	8,4	5,1	5,2	5,1	4,0	11,1
	1930	34,1	8,7	19,1	8,0	4,5	7,3	6,5	3,0	8,8
	1934	34,0	7,0	—	—	—	—	—	3,3	—

* «Рабочие» — по сведениям поликлиник, обслуживающих рабочих.
Источник: [*Збірник,* 1938, с. 186–187].

заболевания. К специалистам чаще обращались в городах, чем в селе, но и тут разница не очень велика. Видимо, рост обращений к врачу превышал в ряде случаев темпы снижения заболеваний. Также весьма вероятно, что медицинские достижения заключались в первую очередь в улучшении лечения болезни, снижении смертности, а не в сокращении самого числа больных. Несомненным достижением был рост специальной медицинской помощи, отмечаемый даже в сельской местности (табл. 2.41).

Активное наступление велось на главную болезнь юношеского и среднего возраста — туберкулез. На него приходилось свыше четверти умерших на Украине в возрасте 10–60 лет. Внедрение в широкую практику вакцины БЦЖ, которую прививали начиная

с грудного возраста, привело к заметному снижению заболеваемости и смертности от туберкулеза [*Досягнення*, с. 273–287, 480]. Существенную роль играли обследования пациентов с открытыми формами туберкулеза, в частности осмотры школьников, изоляция больных в тубдиспансерах и другие профилактические меры. Во всех возрастных группах и социальных слоях населения потерь от туберкулеза становилось все меньше и меньше. В Ленинграде в возрасте 0–15 лет вероятность умереть от туберкулеза в 1938–1939 гг. была в два раза меньше, чем в 1910–1911 гг. [*Новосельский*, 1978, с. 188]. Число больных туберкулезом легких снизилось на Украине в 1926–1936 гг. не менее чем в полтора раза, а смертность — примерно в три раза [*Новосельский*, 1978, с. 188].

Таким образом, определенные успехи в борьбе с инфекционными заболеваниями в 1930-х годах несомненны. Они приводили к уменьшению числа больных и заметному сокращению смертности среди заболевших. Только самые очевидные из этих успехов в борьбе с оспой, холерой, тифами, дифтерией, венерическими заболеваниями и туберкулезом должны были снизить смертность на Украине в несколько раз.

Таблица 2.42. **Число больных на Украине, на 100 тыс. жителей**

Заболевание	1913	1926/27	1935	1934/35 (колхозы)	1935/36 (колхозы)
Сыпной и возвратный тиф	—	27	23	40	7
Брюшной тиф	386	124	80	290	13
Дизентерия	215	91	70	1 200	206
Оспа	48	0,2	—	—	—
Малярия	1 683	1 531	—	19 110	8 947
Скарлатина	—	237 (c)	—	10	157
Дифтерия	513	70	26	120	198
Грипп	222 (c)	324 (c)	—	4 660	3 844
Туберкулез легких	1 450 (b)	1 200	—	820	853
Сифилис	463	300	—	40	21
Гонорея	—	—	—	160	70
Травматизм на производстве	—	—	550	329	—
Несчастные случаи	—	—	—	3 680	3 066
Бронхит	—	—	—	5 300	4 171
Ангина	—	—	—	1 840	2 525

Продолжение табл. 2.42

Заболевание	1913	1926/27	1935	1934/35 (колхозы)	1935/36 (колхозы)
Желудочные заболевания	—	—	—	8 690	3 650
Гинекологические заболевания	—	—	—	3 410	1 929
Фурункулез	—	330	—	5 970	2 858
Трахома	633	—	—	—	172
Остальные	—	—	—	40 780	30 664
Всего	—	—	—	105 000	65 489

Примечание. Данные по сведениям поликлиник, обслуживающих колхозников; (b) — сельское население, открытая форма туберкулеза; (c) — Россия.

Источники: [*Досягнення,* с. 5–22, 233–287, 455–503; *Збірник*, 1938, с. 120–190; *Вісник статистики,* 1930, № IV, с. 101–106].

Кроме борьбы с инфекционными заболеваниями, широкое наступление велось на детскую смертность от желудочно-кишечных заболеваний. Основным методом здесь было внедрение элементарной гигиены и определенных правил ухода за ребенком, распространявшихся как через медицинскую сеть, так и благодаря повышению культурного уровня и грамотности населения. Одновременно по мере расширения числа роддомов снижалась и смертность среди женщин от неудачных родов и абортов [*Урланис*, 1968, с. 225–226].

Демографический анализ судьбы одного поколения (1906 год рождения) был предпринят демографом Б. Ц. Урланисом. Эти материалы особенно интересны, поскольку позволяют проследить тенденцию изменений характера заболеваний в рассматриваемый период[1]. Основные причины смертности этого молодого поколения были примерно те же, что и всего населения страны. Почти треть жизней уносил туберкулез, причем в конце 1930-х годов его роль немного уменьшилась. Травмы, особенно у мужчин, играют важную роль в 1920-е годы и меньшую в 1930-е. Инфекционные заболевания вообще не отмечены в 1935–1938 гг. Конечно, они не исчезли, но их доля в убыли населения, очевидно, сильно

[1] Данные, собранные автором, очень разнородны и, конечно, неполны, мы их используем лишь чтобы получить самое общее представление о причинах смертности.

сократилась, а значение, безусловно, упало. Зато появились раньше не известные нефрит, болезни, сопровождающие беременность, значимые величины онкологических заболеваний (табл. 2.43).

Таблица 2.43. **Смертность от разных причин поколения 1906 года рождения, %**

	Тамбовская область	Сибирь	Евр. часть РСФСР	Евр. часть СССР	РСФСР							
Год учета	1926	1926	1925	1926	1935	1936	1937	1938	1935	1936	1937	1938
Пол	М и Ж	М и Ж	М и Ж	М и Ж	М	М	М	М	Ж	Ж	Ж	Ж
Причина смерти	**Возраст**											
	15–24	20–25	19	20	30	30	31	32	30	30	31	32
Инфекция	16,3	15,9	21,7	8,8	—	—	—	—	—	—	—	—
Туберкулез	20,5	17,9	34,8	29,8	26,8	30,2	32,6	31	31,8	30,2	28,1	28,5
Рак	—	—	1,8	0,9	1,1	2,3	3,6	3,6	1,7	2,3	8,1	7,7
Нервы и сердце	2,7	2,2	8,7	9,3	4,1	4,8	6,2	7,1	6,2	5,9	9,2	9,7
Органы дыхания	9,5	7,6	7,3	6,1	4,8	5,9	5,8	6,3	4,2	6,2	4,8	5,1
Органы желудка	—	7,0	—	5	5,8	5,9	5,1	4,8	6,0	5,3	5,9	5,0
Травмы	6,5	8,0	9,6	19,7	29,3	27,5	24,2	23,4	9,1	10,8	8,1	9,0
Прочие	44,5	15	46,7	20,4	—	23,3	22,5	23,8	26,3	29,4	25,8	29,5

Примечание. Цифры рассчитаны Б. Ц. Урланисом по архивным материалам, очевидно неполным, особенно по селу. Данные по Тамбовской области и Сибири — для сельской местности; по СССР и РСФСР — городское население. Рассматривается смертность поколения 1906 года рождения в 1925–1938 гг. [*Урланис,* 1968, с. 212–240].

Несомненно, можно говорить об общем улучшении медицинского обслуживания населения. Идет успешное наступление на самые разные заболевания, в этой борьбе активно развивается медицина, ширится охват медицинской помощью, осуществляется профилактика инфекционных заболеваний — все это наряду

с повышением грамотности населения, приобретением им необходимых знаний о гигиене.

Снижению уровня общей и повозрастной смертности в 1930-е годы как на Украине, так и в СССР в целом способствовали следующие факторы:

- сокращение рождаемости, что при 15–20% убыли новорожденных в течение первого года жизни должно было привести к падению смертности к 1930 г. на 1,5 промилле на Украине и примерно на 1 промилле по СССР;
- переезд многих миллионов сельских жителей в города — более высокий культурный и медицинский уровень городского населения в этот период не вызывает сомнений;
- широкое внедрение достижений медицины: увеличение числа врачей и медпунктов, борьба с инфекционными заболеваниями, массовые прививки.

Анализируя эти мероприятия на Украине, А. Хоменко [1927а] предполагал сокращение детской смертности к 1937 г. почти в два раза. При этом он рассматривал только снижение смертности от нескольких основных инфекционных заболеваний до уровня больших городов. Смертность средних возрастов должна была упасть, по его мнению, на 10–40%, старших — на 4–8% [*Корчак-Чепурковский*, 1970, с. 308–312]. Дело не в конкретных цифрах, а в справедливой уверенности в том, что распространение медицинской сети не может не привести к значительному эффекту повышению уровня грамотности всех слоев населения. Тенденция, наметившаяся в начале XX века, несомненно, ускорилась в середине 1920-х годов. Грамотность включает, с нашей точки зрения, и некоторые элементарные представления о гигиене, улучшение ухода за детьми, использование лекарств и т. д.

К увеличению общего коэффициента смертности должно было приводить некоторое постарение населения. Однако практического изменения перепись 1939 г. не отметила. Очевидно, что этот фактор не играл существенной роли.

Но можно довольно определенно говорить о том, что в середине 1920-х годов таблицы смертности демонстрируют нам новую реальность: иная страна, иной возрастной состав населения, иной образ жизни, изменившийся характер отношений внутри семьи и т. д. В этот перечень входят и новые медицинские условия, и новая система учета населения. По имевшимся данным, наиболее высокой была смертность в Азиатской части РСФСР — 24 промилле,

наиболее низкой — в Белоруссии и крупных городах Украины, около 14 промилле. Смертность в больших городах была обычно несколько меньше, чем в средних и малых, что связано, очевидно, не только с условиями жизни, но и с интенсивностью притока туда молодого сельского населения.

После катастрофы 1933 г. смертность в стране снижается и устанавливается примерно на уровне 18 промилле.

Таким образом, в конце 1920-х — начале 1930-х годов уровень смертности на Украине, как и во всей стране, находился под воздействием противоречивых сил. Медицинские, демографические и социальные факторы толкали его вниз, а экономические и политические причины, о которых говорилось в первой части работы, тянули вверх. Некоторое время сохранялось это неопределенное равновесие, а затем, в годы коллективизации, отрицательные воздействия перевесили. Правда, об уровне смертности 1933 г. мы можем только догадываться. Репрессии 1930-х годов: расстрелы, повышенная убыль населения в лагерях — также сыграли свою роль в росте смертности населения страны.

Часть **III**

ПОТЕРИ

Глава 18. ОЦЕНКИ ПОТЕРЬ

Дискуссия относительно размеров потерь советского населения в годы коллективизации продолжается в научной литературе уже больше 50 лет. Советские власти, конечно, ни о каких потерях не говорили, но ученые косвенными утверждениями демонстрировали их существование. Так, по оценке Б. Ц. Урланиса [1974, с. 319], численность населения СССР в 1933 г. составила 158 млн человек, то есть на 8 млн меньше, чем было в свое время официально заявлено (опубликовано) ЦСУ. Но это расхождение ученый никак не комментирует. Еще более настойчиво пользовался эзоповым языком Ю. А. Корчак-Чепурковский. Он посвятил специальную работу рассмотрению прогнозов численности населения Украины и СССР, сделанных в свое время М. Птухой, А. Хоменко, С. Новосельским и В. Паевским, в которой дает понять читателю, что расчеты демографов, отличающиеся от оценок ЦСУ на 8–10 и более миллионов, верны, а их расхождение с реальностью — следствие «событий, помешавших нормальному развитию населения страны» [*Корчак-Чепурковский*, 1970, с. 324–325].

Огромные, фантастические цифры — десятки миллионов человек — приводил представитель российской эмиграции на Западе профессор И. Курганов [*Курганов*], данные которого Александр Исаевич Солженицын использовал в «Архипелаге».

Среди западных ученых шла постоянная дискуссия между сторонниками огромных цифр и их оппонентами, считавшими, что потери были невелики и вызывались преимущественно эпидемическими заболеваниями[1].

---

[1] См.: Rosefielde S. The first "Great leap forward" reconsidered: lessons of Solzhenitzyn's "Gulag Archipelago" // Slavic Review. December 1980. Vol. 39, N 4. P. 559–87; Reply, ibid. P. 612–15; Reply to Nove. Slavic Review. Winter 1982. Vol. 41, N 4. P. 766–71; Davies R. W., Wheatcroft S. G. Steven's Rosefielde's Klyukva // Slavic Review. December 1980. Vol. 39, N 4. P. 593–602; Wheatcroft S. On assessing the size of forced concentration labour in the Soviet Union, 1929–56 // Soviet Studies. April 1981. N 33. P. 265–95; Towards a thorough analysis of Soviet forced labour statistics // Ibid. April 1983. N 35. P. 223–37; Nove A. Letter to the editor // Slavic Review. Winter1981. Vol. 40, N 4. P. 691–93; Ibid. Winter 1982. Vol. 41, N 4. P. 771–73; Wheatcroft S. G. Population dynamic and factors affecting it in the Soviet Union in the 1920s and 1930s. Part 2, CREES Discussion papers. SIPS no. 2, Birmingham University, 1976; no. 20, 1980; no. 21, 1981; Famine and factors affecting mortality in the USSR: The demographic crises of 1914–1922, 1930–33. Boston University, 1981 (reported in "Vevey Switzerland",

Открытие советских архивов положило конец практике использования для оценок потерь ссылок на мнения наблюдателей, очевидцев, секретную советскую информацию, прогнозы Госплана и тому подобные «источники». Работы, основанные на таких материалах, в частности наиболее известная из них — книга Роберта Конквеста «Урожай печали», перестали рассматриваться в качестве достоверных источников для оценки размеров потерь населения.

Введение в научный оборот многочисленных документов ЦУНХУ и ЦСУ за ряд лет, а также рабочих материалов обработки переписей 1937 и 1939 гг. привело к появлению многочисленных расчетов потерь на региональном уровне. Методически, как правило, используются те же подходы, что и в советское время, то есть либо коэффициенты рождаемости и смертности, либо материалы переписей населения и таблицы смертности. В первом случае достоверность результатов ниже, поскольку коэффициенты смертности имеют заметную погрешность, а в расчетах для последовательного ряда лет ошибка быстро растет. Оценка потерь по таблицам смертности намного более точна, поскольку в годы проведения переписей сведения об умерших собираются с особой тщательностью, проверяются и уточняются квалифицированными специалистами, а повозрастные изменения смертности подчинены определенным закономерностям, знание которых позволяет уточнить размеры отдельных коэффициентов. Возможности этого метода серьезно продемонстрировал в свое время Лоример.

Применение такого подхода к региональным расчетам существенно ограничено трудностями в оценке миграции, которая плохо учитывалась советской статистикой в 1930-е годы. Например, в серьезном исследовании французских и украинских ученых (см.: [*Валлин*]) потери Украины в 1930–1939 гг. оцениваются в 3,5 млн, в том числе больше четверти (930 тыс.) приходится на эмиграцию (530 тыс. арестованных и сосланных и 400 тыс. бежавших из родной деревни куда глаза глядят). При этом за рамками исследования оказались очень многие факторы, определявшие миграцию (люди, умершие в ссылке и лагерях, лица, завербованные и вернувшиеся

July 1981; Wheatcroft S. G. New demographic evidence on excess collectivization deaths: yet another kliyukva from Steven Rosefielde // Slavic Review. 1985. Vol. 44, N 3. P. 505–507; Rosefielde S. Mortality in the Soviet Union: a reconsideration of the demographic consequences of forced industrialization, 1929–1949 // Soviet Studies. July 1983. N 35. P. 383–409. Подробнее об этих и других работах см.: [*Денисенко*, с. 106–142; *Максудов*, 1987б, с. 369–392; *Демографическая модернизация*, с. 406–438].

домой, отпущенные из ссылки дети и старики, молодые люди, выехавшие на учебу, вышедшие замуж или женившиеся, бежавшие из мест поселения, перебравшиеся в другие республики, погибшие вне родины, сменившие национальную принадлежность, въехавшие на Украину для работы на Донбассе или в других промышленных районах, демобилизованные красноармейцы и жители Белоруссии и России, переселившиеся в села Украины на место погибших от голода селян). Эти факторы могут приводить к заметной ошибке расчета как в ту, так и в другую сторону.

При рассмотрении работ, использующих для оценки потерь передвижку поколений между переписями с помощью таблиц смертности, выявляются следующие недостатки этого метода:

1) неточности, связанные в первую очередь с плохим учетом населения в Средней Азии, Казахстане и на Кавказе;
2) занижение таблицами смертности 1926 г. уровня смертности в старших возрастах. Это вызвано как плохим учетом умерших в азиатских районах страны, так и искажениями в оценке возраста пожилых людей по всей стране;
3) неполный учет детей самых младших возрастов при переписи 1926 г.;
4) плохой учет миграции населения в годы коллективизации. Особенно это важно при региональных расчетах;
5) занижение оценки рождаемости, особенно в годы голода;
6) использование разных методов при проведении переписей населения 1926, 1937, 1939 гг. и в результате разная точность полученных при этом сведений.

По существующим серьезным оценкам, потери находятся в интервале 7–10 млн человек. В книге «Демографическая история России: 1927–1959» [с. 399–438] авторы приводят следующее распределение потерь по стране: 2,3–2,4 млн — Россия, 1 млн — Казахстан, 4 млн — Украина. Среди современных работ на эту тему можно отметить книги В. Кондрашина, Р. Девиса и С. Уиткрофта, С. Кульчицкого, В. Исупова, А. Перковского, С. Пирожкова, М. Ливи-Баччи.

Евгений Андреев, Леонид Дарский и Татьяна Харькова [*АДХ*, 1998, с. 82–83] использовали принципиально новый подход к расчетам потерь. Они откорректировали результаты переписей (оценки численности по возрасту и полу), заметно увеличили оценки рождаемости (на 7,8%) и смертности (на 26,9%) по сравнению с данными ЦСУ и построили модель изменения численности

населения СССР в рассматриваемый период. Все новые данные были включены в единую математическую систему, которую авторы описывают следующим образом: «При расчете проводилась передвижка по возрастам населения 1927 г. на десять лет вперед до начала 1937 г. и обратно — населения 1937 г. на десять лет назад до начала 1927 г. При этом использовались модифицируемые в процессе расчета таблицы смертности 1926–1927 и 1938–1939 гг., а также данные об общем числе умерших... Таблицы смертности при расчете за каждый год модифицировались с помощью модели Брасса так, чтобы общее число умерших в данном году при передвижке по возрастам совпадало с заданным. Этот же метод применялся при расчете за 1938–39 и 1940 гг. *При расчете за 1933 г. вводился дополнительный множитель, так как модель Брасса не позволяет моделировать смертность в условиях демографической катастрофы* (курсив мой. — *С. М.*)» [*АДХ*, 1993, с. 47–48].

Мы видим, что потери 1933 г. не являются результатом расчета АДХ, а включены в модель в качестве экспертной оценки. Модель демонстрирует, как могут быть согласованы демографические сведения с учетом того, что в 1933 г. сверхсмертность составила 7 млн человек. Результатом работы исследователей стала корректировка всех параметров: численности населения, рождаемости, смертности как в целом по стране, так и для каждой половозрастной группы.

Работу АДХ решительно критикуют Р. Дэвис и С. Уиткрофт [с. 418–421]. Они отмечают, что по результатам расчетов АДХ годовых коэффициентов смертности суммарные потери составляют 8,5 млн человек. И по их мнению:

«Эта цифра неправдоподобно велика. Помимо других погрешностей в подсчетах АДХ не учитывают две поправки, предложенные Ф. Лоримером в его классическом исследовании советского населения, которое было написано задолго до открытия архивов. Лоример утверждает, что в течение всего периода между двумя переписями (1926–1939) занижалась как детская смертность по СССР, так и вообще вся смертность в неевропейских республиках СССР. И то и другое, несомненно, имело место, а насчет степени занижения остается только строить более или менее разумные догадки. Руководствуясь соображениями здравого смысла, мы пришли к выводу, что таким образом можно объяснить убыль еще 3,6 млн чел. из 4,7 млн “разрыва Курмана” (так авторы называют отмеченное российским демографом М. В. Курманом расхождение между сведениями о численности населения по

данным текущей статистики и результатами переписи 1937 г. — *С. М.*). Но следует подчеркнуть, что эта цифра весьма условна: она может быть увеличена или уменьшена в зависимости от принятого исследователем числового значения поправок Лоримера».

Замечания Дэвиса и Уиткрофта не кажутся справедливыми. Занижение размеров детской и взрослой смертности — это последнее, в чем можно упрекнуть АДХ. Их поправки к этим показателям во много раз превышают коррекции Лоримера и, скорее всего, любого из исследователей в прошлом и настоящем.

Сам Уиткрофт оценивает повышенную убыль населения в селе и в городе по стране, а также в России и на Украине (табл. 3.1), разделяя данные на учтенные статистикой (зарегистрированная смертность) и не попавшие в учет (незарегистрированная смертность).

Таблица 3.1. **Превышение смертности в СССР, РСФСР и на Украине в 1933 г. над смертностью 1932 г., млн человек**

Территория	Зарегистрировано			Не зарегистрировано		Всего	
	Село	Город	Всего	А	АДХ	А	АДХ
СССР	2,3	0,4	2,7	1,3	4,3	4,0	7,0
РСФСР	0,8	0,3	1,1	0,5	1,0	1,6	2,1
УССР	1,1	0,1	1,2	0,6	3,0	1,8	4,3

Примечание. Вариант А рассматривается Уиткрофтом как минимальная оценка. Он использовал для расчета архивные данные 1935 г., считая их более достоверными

Источник: [*Уиткрофт*, 2001а, с. 885].

Комментируя табл. 3.1, Уиткрофт поясняет:

«...Это лишь цифры повышенной смертности в 1933 г. в сравнении с 1932 г. А в 1932 уровень зарегистрированной смертности был уже значительно выше, чем в 1931 г. (по Украине на 150 000); и мы уже приводили доводы в пользу того, что незарегистрированная смертность по этим предыдущим годам, весьма вероятно, была выше, чем принято считать.

А потому общий уровень смертности в голодные годы с 1931 по 1933 г. следует полагать несколько более высоким. Лишь по Украине можно было говорить о 3–3,5 млн дополнительных смертей, а по СССР в целом, видимо, 6–7 млн» [*Уиткрофт*, 2001а, с. 885–887].

Данные, приведенные в табл. 3.1, весьма условны, но следует отметить, что абсолютные величины потерь, к которым приходит автор, заметно больше его прежних оценок, а главное, он совершенно справедливо отмечет бóльшую долю незарегистрированных потерь, заметно превышающих убыль, учтенную официальной статистикой населения.

Высокая оценка Уиткрофтом работы Франка Лоримера понятна. Это серьезное, фундаментальное исследование, сделанное в тот момент, когда известные советские ученые были лишены возможности проделать такую работу[1]. Лоример [с. 113–123] отмечал неполноту советских статистических сведений в годы после революции, когда новая система учета только складывалась. Действительно, у населения не было в то время достаточно серьезных стимулов для регистрации смертей в ЗАГСе, в отличие от учета рождений. Указывая, что в регионах с малодостоверной статистикой (Башкирия, Крым, Нижняя Волга, Бурят-Монголия, Армения) смертность в сельской местности меньше, чем в городе, Лоример считает, что это результат неполноты учета смертности в селе. Это не во всех случаях верно. В XIX веке смертность в городах практически повсеместно была выше, чем в сельской местности. В начале XX века (1911–1913) в 22 губерниях смертность в городах была выше, чем в селе, а в 28 губерниях — ниже. Наибольший разрыв в пользу городов был в Смоленской губернии (15,5 промилле у горожан и 27,7 промилле у деревенских жителей). А самая мрачная картина отмечалась в Самарской губернии — 67 промилле в городе при 33,6 в селе [*Рашин*, с. 245–256]. При этом преимущество горожан было связано не столько с лучшими условиями жизни, сколько с иным возрастным составом населения.

Этот специфический эффект отметил С. А. Новосельский [1911]: «С устранением неодинакового возрастного состава смертность в России повышается при переходе от сельской местности к более крупным городам, в полную противоположность указанным коэффициентам общей смертности, повышающимся при переходе от крупных городов к сельским местностям». Он приводит ряд коэффициентов общей смертности: 32,3 промилле — сельское население, 29,1 — города меньше 100 тыс. жителей

[1] Я узнал о существовании книги Лоримера в середине 1970-х годов — она была в каталогах двух главных московских библиотек. Но для ознакомления с ней от меня потребовали вторую форму секретности, которую я категорически не хотел получать, поскольку она накладывала серьезные ограничения, в частности на контакты с иностранцами.

и 26,82 — города свыше 100 тыс. При устранении различия в возрасте исследователь получает обратную последовательность: 32,1; 33,5; 36,7 промилле в селе, малых и больших городах.

Следует также заметить, что в ряде случаев играет важную роль разница в национальном составе населения в городе и в деревне. Так, в упомянутом Лоримером Нижневолжском крае в сельской местности проживало значительное количество немцев, имевших заметно более низкий уровень смертности, чем русское, в том числе и городское, население. В советские годы социальные и культурные изменения в городах проходили намного интенсивней, чем в деревне, и смертность горожан снижалась быстрее, но к 1926 г. на многих территориях перемены еще мало затронули население, и поэтому сохранение в таких регионах того же соотношения смертности между городом и селом, которое наблюдалось до революции, кажется вполне естественным.

Лоример [с. 231–240], подсчитывая потери населения, увеличил численность детей до года (в переписи 1926 г. на 600 тыс. и 1939 г. на 350 тыс. человек). Он рассчитал одногодичную группировку для переписи 1939 г., внес существенные изменения в таблицу смертности 1926 г. (прил. 20) и передвижкой данных переписи 1926 г. в одногодичной группировке к 1939 г. рассчитал потери лиц старше 12 лет в 1939 году, составившие 4,8 млн человек (3544 тыс. мужчин и 1300 тыс. женщин). Лоример использовал таблицы смертности Коула, в которых коррекции к смертности женщин более значительны, чем для мужчин (прил. 20). Этот метод расчета использует для оценки потерь большинство исследователей, в том числе и я, но без поправок к таблице смертности. Я получил оценку потерь той же когорты в 5,5 млн (4 млн мужчин и 1,5 млн женщин [*Максудов*, 1977]). Важно напомнить, что в расчетах Лоримера, как и в моих работах 1970–80-х годов, не учтены потери детей, родившихся после 1926 г. Сегодня свидетельства очевидцев и многие архивные документы показывают, что убыль детей была также очень велика.

Глава 19. МЕТОДИКА РАСЧЕТА

Родился человек, возник на одной из ступенек бесконечной исторической лестницы времен, и начала разматываться незримая нить его жизни, сплетаясь с множеством других нитей, появившихся раньше или позже, и, наконец, где-то там вдалеке обрывается. Собственно, так и представляли себе судьбу древние греки. У Зевса три дочери — мойры. Одна прядет нить человеческой жизни, другая проводит ее через всевозможные превратности, третья — обрезает. Длина нити, ее конечная точка ни человеку, ни его врачу, как правило, не известны. И вместо идеальной приходится строить вероятностную модель, основанную на статистических данных. В некоторый строго зафиксированный момент проводится подсчет населения, переписываются все жители с учетом их возраста. В годы, близкие к переписи, собираются полные сведения об умерших. Затем эти совокупности живущих и умерших сопоставляются, для каждой возрастной группы рассчитывается доля умерших в течение года по отношению к числу живущих в начале года. Предполагая, что медицинские и социальные условия меняются медленно, можно использовать долю умерших в каждом возрасте, чтобы спрогнозировать число умерших в несколько ближайших лет. И хотя судьба каждой отдельной нити по-прежнему неясна, общее число нитей, которым суждено оборваться, рассчитывается таким путем довольно точно. Эти статистические сведения публикуются в виде таблиц смертности. При оценке потерь исходим из предположения, что некоторый уровень смертности может считаться нормой. Нормальным можно назвать спокойный, хорошо изученный период, в котором повозрастная смертность постепенно снижается или остается стабильной. Заметные превышения этого уровня, вызванные эпидемиями, войнами, социальными потрясениями или какими-либо действиями властей, будут рассматриваться как повышенная убыль населения, то есть потери.

В XX веке в силу прогресса медицины и социальных перемен в развитых странах наблюдалось постепенное снижение смертности. В 1895–1899 гг. среднегодовой коэффициент смертности по Европейской России составлял 33, в 1908–1912 гг. — 28,6; а в 1926–28 гг. — 20 промилле [*Новосельский*, 1978, с. 122–123; *Дмитриева*, *Андреев*, с. 28–49]. Причины этого явления достаточно очевидны: улучшение медицинского обслуживания, повышение культурного

уровня населения, рост материального благосостояния. В советское время следует дополнительно отметить разрешение абортов, массовые прививки против инфекционных заболеваний детей и взрослых, изменение структуры населения (его некоторое условное оздоровление) в результате огромных потерь в годы Гражданской войны (прил. 18).

Несомненно, рост культурного уровня и совершенствование медицинской помощи продолжались и в 1930-е годы, но их результат был перекрыт негативными тенденциями, сопровождавшими социальные перемены. Однако в нашем случае для периода коллективизации можно ограничиться стабильным уровнем, приняв в качестве такового данные переписи 1926 г. в одногодичной группировке, сглаженные с целью устранения погрешностей в указании возраста известными российскими демографами С. А. Новосельским и В. В. Паевским. Эти же авторы, опираясь на сведения переписи, составили таблицы смертности 1926–1927 гг. для европейской части СССР. Высокое качество этих материалов признавали очень многие известные российские демографы. Рассчитав нормальное движение населения в 1926–1936 гг., можно сравнить полученный результат с материалами переписи 1937 г. — разница и будет оценкой потерь. Такой подход неоднократно использовался исследователями, и его недостатки отмечены выше. Можно было бы считать нормой смертности для рассматриваемого периода тенденцию ее снижения в 1926–1939 гг., но из осторожности принимаем в качестве эталона уровень 1926–1927 гг., известный по опубликованным Новосельским и Паевским данным.

Расчетная выборка

Как уже отмечалось, одной из трудностей оценки потерь населения является отсутствие надежной информации в регионах Средней Азии и Казахстана, а также в Закавказье и национальных республиках Северного Кавказа, поскольку в 1920-е годы на этой территории не велось достаточно полных демографических наблюдений. Сведения для нее указывались гипотетически, и включение их в статистические данные всей страны заметно искажало общие данные. В то же время расчеты по отдельным лучше изученным территориям, таким как РСФСР, Украина, Белоруссия, сталкивались с серьезной проблемой — неполнотой сведений о миграционном обмене населением между регионами. Невысокая достоверность этих данных заставляла усомниться в надежности полученных по ним результатов.

Выход из ситуации представляется в отказе от расчета по географическому признаку (совокупность людей, проживающих на данной территории) и в использовании признаков этнографических (совокупность людей определенных национальностей). В расчетную группу, основанную на этом принципе, отобраны народы, проживавшие в основном в европейской части страны, то есть в областях с хорошим статистическим учетом (табл. 3.2).

Таблица 3.2. **Национальный состав населения СССР по переписям 1926, 1937, 1939, 1959 гг.**

Национальный состав	Численность населения по переписям,тыс. чел.				Средний ежегодный прирост населения между переписями, %		
	1926	1937	1939	1959	1926–1937	1937–1939	1939–1959
Европейская Россия	118 706	129 955	138 324	166 768	—	—	—
Русские	77 791	93 933	99 592	114 114	1,88	2,92	0,62
Украинцы	31 195	26 421	28 111	37 253	−1,66	3,10	1,27
Белорусы	4 739	4 874	5 275	7 913	0,28	3,95	1,82
Евреи	2 681	2 715	3 029	2 274	0,13	5,47	−1,29
Немцы	1 239	1 152	1 427	1 620	−0,73	10,66	0,58
Поляки	782	636	630	1 380	−2,06	−0,47	3,39
Молдаване	279	224	260	2 214	−2,19	7,44	7,18
Финно-угорские народы	7 788	8 326	10 271	2,0389	—	—	—
Мордва	1 340	1 249	1 456	1 285	−0,70	7,65	—
Марийцы	428	401	482	504	−0,65	9,17	0,20
Удмурты	514	568	606	624	1,00	3,24	0,13
Коми	376	385	422	431	0,24	4,58	0,10
Чуваши	1 117	1 168	1 370	1 470	0,45	7,96	0,32
Татары	3 272	3 797	4 313	4 968	1,49	6,36	0,64
Башкиры	741	758	844	989	0,23	5,37	0,72
Прибалтийцы	784	612	733	5 008	−2,46	9,00	—
Финны	135	154	143	93	1,31	−3,70	−1,93
Карелы	248	233	253	167	−0,62	4,12	−1,86
Эстонцы	155	121	144	1 005	−2,46	8,68	6,81
Другие финские народы	52	27	32	17	−6,33	8,47	−2,78
Латыши	152	67	128	1 400	−7,76	31,28	7,57
Литовцы	42	10	33	2 326	−12,31	53,49	8,84

Продолжение табл. 3.2

Национальный состав	Численность населения по переписям,тыс. чел.				Средний ежегодный прирост населения между переписями, %		
	1926	1937	1939	1959	1926–1937	1937–1939	1939–1959
Другие европейские народы	378	375	428	673	−0,08	6,60	—
Болгары	111	91	114	324	−1,98	11,22	4,36
Чехи и словаки	27	12	28	40	−7,69	40,00	1,60
Греки	214	269	286	309	2,28	3,06	0,35
Другие	26	3	—	—	—	—	—
Народы Сибири и Дальнего Востока	603	569	709	747	−0,58	10,95	0,24
Якуты	241	239	242	237	−0,08	0,62	−0,09
Алтайцы	39	47	48	45	1,86	1,05	−0,29
Хакасы	46	48	53	57	0,43	4,95	0,33
Буряты	238	219	225	253	−0,83	1,35	0,53
Другие	39	16	—	28	−8,36	—	—
Народы Севера	130	166	141	127	2,43	—	—
Прочие	113	1 720	—	—	17,86	—	—
Вошли в расчет	**128 502**	**141 723**	**150 706**	**173 425**	**0,98**	—	—
Народы Сев. Кавказа	2 113	2 361	2 447	2 604	1,11	1,79	—
Чеченцы, ингуши	493	495	500	525	0,04	0,50	0,22
Кабардинцы	140	151	164	204	0,76	4,13	0,99
Абазины	14	14	—	20	—	—	—
Адыгейцы	65	79	88	110	1,94	5,39	1,01
Абхазы	57	56	59	65	−0,18	2,61	0,44
Кумыки	95	134	113	135	3,41	−8,50	0,81
Карачаевцы, балкарцы	88	109	119	123	2,13	4,39	0,15
Карапапахи	6	—	—	—	—	—	—
Осетины	272	319	355	413	1,59	5,34	0,69
Курды	56	48	46	59	−1,54	−2,13	1,13
Талыши	77	99	88	—	2,50	−5,88	—
Дагестанцы	575	700	781	809	1,96	5,47	0,16
Калмыки	132	127	134	106	−0,39	2,68	−1,06
Прочие	43	30	—	35	—	—	—
Закавказье	5 096	6 200	6 679	8 419	1,95	3,72	—

Продолжение табл. 3.2

Национальный состав	Численность населения по переписям,тыс. чел.				Средний ежегодный прирост населения между переписями, %		
	1926	1937	1939	1959	1926–1937	1937–1939	1939–1959
Грузины	1 821	2 097	2 250	2 692	1,41	3,52	0,81
Армяне	1 568	1 969	2 153	2 787	2,27	4,46	1,17
Азербайджанцы	1 707	2 134	2 276	2 940	2,22	3,22	1,16
Народы Ср. Азии	10 728	10 434	11 155	13 272	−0,28	3,34	—
Узбеки	3 955	4 551	4 845	6 015	1,40	3,13	0,98
Каракалпаки	146	179	186	173	2,03	1,92	−0,33
Киргизы	763	847	885	969	1,04	2,19	0,41
Уйгуры	43	109	97	95	8,68	−5,83	−0,09
Туркмены	764	748	812	1 002	−0,21	4,10	0,95
Таджики	981	1 138	1 229	1 397	1,48	3,84	0,58
Казахи	3 968	2 862	3 101	3 621	−3,24	4,01	0,70
Прочие	108	—	—	—	—	—	—
Другие народы Азии	265	343	383	553	2,57	5,51	—
Корейцы	87	168	182	314	6,35	4,00	—
Китайцы	10	39	32	26	11,84	−9,86	—
Дунганы	15	14	—	22	−0,69	−100,00	—
Арабы	29	28	22	8	−0,35	−12,00	—
Айсоры	10	3	20	22	−10,77	73,91	—
Иранцы	53	21	39	29	−8,65	30,00	—
Цыгане	61	70	88	132	1,37	11,39	—
Иностранцы	292	—	—	399	—	—	—
Прочие	47	836	207	—	—	—	—
Не вошли в расчет	18 541	20 174	22 882	31 802	0,84	6,29	—
Всего	147 027	161 897	173 588	205 227	1,82336	—	—

Примечание. Данные округлены до тысяч, в результате возникают небольшие расхождения. Если в какой-либо переписи национальности объединены в одну графу, в материалах других делается такое же объединение. Поскольку в 1937 г. данные не были окончательно обработаны и согласованы, в них встречаются и явные нелепости. Мы позволили себе лишь одно фактическое исправление предполагаемой описки или опечатки. Численность ненцев в 1937 г. в справочниках указана 79 тыс. В 1926 и 1939 гг. эти цифры были 18,8 и 24,8 тыс., в 1959 г. — 23 тыс. [*Козлов*, с. 250]. Нами принята оценка 19 тыс. исходя из предположения, что кем-то была вместо первой единицы неверно написана семерка.

Источники: [*Перепись 1926*; *Лоример,* с. 51–62; *Перепись 1937*, 2007 с. 83–98; *Перепись 1939*, 1992, с. 56–57; *Перепись 1959*, с. 184–189].

В выборку попали коренные жители региона, русские, украинцы, белорусы, евреи, народы Поволжья, граждане европейских стран, малые народы Севера, Сибири и Дальнего Востока СССР. Последние были включены, поскольку у них отмечаются заметные ассимиляционные процессы с окружающим русским населением, а общая численность их невелика, так что достоверную основу большинства расчетной выборки они сильно изменить не могут. В целом народы, выбранные для расчета, составляют абсолютное большинство населения Украины, Белоруссии и РСФСР. Не входят в расчет коренные национальности Северного Кавказа, включая калмыков, коренные нации Закавказья, Средней Азии, Казахстана.

Преимуществом такой выборки является ее независимость от миграции. Все русские, украинцы и представители других национальностей, где бы ни жили, будут включены в расчет. Ассимиляционные процессы, интенсивно действующие внутри расчетной группы, невелики с нациями, не вошедшими в расчет[1]. Эти народы составляют подавляющее большинство жителей Европейской России, для которых Новосельским и Паевским были составлены таблицы смертности 1926–1927 гг., согласованные с проведенным этими же авторами сглаживанием повозрастной одногодичной численности мужчин и женщин в переписи 1926 г. Последняя учла почти 400 тыс. иностранных подданных, из них только четверть принадлежала к европейским народам и включена в расчетную группу.

Численность национальностей расчетной группы в 1926 г. составила 128 502 тыс. Это близко к официальным сведениям о численности жителей республик РСФСР, Украины, Молдавской АССР и БССР (127 281 тыс.) [*Козлов*, 1975, с. 108–111]. Народы, входящие и в республики, и в расчетную выборку, составляют около 96% от численности этих совокупностей. В выборке отсутствуют коренные национальности Северного Кавказа, а в республиках

[1] Судить об этом отчасти позволяет число лиц данной национальности, назвавших родным языком русский. Максимальное количество таких людей среди народов, не включенных в расчет, оказалось в 1926 г. среди армян – 2,2%, около 1% у осетин и грузин. Ассимиляция армян связана с тем, что значительное их число бежало из Турции и поселилось в больших русскоязычных городах. У остальных кавказских народов число лиц с родным языком русским составляет десятые, сотые, а то и тысячные доли процента. Например, среди 320 тыс. чеченцев 150 мужчин и 92 женщины назвали родным языком русский. В Средней Азии самая большая цифра у казахов — 3 тыс. из 4 млн, а у узбеков из тех же 4 млн всего 200 человек [*Перепись 1926*, т. 17].

не представлены примерно 4 млн выходцев из европейской части СССР, проживающих в Закавказье, Казахстане и Средней Азии. Только русских там было больше 2 млн. Высокая степень совпадения рассматриваемых совокупностей позволяет считать, что сведения, известные для республик, пригодны и для расчетной выборки. Доля расчетной группы в численности населения СССР составляет в 1926 г. 87,4%, в 1936 г. — 87,5%, а в 1939 г. — 88%.

Конечно, национальности, не вошедшие в расчет, также несли потери в годы коллективизации, и порой огромные потери (например, казахи). Но их мы рассмотрим отдельно.

Для расчетов передвижкой населения нужна численность по полу и возрасту. Можно использовать для этого данные переписи 1926 г., выровненные Новосельским и Паевским. Они особенно ценны тем, что с ними согласованы сведения таблицы смертности по европейской части СССР (составленные этими же авторами), на которые мы будем опираться в расчете.

В половозрастные данные вносятся коррекции, связанные с разницей между рассчитанной численностью населения и данными половозрастной группировки. В поколения мужчин в возрасте 0–2 года добавляются 410 тыс. (260 тыс. до года, 100 тыс. годовалые, 50 тыс. двухлетние). Количество женщин увеличивается на 390 тыс. (250, 95 и 45 тыс. соответственно). Численность взрослых мужчин увеличивается на 750 тыс. в поколениях 30–59 лет пропорционально их численности. У женщин суммарная численность 450 тыс. распределяется по поколениям таким же образом.

Отдельной проблемой является переход от полной выборки к расчетной. Можно из численности поколения в общесоюзной выборке отнять соответствующую численность поколений всех народов Средней Азии, Казахстана и Кавказа. Казалось бы, такая выборка хорошо соответствует расчетной совокупности народов. Однако, вычитая из данных переписи не слишком точные сведения о восточных народах, мы искажаем тем самым и расчетную выборку.

Представляется более надежным умножить каждую половозрастную группу переписи на постоянный коэффициент перехода к численности расчетной выборки, подсчитанный выше (0,874). В этом случае половозрастная структура населения остается такой же, как и для всего населения страны. Кроме того, как уже говорилось, повозрастная численность, рассчитанная Новосельским и Паевским, согласована с их таблицей смертности, и эту связь желательно не нарушать. Уменьшение всех половозрастных

групп на коэффициент 0,874 дает численность возрастной выборки 128 502 тыс. (62 090 тыс. мужчин и 66 411 тыс. женщин). Кроме того, в данные переписи 1926 г. внесены поправки на недоучет в размере 1968 тыс. человек, подсчитанных выше (1232 тыс. мужчин, из них 410 тыс. дети до двух лет, и 736 тыс. женщин, из них 390 тыс. дети в возрасте 0–2 года).

Перепись 1937 года

Перепись 1937 г. не была в свое время разработана и опубликована, сохранились лишь черновые материалы, не всегда согласованные друг с другом. В одной из таблиц сведения о национальном составе представлены в сокращенном виде для 34 народов в сопоставлении с соответствующими сведениями 1926 г. Численность населения указана для 1936 г. — 162 039 тыс., в том числе 5150 тыс. «прочие национальности и не распределенные по национальностям». Для 1926 г. в эту графу попали 3406 тыс. из 147 млн [*Перепись 1937*, 2007, с. 110–111]. В другой таблице в 1937 г. представлены 112 национальностей общей численностью 161 753 тыс. человек, в том числе в графе «Прочие» 2556 тыс. (табл. 3.2) [*Перепись 1937*, 2007, с. 86–110]. Разница между цифрами в графе «Прочие» в 1937 г. в этих таблицах составляет 2594 тыс. человек. Нетрудно установить, из каких народов она складывается. Это поляки, а также все другие европейские народы (греки, болгары, латыши и др.), жители соседних азиатских стран (китайцы, иранцы и т. д.), малые народы Северного Кавказа и Средней Азии (кумыки, карачаевцы, курды и пр.); наконец, иностранцы. Однако остается неясным вопрос, какие национальности представлены в графе «Прочие». Это не могут быть какие-то «пропущенные» нации, так как из табл. 3.2 видно, что в 1926 г. численность по списку национальностей лишь на 160 тыс. не совпадает с численностью населения страны. Следовательно, речь идет о народах, которые оказались в 1937 г. не полностью представленными в силу специфического метода учета (в каждой области, крае и республике выбиралось только 10 наиболее многочисленных национальностей). Понять, какие нации попали в эту группу, можно, сравнив данные переписей 1937 и 1939 гг. (табл. 3.2). Неоправданно высокий рост численности в промежутке между этими переписями объясняется неполным учетом в 1937 г. некоторых народов. Наиболее яркий пример — цыгане, 2 тыс. в 1937 г. и 61 тыс. в 1939 г. (табл. 3.2). Из рассмотрения можно исключить русских, хотя их численность к 1939 г.

сильно выросла. Во-первых, русские практически во всех регионах попадают в десятку самых многочисленных народов. Во-вторых, прирост русского населения преувеличен как из-за сильной русификации украинцев и других советских народов, так и из-за включения в число русских фиктивных лиц (прил. 8).

Для нас, однако, существен не сам национальный состав совокупности народов, отнесенных к «прочим», а определение в ней доли входящих в расчет. Для этого можно воспользоваться сведениями по республикам, краям и областям [*Перепись 1937*, 2007, с. 54–59, 77–110]. В РСФСР «прочие» составили 1698 тыс., в том числе в республиках Северного Кавказа 116 тыс. На Украине их было 127 тыс., в Белоруссии — 12 тыс. Всего в трех республиках (без Северного Кавказа) попадает в эту графу 1720 тыс. человек. Но поскольку 3% населения на этой территории относятся к народам, не включенным в расчет, их можно исключить из «прочих». В то же время в республиках Северного Кавказа и Казахстана выходцы из европейской части СССР составляют около 50%, а в Закавказье и Средней Азии — от 10 до 30%. В среднем четверть населения этих территорий не относится к коренному населению, и поэтому можно считать, что такую же долю эти люди составляют среди «прочих». В результате численность расчетной группы в 1937 г. увеличивается за счет этой графы на 2 млн и составляет 141 723 тыс. (0,875% всего населения).

Общая численность населения по переписи 1937 г., как было показано в главе «Переписи населения», составляет 162 839 тыс. человек (78 188 тыс. мужчин и 84 651 тыс. женщин). Повозрастная численность переписи 1937 г. известна для 160 121 тыс. (75 790 тыс. мужчин и 84 332 тыс. женщин). Судя по другим материалам переписи, в частности сведениям о численности полов по регионам, в половозрастных данных не учтена численность армии и НКВД (1947 тыс. мужчин и 8,8 тыс. женщин). В переписи 1937 г. заметно влияние ошибок в указании возраста как у мужчин, так и у женщин. Возраста, кратные 5 и 10, превышают соседние поколения в несколько раз. Было предпринято сглаживание данных исходя из двух принципов: с возрастом постепенно снижается численность поколений и растет превышение числа женщин над числом мужчин. При этом поколения младше 19 лет не подвергались сглаживанию, поскольку их численность в существенной мере определялась политическими и социальными событиями Первой мировой и Гражданской войн. Поколение мужчин 19–29 лет было увеличено в соответствии с данными о неполноте учета военнообязанных.

800 тыс. человек, на которые мы увеличили результаты переписи 1937 г. в связи с тем, что в ней отсутствовали контрольные бланки, распределены по полу в той же пропорции, в какой они представлены в переписи 1939 г. Все поколения увеличивались пропорционально их численности для достижения соответствия между половозрастной численностью и данными рассчитанных результатов переписи. При переходе к расчетной выборке в переписи использован для всех возрастных групп коэффициент 0,875, полученный по распределению национальностей в табл. 3.2.

Таблицы смертности

Как уже отмечалось, для расчета нормального уровня смертности населения в 1930-е годы идеально подходят таблицы, составленные Новосельским и Паевским для европейской части СССР. Население, охваченное таблицами почти полностью, совпадает с нашей расчетной выборкой, таблицы согласованы с половозрастным составом населения по переписи 1926 г., который используется в нашем расчете. Поправки к этим таблицам, предложенные Коулом и использованные Лоримером, недостаточно обоснованы (прил. 20). Кроме того, следует принять во внимание, что Лоример проводил расчеты для всего СССР, включая азиатские регионы с плохим учетом численности женщин и с повышенной смертностью.

В свое время Н. А. Новосельский писал, что Россия отличалась от европейских стран более высокой продолжительностью жизни в старших возрастах, то есть мы имеем дело не только с преуменьшением смертности женщин и мужчин, но и с некоторыми особенностями смертности российского населения, в частности с относительно низкой смертностью стариков, являющейся результатом высокой детской смертности при рождении и повышенной убылью всех возрастных групп в годы Гражданской войны (прил. 18). Традиционно более низкая смертность в старших возрастах у русского и украинского населения продолжала сохраняться в последующие годы вплоть до конца 1960-х годов. Это явление наблюдалось и в регионах с повышенной точностью учета, таких как Украина и Белоруссия, и в городах в довоенных и послевоенных переписях. Поскольку это явление сохранялось и в более точных переписях второй половины XX века, можно утверждать, что оно не сводится только к погрешностям данных.

Заметим, что авторы, занимавшиеся прогнозами численности населения (С. Новосельский и В. Паевский, М. Птуха, Б. Урланис

и др.), не вводили в свои расчеты поправок на неполноту таблиц смертности, предполагая, видимо, что их неточность сравнительно с другими погрешностями невелика. Важно также отметить сходство повозрастной смертности в 1926–1927 гг. и 1938–1939 гг. Таблицы 1938–1939 гг. охватывают всю территорию страны. Из факта, что практически для всех возрастных групп показатели 1938–1939 гг. меньше, чем в 1926–1927 гг., можно заключить, что произошло заметное снижение смертности, которое, по мнению исследователей, отчасти нивелируется улучшением учета [*Дмитриева, Андреев*, с. 38].

Наша расчетная выборка охватывает регионы с достаточно достоверной статистикой. Поэтому я считаю возможным пренебречь незначительными расхождениями коэффициентов смертности с таблицами Коула. В частности, не корректируются новорожденные, хотя сами авторы таблиц признавали их недоучет. Дело в том, что нам нужны не идеально точные показатели таблиц, а практические таблицы, пригодные для расчетов данного населения. Младенцы, умершие вскоре после рождения, действительно не попадали в учет смертности, но они также не фиксировались среди родившихся, поэтому их включение в таблицы приведет к искажению оценки убыли реального поколения годовалых. Исходя из этих соображений, мы не вносим поправок в коэффициенты смертности для мужчин моложе 60 лет и женщин моложе 55.

Поправки в таблицы вносятся лишь в старшие возраста, где уровень таблиц Новосельского Паевского представляется немного преуменьшенным. Для этого я воспользовался кривыми Коула — Демейни (прил. 20). Поскольку нет оснований утверждать, что смертность переписями учтена точно, из осторожности внесены коррективы в старшие возрастные группы, особенно сильно отклоняющиеся от теоретических кривых. Принимается коррекция смертности мужчин, постепенно возрастающая от 15% (60 лет) до 135% (80 лет). У женщин — 26% (с 55 до 75 лет), 44% (с 75 до 84 лет) и 129% (старше 85 лет).

Расчет заключается в последовательном умножении численности каждого поколения на соответствующий коэффициент, показывающий изменение численности при переходе из данной в следующую возрастную группу. Некоторая проблема возникает из-за разного понимания возраста при переписи и при составлении таблицы. В таблице самая младшая группа состоит из людей, проживших год. В переписи в первую графу попадают дети, которым еще не исполнился год (от месяца до двенадцати), поскольку

на момент переписи уже абсолютное большинство этого поколения прожило самый смертоносный первый месяц, а значительная часть вышла на стабильную прямую помесячной смертности, начинающуюся где-то в районе четвертого-пятого месяца жизни. К моменту переписи, в конце года, на долю детей, родившихся в этом году, остается 30% смертности, причитавшейся годовалым. Соответственно, поколение, родившееся в год окончания расчета (в нашем случае это 1936-й), к моменту переписи в начале следующего года пройдет почти 70% своего смертного пути.

Численность новорожденных

В главе «Рождаемость» была установлена численность родившихся в 1927–1936 гг. Она в основном соответствует сведениям ЦСУ 1964 г. При этом данные 1927–1931 гг. сглажены в пропорции к численности этих поколений в 1937 г. Оценка рождаемости 1933 г. увеличена до 5400 тыс., пропорционально данным о численности поколения в переписях 1937 и 1939 гг.

Для расчета необходимо получить рождаемость по годам в расчетной группе наций. В 1926 г. коэффициент рождаемости в европейской части СССР, то есть на территории, где проживала бóльшая часть населения, входящего в нашу расчетную выборку, составила 43,2 промилле [*Дмитриева, Андреев*, с. 38]. При численности группы в 128 502 тыс. рождаемость составит 5553 тыс. человек (86,2% новорожденных). Это значит, что у народов, не вошедших в расчет, родилось 887 тыс. человек — 13,8% от рождений, что близко к доле этих народов в населении страны.

Достоверных сведений о рождаемости в этой группе азиатских народов нет. Но в рассматриваемые годы рождаемость в Средней Азии, Казахстане и в значительной степени на Кавказе находилась на традиционном уровне. Вековые обычаи: диспропорция полов, ранние вступления женщин в брак, многоженство, выплата калыма, развод только по просьбе мужа — в течение столетий оставались неизменными. Ограничения рождаемости практически не существовало. Лишь продолжительный период кормления грудью (до двух-трех лет) увеличивал интервал между беременностями. По данным обследования Р. И. Сифман 1960 г., разрыв между рождениями в начале 1920-х годов в этой группе народов был 33–39 месяцев, то есть больше, чем у жителей европейской части страны. А интервал между появлением первого, второго, третьего ребенка оказывался даже бóльшим, чем между третьим, четвертым, пятым

младенцами (табл. 3.3) [*Сифман*, 1968, с. 103; 1974, с. 156–159]. Это свидетельствует о полном отсутствии регулирования рождаемости.

Таблица 3.3. **Динамика средних интервалов между рождениями по годам, когда произошло данное рождение, в месяцах**

Очередность рождения	1920–1924	1925–1929	1930–1934	1935–1939	1940–1944
			Весь массив		
0	45,6	43,3	36,8	35,5	43,2
1	33,0	34,7	37,7	38,9	46,6
2	33,3	35,6	40,5	41,4	49,9
3	32,0	37,0	38,8	38,1	47,9
4	31,1	32,8	39,6	38,7	44,5
			Город		
1	32,6	37,7	42,7	41,2	49,4
2	32,5	37,9	44,2	44,2	57,0
3	36,8	38,3	38,9	41,2	52,7
			Село		
1	33,0	34	36,2	37,9	45.0
2	33,4	35,3	39,9	40,4	47,1
3	31,2	36,8	38,8	37,4	46,3
4	31,4	32,7	38,9	38,2	44,65
			Село, 1-я группа		
1	34,4	39,2	42,3	42,0	47,4
2	33,8	42,3	47,0	47,1	47,0
3	32,7	42,9	45,1	42,2	44,3
4	31,8	36,2	45,5	42,9	47,3
			Село, 2-я группа		
1	31,5	31,2	33,8	36,4	46,5
2	30,5	32,6	37,9	38,5	49,2
3	29,4	33,6	38,7	37,6	48,9
4	30,0	31,3	38,8	37,7	44,3
			Село, 3-я группа		
1	35,6	33,8	32,6	34,4	39,2
2	39,4	34,3	36,4	35,2	44,1
3	33,5	38,5	34,4	33,0	44,1
4	34,1	33,0	35,0	35,7	42,9

Примечание. 0 — разница между датой брака и датой рождения ребенка; 1-я группа — Украина, Прибалтика; 2-я группа — РСФСР без автономных республик, Белоруссия, Грузия; 3-я группа — мусульманские регионы и Армения.
Источник: [*Сифман*, 1974, с. 107; 1968, с. 126].

Детородный период продолжался у мусульманских народов дольше, чем у европейских. Интервал между первым и последним рождениями составил у женщин 50–60 лет в селе РСФСР 16 лет, а в Средней Азии и на Кавказе — 17,3 года [*Сифман*, 1966, с. 176–210]. Устойчивыми были быт, мораль, социальные и экономические отношения. Стабильностью, хотя на более высоком уровне, отличались демографические процессы в Закавказье (прил. 11). Это позволяет предполагать, что рождаемость в рассматриваемый период в азиатских республиках была постоянной, меняясь только при изменении численности населения (табл. 3.3). Аналогичный расчет для 1936 г. дает 880 тыс. новорожденных. Очевидно, в 1927–1930 гг. рождаемость азиатских народов СССР медленно росла, достигнув уровня около 860 тыс., затем в 1931–1933 гг. сокращалась до 820–840 тыс. Это снижение вызвано огромными потерями кочевых народов (казахов и туркмен), а также прекращением продажи зерна местным земледельческим населением. После 1933 г. положение стабилизировалось, и рождаемость поднялась (табл. 3.4).

Таблица 3.4. **Рождаемость в 1927–1936 гг., тыс. человек**

Год	Рождаемость по ЦСУ 1964	Численность по переписи 1937	Рождаемость народов вне расчета	Рождаемость расчетной группы
1927	6 440	4 017	851	5 590
1928	6 860	4 457	870	5 990
1929	6 400	4 184	890	5 510
1930	6 329	4 245	900	5 429
1931	6 153	3 822	885	5 268
1932	5 842	3 281	865	4 977
1933	5 400	2 847	835	4 565
1934	4 229	3 084	840	3 389
1935	4 888	3 771	860	4 028
1936	5 350	4 813	885	4 465

Примечание. «Рождаемость по ЦСУ 1964» — [*АДХ*, 1993, с. 40; *Перепись 1937*, 2007, с. 77–85]. Данные сглажены в 1927–1930 гг. По 1933 г. см. наш расчет в главе «Рождаемость», данные ЦСУ — 4435 тыс.

Примерно такую же картину получаем в предположении, что рождаемость расчетной выборки для всех лет равняется 0,876 от численности соответствующих поколений в переписи населения.

Глава 20. РАЗМЕРЫ ПОТЕРЬ

Результаты расчета размеров потерь населения в годы коллективизации представлены в табл. 3.5 и 3.6, на рис. 3.1.

Таблица 3.5. **Расчет потерь мужчин в 1927–1936 гг., тыс. человек**

Год рождения	Возраст	1926	Расчет в 1937	Перепись 1937	Потери	% от численности поколения в 1926	Доля в общей сумме потерь
1927–1936	0–9	24 816	17 855	16 888	967	3,9	18,9
1917–1926	10–19	16 441	15 413	14 621	792	4,8	15,5
1907–1916	20–29	14 953	14 238	13 240	998	6,7	19,6
1897–1906	30–39	11 148	10 271	9 575	696	6,2	13,6
1887–1896	40–49	7 142	6 605	6 020	585	8,2	11,5
1877–1886	50–59	5 484	4 711	4 185	526	9,6	10,3
1867–1876	60–69	3 743	2 809	2 460	349	9,3	6,8
1857–1866	70–79	2 543	1 301	1 118	183	7,2	3,6
1847–1856	80–89	1 007	231	220	11	1,1	0,2
До 1847	90–99	271	13	78	−65	—	—
Итого	—	87 548	73 434	68 327	5 107	5,8	100,0

Примечание. Потери рассчитаны как разница между результатами передвижки поколений 1926 г. к началу 1937 г. Отрицательные значения в оценке потерь не учитываются. Небольшие расхождения возникают в результате округления до целого.

Источники: табл. 3.2; [*Перепись 1937*, 2007, с. 77–85].

Повышенная смертность составила 8833 тыс. (5107 тыс. мужчин и 3726 тыс. женщин). Раньше своего часа умерли почти 6% жителей страны, учтенных переписью 1926 г., и 3,8% детей, родившихся в 1927–1938 гг.

От общего числа умерших за это десятилетие (40,8 млн)[1] потери составляют 21,6%. Можно утверждать, что каждый пятый умер раньше предназначенного ему судьбой срока (эта сверхсмертность определялась социальной, экономической и политической ситу-

[1] Данные ЦСУ [*Архив ЦСУ*]. Численность умерших в 1927–1938 гг. — 46 593 тыс., в том числе в 1937–1938 гг. 6087 тыс.

ацией в рассматриваемый период). В эти потери включены убитые в ходе раскулачивания, погибшие при транспортировке на север и от невыносимо тяжелых условий существования в ссылке, в результате страшного голода 1932–1933 гг. и просто умершие от резкого снижения привычного уровня жизни (питания, медицины, жилищных условий и т. п.). Во всех случаях ответственность полностью ложится на организаторов грандиозных преобразований в стране: индустриализации и коллективизации.

Потери женщин во всех возрастных группах меньше потерь мужчин (табл. 3.5, 3.6). Сравнительно с другими возрастными группами потери детей (0–9 лет) невелики, но их доля в общей убыли составляет пятую часть всех потерь. Подростковая группа (10–19 лет) потеряла от 3,9% (женщины) до 4,8% (мужчины). На подростков приходится 17% от всех потерь. На поколение старше 60 падает 10% всей повышенной убыли.

Удивительным образом в старших возрастах относительный размер потерь снижается, а затем вообще становится отрицательным. Это очевидная погрешность методики расчета. Не приходится сомневаться, что выжить семидесятилетним было труднее, чем шестидесятилетним, а восьмидесятилетним еще тяжелее.

Таблица 3.6. **Расчет потерь женщин в 1927–1936 гг., тыс. человек**

Год рождения	Возраст	1926	Расчетв 1937	Перепись1937	Потери	% от численностипоколения в 1926	Доля в общей суммепотерь
1927–1936	0–9	23 742	17 754	16 856	898	3,8	24,1
1917–1926	10–19	17 020	15 254	14 595	659	3,9	17,7
1907–1916	20–29	14 814	14 811	14 230	581	3,9	15,6
1897–1906	30–39	12 391	11 271	10 834	437	3,5	11,7
1887–1896	40–49	8 163	7 435	6 979	456	5,6	12,2
1877–1886	50–59	6 402	5 340	4 981	359	5,6	9,6
1867–1876	60–69	4 600	3 712	3 455	257	5,6	6,9
1857–1866	70–79	3 156	1 849	1 747	102	3,2	2,7
1847–1856	80–89	368	383	406	−23	−6,3	—
До 1847	90–99	538	23	196	−173	−32,2	—
Итого	—	90 288	77 809	74 083	3 726	4,1	100,5

Примечание. Пояснения к таблице см. в примеч. к табл. 3.5.

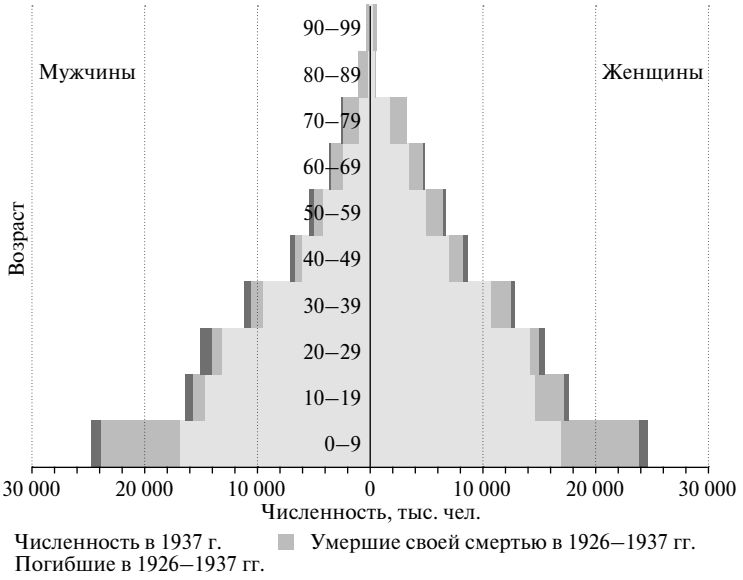

Рис. 3.1. Потери населения СССР в 1926–1937 гг.

Потери в результате депортации кулаков

Ссылка кулаков в северные и северо-восточные районы страны была одним из важных этапов коллективизации. С ее помощью устраняли из деревни уважаемых людей, потенциальных противников действий властей, экономических конкурентов. Колхозы получали землю, скот, дома и орудия труда высылаемых и, по мысли организаторов, должны были заменить кулаков в качестве производителей высокотоварной сельскохозяйственной продукции. Предполагалось также, что кулаки на новых местах будут способствовать экономическому развитию пустующих территорий. Но всем этим утопическим надеждам не суждено было сбыться. Основным результатом стало разрушение сельскохозяйственного производства на родине и огромные потери населения в новых местах проживания.

В российских архивах сохранилось немало сведений о жизни высланных кулаков, и, рассматривая изменение их численности, можно узнать, сколько преждевременных смертей стало результатом депортации. Эти сведения по отдельным регионам и по всей стране представлены главным образом отчетами ОГПУ. Однако

данные эти не полны, поскольку на первом этапе, по крайней мере до середины 1931 г., кампания проводилась силами местных активистов, партийных и советских работников, комсомольцами и деревенской беднотой. Как правило, эти люди руководствовались личными карьеристскими амбициями, сводили старые счеты, решали местные проблемы. Предписания центра и требования руководителей с мест вселения отправлять только трудоспособных, снабжать высылаемых необходимыми орудиями труда, запасом продовольствия не меньше чем на три месяца, лошадьми, хотя бы по одной на каждые пять-десять семей, — все эти благие пожелания повсеместно игнорировались.

На местах вселения власти были также абсолютно не готовы к приему огромных масс нового населения, они просили не спешить, дать время построить жилье, запасти продовольствие, организовать медицинскую помощь и службы контроля. В ряде регионов власти отказывались принять предписанное число спецпереселенцев, но процесс, подобно снежной лавине, тронулся, и остановить его не могли даже распоряжения центра. Результаты движения спецпереселенцев в первой половине 1930-х годов показаны в табл. 3.7. Учет кулаков на местах нового проживания был организован не сразу. Их численность в отчетах ОГПУ указывается лишь с 1 января 1932 г., когда спецпереселенцы были полностью переданы в ведение этой организации. За первые два года суммарные цифры не слишком надежны. Всего, по данным солидной, напечатанной в типографии особым отделом ОГПУ брошюры, число депортированных в 1930 г. составляло 113 тыс. семей (550,6 тыс. человек). Для 100 тыс. семей (510 тыс. человек) известны данные по полу и возрасту: 163 тыс. мужчин, 148 тыс. женщин и 194 тыс. детей (ЦГАОР, ф. 9414, оп. 1, д. 1943, л. 101–105). В справке особого отдела в сентябре 1931 г. цифры немного больше — 115 тыс. семей, 559,5 тыс. человек [*Советская деревня*, т. 3, кн. 1, с. 771–773]. Обращает на себя внимание, что различия между источниками в числе семей и численности депортированных непропорциональны. Очевидно, в 1931 г. при составлении документа было включено большое количество одиночек; скорее всего, это были главы семей, арестованные в процессе раскулачивания и отправленные в ГУЛАГ. Но, учитывая недовольство руководителей в местах вселения прибытием семей без трудоспособных работников, последним разрешили присоединиться к их семьям.

Численность высланных к осени 1931 г. была 381 тыс. семей, 1994 тыс. человек (табл. 3.7). Эти цифры с незначительными

отклонениями принимает сегодня большинство исследователей (РГАЭ, ф. 374, оп. 28, д. 4055, л. 46–47; [*Население*, 2000, с. 277]). Однако в предисловии к многотомному собранию документов, приводя эти данные, Виктор Петрович Данилов замечает, что «Отдел центральной регистратуры ОГПУ», осуществлявший общий учет результатов деятельности этого учреждения, в справке

Таблица 3.7. **Оценка численности спецпереселенцев в 1930–1936 гг., тыс. человек**

	1930	1931	1932	1933	1934	1935	1936
Численность на 01.01	[125]	600	1317	1142	1073	974	1017
Прибыло в ссылку	[750]	[1244]	71	268	24	67	17
Родилось	(20)	(50)	18 (40)	17 (38)	14 (34)	26 (40)	—
Возвратилось из бегов	[21]	[28]	38	54	45	33	23
Другие причины прибытия	—	—	74	59	171	120	98
Бежало	[80]	[86]	207 (115)	216 (160)	88 (106)	43	26
Умерло	(15)	(45)	90 (26)	152 (23)	40 (21)	22 (20)	20 (19)
Освобождено	(40)	(15)	—	—	15	6	6
Передано на иждивение	(50)	(70)	—	—	10	9	8
Другие причины убытия	—	—	80	120	201	122	205
Потери	131	389	177	185	20	17	15
Наличие на 31.12	600	1317	1142	1073	974	1017	917

Примечание. Для определения численности выселенных использованы все сведения по межобластному переселению и данные о внутриобластном переселении (3-я категория) по регионам массового вселения кулаков (Урал, Сибирь, Казахстан). Цифры в круглых скобках — расчет и оценки. Цифры в квадратных скобках рассчитаны по данным ОГПУ. В графу «Прочие причины прибытия» включены спецпереселенцы, выпущенные из тюрьмы, и лица, прибывшие из других хозяйственных организаций. В графу «Другие причины убытия» включены осужденные, неправильно высланные, вышедшие замуж не за спецпереселенцев, освобожденные на учебу, и лица, выбывшие в другие организации. В графе «Умерло» в круглых скобках нами указана цифра, подсчитанная по средним значениям коэффициента смертности сельского населения по стране. Она отражает нормальный для данной численности населения уровень смертности.

Источники: [*Советская деревня*, т. 3, кн. 1, с. 595–599, 612, 661–671, 739, 771–773; кн. 2, с. 563–564; *Трагедия*, т. 2, с. 447, 708, 745–746; *Земсков*, с. 20–21]; РГАЭ, ф. 374, оп. 289, д. 4055, л. 27–47; ЦГАОР, ф. 9414, оп. 1, д. 1943, л. 1–154 (Отчет ОГПУ).

о выселении кулаков с начала 1930 по сентябрь 1931 г. определял общую численность спецпереселенцев в 517 665 семей с населением 2 437 062 человека ([*Трагедия*, т. 5, кн. 1, с. 8]; ссылка на ЦА ФСБ, ф. 2, оп. 9, д. 79, л. 2–3). К сожалению, этот документ не опубликован, и трудно понять степень его достоверности. Представляется, что истина находится где-то между этими оценками.

К такому выводу я пришел 25 лет назад, когда по материалам, публиковавшимся в советской печати, подсчитал, что в 1930–1931 гг. «число высланных в отдаленные районы составило по всей стране около 460 тыс. семей (2–2,5 млн человек)» [*Максудов*, 1989а, с. 49]. Сегодня число высланных оценивается в 2119 тыс. (табл. 3.7). Из них в 1930 г. прибыло в ссылку 150 тыс. семей, 750 тыс. человек (РГАЭ, ф. 374, оп. 1, д. 1943, л. 75). В расчет включена также численность высланных в Северный край в 1929 г. Ивницкий оценивает ее следующим образом: из числа спецпереселенцев в феврале 1931 г., равного, по данным областного архива, 70 тыс. семей, вычитается число прибывших в 1930 г. 45 тыс. семей. Разницу — 25 тыс. семей, примерно 125 тыс. человек (РГАЭ, ф. 374, оп. 1, д. 1943, л. 75) — составляют прибывшие в 1929 г.

Данные о рождаемости и смертности не подсчитывались непосредственно органами ОГПУ-НКВД, а учитывались местной статистикой. Учетные столы ЗАГСов находились, как правило, в районных центрах, на большом расстоянии от мест проживания сосланных, и те во многих случаях игнорировали обязанность уведомлять статистиков о прибавлении или убытии в мир иной членов семьи, поэтому представленные в таблице цифры далеки от реальности.

Тем не менее величину рождаемости можно довольно точно восстановить. Зачатие детей у спецпереселенцев, прибывших в 1930 и даже 1931 гг., происходило в большинстве случаев еще до высылки. Но и на новых местах обитания, поскольку никаких средств контрацепции у ссыльных не было, а численность мужчин даже несколько превышала численность женщин, плодовитость и, соответственно, рождаемость у высланных должны были не слишком отличаться от средних значений по стране в соответствующие годы. Число рожденных на тысячу жителей у них должно было быть даже несколько больше, чем у оставшихся на родине, так как среди депортированных было больше молодых женщин (часть стариков и маленьких детей были оставлены у родственников, а некоторые из них умерли по дороге или вскоре после прибытия). Исходя из этих соображений и была рассчитана рождаемость у сосланных. Она составила в 1932–1936 гг. 194 тыс., а не 103 тыс. человек, как

свидетельствует официальная статистика. Это расхождение объясняется высокой детской смертностью, многие родившиеся в ссылке младенцы умирали не зарегистрированными в ЗАГСах.

В графе «Умерло» в табл. 3.7 в круглых скобках указана цифра, подсчитанная по средним значениям коэффициента смертности сельского населения страны в 1926–1928 гг. Она отражает нормальный уровень смертности, в то время как официальные цифры, указанные в таблице, включают и естественную смертность, и повышенную убыль сосланных.

В первые годы бегство из мест высылки было частым явлением. Во время возвращения детей из Северного края домой возникла волна бегства их родителей, достигшая 39,7 тыс. человек (17%). В других регионах беглецов было меньше. ОГПУ энергично боролось с этим явлением, отправляя беглецов в лагеря, организуя сеть осведомителей, обещая награду местным жителям за выдачу бежавших, усиливая охрану, требуя от милиции отлавливать на родине незаконно возвратившихся.

По обобщенным сведениям ОГПУ, датируемым 1934 г., в 1930–1933 гг. бежало 592 тыс., а поймано было 148 тыс. человек [*Советская деревня*, т. 3, кн. 2, с. 563–564]. В том числе в 1932 и 1933 гг. бежало 207 тыс. и 216 тыс., а было возвращено из бегов 38 и 54 тыс. человек [*Земсков*, с. 20–21][1]. В 1930 г. бежала 71 тыс. и поймано 33 тыс. (без Восточной Сибири и Ленинградской области). Из Восточной Сибири бежало 7837 человек [*Советская деревня*, т. 3, кн. 1, с. 612, 739]. Следовательно, всего в 1930 г. бежало около 80 тыс. человек, из которых около 21 тыс. было возвращено в ссылку (часть ссыльных были осуждены или находились под следствием). Доля возвращаемых на прежнее место ссылки из числа пойманных принимается для 1930 и 1931 гг. по данным Северного края. Разница суммарных сведений и данных для 1930, 1932–1933 гг. показывает, что в 1931 г. бежало 86 тыс. и 28 тыс. были возвращены. Процент пойманных беглецов составлял в 1930 г. 35%. В 1934 г. он оказался равным 50%, а в последующий период продолжал увеличиваться.

С этой точки зрения малодостоверной представляется пропорция пойманных в 1932 и 1933 гг. (18% и 25%). По-видимому, в эти годы (а отчасти и в предыдущий период) мы имеем дело с дефектом статистики ОГПУ. Известные сегодня обобщенные сведения

[1] Для 1932 и 1933 гг. мы не делаем поправки на пойманных и вернувшихся, поскольку незнакомы с документом, из которого были взяты автором эти данные. Размер потерь в силу этого несколько преуменьшен.

ОГПУ о беглецах неполны и противоречивы. Рассмотрим эту проблему на примере Западной Сибири [*Спецпереселенцы*]. В октябре 1930 г. местное ОГПУ сообщает о 22 тыс. бежавших и 11 тыс. пойманных из 54 тыс. высланных. В другом документе говорится, что из 28,4 тыс. сосланных (примерно половина депортированных кулаков второй категории в Западной Сибири) осенью 1931 г. в бегах числилось 23,4 тыс. В справке за 1930 г. указаны 35,8 тыс. сосланных и 21 тыс. бежавших. В августе 1931 г. говорится, что при численности 215 тыс. бежало 27 392 человек и столько же числится в бегах. В 1933 г. из 289 тыс. бежало 54 тыс., задержано 12 тыс. (26%). В обобщенной статистике за 1930–1933 гг. указано бежавших 133,7 тыс., а задержанных всего 33,4 тыс. Из этих сведений следует, что в 1930 г. бежало 59%, из них поймано 59%, в 1931 г. бежало 3%, пойманных не было, в 1933 г. бежало 19%, поймано 22% (12 тыс.). Остается на 1932 г. бежавших 58 тыс., но пойманных нет, даже не хватает 6 тыс. человек. При этом статистика за 1930–1933 гг. и данные за 1933 г. подписаны одним и тем же оперуполномоченным секретно-политического отдела Виньке. Столь же противоречивы первичные данные, приводимые для небольших районов. Комиссия, обследовавшая Кулайскую комендатуру Нарымского края Западной Сибири (1930–1931) в 1930 г., утверждает, что «к лету из нее сбежало 6622 из 8891 человек». В других документах ОГПУ сообщается, что в Кулайской комендатуре 15 июня числилось 11 053 человека. Совершенно очевидно, что перед нами бюрократическая отчетность, где одна рука не всегда ведает, что пишет другая.

Несомненно, к побегам были более склонны вновь прибывшие, а не уже обосновавшиеся жители. Это отмечает и С. Красильников. Также очевидно, что переход спецпереселенцев под контроль ОГПУ в конце 1931 г. привел к более эффективному противодействию побегам. Число беглецов в 1932 и в последующие годы должно было уменьшаться по сравнению с 1930 и 1931 гг., однако этого не произошло — вероятно, потому, что в сведения о численности бежавших включена часть фактической убыли населения. Уполномоченные ОГПУ получали от сельской администрации сведения о рождаемости и смертности, которые не объясняли реальную нехватку числа поднадзорных. Чтобы устранить погрешность, они, скорее всего, включали в своих отчетах «неувязку» в графу «Побеги» или в «Убытие в другие организации». Совершенно не обязательно за этим стоял чей-то злой умысел. Так, в Кулайской комендатуре наблюдение за 11 тыс. спецпереселенцев, расселенных во многих десятках поселков на территории в сотни квадратных

километров, осуществляли 16 человек. Они не могли слишком часто наведываться в каждый поселок и не вели учета рождаемости и смертности, поэтому исчезновение всех или части жителей воспринимали как бегство[1].

Скорее всего, доля пойманных в 1930–1934 гг. постепенно увеличивалась. Мы видим, что в 1934–1936 гг. так и происходило. Принимаем из осторожности пропорцию бежавших на уровне 1930 г. и получаем для 1932 и 1933 гг. несколько меньшую численность беглецов, чем в официальной статистике (табл. 3.7).

Число освобожденных как ошибочно раскулаченных известно лишь для первой половины 1930 г. по Северному краю, где оказалась в то время бóльшая часть сосланных. Выяснилось, что идеологические принципы, положенные в основу раскулачивания и высылки, были едва ли не в большинстве случаев нарушены. Прибывшие на север не были кулаками даже в самом примитивном понимании этого слова. Следует заметить, что сам факт полной конфискации имущества и депортации на север людей неосужденных, законопослушных, не обвиненных в каких-либо преступлениях, являлся чудовищным нарушением законов страны и принятых во всем мире правил существования. Но этот вопрос советскими властями вообще не обсуждался.

С официальной точки зрения («ликвидация кулачества как класса»), депортации подлежали собственно кулаки — люди, использовавшие наемный труд, арендовавшие землю, имевшие дорогие технические средства производства, получавшие большие доходы и платившие большие налоги.

Работа комиссии замминистра НКВД Толмачева показала, что больше половины высланных не были такими кулаками. При этом многие были «приговорены» не просто к высылке, а к смерти, поскольку смертность спецпереселенцев в пять раз превысила нормальный уровень, а детская смертность была такова, что грозила полным исчезновением детей младших возрастов[2]. Среди

---

[1] Особую и также очень беспокоившую власти проблему составляли кулаки, бежавшие до раскулачивания и депортации. Их были сотни тысяч, а потом и миллионы. Они не нарушили советских законов, как обычные свободные граждане уехали из дома в поисках другой работы и более счастливой жизни. При этом местные и центральные власти чувствовали себя обманутыми. Они называли таких людей беглецами, пытались так или иначе задержать их и непонятно на каком основании наказать.

[2] О высокой детской смертности постоянно сигнализируют медицинские работники всех регионов. Например, Томский окрздрав 14 апреля 1930 г. сообщает о 38 смертельных случаях, из них 36 детей, главным образом грудного возраста, и двое

депортированных в Северный край в феврале — марте 1930 г. оказалось большое количество бедняков, середняков, людей, освобожденных от уплаты налогов из-за невысоких доходов. Толмачев писал, что эти данные относятся к раскулаченным по второй категории, картина несколько хуже «для третьей категории, где операция была более массовой и контроль значительно слабее» [*Ивницкий*, 1972, с. 298–299]. Всего из 46 тыс. сосланных в Северный край подали просьбы о пересмотре 35 тыс., у остальных, видимо, не было на руках нужных документов. Комиссия рассмотрела 23 360 заявлений, из них неправильно высланными под давлением партийного руководства были признаны только 10%, а сомнительными — 12,3%. Эти сведения явно преуменьшены, причем в докладе в Москву первый секретарь Северного крайкома Бергавинов еще уменьшил результаты: ошибочно высланных было заявлено 6%, а сомнительных — 8%. Однако Политбюро отказалось исправить ошибку и вернуть неправильно высланных домой. Разрешили вернуться лишь участникам Гражданской войны, имеющим революционные заслуги, красным партизанам и семьям красноармейцев, всего отпущено домой было 1390 человек. Еще 28,6 тыс. крестьян были освобождены при условии, что они останутся жить в Северном крае. Также разрешили отпустить к родственникам 35 400 детей.

Суммарных данных об освобождении в 1930 и 1931 гг. в других регионах не имеется, хотя в документах упоминаются отдельные случаи такого рода (оставлены дома дети младше 10 лет, старики старше 65, отправлены на родину не имеющие теплой зимней одежды и т. п.). Неслучайно в конце 1931 г. появляется распоряжение

взрослых 65 и 40 лет. Распределительная база ОГПУ: в 1600 семьях на 1 мая умерло 200 детей. Фельдшер Кулайской комендатуры пишет: «Идет полнейшее вымирание детей... грудные дети, некоторые не сосут грудь матери или нет молока в груди, ребенок только остается исключительно на одной воде. Сильно свирепствуют желудочно-кишечные заболевания среди детей на почве голода матери. Матери, роженицы и кормящие грудью детей переносят мучительные страдания, после родов питаются пареной неразмолотой рожью, после чего получаются заболевания пищеварительных органов и женские болезни, ребенка кормят суррогатами, каковые парит и дает, а в грудях молоко отсутствует» [*Спецпереселенцы*, с. 255–259]. Из письма замнаркома внутренних дел РСФСР В. Н. Толмачева от 16 апреля 1930 г.: «По Архангельску за март и 10 дней апреля из 8 тыс. детей заболело 6007, умерло 587, по Северо-Двинскому округу всего умерло 784, из них детей 634, по Вологодскому округу с 29 марта по 15 апреля болело 4850 детей, из них умерло 677, в том числе за 12–13 апреля — 162 человека... Смертность среди детей к общему числу детей 7–8%» [*Советская деревня*, т. 3, кн. 1, с. 301–306; *Спецпереселенцы*, с. 252–257].

не выпускать из ссылки ни стариков, ни детей. С. Красильников [с. 155], ориентируясь на сведения отдельных комендатур, считает, что по Нарымскому краю Западной Сибири было отпущено около 3 тыс. человек, 5% высланных в 1930 г. Вероятно, немассовая и не фиксируемая статистикой тенденция избавляться в ссылке от немощного и болезненного населения продолжалась в 1930 и 1931 гг. Можно предположить, что в 1930 г. число освобожденных было на 30% больше, чем зафиксировано статистикой ОГПУ, а в 1931 г. — немногим меньше предыдущего года. Эти гипотетические оценки, скорее всего, несколько преувеличены. Таким образом, потери спецпереселенцев составили, по нашим расчетам, 934 тыс. человек, в том числе в 1930–1931 гг. 520 тыс.

Непосредственно жертвами репрессий стали несколько десятков тысяч человек. А. Андреев в письме Сталину 22 декабря 1929 г. сообщает, что за несколько последних месяцев отдано под суд в Северокавказском крае 20 тыс. человек и расстреляно около шестисот. За девять месяцев 1931 г., по сведениям ОГПУ, произошло 1837 массовых выступлений с сотнями, а то и тысячами участников в каждом (в 1930 г. было 13 264 выступления). Таким образом, в них участвовали миллионы крестьян. Только в марте 1930 г. больше миллиона. Сотни выступлений носили вооруженный, повстанческий характер, и для их подавления привлекались войска ОГПУ и даже армейские части [*Советская деревня*, т. 3, кн. 1, с. 43, 781–84; *Трагедия*, т. 2, с. 171–213, 702–737, 801–810; *Ивницкий*, 2009, с. 32; *Спецпереселенцы*, с. 159–165]. Численность погибших в столкновениях с обеих сторон достигает, по-видимому, нескольких десятков тысяч человек. Число приговоренных ОГПУ к высшей мере наказания (расстрелу) составило в 1929 г. 2099 человек, в 1930 г. — 20 201, в 1931 г. — 9876 [*Мозохин*, с. 14]. Не забудем также убитых при сопротивлении раскулачиванию и депортации.

Меньшие, но тоже достаточно ощутимые потери несли сторонники коллективизации. По сведениям ОГПУ, в 1931 г. кулаками было убито 815 сельских активистов. Весьма ориентировочно потери обеих сторон убитыми в ходе коллективизации в 1929–31 гг. можно оценить в 100 тыс. человек[1].

---

[1] Многие исследователи используют для оценки потерь депортации обобщенные отчетные документы ОГПУ. Эти материалы составлялись для советских руководителей, их полнота и достоверность вызывают сомнения. Они не сфальсифицированы, но первичная информация собиралась многочисленными и недостаточно квалифицированными сотрудниками, которые просто не могли наладить

Непосредственные потери ссылки в 1930–1937 гг. составляют 934 тыс., вместе с потерями высланных до начала коллективизации — 960 тыс. человек. Повышенные потери депортированных условно можно разделить на две категории: 1) непосредственные потери, гибель людей в результате действий властей; 2) косвенные потери, связанные с ухудшением условий жизни. К первой группе относятся потери в ходе депортации и в течение первого года после переселения. Сюда относятся потери 1930 и 1931 гг., а также примерно четверть потерь 1932 и 1933 гг. Сюда же входят все погибшие в результате репрессий и подавления бунтов. Суммарная оценка составит 725 тыс., и примерно 325 тыс. приходятся на повышенную убыль в результате ухудшения условий жизни. Однако, если верна численность сосланных в 1930–1931 гг., приведенная В. П. Даниловым со ссылкой на отдел центральной регистратуры ОГПУ, потери возрастут еще на 100–150 тыс. человек.

Потери населения Украины

Число работ, в которых рассматриваются потери Украины в ходе коллективизации, выросло в постсоветские годы с нескольких десятков до нескольких тысяч Среди ранних работ следует, конечно, назвать книгу Роберта Конквеста «Жатва скорби» (1986 г., на ней мы остановимся позже), сборник статей «Голод в Украине» под редакцией Романа Сербина и Богдана Кравченко (1986 г.) и статью Владимира Маленковича «Голод 1933 года на Украине», которая вышла в издаваемом им журнале «Форум» в 1983 г.

Оценка потерь населения СССР, и в частности Украины, стала главным моим занятием в начале 1980-х годов. Подсчет собственно потерь УССР затруднен массовой организованной и стихийной миграцией в годы коллективизации и стремительной русификацией лиц, проживавших вне Украины, но назвавших себя

учет. Оценка демографических результатов коллективизации затруднена и тем, что мероприятия проводились не только силами государства, но и партийными и комсомольскими работниками, группами деревенской бедноты, то есть людьми, не обязанными вести статистический учет. Кроме того, в отличие от периода репрессий, когда на документах стоял гриф «Хранить вечно», материалы периода коллективизации очень скоро начали уничтожать. Так, в Краснянском районе Западной области комиссией райкома партии и ОГПУ 24 февраля 1932 г. были уничтожены: список кулаков, 5 листов (видимо, 150–250 семей); список выселенных семей, 15 листов, в три раза более длинный, чем список кулаков всех категорий; список уполномоченных, проводивших раскулачивание, 3 листа, и ряд других документов [*Максудов*, 1991, с. 245–250].

при переписи 1926 г. украинцами. Однако не приходится сомневаться в том, что потери населения Украины были огромны. Голод 1932–1934 гг. был оружием в руках власти в борьбе с жителями села за право контроля над распределением урожая, в этой борьбе погибли миллионы, и бóльшая часть этих потерь приходится на долю Украины.

Как и для всего населения страны, для расчета потерь Украины используются результаты переписей населения 1926, 1937 и 1939 гг., а также сведения о рождаемости и миграции. Поскольку переписи 1937 и 1939 гг. подсчитывались более точно, перепись 1926 г. нуждается в некоторых коррективах. Поправки, как и для всего населения СССР, вводятся из-за недоучета численности детей, из-за отсутствия контрольных мероприятий и из-за погрешности в методике проведения переписи (табл. 3.8, рис. 3.2).

Таблица 3.8. **Численность населения областей Украины с учетом поправок на недоучет детей и отсутствие контрольных мероприятий, тыс. человек**

Область	Численность 1926	Дети	Контрольные мероприятия	Рассчитанная численность
Винницкая	2 503	14	11	2 528
Ворошиловградская	1 342	7	15	1 364
Днепропетровская	3 046	17	21	3 084
Житомирская	1 746	10	8	1 764
Каменец-Подольская	1 781	10	9	1 800
Киевская	3 893	21	23	3 937
Молдавская АССР	568	3	3	574
Николаевская	1 805	10	10	1 825
Одесская	1 877	10	12	1 899
Полтавская	2 796	15	13	2 824
Сталинская	1 622	9	15	1 646
Харьковская	3 162	17	21	3 200
Черниговская	2 784	15	16	2 815
УССР	28 926	159	178	29 263

Источники: [*Корчак-Чепурковский*, 1970, с. 302]; «Численность 1926» — РГАЭ, ф. 1562, оп. 329, ед. хр. 281, л. 119; «Контрольные мероприятия» — по данным переписи 1939 г.; РГАЭ, ф. 1562, оп. 336, ед. хр. 95, л. 32–35, рассчитано пропорционально численности населения в 1926 г.

Для переписи 1937 г. существует несколько оценок численности населения. В таблице распределения по территориям оно

равно 28 млн, а в сведениях о численности народов, проживающих на Украине, — 28 398 тыс. человек [*Перепись 1937*, 2007, с. 32, 106]. В конце февраля 1939 г. начальник УНХУ УССР Рябичко сообщал начальнику бюро переписи Госплана Бозину: «Сравнивая данные [переписи 1939 г.] с дефектными данными переписи 1937 г. (28 386 тыс.) и естественным приростом за 1937–38 гг. (1478 тыс. человек), то получается численность населения на 300–350 тыс. меньше, чем по переписи 1937 г. Исходя из дефектности результата переписи 1937 г., мы считаем, что разрыв будет 700–800 тыс. человек» [*Перепись 1939*, 1990, вып. 15, с. 2908–2910, 223–265].

Эта разница, по мнению Рябичко, объяснялась исключительно выездом из республики:

1) выселение «целых населенных пунктов и отдельных групп хозяйств из пограничных районов»;
2) переселение «из бывших местечек в Биробиджан»;

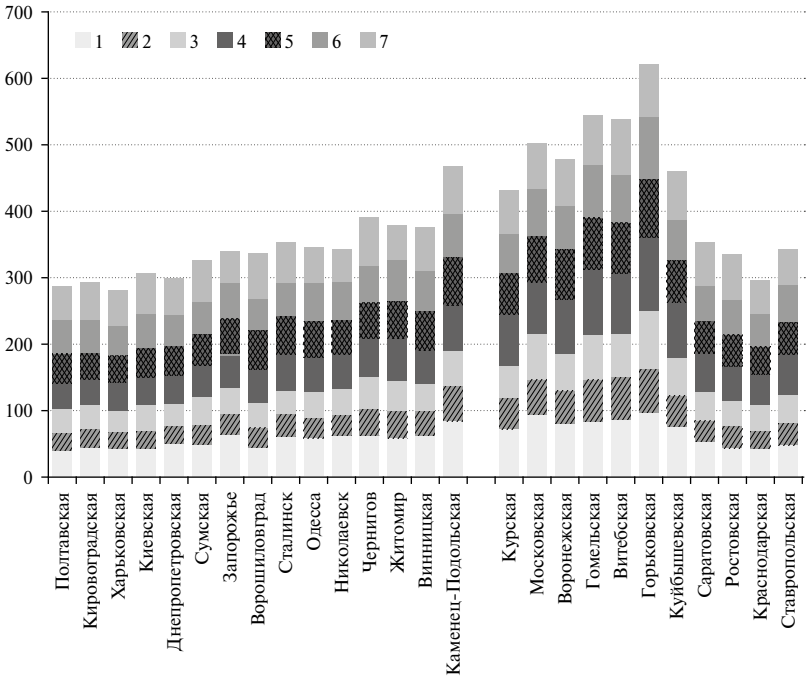

Рис. 3.2. Коэффициенты относительного размера потерь от голода 1932–1934 гг. в некоторых областях и городах Украины, Белоруссии и РСФСР по переписи 1939 г. *Источник:* табл. 2 в прил. 22.

3) «выезд девушек на Дальний Восток по призыву тов. В. Хетагуровой»;
4) выезд «молодежи на учебу»;
5) «выселение репрессированных и их семей за пределы УССР»;
6) «уменьшение прилива рабочих в Донбасс»;
7) «организованный набор рабочих за пределы УССР»;
8) «выезд за пределы УССР на принудительные работы»;
9) «увеличение контингентов по трем наркоматам по сравнению с прошлыми годами, на полгода призывного контингента».

Заинтересованность автора документа в объяснении убыли населения исключительно миграцией понятна, он не мог себе позволить упомянуть о потерях населения от репрессий. Справедливо отмечая причины отъезда, он ни слова не говорит о встречной миграции, которая в этот период, по-видимому, не уступала, а то и превышала выезд из республики. Главными причинами переселения на Украину были поиск работы в крупных промышленных центрах (Донбасс, Харьков, Днепропетровск, Запорожье, Кривой Рог и др.) и возвратная миграция беженцев с Украины в предыдущие годы. Украинские специалисты тех лет утверждали: «По данным учета механического движения, никакого отлива из УССР не было, был, напротив, прилив населения в пределы УССР. За 1934 и 1935 гг. отлив за пределы УССР с учетом прибытия в пределы УССР был около 100 тыс.»[1]. В 1939 г. механический прирост населения Украины также составил 93,7 тыс. человек[2].

При постоянном уровне смертности процент выживших к переписи 1939 г. должен уменьшаться с возрастом. Однако в табл. 3.9 эта закономерность нарушается. Так, в 1928 и 1930 гг. цифры относительно велики, а в 1929-м заметно меньше. В данном случае в эти довольно спокойные годы причина не в повышенной убыли населения. Очевидно, при переписи 1939 г. при указании возраста происходило округление к цифре 10 лет (рожденные в 1928 г.).

Как правило, современные авторы вносят коррективы в данные о рождаемости 1932–1934 гг. При этом Рудницкий с соавторами

---

[1] Конъюнктурный обзор движения населения в 1930-е годы (ЦГАНХ, ф. 1362, оп. 329, л. 187).

[2] [*Архив ЦСУ*], расчеты численности населения между 1929 и 1939 гг.

Таблица 3.9. **Численность родившихся на Украине в 1927–1936 гг. и численность этих поколений в переписи 1939 г.**

Возраст в 1939	Год	Рождаемость, тыс. чел.	Численность в 1939, тыс. чел.	Выжившие, %
11	1927	1184	505	42,7
10	1928	1139	531	46,6
9	1929	1081	416	38,5
8	1930	1023	500	48,9
7	1931	975	393	40,3
6	1932	782	268	34,3
5	1933	471	206	43,7
4	1934	572	344	60,1
3	1935	759	406	53,5
2	1936	895	520	58,1

Источники: РГАЭ, ф. 1562, оп. 329, ед. хр. 256, л. 32–35, 50–57; [*Перепись 1939*; *Демоскоп*].

считают неполными сведения за все годы (табл. 3.10). Возможно, это и верно, но, как и в случае расчетов для СССР, следует принять во внимание, что таблицы смертности, составленные в свое время на Украине, не учитывали этой погрешности.

Таблица 3.10. **Оценки рождаемости на Украине в 1927–1936 гг., сделанные разными авторами, тыс. человек**

Год	ЦСУ 1964	Валлин и др.	Рудницкий и др.	Максудов
1927	1184	1184	1222	1184
1928	1139	1139	1171	1139
1929	1081	1081	1111	1081
1930	1023	1023	1048	1023
1931	975	975	995	975
1932	782	782	871	820
1933	471	564	642	620
1934	572	552	597	603
1935	759	759	769	759
1936	895	895	906	895
Всего	8881	8954	9332	9099

Источники: «ЦСУ 1964» — [*Максудов*, 1991, с. 8]; «Валлин и др.» — [*Валлин; Рудницкий и др.*].

Из табл. 3.11 видно, что ожидавшийся прирост населения составлял 2784 тыс., а из сведéния переписей 1926 и 1937 гг. следует, что произошла убыль 733 тыс. человек.

Таблица 3.11. **Движение населения Украины в 1927–1936 гг., тыс. человек**

Год	Численность населения на 01.01	Рождаемость	Смертность	Прирост
1927	29 263	1184	523	661
1028	—	1139	496	643
1929	—	1081	539	542
1930	—	1023	538	485
1931	—	975	515	460
1932	—	820	668	152
1933	—	620	1850	−1230
1934	—	603	483	120
1935	—	759	342	417
1936	—	895	361	534
1937	28 530	—	—	—
Итого	—	9099	6315	2784

Примечание. Численность 1927 и 1937 гг. рассчитана по переписям населения с коррекцией на неполноту учета, численность 1928–1935 гг. — по приросту рождаемости и смертности.

Источники: РГАЭ, ф. 1562, оп. 329, ед. хр. 256, л. 50–57 (с коррекцией рождаемости в 1932–1934 гг.); табл. 3.10.

Кроме того, очевидно, что повышенная убыль населения, не учтенная в демографической статистике, составляет в 1933 г. около 900 тыс. человек, в 1932 г. — 150 тыс. и в 1930, 1931, 1934 гг. — по 50 тыс. в год. 800 тыс. человек составила эмиграция жителей Украины. Из этой цифры около 200 тыс. составляют потери в ссылке и от повышенной убыли эмигрантов вне республики (прил. 24). Итого повышенная убыль жителей Украины в годы коллективизации — **3917 тыс.** человек. Из них 1,9 млн являются прямыми жертвами коллективизации (убитые в ходе коллективизации, погибшие при депортации или на новых местах обитания, умершие от голода и сопровождавших его болезней в 1932–1934 гг.). Примерно 2017 тыс. приходится на повышенную убыль населения в результате ухудшения условий существования в рассматриваемый период.

Рассчитанные оценки потерь не сильно отличаются от моих предыдущих расчетов и от результатов других политически

не ангажированных исследователей[1]. Поскольку в последнее время на Украине вводится в компьютеры первичная информация ЗАГСов о рождаемости по всем областям и районам республики, информация о потерях получит более надежную основу.

Потери казахов

Казахи в дореволюционной России были крупнейшим народом, относимым к так называемым восточным инородцам. Примерно ту же численность в Средней Азии имели узбеки, но большинство их проживало на территории Бухарского и Хивинского государств, официально не входивших в Российскую империю. При этом больше половины из них не подозревали, что они являются узбеками, и называли себя сартами и разными другими именами. Учет численности населения в азиатских районах страны был плохим, а кочевых казахов — особенно плохим (прил. 11).

Кочевой быт казахского населения вступал в противоречие с русской аграрной колонизацией, развернувшейся в XX веке. К 1917 г. было изъято для колонистов 4–5 млн десятин, примерно 20% земельного фонда, что привело к резкому ограничению сезонных пастбищ, перекрытию скотопрогонных дорог, подступов к водопоям и т.д. [*Дахшлейгер*, с. 53]. Недовольство местных жителей попыткой царской администрации привлечь казахов к обязательной трудовой повинности вылилось в 1916 г. в прямое восстание. Оно было жестоко подавлено, и значительные группы кочевников, опасаясь репрессий, бежали в Китай, Персию, Монголию [*Восстание*, с. 687–744]. Карательные отряды преследовали беглецов и там, загоняя в непроходимые ущелья, расстреливая всех подряд без различия возраста и пола. Бедствия откочевывавшего населения были столь велики, что отмечают случаи, когда матери оставляли на дороге грудных детей или продавали их в рабство [*Турсунов*, с. 321].

Всего в китайской провинции Синьцзян скопилось в конце 1916 г. около 50 тыс. семей, 300 тыс. человек [*Кулишер*, с. 32; *Сулейменов, Басин*, с. 93]. Бóльшая часть бежавших принадлежала к Пишпекскому и Пржевальскому уездам Семиреченской области. По одним данным, перепись 1917 г. недосчитала в области 13 тыс. хозяйств [*Бюллетень ЦСУ*, с. 6], по другим — убыль составила

---

[1] [*Валлин*, с. 36] — 2,6 млн; [*Рудницкий и др.*] — 4214 тыс.; [*Уиткрофт,* 2001a, с. 885] — 3–3,5 млн; [*Максудов*, 1991, с. 9–10] — 4–4,5 млн; [*Пирожков*, с. 35] — 5764 тыс.; [*Максудов*, 2008, с. 94] — 3934 тыс.

42 тыс. семей только в этих двух уездах [*Турсунов*, с. 321]. Губернатор Туркестанского края А. Куропаткин и его подчиненный полковник Колосов говорят о находящихся в Китае 32 киргизских волостях, приблизительно оценивая волость в 3 тыс. мужчин, то есть всего до 200 тыс. человек [*Восстание*, с. 687, 693]. Весьма вероятно, что бóльшая часть бежавших вскоре вернулась, особенно после Февральской революции и во время Гражданской войны. Кулишер [с. 77] считает, что беглецы вернулись после того, как потеряли в Китае свой скот. Перепись 1953 г. зафиксировала в Синьцзяне 71 тыс. кочевников. Большинство из них были, вероятно, коренными жителями, а часть, возможно, беглецами 1916 и 1930–1933 гг. [*Народы Восточной Азии*, с. 630].

Гражданская война принесла страшные бедствия и коренному и пришлому населению региона. Во многих местах столкновения приобретали национальный, антирусский, антиказацкий характер. Только Оренбургская область, входившая в то время в состав Казахстана, потеряла около 10% населения. Главным образом это были казаки, отступившие с Колчаком и ушедшие отдельными отрядами на юг и восток [*Кулишер*, с. 42]. Массы русских и украинских переселенцев устремились из восточных районов на родину, и некоторые из них оказались даже зарегистрированы в документах Лиги Наций на польской границе [*Кулишер*, с. 77]. Этот исход русского населения демограф Лубны-Герцык [1926, с. 122] назвал более ужасной катастрофой, чем эпидемии и голод Средних веков.

Советские правительства Туркестана и Киргизии хотя и состояли в значительной степени из русских, начинают энергично проводить политику изгнания и притеснения европейских переселенцев. Только за 6 месяцев в 1921 г. было выселено 30 тыс. семей [*Кулишер*, с. 77]. Были ликвидированы сотни сел и хуторов, в частности поселки, образовавшиеся после подавления восстания 1916 г., что косвенно указывает на возвращение прежних владельцев земли [*Дахшлейгер*, с. 91]. Правительство закрывает степи для колонизации и даже пытается преследовать самовольных переселенцев. Доказывая необходимость такой меры, секретарь Коммунистической партии Казахстана Голощекин приводит такой аргумент: «Товарищи, для вашей безопасности потребуется ввести 200 тыс. русских красноармейцев. Если вы хотите их прибытия, вы сами должны будете оплачивать их переезд и пребывание здесь» [*Кулишер*, с. 87].

Все эти перемещения населения подрывали экономику края, которая возвращалась на дореволюционный уровень медленнее, чем в других районах страны (табл. 3.12).

Таблица 3.12. **Темпы восстановления дореволюционного уровня сельского хозяйства, % от 1913 г.**

Территория	С.-хоз. площадь	Под зерно	Крупный рогатый скот	Овцы
Украина	106,6	110,8	117,4	179,6
Узбекистан	65,2	63,3	56,1	59,2
Туркмения	80,2	79,8	57,8	30,5
Казахстан	66,8	64,3	86,8	50,3
Киргизия	56,3	51,1	71,6	71,3
Туркмения	80,2	79,8	57,8	30,5
Казахстан	66,8	64,3	86,8	50,3

Примечание. Таджикистан входил в это время в Узбекистан в качестве автономной республики, а Каракалпакия — в Казахстан.
Источник: [*Яковецкий*, с. 100–101].

При этом численность населения, сокращавшаяся до 1923 г., начинает расти, и в 1926 г. уже заметно превышает дореволюционный уровень[1]. Этот рост был обеспечен за счет увеличения численности сельских жителей, и, очевидно, в первую очередь казахов, поскольку деколонизация приводила к вытеснению русских и украинцев.

Перепись населения 1926 г. впервые достаточно полно оценила численность и национальный и возрастной состав кочевого населения Казахстана. Собственно казахов оказалось в стране 3968 тыс.[2]

Наступление на село, начавшееся в 1928 г., вскоре распространилось и на Казахстан. Повышенные заготовки и репрессии против баев и кулаков вели к распродаже скота и падению поголовья. В октябре-ноябре 1929 г. мясозаготовки превысили соответствующий уровень 1928 г. в два-три раза, при этом часть скота была угнана за границу. Так, в Петропавловском округе количество скота уменьшилось за девять месяцев в два раза [*Ивницкий*, 1972, с. 122–123]. С началом массовой коллективизации в 1930 г. положение ухудшилось. Все кочевое население было решено сделать оседлым, организовать в сельскохозяйственные артели. В августе 1931 г. Казрайком

[1] В 1913 г. население Казахстана составило 5597 тыс. (без Каракалпакии), в конце 1922 г. — 5367 тыс., а в 1926 г. — 6025 тыс. [*НХ*, 1977, с. 42; 1972, с. 10; *Население*, 1975, с. 24].

[2] По переписи 1897 г. киргиз-кайсацкий язык назвали родным 4084,1 тыс. человек. Отсутствие прироста связано с потерями во время восстания 1916 г. и в годы Гражданской войны [*Перепись 1937*, 2007, с. 110–111; *Козлов*, с. 34–35].

ВКП(б) выпустил директиву о форсировании коллективизации кочевых и полукочевых хозяйств [*Кийкбаев*, с. 171].

В ноябре 1932 г. второй секретарь Казахского крайкома ВКП(б) М. И. Кахиани написал Сталину, что считает «нецелесообразным и неправильным распространение методов и репрессивных мероприятий, аналогичных принятым по директиве ЦК ВКП(б) Севкавкрайкомом по районам Кубани, на некоторые казахские колхозы и некоторые казахские районы с полукочевым населением» [*Голод в СССР*, т. 2, с. 218–219][1]. Он сообщает, что на черную доску занесены 19 районов и колхозы в 16 других районах. Практически всегда, когда речь шла о репрессиях против сельского населения и местных руководителей, Сталин одобрял самые жесткие меры. Он тут же решительно реагирует: «Оценка т. Кахиани при других условиях была бы правильна, а при данных условиях совершенно неправильна. Т. Кахиани совершенно не учитывает, что за последние пятидневки хлебозаготовки в Казахстане падают скачками и ведут к практическому прекращению заготовок, и это несмотря на то, что план заготовок максимально сокращен, а долг по плану заготовок превышает десять миллионов пудов. При таких условиях задача состоит в том, чтобы ударить в первую очередь по коммунистам в районах и ниже районов, находящихся целиком в плену мелкобуржуазной стихии и скатившихся на рельсы кулацкого саботажа хлебозаготовок. Понятно, что при этих условиях СНК и крайком не могли поступить иначе, как перейти на рельсы репрессий, хотя, конечно, дело репрессиями не может ограничиться, так как необходима параллельно широкая и систематическая разъяснительная работа. *Сталин* 21.XI.32» [*Голод в СССР*, 2009, с. 197–199][2].

Цифры, приводимые советскими историками, не всегда согласуются между собой. Так, Н. Кийкбаев [с. 175] пишет, что намечалось перевести на оседлость 544 тыс. хозяйств, а фактически за 1930–1932 гг. на нее перешли 242,6 тыс. «С помощью советского государства, великого русского и других народов подавляющее

---

[1] Репрессивные мероприятия на Кубани, о которых пишет Кахиани, были предложены Кагановичем и включали как занесение на черную доску станиц и районов, так и депортацию на север целых станиц.

[2] Испугавшись негативной реакции Москвы, секретарь Казкрайкома Голощекин написал, что Кахиани преувеличил число районов, занесенных на черную доску, что запрет индивидуального пользования скотом в оседло-земледельческих районах, занесенных на черную доску, мера правильная. Но публикация в печати этого факта и пункта о возможности выселения на север решением крайкома признана ошибкой.

большинство кочевого и полукочевого казахского населения перешло к оседлому образу жизни...» [*Кийкбаев*, с. 176].

Академическое издание «Истории Казахской ССР» [с. 432] также склоняется к тому, что к концу 1932 г. перешли к оседлости 243 тыс. хозяйств, для которых в пунктах оседания соорудили 24 106 домов. Однако И. Зеленин [с. 23] считает, что намечалось сделать оседлыми 400 тыс., 242,6 тыс. были охвачены подготовительными мероприятиями, а фактически осело и было устроено 70,5 тыс. Таким образом, девять десятых семей продолжали жить в юртах, и их оседание заключалось в том, что юрты запрещено было переставлять[1].

Все эти энергичные «подготовительные» мероприятия привели к тому, что население попыталось покинуть традиционные места жительства и уйти подальше. Ему старались помешать. По степи разъезжали конные армейские патрули, отлавливая беглецов.

Но значительная часть кочевников, бросив родные места, старалась сохранить привычный образ жизни. Речь шла и о спасении самой жизни. Это желание вызывало у советских ученых решительное осуждение.

«Подстрекаемое байскими элементами крестьянство стало покидать обжитые места и переселяться в другие районы Казахстана, в соседние области и даже за рубеж. Только в Киргизию из Казахстана откочевало 12 тыс. хозяйств» [*Зеленин*].

«Одним из отрицательных явлений, имевших место в ауле в 1931–1932 гг., была откочевка значительной части казахских крестьян в другие районы республики, а также за ее пределы. Так, к концу 1932 г. откочевало около 16% всех крестьянских хозяйств Казахстана, а по отношению к казахским хозяйствам — около 28%. В отдельных же районах республики, как Энбекшильдерский, Есильский, Тайпакский, Жамбейтинский, Чуйский, Кзыл-Кумский, Сары-Суйский и Келесский, число откочевавших семей доходило до 40–50%.

Известно, однако, что в соседних республиках к 1939 г. было 771 тыс. казахов, на 517 тыс. больше, чем в 1926 г.» [*Козлов*, с. 289].

При этом около 100 тыс. оказались в РСФСР при перемене границ. Следовательно, можно говорить об исчезновении примерно 417 тыс. человек. Историк Кийкбаев [с. 176] считает, что

---

[1] После объявления независимости историография коллективизации в Казахстане развернулась на 180 градусов. Исследователи проклинают все действия тогдашних властей и московского центра и демонстрируют чудовищные и практически всегда фантастические размеры понесенных населением потерь. Историография этих работ дана в статье Д. А. Аманжоловой [с. 509–546].

все бежавшие благополучно вернулись, и рассказывает нам об их расселении и трудоустройстве в 1933–1935 гг. По его данным, из 544 тыс. казахских хозяйств 400 тыс. объединились в колхозы, 40 тыс. человек устроились на работу в совхозы и другие хозяйственные предприятия, более 100 тыс. хозяйств перешло на работу в промышленность и на транспорт.

По-видимому, эта отрадная картина содержит в себе некоторое преувеличение, но значительное число вернувшихся в Казахстан кочевников весьма вероятно. Сколько погибло людей в результате «допущенных перегибов», советские историки не сообщают, но они пишут, как отразились проведенные мероприятия на поголовье скота. В июле 1933 г. по сравнению с июлем 1929 г. в Казахстане осталось 11,4% лошадей, 10,6% овец, 7,7% верблюдов, 23% крупного рогатого скота [*Кийкбаев*, с. 171]. Если принять во внимание, что 25% казахов были оседлыми и что в республике, кроме того, проживало почти 2 млн русских и украинцев, владевших значительной частью крупного рогатого скота, то приходится прийти к выводу, что у кочевников не осталось практически ничего.

Вслед за гибелью животных пришел страшный, никогда прежде не достигавший таких размеров голод. Его демографические результаты зафиксировала перепись 1939 г. За 12 лет численность казахов не только не увеличилась, но упала на 887 тыс. человек [*Козлов*, 1975, с. 249]. Правда, и в советское время в этом нередко усматривали положительные стороны. Цитировавшийся выше казахский ученый Г. Дахшлейгер [с. 30–32] комментировал исчезновение казахов следующим образом: «Как показывает анализ материалов переписи 1939 г., абсолютная численность (как и удельный вес) казахского населения... в сельской местности уменьшилась... Проблема скрытого массового относительного аграрного перенаселения в ауле была снята».

Более того, автор считал, что в судьбе казахского народа есть некоторая закономерность, вообще присущая социалистическому обществу: «Его (казахского народа. — *С. М.*) опыт имеет не только научно-познавательное, но и практическое значение, он содержит общие черты построения общества, не знающего эксплуатации человека человеком, перехода в кратчайшие сроки от отсталости к прогрессу, от докапиталистических отношений к социализму» [*Дахшлейгер*, с. 31].

Попытаемся, однако, оценить, во что обошлось разрешение проблемы «аграрного перенаселения» и перехода от отсталости к прогрессу для казахского народа. Для этого можно воспользоваться

материалами о соседях казахов, узбеках, переход которых к социализму был не столь демографически ощутим (табл. 3.13).

Таблица 3.13. **Численность титульных наций и сельского населения республик Средней Азии и Казахстана по переписям, тыс. человек**

Республика	Титульные нации		Сельское население			
	1897	1926	1897	1913	1920	1926
Узбекистан	2135*	3904	3205	3274	3663	3609
Таджикистан	350	979	741	939	866	926
Туркменистан	281	763	671	925	750	861
Киргизия	202	763	600	758	767	880
Казахстан	4084	3968	4030	5056	5020	5506

* Переписью 1897 г. учтено 1,8 млн узбеков и сартов, 440 тыс. человек, говорящих на тюркских наречиях, без распределения. Кроме того, 1,7 млн проживали на территории Бухарского эмирата и Хивинского ханства.

Примечание. Как правило, абсолютное большинство сельского населения принадлежало к титульной нации республики, но в Казахстане и Киргизии рост численности населения к 1926 г. связан и с российскими колонистами (33% населения в Казахстане, 12% в Киргизии), и с присоединением Бухары и Хивы, а также с неполнотой учета в 1897 г.

Источники: [*Козлов*, 1975, с. 108–112, 249–250; *Население,* 1975, с. 9–13; *Перепись 1937*, 2007, с. 110–111].

При переписи 1897 г. по-киргизкайсацки говорили 4084 тыс. человек, а по-узбекски — 726,5 тыс. Но если добавить носителей сартского языка (968,7 тыс.) и 440 тыс. говоривших на различных тюркских наречиях, слившихся впоследствии с узбеками, и, кроме того, учесть 1700 тыс. узбеков и других тюркских народов Бухарского эмирата и Хивинского ханства, то численность будущих узбеков приближалась к численности казахов или по крайней мере сильно от них не отличалась. Перепись 1926 г. показала, что численность казахов и узбеков практически одинакова (табл. 3.13). Очень близкой (особенно принимая во внимание невысокую точность отдельных данных) оказалась и возрастная структура этих народов (табл. 3.14). Анализ данных позволяет не только понять демографические события предшествовавших переписи лет, но и сделать некоторые предположения о том, как должна была дальше меняться численность этих народов в нормальных условиях.

Интенсивность рождений у казахов была немного выше, а выживаемость малолетних детей примерно одинакова. На тысячу казахских женщин 20–49 лет приходится 1248 детей 0–9 лет, а на

тысячу узбекских — 1132. Прежде всего, в табл. 3.14 обращает на себя внимание несколько бóльшая численность детей и подростков вплоть до 20 лет у казахов по сравнению с узбеками. В Казахстане детей 0–14 лет 692 тыс., а в Узбекистане — 589 тыс. Таким образом, достаточно очевидна более высокая плодовитость женщин в Казахстане в течение нескольких десятилетий, предшествовавших переписи 1926 г. При этом смертность детей у кочевых казахов не была существенно выше, чем у оседлого узбекского населения. В возрастах 20–50 лет у большинства поколений численность узбеков выше численности казахов. Вероятно, тяжесть военных действий (восстание 1916 г., гражданская война) более заметно отразилась на кочевниках, чем на оседлом населении. Это, однако, не единственная причина различий. Обращает на себя внимание тот факт, что расхождение в численности поколений у женщин сильнее, чем у мужчин. Важную роль играют, вероятно, социальные традиции и характер проведения переписи у кочевников, рассеянных на огромных пространствах. Зимой, при отсутствии дорог, провести личный опрос каждой семьи было делом намного более трудным, чем переписать оседлое, скученное население. Так что, скорее всего, неполнота учета среди казахов была более высокой, чем у узбеков.

Поскольку бытовые традиции населения в 1930-е годы не слишком отличались от предшествующего периода, можно предполагать, что рождаемость и у казахов, и у узбеков должна сохранять те же пропорции. Число женщин в плодовитом возрасте среди казашек должно было увеличиться значительнее, чем среди узбечек, в результате вступления в него в 1926 г. поколений 10–14 лет, более многочисленных у кочевников (табл. 3.14).

Таблица 3.14. **Повозрастная численность казахов и узбеков, тыс. человек**

Возраст	Казахи		Узбеки		Разница	
	М	Ж	М	Ж	М	Ж
0–4	314	305	273	262	41,0	43
5–9	200	187	213	195	−1,3	−8
10–14	224	175	198	152	26,0	23
15–19	189	161	194	149	−5,0	12
20–24	139	157	164	178	−25,0	−21
25–29	187	181	194	195	−7,0	−14
30–34	156	153	161	158	−5,0	−5
35–39	161	131	152	173	9,0	−42
40–44	124	112	123	105	1,0	7
45–49	104	72	111	74	−7,0	−2

Продолжение табл. 3.14

Возраст	Казахи		Узбеки		Разница	
	М	Ж	М	Ж	М	Ж
50–54	85	66	94	76	−9,0	−10
55–59	68	60	65	44	3,0	16
60–64	57	53	60	60	−3,0	−7
65–69	34	29	28	22	6,0	7
70–74	25	32	31	22	−6,0	10
75–79	11	11	8	8	3,0	3
80+	11	11	7	10	4,0	1
Всего	2091	1830	2070	1835	21,0	−5

Примечание. Без указания возраста казахи (100 тыс.) и узбеки (6 тыс.) распределены пропорционально численности поколений.
Источник: [*Перепись 1926*, т. 17. с. 86–87].

Поэтому в 1927–1932 гг. казахских детей было рождено, вероятно, больше, чем узбекских, на 5–10%. В нормальных условиях это положение должно было бы сохраниться и в последующие годы. Пропорции между отдельными поколениями мужчин и женщин и повозрастная смертность, обеспечивающая переход от одного поколения к другому, были у этих народов близки (табл. 3.15).

Таблица 3.15. **Численность казахов и узбеков в 1959 г., тыс. человек**

Возраст	Год рожд.	Узбеки		Казахи		Разница		Потери
		М	Ж	М	Ж	М	Ж	М и Ж
0–9	1949–1958	997,2	963,0	568,6	551,8	428,6	411,2	—
10–19	1939–1948	513,6	453,6	319,5	295,4	194,1	158,2	—
20–24	1934–1938	231,2	247,1	147,3	147,3	16,78	19,96	36,74
25–29	1929–1933	240,8	250,5	104,1	95,3	136,7	155,2	291,90
30–34	1924–1928	217,3	199,4	112,2	114,8	105,1	84,6	189,70
35–39	1919–1923	108,1	142,5	60,7	84,0	47,4	58,5	105,90
40–44	1914–1918	73,3	101,4	53,5	71,3	19,8	30,1	49,90
45–49	1909–1913	90,0	103,1	55,0	78,3	35,0	24,8	59,80
50–54	1904–1908	95,2	102,7	60,7	71,8	34,5	30,9	65,40
55–59	1899–1903	101,3	151,0	53,8	100,2	47,5	50,8	98,30
60–69	1889–1898	167,3	208,8	100,0	130,8	67,3	78,0	145,30
70–79	1879–1888	101,1	113,7	72,8	80,0	28,3	33,7	62,00
Не указан	—	39,0	3,0	58,0	35,0	—	—	—
Всего	—	2 975,4	3 039,8	1 766,2	1 856	538,38	566,56	1 104,94

Примечание. В потери включаются все возрастные группы старше 1934 года рождения.
Источник: [*Перепись 1959*, с. 214–215].

К сожалению, надежных сведений об уровне смертности в 1920–30-е годы не существует, приходится ориентироваться на косвенные оценки. В 1939 г. численность казахов составила 3101 тыс., а в 1959 г. казахов в возрасте старше 20 лет было 1886 тыс. Убыль за 20 лет составила 39,2%. Смертность узбеков за тот же период была немного меньше — 36,4% [*Козлов*, с. 285; *Перепись 1959*, с. 214–215]. Разница эта невелика, и, скорее всего, причиной ее явились не традиционные условия казахского быта, а трудности после коллективизационного периода и более высокие потери казахов на войне. Соотношение между численностью мужчин и женщин в 1959 г. у казахов были заметно хуже, чем у узбеков. Например, в поколении 45–49 лет у узбеков на тысячу женщин приходится 873 мужчины, а у казахов — 700 [*Перепись 1959*, с. 214–215].

Есть основания считать, что естественная смертность в 1920–30-е годы у казахов и узбеков была примерно одинаковой. Более высокая рождаемость казахов должна была перекрыть небольшое расхождение в уровнях смертности. И можно было ожидать, что соотношение численности народов сохранится в ближайшие годы. Однако в 1937 г. оказалось, что казахов на 1744 тыс. меньше, чем узбеков. Не приходится говорить о сокращении рождаемости, так как никаких средств контрацепции среди этих народов практически не применялось. Следовательно, причиной столь огромного расхождения является повышенная убыль казахов.

Перепись 1959 г. позволяет оценить пропорции потерь казахов в отдельных возрастных группах (табл. 3.15). В возрасте старше 24 лет, то есть у возрастных групп, переживших великий голод и другие события коллективизации, узбеков оказалось на 1,1 млн больше, чем казахов.

Совершенно очевидно, что эта разница является следствием коллективизации (табл. 3.14 и 3.15), однако ее нельзя считать полной оценкой потерь. В рассматриваемый период происходила естественная убыль населения, которая была оценена выше для 1939–1958 гг. в 36,4%. Это значит, что величина потерь была выше на эту величину, то есть составила 1507 тыс.

Этот результат требует еще одной поправки. Дело в том, что период 1927–1938 гг. был временем консолидации крупных народов страны, чему способствовала общая политика так называемой коренизации. Она требовала знания языка основной национальности, замещения ряда должностей в центральном и местном аппаратах управления лицами коренной национальности или по крайней мере владеющих ее языком.

Например, в Казахстане в 1927 г. был составлен список подлежащих коренизации 11 874 должностей [*Козлов*, с. 34, 249–250; *ЭСБЕ*, т. 28]. 150 тыс. человек срочно учились казахскому языку на курсах при учреждениях и т. д.[1] Процедура коренизации не обходилась без чисто формального подхода, но, так или иначе, принадлежность к главной коренной народности республики давала определенные преимущества, что, несомненно, ускоряло ассимиляцию. Казахский язык был менее распространен по сравнению с узбекским. В Казахстане лишь 19 тыс. человек не казахской национальности назвали в 1939 г. его родным, число таких узбеков было 143 тыс.

Ассимиляционные процессы проходили в Узбекистане намного интенсивнее, чем в Казахстане. Так, в 1897 г. по-узбекски говорили 726,5 тыс. человек, а в 1926 г. — почти 4 млн. Кроме того, в переписи 1937 г. в списке национальностей было только 70 народов. Это привело к автоматическому включению ряда небольших наций в крупные. Например, к узбекам были присоединены курама, имевшие в 1926 г. численность 50 тыс., из них 42 тыс. с родным узбекским; кипчаки — 33 тыс., все с собственным родным языком; тюрки — 500 человек. Учитывая естественный прирост около 20%, численность этой группы в 1939 г. составила более 100 тыс. человек. Но что случилось с 22 тыс. тюрок, из которых 9 тыс. называли в 1926 г. родным языком узбекский? Куда делись 20 тыс. арабов Узбекистана (из них только 3767 с родным арабским языком в 1939 г.)? Исчезли и другие малочисленные народы, проживавшие на территории Узбекистана. Они не вошли в список 70 официально признанных наций, а графы «Прочие» в перечне национальных языков в 1939 г. нет. Суммарная численность названных народов составляет по СССР 170 557 тыс., то есть национальность и родной язык получили даже 1630 тыс. фиктивных лиц, реально не учтенных переписью, а прибавленных исходя из предположения недоучета в 1% (прил. 8). Очевидно, небольшие народы, лишенные возможности назвать свою национальную принадлежность, причисляли себя к коренной нации, среди которой проживали. Ограничимся только названными выше курама, кипчаками, арабами и тюрками, которые в 1939 г. составляли примерно 150 тыс.

---

[1] Так, распоряжения и приказы одно время писались на русском языке, переводились на арабский, с арабского на казахский и печатались принятым тогда для казахского языка латинским шрифтом. Подробнее см.: [*Максудов*, 1989б, с. 247–272].

человек. С учетом этого факта расхождение в численности узбеков и казахов, относимое к потерям населения, уменьшается до 1357 тыс. человек.

По оценке Кулишера, принятой многими исследователями, примерно 200 тыс. казахов бежали в годы коллективизации в Синьцзян. Эта оценка опирается на численность казахов в Китае по переписи 1953 г. Цифра находит некоторое подтверждение в появившихся недавно сведениях о послевоенной репатриации в Казахстан из Китая. Всего в 1950–1960 гг. в Казахстан из Китая добровольно-принудительно вернулись 21 877 семей, 130 636 человек. 80% из них составляли казахи, которые «в силу известных событий 1916 г., гражданской войны и политики коллективизации покинули Казахстан» [*Жангуттин*, с. 370–371]. Существуют, правда, огромные цифры эмигрировавших, приведенные известным советским ученым Курманом в докладной записке «О естественном движении населения в период между двумя переписями 17.12.1926 и 6.1.1937». Пытаясь как-то объяснить «недобор» населения переписью 1937 г., он оценил откочевку в Казахстан в 1,3 млн человек [*Перепись 1937*, 2007, с. 285–288]. Еще более высокие и малодостоверные цифры приводят современные казахские ученые. Комиссия при Президиуме ВС Республики Казахстан говорит о гибели 2580 тыс. казахов и эмиграции в другие страны 800 тыс. [*Жангуттин*, с. 360–371]. Серьезно обсуждать эти цифры не приходится, поскольку они противоречат известным данным переписей и здравому смыслу. Они из того же абсурдного политически ангажированного ряда, что и прославление результатов коллективизации, приведших к построению в казахской степи социализма.

Таким образом, в результате политики оседания и организации колхозов произошло массовое бегство казахского населения, падеж скота и чудовищный голод. Потери казахов, рассчитанные сопоставлением с узбекским населением, составляют **1157 тыс.** человек, и около 200 тыс. эмигрировали в Синьцзян. После прихода в Китае к власти коммунистического режима из Китая вернулись на родину 105 тыс. казахов.

Подводя итоги

В результате расчетов мы получили оценку повышенной убыли населения в **10 млн** человек, 8% от численности расчетной выборки. Это огромная цифра, сопоставимая с потерями Гражданской войны. Близкие значения уже назывались в литературе мной

и другими авторами, но представляется, что этот расчет является методически более точным и тем самым повышается надежность сделанной оценки. Не исключено, что мы несколько занизили размер потерь. Важно подчеркнуть, что собственно потери, связанные с процессом коллективизации, составляют меньше половины полученной цифры (**1,9 млн** — Украина, **около 1 млн** — казахи, **около 1,2 млн** — непосредственные потери от голода жителей станиц Северного Кавказа, Крыма, Поволжья, Центрально-Черноземной области и некоторых районов и сел Урала, Дальнего Востока и других регионов, **700 тыс.** — потери в ходе раскулачивания и в результате депортации). Оставшиеся **5,2 млн** — это повышенная смертность населения всей страны, вызванная ухудшением питания и условий жизни.

Рассмотрим возможные погрешности полученной оценки потерь.

1. Выше отмечалось, что уровень смертности для десятилетия 1927–1936 гг., принятый в качестве нормы по таблицам Новосельского и Паевского для европейской части СССР, несколько завышает естественную убыль населения, поскольку не учитывает заметного улучшения медицинского обслуживания. Это видно при сопоставлении таблиц смертности 1926 и 1939 гг. Во всех возрастных группах мужчин и женщин смертность 1939 г. ниже на 10–30%, причем Р. М. Дмитриева и Е. М. Андреев, рассказывая об этом явлении, замечают, что в действительности снижение смертности было более значительным, оно просто смазано улучшением учета и включением в таблицы 1939 г. населения азиатских регионов с более высоким уровнем смертности [*Дмитриева, Андреев*, с. 28–49]. Кроме того, огромные потери в годы голода унесли в первую очередь слабую, нездоровую часть населения, в частности хронических больных туберкулезом и другими серьезными заболеваниями. В результате такого искусственного «оздоровления» сразу после завершения катастрофического 1933 г. смертность оказалась меньше, чем в начале периода. Таким образом, можно утверждать, что для периода 1934–1936 гг. правильнее было бы использовать в качестве нормы коэффициенты переписи 1939 г. для населения европейской части СССР. В этом случае естественная убыль населения, учтенного переписью 1926 г., была бы в этот период меньше примерно на миллион человек и, соответственно, потери возросли бы на миллион.

2. Данные о численности населения по переписи 1926 г., вероятно, были преуменьшены. В первую очередь это относится

к численности детей. Франк Лоример [с. 234–235] увеличил численность детей до года на 4%, Корчак-Чепурковский [1970, с. 302] — на 11,9%, АДХ [1993, с. 19–20] — на 8,9%. Я ввел поправки в численность детей 0–2 года (800 тыс.) и взрослых 30–60 лет (900 тыс.) Без этих поправок потери были бы на **150–200 тыс.** меньше. Эта цифра является оценкой возможного преувеличения потерь в результате поправок к численности населения в 1926 г.

3. Численность населения по переписи 1937 г. была увеличена на 800 тыс. в предположении недоучета. Это дает увеличение численности расчетной группы на **700 тыс.**, и, если поправка введена ошибочно, потери населения на эту величину преуменьшены. При распределении поправок и дополнений по возрастным группам также возможны ошибки, влияющие на оценку потерь как в ту, так и в другую сторону примерно на **100 тыс.** человек.

4. Рождаемость. В расчете использованы сведения о рождаемости ЦСУ 1964 г., за исключением 1933 г., данные которого увеличены почти на миллион, пропорционально увеличилась и численность выживших в переписи 1937 г. Существуют и более высокие, и более низкие оценки уровня рождаемости. Представляется, однако, что в расчете рождаемость скорее преуменьшена, чем преувеличена. Но если увеличение численности родившихся в 1933 г. на 965 тыс. считать ошибочным, то оценка размера рождаемости преувеличена нами примерно на 800 тыс. Это дает преувеличение потерь на **40 тыс.** человек. Однако в этом случае новорожденные в рассматриваемый период вообще не несли потерь, во что очень трудно поверить.

5. Смертность. Из воспоминаний современников, в том числе и врачей, известно, что дети и старики были самыми уязвимыми жертвами голода. В нашем расчете потери новорожденных и детей младшего возраста меньше, чем поколений среднего (табл. 3.7, 3.8). Это объясняется, вероятно, несколькими факторами. Прежде всего широким распространением медицинской помощи, которая в первую очередь оказывалась детям, в частности благодаря массовым прививкам. Забота о детях возрастала и в связи с повышением грамотности и культуры в обществе, снижением рождаемости, ростом значимости для семьи единственного ребенка. Важно также, что чудовищный голод не охватывал равномерно всю страну, он действовал в нескольких больших регионах, где, с одной стороны, наблюдалась массовая смертность детей, а с другой — оказывалась специальная помощь детям в яслях, детских садах, школах. В остальной части страны ухудшалось положение

населения, снижался уровень жизни, но на детях это сказывалось меньше, поскольку родители поддерживали их в первую очередь. Так, в годы Великой Отечественной войны смертность детей возрастала заметно меньше, чем взрослых. С. А. Новосельский [1978, с. 252–258] показал, что в блокадном Ленинграде наблюдалась в 1942 г. огромная смертность детей до года (в пять раз выше, чем в 1939-м), в 1944 г., то есть практически до снятия блокады, она превышала довоенный уровень всего на 12%, а в 1945 г. была уже на 10% меньше, чем в 1939-м. Можно предположить, что в 1934–1936 гг. нормой детской смертности следовало считать уровень 1939 г. [*Дмитриева, Андреев*, с. 35]. В этом случае смертность будет на 2,5 промилле меньше, чем расчетная, а занижение потерь в детских возрастах составит **280 тыс.**

Смертность поколений в подростковом и взрослом возрасте, как правило, постепенно растет. Это согласуется с нашими результатами оценки потерь. И у мужчин, и у женщин они держатся на достаточно высоком уровне, затем в возрастной группе старше сорока заметно увеличиваются. Но в 70 лет отмечается падение повышенной убыли, а в 80 и 90 лет потери вообще исчезают. Это снижение объясняется, очевидно, завышением нормального уровня смертности в старших возрастах, накладывающееся на преувеличение возраста в переписях и в ЗАГСах при регистрации смерти. Если предположить, что доля потерь у 80–90-летних должна быть такой же, как и у 60-летних (9% у мужчин и 5,6% у женщин), то потери старших возрастных групп будут на **250 тыс.** больше, чем учтено в нашем расчете. Всего же из-за преувеличения уровня смертности в младших и старших возрастных группах занижение потерь может составить **530 тыс.** человек.

6. Из расчета были исключены коренные жители Кавказа и Средней Азии, которые в меньшем размере, но, безусловно, также несли потери в ходе преобразований, как от репрессий, так и от ухудшения условий жизни.

7. Потери казахов рассчитаны в предположении, что демографическое движение казахов и узбеков было в 1926–1937 гг. примерно одинаковым. Без этой гипотезы можно оценить потери казахов как выше, так и ниже на **100 тыс**. человек.

Суммируя сделанные предположения о погрешностях расчета, получаем возможность преувеличения потерь в результате сделанных нами допущений около **1 млн** или преуменьшение их примерно на **2 млн** человек.

Глава 21. РАСЧЕЛОВЕЧИВАНИЕ

Если бы ты увидел их души — ох, задрожал бы. <...> Убежал бы даже. Не стал бы умирать из-за калек. Я же их, любезный мой, лично покалечил. <...> Человеческие души, любезный, очень живучи. Разрубишь тело пополам — человек околеет. А душу разорвешь — станет послушней, и только. <...> Безрукие души, безногие души, глухонемые души, цепные души, легавые души, окаянные души. <...> Дырявые души, продажные души, прожженные души, мертвые души.

Евгений Шварц. Дракон

Экономические, демографические и социальные потери коллективизации оказались огромны. Было разрушено сельскохозяйственное производство, на восстановление которого ушло несколько десятилетий. Исчез социальный слой сельских жителей, крестьян, любивших свою землю и умевших на ней работать. Погибли и умерли раньше своего часа 10 млн человек. Но главное, изменился сам человек, иными стали его представления, поведение, моральные и этические нормы.

Обычаи и характер поведения сельского жителя Российской империи в начале XX века были далеки от современных. Патриархальный семейный быт, тяжелое наследие крепостного права, зависимость от общины, вплоть до 1906 г. удерживавшей крестьянина в селе, не позволявшей ему продать свою землю и уехать в город. Мировая война, поставившая 15 млн мужиков под ружье, революция, вернувшая вооруженных крестьян домой в деревню, уничтожение помещичьих хозяйств, ограбление кулаков, передел земли. Наконец, беспощадная Гражданская война, когда «восстал брат на брата»... Все это разрушало устои сельского быта, религиозные традиции. Однако основой деревенской жизни оставалась любовь крестьянина к земле, уважение к частной собственности, уверенность в том, что от напряженного труда зависит будущее его семьи. Коллективизация уничтожила эту стержневую основу сельской жизни, что привело к упадку производства и изменению самого крестьянина. Это была жестокая, кровавая война государства против села, а голод 1930-х годов стал решающей битвой, обеспечившей победу партийного аппарата.

Правду о той страшной битве первой сумела рассказать великая русская литература. Произведения Андрея Платонова «Котлован», «Ювенильное море», Василия Гроссмана «Все течет» и «Жизнь и судьба», Льва Копелева «И сотворил себе кумира»; мемуары людей, оказавшихся в годы войны на Западе[1]; сочинения советских писателей, появившиеся в годы перестройки: С. Антонова, В. Белова, Б. Можаева, Ф. Абрамова, Б. Резника, В. Сапожникова, М. Алексеева, В. Тендрякова, И. Минутко, В. Сосюры; воспоминания читателей в журнале «Огонек» и множестве других изданий; наконец, исследования российских и украинских ученых, в первую очередь работы представителей школы Виктора Петровича Данилова. Большое значение имеют архивные документы, начиная со Смоленского архива, оказавшегося на Западе, до архивов России и Украины, ставших доступными ученым в годы перестройки. Все эти материалы поведали гражданам России и всему миру о трагических событиях «колхозной революции». Для нас в данном случае важно воздействие этой революции на социальную жизнь и этические представления крестьян.

Число сельских жителей, принимавших активное участие в раскулачивании и коллективизации, было не слишком велико — не больше 2–3% населения, но они преследовали свои корыстные интересы, строя свою карьеру на установлении контроля над соседями. Всем членам партии и многим комсомольцам было вручено оружие. И главное, за их спиной стояли мощные силы: партийно-административный аппарат, суд, всесильное и всеведущее ОГПУ и Красная армия, так что любая попытка активного сопротивления безжалостно подавлялась.

От насилия со стороны властей у крестьянина оставалась последняя линия «обороны» — он отказывался напряженно трудиться. Это не был саботаж, селяне, как правило, выходили на работу, но они не прикладывали, как раньше, всех мыслимых и немыслимых усилий для достижения результата. А сельскохозяйственное производство в стране держалось в то время именно на этих чрезвычайных, невозможных сегодня физических усилиях каждого члена каждой крестьянской семьи. Это была своеобразная итальянская забастовка.

Подавить это самое опасное для властей пассивное сопротивление удалось лишь с помощью страшного голода 1931–1933 гг.

---

[1] Сводка этих работ представлена в издании Гарвардской библиотеки «Famine in the Soviet Ukraine : 1932–1933» (A Memorial Exhibition. Cambridge, MA : Harvard University, 1986).

Это был последний и самый трагический этап коллективизации. Марксистский лозунг «Кто не работает, тот не ест» был воплощен в жизнь в его реальном, абсолютном значении. Для крестьянина это была борьба за выживание, в ходе которой он пытался спастись, спасти свою семью, но при этом он сам изменялся, утрачивая доброту, любовь к ближнему, уверенность в себе, умение отстаивать свои права. Голод оказался самым мощным и эффективным оружием. Практически все сельское население попало под его действие. Даже активисты, совсем недавно помогавшие власти загонять крестьян в колхозы, даже те, кто ходил по домам и отбирал у голодающих последние крохи съестного, не получали удовлетворительного питания. Не голодали лишь две крошечные группы граждан, находившиеся на противоположных концах социальной лестницы: высшие руководители страны (в это время они стали называться номенклатурой, поскольку по специальному номерному списку осуществлялось их снабжение) и людоеды. Впрочем, к обеим группам неприложимы морально-этические оценки.

Именно в результате коллективизации, последним этапом которой стал искусственно созданный голод 1931–1933 гг., было не только завершено построение централизованной политической, социальной и экономической пирамиды, но и создан «новый человек». Этот человек был пассивным, покорно выполнял самые абсурдные распоряжения начальства, соглашался работать за самую низкую плату или вовсе без нее, не любил и не ценил свой труд, боялся неожиданностей, не соблюдал, если мог, законы, считал воровство естественной формой перераспределения собственности, уважения к себе не испытывал. Естественные этические свойства: гуманность, сострадание, любовь к ближнему, чувство собственного достоинства, родственные эмоции — были ослаблены или подавлены страхом и голодом. При этом такой человек сам участвовал в официальных мероприятиях, считал их правильными и не отдавал себе отчета в расхождении между пропагандистскими лозунгами и реальным положением вещей: называл выборами единогласное голосование за одного кандидата, нищету — процветанием и т. д. Это шизофреническое раздвоение сознания Оруэлл справедливо определил как двоемыслие.

В рассказе Александра Яшина «Рычаги» [с. 502–513] описывается деревенское партийное собрание. Четыре сельских руководителя: животновод, кладовщик, бригадир и бывший фронтовик, однорукий председатель колхоза Петр Кузьмич, — сидят за столом в правлении колхоза, не переставая курят и беседуют о жизни в ожидании

пятого члена партии, сельской учительницы. Они недовольны тем, что заведующий сельпо распределяет дефицитные товары (сахар и мыло) из-под полы, а не выставляет их на продажу. Возмущаются самоуправством районного начальства, в третий раз вернувшего колхозу план посева, заставляя увеличить площади подо льном, который плохо растет на колхозных землях. Председатель колхоза сердито обвиняет райкомовского начальника: «Он думает, что партия авторитет потеряет, если он с народом будет разговаривать как человек, по-простому. Ведь знает, что получаем в колхозе по сто граммов на трудодень, а твердим одно: с каждым годом растет стоимость трудодня... Нас не только учить — и слушать надо. А то все сверху да сверху. Планы спускали сверху, председателей сверху, урожайность сверху... Бывает и так: клин не лезет, а дерево виновато, говорят — дерево с гнильцой. Поди-ка не согласись в районе, они тебе дают совет, рекомендацию, а это не совет, а приказ».

Но вот приходит учительница, задержавшаяся в школе. Животновод, он же секретарь парторганизации, говорит «сухим, строгим и словно заговорщическим голосом, каким говорил перед началом собраний секретарь райкома»:

«“Начнем товарищи, все в сборе?” Сказал он это и будто щелкнул выключателем какого-то чудодейственного механизма: все в избе начало преображаться до неузнаваемости — люди, и вещи, и, кажется, даже воздух... И началось то самое, о чем с такой откровенностью и проницательностью только что говорили между собой члены партийной организации, в том числе и сам секретарь ее, понося казенщину, бюрократизм, буквоедство в делах и речах... Петр Кузьмич говорил недолго... план севооборота колхоза на следующий год будет исправлен немедленно и безоговорочно согласно указаниям райкома и райисполкома. С этим согласились все выступавшие в прениях. Иначе было нельзя... Петр Кузьмич предложил составление резолюции поручить секретарю. Ты напиши, знаешь как, — шептал он, довольный, что собрание подошло к концу: “В обстановке высокого трудового подъема по всему колхозу развертывается”...

Когда председатель колхоза Кудрявцев и полевод Коноплев шли из конторы по темной и грязной улице, возобновился разговор о жизни, о быте, о работе — тот самый, который шел до собрания... И снова это были чистые, сердечные, прямые люди — люди, а не рычаги».

Пассивность стала привычным состоянием сельского жителя зерновых районов, на которые пришелся удар голодом. Крайним

вариантом такой пассивности было полное отупение, невозможность вернуться в рабочее состояние, способность только просить милостыню. Но в большинстве случаев ослабление центров сопротивления приводило к принятию новой реальности, к подчинению. Более того, именно это состояние рядового жителя села определяло его поведение в последующие годы. Крестьянин больше не бунтовал, не уклонялся от заданной работы, не пытался спрятать зерно (правда, урожай ему уже больше никогда не принадлежал), он научился затягивать туже пояс и снизил уровень потребления своей семьи. Он научился обеспечивать себя продовольствием с ничтожной площади приусадебного участка. Поэтому, когда власть забирала все бóльшую долю урожая зерна даже в такие неурожайные годы, как 1936-й, катастрофы не происходило. Но в душах людей навсегда поселился страх перед голодом, страх неожиданных перемен. Выросло поколение людей, необычайно бережно относившихся к любой еде, физически неспособных выбросить остатки пищи.

Российский эмигрант профессор Питирим Сорокин, основавший в Гарварде кафедру социологии, рассмотрел в свое время последствия воздействия голода на человека на огромном историческом материале. В книге «Голод как фактор», написанной в 1918–1921 гг. в России и изданной впервые в 1975 г. в США, он показал, что голодание отражается на всей физиологии человека, в первую очередь на его умственной и психической деятельности. Происходит деформация душевной жизни личности, ослабевает память, возникают трудности концентрации, растет зависимость мышления от внешних влияний, увеличивается число душевных расстройств, происходит разрушение личности, выпадение из жизни: «При длительном голодании работа высших центров сознания ослабевает, человек перестает осознавать опасность многих явлений, не находит мер для их отражения и т. д. “Разум мутится”, наступает полубредовое состояние, апатия, инертность, вялость, безразличное отношение ко всему. Ослабевает воля к жизни, “охота жить” и, в конце концов, человек гибнет, часто безропотно и без сопротивления» [*Сорокин*, с. 161].

Питирим Сорокин утверждает, что массовый голод приводит к социальным изменениям в составе населения. Главное из них — преимущественная гибель честных элементов, которые не грабят, страдают от ограбления, подвергаются риску, борясь против несправедливых действий по отношению к другим людям. Происходит естественный отбор, при котором выживают спекулянты

и разбойники и гибнут идеалисты. Нормами поведения в обществе становятся обман и насилие, и честным людям крайне трудно выжить в такой ситуации. Воровство становится единственной возможной формой сопротивления и отстаивания своих личных потребностей, единственным способом противостоять насилию государства. С этим связано и полное неуважение к закону. Даже люди, занятые интеллектуальным трудом, оказываются под угрозой, поскольку там, где все становятся шакалами и хищниками, нельзя заниматься производительным трудом, деформируется религиозная и научная жизнь.

В общем виде это справедливо, и происходившее в стране в 1930-х годах подтверждает пессимистические соображения профессора Сорокина. Однако следует заметить, что людей, не пошедших на поводу у физиологического инстинкта голода, боровшихся доступными им способами против насилия, помогавших голодающим, испытывавших сострадание, чувство вины перед несчастными, было немало.

Сорокин писал, что голод ведет к принудительному этатизму, что означает: 1) беспредельное вмешательство власти, опеку и регулирование; 2) ничтожный объем автономии; 3) уравнительный деспотизм, регулирование распределения.

Пожалуй, лишь с последней частью утверждения знаменитого социолога можно не согласиться. Голод 1931–1933 гг. укрепил репрессивный тоталитарный строй, положил начало процессу установления советского неравенства. Сначала неравенство города и деревни, неравенство снабжаемых по карточкам и не снабжаемых вообще, затем формирование номенклатуры, снабжаемой особыми пайками в закрытых распределителях. В абсолютном измерении эти различия были не слишком велики, но в относительном — имели огромное значение и в некоторых случаях приводили к разделению между жизнью и смертью.

Как пишет Сорокин, под воздействием голода происходит изменение традиционных норм поведения, перестают работать условные рефлексы, выработанные в социальных отношениях. Одни люди в результате голодания ослабевают, угасают, безропотно подчиняются, другие демонстрируют иную сторону психологических и эмоциональных изменений — ожесточение или, еще сильнее, «озверение». Голод, как правило, начинает определять действия человека, ослабляя даже чувство самосохранения, любовь к родителям и детям. Верующие отказываются от религиозных запретов на еду. Падает уважение к частной собственности (растет

преступность). Ослабляется групповая самозащита, исчезают дружеские связи, растет эгоизм и исчезает человечность [*Сорокин*, с. 163–177].

Море жестокости, разлитое по стране, затрагивало не только рядовых сельских жителей, но и слой администраторов среднего звена и партийное руководство страны. Один активист на обыске в поисках продовольствия вытащил из печи горшок с кашей, вывалил ее на пол и растер сапогом. В другом случае в кадушки с солеными огурцами и капустой, которые не подлежали изъятию, члены бригады по очереди мочились. Неудивительно, что ненависть к экспроприаторам была жгучей. Женщина, работавшая на кладбище, рассказывает, что ее напарница вдруг набросилась на труп и стала бить его лопатой, она узнала сельскую активистку, которая вырвала последний кусок хлеба у ее голодных детей.

И голодающие, и организаторы голода утрачивали человечность, милосердие, христианскую любовь к человеку, исчезала традиционная мораль, диктовавшая чувство ответственности, заставлявшая опасаться осуждения со стороны окружающих. И защищая свое, и отнимая чужое, люди были жестоки и абсолютно бессердечны. Самыми циничными и беспощадными были люди высшего эшелона власти, включая и большинство руководителей наиболее пострадавших территорий: Украины, Северного Кавказа, Поволжья и Казахстана. Это видно из множества официальных документов, речей и писем.

Существует, однако, еще несколько отличий голода 1931–1933 гг. от известных в истории событий такого рода.

1. Отсутствие какой-либо помощи. Ни государство, ни общество, ни другие страны, ни жители более благополучных районов не оказывали помощи голодающим. Главная причина — сам факт голода был засекречен государством. И даже у жителей благополучных районов отсутствовали какие-либо запасы, не говоря уж об избытке продуктов.
2. Принятие чудовищного закона о расстреле за воровство колхозного имущества, плохую работу на севе, поломку трактора и т. п., а также законов о запрете торговли, выселении на север за невыполнение плана заготовок.
3. Абсурдный характер некоторых распоряжений властей, противоречивших не только интересам крестьян и здравому смыслу, но и интересам государства, например вывоз в счет поставок семенных фондов.

4. Мероприятия властей, приводившие к ухудшению положения голодающих, такие как запрет торговли, занесение на черную доску, изъятие налога по мясу на 15 месяцев вперед, чтобы крестьяне не вздумали съесть собственную козу или корову (свиней и кур в селе к этому времени уже почти не осталось), страшные наказания за сбор суррогатов на государственных и колхозных землях, запрет собирать урожай до указанного срока даже на собственных участках, запрет убоя собственного скота.
5. Изъятие земли и рабочего скота и, главное, потеря контроля над распределением урожая, что привело к утрате крестьянином веры в себя, в возможность собственными силами улучшить свое положение.

Теперь ничего от него не зависело. Полная безысходность. Уничтожен главный мотив человеческого поведения — надежда на изменения к лучшему с помощью собственных усилий. Надежды не осталось. Пассивность, страх, безответственность стали нормой жизни. Крестьянин утратил любовь к своей земле, чувство гордости за сделанную работу, а затем постепенно ушло и умение тяжело и много работать. Вместо традиционного сельского труда — увиливание от дела, халтурное выполнение любого задания, равнодушие и алкоголизм.

Но главным свойством «нового» жителя села была покорность, послушное выполнение любых распоряжений начальства. Писатель Чингиз Айтматов рассказывает, что на Востоке в былые времена на голову военнопленного надевали сдавливающий обруч. У человека, испытывавшего чудовищную боль в течение нескольких месяцев, атрофировались все обычные эмоциональные реакции. Он превращался в автомат, в манкурта, готового по приказу хозяина убить родного отца. В годы коллективизации таким обручем стал голод. Массовая пассивность и жестокость огромной части населения вскоре сделали возможным Большой террор 1936–1938 гг., превративший страну в абсолютно тоталитарное государство, контролировавшее все без исключения области деятельности человека. Избавление от манкуртизма оказалось тяжелым процессом, затянувшимся на несколько поколений.

В заключение расскажу коротенькую историю, в которой преломленно отразились те далекие годы. У матери моего знакомого, живущего в Австралии, обнаружилось психическое расстройство, или, говоря старым стилем, душевная болезнь. В 1930-е годы

она работала бухгалтером-экономистом в Полтаве, а сейчас потеряла память и в ней поселился страх. Бедная женщина боится соседей. Ей кажется, что они следят за ней исподтишка, когда она ест. Она испытывает перед ними чувство вины: бедные, им нечего есть. Иногда она печет пироги, ставит их на окно и ждет, когда же соседи появятся, чтобы их украсть. По-видимому, демоны далеких и страшных дней ее молодости завладели душой этой несчастной женщины.

...В начале 1980-х годов советское общество переживало нечто подобное. Оно было лишено памяти, но смутное сознание вины и страха вырывалось из его исторического подсознания.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1
Голод в дореволюционной России и в 1921 году

Ушли почти одни взрослые, — дети сами заранее умерли либо разбежались нищенствовать. Грудных же постепенно затомили сами матери-кормилицы, не давая досыта сосать. Была одна старуха — Игнатьевна, которая лечила от голода малолетних: она им давала грибной настойки пополам со сладкой травой, и дети мирно затихали с сухой пеной на губах. Мать целовала ребенка в состарившийся морщинистый лобик и шептала:

—Отмучился родимый. Слава тебе, господи!

Андрей Платонов. Чевенгур

Голод время от времени охватывал большие пространства России. Он тяжело воздействовал на крестьянский быт и психологию, оказывал влияние на рождаемость и смертность. Об этом свидетельствуют сведения, собранные А. Г. Рашиным (табл. 1). Из таблицы видно, что каждый неурожай (1868, 1872, 1878, 1882, 1892 гг.) сопровождался снижением рождаемости и ростом смертности. Повышенная убыль населения достигала нескольких сотен тысяч в год, порой доходила до полумиллиона. Связь между демографическими факторами и урожаями была довольно отчетливой, и ее даже пытались оценить математически [*Покровский В.И.*].

До революции голод в отдельных районах страны вызывался не столько нехваткой продовольствия, сколько отсутствием социальных механизмов и традиции помощи голодающим. Помощь впервые достаточно широко была организована в 1891 г., проникнув в разные круги населения и захватив все образованное общество. Правительство отнеслось к этому движению подозрительно, опасаясь, видимо, агитационного воздействия сообщаемой информации. Александр III пытался сначала запретить организацию комитетов помощи голодающим и упоминание о голоде в печати. По словам князя Оболенского, император заявил: «У меня нет голодающих, есть только пострадавшие от неурожая». Министр Вышеградский прославился в это время фразой: «Недоедим, но вывезем». Запрет на вывоз зерна из страны был введен в августе 1891 г., по мнению

прессы тех лет и некоторых современных ученых — с опозданием, причем о введении запрета оповестили заранее (за месяц).

В комитетах помощи голодающим, организованных земствами, работали Л. Толстой, А. Чехов, В. Короленко и многие другие известные представители российской интеллигенции. Сбором средств занимались земские, а также церковные организации, открывавшие столовые и приюты, устраивавшие сбор пожертвований. Члены царской семьи пожертвовали 17 млн руб. Правительство отпустило голодающим как заем 100 млн руб. Совершенно очевидно, что, хотя помощь и не могла полностью устранить распространение голода, она заметно снизила демографические потери.

На отдельных территориях потери населения от голода и сопровождавших его болезней были довольно значительными. В 18 губерниях Поволжья, Урала, Предкавказья и центральных районов европейской части страны смертность населения превысила рождаемость. В Саратове, Самаре, Пензе, Курске, Уфе, Симбирске, Иваново, Оренбурге, Астрахани смертность достигала 7–9%, то есть была в 2–3 раза выше обычного уровня, в Царицыне и Бугуруслане за год умерло 12% населения, в Сердобске Саратовской губернии — 29% [*Рашин*, с. 155–160]. При среднегодовой численности населения в 88 млн оценка потерь составляет 475 тыс. человек. Примерно на столько же снизилась в этом году рождаемость (табл. 1). Совершенно очевидно, что причиной роста смертности являлся голод и сопутствовавшие ему болезни.

Таблица 1. **Рождаемость и смертность в Европейской России в XIX и начале XX века, на 10 тыс. человек**

Год	Родилось	Умерло	Год	Родилось	Умерло
1861	497	354	1874	514	352
1862	511	340	1875	515	346
1863	500	377	1876	506	349
1864	512	387	1877	496	344
1865	514	369	1878	473	382
1866	497	372	1879	502	348
1867	512	368	1880	497	361
1868	488	397	1881	491	341
1869	497	383	1882	516	404
1870	492	350	1883	506	375
1871	510	379	1884	515	344
1872	500	412	1885	500	358
1873	523	365	1886	495	332

Продолжение табл. 1

Год	Родилось	Умерло	Год	Родилось	Умерло
1887	499	338	1900	493	311
1888	516	334	1901	479	321
1889	503	355	1902	491	315
1890	496	367	1903	481	300
1891	506	358	1904	486	299
1892	460	410	1905	450	317
1893	488	344	1906	471	299
1894	492	343	1907	475	284
1895	501	355	1908	448	283
1896	504	333	1909	447	295
1897	500	317	1910	451	315
1898	486	332	1911	450	274
1899	493	312	1912	437	265

Источник: [*Рашин*, с. 162–166].

Голод 1891 г. казался современникам ужасным, но события Гражданской войны по размерам бедствия и масштабу потерь намного превзошли его. Голод в это время стал следствием не только огромного недостатка продовольствия, но и катастрофического разрушения транспорта, отсутствия механизмов покупки, продажи, распределения продуктов. Основным способом получения продовольствия был грабеж. Вооруженные отряды горожан, называвшиеся «продовольственными», отправлялись в село, чтобы отыскать продукты и отнять их у крестьян. В 1918–1920 гг. голодали все крупные города страны, а в 1921–1922 гг. страшный голод охватил и многие сельские районы, главным образом Поволжье и юг Украины. Голод был вызван, во-первых, заметным сокращением посевных площадей вследствие разрухи и войны. Во-вторых, реакцией крестьян на продразверстку 1920 г. Сельские жители, видя, что излишки продовольствия полностью изымаются, предпочли не иметь излишков. В-третьих, на сокращенные площади обрушилась сильная засуха, уничтожившая на юге озимые и отчасти яровые посевы. При этом советские власти долгое время не обращали внимания на надвигающуюся катастрофу. В 1920 и первой половине 1921 г. высший орган реальной государственной власти, Политбюро ЦК РКП(б) [с. 50–262], провел 180 заседаний, на которых обсуждалось примерно 1500 вопросов. Пятьдесят из них были связаны с сельским населением. Главным

образом, вождей беспокоила продработа, то есть проведение хлебозаготовок, изъятие зерна из деревни. Они старались пополнить ряды заготовителей опытными работниками, собирали их на совещания, утверждали для них специальные инструкции, рассылали их по стране.

Специальное внимание руководителей было обращено на крестьянство Тамбовской губернии. 19 марта 1921 г. они отменяют решение о приостановке заготовок в этом районе, принятое, очевидно, в разгар Антоновского восстания. 30 апреля, вероятно для примерного наказания бунтовщиков, Тамбовской ЧК дается разрешение использовать статистические материалы (видимо, результаты сельскохозяйственных опросов)[1] и накладывается «дисциплинарное поголовное взыскание со среднего крестьянина Тамбовской губернии». Несколько раз партийные вожди обсуждали введение продналога и агитационные материалы, выпускаемые по этому случаю. Три раза рассматривался вопрос о закупке зерна на Украине для снабжения рабочих и населения Москвы и Петрограда [*Негретов*, с. 208]. Три раза решали проблему снабжения хлебом населения Армении, для чего даже было отпущено 6 млн золотых рублей и дано разрешение закупать зерно в Персии. Обсуждалась проблема продовольствия, присланного из-за границы по адресам посольства Эстонии и еврейского общественного комитета и захваченного энергичными местными начальниками. И лишь однажды в числе 17 других вопросов Политбюро заслушало доклад комиссии о помощи крестьянству, пострадавшему от неурожая. При этом никаких решений, требующих активных действий, принято не было.

Положение полностью изменилось, когда в Москве 20 июля 1921 г. был создан Всероссийский комитет помощи голодающим (Помгол). В него вошли известные дореволюционные общественные деятели и представители российской интеллигенции: Вера Фигнер, Максим Горький, Екатерина Кускова, Сергей Прокопович, Николай Кишкин, Николай Кутлер, Федор Головин, всего 63 человека. Почетным председателем комитета согласился стать тяжелобольной В. Г. Короленко.

Помгол поставил проблему в исторический контекст (апелляция к дореволюционным общественным комитетам помощи

---

[1] Проводя опросы населения, статистики уверяли граждан, что их индивидуальные сведения не будут использованы государственными организациями, иначе честных ответов трудно было ожидать. Решение Политбюро нарушает эти обещания.

голодающим) и обратился к мировой общественности с просьбой о помощи. С этого момента Помгол и зарубежная помощь становятся регулярной темой обсуждения Политбюро, его постоянной головной болью. Руководители страны понимали, что игнорировать проблему больше нельзя. 6 августа Ленин обратился к международному пролетариату с призывом помочь голодающим в России. Тогда же появилось его обращение к украинским крестьянам (Украина в это время формально рассматривалась как независимое государство): «Пусть не найдется среди селян Украины ни одного, кто не поделился бы излишками зерна с голодающими братьями, которым нечем засеять их поля. Пусть каждый округ пошлет одного избранного делегата, который, увидев собственными глазами всю нужду и голод, вернется домой, чтобы призвать к необходимой помощи» [*Сербин*, с. 71].

Но, открывая еще один фронт (в годы Гражданской войны все проблемы страны решались как боевые операции), партийные лидеры в первую очередь направили удар на непрошеных союзников. Вопрос о Помголе стал постоянной темой на заседаниях Политбюро. Чтобы взять его под контроль, внутри организации была создана партийная ячейка из 12 видных коммунистов, председателем ее стал Каменев, а его заместителем — Рыков.

В ответ на призыв Помгола по поручению американского президента Г. Гувер, глава продовольственного комитета США, и Ф. Нансен, представитель Международного Красного креста, начали в Риге переговоры с заместителем наркома иностранных дел РСФСР Максимом Литвиновым. Гувер потребовал освобождения всех американцев из российских тюрем и полной независимости комитетов помощи (организация центров снабжения, наем сотрудников, распределение помощи, свобода передвижения по стране, свободный въезд и выезд сотрудников миссии). Нансен присоединился к этим требованиям от имени европейских государств. Политбюро вынуждено было согласиться на эти условия, и 20 августа договор был подписан. То, что независимые иностранные наблюдатели получали возможность познакомиться с советской реальностью, вызывало у большевистских вождей большие опасения. В дело решительно вмешался сам Ленин[1]. 25 августа он

[1] В течение 1920 и первой половины 1921 г. Ленин практически ни разу не инициировал перед Политбюро обсуждения серьезных вопросов. Он, как правило, председательствовал на заседаниях, выступал, голосовал за то или иное предложение, но лично не участвовал в формировании повестки дня, порой делая это косвенно. Например, перед обсуждением предложения Горького о Помголе,

предлагает создать комиссию «с целью выработки мероприятий по надзору за приезжающими иностранцами (ввиду заключения договора с Гувером)». На следующий день он обращается к членам Политбюро с предложением распустить руководство Помгола:

«Предлагаю сегодня же, в пятницу 26.8 постановлением ВЦИКа распустить "Кукиш"[1] — мотив: их отказ от работы, их резолюция. Назначить для приема денег и ликвидации одного чекиста. Прокоповича сегодня же арестовать... Остальных членов "Кукиша" тотчас же, сегодня же выслать из Москвы, разместив по одному в уездных городах по возможности без железных дорог, под надзор. Напечатаем завтра же пять строк короткого, сухого правительственного сообщения: "распущен за нежеланием работать".

Газетам дадим директиву: завтра же начать на сотни ладов высмеивать "Кукишей". Баричи, белогвардейцы, хотели прокатиться за границу, не хотели ехать на места... Изо всех сил их высмеивать и травить не реже одного раза в неделю в течение двух месяцев.

Больной зуб будет удален сразу и с большой пользой во всех отношениях. Не надо колебаться. Советую сегодня же это покончить в Политбюро. Иностранцы начнут приезжать, надо очистить Москву от "Кукишей" и прекратить их игру (с огнем)» [*Негретов*, с. 219–220].

План (приказ) вождя в несколько дней был реализован. Сообщение о роспуске Помгола было опубликовано в «Правде» 30 августа[2], а его руководители высланы. Под именем Помгола продолжала выступать его прокоммунистическая часть.

Помощь голодающим возглавил официальный руководитель советского парламента Михаил Калинин. На пароходе в сопровождении политических деятелей и журналистов он отправился по Волге, чтобы на месте ознакомиться с ситуацией и принять необходимые меры. Нельзя сказать, что его советы были очень содержательны: «Питер может научить, как надо голодать. Ведь бороться с голодом не значит получать продукты. Нужно суметь

Ленин просит И. Теодоровича познакомиться с проектом, высказывает свое мнение о нем и поручает выступить с предложением: «Созвонитесь с Молотовым, чтобы завтра Вам дать 5 минут».

[1] «Кукиши» — прозвище, данное большевиками членам Помгола Кусковой и Кишкину. Иногда их называли «Прокукиши», добавляя фамилию Прокопович.

[2] Сведения о голоде, публиковавшиеся в советских газетах и журналах, цит. по: [*Итоги борьбы с голодом*; *Арнаутов*], а также: Serbyn R. The Famine of 1921–22. Model for 1932–1933. Famine in Ukraine 1932–1933.

сохранить жизнь при минимальном потреблении продуктов, уметь выдержать неблагоприятные условия и остаться целым» (Красная газета. 1921. 4 авг.).

Довольно радужную картину рисуют и многие журналисты, сопровождавшие пароход Калинина.

«Детвора играла в поезд... Когда я спросил, куда вы едете, — веселые голоса ответили: “В Самару за хлебом”» (Луначарский).

«Мы не встретили ни одного случая смерти исключительно от голода. Есть массовые случаи смерти на почве желудочных заболеваний» (Известия. 1921. 12 авг.).

«Деревня живет светло и хорошо. Одета, обута. Повальное увлечение кролиководством, козоводством, свиноводством и разведением домашней птицы» («Новый мир»).

Некоторые авторы справедливо указывают на причины случившегося, осторожно обходя при этом проблему ответственности властей.

«Предварительный расчет крестьянина этих местностей (Поволжья), подверженных засухам, иметь хлеб на прокорм и засев не менее как на два, а то и на три года нарушен беспощадным нашим временем, и результаты налицо: голод, болезни, бегство населения» (Вл. Бонч-Бруевич. Красная газета. 1921. 10 авг.).

«Почему так остро разразилась беда? Потому что у населения не осталось никаких запасов и остатков на черный день. Разверстка прошлого года была выполнена в 120%, а местами в 150%. Население осталось ни с чем» (Из голодных мест // Помощь : Бюллетень Всероссийского комитета помощи голодающим.1921. № 1).

Лишь американский журналист из газеты «Чикаго трибюн» правдиво описал реальную картину, открывшуюся его глазам: «Крестьяне ежедневно умирают тысячами. Мне случалось видеть, как они медленно угасали в своих развалившихся избах или падали в сожженных полях, где они искали каких-нибудь корней или зерен. По пристаням Волги я видел, как они ползли с берегов и жалостно махали проходящим пароходам, прося помощи, или же умоляли взять на борт и увезти от этих страшных песчаных берегов, покрытых свежими крестами. Мы нагоняли целые караваны, устало тянувшиеся по дороге — провожаемые вороньем, ждущим добычи» [*Итоги борьбы с голодом*].

В начале 1922 г. ВЦИК принял декрет об изъятии «из церковных имуществ, переданных в пользование групп верующих всех религий... все драгоценные предметы из золота, серебра и камней, изъятие коих не может существенно затронуть интересы самого

культа, и передать в органы Народного Комиссариата Финансов для помощи голодающим»[1].

Операцию изъятия должны были проводить местные власти с участием представителей Помгола и верующих. Патриарх Тихон обратился к верующим с воззванием, в котором разрешил церковноприходским советам и общинам жертвовать на нужды голодающих драгоценные церковные украшения и предметы, не имеющие богослужебного употребления, но конфискацию священных сосудов и прочих богослужебных церковных предметов назвал святотатством.

В ответ на это Троцкий предложил создать секретную комиссию под руководством ОГПУ для полного изъятия драгоценностей из церквей и монастырей. Обстановка обострилась, когда в Шуе толпа верующих, протестуя против изъятия ценностей, разоружила милиционеров, а два завода прекратили работу. Красноармейцы расстреляли собравшихся. В результате пять человек были убиты и 15 ранены. В первоначальном сообщении говорилось, что среди убитых один красноармеец. Выслав в Шую карательную команду, Политбюро в то же время послало на места директиву: временно приостановить изъятие ценностей. Это вызвало решительный протест Ленина. Он направил 19 марта членам Политбюро строго секретное письмо с указанием ни в коем случае не снимать копий, а каждому члену Политбюро (тов. Калинину тоже) делать свои заметки на самом документе. В письме говорилось:

«Именно теперь и только теперь, когда в голодных местностях едят людей, и на дорогах валяются сотни, если не тысячи трупов, мы можем (и поэтому должны) провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией и не останавливаясь подавлением какого угодно сопротивления...

Нам во что бы то ни стало необходимо провести изъятие церковных ценностей самым решительным и самым быстрым образом, чем мы можем обеспечить себе фонд в несколько сотен миллионов золотых рублей (надо вспомнить гигантские богатства некоторых монастырей и лавр). Без этого фонда никакая государственная работа вообще, никакое хозяйственное строительство в частности и никакое отстаивание своей позиции в Генуе в особенности совершенно немыслимы. Взять в свои руки этот фонд в несколько сотен

---

[1] Здесь и дальше события, связанные с изъятием ценностей, излагаются по документам, опубликованным Н. Н. Покровским в статье «Политбюро и церковь» [*Покровский Н.Н.*].

миллионов золотых рублей (а может быть, и в несколько миллиардов) мы должны во что бы то ни стало. А сделать это с успехом можно только теперь. Все соображения указывают на то, что позже сделать нам это не удастся, ибо никакой иной момент, кроме отчаянного голода, не даст нам такого настроя широких крестьянских масс, который бы либо обеспечивал нам сочувствие этой массы, либо, по крайней мере, обеспечил бы нам нейтрализирование этих масс в том смысле, что победа в борьбе с изъятием ценностей останется безусловно и полностью на нашей стороне...

Самую кампанию проведения этого плана я представляю себе следующим образом:

Официально выступить с какими-то ни было мероприятиями должен только тов. Калинин, — никогда и ни в каком случае не должен выступать ни в печати, ни иным образом перед публикой тов. Троцкий...

Самого патриарха Тихона, я думаю, целесообразно нам не трогать, хотя он, несомненно, стоит во главе всего этого мятежа рабовладельцев...

Чем большее число представителей реакционного духовенства и реакционной буржуазии удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше. Надо именно теперь проучить эту публику так, чтобы на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они не смели и думать... 19.11.1922. *Ленин*».

Сколь бы кровожадной ни казалась эта ленинская директива, его соратники пошли еще дальше. ОГПУ предложило патриарха Тихона арестовать, а всех попов и церковников, выступающих против изъятия ценностей, выслать в голодные районы Поволжья, «где их афишировать перед местным голодным населением как врагов народа». В результате было принято предложение Троцкого:

«1) Арест Синода и патриарха признать необходимым, но не сейчас, а примерно через 10–15 дней.
2) Данные о Шуе опубликовать, виновных Шуйских попов и мирян — Трибуналу в недельный срок (коноводов — расстрелять).
3) В течение этой же недели поставить процесс попов за расхищение церковных ценностей (фактов таких немало).
4) С момента опубликования о Шуе в печати взять бешеный тон, дав сводку мятежных поповских попыток в Смоленске, Питере и пр.
5) После этого арестовать Синод».

Кроме этого, было решено купить на миллион рублей хлеба и отправить поездом в Поволжье, широко оповестив об этом как о первом «ассигновании» за счет изъятых церковных ценностей.

Также Троцкий, которому явно был не чужд иезуитский подход, заметил, что нужно включить в официальные комиссии по изъятию ценностей священников обновленческой церкви. Несколько позже, проголосовав за расстрел девяти московских священников и двух мирян (среди них была жена погибшего красноармейца с годовалым ребенком), он вдруг передумал и предложил отложить казнь, дав возможность обновленческим священникам публично попросить правительство о снисхождении и частично удовлетворить их просьбу. Так и поступили.

В результате планы и надежды Ленина были успешно реализованы. Оценка изъятых церковных ценностей составила 4650 млн золотых рублей. Из них едва ли больше 2% было истрачено на помощь голодающим.

Политбюро, однако, еще долго пришлось обсуждать эту проблему, правда в другом, более приятном, но не менее сложном аспекте: реализация церковных ценностей. Оказалось, что в современном мире сбыть награбленное не так просто. В частности, при поездке Максима Литвинова в Гаагу в платье его секретарши были зашиты драгоценности, предназначавшиеся, по-видимому, для европейских коммунистов[1].

Уровень смертности в голодавших губерниях Поволжья оказался в 1922 г. значительно выше самого большого дореволюционного голода 1891 г. и выше, чем он был в предшествующие 1919–1920 гг. (табл. 2). Из таблицы следует, что только в перечисленных губерниях повышенная убыль населения по сравнению с предшествующими далеко не мирными годами, составила около 1,1 млн человек. По всей стране оценка будет, несомненно, выше. Правда, получившая широкое распространение в советской и западной литературе цифра Струмилина — 5 млн человек [1922, с. 34–46] — сильно завышена.

Автор не принял во внимание снижения рождаемости и использовал в расчете коэффициенты прироста населения до Первой мировой войны. В результате его оценка потерь населения в 1917–1922 гг. составила 26 млн человек, в том числе от голода — 5 млн. Ошибочность этого результата стала очевидной после проведения переписи 1926 г., показавшей реальную численность населения в стране и в отдельных регионах.

---

[1] Информация Павла Литвинова.

Таблица 2. **Число смертей на 10 тыс. жителей**

Губернии и республики	1919/20	1920/21	1921/22
Симбирская	250	220	400
Чувашская авт. обл.	170	330	460
Самарская	280	400	1390
Воронежская	280	360	690
Ставропольская	330	230	760
Оренбургская	210	310	830
Донская	430	260	840
Екатеринбургская	240	470	940
Крымская АССР	190	390	1040
Татарская АССР	240	410	1230
Башкирская АССР	280	400	1240
Всего	260	340	890

Примечание. В Воронежской области смертность среди крестьян без посева была в два раза выше, чем у среднепосевных, и в три раза — чем у многопосевных.

Источник: [*БСЭ*, т. 17 (ст. «Голодание»)].

Данные статистического учета тех лет также не подтверждают таких высоких потерь населения. Перепись 28 августа 1920 г. с поправками ЦСУ дала 130,9 млн, перепись в городах с доисчислением ЦСУ для села в марте 1923 г. — 133,5 млн человек. По этим данным, прирост населения в 1921 г. близок к 2 млн, то есть был почти таким же, как и в 1923–1924 гг., — около 2,5 млн. Однако современные сведения ЦСУ о численности населения в те годы выглядят несколько иначе: 136,8 млн на начало 1920 г., 136,1 млн на конец 1922 г. и 137,6 млн на начало 1924 г. [*Население*, 1975, с. 7]. Из этих данных следует, что повышенная убыль за два года составила 3,7 млн человек (1,5 млн естественный прирост в год, как в 1923 г., и 0,7 млн — уменьшение численности населения). Это подтверждают и более детальные расчеты. В эту цифру входит и убыль от военных действий с Польшей и Врангелем, и потери в восточных районах страны и отчасти от эмиграции. Можно предположительно говорить о том, что собственно голод и сопровождающие его болезни унесли **1–1,5 млн** человек.

Приложение 2
Голод 1891 и 1921–1922 годов на Украине

Голод в прежние времена нечасто посещал плодородные земли Украины. Более того, в трудные годы уже в самом начале тысячелетия соседи обращались к южнославянским князьям за помощью: «Голод был по всей земле и в Руси, и у Ляхов, и в Литве, и у Ятвягов. Потому Ятвяги прислали своих послов к Володимиру (Волынскому князю), говоря: "Господине княже Володимир! Приехали мы до тебя от всех ятвягов, надеясь на тебя и на твое здоровье. Господине, не вымори нас, а перекорми нас и пошли господине до нас зерна своего продати, а мы рады купити..." Володимир из Берестя выслал до них зерна в челнах Бугом с добрыми людьми» (Ипатьевская летопись, 1093 г.).

Однако было бы опрометчиво утверждать, что украинское население всегда безболезненно переносило неурожаи. Об этом свидетельствуют демографические данные. В 1892 г. отмечается рост смертности и снижение рождаемости, вызванных неурожаем 1891 г. На Украине уровень смертности в 1892 г. оказался на 0,4% выше, чем в соседние годы, а рождаемости, наоборот, ниже (табл. 1, 2).

В нескольких губерниях (Харьковская, Черниговская, Полтавская) смертность уже в 1891 г. оказалась выше средней за предшествующее пятилетие на 18–20%. В следующем 1892 г. она немного снизилась в Харьковской и Черниговской и выросла во всех остальных губерниях Украины на 5–25%. В 1893 г. смертность упала во всех украинских губерниях довольно сильно, в большинстве случаев на 10–20% (табл. 2).

Рост смертности мужчин был более значительным, чем женщин, что лишний раз свидетельствует о реальной слабости «сильного пола». Характерно, что в 1893 г. смертность упала ниже, чем она была в 1891 г., а затем постепенно вновь возросла в 1894–1895 гг. (табл. 1).

Такое снижение после повышенной убыли является как бы компенсационным [*Максудов*, 1981]. По данным табл. 1 и 2 можно ориентировочно оценить повышенную убыль населения Украины в 1891–1892 гг. в 100 тыс. человек.

Понижалась рождаемость на Украине и в другие неурожайные годы: 1901, 1907–1908. Михайло Трацевский [с. 69–112] даже пытался определить периодичность неурожаев по демографическим показателям.

Таблица 1. **Естественное движение населения Украины в конце XIX века, на 10 тыс. человек**

Год	Родилось			Умерло			Браки
	М	Ж	Оба пола	М	Ж	Оба пола	
1891	509	482	495	328	311	319	91
1892	485	461	473	351	331	341	86
1893	491	465	478	304	284	294	82
1894	494	473	483	315	292	303	95
1895	507	484	495	342	316	329	95

Источник: [*Демографічний збірник*, 1926, с. 16–19].

Таблица 2. **Смертность на Украине в 1886–1893 гг., на 10 тыс. человек**

Губерния	1886–1890	1891	1892	1893
Харьковская	355	430	416	306
Черниговская	317	383	354	305
Киевская	336	314	375	352
Подольская	301	288	359	343
Екатеринославская	345	345	357	303
Полтавская	287	331	351	289
Волынская	324	272	295	267
Херсонская	317	305	320	276
Таврическая	304	306	325	266

Источники: [*Демографічний збірник*, 1926, с. 15; *Рашин*, с. 187–188].

Но наиболее тяжелым потрясением для Украины были 1921–1922 гг.

Угрозу голода в республике ни в Москве, ни в Харькове долгое время признавать не хотели. 14 марта 1921 г. украинская газета «Камьянецкі вісти» рассказывала, что посевная яровых на юге, в Запорожье и Екатеринославской губернии, проходит успешно и урожай ожидается хороший. 29 марта газета «Правда» сообщила, что урожай озимых на Украине очень хороший в семи областях, и лишь в Киевской и Подольской он немного ниже среднего. Радужные оценки посевной и грядущего урожая повторяли в апреле и мае и комиссар продовольствия Украины Владимирский, и нарком земледелия РСФСР Мануильский, и многие другие руководители страны [*Сербин*, с. 110–111]. Осознав, что в стране царит голод, власти все свои надежды обратили на Украину. Она стала главным местом заготовок зерна. Предполагалось собрать 117 млн

пудов, прикладывались большие усилия по выполнению заготовительных планов, заготовки проводились даже в голодающих губерниях, о чем сообщала 26 марта харьковская газета «Селянська правда». Однако получить удалось только 70 млн пудов. Даже небольшое изъятие зерна в пораженных голодом губерниях увеличивало потери населения. Параллельно заготовкам с началом НЭПа на Украине начались массовые закупки хлеба. Канадская украинская газета 3 августа писала: «После декрета о свободной торговле начался огромный наплыв москалей на Украину, которые рассчитывают совершить большие закупки хлеба. Крестьяне встречают их враждебно, поскольку после таких операций власть в ходе заготовок заявляла: "Ты, брат торгуешь ,— имеешь излишки, а в райпродком не сдаешь!" Бывали аресты».

Кроме того, на Украину с севера пробирались так называемые мешочники — горожане, обменивавшие вещи, мануфактуру, соль и другие товары на несколько десятков килограммов продуктов.

В то же время к крестьянам Украины обращались с просьбами о добровольной помощи самые разные организации. В Харькове был организован Всеукраинский рабочий комитет помощи голодающим Поволжья. В Киеве устраивались митинги и концерты, на которых в пользу голодающих было собрано несколько миллионов рублей. На Волыни на сельских сходах было принято решение сдать с хозяйства в пользу голодающих по 20 пудов зерна [*Сербин*, с. 116–142].

В то время как зерно стремительно вымывалось с Украины на север и восток, человеческий поток двигался в противоположном направлении. Из маленьких и больших городов, из голодающих сел Поволжья люди пытались добраться до «благополучной» Украины. Об этом много писали украинские газеты в США, Канаде и Европе. Это пытались опровергнуть советские руководители. Литвинов в Риге на переговорах с представителями Нансена говорил: «Появившиеся в заграничной печати сведения, будто бы миллионы жителей покидают пораженные голодом местности и движутся в различных направлениях, неверны... Советское правительство взяло в свои руки контроль над движением переселенцев и направляет их в губернии, где им обеспечена работа и хлеб».

Это утверждение не совсем справедливо. Государство действительно проводило организованную переброску рабочей силы из Поволжья на Украину для сбора урожая. Кроме того, было перевезено много детей из голодающих районов. По состоянию на 25 апреля 1922 г. на Украину прибыло 20 142 ребенка, в том числе 11 700 самотеком, остальные доставлены санитарными поездами [*Арнаутов*].

Но и стихийное массовое бегство из Поволжья в относительно благополучные районы также происходило. В первую очередь на родину возвращались украинские и немецкие колонисты, переехавшие в Поволжье в годы Первой мировой войны. Покидали дома, бросая и распродавая за бесценок имущество, не только переселенцы, но и многие коренные жители. Украинская печать в Канаде рассказывает о колоннах людей с хоругвями и иконами и одновременно под красными знаменами — они вступали в украинские села готовые как просить, так и отнимать продовольствие [*Сербин*, с. 115–122].

Голод 1921 г. разразился на юге Украины после сильного неурожая в степных губерниях. Он сопровождался страшными явлениями: болезненными опуханиями, голодными оттеками, истощениями, психозами, преступностью, распадом социальных связей, гибелью людей и даже людоедством. Обо всем этом много писали в 1921 г. в местной прессе («Коммунист» и «Пролетарий»), и ряд свидетельств собран в книге «Голод и дети на Украине», вышедшей в Харькове в 1922 г. по следам трагических событий [*Арнаутов; Гуревич*].

«Процент заболевших и умерших на почве голода в Мелитопольском уезде, по январским данным, чрезвычайно велик: всего заболело 14 541, из них взрослых 5222, детей 9319. Умерло от голода 374, из них детей — 221» (Коммунист. № 8).

«В Днепровском районе голодает все население, 8625 душ... Среди них 600 грудных детей. Изнеможенные от голода матери не в состоянии кормить их. Дети обречены на верную смерть» (Коммунист. № 16).

Председатель Николаевского рабочкома, объездивший голодные районы, сообщает о тяжелом положении голодающего населения: «Особенные ужасы переживают дети. По всему пути слышны душераздирающие крики голодных детей. Беспомощные, они умирают сотнями. Обезображенные голодом, с тонкими ручками, ножками и опухшими животами голодные дети бродят по городам и селам, как тени, собирая разные отбросы. Плачем и стоном дети вымаливают под окнами граждан крохи хлеба» (Пролетарий. № 34).

«В селе Заселье Николаевского уезда при 20 дворах ежедневно умирает 5–6 человек» (Пролетарий. № 50).

«В Мало-Янисольской волости Мариупольского уезда с 23 января по 1 февраля за неделю от голода умерло 126 человек» (Коммунист. № 37).

«В селе Жеребецком Запорожской губернии есть много семейств, которые уже около двух месяцев употребляют исключительно

суррогаты, и здесь можно наблюдать ужасную, потрясающую картину: люди сидят, сбившись на печке или около, с тупым отчаянием смотрят в одну точку и ждут скорее смерти» (Коммунист. № 22).

«Из Запорожья пишут: "Были случаи повешения детей, удушения их угаром и бросания их в колодец. Много случаев самоубийства"» (Пролетарий. № 49).

И так далее, и так далее... Сотни описаний немыслимых мучений, трагических происшествий, свидетельств гибели тысяч людей. Экономическая и демографическая статистика также отметила катастрофу огромного масштаба. Сократилось поголовье скота, уменьшились посевные площади. Рождаемость на всей Украине упала на 13%, смертность выросла на 43% (табл. 3).

Таблица 3. **Естественное движение населения Украины в 1920–1924 гг., на 10 тыс. человек**

Год	Родилось	Умерло	Прирост	Браки
1920	273	404	−131	119
1921	352	246	106	118
1922	306	351	−45	109
1923	340	161	179	150
1924	425	180	245	115

Источники: [*Украина*, табл. II]; Статистика Украины, сер. I, № 70, т. IV, вып. 1, с. VIII–XXI; сер. I, № 154, т. IV, вып. 7, 9, с. 3.

На территории, непосредственно затронутой голодом, изменения смертности и рождаемости были, конечно, более значительными, чем средние значения по всей республике. Смертность в трех степных губерниях во второй половине 1922 и первой половине 1923 г. была в полтора раза выше, чем в шести лесостепных (табл. 4, 5).

Особенно высокой смертность была в Одесской и Екатеринославской губерниях — 4–5%, в два с лишним раза выше, чем в более спокойных местах. В такой же пропорции возрастает и детская смертность. Рождаемость в степных губерниях также оказалась немного ниже, чем в более северных областях. В городах заметной разницы в уровне рождаемости между степными и лесостепными губерниями не отмечается (табл. 4.)[1].

[1] Все приводимые данные взяты из официальных публикаций тех лет и носят достаточно условный характер, так как учет движения населения еще только налаживался.

Таблица 4. **Естественное движение населения по губерниям Украины в 1920–1924 гг., на 10 тыс. человек**

Губерния	Родилось	Умерло	Прирост	Умерло до года	Родилось в 1923 г.
Волынская	378	140	229	169	353
Донецкая	197	228	−31	286	342
Екатеринославская	236	455	219	507	315
Киевская	380	249	131	245	249
Одесская	341	454	−113	408	253
Подольская	382	232	150	239	293
Полтавская	264	220	44	226	248
Харьковская	273	169	108	189	289
Черниговская	374	197	177	188	300
Украина всего	308	268	40	328	277
Лесная полоса (шесть губерний)	342	204	138	212	—
Степь (три губернии)	254	367	−113	397	—

Источник: Статистика Украины, сер. I, № 70, т. IV, вып. 1, с. XIV–XXI.

Как видно из табл. 5, повышенная смертность отмечалась не только в сельской местности, но и в городах степной полосы, причем наиболее тяжелым был второй квартал 1922 г. В четвертом квартале смертность опускается до довольно низкого уровня, но окончательная нормализация происходит в 1923 г., когда смертность оказывается заметно ниже среднестатистического уровня как в городах, так и во всей республике (табл. 3, 5).

Такое падение смертности свидетельствует о тяжести пережитой катастрофы: следствием гибели стариков и многих слабых и больных людей стало искусственное оздоровление населения в следующем году.

Хотя голод был массовым явлением, даже в степной полосе он не был тотальным. Отдельные семьи, деревни, районы были лучше обеспечены продовольствием и не так бедствовали, как другие. Об этом рассказывают очевидцы, на это указывает и довольно большое количество скота (свиней, овец, коров), сохранившегося в степных районах.

Одновременно с этим в благополучных северных губерниях отдельные районы и округа находились в тяжелом по сравнению с соседями положении. Наиболее сильное различие можно отметить в приросте населения весной — в начале лета и в числе браков, заключаемых в этот период.

Уровень смертности населения был тесно связан с величиной урожая. В табл. 6 приведены расчеты, сделанные сотрудниками ЦСУ Украины. Они разбили округа Харьковской, Полтавской и Черниговской губерний по размеру урожая на три группы: а) больше 10 пудов на душу; б) около 10 пудов; в) меньше 10 пудов.

Первая и вторая группы по демографическим показателям различаются не слишком заметно, хотя средняя рождаемость

Таблица 5. **Естественное движение населения в 1922–1923 гг. в различных регионах Украины, на 10 тыс. человек**

Регион	Квартал	Родилось	Умерло	Прирост	Браки	Разводы
			1922			
Лесная полоса (шесть губерний)	I	159	556	−397	105	22
	II	170	499	−329	103	26
	III	184	290	−106	125	22
	IV	195	221	−20	150	21
Степь (три губернии)	I	191	843	−651	111	28
	II	147	1 028	−881	92	25
	III	176	661	−485	124	25
	IV	142	205	−63	178	30
Три города степи	I	148	759	−611	111	28
	II	128	824	−696	92	25
	III	164	478	−314	124	25
	IV	148	219	−71	178	30
			1923			
Лесостепь (шесть губерний)	I	270	177	93	146	21
	II	379	160	219	175	26
	III	337	144	193	171	28
	IV	292	156	136	169	23
Степь (три губернии*)	I	185	186	−10	183	33
	II	249	152	147	168	32
	III	337	160	177	183	31
	IV	313	150	163	191	29
Пять крупнейших городов Украины**	I	216	189	27	188	31
	II	319	155	164	181	30
	III	332	160	172	203	33
	IV	281	148	133	206	31

* Одесская, Екатеринославская, Николаевская.
** Киев, Харьков, Одесса, Екатеринослав, Николаев.
Источник: Статистика Украины, сер. I, № 70, т. IV, вып. 1, с. XIV–XVI.

и смертность среди более обеспеченных оказались немного выше. Третья группа выделяется более высокой смертностью. В марте — июне в необеспеченных округах смертность была на 25–30% выше, чем в обеспеченных, и браков заключалось намного меньше.

Такие территориальные различия внутри довольно благополучных губерний указывают на общий низкий уровень жизни населения, когда недоедание в течение одного года приводит к тяжелым последствиям.

Кроме того, следует отметить низкую социальную мобильность, отсутствие взаимопомощи и возможности для гибкого перераспределения запасов продовольствия в стране. Все эти явления нельзя считать особенностями данной территории. Весьма вероятно, что с аналогичной картиной можно было столкнуться в любой губернии страны.

Таблица 6. **Естественное движение населения Украины по группам округов по месяцам 1922 г., на 10 тыс. человек**

Месяц	Родилось			Умерло			Прирост			Браки		
	А	Б	В	А	Б	В	А	Б	В	А	Б	В
I	344	325	342	234	235	289	110	90	53	245	205	148
II	366	354	375	277	281	356	89	73	19	256	264	227
III	372	335	380	314	335	420	59	0	−40	6	6	17
IV	298	239	293	296	308	431	2	−69	−138	52	35	45
V	205	213	285	276	301	449	−11	−88	−164	265	176	134
VI	291	212	269	236	256	394	55	−44	−125	93	56	72
VII	345	251	313	256	241	353	89	10	−40	49	52	56
VIII	383	273	327	290	225	295	93	48	32	34	48	51
IX	322	262	300	225	177	231	97	85	69	68	71	81
X	377	278	305	187	161	201	200	117	104	122	96	137
XI	370	254	280	159	151	192	211	103	88	166	182	267
XII	287	258	247	172	196	212	115	62	35	17	61	59
За год	335	271	309	243	239	318	92	32	−9	114	104	108

Примечание. А — Черниговская губерния, кроме округов, вошедших в группы Б и В. Б — Прилуцкий, Пирятинский, Лубенский, Лохвицкий, Роменский, Гадяцкий, Лебединский, Охтырский, Богодуховский округа. В — остальные округа Полтавской, Харьковской, Черниговской губерний.

Источники: [*Гуревич*, с. 48]; Статистика Украины, сер. I, № 70, 1923, вып. 1, с. XIV.

Приложение 3
Сведения ОГПУ о голоде 1933 года

В январе-феврале 1933 г. кампания повышенного давления на село с целью хлебозаготовок практически завершилась, и началась подготовка весеннего сева. Для посевной не хватало не только семян, отремонтированных тракторов, сильных лошадей, но и людей. Оказалось, что они массово убегают с Северного Кавказа, Украины и Нижней Волги — как заметил в постановлении бюро СКК ВКП(б) Б. Шеболдаев, «якобы за хлебом» [*Трагедия*, т. 3, с. 638]. Так же рассматривал политические причины массового бегства крестьян председатель ОГПУ Ягода: «Совершенно несомненно, что этот выезд прямо организован остатками вскрытых нами эсеровских, петлюровских контрреволюционных организаций. Прошлогодний опыт Украины показал, что массовый переезд в разные области Союза является лучшим методом распространения контрреволюцией провокационных слухов против колхозов и соввласти» [*Голод в СССР*, т. 3, с. 380–381].

В феврале 1933 г. ОГПУ представило подробные сведения по украинским областям о числе выехавших в декабре 1932 и январе 1933 гг. Всего выехало 85 217 одиночек и 9123 семьи. Больше всего — из Киевской, Харьковской и Днепропетровской областей, меньше всего — из Винницкой и Черниговской. Больше всех среди беглецов единоличников — почти половина всех мигрантов. Но численность семейных среди них меньше, чем у колхозников. Наибольшая доля эмигрирующих семьями среди кулаков и твердосдатчиков, а также у сельских активистов.

Справка включала 215 из 481 районов Украины [*Голод в СССР*, т. 2, с. 384–385]. При этом маловероятно, что в районах, представивших сведения, были охвачены все сельрады. Так что численность мигрантов даже при очень небольшом размере семьи, например три человека, составила не меньше 300 тыс. человек, а скорее всего, еще больше. Весной были предприняты решительные меры для возвращения беглецов на родину. Проводился учет голодающих, и им оказывалась некоторая помощь, в первую очередь работающим на посевной и детям. Появляются и первые сообщения ОГПУ о так называемых продовольственных затруднениях, исследования масштабов голода, наказываются местные руководители, на которых была возложена вина за гибель голодающих

(хотя они всего лишь усердно выполняли распоряжения центра). Начинается отпуск продовольствия нуждающимся районам и областям. Но в первую очередь Политбюро ЦК КП(б) поручает ГПУ решительно бороться с паническими и провокационными слухами. Регулярные отчеты ОГПУ, посылаемые как в Москву, так и местным властям, освещают эти проблемы.

К сведениям ОГПУ весной 1933 г. добавились рапорты организуемых повсеместно политотделов. Все они проходят под рубрикой «Совершенно секретно». Очень тяжелое положение отмечается на Украине, Нижней Волге, в Центрально-Черноземной области, на Урале, в Северокавказском крае и на Дальнем Востоке. Материалы сигнализируют о наличии острых продовольственных затруднений в отдельных колхозах НВК и ЦЧО. В этих колхозах отдельные семьи за отсутствием хлеба питаются разными суррогатами и мясом павших животных. На этой почве имеются случаи смерти, опухания, заболевания сыпным и брюшным тифом и отдельные случаи людоедства. Рассмотрим несколько примеров из этих отчетов.

Дальневосточный край

«В Свободненском районе к коменданту погранучастка явился председатель колхоза “Красный партизан” Якимов и, предъявляя поданную им в крайком и крайзу телеграмму, заявил, что он не уйдет от него до тех пор, пока не получит ответа. Телеграмма следующего содержания:

“Хабаровск. Крайком партии, копия Земуправлению. Валовый сбор всех культур 582 [ц], сдано государству 348,5 ц, на трудодни колхозникам израсходовано с 20 августа по 1 февраля 142,07 ц, возврат заемного да гарнца мельнице и другие расходы 25,77 ц. На сегодняшний день продовольствия совершенно нет, колхозы [в] займе отказали. РИК [в] ходатайстве [о] продовольствии отказал, колхозники вынуждены покинуть хозяйство, последнее остается на произвол. Леспромхоз, другие организации семьи колхозников не снабжают. Убедительно просим решить данный вопрос, дать [из] фонда государства продовольствия нетрудоспособным или укажите, кому передать хозяйство. Председатель Черемушевского колхоза ‘Красный партизан’ Якимов”».

«В с. Житомирка конюх колхоза, не имея хлеба, подобрал павшую овцу и употребил в пищу. В этом селе голодают 7 семей.

В с. Албазино Завитинского района ДВК со скотомогильника растасканы все трупы животных. Трое колхозников после

недельной голодовки употребили в пищу взятые со скотомогильника трупы скота. В этом же селе кладовщик колхоза, скотник и животновод разделили между собой павшую корову» [*Трагедия*, т. 3, с. 662–663].

Нижневолжский край

«Балаковский район. По 13 селам отмечено 85 семей, испытывающих продзатруднения, из них в 75 семьях имеются опухания от недоедания, отмечены 50 случаев употребления в пищу павших животных... В основном испытывают продзатруднения многоедацкие семьи колхозников при 1–2 трудоспособных, в том числе работавшие добросовестно и выработавшие от 300 и более трудодней, с которых при окончательном расчете 50—80% из причитающегося к выдаче хлеба было вычтено на общественное питание.

В с. Сулак колхозница, бывшая беднячка Вечасова, после того, как ей правлением колхоза было отказано в выдаче хлеба, заявила: "При Советской власти мы стали подыхать с голоду, что же мне теперь делать с детьми, резать их, что ли, обещали нас удовлетворить хлебом, а вышло наоборот. Я вот возьму нож и зарежу кого-нибудь из вас, все равно умирать от голода или в тюрьме".

Сердобский район. В с. Бутурлинка в семье колхозника Давыдова имеются опухания на почве недоедания. Давыдов имеет 400 трудодней, получил хлеба около 12 пудов, в семье 8 чел., питаются суррогатами. Колхозник Михеев умер от недоедания, жена и сын больны от истощения. Имел около 300 трудодней».

Центрально-Черноземный округ

«В колхозе "Профинтерн", с. Борки 13 семей колхозников начали опухать от голода, из них 10 чел. активистов-колхозников, имеющих от 220 до 300 выработанных в колхозе трудодней.

Борисовский район. В 4-х сельсоветах Борисовского района отмечены острые формы продзатруднений. В сл. Борисовке (райцентр) имеется до 100 семейств, опухших от голода. В Михайловском сельсовете умерло от голода до 30 чел. детей и взрослых. В Октябрьском сельсовете умерло 25 чел. и в Никольском сельсовете до 20 чел. Отдельные целиком вымершие семьи лежали замерзшими в своих хатах по нескольку дней, со стороны сельсоветов мер к их похоронам не принималось. Местные врачи случаи [смерти] от голода скрывают, выдавая о причинах смерти

фиктивные справки. Врач райбольницы по этому вопросу заявлял: “Мы не пишем справок о голодной смерти из-за боязни того, что нас, врачей, могут обвинить в каком-либо вредительстве”.

Валуйский район. ЦЧО. В районе учтено до 30 опуханий от голода (Курганский колхоз им. РККА) и несколько случаев голодной смерти. В связи с продзатруднениями фиксируются отрицательные настроения отдельных групп колхозников и единоличников, бедняков и середняков» [*Трагедия*, т. 3, с. 661–662].

«Отрицательно действует на настроения вселенцев-красноармейцев и, в особенности, их семей наплыв бродячего деклассированного элемента из соседних станиц, занимающегося попрошайничеством и грабежами квартир.

За время с 18 февраля по 8 апреля изъят 141 чел. Изымается в станице дополнительно бродячего местного контрреволюционного элемента 50 чел.» [*Трагедия*, т. 3, с. 665–668].

Урал

«В д. Спициной 23 февраля на почве недоедания повесился колхозник — ударник, неоднократно премированный, участник районных слетов ударников.

В с. Грязновом и д. Рудянской за 6 дней зарегистрированы 3 самоубийства на почве голода. Наряду с этим наблюдается рост эпидемических заболеваний (сыпняк, брюшняк, цинга), чему в значительной степени способствует недоедание. Динамика заболеваний, январь: сыпным тифом — 2843, брюшным тифом — 486, натуральной оспой — 284, цингой — 0, всего — 3613, февраль соответственно 3842, 604, 261, 132, 4832, четыре дня марта — 205, 24, 18, 22, 269. На почве продзатруднений среди части колхозников отмечаются резкие отрицательные настроения: Советская власть нас заморила, вот я три дня не едал и сейчас голодный, наверное, Советская власть к тому стремится. Рука не дрогнет в случае, или нате, рубите мне голову» [*Трагедия*, т. 3, с. 661–662].

Северокавказский край

Начальник политотдела Водораздельской МТС 20.04.1933 сообщает:

«В прошлом донесении отмечал ряд случаев истощения и смертности, считаю нужным привести ряд цифр, фактов опухлости, больных и смертности, главным образом из-за недостатка питания. Колхозы — 270 хозяйств, больных 1337 человек.

Единоличники — 78 хозяйств, больных 279 человек... Есть ряд случаев — хоронят без регистрации и закапывают по 4–6 чел...

Из фактов голода:

В Алексеевке 16 апреля умер ребенок двух лет. 17 апреля мать его порубила, сварила и с остальными тремя детьми съела. На вопрос председателя сельсовета и секретаря ячейки — ответила, что "есть нечего". Единоличница Шаева Евдокия.

В Кианкизе пропал мальчик 6 лет — через несколько дней обнаружен скелет, остальное все съедено. Из мнений односельчан — мать его убила и съела.

В Будановском колхозе при осмотре одного нежилого дома обнаружена мертвая женщина и рядом лежала полумертвая девочка лет восьми — дочь умершей. При приведении в чувство девочка рассказала, что мать с неизвестным мужчиной съела грудного ребенка и мальчика пяти лет, хотели съесть и ее — померла мать.

В Подгорненском сельсовете единоличница Кравцова бросила двух малолетних детей в колодец с водой, где они погибли, объясняет тем, что "есть нечего".

Расследование продолжается. Политотделом приняты меры к проверке действительного удовлетворения нуждающихся, трудность заключается в том, что охватить 32 колхоза в радиусе от 8 до 30 км очень трудно, к тому же крайне затрудняет бездорожье.

Ряд уполномоченных райкома при колхозах отмечает недостаточность ссуды в порядке продпомощи».

Из донесения политотдела Георгиевской МТС:

«В колхозах станицы Лысогорской продовольственное положение очень тяжелое. Сильно выросла смертность по сравнению с 1932 г. Так, по данным ЗАГСа, в стансовете умерло в 1933 г. и 1932 г.:

Январь	27 чел. и 4 чел.
Февраль	22 чел. и 3 чел.
Март	34 чел. и 5 чел.
Апрель	62 чел. и 5 чел.

При этом надо иметь в виду, что в 1933 г. на апрель было 62 смерти в течение 18 дней, а в 1932 г. умерло 5 чел. за весь апрель месяц. Эти данные не полны, ибо не всегда смерти аккуратно регистрируются ЗАГСом (умирает одинокий, безродный старик, или умирают вне станицы, по пути в степь или в г. Георгиевск, в совхоз и т. д.). Умирают больше всего дети и старики, но 20% умерших — взрослые от 20 до 40 лет. Причины смертей: истощение, болезни кишок,

простуда и т. д. На тысячу колхозников ст. Лысогорской имеется 60 семей, опухших с голода, которым выдано по 4–5 кг муки кукурузной. В бригадах нет приварка, варится суп с кукурузной мукой или с пшеном (по 50 г на человека) без жиров. По домам варят суп со щавелем, нарванным в поле. Из ст. Лысогорской множество женщин ходят за 12 верст в ст. Незлобную и там выменивают на одежду и покупают за деньги отруби и другие отходы с мельницы и крупорушки... В поле питаются только тем, что отпускается в порядке продссуды, обычный рацион 400 г кукурузного хлеба и один или два раза суп из котла с кукурузной мукой или с пшеном без жиров. Несколько лучше питание тракторных бригад, они имеют через день мясо (по 100 г на человека), а приварок такой же, хлеба 800 г. Стоило очень большого труда сломать кулацкую уравниловку в выдаче хлеба. Так, в тракторных бригадах № 6 и 7 хлеб выдавался по 800 г на человека в день независимо от выработанных трудодней за сутки и от выполнения нормы. Такая же уравниловка имела место в коммуне "Борец". По предложению политотдела заведующему участком МТС Романенко и председателю коммуны Потапову бюро ячейки дало выговор (оба члена ВКП(б)) за это дело, и с 20 апреля уравниловка в даче хлеба была сломана» [*Трагедия*, т. 3, с. 662–669].

«Невиномысский район. В колхозе "Победа социализма" отравилось хлебом 8 колхозников. Отравление проявилось в легкой форме и на производственных работах не отразилось. Имеется подозрение в умышленном отравлении муки. Образец муки выслан для анализа в лабораторию г. Армавира. Следствие ведет заместитель начальника политотдела МТС.

Кущевский район. Ст. Шкуринская. На почве продзатруднений имели место факты смертности. 16 марта умерли от голода колхозник Тригуб, активист, имеет 175 трудодней. Он неоднократно обращался в правление колхоза за выдачей продовольствия, но помощи не получил».

Начальник Ново-Джерелиевской МТС сообщает в политуправление Наркомата земледелия в апреле 1933 г.:

«Выдачу продпомощи по трудодням некоторые колхозы поняли своеобразно: выдавали тем, кто выходит в поле, без различия, бедняк ли, середняк, зажиточный, а не выходящему бедняку, опухшему от голода, с 1928 г. в колхозе, выработавшему в прошлом году 300 с лишнем трудодней, хлеба не дают как неработающему, не авансируют его (колхоз "Хлебороб Ленина", бедняк Пелих). Получается, как заявляют колхозники, "кто имеет, тот и

получает, а кого нет, тому и нет". Случаи опухания, смерти от голода всё увеличиваются. Так, далеко по не полным сведениям, в сельсовете не регистрируют, а прямо возят на кладбище, не закапывая, ставят гробы, а то и не вывозят из дома. За январь по ст. Н. Джерелиевской умерло 18 колхозников, 10 единоличников, февраль — 24 [колхозника], 10 [единоличников], март — 71 [колхозник], 50 [единоличников]. За один день 31 марта было вывезено 48 трупов. В колхозе "Ворошилова" в этот же день умерла семья из трех человек, умерло два тракториста. Характерно то, что колхозник Войко голодал, ел лошадь, а у него нашли три ямы в 100 пудов зерна. Единоличник Мовчан умер от голода, довел до смерти детей, а у него нашли 20 пудов ячменя и 15 пудов муки. Часть людей предана суду, уже осуждены и ведется следствие.

Особо преступная политика к тракторным бригадам — ряд колхозников, ряд бригад не получали по одному-два дня продовольствия, сидели голодные, не работали. Особо большую выдержку проявил бригадир 8 бригады Никитенко, опухший, голодный, он продолжал работать вместе со своей бригадой.

Общественное питание налажено скверно, нет приварка, истощенные трактористы вдвоем не могут завести трактор. На этой почве отмечены случаи воровства (рыба, сало), да и вообще, характерное явление — усиливающееся воровство — в степи происходит по производственной части, даже в МТС была попытка украсть концентрированные корма.

Нами проведено: 1) достали единовременную помощь тракторным бригадам по 200 г на сутки мяса; 2) увеличиваем хлебный паек от 500 до 800 г (без примесей магары) на работающего в поле; 3) мобилизуем внутренние ресурсы (капуста, бураки, масло). Выдача хлеба трактористам привязана согласно выполненной нормы 800 [г] печеного хлеба. Если норма не выработана, то уменьшается до 500 грамм.

Положение с продовольственным снабжением красноармейских переселенческих колхозов в станице Красноармейской неудовлетворительное. С 25 марта не выдается совершенно рыба и мясо. По причине полного отсутствия продуктов питания закрылась столовая колхоза им. Дзержинского на 140 чел...».

Украина

О катастрофическом положении на Украине имеется множество свидетельств в работах: [*Голод в СССР*, 2009, с. 230–242; *Голод 1933*,

1963; *Голод 1932–1933,* 1990, 1993; *Голодомор*, 2007, 2010]. Одним из первых официальных документов по Украине была «Докладная записка о продовольственных затруднениях и случаях голода на этой почве в Киевской области», составленная в конце января 1933 г. начальником Киевского областного отдела ГПУ Розановым и начальником секретно-политического отдела Киевского особого округа ГПУ УССР Медведевым. С одной стороны, это очередной традиционный отчет ОГПУ о положении дел и настроениях населения в городах и селах подведомственного района, с другой — главной темой записки является голод и его последствия: «...в городе Умань в связи с систематическими перебоями в снабжении города хлебом резко ухудшились продовольственные затруднения».

Говорится о массовом отъезде из города студентов, преподавателей и других жителей. Приводится шесть примеров тяжелого положения конкретных рабочих разных профессий и сообщается: «В результате проверки установлено 12 случаев опухания и до 120 случаев смерти на почве истощения... В Умани значительно обострились продовольственные затруднения еще в прошлом году. Увеличилась смертность. В январе 1933 г. умерли 143 человека. Причины смерти нигде не регистрируются. На Уманском кладбище ежедневно находят по нескольку трупов, вывозимых туда родственниками умерших. Боясь ответственности, о смертных случаях и вывозок трупов на кладбище никто не сообщает в ЗАГС. В городе наблюдается большое количество беспризорных».

Похожая картина отмечается в Житомире, где «из вузов ушло до 1000 студентов вследствие тяжелых материальных и бытовых условий. С 18 января студенчество вовсе не снабжается хлебом... На фабрике “1-го мая” была зарегистрирована волынка в сборочном цехе. Группа рабочих кричала: “Мы голодны, семьи голодают, работать дальше нет сил”... Опухания на почве голода в основном отмечены среди деклассированного элемента. Отдельные случаи голода служат причиной распространения в городе со стороны антисоветского элемента провокационных слухов».

Очень много внимания, почти четверть всего текста, уделено в записке настроениям рабочих на Боронницком стекольном заводе. Хотя, казалось бы, там не происходило ничего особенного. Рабочие требовали хлеба и демонстративно уходили с работы. На партийное собрание пришли только 15 коммунистов из 55, остальные заявляли, что, пока хлеба не дадут, на собрания ходить не будут. Пятеро рабочих пришли к директору домой и обыскали его квартиру,

чтобы убедиться, что у него нет запасов продовольствия. Директор, в свою очередь, «обманным путем» получил из колхоза две тонны зерна и раздал рабочим, за что был исключен из партии. В столовой один из рабочих начал петь песню: «Як колись орали коньми та волами, то топтали хліб під ногами, а теперь як орут тракторами, то ляскають зубами». Песня вызвала возгласы одобрении, а рабочий Каминский заявил: «Такой социализм, когда нет куска хлеба, никому не нужен, если будет восстание против советской власти, то я хоть и старик, а все-таки пойду бить советскую власть».

Информация, сообщаемая в записке о положении в сельской местности, выглядит еще более трагической, хотя начинается такой же стандартно спокойной фразой:

«В отдельных районах в селах также отмечены продовольственные затруднения. Аналогично прошлому году в ряде сел зарегистрированы факты опухания и смертных случаев на почве недоедания по материалам Райотделения.

С. Харьковка. Колхозник, бедняк Кривой Д. П., жена находится в ДОПРе за людоедство в 1932 г., голодает. Один ребенок замерз на улице, когда ходил по хатам просил хлеба, второй умер с голоду. После смерти двух детей Кривой из села сбежал, оставив на произвол судьбы 6-ти летнего мальчика, которого через несколько дней соседи обнаружили мертвым на печке...

С. Маньковка. Кравченко Никита, бедняк, из села бежал, двое детей опухли, а жена умерла и лежала в квартире 3 дня, так как никто не хотел хоронить. Хронь, бедняк, единоличник, весной 1932 г. голодал. В декабре п. г. на почве недоедания повесился. В этом селе на улицах лежали трупы, в течение 2-х дней никто их не убирал. По предварительным данным, за последнее время умерло на почве голода до 20 человек.

С. Нестеренко. Голубенко И., бедняк, колхозник, семья питается суррогатами (вишневые ветки), семья опухла. В этом селе отмечено несколько случаев, когда родители бросили своих детей и выехали. При колхозе имеется до 30 беспризорных детей, которые временно помещены в холодном помещении, среди них 22 ребенка школьного возраста. 24 января в этом доме на почве голода умер один ребенок, который находился среди детей на протяжении нескольких дней.

На ярмарках в Мархлевске и Каменном Броде в продаже появились желуди, раскупаемые в основном беднотой.

В Петрашевском сельсовете Володарского района. по материалам Райаппарата, умерло 35 человек. Сейчас в этом селе

насчитывается больными и опухшими до 30 человек. Средь умерших преимущественно дети от 2 до 10 лет.

Все указанные факты тщательно проверяются на месте. РПК и РИК приняты меры оказания помощи голодающим» [*Голод в СССР*, 2009, с. 232–242].

В феврале и марте...

Всего в отчете сообщается о 16 селах, расположенных в семи районах. Там упоминаются 145 голодающих семей, 144 погибших от голода, 73 брошенных родителями ребенка, несколько десятков опухших и истощенных людей. Эта выборка, конечно, не является представительной, но в этих эпизодах видны характерные детали происходившего тогда на Украине.

В феврале и марте, когда было принято решение оказать голодающим продовольственную помощь, отчеты ОГПУ и МТС приобрели очень важное значение, так как на их основе принимались решения о размерах и распределении помощи.

Очевидно, с такой целью ОГПУ было предпринято (видимо, в конце февраля) обследование районов Киевской области. На 1 января в области числилось 94 района. Численность населения 39 из этих 42 обследованных районов[1] составила 2,534 тыс., то есть 49% от всего сельского населения Киевской области [*Голод 1932–1933*, 1990, с. 399–400; *Народне господарство*, 1935, с. 9–10].

Обследованием зафиксировано 93,6 тыс. голодающих взрослых и 112 тыс. голодающих детей. Кроме того, учтено 15,6 тыс. больных, 47,4 тыс. опухших, 12,8 тыс. умерших, 72 случая людоедства и 65 случаев трупоедства. Эти страшные характеристики голода распространены по рассматриваемой территории неравномерно. В восьми районах нет ни одного умершего, а в тринадцати смертность превышает 10 промилле (это за два месяца!). В двух районах (Володарском и Ракитянском) можно говорить о реальной угрозе вымирания. Численность голодающих в них 29 и 14%, опухших — 5 и 15%, умерших от голода — 4 и 1,5% населения [*Трагедия*, т. 3, с. 646–647].

При этом обследование не представляется достаточно полным и надежным. Например, согласно рассматриваемой таблице ОГПУ, в Букском районе отсутствуют данные о больных и опухших, а в записке Киевского отдела ГПУ от 12 марта говорится:

«Букский район. Село Коженцы. Опухло 286 человек, из них колхозников 59 человек, умерло в январе 8 человек, в феврале

[1] Три района не удалось идентифицировать по справочнику.

32 человека. Бригады сельсовета ежедневно в погребах обнаруживают трупы умерших. За два дня изъято 16 трупов. Село Маньковка. Опухших и истощенных на почве недоедания 400 человек, за два месяца умерло 30 человек, в том числе 23 колхозника. Село Харьковка. Больных, истощенных на почве недоедания — 234. Село Берянка. Опухло 47 семейств, в том числе 3 семьи красноармейцев. Село Помойки. Опухло 147 человек. Село Подковничи. Опухло 269 человек, в том числе 94 ребенка» [*Шаповал*, с. 308–309].

Цифры должны быть заметно больше, поскольку мы используем оценку численности населения районов в начале года, а большое число жителей бежало из сел в поисках еды. По отношению к оставшимся дома процент голодающих, опухших и погибших будет выше. Кроме того, следует помнить, что смертность населения Украины весной и летом стремительно росла и достигла пика только в июне-июле 1933 г.

В списке наиболее нуждающихся в продовольственной помощи районов, составленном на 21 июня для Политбюро ЦК КП(б)У, приведены 33 района Украины, из них 12 в Киевской области. Все эти 12 присутствуют и в списке ОГПУ от 1 марта. Это значит, что в марте выборка была не случайной, а включала наиболее сильно пострадавшие районы Киевской области.

В таблице ОГПУ в 42 районах приведены данные об оказании продовольственной помощи. Всего было распределено 1614 т зерна. Это в действительности очень мало. Если распределить такую помощь среди 205,7 тыс. голодающих в этих районах, то придется примерно по 8 кг на человека, то есть на три недели по полкилограмма в день. Мы знаем из сохранившихся в архивах сведений о смертности, что помощь, которую начала оказывать власть весной 1933 г., не уменьшила число голодающих, а повышенная убыль населения в апреле — июле, напротив, стремительно возрастала, и лишь в конце лета смертность населения на Украине постепенно начала снижаться.

Весной и летом 1933 г. голодающие украинские крестьяне продолжали бежать из дома в города и в другие республики.

«ГПУ отмечает прибытие в Харьков в январе-феврале 645 человек (бездомных 257, больных 15, детей 373), в марте-апреле — 4476 человек, в мае — 11 402 человека и за 3 дня июня 1076 человек (взрослых трудоспособных 313, больных 157, детей и подростков 606). За то же время в городе было подобрано 2600 трупов. Из 64 районов Харьковской области в начале июня было сильно по-

ражено голодом 23 района, менее поражено 17 районов и слабо поражено 8. Также отмечается широкое распространение трупоедства и людоедства» [*Шаповал*, с. 324–331].

Сообщая об ужасах голода, ОГПУ не забывает разоблачать и арестовывать голодающих, сумевших сохранить для своей семьи каплю продовольствия. Так, в спецсообщении о «случаях провокации голода» в Одесской области 21 апреля 1933 г. говорится:

«В с. Чулановка Голопристанского района у единоличника Цихановского опухли от недоедания дети. Произведенным обыском у него обнаружено 54 пуда скрытого хлеба.

В Ивановском сельсовете Больше-Александровского района единоличник Белоед, явившись в сельсовет, стал кричать о том, что он умирает с голоду. Произведенным обыском у него обнаружено 2 пуда картофеля, пуд фасоли и 2 пуда бурака. В том же сельсовете опухла от голода семья колхозника Писенко. Произведенным обыском обнаружено в яме 4 пуда пшеницы. Все трое арестованы. Дело закончено и будет слушаться в показательном порядке».

Приложение 4
Сведения о поголовье скота у селян Украины

Поголовье скота — одна из наиболее надежных характеристик крестьянской жизни. Учет поголовья прост и вполне определенен. Преуменьшая или недооценивая размеры посева или валовой сбор, крестьянин не будет обманывать счетчика относительно того, есть ли у него лошадь и корова и сколько у него свиней. Учет скота проводился при весенних опросах начиная с 1921 г., и с различной степенью детальности эти данные опубликованы. После прекращения выборочных обследований в 1929 г. сбором сведений о скоте занимались Наркомфин, Наркомзем и другие организации. Дата учета постепенно смещалась на лето, и, кроме сельского населения, учет начинал охватывать горожан. Данные о скоте рабочих и служащих включены в 1932 и в последующие годы в группу единоличников. После 1930 г. вводятся поправки, чтобы устранить недоучет. Скот горожан, живущих в сельской местности, начинают полностью учитывать лишь с 1934 г. Несомненно, что присоединение новых данных заметно искажает общую динамику изменения численности поголовья скота. Таким образом, после 1930 г. материалы становятся все более полными, если не преувеличенными.

Важным фактором для нашего исследования является разделение скота с 1930 г. на две принципиально разные группы: индивидуальная собственность населения и государственно-общественный скот. В последнюю группу входили колхозные и совхозные фермы.

Колхозник не только не мог зарезать колхозную скотину — за горсть овса, заимствованную из ее кормушки, ему после августа 1932 г. грозила смертная казнь. Колхозный скот из собственности сельского жителя превратился в объект обслуживания.

Не принадлежала фактически крестьянину и его лошадь. Ее повреждение или смерть в 1931 г. могли повлечь за собой наказание штрафом в десятикратном размере ее стоимости или тюремное заключение сроком 1–3 года (Постановление ЦИК СНК от 7 декабря 1931 г. // СЗ. 1931. № 71). Однако меньше чем через год «за незаконный убой, повреждение или хищническую эксплуатацию лошади вводится смертная казнь» (Постановление ЦИК СНК от 7 марта 1932 г. // СЗ. 1932. № 31). Кроме того, были приняты специальные законы, контролирующие убой домашних животных

(молодняка — до 18 месяцев, свиней — до шести месяцев и др.). Для забоя требуется разрешение ветнадзора (Постановление ЦИК СНК от 16 января 1930 г. // СЗ. 1930. № 6; Постановление ЦИК СНК от 1 ноября 1930 г. // СЗ. 1930. № 57)[1].

Все эти меры заметно ограничивали возможность крестьянина распоряжаться своей живой собственностью. Но еще более важным обстоятельством были мясопоставки с каждого хозяйства сначала единоличника, а затем и колхозника. Эти налоги отбирали заметную долю сельской продукции. Постепенно живность крестьянского двора превращалась из богатства, которым свободно распоряжается хозяин, в контролируемое государством имущество, доверенное крестьянину для ухода. Но окончательного отчуждения крестьянского скота от его владельца так и не произошло. В середине 1930-х годов страшные кары и ограничения постепенно выходят из употребления. Основным регулирующим механизмом становится налог на продукцию животноводства. Право жизни и смерти домашнего скота частично возвращается к сельскому жителю.

Рассмотрим кратко систему ценностей и предпочтений применительно к обитателям крестьянского двора. Персоной номер один, как уже отмечалось, была лошадь. Она получала львиную долю фуражного зерна, с ней расставались лишь в самом крайнем случае, когда становилось очевидным, что прокормить ее невозможно, на ее защиту, как мы видели, самоотверженно бросалось в начале 1930-х годов советское правительство. В конечном счете все же было решено отобрать у крестьянина это ценное животное в государственно-коллективную собственность.

Второе по важности место занимала корова. Ее главным продуктом было молоко, а основным достоинством — неприхотливость в пище. Корова нуждалась в минимальной доле зерна и в крайнем случае, который наступал весной, обходилась сеном или даже соломой с крыши. К весне ждали теленка, который со временем должен был решить финансовые проблемы семьи или обеспечить ее мясным питанием. Большие и богатые семьи имели в 1920-х годах не одну, а двух или трех коров, но рядовая крестьянская семья ограничивалась одной плюс появляющийся молодняк.

---

[1] Правда, 10 мая 1932 г. был разрешен убой крупного и мелкого скота для поставок и собственных нужд населения (СЗ. 1932. № 33. С. 195; № 70. С. 18). Однако в сложившейся ситуации это не было предоставлением реальной свободы сельскому жителю, поскольку в то же время от него требовалось первоочередное выполнение тяжелых налоговых обязательств и запрещалась рыночная продажа.

Коров любили и горожане. При переписи 1923 г. в украинских городах было зарегистрировано 204 тыс. коров, 158 тыс. лошадей, 44 тыс. свиней и 83 тыс. овец (табл. 2).

Овцы тоже были неприхотливыми, хотя и менее ценными животными. В семье их было обычно 5–10, так как держали их в основном из-за шерсти, и от одной овцы не было в этом отношении проку. Мясо овец являлось дополнительным подспорьем, и, главное, они практически не претендовали на хозяйское зерно.

Роскошью, указывающей на благополучие в хозяйстве, была свинья. Мясо ее и сало служили необходимым элементом питания крестьянина, давая ему едва ли не половину всей мясной пищи. Но недостатком свиньи была ее потребность в фуражном зерне. Поэтому осенью, после урожая, крестьянин оценивал свои ресурсы, и многим свиньям приходилось вскоре расстаться с жизнью. Зиму переживали лишь отдельные производители и свиноматки. А весной поколение свиней вновь умножалось.

Признаком благополучия были и куры, снабжавшие семью яйцами и мясом. Численность их резко падала к зиме и вновь удесятерялась весной.

Эти характерные черты потребления крестьянской семьи и ее скота позволяют использовать численность домашних животных как индикатор обеспеченности семьи продовольствием. Семья без какой-либо домашней живности либо не была крестьянской, а занималась ремеслом, работой в городе, либо была очень бедной. Так, по данным весеннего обследования 1926 г., не имели рабочего скота свыше половины хозяйств с посевом до одной десятины. Это были малочисленные семьи, в каждой третьей из них главой семьи была женщина, для обработки земли приходилось нанимать работников, а сами члены семьи нередко нанимались в батраки. В общем населении села на них приходилось всего 2,5%. Половину сельского населения составляли хозяйства с малым количеством скота и с посевами 1–4 десятины. Пятнадцать процентов этих семей вообще не имели домашних животных.

Мечтой крестьянина было иметь двух лошадей и жеребенка, корову с одним-двумя телятами, пару свиней или 4–5 овец, всего 8–12 домашних животных. Однако обладателями такого идеального комплекта было всего 7% селян Украины. Это были большие семьи с 3–4 мужчинами-работниками, засевавшие по 9 га и более. Для средней семьи достичь такого уровня было невозможно из-за нехватки земли. Кроме финансовых трудностей, поголовье скота на Украине ограничивалось площадью выпасов и размерами

урожая. Численность поголовья около 23 млн сохранялась здесь в течение десятков лет перед революцией. Можно предположить, что это была норма, соответствовавшая характеру тогдашнего землевладения и землепользования.

Перераспределение земли и освобождение крестьян от контроля властей в годы Гражданской войны привели к быстрому увеличению числа домашних животных, оно выросло за три года почти в полтора раза. Установление твердой власти и начало хлебозаготовок в большом масштабе, а также неурожай 1921 г. вернули крестьянские хозяйства к прежнему или более низкому уровню, с которого ему так и не суждено было подняться.

Таким образом, скот в семье украинского селянина был необходимой составной частью экономического производства. Не существовало крупных животноводческих хозяйств, каждая семья имела небольшое, постоянно возобновляемое поголовье. Домашние животные обеспечивали семью мясом, молоком, яйцами, иногда шерстью, а также приносили дополнительный финансовый доход. Численность поголовья регулировалась урожаями и общей обеспеченностью крестьянской семьи. В случае сильного неурожая мясо являлось важным дополнительным источником питания и дохода.

Рассмотрим кратко изменение численности домашних животных (табл. 1, 2).

Таблица 1. **Число хозяйств в селах Украины без скота, тыс.**

Хозяйство	1921	1922	1931	1932	1933	1934 (колхозники)	1934 (единоличники)
Без коров	816 (18,8)	1 102 (25,4)	2 054 (41,5)	2 937 (59,4)	3 202 (64,7)	2 351 (59,5)	393 (71,5)
Без свиней	2 651 (61,2)	3 679 (84,9)	4 300 (86,9)	4 689 (94,8)	4 722 (95,4)	2 402 (60,8)	421 (76,6)
Без скота	329 (7,6)	443 (10,2)	595 (12)	2 336 (47,2)	2 658 (53,7)	1 695 (29,6)	201 (36,6)
Голов скота на 100 хоз., имеющих скот	765	587	272	232	212	243	150

Примечание. Данные на лето соответствующего года. Число хозяйств в 1921 и 1922 гг. — 4339 тыс., в 1933 г. — 4948 тыс. В скобках указан процент от общего числа хозяйств.

Источники: [*Народне господарство*, 1935, с. 256–262; *Итоги сельскохозяйственной переписи*, с. 1–2, 4–41 *СС*, 1935, с. 380–385]; Итоги осеннего обследования // Статистика Украины. 1922. № 8. С. 1–40.

Сразу после кризиса 1921 г. поголовье начинает расти, одновременно происходит его качественная перестройка: увеличивается число «главных животных» (коней и коров). Рост этих двух групп продолжается непрерывно в 1924–1928 гг., независимо от урожаев. В неурожайные годы сокращается поголовье молодняка крупного рогатого скота и свиней. Удар коллективизации (зима 1930 г.) привел к выходу из-под контроля крестьянина лошадей, которые становятся все более посторонними на его дворе, и к резкому сокращению поголовья всех остальных животных. Но падение численности скота в 1931–1933 гг. уже не связано непосредственно с процессом обобществления. Уставом сельскохозяйственной артели, опубликованным в марте 1930 г., крестьянину оставлялась корова и весь мелкий скот. После раскулачивания корова практически у всех семей была единственной, и обобществление ни ей, ни свиньям, ни овцам не угрожало. Поэтому продолжавшееся сокращение поголовья позволяет нам оценить трудности жизни крестьянина тех лет.

К сожалению, в материалах 1930 г. и последующих лет не выделена группа населения, у которой скот вообще отсутствует. Приходится оценивать эту категорию, прибегая к некоторым предположениям относительно численности поголовья в крестьянском дворе. При этом приняты предпосылки, скорее преувеличивающие число семейств, обеспеченных скотом, чем недооценивающие его. Основу оценки составляет поголовье коров, и предполагается, что ни в одном дворе взрослых коров не было больше одной.

Поколение молодняка крупного рогатого скота заметно уступает по численности числу коров. Так как учет проводился летом, то, очевидно, речь идет главным образом о телятах последнего отела, и находились они практически в тех же хозяйствах, что и взрослые коровы. Однако из осторожности предполагаем, что одна четверть молодняка перешла уже в другие руки. Свиньи и овцы, вероятней всего, находились в тех же семьях, что и коровы. Но, опасаясь преуменьшить число семей без скота, предполагаем прямо противоположное, что все владельцы свиней или овец не имели коров. Так как речь идет о численности свиней летом, то есть после опороса, соотношение между взрослыми свиньями, пережившими зиму и весну, и поросятами принято 1 : 2,5 (по данным весенних опросов 1923–1929 гг.). Число владельцев свиней принимается тем самым в 3,5 раза меньше, чем число учтенных свиней. Относительно овец предполагается, что в одном хозяйстве было 2–3 овцы и 1–2 ягненка. Число владельцев берется равным четвертой части числа овец.

Как ни условны сделанные предположения, они скорее преувеличивают оценку численности хозяйств со скотом, чем преуменьшают ее. При подобном подходе к 1921–1922 гг. получаем, что хозяйств без скота на Украине не было вообще, в том числе в ее голодных губерниях. То есть поголовье было сконцентрировано намного более плотно, чем получено в расчете. Но нельзя не учитывать обнищания украинского крестьянства, случившегося за эти годы, и уничтожения наиболее состоятельных хозяйств в ходе раскулачивания. Результаты расчета показаны в табл. 1.

Поголовье скота в колхозах Украины в 1931–1932 гг. немного увеличивается: на 30 тыс. коровы, на 130 тыс. свиньи, на 200 тыс. овцы и козы и на 400 тыс. крупный рогатый скот. Отчасти это, вероятно, произошло из-за того, что продолжалось изъятие индивидуального скота. Но размеры этого роста несопоставимы с величиной сокращения общей численности и могут лишь несколько смягчить, но никак не изменить общую тенденцию падения поголовья.

В 1932–1933 гг. колхозное поголовье лошадей, крупного рогатого скота и свиней сократилось, хотя и в меньшей степени, чем у единоличников. Это свидетельствует об общем неблагополучии (табл. 2, 3).

Таблица 2. **Численность крупного рогатого скота по областям Украины**

Область	Численность населения	Численность скота, тыс. голов			Голов на 1000 хозяйств		
	1933	1928	1933	1934	1928	1933	1934
Киевская	5 163 871	1 739,7	596,2	600,6	1 684	577	582
Черниговская	2 691 842	910,4	443,0	338,6	1 691	823	629
Винницкая	4 387 772	1 134,0	533,7	519,4	1 292	608	592
Харьковская	4 824 939	1 760,0	470,7	493,9	1 824	488	512
Днепропетровская	2 844 737	1 015,0	265,1	377,0	1 784	466	663
Одесская	2 363 118	864,8	230,5	285,8	1 830	488	605
Донецкая	1 875 025	969,0	237,5	292,8	2 584	633	781
АМССР	523 173	133,9	51,3	56,8	1 280	490	543
Украина	24 674 477	8 527,0	2 827,0	2 964,9	1 728	573	601

Примечание. Цифры несколько преувеличены советской статистикой. Кроме того, дана численность скота, находящегося в личной собственности колхозников и единоличников, то есть не для всего населения.

Источник: [*Народне господарство*, 1935, с. 8, 254–263].

Возникает вопрос: почему уменьшение поголовья скота на Украине было в 1931–1932 гг. более сильным, чем в 1932–1933 гг.? Относительно птицы, мелкого скота (свиней и овец) можно заметить, что им было просто некуда сокращаться. Десятки тысяч этих животных, уцелевших в степных районах после 1931 г., видимо, находились в привилегированных руках. Поголовье коров сократилось в 1931 г. из-за резкого уменьшения кормов, плохой урожай сказался не только на зерне, но и на соломе и сене. В 1932 г. заготовки государства, повсюду изымавшего зерно, не касались сена, которого при сокращении поголовья в предыдущем году было достаточно для уцелевших животных. Те же 30% сельских жителей, которые еще продолжали держать коров, сохраняли тем самым для себя хоть какой-то уровень питания, обеспечивая возможность не умереть с голоду.

Таблица 3. **Численность коров по областям Украины**

Область	Численность сельского населения	Численность коров, тыс. голов			Голов на 1000 хозяйств		
	01.01.1933	1928	1933	1934	1928	1933	1934
Киевская	5 163 871	876,8	370,0	365,5	849	358	354,0
Черниговская	2 691 842	451,1	251,5	366,5	838	467	681,0
Винницкая	4 387 772	573,2	361,9	367,5	653	412	419,0
Харьковская	4 824 939	730,6	270,9	368,5	757	281	382,0
Днепропетровская	2 844 737	527,5	177,7	369,5	927	312	649,0
Одесская	2 363 118	427,0	140,9	370,5	903	298	784,0
Донецкая	1 875 025	344,1	144,6	371,5	918	386	991,0
АМССР	523 173	56,7	28,8	372,5	542	275	356,0
Украина	24 674 477	3 987,0	1 746,0	373,5	808	354	757,6

Примечание. Число коров в Киевской и Винницкой областях, вероятно в результате ошибки при печатании на машинке, было преуменьшено на порядок и откорректировано нами. В материалах по Днепропетровской области приводятся сильно различающиеся сведения о численности коров: без коров на 1 июля 1935 г. — 33,7% хозяйств, а на 30 июня 1936 г. — 17,1%. Этот вариант близок к публиковавшимся в свое время материалам.

Источник: [*Народне господарство*, 1935, с. 258–259].

Приложение 5
Доходы, расходы, затраты труда и питание колхозников Украины в 1935 году

Таблица 1. **Затраты труда и доходы колхозников**

Занятие	Рабочие дни на одно хозяйство			
	VII–XII 1935		I–VI 1936	
Работа в колхозе	239,10	(88,70)	192,30	(85,30)
Работа на стороне и МТС	30,46	(11,30)	33,15	(14,70)
Всего	269,56	(100,00)	225,45	(100,00)
Доход на человека, руб.				
Из колхоза	34,35	(25,68)	19,15	(14,86)
За работу на стороне и в МТС	18,60	(13,91)	18,21	(14,13)
Сдача обязательных поставок	9,90	(7,40)	2,61	(2,03)
Продажа скота	23,57	(17,62)	29,16	(22,63)
Продажа с/х продуктов	35,55	(26,58)	42,08	(32,66)
Прочие рыночные поступления	3,88	(2,90)	5,19	(4,03)
Прочие доходы	7,89	(5,90)	12,46	(9,67)
Итого	133,74	(100,00)	128,86	(100,00)

Примечание. В таблице представлены результаты бюджетного обследования колхозников Днепропетровской области. Приведены средние значения по 383 хозяйствам. В архивных таблицах также имеется разбивка хозяйств на группы по размерам дохода и по числу заработанных трудодней (12 групп). Разброс параметров по группам от среднего составляет, как правило, 10–15%, хотя в некоторых случаях может достигать и бóльших величин. Трудодень и день работы в среднем расходятся примерно на 10%. В скобках указана доля в %.

Источник: РГАЭ, ф. 260, оп. 1, ед. хр. 676, л. 14–32.

Таблица 2. **Питание, приобретение обуви и одежды в 1935–1936 гг. колхозниками Днепропетровской области, кг на человека**

Продукты	Всего		AI		BIV	
	VII–XII 1935	I–VI 1936	VII–XII 1935	I–VI 1936	VII–XII 1935	I–VI 1936
Крупы	6,5	9,2	6,7	11,4	4,2	5,5
Хлеб	124,1	127,1	105,2	98,0	153,7	151,2
В т. ч. пшеничный хлеб	0,0	86,1	0,0	46,2	0,0	122,6

Продолжение табл. 2

Продукты	Всего		AI		BIV	
	VII–XII 1935	I–VI 1936	VII–XII 1935	I–VI 1936	VII–XII 1935	I–VI 1936
Картофель	39,2	37,9	29,2	29,3	45,4	38,6
Овощи	56,2	46,7	57,7	51,7	61,1	41,3
Бахчевые	22,1	4,9	27,5	9,5	17,6	2,2
Фрукты	6,1	1,8	6,4	1,5	6,9	2,2
Сахар, кондит. изделия	0,9	1,8	1,0	1,2	0,8	2,2
Масло раст.	0,7	0,8	0,7	0,6	0,7	0,9
Мясо	3,2	5,6	2,2	4,4	3,3	7,3
Сало	0,3	1,9	0,2	1,6	0,3	2,5
Рыбопродукты	1,9	2,0	3,4	1,7	1,9	3,3
Молоко	66,9	62,0	45,4	50,1	70,2	70,6
Сметана	1,6	1,0	1,1	0,7	1,3	1,0
Творог	1,7	1,1	1,8	0,9	0,8	1,1
Масло коровье	0,9	0,6	0,7	0,5	0,7	0,7
Итого жиров	2,0	3,4	1,6	2,8	1,7	4,1
Яйца (штук)	9,0	22,0	9,0	16,0	8,0	25,0
Обувь (пар)	1,1	0,7	0,8	0,2	1,5	1,3
Ткани, одежда (метров)	26,9	14,2	22,0	5,9	36,7	35,9

Примечание. Рассчитано по материалам бюджетного обследования 383 хозяйств (4,12 человек в среднем на одно хозяйство) колхозников Днепропетровской области. На одно хозяйство приходится 509,89 трудодней. AI — группа колхозов с наименьшими доходами и с минимальными доходами по трудодням. BIV — группа колхозов с самыми большими доходами по трудодням и с максимальным числом трудодней. В графу «Итого жиров» включены масло коровье, растительное и сало.

Источник: РГАЭ, ф. 260, оп. 1, ед. хр. 676, л. 23–24, 31.

Таблица 3. **Распределение в 1932–1933 гг. на одного работника или на один двор в колхозах Украины в четырех областях**

Год	Киевская	Винницкая	Одесская	Днепропетровская
Трудодней на одного работника				
1932	79,80	96,80	141,00	160,00
1933	119,00	114,00	164,00	189,00
Посев на одного работника, га				
1932	1,45	1,43	4,82	—
1933	1,80	1,65	480,00	—
Доход на одного работника, руб.				
1932	118,00	140,50	—	415,00
1933	208,00	202,00	—	579,00

Продолжение табл. 3

Год	Киевская	Винницкая	Одесская	Днепропетровская
Валовой сбор на одного работника, ц				
1932	5,02	7,03	21,10	19,90
1933	12,36	12,60	34,70	37,50
Распределено зерна, ц на двор				
1932	2,74	3,62	6,18	4,08
1933	6,59	9,92	17,50	18,30

Примечание. По материалам бюджетного обследования колхозов Украины 1934 г. Кроме средних значений по всем колхозам области, содержатся сведения по пяти группам колхозов, сформированным по размерам урожайности зерновых. Значения параметров в этих группах отличаются от среднего на 5–15%.

Источник: РГАЭ, ф. 260, оп. 1, ед. хр. 290, л. 11–55, ед. хр. 676, л. 11–44.

Приложение 6
Баланс расхода зерна в 1932/33 году

Таблица 1. **Использование зерновых культур урожая 1932 г. и план расхода зерна в 1933 г., млн пудов**

Расходы	Прод. хлеб		Фураж		Крупа и бобовые		Всего			
	32/33	33/34	32/33	33/34	32/33	33/34	32/33А	32/33Б	33/34	33/34Б
Наличие	61,5	63,8	14,5	15,0	2,8	6,3	78,8	78,5	85,1	119,0
Поступление	736,0	866,0	270,0	298,0	118,0	111,0	1124,0	1124,0	1275,0	1382,0
Обмен, закупка	18,4	—	7,5	—	4,3	—	30,2	9,5	—	18,4
Суррогаты	15,5	30,0	—	—	—	—	15,5	15,5	30,0	5,0
Итого	832,0	960,0	292,0	313,0	125,0	117,0	1249,0	1228,0	1390,0	1525,0
Общее снабжение	433,0	390,0	1,5	—	3,2	1,6	438,0	433	392,0	407,0
Продажа	7,9	100,0	—	—	—	—	7,9	—	100,0	106,5
Примесь	—	—	15,5	30,0	0,5	—	16,0	15,5	30,0	5,0
Переработка	—	—	7,9	19,0	48,3	61,0	56,2	55,9	80,0	65,0
Гужтранспорт	—	—	28,4	30,0	0,2	—	28,6	28,3	28,6	30,0
Торф	3,4	3,4	0,3	0,3	—	—	3,7	3,8	3,7	4,0
Путина	7,4	8,0	0,5	0,5	—	—	7,9	7,9	8,5	8,5
Цветметзолото	12,0	12,0	—	6,8	—	—	18,8	17,4	18,8	23,4
Лес	19,2	18,0	22,9	20,0	0,2	—	42,3	38,0	38,0	43,8
Север	13,7	13,7	2,4	2,5	—	—	16,1	15,4	16,2	16,2
Животноводство	1,6	1,0	15,0	16,0	7,0	3,0	23,6	23,1	20,0	42,3
Промышленность	33,2	49,3	31,4	47,0	40,6	21,0	106,7	105,7	117,3	136,6
Армия и ОГПУ	25,4	28,0	23,9	25,0	0,5	0,5	49,3	49,8	53,5	65,5
ГУЛАГ	5,2	4,0	4,5	3,0	0,3	—	10,0	13,8	7,0	14,4
Спецпоселенцы	5,1	5,0	—	—	—	—	5,1	—	5,1	—
Стимулирование с/х заготовок	57,6	77,0	3,0	3,0	—	—	60,6	57,6	80,0	75,0
Торгсин	12,5	10,0	—	—	—	—	12,5	11,8	10,0	18,9
Семссуда	57,0	—	54,2	—	3,7	—	117,3	—	—	70,0
Продпомощь	8,6	—	5,5	—	3,0	—	17,1	114,2	—	30,4
Фураж. помощь	—	—	5,8	—	—	—	5,8	—	—	—
Экспорт	51,6	40,0	38,9	38,0	4,7	1,0	95,2	88,0	85,0	130,0

Продолжение табл. 1

Расходы	Прод. хлеб		Фураж		Крупа и бобовые		Всего			
	32/33	33/34	32/33	33/34	32/33	33/34	32/33А	32/33Б	33/34	33/34Б
Манка	2,8	5,0	—	—	—	—	2,8	2,8	5,0	5,0
Госфонд	—	27,0	—	37,0	—	—	—	—	64,0	73,8
Непфонд	—	100,0	—	14,0	—	3,0	—	—	120,0	47,5
Утери	10,4	10,0	8,6	10,0	3,0	2,2	22,0	20,2	22,2	22,2
Всего расходы	768,0	894,0	277,0	302,0	108,0	119,0	1164,0	1109,0	1306,0	1484,0
Остаток	63,8	65,4	15,0	10,9	5,8	6,3	38,6	119,0	84,3	40,5

Примечание. А — согласно документу Комитета по заготовкам от 4 июля 1933 г., Б — от 10 февраля 1934 г. Цифры округлены. Строки «Армия и ОГПУ» и «Промышленность» в публикации полностью совпадали; скорее всего, это типографская ошибка. Строка «Промышленность» откорректирована нами по сведениям, содержащимся в примечании. «Гужтранспорт» — гужевой транспорт городов и промышленности. «Животноводство» — затраты зерна на развитие животноводства. «Стимулирование с/х заготовок» — стимулирование снабжения лиц, занятых выращиванием хлопка, льна и других технических культур, производством молока и мяса и т. п.

Источник: [*Голод в СССР*, т. 3, с. 59–63].

Зерновые балансы составлялись еще в дореволюционное время, но в советские годы, когда план стал символом светлого будущего, такие расчеты, охватывающие прошлое, настоящее и грядущее, создавались на всех уровнях, от колхоза до страны в целом. Множество таких балансов сохранилось в архивах, и некоторые опубликованы в последние годы. Но, к сожалению, достоверность их не слишком велика, поскольку в основе лежат оценки валовых сборов, которые в интересующие нас годы не просто плохо подсчитывались, но и предписывались властями на сильно завышенном уровне. Более надежны сведения о заготовках, реальной продукции, полученной государством. При этом рост заготовок не свидетельствует об улучшении уровня жизни населения. Баланс использования заготовок позволяет понять, на что государство тратило изымаемое из деревни зерно. Рассматриваемый в табл. 1 баланс был составлен председателем Комитета по заготовкам сельхозпродуктов при СНК М. А. Черновым[1] и направлен 4 июля 1933 г. И. В. Сталину,

[1] Этот малоизвестный, но необычайно влиятельный политический деятель контролировал самую важную и самую болезненную часть государственной деятельности — составлял планы заготовок продовольствия и следил за их выполнением. Впрочем, иногда ему поручались и другие партийно-государственные дела. Например, когда делегация писателей, побывавшая в Немецкой республике, отправила правительству письмо о голоде и нарушениях законов в этом регионе,

В. М. Молотову и Л. М. Кагановичу. К документу прилагался проект постановления ЦК ВКП(б) «О плане использования зерна урожая 1933 года». Проект представлен в виде таблицы, где в каждой графе планируемым расходам 1933/34 г. предшествует значение аналогичных расходов в 1932/33 г. Через семь месяцев Чернов опять подает записку вождям, уточняя варианты возможного поступления зерна и его расходов из урожая 1933 г. [*Голод в СССР*, т. 3, с. 319–325]. Нас интересуют в этих материалах в первую очередь сведения о расходах зерна из заготовок 1932/33 г. Казалось бы, и через четыре месяца, и через год после завершения заготовок сведения о них должны совпадать. Однако данные в таблице, составленной 4 июля 1933 г., и в таблице от 4 февраля 1934 г. заметно различаются. Приход в первом случае больше, чем во втором, на 21,1 млн ц (по продовольственным культурам — 11,1 млн, по фуражу — 6,8 млн ц, по муке и бобовым — 4,3 млн ц). По расходам разница больше — 55 млн ц (продхлеба — 36,8; фураж — 13,3; мука и бобовые — 4,8 млн ц). При этом большинство конкретных видов расходов в первом случае больше, чем во втором. Как мог экспорт зерна 1932 г. оказаться на 6% меньше, чем было подсчитано за полгода до этого? Почему оценки продовольственных расходов ГУЛАГа и спецпереселенцев сократились за этот период на 10%?

Можно предположить, что в июле Чернов использовал еще не окончательные результаты годовых доходов и расходов, а плановые гипотетические данные, как всегда немного более оптимистичные, чем в реальности. В эту гипотезу не укладываются сведения о продовольственной и семенной помощи, в июльской таблице они составляют 140 тыс. т, а в февральской вообще отсутствуют[1].

Известно, однако, что в силу плохого урожая 1931 г. продовольственная и семенная помощь Украине и некоторым другим регионам государством оказывалась. Возможно, перед нами намеренное занижение прошлогодних данных, чтобы их более низкие результаты подчеркивали «достижения», намеченные планом на будущий год. С подобным явлением в статистике тех лет приходится сталкиваться постоянно.

Структура затрат в 1932/33 и 1933/34 г. была очень похожей. При немного большем количестве в 1933/34 г. на каждую статью

Чернов был послан туда — разобраться. Он опроверг все аргументы писателей, никакого голода не обнаружил, а лишь вредительство и плохую работу.

[1] Есть странная строка в февральской таблице: «Продссуда и продпомощь» (весна 1934 г.), в которой в столбце «1932/33 г.» стоит цифра 114,2 млн пудов, в то время как в июльской было 17,1 млн пудов [*Голод в СССР*, т. 3, с. 319–325].

расходов выделялась в проекте примерно такая же доля зерна, какая была израсходована в 1932/33 г. Больше всего расходовалось зерна на хлеб для населения, причем в голодном году было для этой цели израсходовано 43,9% имеющегося зерна, а в следующем, более благополучном году — 43,1%. Снабжение населения хлебом немного возросло. Общее снабжение, преимущественно по карточкам, составляло в 1932 г. 433,1 млн пудов, а в 1933 — 390 млн пудов. Зато свободная продажа выросла с 7,9 млн пудов до 100 млн пудов. При этом увеличение снабжения городского населения хлебом на 20% было не очень значительным, часть этого прироста возникла из-за большего использования суррогатов. Такой рост ни в коем случае не мог компенсировать огромную нехватку продовольствия страшного 1932/33 г. Казалось, что продолжение голода было неизбежным. Однако этого не произошло. Дело в том, что все избытки продовольственных хлебов были отложены в государственные, неприкосновенные, особые фонды. Очевидно, их запасы расходовались на продовольственное снабжение населения.

Сравнение июльских и февральских данных показывает, что за семь месяцев фонды 1933/34 г. сократились почти на 63 млн пудов. Также в феврале стало очевидно, что от помощи селу отказаться совсем нельзя [*Голод в СССР*, т. 3, с. 323; *Дэвис, Уиткрофт,* с. 480].

Продовольственная помощь предусматривается в размере 30,4 млн пудов, фуражная — 43 млн пудов; больше, чем в 1932 г. Семена для весеннего посева — 70 млн пудов; меньше, чем пришлось выделить в 1932/33 г., а сумма этих граф дает практически тот же самый результат.

Оплата зерном выращивания технических культур (хлопок, лен, свекла и др.) изменилась мало. Но заметно выросли все виды расходов, связанные с животноводством, руководство осознало, что необходимо принимать меры в связи с падением поголовья всех видов домашнего скота.

Выросли расходы на армию, ОГПУ, ГУЛАГ и спецпереселенцев. Они составили более 5% всего бюджета и в февральском плане заметно выше, чем в июльском и в 1932 г.

Рост промышленных расходов связан главным образом с производством спирта (66 млн пудов зерна в 1932/33 г. и 80 млн пудов в 1933/34 г.).

Выросли экспорт и продажа хлеба в Торгсине.

В данные о снабжении и продажах включена некоторая часть фуражных расходов. Туда входят расходы на работников транспорта — 916 тыс. кг, работников водного транспорта — 146 тыс. кг,

дома отдыха — 68 тыс. кг, Союзнарпит — 391 тыс. кг. Всего непосредственно на продовольствие для городского жителя остается 150 кг зерна в год, или около 400 г на человека в день. Учитывая, что по стране распределение этого зерна было неравномерным, нетрудно понять, что в некоторых городах многие люди не получали ничего.

Баланс 1932 г. выглядит очень напряженным. Израсходовано все заготовленное зерно, все наличные запасы к началу года и почти все запасы государственного и неприкосновенных фондов.

Противоположную картину наблюдаем мы в оценках расходов 1933/34 г. Они за семь месяцев между отчетами выросли. Причина этого редкого для того периода явления, вероятно, в том, что страшные условия существования в 1933 г. отучили на некоторое время статистиков от предварительного оптимизма. А возможно, сыграло роль то, что население, ослабленное и напуганное страшным голодом и давлением, послушно выполнило все требования властей в срок. При этом в книге Дэвиса и Уиткрофта [с. 480] приведены окончательные данные за 1933/34 г., которые близки к февральской оценке.

Февральская таблица составлялась, когда заготовки из урожая 1933 г. были уже завершены, спущенный план выполнили «с громадным успехом» все регионы полностью и в срок, о чем радостно сообщил сменивший Чернова во главе отдела заготовок его заместитель И. М. Клайнер [*Трагедия*, т. 4, с. 158]. Это была победа, и предложенное распределение зерна не просто является реализацией необходимостей (по возможности), но и частично включает желательные перемены (потребности). Она отчасти демонстрирует желательное направление перемен в расходах зерна. И благодаря достигнутой победе такая возможность у властей появилась. В 1934 г. было заготовлено и закуплено 1639 млн пудов, в 1935 г. — 1793, в неурожайном 1936 г. — 1814, а в самом урожайном 1937 г. — 1945 млн пудов [*Прокопович*, с. 215]. Сталинская скатерть-самобранка, выполняющая желания, наконец начала работать.

Приложение 7
Точность учета численности населения

В дореволюционной России существовало несколько систем статистического учета населения, заметно расходившихся между собой. Сведения, публикуемые Центральным статистическим комитетом, были, по мнению многих авторитетных исследователей (А. А. Чупров, С. А. Новосельский и др.), сильно преувеличены. Но это вовсе не значило, что в стране не было правильной оценки численности населения. Как показала Р. И. Сифман [1977, с. 62–82], сведения Управления главного врачебного инспектора Министерства внутренних дел, собиравшего данные непосредственно от статистических комитетов империи, разошлись с современными оценками всего на 1 млн человек за 17 лет. Да и это расхождение объясняется не ошибками в оценке рождаемости или смертности, а недоучетом внешней миграции. Поэтому не удивительно, что первая русская перепись 1897 г. почти совпала с результатами текущего учета населения. Известный русский статистик В. Г. Михайловский [с. 97–117] писал: «Первая перепись населения России, ожидавшаяся всеми с таким нетерпением, наверное, разочаровала очень и очень многих представителей не только образованного общества, но и науки: мнение, что перепись обнаружит полнейшую несостоятельность прежних данных русской демографии, решительно не оправдывается результатами опубликованных теперь предварительных подсчетов местных комиссий, по крайней мере, относительно общей численности народонаселения нашего отечества».

Расхождение между переписью и существовавшими данными составило 1% (1,04 млн человек), что является более чем удовлетворительным результатом, особенно если учесть, что относительно надежные статистические сведения собирались в то время только для христианского населения европейской части страны [*Кабузан*, с. 34].

Октябрьский переворот разрушил дореволюционный способ учета движения населения, отменив церковную регистрацию браков, рождений и смертей. Однако новая советская система была создана далеко не сразу и не везде. К 1926 г., когда государственная регистрация стала единственной, признаваемой официально, по значительным территориям Кавказа, Средней Азии и Сибири

сведения либо отсутствовали, либо выглядели недостоверно. Поэтому ЦСУ, проводившее учет населения, для ряда областей вообще не публиковало данных, а общие суммарные сведения строило на основании различных оценок. Постепенно сеть статистического учета расширялась, и в 1940 г. мы видим сведения для всех регионов страны. Однако точность учета в разных республиках была далеко не одинаковой. Как справедливо отметила Р. Сифман [1974, с. 62–82], рождаемость в Азербайджане в 1940 г. (29,4 промилле) ограничивалась меньше, чем в 1960-м (42,6 промилле).

Не располагая полной информацией по всем регионам, ЦСУ, однако, не отказывалось от общих оценок численности населения по стране. Проверкой надежности этих построений явилась перепись 1926 г., которая впервые позволила получить представление о численности населения в границах советского государства. Текущие оценки ЦСУ разошлись с данными переписи незначительно. Например, для европейской части страны на 1 января 1926 г. было исчислено 120 340 тыс. жителей, что с учетом прироста за год составляет122 957 тыс. человек. Переписью на этой территории было учтено 122,1 млн человек, то есть на 857 тыс. меньше [*Предварительные итоги*, 1926; *Перепись 1926*, вып. 1, с. 37]. Расхождение составляет всего 0,7%, причем отчасти из-за того, что не учтена эмиграция в 1926 г. из европейской части страны на юг и на восток. Так, в города Западной Сибири в 1926 г. прибыло около 80 тыс. человек, причем больше половины из них были выходцами из европейской части СССР [*Исупов*, 2011, с. 315–318]. Е. Кулишер [с. 83] со ссылкой на отчет советской администрации приводит цифру сельскохозяйственной миграции на восток и в Среднюю Азию — 143 тыс. человек в 1926/27 г. А ведь кроме того была значительная «городская» миграция, связанная с промышленным освоением восточных и южных районов и созданием там систем управления, образования и медицинской помощи.

Подтвердилась и оценка численности украинского населения. В ходе весеннего обследования сельского хозяйства Украины было установлено, что в 4339,4 тыс. сельских хозяйств проживают 22 729 тыс. человек. Число горожан на Украине составляло в 1922 г. примерно 4100 тыс. (3916 тыс. в 1920 г. и 4206 тыс. по переписи 1923 г.) [*Украина*]. Следовательно, весной 1922 г. численность украинского населения составляла 26,8 млн человек. На 01.01.1924 текущая оценка составила по справочнику 1925 г. 27 628 тыс., что хорошо согласуется со сведениями о рождаемости и смертности за этот период. В тех же границах численность населения Украины

в 1897 г. оценивалась в 21 330 тыс. [*Українська людність*, с. 139–140]. После проведения переписи 1926 г. обратным расчетом по данным рождаемости и смертности численность на 1 января 1924 г. составила 27 018 тыс. человек, а для 1897 г. — 20 883 тыс. [*Естественное движение*, 1928; 1929]. Разница между оценками численности по переписи 1897 г. равна 442 тыс. (2,1%). Она возникла из-за изменения границ. В 1924–1926 гг. Украина потеряла бóльшую часть Таганрогского и Шахтинского округов. Их численность в 1926 г. составила около 800 тыс. человек [*Українська людність*, с. 139–140]. В то же время она приобрела на севере Путивльский уезд и ряд волостей из Курской, Воронежской, Брянской и Гомельской губерний. С поправкой на изменение границ (2,1%) текущая оценка численности в 1924 г. становится 27 060 тыс. и расходится с оценкой по переписи всего на 42 тыс. (0,15%). Причем и это различие легко объясняется некоторым превышением выезда с Украины в 1924–1926 гг. над въездом. По мнению ученых тех лет, оно было очень небольшим [*Корчак-Чепурковский*, 1975, с. 80]. Переписи согласованы с другими статистическими сведениями, используемыми для расчетов.

Совершенно очевидно, что точность учета населения в 1926 г. была не столь высока, как при последующих переписях. В стране еще не было паспортного режима, грамотных и образованных людей было меньше, чем в 1930-е годы, жители чувствовали себя намного более независимыми от государства и не были приучены послушно выполнять любые распоряжения властей. Они, как правило, не считали участие в переписи чем-то важным, что могло бы повлиять на их жизнь. Напротив, в 1930-е годы населению энергично объясняли с помощью средств массовой пропаганды (газеты, собрания, радиопередачи) важность переписи. Счетчики также были активно вовлечены в эту кампанию, очень многие из них были членами партии или комсомольцами, от них требовали напряженной, самоотверженной работы, внушая, что они являются участниками великого исторического события, и многие в это искренне верили.

Продолжительность переписи 1926 г. составляла семь дней в городе и 14 в сельской местности. Перепись проводили 180 тыс. человек: 163 тыс. счетчиков, 14 тыс. инструкторов, 1887 начальников переписных отделов и других руководителей, почти половина из них были школьные работники, 12–20% составляли учащиеся и треть — лица разных профессий. На один счетный участок приходилось в городе в среднем 500 жителей, а в сельской

местности — тысяча. В день счетчик должен был обойти примерно 70 человек.

В 1937 г. перепись продолжалась 10 дней. Число счетчиков вместе с резервом составило 1,2 млн. Нагрузка на счетчика была около 150 человек, по 30 в день.

В 1939 г. переписчики работали 21 день в городе и 24 в селе, их было 465 тыс., а средняя нагрузка счетного участка была установлена в 410 человек в городе и 625 в деревне, около 60 человек на счетчика в день [*Воробьев*, с. 18–21, 41–49; *Подъячих*, с. 13–15, 72–75].

Оформляемые в ходе переписи документы были наиболее трудоемкими в 1926 г.: личный листок (15 вопросов с восемью подвопросами), контрольный лист счетчика. Кроме того, в городах заполнялась семейная карта из 20 вопросов с четырьмя подвопросами и владенная ведомость с 13 громоздкими вопросами. В 1937 г. заполнялся лишь бланк переписного листа с 14 вопросами, в 1939-м — переписной лист с 16 вопросами и четырьмя подвопросами, а в необходимых случаях — контрольный бланк или справка о прохождении переписи [*Воробьев*, с. 18–21; *Перепись 1937*, 2007, с. 275–279; *Подъячих*, 75–82].

Обучение счетчиков и другого персонала в 1926 г. местные власти проводили по собственному усмотрению, свыше 80% счетчиков и 40% инструкторов «прошли инструктаж на местах». Даже такие руководящие фигуры, как заведующие переписными отделами, только в 40% случаев обучались не в областном центре [*Воробьев*, с. 50]. В переписи 1937 г. подбор миллиона счетчиков явился серьезной проблемой. Решением правительства их проверка и утверждение должны были быть завершены к 1 сентября, однако в докладной записке комиссии партийного контроля, написанной в середине ноября, говорится, что эта работа выполнена только на 70%, а во многих регионах и того хуже. Приводятся примеры утверждения кандидатур списками, без ведома выделенных лиц и их согласия, а также разнообразные примеры неготовности к переписи местных организаций. В 1939 г. инструкторы проходили трехдневное обучение по единой схеме, включавшей лекции, практические занятия и проверку знаний. Не прошли проверку и были отстранены от участия в переписи 6000 счетчиков и инструкторов. Повторная проверка проводилась за пять дней до начала переписи, и не прошли ее лишь несколько десятков человек [*Перепись 1937*, 2007, с. 279–288; *Подъячих*, с. 73–76].

Отличались эти переписи и по уровню образования, и по опытности счетчиков. Лучше всего обстояло дело в 1939 г., когда более

половины участников имели высшее и среднее образование и столько же участвовали раньше в организации и проведении переписей. В 1926 г. счетчиков с опытом было только 20% [*Воробьев*, с. 40–49; *Перепись 1937*, 2007, с. 279–289; *Подъячих*, 69–79].

В 1926 г. счетчики обходили свой участок один раз, заполняя необходимые бланки, учитывая в городе наличное и постоянное население, а в селе — лишь наличное. Перепись 1937 г. фиксировала только наличное население и в селе, и в городе, а счетчик посещал жителей на своей территории трижды: первый раз в течение пяти дней, заполняя бланки, второй — при однодневном обходе, проверяя правильность учета, и третий раз — при контрольном обходе с инструктором. В 1939 г. были введены четыре новых вопроса с целью учета наличного и постоянного населения, временно проживающих и временно отсутствующих лиц. Счетчик трижды обходил свой участок: четыре дня предварительно, затем семь дней в городе и 10 в селе, заполняя бланки, и после этого, при контрольном обходе, вместе с проверяющим его работу инструктором. Людям, предполагавшим в ближайшее время поездки, выдавалась справка о прохождении переписи.

Вопросы переписи 1926 г. были намного более содержательными, чем во всех других советских и российских переписях. Они позволяли рассмотреть широкий круг проблем: экономические, социальные, жилищные условия, миграцию. Однако, как уже отмечалось, по точности учета населения эта перепись существенно уступала переписям 1937 и 1939 гг. Представляется, что организаторы переписи 1926 г., обладая ограниченными ресурсами, использовали методику, принятую в то время в европейских странах, а на возможные небольшие погрешности в размере 1–2% от численности населения просто закрывали глаза.

Кроме отмеченных выше социальных и политических факторов, способствовавших относительно более высокой точности переписей 1930-х годов, у них были несомненные методические преимущества. В 1926 г. счетчик последовательно обходил свой участок один раз, затрачивая при этом на перепись семьи в среднем около 50 минут. В 1937 г. при предварительном обходе переписчик мог уделить каждой семье почти по два часа, притом что переписной лист был намного проще, чем в предшествующей переписи. В день переписи счетчик мог потратить на каждую семью по полчаса, а при контрольном обходе с инструктором — еще столько же. Кроме того, примерно три дня у него оставалось для поиска пропущенных респондентов и исправления других огрехов. В 1939 г.

счетчик мог расходовать по 50 минут на семью при предварительном обходе, по полтора часа — в ходе переписи и по 30 минут — при контрольном обходе с инструктором. Причем на самостоятельную доработку материалов он получал еще 8–9 переписных дней. Трехкратный обход позволял учесть почти всех лиц, совершавших во время переписи поездки. Важно также, что при переписи 1926 г. не проводилось никаких контрольных мероприятий (контрольный обход, заполнение контрольных бланков и справок о прохождении переписи). Люди, прибывшие на новые места, уже пройденные счетчиком, вообще не попадали в учет. Принимая во внимание эти факты, необходимо откорректировать материалы переписи 1926 г., чтобы сгладить ее различие с переписями 1930-х годов.

Сравнение переписей 1937 и 1939 гг. затруднительно, поскольку они использовали разные методики, каждая из которых имеет свои преимущества и недостатки. Перепись 1937 г. однодневная, что заметно снижает недоучет в результате переездов и повышает достоверность ответа на вопрос «Где респонденты были ночью в час переписи и кто еще был в их доме в это время?». Речь идет о только что прошедшей ночи, и ошибка в ответе практически исключена. В 1926 и 1939 гг. многим людям приходилось вспоминать, что происходило неделю, а то и больше назад. Вероятность ошибочного ответа в таком случае была довольно велика, поскольку в однообразной деревенской жизни события соседних дней накладываются друг на друга, нередко путаются и забываются. Например, не очень просто установить, приезжал ли сын к родителям на прошлой неделе в среду, во вторник или в четверг.

Недостатком переписи 1937 г. является то, что она учитывала только наличное население. Другой погрешностью считается произвольное право счетчиков корректировать (записывать и зачеркивать) бланки, не фиксируя причин вносимых изменений. Огромным преимуществом переписи 1939 г. были сплошной контрольный обход в течение 10 дней, использование контрольных бланков, учитывавших всех, кто встретился со счетчиком вне дома, и справки о прохождении переписи, позволявшей избежать двойного счета. На высоком качестве переписи 1939 г. сказалась возможность использовать некоторые материалы только что завершившейся переписи 1937 г. [*Подъячих*, 15–19].

Перепись 1939 г. стала образцом для всех последовавших за ней советских переписей. Это свидетельствует о том, что с точки зрения статистиков методика переписи 1939 г. была более надежной, чем однодневной переписи 1937 г.

Приложение 8
Коррекция численности населения в 1939 году

Численность населения в переписи 1939 г. была увеличена на 1630 тыс. человек исходя из теоретической возможности недоучета (прил. 7). Этим условным людям были приписаны пол и национальность. Первоочередным результатом переписи было определение численности населения по стране с разбивкой по административным районам, городам и селам. Подсчеты проводились во взаимодействии областных комиссий с центральным управлением народно-хозяйственного учета Госплана. На местах обрабатывали результаты обхода счетчиков и контрольные бланки. Кроме того, из центра для обработки посылали переписные листы заключенных и военных со срезанными личными данными. При этом местным властям предписывалось, сколько человек из этих сведений нужно добавить в город и в село каждой области, причем часть бланков не пересылалась, а обрабатывалась в центре. Например, 3 июня 1939 г. начальник ЦУНХУ Саутин отправляет начальнику Казахского УНХУ совершенно секретное письмо с двумя таблицами. Первая указывает распределение по 11 областям Казахстана горожан в количестве 95 701 человек (из них 78 409 мужчин и 17 292 женщины) и сельских жителей — 609 069 человек (416 144 мужчины и 192 925 женщин). Там же говорится: «В ближайшее время Вам будут посланы переписные листы на 375 180 человек, которые включены в указанную выше общую численность контингентов по селу (609 069). Переписные листы на остальную часть сельских контингентов и на все городские контингенты будут разрабатываться в централизованном порядке» [*Перепись 1939*, 1990, ч. 1, с. 18–19].

Приложена еще одна таблица распределения по областям 395 180 переписных листов. Такое же совершенно секретное письмо было послано Саутиным на Украину. Там предлагается включить в данные 270 838 горожан (217 020 мужчин и 53 818 женщин) и 1 066 189 селян (972 447 мужчин и 93 742 женщины). Дается специальное указание относительно 34 городов, сколько мужчин и женщин туда должно быть «подселено». Причем для обработки собираются прислать на Украину всего 383 563 переписных листа. Почти миллион анкет (953 464) будет обрабатываться в центре и

затем включаться в местную статистику. В другие регионы, сведения о которых находятся в том же выпуске (Белоруссия, Красноярский и Хабаровский края, Омская область), письма о включении дополнительного контингента отправляет секретной, а не совершенно секретной почтой заместитель Саутина Бозин, и указаний об обработке части материалов в центре в них не содержится [*Перепись 1939*, 1990, ч. 1, с. 17–24].

Что это за люди, переписные листы которых совершенно секретны и нельзя доверять их местным статистикам? Это могли бы быть заключенные и спецпереселенцы, но известно, что их переписные листы, кроме немногочисленных сотрудников НКВД (категория А), пересылали в местные отделения, отрезая верхние строки с личной информацией. Безусловно, это по большей части были фиктивные, реально не существовавшие лица. Сведения о них нельзя было переправить местным отделениям, поскольку их надо было первоначально создать.

Обращает на себя внимание, что в этих регионах за два года (1937–1939) фантастически выросла численность русского населения. В 1937 г. на Украине числилось 3222 русских, а в 1939-м их стало почти на миллион больше — 4175 тыс. [*Перепись 1939*, 1990, ч. 8. с. 1614–1627; 1992, с. 57–79]. В Казахстане русских было 1918 тыс. в 1937 г., а в 1939-м стало 2459 тыс. Конечно, некоторую роль сыграло и расширение в Казахстане сети лагерей и переселение крестьян из России на Украину в пострадавшие от голода области. Но речь может идти лишь о нескольких сотнях тысяч человек, так что появление полутора миллионов загадочных русских граждан, весьма вероятно, является результатом манипуляций с данными переписями.

Также отмечается большое увеличение численности отдельных национальностей в 1937–1939 гг. В ряде случаев рост достигает 7–8%, что не только противоречит имеющимся данным, но и представляется физически невозможным. Рождаемость в благополучные годы никогда не превышала у народов России 50–55 промилле, а смертность не опускалась ниже 20 промилле. Таким образом, 3–3,5% — максимально возможный, хотя и маловероятный предел годового прироста. Среднее значение прироста для всего населения составляет в этот период 2,7%, а прирост русских, в котором «участвуют» и результаты ассимиляции других национальностей, — 2,9% (табл. 2.18). Преуменьшение численности отдельных народов в 1937 г. вызвано главным образом включением части лиц данной национальности в категорию «прочие».

Сопоставление численности переписанных общим порядком и окончательных данных переписи с учетом всех сделанных добавлений показывает, что фиктивные души разделились между Казахстаном и европейскими республиками, главным образом, конечно, Украиной. Очевидно, большинству этих фиктивных лиц была присвоена русская национальность. Дело в том, что численность русских на Украине между переписями 1937 и 1939 гг. возросла почти на 26%. Это никак нельзя объяснить естественным приростом населения. Так, у украинцев численность возросла на 5,2%. Миграция русского населения на Украину в этот период была невелика, поэтому можно утверждать, что не меньше 700 тыс. фиктивных душ получили там русскую национальность [*Перепись 1937*, 1991, с. 83–96; *Перепись 1939*, 1992, с. 58–79].

Такая же картина наблюдается в Казахстане. За два года (1937–1939) численность казахов увеличилась на 6,4%. При этом часть из них, очевидно, возвращалась на родину из соседних регионов. Так, в Алтайском крае в 1937 г. насчитывалось 29 тыс. казахов, а в 1939-м — 28 тыс., в Сталинградской области — 71 и 72 тыс. соответственно, в Омской области — 50 и 52, в Киргизии — 26 и 24 тыс. Численность русских в Казахстане увеличилась на четверть, украинцев — на 18%.

Такой прирост в результате высокой рождаемости, конечно, был невозможен. Численность обеспечивали фиктивные души или заключенные. В любом случае это почти всегда русские или представители других национальностей, включенных нами в расчетную группу. Введение поправок на численность населения по переписям устраняет малооправданные размеры прироста в конце 1930-х годов. Лишь у казахов отмечается слишком большая величина. Это вызвано, вероятно, двумя причинами: компенсационным ростом рождаемости как реакцией на огромные потери в предшествующий период и возвратом части лиц, бежавших за границу в голодные годы.

Приложение 9
Браки и разводы в СССР

В царской России брак был одной из основ, определявших традиционные нормы, демографическое поведение и образ жизни русского крестьянина. Плодовитость (число рождений на 1000 женщин) в начале XX века была в России очень велика, особенно плодовитость замужних женщин. Постепенная модернизация, переход к западноевропейскому типу брачности и рождаемости происходили в первую очередь в больших городах и в западных регионах страны и медленно проникали в русское село, почти совсем не затрагивая восточные территории с преимущественно мусульманским населением[1].

Война и мероприятия первых лет советской власти заметно подорвали основу патриархального крестьянского быта. Зависимость детей от родителей сменилась бунтом поколения, побывавшего на войне, хлебнувшего новой жизни. Были разрушены многие традиционные экономические основы брака, в частности традиция выделения в самостоятельное хозяйство и наделения землей только женатых отошла в прошлое. Церковный авторитет был поколеблен, в сознание молодежи внедрялось презрение к религии. Освящение брака церковью и убеждение в его нерушимости были заменены будничной, непонятного назначения государственной регистрацией в ЗАГСах[2]. На смену поверженной религиозной морали внедрялись не совсем понятные постулаты марксизма, проповедовавшие если не свободу любви, то по крайней мере легкий, безответственный брак. Был необычайно упрощен развод. Если прежде требовалось специальное разрешение высших церковных инстанций, то в 1920-е годы было достаточно письменного заявления одной из сторон. На общественном сознании сказались также тяжелые потрясения Мировой и Гражданской войн, передел земли и имущества помещиков и кулаков, потеря всяких правовых представлений и авторитетов, ожесточение и голод. Наконец, немалую роль играли

---

[1] Подробнее см.: [*Брачность*; *Демографическая модернизация*; *Вишневский*, 1998; 1977, с. 165–170, 176].

[2] Гражданский брак был введен в декабре 1917 г. В октябре 1926 г. он стал единственной законной формой регистрации брака. Тогда же фактический брак (совместное проживание) был приравнен к официально зарегистрированному браку.

быстрое распространение грамотности, расширение сначала в городе, а затем и в деревне медицинской помощи, разрешение абортов, снижение детской смертности. Все эти факторы вели к разрушению традиций, ослаблению брачных связей, а во многих случаях — и к отказу от регистрации брака.

Важную роль играло также изменение половозрастной структуры населения в результате повышенной убыли мужчин в годы Мировой и Гражданской войн. Резкое снижение рождаемости во время войны и революции привело в середине 1930-х годов к количественной диспропорции: поколению женихов, родившихся перед войной, существенно не хватало невест.

Вопреки всем этим разнообразным факторам, оказывавшим заметное влияние на снижение брачности, в первые годы НЭПа число заключаемых браков стремительно росло. К увеличению брачности приводили и эмиграция зажиточных слоев населения, и отсоединение западных территорий, для населения которых было характерно более позднее вступление в брак, и захват Бухары и Хивы с мусульманским, рано вступающим в брак населением, переезд горожан в деревню в годы Гражданской войны и, наконец, компенсаторный скачок рождаемости, как правило появляющийся после продолжительных войн и катастроф.

Этот процесс роста брачности был прямо противоположен главным тенденциям дореволюционного периода. Если за 40 предвоенных лет число вступающих в брак уменьшилось в России с 10,3 до 8 промилле, то за первые же послереволюционные годы эта цифра увеличилась до 12 промилле [*Рашин*, с.171; *Лубны-Герцык*, 1929, с. 85–89]. Если до войны в городах браков заключалось меньше, чем в селе, а в западных районах — меньше, чем на востоке страны, то в начале 1920-х годов все было наоборот. Город опередил деревню, причем в больших городах брачность оказалась выше, чем в малых. Западные районы страны заметно обогнали восточные, в том числе и мусульманские окраины (табл. 1).

Создается впечатление, что направление развития повернулось на 180 градусов, причем наиболее прогрессивные передовые слои населения опять оказались впереди. Это движение меньше всего походило на возврат к традиционной патриархальной семье. Дело в том, что брак быстро терял многие социальные и экономические функции, в значительной степени соответствовал уже иным моральным нормам и представлениям. Воздержание от брака также перестало быть главным способом ограничения рождаемости, эту важную функцию взяли на себя аборты (прил. 12).

Таблица 1. **Браки и разводы по регионам, на 1000 жителей**

Регион	Браки				Разводы			
	Все население	Города <50 тыс.	Прочие города	Село	Все население	Города <50 тыс.	Прочие города	Село
СССР	10,8	13,1	11	10,5	1,6	3,6	2,1	1,3
РСФСР								
Ленинградский	10,5	13,6	11,1	9,3	1,7	3,6	2,7	0,9
Московский	10,3	12,3	10,1	10,2	1,5	3,1	1,8	1,2
Центрально-Черноземный	10,6	9,8	8,5	10,8	1,1	1,4	1,2	1,1
Вятский	10,0	14,7	8,1	9,9	1,3	3,1	1,5	1,2
Западный	9,6	14,2	10,3	9,1	1,3	4,7	1,8	1,2
Рязано-Тульский	9,4	11,3	6,4	9,4	1,0	2,7	0,8	1,1
Нижневолжский	11,1	14,0	9,8	10,0	1,2	2,3	1,5	1,1
Уральский	11,0	13,3	13,0	10,5	1,6	2,4	2,3	1,4
Средневолжский	10,0	12,9	8,8	9,8	1,4	2,4	1,3	1,3
Северокавказский	13,3	13,8	13,7	13,1	1,7	2,8	2,7	1,4
Башкирский	8,4	10,2	8,8	8,3	1,6	1,8	1,7	1,6
Крымский	11,7	16,0	12,3	9,7	1,6	3,1	2,3	0,7
Сибирский	9,2	11,8	11,1	8,9	1,0	2,2	2	0,8
УССР								
Полесский	11,2	12,0	10,9	11,2	1,6	3,7	2	1,5
Правобережный	11,9	13,5	12,8	11,6	1,9	3,1	2,5	1,7
Левобережный	11,6	12,8	10,9	11,5	1,8	4,1	2,1	1,5
Степной	12,4	13,1	13,0	12,2	2,0	3,5	2,7	1,8
Днепропетровский	13,3	15,6	14,0	12,9	2,1	4,1	2,9	1,7
Донбасс	13,8	15,3	12,5	14,1	2,8	4,5	3	2,3
БССР	9,9	12,7	10,2	9,6	1,6	2,9	2,1	1,5
Армянская ССР	9,3	10,4	10,0	8,5	0,7	–	–	–

Источник: [*Лубны-Герцык*, 1929, с. 86–87].

В СССР революционные перемены, бушевавшие в стране 15 с лишним лет, завершились, как это чаще всего и бывает с революциями, контрреволюционной попыткой возврата к светлому прошлому. При этом оказалось, что сами люди, их взгляды и традиции сильно изменились, но древняя форма их существования — брак — устояла [*Дарский*, 1968]. Разница в доле женщин, состоящих в браке, по отдельным возрастным группам мало

изменилась (табл. 2). Практически не изменилось и среднее время пребывания женщины в браке, рост продолжительности жизни компенсировался более поздним вступлением в брак. Так что при смертности и брачной структуре соответствующего периода время брачной жизни составляло в 1896–1897 гг. 21,4 года, в 1926–1927 гг. — 21,7 года, в 1938–1939 гг. — 21 год [*Перепись 1897*, т. 1, с. 80–83; *Тольц*, 1979, с. 39–58]. Продолжительность пребывания женщин в браке и равная продолжительность брачной жизни являются важными факторами для оценки плодовитости и рождаемости в годы коллективизации.

Таблица 2. **Распределение по возрасту женщин, состоявших в браке в СССР, %**

Возраст	1897	1926	1937	1939
16–19	18,3	17,3	16,3	13,7
20–24	65,0	68,6	61,2	61,4
25–29	89,0	85,0	79,1	78,7
30–34	91,0	85,0	82,6	81,8
35–39	86,0	81,8	80,6	80,0
40–44	82,4	76,3	76,3	75,9
45–49	77,9	70,2	69,0	68,8

Источники: [*Перепись 1897*; *Перепись 1926*, т. 41, с. 10–26; *Перепись 1937*, 2007, с. 82; *Перепись 1959*, с. 73].

Приложение 10
Браки и разводы на Украине

В Российской империи Украина была одним из передовых районов, быстрее других воспринимавшим западные влияния, там, в частности, быстро сокращались брачность и рождаемость. В 1920-е годы она опять оказалась впереди других регионов, обгоняя их по числу вступающих в брак и проценту разводов. Кроме восприимчивости к новым веяниям, более значительное число браков на Украине объясняется, вероятно, лучшим соотношением полов в молодых возрастах в результате меньших потерь в годы Гражданской войны и интенсивного притока молодых жителей в промышленные районы Донбасса. Брачность на Украине составляла около 11,5 промилле. В городах значения были выше — 11–15 промилле и наблюдалось большое различие между отдельными населенными пунктами. В селах разница в значениях коэффициентов менее заметна и их величины меньше 10–11 промилле. Выделяется район Донбасса, где у сельского населения отмечаются более высокие значения коэффициентов браков и разводов, чем в маленьких городах, и незначительный разрыв значений между городскими и сельскими жителями (табл. 1).

Возраст вступления в брак был в те годы очень невысоким. 38% женщин, заключивших брак в 1929 г., были моложе 20 лет и 82% не достигли 25 лет. 16–19-летних невест среди крестьянок было 41%. У мужчин 14% вступали в брак до 20 лет и 18% до 25 лет[1]. Число браков, заключаемых впервые, было близко к общему числу браков молодых людей (17–24 года), особенно у женщин. Можно предположить, что большинство браков в старших возрастах заключались повторно.

Женщин, состоявших в браке к 25 годам, среди всего населения Украины было 65,5%, а среди крестьянок и работниц — еще больше, около 69%. В плодовитом возрасте 15–49 лет в браке находилось 67% женщин. Среди мужчин были женаты 75%. Соответствующие цифры среди крестьян и рабочих еще выше. Всего в браке женщина, достигшая 15 лет, должна была проводить, по расчетам Корчак-Чепурковского, 29 лет (58% предстоящей жизни) [*Корчак-Чепурківський*, 1979, с. 53–58].

---

[1] Данные для 1925–1928 гг. Ю. А. Корчак-Чепурковского (работа 1934 г.) [*Корчак-Чепурківський*, 1979, с. 53–56].

Легкий и свободный брак и рост брачности не сопровождались, однако, высокой рождаемостью. Это было результатом заметного изменения взглядов населения. Корчак-Чепурковский отмечал, что на Украине, по анкетному опросу 1930 г. среди сельских активисток, не имевших детей, каждая пятая хотела бы так и остаться бездетной. А в одной из коммун Харьковской области не желала больше иметь детей половина женщин в возрасте 15–20 лет, 74,4% — 20–25-летних, 88,2% — 25–30-летних, 98,3% — 35–50-летних, а в среднем 89% всех женщин. На каждую из этих женщин приходилось 2,84 рождения и 4,9 беременности [*Корчак-Чепурківський*, 1929, с. 53–54].

Рост числа вступающих в брак сопровождался увеличением численности разводившихся. Число разводов по отношению к числу браков быстро возрастало. Особенно интенсивно этот процесс захватывал крупные города. Так, в Москве в 1926 г. один развод приходился на каждые два брака, во всех больших городах — на четыре, а в селе — на восемь [*Дмітровський*; *Паевский*, 1970, с. 342–356; *Лубны-Герцык*, 1929, с. 85–89]. На Украине, как в городах, так и в селе, браков и разводов было несколько больше, чем в европейской части РСФСР и в Белоруссии. В среднем для всего населения фактическое число браков (разница между браками и разводами) было в 1926 г. близко к 9 промилле. Только в больших городах это значение соответствовало 13 бракам и 3,6 разводам на тысячу пар, в малых городах — 11 и 2, а в селах — 10,5 и 1,3 соответственно [*Корчак-Чепурковский*, 1970, с. 112–124; *Природний рух*, 1927, вып. 5, с. 154–158; *Паевский*, 1970, с. 342–356; *Лубны-Герцык*, 1929, с. 85–89].

В начале 1930-х годов, реализуя грандиозные планы модернизации экономики, власти СССР столкнулись с совершенно неожиданным и неприятным фактом — нехваткой людей. Оказалось, что прирост населения, вместо того чтобы расти вместе с рождаемостью в соответствии с пятилетним планом, снижается. Осознав, правда не сразу[1], что это недопустимое положение связано с революционными нововведениями, правительство предпринимает ряд мер. На смену полной свободе брачных отношений пришла решительная борьба государства за укрепление семьи. Возможность развода была сильно затруднена, введены алименты, запрещены

[1] Поначалу пытались исправить положения традиционными мерами — репрессиями против статистиков, но понятно, почему желаемого результата добиться не удалось.

аборты. Круг замкнулся. Но к уровню рождаемости начала века стране вернуться не удалось. Изменилось население. Колхозник и заводской рабочий не разделяли убеждений дореволюционного крестьянина, что дети от Бога. Ограничение рождаемости тем или иным способом стало нормой советской жизни. Население начинает позже вступать в брак, и уровень брачности медленно снижается. В большинстве возрастных когорт это снижение за 11 лет между переписями 1926 и 1937 гг. составило 1–3%, но для возрастов 20–29 лет приближается к 10% (табл. 1 и 2).

Таблица 1. **Женщины, состоявшие в браке в 1926 г. на Украине, по возрастным и социальным группам, %**

Возраст	% от общего числа	Крестьянки	Работницы*	Служащие
		Женщины		
15–19	10,2	10,3	12,9	11
20–24	65,5	68,8	69,3	60,4
25–29	85,3	89,3	85,3	78,1
30–34	86,3	88,7	86,1	82,3
35–39	82,7	84,7	82,1	81,2
40–44	77,1	78,6	76,2	77,2
45–49	71,7	73,4	68,8	68,2
15–49	67,3	69,4	67,9	58
		Мужчины**		
15–60	75,1	76,7	73,1	69,8

* Без занятых в сельском хозяйстве.

** Мужчины принадлежат к тем же социальным группам, что и женщины.

Источники: [*Перепись 1926*, т. 45, с. 2–68; *Корчак-Чепурковский*, 1970, с. 53–54, 112–124].

Таблица 2. **Браки и разводы на Украине, на 1000 жителей**

Территория	1924		1925		1926		1927		1928		1929	
	Браки	Разводы	Браки	Разводы	Браки	Разводы	Браки	Разводы	Браки	Разводы	Браки	Разводы
4 больших города	158	32	150	36	137	39	139	39	138	42	143	51
12 городов с населением более 50 тыс.	146	28	149	34	134	37	124	36	123	35	129	44
28 городов с населением 20–50 тыс.	135	22	130	28	130	31	124	32	121	30	128	42

Продолжение табл. 2

Территория	1924		1925		1926		1927		1928		1929	
	Браки	Разводы	Браки	Разводы	Браки	Разводы	Браки	Разводы	Браки	Разводы	Браки	Разводы
7 окружных центров	142	26	120	29	127	31	112	29	110	31	118	41
Все, 51 город	149	28	143	33	134	36	137	36	129	37	135	47
Остальные города и поселки	126	19	113	22	119	22	117	24	107	24	105	28
Всего в городах	140	25	139	29	129	31	126	32	121	32	124	40
Сельская местность	110	13	100	15	119	17	109	16	100	15	110	21
Вся Украина	115	15	106	18	121	19	112	19	104	19	113	25

Источники: [*Перепись 1897*; *Перепись 1926*, т. 41, с. 10–26; *Перепись 1937*, 2007, с. 82; *Перепись 1959*, с. 73].

Приложение 11
Восточные народы

В течение 1920–30-х годов расчеты любых общесоюзных демографических показателей неизбежно упирались в отсутствие достоверных сведений по районам Сибири, Дальнего Востока, союзных и автономных республик Средней Азии и Кавказа. Как правило, ЦСУ ограничивалось публикацией данных для большей части европейской территории СССР, отмечая отсутствие информации по восточным районам[1]. Примером могут служить сведения за 1926 г., представленные в табл. 1.

Таблица 1. **Движение населения в 1926 г., на 1000 человек**

Территория	Кол-во рождений	Кол-во смертей
СССР	44,0	20,3
Города с населением свыше 50 тыс.	30,9	16,4
Прочие города и поселки	37,8	17,7
Сельская местность	46,1	21,0
Европейская часть РСФСР	44,1	20,0
Города с населением свыше 50 тыс.	31,8	17,0
Прочие города и поселки	38,6	18,8
Сельская местность	46,2	21,6
Азиатская часть РСФСР	48,6	24,1
Города с населением свыше 50 тыс.	32,1	22,3
Прочие города и поселки	41,1	22,5
Сельская местность	50,6	24
УССР	42,1	18,1
Города с населением свыше 50 тыс.	27,3	12,8

[1] Проблема точного учета районов, по которым данные неполны или вообще не собирались ЦСУ, обсуждалась статистиками в 1933 г., когда были предприняты специальные меры для сбора таких сведений. В архивах сохранился ряд материалов, известно также, что была составлена брошюра для служебного пользования, в которой сведены данные о необходимых поправках на неполноту учета (судя по отсутствию ссылок, она до нас не дошла). Этими материалами воспользовалась комиссия Попова в 1944 г. и сотрудники отдела статистики населения ЦСУ в 1964 г. (РГАЭ, ф. 1562, оп. 20, ед. хр. 329; [*Архив ЦСУ*]).

Продолжение табл. 1

Территория	Кол-во рождений	Кол-во смертей
Прочие города и поселки	35,4	14,8
Сельская местность	44,4	19,0
БССР	40,7	14,7
Города с населением свыше 50 тыс.	29,8	13,9
Прочие города и поселки	33,7	12,8
Сельская местность	42,6	15,0
Армянская ССР	53,6	17,2
Города с населением свыше 50 тыс.	43,4	17,8
Прочие города и поселки	46,1	18,7
Сельская местность	55,3	16,9

Источник: [*Статистическое обозрение*, с. 85–89].

Можно утверждать, что детская смертность у населения восточных окраин была выше, чем на вошедших в обработку ЦСУ территориях. Низкие коэффициенты смертности были связаны с очень плохим статистическим учетом в этих регионах. Так, еще в 1980-х годах рост детской смертности в СССР объяснялся постепенным улучшением медицинского учета в азиатской части страны [*Максудов*, 1981]. Но в этих же регионах из-за высокой детской смертности убыль старших поколений могла оказаться меньше, чем по всей стране [*Караханов*, с. 191–213].

Охватить всю страну статистическим учетом удалось лишь в конце 1930-х годов, но и эти данные, очевидно, страдают неполнотой. Сведения ЦСУ о рождаемости в 1940 г. народов Средней Азии, Грузии и Азербайджана в размере 27–36 промилле существенно преуменьшены. Согласно этим данным, РСФСР имела более высокий коэффициент рождаемости, чем Азербайджан, и такой же, как Узбекистан. Однако у женщин 40–50 лет, то есть находившихся в плодовитом возрасте в 1940 г., в Азербайджане и Узбекистане оказалось к 1965 г. намного больше детей, чем в Армении или РСФСР [*Население*, 1975, с. 137–138; *Народонаселение*, с. 70]. Наиболее правдоподобно объясняется это недоучетом рождений в азиатских республиках. Особенно заметно неполнота должна была проявиться после переписи 1939 г., позволившей сравнительно точно определить численность населения (неполные данные в числителе при вычислении коэффициентов движения населения автоматически приводили к преуменьшенным результатам).

Как уже отмечалось, даже в середине и конце XX века сведения по многим из этих районов не слишком точны [*Максудов*, 1981, с. 3–18]. Объединял пеструю группу мусульманских и не только мусульманских народов, проживавших на этих территориях и находившихся на самых разных уровнях исторического развития, устойчивый консерватизм обычаев. Одни народы сохраняли племенные и родовые традиции, другие тяготели к рабовладению или феодализму. Общей характерной чертой населения этих территорий было приниженное положение женщины. Практически повсюду на Кавказе, в Туркестане и в соседних странах женщина рассматривалась как существо второго сорта. Это отражалось даже на численности женщин, их доля в населении почти повсеместно уступала доле мужчин, что было следствием высокого уровня женской смертности, в том числе младенческой. При этом брак, рождение детей рассматривались как замечательное деяние, исполнение воли Аллаха. Брачный обычай требовал во многих случаях покупки невесты (уплаты калыма), практиковался предварительный сговор родителей, очень раннее замужество, большой разрыв в возрасте жениха и невесты. Не редкостью было многоженство. Допускались, а во многих случаях и поощрялись близкородственные (кузенные) браки.

Брачность восточных народов в советские годы претерпела противоположные европейским изменения: число мужчин, состоявших в браке, осталось почти таким же, а число замужних женщин уменьшилось с 76–78% до 68–71% [*Население*, 1965, с. 135; *Перепись 1926*, т. 2, с. 2–107; *Перепись 1959*, с. 73]. Это связано с более поздним вступлением в брак, отменой многоженства и другими культурными и социальными нововведениями. У украинок, например, состояло в браке 36% горожанок в возрасте 20–24 лет, в два раза меньше, чем жительниц села (68%). У грузинок и армянок различие между городом и деревней заметно меньше, а у узбечек оно практически отсутствует [*Козлов*, с. 156–158]. Рождение ребенка, особенно наследника, сопровождалось массой обрядов, не всегда имевших рациональную основу, а нередко даже вредных для здоровья ребенка [*Караханов*].

Дореволюционные оценки рождаемости на азиатских территориях были заведомо занижены, что официально признавалось администрацией. Так, комиссия графа К. К. Палена [с. 309–310], обследовавшая Туркестан, констатировала, что «творцами почти всех собираемых статистических данных о рождаемости и смертности являются письмоводители, которые в лучшем случае

черпают требуемые сведения из имеющихся данных за прошлые годы, а в худшем — заполняют присылаемые таблицы и ведомости фантастическими цифрами».

Не лучше обстояло дело и в других восточных провинциях. Некоторые исследователи демографических процессов в Средней Азии в XIX веке отмечают, что основные параметры воспроизводства населения были близки к соответствующим показателям европейской части страны [*Дмитриева*, 1970, с. 333–335]. Порой они даже утверждают, что коэффициенты смертности для всей страны должны быть меньше, чем рассчитанные только для ее европейской части [*Бабынин*, с. 320–326]. Прямые данные о смертности в Средней Азии отсутствуют, однако известно, что по общему приросту основные коренные народы опережали европейское население СССР. Таджики, узбеки, киргизы, каракалпаки, жители Кавказа выросли между переписями 1926 и 1939 гг. заметно сильнее, чем народы европейской части страны (табл. 2) [*Сифман*, 1977, с. 62–82]. Правда, казахи, туркмены и некоторые другие кочевые народы имели отрицательный прирост или увеличились очень незначительно. Но это результат демографической катастрофы, последовавшей в начале 1930-х. Б. Урланис для населения Средней Азии увеличил коэффициент рождаемости с 30 до 50 промилле [*Сифман*, 1966, с. 176–210; 1974, с. 80–82; *Урланис*, 1968, с. 81–83]. Эта цифра, однако, кажется преувеличенной. Целый ряд традиционных обычаев способствовал снижению плодовитости мусульманского населения, особенно в Средней Азии. Среди этих особенностей следует отметить вступление в брак до начала полового созревания, что приводило к общему снижению плодовитости и высокой частоте спонтанных абортов. Отрицательно сказывалось на рождаемости и многоженство, охватывающее в Средней Азии 5–6% семей [*Караханов*, с. 208–209]. Велика была смертность при рождении и сразу после него, составлявшая, по мнению Урланиса, несколько процентов от рождений [*Урланис*, 1974, с. 177–79]. Гигиена и достижения медицины распространялись среди сельского населения Средней Азии очень медленно, и даже перед распадом СССР детская смертность в этом регионе была заметно выше, чем в других частях страны [*Максудов*, 1981, с. 52]. В силу этих причин более правильной оценкой представляется коэффициент рождаемости в интервале 40–44 промилле, подсчитанный М. К. Карахановым [с. 212] для начала XX века. Однако, учитывая некоторые изменения в результате мероприятий советской власти, примем для 1926 г. верхний предел этого интервала (44–45 промилле).

В Сибири смертность и рождаемость были выше, чем в Европейской России, — 31 и 49 промилле до Первой мировой войны, 24,1 и 48,6 промилле в 1926 г. [*Сифман*, 1977, с. 62–82] (табл. 1). Однако в силу малочисленности населения Сибири и Дальнего Востока — около 5% (7443 тыс. в 1926 г.) — возникающая ошибка не очень велика.

Смертность в Закавказье была, вероятно, несколько меньше, чем в европейской части страны. Это следует из высокого прироста основных коренных национальностей в 1926–1939 гг. (армяне — 37%, азербайджанцы — 33%, грузины — 24%), почти в два раза выше, чем в среднем по СССР [*Козлов*, 1975, с. 249–250]. Р. И. Сифман по результатам обследования брачной плодовитости оценивала рождаемость в Армении и Азербайджане в 59, а в Грузии — в 39 промилле. По ее данным, перед Первой мировой войной на территории этих республик на женщину, закончившую репродукционный цикл, приходилось 7,2–7,8 рождений (в Европейской России 5,3). Урланис отмечает, что официальная цифра коэффициента рождаемости для Кавказа — 31 промилле, и увеличивает ее до 47 [*Сифман*, 1966, с. 176–210; 1974, с. 80–82; *Урланис*, 1968, с. 81–83]. Хорошее представление об уровне рождаемости в первое послереволюционное десятилетие дает доля детей в населении страны (табл. 2).

Показатель детности несколько выше среднего у украинцев и белорусов, близок к среднему у русских и немусульманских народов Севера и Поволжья, заметно выше среднего у татар и башкир и очень высок у народов Кавказа. Народы Средней Азии не уступают по величине коэффициентов жителям европейской части страны.

У узбеков важную роль играет большая детская смертность и укрытие от учета маленьких детей. Неслучайно у городских узбеков, туркмен, таджиков детность оказывается выше, чем у жителей деревни, то есть блага городской цивилизации воспринимались быстрее, чем новые формы демографического поведения. Это хорошо видно по устойчивости возрастной структуры населения. Доля детей в возрасте до 10–12 лет остается в Закавказье и Средней Азии близкой к 29–30% в 1926 и 1939 гг., а в 1959 г. увеличивается до 30–33% (табл. 2).

Очевидно, что постоянная численности детей складывалась из некоторого снижения детской смертности и в то же время сокращения рождаемости в результате переселения сельских жителей в города, прибытия в заметном количестве русскоговорящего

населения с пониженной рождаемостью. Такая картина наблюдается у большинства народов Средней Азии, однако у казахов и туркмен численность самых молодых поколений (0–7 лет) сократилась между переписями, что объясняется не изменением рождаемости, а прямыми потерями населения в годы коллективизации (табл. 2; [*Население, 1965*, с. 135; *Перепись 1926*, т. 2, с. 2–107; *Перепись 1959*, с. 49–73, 211–225]).

Запрет браков с несовершеннолетними, внедрение медицинской помощи и гигиены постепенно приводили к повышению уровня рождаемости и сокращению детской смертности. В течение 1920–30-х годов отмечается постепенное уменьшение интервала между рождениями, что, несомненно, указывает как на рост рождаемости, так и на отсутствие ее регуляции.

Плодовитость женщин азиатских республик в 1958 г. была близка к среднему уровню показателей для населения европейской части СССР в 1926 г. [*Сифман*, 1974, с. 40; *Население*, 1975, с. 138].

Таблица 2. **Численность представителей различных национальностей (в том числе доля детей) по переписям 1926 и 1939 гг.**

Национальность	Численность, тыс. чел.		Рост, %	Дети (1939), %		
	1926	1939		До 7 лет	8–11 лет	До 12 лет
Все население	147 028	170 557	16,0	18,5	9,7	28,2
Русские	77 791	99 592	28,0	18,8	9,9	28,7
Украинцы	31 195	28 111	−9,9	16,2	8,9	25,1
Белорусы	4 739	5 275	11,3	19,5	10,1	29,6
Грузины	1 821	2 250	23,6	19,5	9,7	29,2
Азербайджанцы	1 707	2 276	33,3	23,5	10,2	33,7
Армяне	1 568	2 153	37,3	25,1	12,1	37,2
Казахи	3 968	3 101	−21,8	18,1	8,8	26,9
Узбеки	3 905	4 845	24,1	19,0	9,2	28,2
Туркмены	764	812	6,3	20,1	8,8	28,9
Таджики	979	1 229	25,5	22,4	9,3	31,7
Киргизы	2 916	4 314	47,9	19,9	9,7	29,6
Калмыки	132	134	1,5	21,4	9,7	31,1
Карачаевцы	55	76	38,2	23,2	11,1	34,3
Чеченцы, ингуши	393	500	27,2	23,4	10,5	33,9
Кабардино-балкарцы	173	207	19,7	21,2	10,9	32,1
Сев. осетины	272	355	30,5	19,8	10,2	30,0

Продолжение табл. 2

Национальность	Численность, тыс. чел.		Рост, %	Дети (1939), %		
	1926	1939		До 7 лет	8–11 лет	До 12 лет
Дагестанцы	654	858	31,2	22,9	9,4	32,3
Адыгейцы	65	88	35,4	18,5	10,6	29,1
Абхазы	57	59	3,5	18,5	9,7	28,2
Якуты	241	242	0,4	20,4	7,7	28,1
Бурят-монголы	237	225	−5,1	20,7	9,7	30,4
Каракалпаки	146	186	27,4	17,7	9,0	26,7

Примечание. На Кавказе число детей в возрасте 0–4 года, приходящихся на тысячу женщин 15–49 лет в 1926 г. у русского населения было заметно меньше, чем у основных коренных национальностей, а в Центральной Азии у русских детность выше там, где высока доля русского сельского населения (Казахстан и Киргизия), и ниже, чем у узбеков, таджиков и туркмен, так как в их республиках русские — преимущественно горожане.

Источники: [*Перепись 1939*, 1992, с. 29–32; *Козлов*, с. 151, 249–250].

Против роста рождаемости «работали» все современные социальные факторы: подъем культурного уровня населения, рост женского образования, занятость женщин в общественном производстве, появление в городах противозачаточных средств, переезд сельских жителей в города, перемещение значительных масс населения из европейской части страны на восток и юг. Большое количество пятых и более детей у женщин старше 50 лет в 1965 г. подтверждает, что рождаемость в 1930–50-х годах оставалась на высоком уровне. При этом на Украине и в Белоруссии меньше всего женщин, родивших пять и больше детей. Относительно низкая цифра в Казахстане связана с высоким процентом некоренного населения и с огромными потерями казахов в годы коллективизации. А в РСФСР и мусульманских республиках четыре из пяти женщин родили пять или больше детей (табл. 3).

Таблица 3. **Женщины, родившие пять и более детей, по результатам опроса 1965 г., от общего числа рождений, %**

Республика	Возраст 45–49 лет	Возраст > 50 лет
РСФСР	72	78
Украина	52	57
Белоруссия	51	59
Грузия	64	73

Продолжение табл. 3

Республика	Возраст 45–49 лет	Возраст > 50 лет
Армения	72	65
Азербайджан	85	73
Казахстан	81	68
Узбекистан	84	78
Киргизия	82	76
Таджикистан	83	79
Туркменистан	87	86

Источник: [*Население*, 1975, с. 104–133].

Интересно, что более молодое поколение 45–49 лет, также практически завершившее репродуктивный период, в славянских республиках, в Грузии и Армении в соответствии с исторической тенденцией модернизации жизни страны имеет более низкие результаты, чем старшее. Однако в Казахстане и Средней Азии положение противоположное, результаты молодого поколения заметно выше (табл. 3). Очевидно, что, восприняв некоторые нововведения, улучшающие положение женщины, мусульманское общество сохранило традиционное бытовое поведение вопреки социальным переменам [*Дмитриева*; *Население*, 1975, с. 104–129].

Р. И. Сифман в рамках опроса 1960 г. выделила группу народов с высокой рождаемостью, в которую вошли жители республик Средней Азии и Северного Кавказа, а также Казахстана, Армении и Азербайджана. По ее данным, на 100 женщин этой группы, живущих в сельской местности, вступивших в брак в 1920–1924 гг. и проживших в браке 25–30 лет, приходится 659 рождений. В когорте, вступившей в брак в следующие пять лет, — 617 рождений, а у женщин, вступивших в брак в 1930–1934 гг., — 628 рождений [*Сифман*, 1966, 1974 с. 68–74].

Мы видим необычайно стабильный высокий уровень брачной плодовитости, близкой, вероятно, к физиологическому пределу. Небольшое снижение в группе 25–29-летних связано, очевидно, с огромными потерями кочевого населения, в первую очередь казахов и туркмен, в годы коллективизации. Не приходится сомневаться, что беременности в этот период часто прерывались спонтанными абортами, было множество мертворождений и случаев гибели новорожденных. Мужчины поколения, вступившего в брак в 1930–1934 гг., были призваны в армию сразу после начала Великой Отечественной войны, что привело к снижению рождаемости

по сравнению со вступавшими в брак в 1920–1924 гг. (в 1941 г. им было более 40 лет). И при этом разница в числе рождений между крайними поколениями меньше 5%. То же поколение 20–24-летних, вступивших в брак, после 15 лет совместной жизни родило 434 ребенка на 100 женщин в группе восточных народов и 396 детей во всем остальном населении СССР. Разница составляет около 7%. В действительности она еще меньше, если сравнить эти данные с собственно русским населением, поскольку опрос проводился в 1960 г. (после 1939 г. в контрольную группу вошли жители Прибалтики, Западной Украины и Западной Белоруссии, отличающиеся невысокой рождаемостью). Таким образом, можно говорить о достаточно высоком стабильном уровне рождаемости восточных народов в 1920–30-е годы, не слишком сильно отличающемся от уровня сельского русского населения.

Данные о рождаемости и смертности населения восточных окраин СССР для 1926 г. неполны, однако ряд косвенных свидетельств помогает их оценить. Одинаковые интервалы между рождениями, постоянство доли детей до 12 лет в населении, аналогичный процент женщин, родивших больше пяти детей, в РСФСР и у народов восточных и южных окраин, высокий прирост численности населения в 1926–1939 гг., очень незначительное изменение числа рождений — все эти факторы показывают, что в период 1920–30-х годов народы российских окраин имели стабильный неконтролируемый уровень рождаемости и уровень детской смертности, обеспечивавшие высокий прирост численности детей. Отличие этих сведений от соответствующих параметров русского населения было сравнительно невелико.

Таким образом, можно прийти к следующему заключению: мусульманские народы СССР и близкое к ним население восточных и южных районов страны в течение 1920–30-х и последующих годов не ограничивали рождаемость, уровень ее был достаточно высок и не очень сильно отличался от уровня рождаемости русского населения. Политические, социальные и медицинские мероприятия властей постепенно приводили к дополнительному росту плодовитости, но заметной величины она достигла после Великой Отечественной войны.

Можно утверждать, что детская смертность у этого населения была выше, чем на вошедших в обработку ЦСУ территориях, а низкие коэффициенты смертности связаны с очень плохим статистическим учетом в этих регионах.

Приложение 12
Аборты

Как известно, аборты в России были запрещены; более того, их производство сурово каралось, как правило высылкой в Сибирь. Но в отличие от последующего советского периода, когда при официальном запрещении подпольные аборты были распространенным явлением, в начале века сама мысль о плодоизгнании казалась преступной не только религиозным деятелям, но и широким прогрессивным кругам русского общества. Так, известный экономист В. А. Милютин писал: «В последнее время предложены были средства для противодействия развитию народонаселения... Некоторые из них до невероятности нелепы, как, например, предложение употреблять при удовлетворении чувственных наклонностей известное средство, предупреждающее рождение детей, или предложение одного доктора извлекать посредством особого инструмента зародыш прежде его рождения. Другие средства не столь возмутительны, но также чрезвычайно странны» [*Милютин*, с. 93].

Однако требования жизни и опыт Западной Европы брали свое. В Москве в 1914 г. на каждые 10 рождений приходился уже один аборт. При этом каждый год в стране за аборты осуждалось по нескольку десятков человек [*Гернет*]. После революции и особенно после отмены запрета в 1920 г. аборты начинают быстро распространяться среди горожан. В 1924 г., когда начался обязательный медицинский учет, в больницах было сделано 132 тыс. абортов, из них больше трети были неполные (т. е. начатые вне стен медицинского учреждения). В 1925 г. абортов было уже 200 тыс. (неполные аборты составляли 25% в городах и 43% в селе) [*Демографическая модернизация*, с. 201–203; *Генс*; *Грант*]. Уже в 1924 г. в Москве и Ленинграде прерывалась абортом каждая пятая беременность. Через два года — каждая третья, а в 1934 г. — три из четырех. В селе рост был также большим, но абсолютные цифры не столь значительны: в 1924 г. на аборты приходится 1,5% всех беременностей, в 1936-м — 12% (табл. 1). Все исследователи, занимавшиеся вопросом снижения рождаемости в рассматриваемый период, в том числе и такие известные, как В. Паевский и М. Птуха, отмечали, что падение плодовитости в это время было вызвано исключительно распространением абортов. Любопытно, что Птуха [1960, с. 446] рассматривал это явление как «быстрый

рост культуры в нашей стране». В первую очередь ему оказались подвержены большие города, затем малые города и пригороды, а потом и сельская глушь. Заметно быстрее аборты распространялись на западе страны, «покрывая» все бóльшую долю возможных рождений — 20–30% и более. В русской деревне процесс шел с существенным отставанием — возможно, из-за менее высокой плотности сельского населения. В мусульманские районы новшества проникали еще медленней или не проникали совсем.

На то, что аборты в 1920-х годах были в русской деревне сравнительно новым явлением, указывает большое количество первичных операций. 70% сельских женщин в РСФСР, решившихся прибегнуть к аборту в 1926 г., делали это впервые. Для сравнения: в городах — 56%, в Москве и Ленинграде — 49%. В 1927 г. доля женщин, прервавших беременность абортом впервые, составила в селе 16,8%, а в 1930 г. — 19,4%. В городе соответствующие цифры были 20,9% и 29,6%, так что горожанки по скорости распространения первых абортов заметно обгоняли сельских жительниц [*Корчак-Чепурківський*, 1929, с. 68–70].

Вторые и третьи аборты давались легче, и разрыв между городом и селом несколько сокращался [*Гернет*, с. 110–114]. Всего в 1925 г. в СССР на тысячу жителей приходилось 2,6 аборта и 44,2 рождения. В городах соответствующие цифры составляли 10 и 34, в деревне — 0,7 и 46,1; у мусульманских народов — 0,5 и 44 (табл. 1).

Таблица 1. **Аборты и рождения в 1924–1936 гг., на 1000 жителей**

Территория	Год	Рождения	Аборты	Аборты и рождения	Аборты к рождениям, %
СССР	1925	44,2	2,6	46,8	5,6
СССР, село	1925	46,1	0,7	46,8	1,5
СССР, город	1925	34,0	10,0	44,0	22,7
СССР	1929	39,8	8,2	48,0	17,1
СССР, город	1936	29,2	28,0	57,2	49,0
СССР, село	1936	38,2	5,0	43,2	11,6
СССР, город	1939	34,5	9,3	43,8	21,2
Москва	1925	31,0	9,7	40,7	23,8
	1926	28,9	15,8	44,7	35,3
	1934	15,8	42,8	58,6	73,0
	1935	19,2	42,6	61,8	68,9

Продолжение табл. 1

Территория	Год	Рождения	Аборты	Аборты и рождения	Аборты к рождениям, %
Ленинград	1924	26,4	5,5	31,9	17,2
	1925	28,4	12,0	40,4	29,7
	1926	28,3	14,1	42,4	33,3
	1927	25,2	21,8	47,0	46,4
	1928	22,9	31,5	54,4	57,9
	1929	22,6	37,8	60,4	62,6
	1930	21,2	38,7	59,9	64,6
Украина	1924	43,0	2,0	45,0	4,4
	1925	42,7	4,0	46,7	8,6
	1926	42,1	6,3	48,4	13,0
	1927	40,2	8,8	49,0	18,0
	1928	37,8	10,5	48,3	21,7
	1929	35,2	12,9	48,1	26,8
	1930	32,8	16,5	49,3	33,5
	1931	31,2	20,0	51,2	39,1

Примечание. Рассчитано с поправками на неполноту сведений. Рождаемость для города и села в 1936 г. принята пропорционально данным С. Струмилина для 1935 г. [1964, с. 141].

Другие источники: [*Корчак-Чепурківський*, 1929, с. 68–70; 1979, с. 67; *Паевский*, 1970, с. 342–356; *Садоквасова*, 1969, с. 30, 385; 1968, с. 207–224; *Аборты в СССР*, 1927, с. 25, 53, 64; *Лубны-Герцык*, 1929, № 8, с. 85–86; *Демографическая модернизация*, с. 204; *Лоример*, с. 127–130; *Семашко*, 1934, с. 86; *Томілін*, с. 3]; Известия. 1936. 12 июля.

На Украине к абортам прибегали чаще, чем в других районах страны, и благодаря украинской демографической школе они изучались более основательно. Птуха отмечает, что сумма абортов и рождений в 1926–1927 гг. в населенных пунктах разного типа была близка к максимальной рождаемости до революции (около 50 промилле). Однако в самых больших городах (Киев, Харьков, Одесса, Днепропетровск) этот показатель был несколько меньше. Причины расхождения заключаются в различии в структуре населения по возрастам, более позднем вступлении в брак и меньшей брачности у жителей крупных городов. Некоторую роль могут играть и иные способы контрацепции [*Корчак-Чепурківський*, 1979, с. 67–69].

Зависимость между абортами и численностью детей в семье была очень слабой. Это видно по ситуации в самом продвинутом в отношении абортов регионе — Украине (табл. 2). И при одном ребенке, и при пяти детях почти во всех возрастных группах (кроме

Таблица 2. **Беременности, прерванные абортами, на Украине в 1927 г. в зависимости от возраста женщины и количества детей в семье, %**

Кол-во детей	Прерванные беременности в разных возрастах							Всего
	До 20 лет	20–24	25–29	30–34	35–39	40–44	Старше 45	
Без детей	12,5	8,1	11,6	17,6	20,9	30,0	35,9	10,2
1 ребенок	23,0	17,9	16,8	19,5	19,2	19,1	16,9	17,9
2 детей	29,7	22,9	18,3	20,4	19,9	20,3	16,1	20,2
3 детей	45,4	26,4	20,1	19,2	20,2	22,1	19,1	20,6
4 детей	64,9	32,1	21,6	20,0	21,1	21,1	19,0	21,2
5 детей	–	39,5	23,1	22,2	22,5	24,1	24,3	22,0
8 детей	–	67,6	33,4	27,3	23,6	25,5	24,4	24,9

Источник: [*Корчак-Чепурківський*, 1979, с. 67–70].

самой молодой, до 20 лет) прерывалось около 20% беременностей. Это свидетельствует о том, что значительная часть женщин вообще не прибегала к аборту. С другой стороны, активная группа женщин (20–30%) прерывала первую, вторую и все последующие беременности. Исключением является группа, не имеющая детей, представительницы которой до 25 лет заметно чаще решаются сохранить ребенка, а старше 40 лет — чаще прибегают к аборту.

Итак, аборты получили в стране довольно широкое распространение. В основном, как уже отмечалось, они применялись в городах и на западе страны. Среди массы сельского населения РСФСР аборты составляли всего 20% от числа рождений. Проникновение абортов в деревню шло постепенно, процент первичных абортов был очень высок. Поэтому вряд ли они могли стать быстрым регулятором снижения рождаемости во время голода. К такому же выводу приходит Ф. Лоример [с. 134], который принимает для 1933 г. рождаемость на уровне 32,4 промилле на тысячу, а для 1934 г. — 30 промилле.

1936 г. принес стране не только «самую демократическую в мире» сталинскую конституцию, обострение классовой борьбы, выборы нового типа, когда 96% населения дружно и единодушно голосуют за единственного кандидата, но и резкий поворот в отношении государства к семье, и в частности запрещение абортов. Объясняя населению необходимость этого мероприятия, Наркомздрав опубликовал следующие данные: в 1934 г. в больницах РСФСР было произведено в городах 375 тыс. абортов и принято 574 тыс. рождений, в селах соответственно 324 тыс. и 243 тыс. (Известия. 1936. 12 июля). Б. Урланис считает, что в городах аборты

практиковались примерно в четыре раза чаще: 30–35 абортов на 100 рождений в городе и 8–9 в деревне. В целом по РСФСР на каждые четыре рождения делался один аборт [*Урланис*, 1977, с. 8–27].

В приведенных выше данных Наркомздрава обращает на себя внимание незначительность медицинской помощи, оказываемой деревне. Доля родившихся в городских больницах превышает 50%, в деревне же профессиональную медицинскую помощь при рождении получили примерно 10% появившихся на свет.

Решение властей о запрете абортов привело к скачку рождаемости с 34,3 промилле в 1936 г. до 38,7 в 1937-м. Причем следует иметь в виду, что рождаемость в начале 1937 г. была несколько занижена абортами, сделанными весной 1936 г. Рождаемость в городах подскочила еще сильнее, чем в среднем по стране. Так, в Москве она составляла в 1936 г. около 20, а в 1937 г. — 35,4 промилле [*Лоример*, с. 136]. По сведениям Садоквасовой [1968, с. 207–224], число абортов в первый год после их запрещения снизилось в три раза по стране и в четыре раза в сельской местности, но затем снова начало возрастать. Некоторые исследователи утверждают, что одновременно с запрещением абортов прекратилась продажа противозачаточных средств [*Сова*, с. 475].

Запрет абортов не был единственной причиной роста рождаемости в конце 1930-х годов. Немалую роль играло улучшение экономического положения в стране. Ведь и в 1936 г. отмечается рост числа рождений по сравнению с 1935 г. Этот рост был естественной компенсацией за задержку брачности и рождаемости в предшествующие тяжелые годы коллективизации. Наконец, следует упомянуть и о таком чисто советском психологическом феномене, как распространенное убеждение в том, что беременных не арестуют.

Постепенно распространяются подпольные и полуподпольные аборты, которые вновь стали привилегией городских жителей. Сокращается не только число заключаемых браков, но и численность состоящих в браке во всех возрастных группах, особенно среди молодежи. Еще больше увеличилась доля женатых мужчин по сравнению с замужними женщинами. Эта тенденция охватила даже народы Кавказа, не затронув только Среднюю Азию. Но общее направление к снижению брачности оказывает влияние даже на восточные народы, что приводит к уменьшению разброса значений по стране.

Плодовитость населения в 1938–1939 гг. возросла, но не достигла уровня 1926–1930 гг. По отношению к 1930–1934 гг. при-

ходится говорить не столько о росте, сколько о стабилизации падения. Оправившись от первого неожиданного удара, население не пожелало рожать больше. Дело в том, что все многочисленные факторы, подталкивавшие страну к сокращению рождаемости, продолжали действовать: уменьшение доли женщин в плодовитых возрастах, сокращение числа замужних женщин, увеличение возраста вступления в брак. Более того, в эти годы к ним прибавилось мощное воздействие «Архипелага», оторвавшего от семей сотни тысяч, а затем и миллионы мужчин. Хотя доля женатых мужчин в старших возрастах между 1926 и 1939 гг. практически не изменилась, заметная часть женщин старше 30 лет потеряла своих брачных партнеров. О том, что это результат именно потерь, а не разводов свидетельствует постоянный рост числа состоящих в браке до 1934 г. и сокращение числа разводов в 1936–1938 гг. Все больше женщин становились вдовами, разведенными и одинокими, все меньше новых подданных появлялось у государства, именно сейчас неожиданно пожелавшего иметь их побольше. Новая мораль населения вступила в противоречие с новой моралью власти, и в этом противостоянии первая постепенно одержала победу. В 1940 г. коэффициент рождаемости (31,2 промилле) не превысил катастрофического уровня 1933–1935 гг. (30–32 промилле) [*Корчак-Чепурківський*, 1979, с. 67–70].

Приложение 13
Численность женщин 15–49 лет

Социальные и политические процессы в начале XX века оказали заметное влияние на численность и структуру населения, в частности на численность женщин в детородном возрасте, в первую очередь поколений младше 30 лет (табл. 1).

Таблица 1. **Численность женщин в России (СССР) в детородном возрасте по возрастам и их доля в населении страны**

Год	Возраст						
	15–19	20–29	30–39	40–44	45–49	20–39	15–49
	Численность, тыс. человек						
1897	5 176	8 202	6 330	2 674	2 111	14 532	24 493
1926	8 844	13 648	9 226	3 562	3 015	22 874	38 295
1931	8 548	15 976	10 804	4 060	3 433	26 780	42 821
1937	6 768	16 185	12 058	4 061	3 571	28 243	4 643
1939	7 651	14 691	12 084	4 010	3 094	26 775	41 530
	% от численности						
1897	5,1	8,1	6,3	2,6	2,1	14,4	24,2
1926	6,0	9,3	6,3	2,4	2,1	15,6	26,1
1931	5,3	9,9	6,7	2,5	2,1	16,5	26,4
1937	4,2	10,1	7,5	2,5	2,2	17,7	26,7
1939	4,5	8,6	7,1	2,4	1,8	15,7	24,3

Источники: [*Перепись 1926*, т. 9, с. 201; т. 17, с. 53–66; *НХ*, 1932, с. 404; *Демоскоп*; *Перепись 1937*, 2007, с. 164–191].

Назовем основные из этих процессов:

1) стремительный рост численности населения (начавшийся еще в XVIII веке), вызванный снижением смертности в результате распространения образования, правил гигиены, медицинской помощи, улучшения условий жизни; увеличение численности горожан;
2) снижение уровня смертности женщин, что, несмотря на более позднее вступление в брак, увеличивало продолжительность брачной жизни;

3) рост численности появляющихся на свет поколений, вызванный большей численностью матерей и снижением детской смертности;
4) увеличение доли женщин в среднем возрасте в пропорции как ко всему населению, так и к общему числу женщин в результате повышенной убыли мужчин в ходе Первой мировой и Гражданской войн и эмиграции. К этому также вели снижение рождаемости в ходе войны и повышенная убыль стариков и детей от голода и болезней в 1918–1922 гг.;
5) увеличение доли средних возрастов в результате высокой смертности населения, в первую очередь стариков и детей, во время Гражданской войны.

Рост численности женщин 15–49 лет поддерживал высокую рождаемость в стране даже при некотором сокращении плодовитости. На это явление обратил в свое время внимание Корчак-Чепурковский. Он показал, что близость коэффициентов рождаемости населения Украины перед Первой мировой войной (1909–1913) — 42,8 промилле и в годы НЭПа (1925–1928) — 40,7 промилле кажущаяся. И если пересчитать второй коэффициент с учетом изменения структуры населения, то он окажется равным 35,3 промилле, то есть на 15% меньше [*Корчак-Чепурковский*, 1970, с. 35–37].

Данные переписей показывают, что в 1930-е годы численность женщин в плодовитом возрасте сохранялась примерно на одном уровне, а по отдельным возрастным когортам продолжала расти в течение практически всего рассматриваемого периода (табл. 1). Сведения по Украине, наиболее пострадавшем в годы коллективизации регионе, во всех возрастных когортах женщин обнаруживают заметное снижение численности, и весьма вероятно, что эти данные неполны (табл. 2). Спад 1932–1934 гг. демонстрирует огромные потери Украины в ходе коллективизации и голода.

Для 1926–1931 гг. соответствующие данные известны, поэтому расхождение расчетных сведений с фактическими составляет всего несколько процентов (0,5% в 1927 г., 2,2% в 1928 г., 3,2% в 1929 г.) [*Корчак-Чепурковский*, 1970, с. 289–312; *Корчак-Чепурківський*, 1979, с. 47–75; *Народне господарство*, 1935, с. 379; *Природний рух*, 1929, с. 12]. По материалам переписи 1939 г. и тем же таблицам смертности была сделана обратная передвижка 1939–1934 гг. (Демоскоп, № 509–510). Первый расчет показывает, какой была бы численность женщин в 1934 г., если бы смертность

Таблица 2. **Численность женщин 15–49 лет на Украине, тыс. человек на конец года**

Год	Возраст					
	15–19	20–29	30–39	40–44	45–49	15–49
1926	1789	2788	1847	691	563	7678
1927	1833	2881	1941	718	582	7955
1928	1877	2973	2039	743	603	8235
1929	1937	3066	2144	764	627	8537
1930	1823	3157	2259	777	653	8670
1931	1720	3261	2377	781	682	8822
1932	1553	3352	2475	823	709	8913
1933	1485	3445	2569	872	735	9105
1934а	1370	3554	2659	930	756	9268
1934в	1279	3241	2101	764	619	8005
1935	1268	3257	2248	776	670	8219
1936	1325	3207	2347	845	681	8406
1937	1466	3125	2476	851	729	8646
1938	1525	3076	2589	1257	909	8823

Примечание. Распределение по возрастным группам по переписи 1939 г. в работе [*Валлин*, с. 25] несколько отличается от данных Ю. А. Корчак-Чепурковского, которые приняты за основу расчета. 1934а — данные прямого расчета (1926–1934); 1934в — данные обратного расчета (1939–1934).

Источники: [*Корчак-Чепурківський*, 1929, с. 72–75; *Корчак-Чепурковский*, 1975, с. 89–94; 1970, с. 289–319]; Демоскоп, № 509–510.

оставалась на уровне 1925/26 г. Обратный расчет демонстрирует, какой эта численность была в этом году, если оценивать ее исходя из результатов переписи 1939 г. Мы видим огромные потери, превышающие миллион человек (почти 14% численности рассматриваемой когорты). У поколений старше 30 лет повышенная убыль достигает 18–22%, у младших возрастов (15–29 лет) она составляет около 9%. Совершенно очевидно, что эта убыль является результатом трагических событий 1932–1934 гг. Главная часть снижения приходится, несомненно, на 1933 г. Ориентировочно реальные значения численности женщин 15–49 лет в 1931–1934 гг. выглядят следующим образом: 8822 тыс., 8700 тыс., 8200 тыс. и 8005 тыс. человек.

В расчете, кроме гибели людей, учтены сведения об эмиграции, составившей для всего украинского населения за 1926–1939 гг. около 800 тыс. человек (прил. 24). Следовательно, на рассматриваемую когорту приходится около 150–200 тыс. мигрантов.

Очевидно, что численность женщин 15–49 лет в 1932–1933 гг. была меньше рассчитанной примерно на 1,5 млн человек. К преуменьшению размеров потерь ведет использование в обратном расчете таблиц смертности 1925–1926 гг. Несомненно, смертность в 1935–1938 гг. была ниже в результате искусственного «оздоровления» населения (от голода и болезней в средних возрастах умирали в первую очередь хронические больные и слабые люди, так что смертность выживших на некоторое время снижалась) [*Максудов*, 1981]. Также к занижению убыли вело искусственное преувеличение численности населения в переписи 1939 г. На Украине к результатам учета было добавлено около 2 млн человек. Главным образом это были люди, подсчитанные армейской специальной переписью или по линии НКВД, а также почти миллион фиктивного населения, включенного в виде однопроцентной поправки (табл. 2.18).

Можно предположить, что, поскольку украинское население составляло примерно 20% от всех жителей СССР и заметные потери понесли и другие зерновые районы страны (Северный Кавказ, Нижнее и Среднее Поволжье, Центрально-Черноземная область, Казахстан и др.), в данные о численности детородных поколений СССР следует ввести поправку, снижающую численность последних в 1932–1934 г. Это хорошо видно из табл. 3.

Суммарная численность поколений женщин детородного возраста постоянно возрастает в 1926–1934 гг. Рост фиксируется практически во всех поколениях, кроме самого молодого (15–19 лет) и самого старого (45–49 лет), которое немного сокращается в 1934 г. В 1935–1938 гг. суммарный рост восстанавливается, но сокращение затрагивает также когорту 20–29-летних. Потери в годы, предшествующие 1934-му, составляют 2,6 млн и касаются всех возрастных групп.

Это сокращение не отражается сразу на общей численности поколения 15–49 лет, но к концу 1930-х годов данная когорта женщин начинает понемногу убывать. Таким образом, целый комплекс причин приводил в 1930-е годы к увеличению доли женщин в плодовитом возрасте в абсолютных значениях и доли женщин в общем балансе населения.

Одновременно росла брачность, а также число лет, проводимых женщиной в браке (прил. 9, 10). Лишь в самом конце рассматриваемого периода численность рожающего контингента начала снижаться. Это постоянство численности детородных поколений в населении СССР не приводило к устойчивости уровня

рождаемости, поскольку во всех поколениях быстро росло число абортов. Но, очевидно, можно говорить о довольно высокой стабильности числа зачатий.

Таблица 3. **Численность женщин 15–49 лет в СССР в 1926–1938 гг., тыс. человек на конец года**

Год	Возраст					
	15–19	20–29	30–39	40–44	45–49	15–49
	Численность					
1926	8 905	13 707	8 991	3 575	3 077	38 255
1927	9 012	14 301	9 300	3 782	3 080	39 475
1928	9 164	14 695	9 639	3 985	3 105	40 587
1929	9 244	15 111	10 024	4 134	3 180	41 695
1930	9 041	15 544	10 459	4 211	3 312	42 567
1931	8 415	15 983	10 925	4 226	3 489	43 038
1932	7 673	16 404	11 416	4 192	3 691	43 375
1933	7 202	1 656	11 881	4 145	3 889	43 973
1934а	6 732	17 280	12 308	4 160	4 035	44 515
1934в	6 865	1 647	11 460	3 926	3 294	41 893
1935	6 806	16 504	11 899	3 961	3 500	42 672
1936	6 909	16 357	12 320	4 264	3 526	43 377
1937	7 468	1 672	12 739	4 290	3 738	44 308
1938	7 732	15 870	13 170	4 552	3 723	45 047
	% от численности					
1926	5,9	9,0	5,9	2,3	2,0	25,1
1927	5,8	9,1	5,9	2,4	2,0	25,3
1928	5,8	9,3	6,1	2,5	2,0	25,6
1929	5,7	9,4	6,2	2,6	2,0	25,9
1930	5,6	9,6	6,4	2,6	2,0	26,2
1931	5,2	9,8	6,7	2,6	2,1	26,4
1932	4,9	10,4	7,2	2,6	2,3	27,4
1933	4,5	10,7	7,5	2,6	2,5	27,8
1934а	4,5	10,9	7,8	2,6	2,5	28,0
1934в	4,3	10,2	7,2	2,5	2,1	26,3
1935	4,2	10,3	7,4	2,5	2,2	26,6
1936	4,2	9,9	7,5	2,6	2,1	26,3
1937	4,4	9,5	7,6	2,5	2,2	26,3
1938	4,6	9,4	7,8	2,7	2,2	26,7

Примечание. Данные получены расчетом по переписям населения 1926 г. 1934а — данные прямого расчета (1926—1934); 1934б — данные обратного расчета (1939—1934). Повозрастная численность в 1926 г. принята в сглаживании Новосельского и Паевского. До 1934а население в довоенных границах, затем — в послевоенных.
Источник: [*Новосельский, Паевский*, 1934б, с. 7–37; 1930]; Демоскоп, № 509–510.

Приложение 14
Коэффициент рождаемости по сведениям о плодовитости

В 1960 г. было проведено выборочное обследование генеративной деятельности 43,7 тыс. женщин, под руководством Р. И. Сифман (табл. 1).

Таблица 1. **Суммарная плодовитость и коэффициенты рождаемости по разным источникам, промилле**

Год	Суммарная плодовитость по Сифман	Коэффициент рождаемости по суммарной плодовитости	Коэффициент рождаемости Урланиса*	Коэффициент рождаемости ЦСУ 1964
1919	5,0	36,0	31,0	31,7
1920	5,3	38,2	31,2	32,2
1921	5,1	36,7	35,5	37,3
1922	5,3	38,2	37,3	38,2
1923	5,4	38,9	43,9	45,5
1924	6,1	43,9	42,0	42,9
1925	5,9	42,5	44,7	44,2
1926	6,1	43,9	43,7	44,0
1927	5,9	42,5	43,4	44,8
1928	6,1	43,9	42,2	44,3
1929	5,4	38,9	39,8	42,1
1930	6,1	43,9	39,2	39,6
1931	4,6	33,1	32,6	38,0
1932	5,0	36,0	32,6	36,3
1933	4,1	29,5	32,6	27,6
1934	4,0	28,8	32,6	26,5
1935	4,4	31,7	31,6	30,4
1936	4,9	35,3	34,3	32,9
1937	5,3	38,2	38,7	38,7
1938	5,3	38,2	37,5	37,5
1939	5,1	36,7	36,5	36,5

* Динамика уровня рождаемости в СССР за годы советской власти. Европейская часть СССР до 17 сентября 1939 г. — в послевоенных границах.

Источник: [*Сифман*, 1974, с. 43; *Урланис*, 1977, с. 11–12; 1927; *АДХ*, 1993, с. 40; *Боярский*, 1975, с. 225–228].

Опрос охватывал население страны в послевоенных границах и поэтому несколько преуменьшал уровень рождаемости в границах до 1939 г. Важно также, что обследование проходило через десятки лет после разразившихся в стране катастроф, в которых погибли миллионы, и, естественно, коснулось только выживших матерей. Опрос проводился среди семей, постоянно ведущих бюджетные записи, и поэтому непропорционально представляет различные социальные и национальные группы, разные слои населения, горожан и сельских жителей, бедных и благополучно обустроенных людей, матерей-одиночек и т. д. Результаты были опубликованы в различных статьях и довольно подробно изложены в монографии Р. И. Сифман [1974]. При этом в проекте не были сделаны оценки уровней рождаемости в стране; видимо, Сифман считала такого рода результат недостаточно надежным и использовала коэффициенты рождаемости Урланиса. В 1970-е годы, то есть еще до открытия архивов, я решил воспользоваться данными Сифман для оценки коэффициентов рождаемости в годы, для которых официальная статистика не публиковалась. Впоследствии АДХ широко использовали данные Сифман таким же образом.

В расчете предполагается, что численность женщин 15–49 лет меняется по годам примерно так же, как численность всего населения. В этом случае данные суммарной плодовитости каждого года (соотношение между числом родившихся и численностью женщин в возрасте 15–49 лет) линейно связаны с коэффициентом рождаемости (отношением числа родившихся ко всему населению). За эталон было взято соотношение между средней рождаемостью и средней плодовитостью в 1970-е годы. По этой пропорции получены коэффициенты в табл. 1.

Сравним найденные значения с оценками Б. Ц. Урланиса и коэффициентами, рассчитанными ЦСУ в 1964 г. Из таблицы следует, что для 1921–1922, 1924–1929 и 1932–1939 гг. расхождение между данными Сифман, Урланиса и ЦСУ невелико и не превышает нескольких процентов. Это служит подтверждением того, что, используя постоянное соотношение между коэффициентом рождаемости и суммарной плодовитостью, мы не делаем большой ошибки.

Разница значений в 1919–1920 гг. говорит в пользу сведений по плодовитости. В годы Гражданской войны армии были невелики, и нарушение семейных связей было не слишком ощутимым. Аборты еще не применялись широко, поэтому сильного падения

рождаемости по сравнению с довоенным временем (47 промилле в 1913 г.) не должно было быть. Так что коэффициенты плодовитости представляются в этом случае более достоверными, чем цифры Урланиса и ЦСУ, полученные в условиях неполного учета.

Также обращает на себя внимание, что рождаемость в 1930 г. заметно выше, чем в 1929-м, и равна коэффициенту 1928 г. Это противоречит представлениям историков, а также данным о численности поколений соответствующих лет рождения в переписях 1937, 1939 и 1959 гг., свидетельствующим о постепенном снижении рождаемости в эти годы.

Очевидно, мы имеем здесь дело с ошибкой округления возраста детей, весьма характерной для советских опросов. Кроме того, можно говорить о двойном стимуле к округлению: возраст ребенка (1930 г.) и дата опроса (1960 г.). Главным образом преувеличение возникло за счет 1929 и 1931 гг. Это несоответствие можно откорректировать, приняв коэффициенты рождаемости в 1929 г. в 41 промилле, в 1930 г. — 39, а в 1931 г. — 37.

Несмотря на отмеченные недостатки, рассчитанные по плодовитости коэффициенты полезны, поскольку являются независимой от статистического учета оценкой. В целом с 1926 по 1939 г. число рождений, приходящихся на тысячу женщин 15–49 лет, сократилось со 159,1 до 139,5. Суммарная плодовитость на тысячу женщин составляла в 1926–1927 гг. 5364, а в 1938–1939 гг. — 4400. Произошло и некоторое омоложение рождаемости. В 1926–1927 гг. женщины в возрасте до 25 лет родили 27,4% своих детей, а в 1938–1939 гг. — 28,1%. Женщины 25–29 лет соответственно родили 25,1% и 26,2%. В 1930–1934 гг. доля рождений была в обоих случаях одинакова, а в более старших возрастах она, естественно, во втором случае немного возросла [*Сифман*, 1974, с. 41, 107].

Обследование Сифман показало, что рождаемость постепенно снижалась и каждое следующее поколение женщин в XX веке рожало меньше детей, чем предыдущее. При этом в городе число рождений уменьшалось заметно быстрее, чем в деревне (табл. 2).

В 1930–1936 гг. плодовитость почти во всех возрастных когортах женщин оказывается ниже, чем была у соседних поколений в том же возрасте. Например, поколение женщин 1910–1914 годов рождения прошло через возраст 20–24 года в 1930–38 гг. Из 25 прожитых ими лет 15 приходятся на период коллективизации и голода (1930–1934). Они имели 958 рождений, в этом же возрасте поколения 1905–1909 гг. — 1033 рождения, а поколение 1915–1919 гг. — 962. Такая картина наблюдается во всех наиболее

Таблица 2. **Динамика средних интервалов между рождениями по годам, когда произошло данное рождение, в месяцах**

Очередность рождения	1920–1924	1925–1929	1930–1934	1935–1939	1940–1944
Весь массив					
0	45,6	43,3	36,8	35,5	43,2
1	33,0	34,7	37,7	38,9	46,6
2	33,3	35,6	40,5	41,4	49,9
3	32,0	37,0	38,8	38,1	47,9
4	31,1	32,8	39,6	38,7	44,5
Город					
1	32,6	37,7	42,7	41,2	49,4
2	32,5	37,9	44,2	44,2	57,0
3	36,8	38,3	38,9	41,2	52,7
Село					
1	33,0	34,0	36,2	37,9	45,0
2	33,4	35,3	39,9	40,4	47,1
3	31,2	36,8	38,8	37,4	46,3
4	31,4	32,7	38,9	38,2	44,65
Село, 1-я группа					
1	34,4	39,2	42,3	42,0	47,4
2	33,8	42,3	47,0	47,1	47,0
3	32,7	42,9	45,1	42,2	44,3
4	31,8	36,2	45,5	42,9	47,3
Село, 2-я группа					
1	31,5	31,2	33,8	36,4	46,5
2	30,5	32,6	37,9	38,5	49,2
3	29,4	33,6	38,7	37,6	48,9
4	30,0	31,3	38,8	37,7	44,3
Село, 3-я группа					
1	35,6	33,8	32,6	34,4	39,2
2	39,4	34,3	36,4	35,2	44,1
3	33,5	38,5	34,4	33,0	44,1
4	34,1	33,0	35,0	35,7	42,9

Примечание. 0 — разница между датой брака и датой рождения ребенка. 1-я группа — Украина, Прибалтика; 2-я группа — РСФСР без автономных республик, Белоруссия, Грузия; 3-я группа — мусульманские регионы и Армения.
Источник: [*Сифман*, 1974, с. 107; 1968, с. 126].

плодовитых возрастах и в городе, и в деревне, причем в деревне она более выражена. Важно отметить, что разница между плодовитостью середины 1930-х годов и последующим периодом (конец 1930-х — начало 1940-х годов) невелика: 0,4% — для поколения 20–24 лет (когорты 1910–1914 и 1915–1919), 2,6% — для 25–29-летних (когорты 1905–1909 и 1910–1914), 1,5% — для 30–34-летних (когорты 1900–1904 и 1905–1909) — табл. 2.

Снижение плодовитости в городе заметнее, чем в деревне [*Сифман*, 1974, с. 156–159]. Интересные результаты предоставляет исследование Сифман о промежутках между рождениями детей у разных национальных и возрастных групп в разные годы (табл. 2). Считается, что средний физиологический интервал между рождениями в отсутствие регулирования составляет примерно 33–34 месяца [*Сифман*, 1974, с. 156–159].

Такими, а порой и меньшими были периоды между рождениями первого и второго ребенка в 1920–1924 гг. практически для всего населения страны. В 1925–1929 гг. интервал у горожан и сельского населения Украины увеличивается, но как в русских, так и в мусульманских селах России, Кавказа, Казахстана и Средней Азии рождаемость по-прежнему почти не регулируется. Для русской территории в 1930-е годы характерно продолжение общей тенденции — удлинение интервала между рождениями первых, вторых и третьих детей, на которых приходится основное количество рождений, а на четвертых, пятых и т. д. остается всего несколько процентов. В 1935–1939 гг. интервал рождения для третьих и четвертых детей немного уменьшается, зато для первых и вторых заметно возрастает. Эта картина наблюдается и для всего населения страны. При этом интервалы в периоды 1930–1934 и 1935–1939 гг. очень близки. Похожая ситуация для большинства рождений первых и вторых детей наблюдается и в городах РСФСР, и на Украине.

В начале периода (1920–1924 гг.) жители практически не прибегали к ограничению деторождения. В следующем пятилетии интервал между рождениями увеличивается, причем он не зависит от количества уже рожденных детей. Несколько бóльшие или равные интервалы между рождениями первого и второго ребенка во второй половине 1930-х годов по сравнению с первой половиной и позволяют говорить о примерно одинаковой плодовитости и равном числе рождений.

Приложение 15
Тенденция изменения плодовитости в 1920–30-х годах

Плодовитость (число рождений на тысячу женщин) в начале века в России была очень высокой, особенно у женщин, состоящих в браке. Индекс брачной рождаемости Коула составлял 0,67 в городах (от 0,45 в Московской губернии до 0,84 в Тамбовской) и 0,78 в селе (от 0,43 в Астраханской до 0,93 в Калужской). Это примерно соответствует рождению женщиной, состоящей в браке, на протяжении репродуктивного периода 9,4 детей, три четверти физиологического максимума (12,4). Этот уровень довольно устойчиво был выдержан по стране [*Вишневский*, 1977, с. 105–134] (табл. 1).

Таблица 1. **Коэффициент плодовитости по республикам СССР в селе и городе, рождений на 1000 женщин**

Республика	Село, 1926			Город, 1926			Село, 1897		
	If	Ig	Im	If	Ig	Im	If	Ig	Im
Россия	497	748	659	304	469	600	591	785	647
Украина	432	638	663	278	436	601	578	769	650
Белоруссия	441	615	615	289	501	545	505	761	603
Грузия	499	664	751	279	420	665	665	859	728
Армения	665	782	852	452	621	728	671	760	826
Азербайджан	682	787	867	369	492	750	684	759	824
Средняя Азия	465	519	896	418	518	806	466	523	880
Казахстан	525	610	861	400	550	726	530	611	834
Киргизия	493	512	928	454	562	809	—	—	—
Таджикия	539	607	888	534	615	869	—	—	—
Туркмения	528	587	909	346	447	775	—	—	—
Узбекская ССР	433	486	891	399	494	807	—	—	—

Примечание. If — коэффициент рождаемости в пропорции к относительному максимуму (коэффициенту рождаемости гуттеритов соответствующего возраста). Ig — коэффициент брачной рождаемости. Im — доля замужних женщин.
Источник: [*Коул*, 1979].

Более низким был уровень плодовитости в городах (особенно больших) и у некоторых национальных групп, в частности у немцев, поляков и евреев. В результате в Санкт-Петербургской и Прибалтийских губерниях, в западных районах Украины и Белоруссии,

где эти народы составляли значительную часть населения, плодовитость была ниже среднего значения по стране [*Демографічний збірник*, 1926, с. 92–152], а при движении на юго-восток она заметно возрастает. Связь этой тенденции с численностью горожан и национальным составом населения очевидна. Важную роль играет и различие уровней рождаемости по конфессиям. В 1896–1897 гг. рождаемость у православных на Украине составляла 51,8 промилле, в Европейской России — 53,1; у католиков — 38,3; иудеев — 36,1. Основным способом снижения рождаемости было более позднее вступление в брак, распространенное в городах, Прибалтике и промышленных западных губерниях [*Вишневский*, 1977, с. 105–134].

Революция отъединила районы с наиболее низкой плодовитостью, выбросила из страны значительное число горожан, практиковавших поздние браки и малодетную семью, прибегавших к ограничению рождаемости с помощью абортов. Изменилось отношение молодежи к браку и разводам. Все это привело к нивелированию по стране уровня воспроизводства населения. Ф. Лоример использовал для изучения изменения плодовитости нетто-коэффициенты воспроизводства (т. е. число девочек, рожденных данной матерью и доживших до возраста матери), рассчитав их для отдельных областей по материалам 1897, 1924, 1926–1927 гг. Из этих данных видна высокая однородность показателей. Лишь несколько регионов, в первую очередь Ленинград и Москва, отличаются пониженными значениями (до 20%), а Сибирский край, Дальний Восток, республики Закавказья и Северного Кавказа — повышенными (до 40%). По остальной территории, особенно среди сельского населения, коэффициенты, как правило, отклоняются от среднего по стране не больше, чем на 10%. Разброс среди городского населения выше и достигает порой 50% (например, между Ленинградом и Вяткой) [*Лоример*, с. 90–93]. Города были центрами, в которых активно шла перестройка старой жизни. Туда массами устремлялась деревенская молодежь, возвращаясь затем домой учителями, врачами, партийными и комсомольскими функционерами и т. п. В самой же деревне еще долгое время многое оставалось без изменений. Нередко крестьянка по-прежнему рожала до 10 детей. В какой-то момент страна приблизилась к довоенному уровню рождаемости. Отчасти эта «близость» была кажущейся, так как плодовитость в европейских республиках и в Грузии снизилась с If = 0,5–0,6 в 1897 г. до 0,432–0,499 в 1926 г. (табл. 1).

Рост рождаемости определялся не только плодовитостью, но и улучшением возрастной структуры населения, увеличением

доли женщин в рожающих возрастах и числа женщин, состоящих в браке. В брак вступали рано, мужчины проводили в браке больше половины жизни (24,5 лет, тогда как средняя продолжительность жизни у них составляла 44,7), женщины — меньше половины (21 год из 48). Если говорить о людях старше 15 лет, то у мужчин 73% предстоящей жизни проходит в браке, у женщин — 55% [*Корчак-Чепурківський*, 1979, с. 52]. По сравнению с 1897 г. процент мужчин, состоявших в браке, в 1926 г. в сельской местности увеличился, а женщин — немного сократился. В городах разница оказалась огромной: женатых мужчин стало вдвое больше, а численность замужних женщин выросла на 50% [*Пустоход*, 1929] (табл. 2).

Таблица 2. **Суммарная плодовитость разных когорт женщин, число рождений на 100 женщин соответствующего возраста**

Годы рождения	Город	Село	Всего
1890–1894	464	538	525
1895–1899	408	531	514
1900–1904	332	470	447
1905–1909	279	431	385
1910–1914	264	371	337
1915–1919	232	341	295
1920–1924	204	329	273

Источник: [*Сифман*, 1974, с. 44].

Но эти благоприятные для роста плодовитости факторы перевешивались быстро распространяющимися по стране новыми бытовыми и морально-этическими представлениями, включавшими ограничение численности детей в семье.

Обследования 1960-х годов показали, что каждое следующее поколение женщин рожало меньше детей, чем предыдущее. Так, на 100 женщин 1890–1894 годов рождения приходилось 525 родившихся детей, в каждой следующей пятилетней группе эта цифра становилась все меньше (табл. 2). При этом в младших и самых старших возрастах плодовитость менялась незначительно. В 1938–1939 гг. она была примерно равна уровню 1929–1930 гг. (табл. 3).

В СССР плодовитость в 1920–30-е годы быстро снижалась. Причем в городе быстрее, чем в деревне, в старших возрастных группах быстрее, чем в младших, на Украине быстрее, чем в России (табл. 1–3). Среди факторов, определявших снижение рождаемости между 1926 и 1939 гг., уменьшение плодовитости, особенно брачной плодовитости, играет решающую роль (табл. 4). Однако

Таблица 3. **Количество рождений на 1000 женщин на Украине в 1925–1939 гг. по возрастным группам от 15 до 49 лет**

Год	15–19	20–24	25–29	30–34	35–39	40–44	45–49	15–49
1925	37,3	247,9	295,5	204,1	182,7	84,5	25,0	—
1927	39,6	237,7	265,7	190,2	165,0	74,1	19,3	—
1929	37,6	210,4	221,0	159,4	140,0	62,1	17,5	132,60
1930	41,2	205,3	196,7	147,6	111,1	66,6	20,3	122,28
1931	40,0	197,0	175,0	131,0	93,0	40,0	18,0	111,50
1932	38,0	180,0	153,0	118,0	77,0	33,0	16,0	100,00
1933	30,0	165,0	120,0	90,0	60,0	20,0	10,0	83,80
1934	30,0	165,0	120,0	90,0	60,0	20,0	9,0	83,80
1929–1934	—	290,0	219,0	171,0	113,0	77,0	—	—
1938–1939	32,8	214,4	230,6	183,5	131,7	68,1	19,0	139,50
1972–1973	35,4	163,9	115,2	63,2	31,1	25,8	3,8	66,40

Примечание. Для 1931–1934 гг. рассчитано в предположении линейного падения плодовитости по данным 1925–1930 гг. В 1931 г. коэффициент всего на 3% отличается от рассчитанного по сведениям о рождаемости. Брачная плодовитость на Украине была заметно выше обычной. В 1926 г. для 20–24-летних она составляла 363 рождения, а у 25–29-летних — 312. В 1938–1939 гг. соответствующие цифры были равны 351 и 279.

Источники: [*Корчак-Чепурківський*, 1979, с. 67–70; *Струмилин*, 1964, с. 141; *Пискунов, Стешенко*, 1979, с. 28; *Птуха*, 1960, с. 448; *Население СССР*, 1973, с. 136–137].

было бы неверно считать, что процесс этот шел равномерно. Многие факты свидетельствуют о том, что к середине 1930-х годов произошло сильное падение рождаемости, сменившееся во второй половине десятилетия некоторым ростом, а в конце десятилетия — резким ростом, вызванным запретом абортов.

Таблица 4. **Брачная плодовитость СССР, число рождений на 1000 женщин данной возрастной когорты**

Возраст	1926–1927	1924–1928	1929–1933*	1938–1939**
15–19	260	268	210	328
20–24	378	345	290	349
25–29	317	314	219	293
30–34	264	248	171	224
35–39	210	202	113	165
40–44	119	140	77	90
45–49	33	—	—	28
16–44	—	280	216	—

* Данные по сельским женщинам до их переезда в город, обследование 1934 г.
** Те же женщины после переезда.
Источники: [*Струмилин*, 1957, с. 198–201; *Урланис*, 1976, с. 218, 223].

Хорошее представление об изменении плодовитости в 1930-е годы дает выборочное обследование генеративной деятельности 43,7 тыс. женщин, проведенное под руководством Р. И. Сифман в 1960 г. Хотя, как отмечалось в прил. 14, результаты опроса не были предназначены для оценки уровня рождаемости довоенного населения СССР, они могут помочь в оценке уже существующих коэффициентов рождаемости. Как показали расчеты, сделанные в 1980-х годах, полученные результаты неплохо согласуются с известными данными [*Максудов*, 1982]. К такому же выводу пришли впоследствии АДХ [1993, с. 41]. Для расчета использованы сведения о суммарной плодовитости для каждого года, показанные в работе Сифман [1974, с. 41] на графике.

Обратим также внимание на различие в структуре рожающего контингента (табл. 5).

Таблица 5. **Возрастные коэффициенты плодовитости поколений женщин, число родившихся на 1000 женщин**

Год рождения	Возраст						
	15–19	20–24	25–29	30–34	35–39	40–44	45–49
1890–1894	240	881	1037	1297	973	492	201
1895–1899	200	923	1465	1190	772	482	108
1900–1904	212	1081	1234	886	717	249	73
1905–1909	224	1033	1037	899	412	207	37
1910–1914	228	958	1066	519	409	161	—
1915–1919	233	962	634	605	366	—	—
1920–1924	170	592	882	595	—	—	—
1925–1929	88	795	839	—	—	—	—
1930–1934	151	798	—	—	—	—	—

Источник: [*Сифман*, 1974, с. 104–105].

В 1926–1927 гг. на поколения в возрасте до 25 лет приходилось 27,4% рождений, в 1930 г. — 36,4%, в 1934 г. — 36,5%, в 1938–1939 гг. — 28,1% [*Корчак-Чепурковский*, 1970, с. 112–124; *Паевский*, 1970, с. 342–356]. Увеличение доли рождений молодыми, несомненно, указывает на снижение плодовитости старших поколений. Заметим также, что результаты в начале и в конце рассматриваемого периода одинаково невелики, а в середине 1930 и 1934 гг. они возрастают, что свидетельствует о падении рождаемости и затем о росте.

Практически каждая возрастная группа женщин, по данным обследования 1960 г., снизила рождаемость в середине 1930-х годов. Например, женщины 1905–1909 годов рождения в возрасте 25–29 лет родили 26,9% всех своих детей.

В то же время соседние поколения, родившиеся в 1910–1914 гг. и 1900–1904 гг., прошедшие этот возраст в другие периоды, родили в соответствующем возрасте 31,6 и 27,6% детей. Точно так же обстоит дело и в других возрастных группах. Поколение 1900–1904 годов рождения родило в возрасте 30–34 лет 19,9% всех своих детей, а соседние пятилетние когорты — 23,3 и 23,2% в том же возрасте. Поколение 1895–1899 годов в 35–39 лет родило 15,2% своих детей, а соседние группы 1900–1904 годов — 16,1% и 1890–1994 годов —18,6% [*Сифман*, 1974, с. 104–197]. Таким образом, задержка рождений составляет у разных возрастных групп 8–15%. Похожую тенденцию демонстрируют коэффициенты плодовитости. Сравним коэффициенты рождаемости ЦСУ с коэффициентами, рассчитанными по плодовитости (табл. 6)

Таблица 6. **Сопоставление коэффициента рождаемости по оценке ЦСУ 1964 г. и по плодовитости в 1927–1938 гг.**

Год	Плодовитость	Рождаемость, тыс.	Коэффициент рождаемости	Коэффициент плодовитости	Разница
1927	5,9	6655	44,8	43,1	1,7
1928	6,1	6725	44,3	44,6	−0,3
1929	5,4	6520	42,1	39,5	2,6
1930	6,1	6229	39,6	44,6	−5,0
1931	4,6	6053	38,0	33,6	4,4
1932	5,0	5842	36,3	36,6	−0,3
1933	4,1	4435	26,4	30,0	−3,6
1934	4,0	4229	26,5	29,2	−3,7
1935	4,4	4888	30,4	32,2	−1,8
1936	4,9	5350	32,9	35,8	−2,9
1937	5,3	6405	38,7	38,7	0,0
1938	5,3	6323	37,5	38,7	−1,2

Примечание. Коэффициент плодовитости подсчитан по суммарной плодовитости условного поколения, умноженной на коэффициент перехода к коэффициенту рождаемости, равный в нашем случае 0,73. Рассчитано по данным ЦСУ 1964 г., а также [*АДХ*, 1993, с. 40; *Сифман*, 1974, с. 43].

Суммарная плодовитость, как известно, учитывает соотношение между числом родившихся и численностью женщин в возрасте 15–49 лет, в то время как коэффициент рождаемости является отношением числа родившихся ко всему населению. Пропорция между численностью женщин в плодовитом возрасте и численностью населения в 1926, 1931, 1936 гг. отличается всего на 1%, а в 1939 г. — на 2%. Это незначительное расхождение позволяет считать соотношение между коэффициентом рождаемости

и плодовитостью постоянной величиной. Взяв за эталон соотношение этих средних величин в 1924–1928 гг., рассчитываем значения рождаемости по плодовитости для всех остальных лет.

Расхождения невелики и практически не превышают 10%. В сведениях по плодовитости заметны систематические колебания размеров коэффициентов (большой — маленький — большой), которые малооправданны. Более достоверными являются оценки ЦСУ (постепенное снижение рождаемости). Очень важными представляются более высокие размеры коэффициентов, рассчитанных по плодовитости для 1933–1936 гг. Как уже отмечалось, данные по плодовитости оценивают заниженный уровень рождаемости, поскольку получены опросом выживших через 25–30 лет после катастрофы, а погибшие не представлены в статистике обследования. Очевидно, коэффициенты рождаемости ЦСУ недоучитывают размер рождаемости из-за разрушения статистического учета и миграции.

Таким образом, рассмотрев тенденцию изменения плодовитости в стране в 1930-е годы, можно сделать следующие основные выводы. Плодовитость быстро падала в течение 1926–1934 гг., затем начался постепенный рост в 1935–1936 гг., а затем более быстрый рост в 1937–1939 гг. Коэффициенты в 1938–1939 гг. на 20% ниже уровня 1926–1927 гг. Средняя плодовитость в 1935–1939 гг. примерно равна плодовитости в 1930–1934 гг.

Приложение 16
Оценка рождаемости разными авторами в 1913–1926 годах

Расчет рождаемости для 1914–1924 гг. был проведен профессором А. Я. Боярским и несколько откорректирован профессором Б. Ц. Урланисом. Почти для всех лет коэффициенты Урланиса больше на 1–2 промилле. Лишь для периода Гражданской войны (1917–1920) рождаемость у Боярского несколько выше. Результаты исследования Боярского и Урланиса утвердились в научной литературе и стали общепризнанными, заняв место сведений официальной статистики, для этих лет отсутствующих (табл. 1, столбцы 6 и 7).

По их данным, рождаемость в России во время Первой мировой войны резко снижается, в 1917 г. она оказывается почти в два раза меньше, чем в 1914 г. Во время Гражданской войны рождаемость растет до 32–34 промилле, а с 1923 г. устанавливается на высоком, хотя и немного ниже, чем довоенном, пределе в 42–45 промилле. В целом такая картина представляется довольно верной: снижение во время Первой мировой обусловлено мобилизацией; повышение в годы Гражданской войны связано с возвращением солдат домой; рост в 1923 г. — переход к мирной жизни.

Можно лишь заметить, что эти материалы не указывают на спад в 1921–1922 гг., хотя, очевидно, голод 1921 г. должен был отразиться на уровне рождаемости. Это объясняется тем, что для расчетов А. Я. Боярский использовал данные по территории, не охватывавшей голодные губернии. Но, принимая общую тенденцию изменения рождаемости в стране по Боярскому — Урланису, трудно согласиться с величиной некоторых коэффициентов. Дело в том, что Боярский базировался при оценке рождаемости в стране на результатах переписи 1926 г. Он определил долю выживших к 1926 г. в поколениях 1912 и 1922 годов рождения на территории центральных районов и предположил, что у промежуточных поколений процент выживших изменяется линейно. Это позволило ему рассчитать по численности поколений в 1926 г. их численность в годы рождения. Гипотеза о пропорциональном изменении смертности этих поколений представляется неверной. Ведь население страны только что прошло через демографическую катастрофу, и эти потери нельзя оценить по численности выживших.

Таблица 1. **Плодовитость и число рождений в 1913–1926 гг. по оценкам различных авторов, на 1000 жителей России (СССР)**

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
1913	Ок. 6	—	—	47	45,5	47,0	—	—	32,6	45,0	—	41,6	—	47,0	47,0
1914	—	—	—	48	43,7	46,9	—	43,7	31,6	46,0	36,8	41,7	—	43,7	46,9
1915	—	—	—	41	35,9	39,7	—	36,2	27,0	38,0	27,6	33,3	—	35,9	39,7
1916	—	—	—	31	27,1	29,9	—	28,6	22,9	32,0	25,9	28,1	—	27,1	29,9
1917	—	—	—	28	26,3	23,9	—	26,0	19,6	25,0	24,8	22,8	—	26,3	28,0
1918	—	—	—	37	34,7	32,0	—	22,0	14,8	—	33,5	37,5	—	34,7	36,5
1919	5,0	36,5	—	36	31,7	31,0	—	25,0	17,0	—	33,6	32,7	—	31,7	36,5
1920	5,3	38,7	30,9	37	32,2	31,2	32,2	30,4	—	33,0	35,4	27,3	36,7	32,2	38,7
1921	5,1	37,3	32,6	38	37,3	35,5	35,2	33,0	—	33,0	38,7	35,2	41,4	37,3	37,3
1922	5,3	38,7	33,4	40	38,2	37,3	38,0	34,3	—	33,0	38,6	30,6	42,8	38,2	38,0
1923	5,4	39,5	38,8	44	45,5	43,9	45,5	41,9	—	42,5	41,6	34,0	49,7	45,5	44,0
1924	6,2	44,5	43,1	—	42,2	42,0	42,5	41,0	—	39,8	39,8	42,5	47,1	42,2	43,0
1925	6,0	43,0	44,7	—	43,9	44,7	43,9	—	—	46,9	41,2	42,7	49,3	43,9	44,0
1926	6,1	43,8	43,6	—	42,5	43,7	42,6	—	—	44,1	40,1	42,1	47,8	42,5	44,0

Примечание. **1** — год. **2** — коэффициент суммарной плодовитости условного поколения; рассчитан Р. И. Сифман [1974, с. 43]. **3** — коэффициенты рождаемости, рассчитанные по сведениям о плодовитости женщин в указанной работе Сифман. **4** — [*Волков Е.З.*, с. 209]; в расчете сделаны поправки на Бухару и Хиву. **5** — расчет обратной передвижкой погодовой численности населения [*Новосельский, Паевский*, 1934, с. 7–37]. **6** — [*Боярский*, 1948]. **7** — [*Урланис*, 1977; 1963, с. 25]. **8** — [*Лоример*, с. 127, 130]. **9** — [*Баткис*]. **10** — [*Георгиевский, Гаврилов*]. **11** — [*Каминский*, с. 116]. **12** — расчет для населения Белоруссии [*Раков, Маськов*]. **13** — Украина [*Корчак-Чепурковский*, 1970, с. 289–382]. **14** — [*АДХ*, 1993, с. 11]. **15** — [*Максудов*, 1977, с. 223–265]. **16** — мой расчет.

Г. А. Баткис, опираясь на медицинскую статистику, приводит для 1914–1917 гг. довольно маленькие цифры, падение в годы войны и голода 1921–1922 гг. у него глубже, чем у Боярского и Урланиса. В 1917–1918 гг., по Баткису, рождаемость продолжает падать. Представляется, что этот результат отражает снижение достоверности медицинского учета в хаосе Гражданской войны.

Еще более ярким примером являются материалы А. С. Георгиевского и О. К. Гаврилова. Воспользовавшись сведениями, собранными Комиссией по обследованию санитарных последствий войны, они получили для периода Гражданской войны такое сокращение числа рождений, какое при отсутствии противозачаточных средств представляется абсолютно невозможным. В сведениях Каминского, также опирающегося на медицинскую статистику, рождаемость в годы Гражданской войны сокращается не так резко, как у Баткиса и Урланиса, но, к сожалению, для первых лет войны, видимо из-за отсутствия надежных данных, оценок у Каминского вообще нет.

А. А. Раков и Л. И. Маськов показали, что падение рождаемости в Белоруссии произошло в 1915 г., что довольно естественно, так как эта территория находилась в зоне боевых действий. Это падение составило примерно 30% от довоенного уровня, то есть было глубже, чем у Урланиса. Но рост рождаемости в годы Гражданской войны оказался более сильным и быстрым, и в 1918 г. рождаемость в Белоруссии восстанавливается на уровне всего на 10% ниже 1914 г., а в 1921 г. поднимается выше довоенного. То, что Белоруссия не отреагировала на голод 1921 г., неудивительно; она действительно не была затронута засухой, но боевые действия Гражданской войны, борьба с Польшей, Литвой, немецкая оккупация, эпидемии тифа, испанки и других массовых заболеваний не могли не поспособствовать разрушению семей и снижению уровня рождаемости. В свете этого чрезвычайно важен факт возвращения высокой рождаемости в годы Гражданской войны почти к довоенному уровню. Косвенное подтверждение этого мы находим и при анализе уровня плодовитости, изучавшегося Р. И. Сифман. Обследование показало, что суммарная плодовитость в середине 1920-х годов (особенно сельского населения) мало отличалась от уровня начала века. По данным Сифман, снижение плодовитости началось лишь у поколения, достигшего зрелости в 1920–1924 гг. О стабильности плодовитости в 1919–1923 гг. свидетельствуют коэффициенты суммарной плодовитости усредненного поколения женщин (расчет коэффициентов рождаемости по плодовитости приводится в прил. 14) [*Сифман*, 1974, с. 40–43].

Крестьянка во многих регионах России рожала в среднем в 1871–1915 гг. 10 раз, а в 1921–25 гг. — 10,3 раза [*Брачность*, с. 94–96]. Можно утверждать, что буря военной и социальной катастрофы не могла сразу изменить демографическое поведение сельского населения. В некоторых районах страны, например в селах Закавказья, плодовитость не только не снижалась, но и в годы Гражданской войны несколько возросла [*Сифман*, 1974, с. 79–85]. На Украине (табл. 1, столбец 13) рождаемость в рассматриваемый период несколько раз резко падает (в 1917, 1919–1920, 1922–1923 гг.) и столь же резко возрастает (на 5–8 промилле в год). На наш взгляд, это свидетельствует о недостоверности имеющихся данных, поскольку плодовитость так сильно изменяться в ту и другую сторону просто не может.

Сведения о плодовитости очень важны для понимания уровня рождаемости, поскольку в отличие от данных о рождаемости они не зависят от полноты учета, разрушенного в ходе революции и Гражданской войны.

Несколько факторов определяли в то же время увеличение коэффициента рождаемости в стране. Первое — это разрушение традиционных устоев, обычаев, изменение представлений о браке. Этот фактор, однако, способствовал и распространению абортов. Второе — сокращение численности горожан. Часть из них, причем более интеллигентная, бежала за границу, часть устремилась в деревню, лучше обеспеченную продовольствием. Третье — отсоединение западных территорий с более низким уровнем рождаемости. На влияние этого фактора обратил в свое время внимание Ф. Лоример. Он подсчитал, что в 1913 г. коэффициент рождаемости на землях, отошедших от страны, составлял 41 промилле, тогда как в оставшихся 39 губерниях европейской части России он был 50,7 промилле. То есть отделились как раз те области, в которых происходил быстрый переход к новому типу брачности [*Лоример*, с. 12]. Четвертое — убыль мужчин в боях и от болезней, увеличение смертности пожилых, сокращение рождаемости привели к изменению структуры населения, в которой возросла доля женщин 20–45 лет. Абортов русская деревня еще не знала[1]. Единственным фактором, ограничивающим рождаемость, была нехватка мужчин,

[1] Аборты были разрешены в 1920 г., но традиции и религия еще долгое время не позволяли им получить широкое распространение. В 1926 г., когда началось изучение статистики абортов, в сельской местности РСФСР аборты составляли 0,5% от рождений [*Аборты в СССР*, 1927].

Дефицит мужского населения складывался в конце Гражданской войны из 3 млн погибших в ходе боевых действий, около 500 тыс. эмигрировавших с отступившими за границу белыми армиями, 3,5 млн, продолжавших службу в Красной армии. Примерно такой же была нехватка мужчин в 1915 г., и, принимая во внимание перечисленные выше факторы, способствовавшие росту рождаемости, можно считать, что уровень этого года (40 промилле) является хорошей контрольной оценкой.

Сведения АДХ не являются результатом расчета. Столкнувшись с необходимостью согласовать свою модель для периода 1926–1937 гг. с предшествующими данными, они просто увеличили имеющиеся сведения (скорее всего, оценки Урланиса) на 5,5–5,9 промилле за 1920–24 гг. и на 5,1 и 4,1 промилле за 1925, 1926 гг. [*АДХ*, 1993, с. 11–12].

Для правильной оценки уровня рождаемости в рассматриваемый период важны коэффициенты, полученные обратным расчетом от переписи 1926 г. Новосельским и Паевским (табл. 1, столбец 5). Так как в данных переписи, естественно, учтено снижение рождаемости в годы войн и потери от голода и болезней, эти материалы позволяют составить представление о максимальном пределе снижения в отдельные годы. Так, почти все авторы, представленные в табл. 1, отмечают, что разница между рождаемостью в 1916 и 1917 гг. невелика. По Новосельскому и Паевскому, она не превышает 10%. Причем возрастная аккумуляция, след которой могут содержать эти материалы, завышает численность поколения 1916 года рождения и занижает — 1917 года рождения. Однако у Боярского и Урланиса разница в два раза больше. Мы принимаем численность в 1917 г. по оценке Боярского, но с интервалом между 1916 и 1917 гг. по данным Новосельского и Паевского. Эта величина хорошо согласуется с коэффициентами, рассчитанными по плодовитости, на которые мы ориентируемся в 1919–1922 гг., поскольку, в отличие от сведений статистического учета, они не зависят от полноты информации, заведомо недостаточной в годы Гражданской войны и разрухи.

После 1922 г. восстанавливается высокий уровень рождаемости (42–44 промилле), и в этот период данные ЦСУ и различных авторов не расходятся существенно.

Приложение 17
Точность сельскохозяйственной статистики

Оценка урожаев в дореволюционные годы проводилась с помощью добровольных корреспондентов, сообщавших в ЦСУ о состоянии посевов (отличное, хорошее, среднее, плохое, очень плохое). Эти оценки переводились в количественную характеристику по пятибалльной шкале, причем за средний (балл 3) принимался средний статистический урожай за предшествующий период. Точность оценки была невелика, но высокой точности и не требовалось, так как мало кого волновало, чуть больше или чуть меньше зерна использует крестьянин в своем хозяйстве. Товарный же выход продукции был известен благодаря статистике железнодорожных и морских перевозок.

Оценки урожаев зерна проводило множество организаций: Центральный статистический комитет (ЦСК), Департамент земледелия, земства, губернаторы, предоставлявшие правительству ежегодные отчеты. Они использовали разные методы и разные группы корреспондентов и экспертов и, естественно, получали заметно различающиеся результаты. Однако, несмотря на все эти немалые усилия, получить точную оценку было невозможно. Дело в том, что практически единственным источником информации служил крестьянин, а он, кроме общих, довольно приблизительных прикидок, не мог, да и не хотел, представлять никаких других сведений.

Оценкой степени достоверности дореволюционных данных много занимались статистики в первые годы советской власти, затем во время оттепели и в последующий период (Анфимов, Лященко, Немчинов, Прокопович, Нифонтов, Ковальченко и др.). Большинство исследователей сходится на том, что дореволюционные сведения были занижены по посевным площадям на 7–20%, а урожаи — на 10%, а то и более.

Современные ученые, используя архивные данные, порой начинают изучение проблемы с чистого листа, предпочитая самим открыть свою Америку и рассказать об этом читателям[1].

---

[1] Например, Марк Таугер пишет: «Споры о достоверности и качестве советских статистических данных, особенно связанных с объемом урожая, основаны на определенных предположениях, которые редко озвучивают и практически

В советские годы в связи с нехваткой зерна вопрос о достоверной оценке размеров урожая стал намного более существенным, чем до революции. Это было важно и для сбора налогов, и для снабжения продовольствием, и для регулирования закупочных цен, и для организации экспорта зерна за границу, и для решения многих других хозяйственных проблем. Дореволюционная система опроса сельских жителей была заметно усовершенствована. Статистики, особенно украинские, тратили много сил на изучение размеров посевных площадей и валовых сборов, используя все известные на тот момент агротехнические и математические методы. Исходной базой расчетов служила первое время сельскохозяйственная перепись 1916 г. — единственное полное обследование сельского хозяйства страны в дореволюционные годы, а также расчеты среднего многолетнего урожая за довоенное десятилетие (1905–1914) [*Вербицкий*, 1926б, с. 3–20]. Ученые проводили весенние выборочные опросы сельского населения о размерах и состоянии посевов и осенние опросы о размерах фактического сбора зерна. Взаимосвязь между весенними оценками и реальными размерами амбарного урожая изучалась постоянно совершенствовавшимися методами математической статистики[1]. ЦСУ СССР использовало для весенней оценки посевных площадей 30 дворов в каждой волости, выбранных случайным образом. Это была довольно густая сеть, только на Украине опрашивалось 60 тыс. хозяйств. ЦСУ Украины, организуя весенний опрос в 1922 г., охватило 142 тыс. дворов (3,3% всех хозяйств), используя для создания выборки метод «правильного механического отбора» (обследуя примерно каждое 30-е хозяйство из единого перечня налоговых списков). Число обследуемых весной хозяйств на Украине после 1922 г. заметно увеличилось, составив в 1923 г. 8,2%, в 1924 г. — 10,5%, в 1925 г. — 10,3%, в 1926 г. — 9,5%, в 1927 г. — 10,3% (526 тыс. хозяйств). ЦСУ СССР начиная с 1923 г. также использовало по всей стране 5%-ю выборку, увеличенную до 10% в 1926 г. (Итоги весеннего и осеннего обследования сельского хозяйства Украины в 1921–1930 гг. // Статистика Украины. Харьков, 1931; [*Вербицкий*, 1926б]). Постепенно при весенних опросах совершенствовалась программа обследования: изучались землепользование, аренда земли, наемный труд

никогда не изучают». На это можно возразить: не изучают и не озвучивают, потому что проблема давно и довольно полно изучена и озвучена.

[1] См. например, кривые корреляции между оценками видов на урожай и фактическими урожаями в работе [*Маслов*, с. 209].

и другие факторы. Полученные результаты ежегодно публиковались. Много внимания уделялось в те годы вопросу о репрезентативности выборки. В 1924 и 1925 гг. на отдельных территориях проводилось сопоставление результатов выборочного обследования с материалами сплошного учета. В 1925 г. результаты выборочных оценок по 19 округам были больше сплошного обследования на 0,5%, а в 1926 г. в 25 округах — на 0,3% меньше [*Вербицкий*, 1926б, с. 1–26]. Эти отклонения меньше теоретически допустимой ошибки, что свидетельствует о представительности выборки.

В то же время отмечается, что, если при обследовании нарушался принцип механического отбора, то есть хозяйства, предназначенные для опроса, не были обследованы (как правило, по причине отсутствия домохозяина и взрослых членов семьи), данные выборочного обследования несколько преувеличивали результат. Дело в том, что из учета выпадали преимущественно бедные семьи. Оценка в 1925 г. по 25 округам Украины показала, что на 100 обследованных хозяйств приходилось 307 десятин посева, а на 100 выпавших из механического опроса — 219 десятин. Поскольку в этом году не было обследовано 4,3% хозяйств, попавших в механическую выборку, общая ошибка преувеличения учетом размера посевных площадей составила в силу этой погрешности 1,2%.

Другая систематическая ошибка возникала в результате округления размеров площадей до сотых долей десятины. В хозяйствах с посевом около двух десятин это приводило к ошибке в 5%. В более крупных хозяйствах погрешность уменьшалась. Правда, поскольку ошибка была с разными знаками, при больших массивах сведений она приближалась к нулю.

Сбором сведений о состоянии посевов занимались в 1920-х годах добровольные корреспонденты и районные статистики. В 1928 г. их было 61 782 человека по СССР и 12 639 на Украине [*Маслов*, с. 209].

Как уже отмечалось, усилия властей и ученых по оценке размеров урожаев не приводили к получению достаточно точного результата. Главная погрешность возникала из-за того, что единственным источником информации для статистиков был глава обследуемого хозяйства. Они не имели возможности измерить его поле или взвесить его урожай. Они могли лишь обратиться к нему с вопросами. А крестьянин, как правило, был неграмотен, и цифры его мало интересовали. Так, при переписи 1926 г. свыше 59% жителей округлили свой возраст до ближайшей пятерки или десятки [*Гозулов, Григорьянц*, с. 62]. Свое поле селянин не измерял,

тем более отдельные полосы, урожай не взвешивал и, кроме самых приблизительных прикидок, ничего не мог сообщить. А поскольку он не стремился к установлению истины, его сведения были обычно преуменьшены. Прибедняться заставляла и крестьянская осторожность, и политика налогообложения.

Эта тенденция была хорошо известна статистикам, и они вносили в получаемые от крестьянина сведения всевозможные коррективы. Вводимые поправки отражали определенные настроения и тенденции местных и центральных советских руководителей. Достаточно отметить, что две крупнейшие научные организации, ЦСУ СССР и ЦСУ Украины, собравшие в те годы лучших специалистов, систематически расходились в оценке урожая на Украине, причем цифры ЦСУ СССР всегда были заметно выше [*Народне господарство*, 1926; 1935]. Следует отметить, что ЦСУ Украины удалось в дальнейшем продемонстрировать более высокую обоснованность своих результатов, по крайней мере для 1924 г. Их подтвердили и массовые выборочные обследования, и учет товарного хлеба по железнодорожным перевозкам.

При изучении связи между состоянием посевов весной и урожаем статистики использовали результаты весеннего и осеннего опросов и бюджетные обследования, при которых учитывались все экономические параметры хозяйства, в том числе фактический урожай зерна и площадь, с которой он был собран. В отдельных хозяйствах проводились измерения площадей, занятых отдельными культурами. Эти работы ЦСУ Украины в 1921–1926 гг. показали, что весеннее обследование дает для пшеницы недоучет посевных площадей примерно в 5–7% [*Вербицкий*, 1926а, с. 1–26]. В 1925 г. результаты опроса преуменьшали засеянную площадь на 6,6%, в 1926 г. — на 3,9%, в 1927 г. специальные землемерные работы показали, что ошибка учета размеров пашни составила 6% (Итоги весеннего обследования сельского хозяйства Украины в 1927 г. // Статистика Украины. Харьков, 1928). На основании имеющихся данных ЦСУ УССР вводило поправку на недоучет размеров площадей весенними переписями в размере 5–6% (Итоги весеннего обследования сельского хозяйства Украины в 1926 г. // Статистика Украины. Харьков, 1927). Однако ЦСУ СССР использовало для Украины 10%-ю поправку, а в 1926 г. увеличило ее до 13% [*Вербицкий*, 1926а, с. 1–26][1].

[1] Недоучет размеров посевных площадей был характерен для многих стран, где использовались опросы сельских жителей. Так, в США в начале XX века на основании расхождения данных Министерства земледелия и сельскохозяйственных

Второй важной характеристикой зависимости между состоянием посевов и урожаем была оценка размеров сбора зерна выборочными осенними опросами. В 1920-е годы для этой цели, как и до революции, использовалась пятибалльная система. За норму в три балла принималось среднее значение урожая за 10 дореволюционных лет (1905–1914).

При опросах изучалось отклонение от этого среднего. Украинские статистики установили, что размер урожая, оцениваемого опросом, не является константной величиной. Оценка урожая, соответствующая среднему состоянию посевов (так же как и другим оценкам: плохому, ниже среднего, выше среднего, хорошему), заметно изменяется в зависимости от общей оценки ожидаемого урожая. При хорошем состоянии посевов субъективные оценки урожая завышаются респондентами, а при плохом — занижаются. Это связано с тем, что респонденты дают относительную характеристику состояния посевов не только по времени (сравнивая с предыдущими годами), но и по территории (сравнивая свои посевы с посевами соседних хозяйств и селений). Статистики по довольно сложной формуле пытались откорректировать эти погрешности. В результате для перевода балльных оценок в весовые использовалась параболическая кривая с различными параметрами и дополнительными коэффициентами. Это, однако, не избавляет результаты расчетов от погрешности. Так, весеннее обследование 1925 г. привело к оценке урожая в размере 981,5 млн пудов [*Динамика*]. А в следующем году, когда урожай 1925 г. был собран, измерен и отчасти использован, это оценка возросла до 1048,8 млн пудов [*НХ*, 1926].

На выбор коэффициентов при оценке урожая влияли не только факты, но и общегосударственные и территориальные интересы. Например, в 1921 г. ЦСУ СССР оценило украинский урожай в 101 млн ц, а сельскохозяйственный отдел ЦСУ Украины — в 45 млн ц. Это поистине фантастическое расхождение открывает перед нами всю бездну возможных ошибок и отклонений, стоящих за статистическими сведениями тех лет. Обе стороны пользовались теми же самыми опросами, но по-разному их толковали. В 1922 г. оценки сторон расходились на 18% — 123,8 млн ц и 104,5 млн ц. В дальнейшем разрыв уменьшается. В 1924 г. оценка ЦСУ СССР была 182,4 млн ц, ЦСУ Украины — 172,1 млн ц. При этом поправочные коэффициенты для всей страны и для Украины

переписей [*Таугер*] статистика фиксировала преуменьшение размеров посевных площадей в ходе опроса фермеров на 15–20%.

продолжали в последующие годы сильно расходиться. В 1925 г. поправка по СССР была равна 23,2%, а по Украине — 14,1%. В 1926 г. цифры равны соответственно 20,5% и 14,3%. Дополнительной оценкой урожая являлись балансы потребления городского и сельского населения, которые строились на основании бюджетных обследований. Например, для 1922 г. ЦСУ Украины оценило балансовым методом потребность сельского населения в 567 млн пудов: 117 млн пудов — семена, 320 млн пудов — продовольствие (при душевой норме 14,5 пуда в год на человека в северной части республики, 16 пудов в степных губерниях), 130 млн пудов — корм скота, 51 млн пудов — потребление городского населения и 25 млн пудов — излишки зерна. Этот баланс хорошо согласуется со сведениями о валовом сборе, товарной продукции и размере вывоза зерна с Украины [*Мышкис*, 1923; *Народне господарство*, 1926; 1935].

Таким образом, посевные площади и урожай в 1920-е годы в СССР оценивались весьма приблизительно. Возможная погрешность составляла на Украине для площадей 5–10%, для урожая — около 10% или больше в особенно неудачные годы.

С началом коллективизации характер учета резко изменился. На место независимого хозяина пришли председатель колхоза и партийный работник. Они понимали, что их положение определяется называемыми цифрами выполнения плана. Их представления о размерах полей и реально собранном урожае были очень далеки от прежних, крестьянских. Они сами не пахали каждое поле, не ссыпали зерно в мешки после обмолота. На смену крестьянской прижимистости пришли стихийная безответственность и бюрократическая незаинтересованность.

Изменилась и система статистического учета. В марте 1930 г. по независимой сельскохозяйственной статистике был нанесен смертельный удар. ЦСУ и все его местные филиалы были упразднены, многие его руководители и ряд известных специалистов-аграрников (Чаянов, Кондратьев, Громан, Макаров и многие другие) были арестованы и обвинены в пораженческих настроениях, вредительстве, организации Трудовой крестьянской (кулацкой) партии, включавшей, по оценкам ОГПУ, 200 тыс. членов, несколько тысяч из которых уже были арестованы и сознались в преступлении [*Кондратьев*, 1993, с. 573–608]. Государственная статистика была передана в ведение Госплана, всегда конфликтовавшего с ЦСУ. Для оценки урожая были назначены статуполномоченные, данные которых корректировались экспертными комиссиями. С закрытием ЦСУ обследования и опросы прекратились. Был снят

с повестки дня и вопрос о точности учета. Руководство, обладавшее абсолютной полнотой власти, присвоило себе и функцию оценки качества своей работы.

Результаты все в большей степени определяются желанием начальства. Возникает встречный вопрос: а сколько надо? Надо было побольше и получше, чтобы гордиться проведенными мероприятиями и иметь моральное право взять у деревни зерно. При постоянной текучке кадров секретарь исполкома или райкома не слишком волновался, что осенью с названных в отчете площадей придется отчитываться за урожай. Надо было еще дожить на этом посту до осени, что представлялось отнюдь не таким простым делом.

Кроме того, учет осложнялся неустановившимся характером землевладения. Границы колхозов непрерывно менялись, их то укрупняли, то разукрупняли, преобразовывали в совхозы, пересматривали границы между соседними хозяйствами. Крестьяне то вступали, то выходили из них, артели получали «в подарок» землю раскулаченных, иногда вместе с урожаем, а порой — нуждавшуюся в обработке. Колхозники наряду с общественными засевали собственные участки, единоличники нередко бросали землю и исчезали в неизвестном направлении — все это сильно нарушало и характер работ, и обычный сельскохозяйственный учет.

Хаос, существовавший в отчетности, хорошо виден и в материалах, приводимых советскими историками. Так, на 01.10.1929 на Украине было коллективизировано 1903,1 тыс. га (5,2%) пахотной земли; к 01.01.1930 — 6478,2 тыс. га (16,4%); на 10.03.1930 — 19 493 тыс. га (68,5%); на 01.04.1930 — 11 238 тыс. га (44,2 %). Если по этим данным вычислить размеры пахотной площади на Украине, то получится: 36 598 тыс. га, 39 501 тыс. га, 28 457 тыс. га, 25 425 тыс. га. Все сведения приведены украинским историком И. И. Слинько [*Слинько*, с. 179] в одной таблице и со ссылкой на документы архива. Из этих данных следует, что за несколько месяцев пахотные площади республики сократились на 14 млн га, в полтора раза!

Совершенно фантастический пример погрешностей статистики тех лет дает в своей работе советский ученый М. А. Богденко, проанализировавший деятельность совхозов страны. Он пишет: «В ведомости сбора хлебов и хлебосдачи за 1931 г. валовой сбор совхозов определен в 339,9 тыс. ц; при проверке по этой же ведомости получается 1269,9 тыс. ц, а при подсчете урожая по калькуляционным сводкам, хранящимся в том же деле 359 фонда Зернотреста, валовой сбор зерновых определяется в 12 634 тыс. ц» [*Богденко*, 1958].

Мы видим, что оценки урожая, собранного совхозами, различаются в десятки раз. А ведь речь идет о крупнейшем производителе хлеба в стране, дававшем заметную часть сбора от всего урожая Украины. Этому просто невозможно поверить. Но архивные документы свидетельствуют, что так и было. (Причем даже предположение о типографской опечатке в книге Богденко приходится исключить, так как согласно вложенному в книгу списку опечаток именно в этом предложении найдена и исправлена опечатка.)

Даже в официальных справочных изданиях тех лет царит разнобой. Так, в справочнике 1932 г. посевная площадь на Украине 1930 г. оценивалась в 27 974 тыс., а в 1931 г. — 29 350 тыс. В справочнике 1935 г. соответствующие цифры 28 363 и 28 893 тыс. га [*НХ*, 1932, с. 154–155; *Народне господарство*, 1935, с. 220–221]. Причем в предшествующие 1928 и 1929 гг. цифры в этих справочниках полностью совпадают. В примечании к изданию 1932 г. говорится, что публикуемые сведения по размерам площадей и урожаю уменьшают данные статистического сборника «Сдвиги в сельском хозяйстве между XV и XVI съездами» по размерам пашни на 5%, а посевов в колхозах — на 10% [*НХ*, 1932, с. 154–155; *Народне господарство*, 1935, с. 220–221].

Волюнтаризм и хаос практически разрушили в 1930–1932 гг. статистический учет, сделав его абсолютно ненадежным. Оценки урожая подменялись желательными или плановыми цифрами, которые все больше отрывались от реальности. Планировалось желаемое, и несовпадение с ним воспринималось как плохая работа, а то и преступление исполнителей. Например, ориентируясь на хороший урожай 1930 г., власти запланировали на 1931 и 1932 гг. высокие валовые сборы, для чего потребовалось только умножить увеличенную пахотную площадь на заметно возросшую, по мнению руководителей, урожайность зерновых. Заготовки зерна планировались из «достигнутого» таким способом замечательного урожая. Оценка урожая перестала быть делом ученых или хозяйственников, исследованием, проводимым на местах, а стала политическим решением, распоряжением высшей власти страны. Так, оценка урожайности в 1933 г. была произведена секретным постановлением 28 октября 1933 г. В нем говорилось: «Совет народных комиссаров Союза ССР постановляет: 1) Одобрить в основном установленные ЦГК (Центральной государственной комиссией) по областные цифры урожайности... 4) Обязать СНК республик, краевые и областные исполнительные комитеты в пятидневный срок по сообщении им определенного ЦГК порайонного распределения ставок

урожайности рассмотреть таковое и, в случае необходимости, через областного уполномоченного Центральной госкомиссии войти в ЦГК с представлением о перераспределении размеров урожайности между отдельными районами в пределах установленной по области ставки для каждой культуры» [*Голодомор*, 2007, с. 970–973].

Центральная власть диктует областям и республикам размеры урожая, не подлежащие обсуждению и пересмотру. Для районов внутри области возможен пересмотр, но при этом вводится коллективная ответственность, недостаточный урожай одних районов должны восполнить их соседи.

В действительности каждый год власть вынуждена была понемногу отступать от радужных плановых заданий и постепенно приближаться к реальности. Наиболее низкая оценка урожая давалась в следующем году, когда на повестку дня вставал вопрос о размере нового урожая. Правительству необходимо было показать, что планируемые заготовки пропорционально не выше прошлогодних. Это нетрудно было сделать, снизив оценку предыдущего валового сбора. В этих условиях говорить о точности оценки урожая не приходится. Расхождение между планом и самой поздней оценкой составило в 1930 г. 12%. В 1931 г. разница увеличилась до 30%, а в 1932 г. она равнялась 23%. Как отмечают Роберт Дэвис и Стивен Уиткрофт, местные комиссии ЦГК и статистики ЦУНХУ оценивали в конечном счете размер урожая 1932 г. намного ниже, но специальным решением Политбюро при участии Сталина было предписано считать урожай равным 69,87 млн т, то есть немного выше, чем в 1931 г. [*Дэвис, Уиткрофт*, с. 81–93, 119–149].

Трудности с заготовкой зерна в 1931–1932 гг. подвели руководителей страны к необходимости усовершенствовать систему статистического учета. В 1932 г. из Госплана и его местных отделений выделяются организации по учету народного хозяйства (УНХ), которые берут на себя функции уничтоженного ЦСУ. Для оценки урожая вводится новый биологический метод расчета. Этот метод носил относительно прогрессивный характер, так как предполагал количественную оценку урожая. Он включал исследование посевов в начале лета, в момент молочной спелости зерна. Для этого берутся пробы размером в один квадратный метр, случайно расположенные по полю. На каждом квадрате собираются и обмолачиваются колосья и взвешивается зерно. Умножив средний вес зерна в одном квадратном метре на размер площади, получаем гипотетическую оценку урожая с данного участка. Плохая погода и потери при уборке, несомненно, могли привести к потерям части урожая.

Первое время вводилось 10%-е снижение оценки на потери, но в 1937 г. эта скидка была отменена. Осенью в начале уборки урожая этот метод предполагал проведение выборочных пробных обмолотов. Постановление СНК СССР 3 мая 1932 г. (пункт 7) предписывало: «Поручить НК при обязательном участии представителей учетно-контрольных комиссий организовать предварительные измерения урожая по выборочным обмолотам... Выборочные обмолоты заключаются в определении выхода зерна с одной объемной единицы нажина (средний выход зерна с одной копны, крестца, копницы, кубометра и т. д.). Устанавливается число проб достаточно большое для получения устойчивого среднего вывода о выходе зерна с данной объемной единицы. Отбор пробных крестцов, копен, копниц, снопов или бункеров комбайна проводится по принципу механического отбора (каждый пятый или пятидесятый и т. д.)» (Народное хозяйство СССР. 1932. № 1–2. С. 145–148).

Точность этого метода заметно снижалась на небольших объектах. В этом случае возможная погрешность возрастала во много раз. Это видно на материалах статьи в журнале «Народное хозяйство», рассказывающей о разработке метода. В ней говорится, что при очевидной линейной регрессии между опытными оценками и урожаем отклонения в отдельных точках могут быть довольно велики. Например, в Краснореченске на Нижней Волге (2-й участок) оценка хорошей пшеницы — 16 ц с га, фактический урожай — 2,18 ц с га, на Украине на площади 112 га оценка составила 30 ц, а урожай — 19 ц с га. Всего из 15 опытных полей пшеницы в одном случае фактический урожай оказался заметно выше рассчитанного — 27,6 ц с га против 19,2 ц с га, в двух случаях превышение фактических данных незначительно, и в 12 случаях теоретические оценки больше опытных значений. Отклонение средних 2 ц с га по этой группе опытов является значимым, однако авторы статьи об этом не сообщают (Народное хозяйство СССР. 1932. № 1–2. С. 145–148).

Метод был внедрен в обязательном порядке в 1933 г., что сразу привело к успехам и достижениям. Затем был вообще запрещен подсчет другими методами, то есть оценка реально имеющегося в амбаре зерна. Профессор Прокопович [с. 208] предполагал, что преувеличение урожая биологическим методом составляло в 1933–1936 гг. 15%, а с 1937 г. — 20–23%. Наум Ясный [с. 540] считал, что погрешность этого метода составляет 5–10%. Он также писал, что немецкий специалист Отто Шиллер, работавший в те годы в СССР консультантом, оценивал урожай 1932 г. в 550–570 ц.

При Хрущеве ЦСУ предприняло пересчет данных, оцененных в свое время биологическим методом. Полученные результаты представлены в табл. 1.

Таблица 1. **Оценка урожая до войны и при Н. С. Хрущеве, млн ц**

Год	Оценка 1930-х	Пересчет ЦСУ	Процент расхождения
1933	898	684	23,8
1934	894	676	24,4
1935	901	750	16,8
1936	655	558	14,8
1937	1203	974	19,0

Источники: [*Прокопович*, с. 210; *НХ*, 1987, с. 208].

Мы видим, что пересчет снизил официальные сведения 1933–1934 гг. на 24%, а в последующие годы — на 15% и больше. К сожалению, пересчета для Украины не было, поскольку «достижения» 1930-х годов были опубликованы в книге Н. С. Хрущева «К новым успехам социалистического сельского хозяйства Украины» (Киев, 1941).

Представляется, что пересчет был сделан квалифицированными учеными, обладавшими всей полнотой информации, поэтому уточнение этих результатов по материалам архивных источников 1930-х годов малооправданно. Так, однако, поступают Дэвис и Уиткрофт, предлагая для 1933 г. более высокую оценку валового сбора — 70–77 млн т [*Дэвис, Уиткрофт*, с. 457].

Вышесказанное позволяет сделать следующие выводы. Урожай до революции в России и на Украине рассчитывался не слишком точно и, как правило, был преуменьшен. В 1920-е годы ЦСУ СССР и Украины проделали большую работу по получению возможно более точной оценки размеров урожая. При этом не исключено, что погрешность оценок составляла 5–10%, но получить более надежные оценки сегодня не представляется возможным. В 1931–1932 гг. учет урожая велся с нарушением всех разработанных прежде методов. Во многих случаях власти практически диктовали исполнителям желательные цифры. Данные искажены и на низшем уровне (колхоз, индивидуальное хозяйство), и на государственном. В 1933 и в последующие годы оценка урожая проводилась заведомо преувеличивающим результаты биологическим методом. Впоследствии ЦСУ, располагавшее всеми известными архивными материалами, уменьшило эти оценки на 15–25%.

Приложение 18
Влияние высокой смертности на продолжительность жизни

Долгая жизнь стариков в России еще в начале века привлекала внимание исследователей, которые указывали на спокойную сельскую жизнь русского, а то и восточнославянского человека. Об этом писал известный статистик Сергей Алексеевич Новосельский. По его мнению, заметное воздействие на продолжительность жизни пожилых людей оказывала высокая детская смертность. До революции она была огромной, на первом году жизни умирало 30% младенцев, до пяти лет доживало немногим больше половины. В советские годы она заметно снизилась, но все-таки оставалась более 10% перед Второй мировой войной. Это был своего рода отбор более жизнестойких, и поэтому в самых старших поколениях продолжительность жизни была выше, чем в соседних странах [*Максудов*, 1981, с. 85–140]. Ю. А. Корчак-Чепурковский также пишет, что смертность в старших возрастах заметно ниже, чем наблюдается в других странах (в частности, в Польше), и указывает как на возможное преуменьшение смертности в старших возрастах за счет неточности сведений, так и на традиционно более низкую смертность стариков в России и других земледельческих славянских странах [*Корчак-Чепурківський*, 1929; *Сачук*, 1966; 1971; *Лисицын*]. Если бы главную роль в низкой смертности старших возрастов играла неполнота сведений и неверное указание возраста, то в последующих, более точных советских переписях соответствующие коэффициенты увеличивались бы. Этого, однако, не отмечается. Например, по таблицам 1896–1997 гг. вероятность умереть в 60 лет равнялась 32,87 промилле, в 1926–1927 гг. — 22,42, а в 1958–1959 гг. — 14,33. Такая же тенденция изменений наблюдается у 70-летних и 80-летних [*Перепись 1959*, с. 258; *Казенов*]. С этим явлением мы сталкиваемся и в городе, и в селе в 1897, 1926, 1938, 1958 и в последующие годы. При бесспорном повышении точности учета смертность старших возрастов не только не росла, а напротив, продолжала падать и оставалась заметно более низкой, чем, например, в США (табл. 1).

Мы видим в начале и в конце XX века огромное отставание России от США по продолжительности жизни новорожденных и детей в младших возрастах. Средние возраста (20–60 лет) бóльшую

часть столетия мало различались, был даже удивительный послевоенный период, когда советские граждане в рабочих возрастах обгоняли американцев на год или два. В самых старших возрастах Россия некоторое время держалась впереди, затем показатели сравнялись, а в последней четверти XX века и в начале XXI столетия Америка вырвалась вперед во всех возрастных группах. Демографическое развитие США — это результат экономического, социального и медицинского прогресса, обеспечившего постоянный, достаточно равномерный рост продолжительности жизни американца.

Демографическая судьба россиянина была, увы, не такой благополучной. Конечно, прогресс действовал и здесь, и в первой половине века страна совершила два больших рывка в росте продолжительности жизни. Первый (1897–1926) — продолжительность жизни выросла и в России, и в США на 12 лет. Второй (1939–1959) — совершенно фантастический, за 20 лет продолжительность жизни новорожденного выросла в СССР на 22 года, а в США всего на пять лет. В других возрастных группах (10–75 лет) продолжительность жизни в СССР поднялась на 2–7 лет, в США, как правило, немного меньше. Но затем в США сохраняется та же тенденция заметного роста во всех поколениях, а в СССР (России) рост прекратился, продолжительность жизни колеблется, постепенно отступая от, казалось бы, уже достигнутого уровня. И сегодня положение во многих возрастных группах обстоит даже хуже, чем было в 1958 г. (табл. 1). Почему совершенно очевидный прогресс: повышение уровня жизни, достижения медицины, развитие образования — не приводит к ожидаемым результатам? Ответ на этот вопрос кроется в исторических, политических и демографических обстоятельствах.

Об огромной детской смертности уже говорилось. В начале века почти половина родившихся детей умирала в возрасте до пяти лет. И этот суровый отбор уносил менее жизнестойких. Уцелевшие жили дольше; правда, составляли быстро уменьшающуюся долю населения по сравнению со странами с низкой детской смертностью.

С такой же ситуацией мы встречаемся, сравнивая смертность отдельных народов СССР. Обычно коэффициент смертности в старших возрастных группах меньше на тех территориях, где была более высокой детская смертность. Например, в 1970/71 г. в возрасте 0–4 года узбеки умирали в два с лишним раза чаще, чем украинцы, к 40 годам смертность этих народов выравнивалась,

Таблица 1. **Средняя продолжительность предстоящей жизни в России — СССР и США для лиц определенного возраста, лет**

Страна/год	Возраст									
	0	10	20	30	40	50	60	70	80	85
Россия/1897	32	49	41	34	27	20	14	10	7	6
США/1900	49	51	43	35	28	21	15	7	5	4
СССР/1926	44	54	45	38	30	23	16	10	6	4
США/1929	61	56	47	39	30	23	16	10	6	4
СССР/1939	47	56	47	39	31	24	17	11	7	5
США/1939	64	59	49	41	32	24	16	10	6	4
СССР/1958	69	63	54	45	36	27	19	13	8	6
США/1958	69	62	52	43	34	25	17	11	7	5
СССР/1971	70	62	53	44	35	26	19	12	7	5
США/1971	71	63	54	44	35	26	19	12	7	5
СССР/1975	68	61	52	43	34	26	18	12	7	5
США/1978	73	65	55	46	36	28	19	13	7	6
Россия (М) / 1995	66	57	48	38	34	23	16	10	8	5
США (М) / 1995	76	68	57	47	38	30	21	14	8	6
Россия/2007	69	59	49	40	32	24	17	11	7	5
США/2007	78	69	59	50	40	31	23	15	9	7

Примечание. Данные округлены до целого. М – мужчины.
Источники: [*Население*, 1975, с. 139; *Демографический ежегодник*, с. 183; *Максудов*, 1981б; *Статистика США*; *Справочник США*].

а затем смертность узбеков оказывается заметно меньше, составляя для лиц старше 70 лет 45,6 промилле при 77,3 у украинцев [*НХ*, 1976; 1975]. Возможно, отчасти разница повозрастной смертности между городским и сельским населением имеет то же основание. В переписи 1970 г. у жителей деревни в возрасте до 45 лет уровень смертности был заметно выше, чем в городе, а после 50 лет наблюдается обратная картина. Например, у 65–69-летних горожан коэффициент смертности составлял 29,2 промилле, а у жителей села — 24 (Вестник статистики. 1973. № 12).

Демограф М. С. Бедный, отмечает, что это явление существовало и в дореволюционной России, и в СССР, и в ряде соседних стран (Польша и Венгрия). Он пишет: «От подавляющего большинства причин смерти, в частности болезней системы кровообращения, в возрастах до 45–49 лет смертность среди сельских жителей выше по сравнению с горожанами, в то время как в более старших возрастах соотношение противоположное, то есть явно заметно превышение смертности у горожан по сравнению

с сельскими жителями... Более низкие показатели смертности у сельских жителей в возрастах старше 50 лет, по всей вероятности, являются как результатом компенсации несколько повышенной смертности в предыдущих возрастах, так и следствием того, что большинство сельских жителей среднего возраста, продолжая жить и трудиться в сельской местности, хорошо адаптированы к условиям труда и быта, у них выше вероятность достичь долголетия, чем у горожан» [*Бедный*, 1972, с. 50–51].

Это явление наблюдается и в США. У небелого (преимущественно негритянского) населения смертность в младших и средних возрастах выше, чем у белого, но в самых старших возрастах афроамериканцы имеют более высокую продолжительность жизни, чем белые граждане США (табл. 2). Постепенно в XX веке по мере улучшения положения негров США эффект более высокой продолжительности жизни небелого населения в старших возрастах сходит на нет.

Таблица 2. **Продолжительность жизни белого и небелого населения США в XX веке, лет предстоящей жизни**

Год	Возраст							
	0		40		70		85	
	Белые	Небелые	Белые	Небелые	Белые	Небелые	Белые	Небелые
Мужчины								
1900	48,2	32,5	27,7	23,1	9,0	9,3	3,8	4,0
1978	70,2	65,0	33,6	30,4	11,1	11,6	5,3	7,8
2007	76,0	70,0	38,0	34,0	14,0	12,0	5,7	6,0
Женщины								
1900	51,1	35,0	29,2	24,4	9,6	9,6	4,1	5,1
1978	77,8	73,6	39,9	37,0	14,8	14,8	6,7	9,9
2007	81,0	76,8	42,0	39,1	16,0	15,2	6,8	7,1

Примечание. Данные округлены до целого. Департамент США, V секция.
Источники: [*Население*, 1975, с. 139; *Демографический ежегодник*, с. 183; *Максудов*, 1981].

Таким образом, у самых разных национальных и социальных групп наблюдается тесная обратная связь между смертностью в детских возрастах и убылью в старших. Высокая смертность детей служит инструментом жесткого отбора и обеспечивает некоторую повышенную жизнестойкость старших поколений. Это объясняет

отчасти и более высокую продолжительность жизни старших возрастных групп в СССР по сравнению с США, о которой мы говорили выше. Ведь детская смертность в России — СССР вплоть до начала 1950-х годов была существенно выше, чем в Америке, и это отчасти определяло «благополучие» старших возрастов. С резким сокращением детской смертности в стране в 1950-х годах это «преимущество» начинает исчезать. Так, таблицы 1968–1971 гг., которые, очевидно, являются более точными, отмечают более высокую смертность мужчин и женщин старше 60 лет по сравнению с 1959 г. Однако эти значения заметно меньше, чем в 1926/27 г.

Другим важным фактором, существенно влиявшим на движение населения, были его огромные потери. В первой половине XX века стране пришлось пережить три страшные демографические катастрофы.

Гражданская и Первая мировая войны привели к потере 10–12 млн жизней (убитыми, умершими от голода, инфекционных и других болезней, эмигрировавшими). Голод 1921 г. унес еще около миллиона жизней. Коллективизация и репрессии обошлись также в 10–11 млн человек (умершие от голода и ухудшения условий жизни, убитые в ходе раскулачивания, погибшие в ссылке и в лагерях). Вторая мировая война стоила стране 26–29 млн человек. Сюда входят потери Красной армии, добровольцев и партизан, гибель мирного населения от боевых действий и расправы фашистских оккупантов с евреями и другими группами населения, гибель в лагерях и от репрессий и повышенная смертность гражданского населения в тылу и на оккупированных территориях в результате резкого ухудшения условий жизни. Среди миллионов людей, погибших в этих катастрофах, было особенно много пожилых, слабых, хронических больных, то есть тех, кто при нормальных условиях мог бы прожить еще несколько лет. Таким образом, повышенная смертность создает как бы эффект искусственного оздоровления, которое снижает уровень смертности в соответствующих возрастах после катастрофы ([*Максудов*, 1977; 1981], прил. 24). После каждого всплеска смертности происходит ее падение до уровня более низкого, чем был до катастрофы.

Вскоре после окончания Гражданской войны смертность оказалась на 30% меньше, чем была перед Первой мировой войной. И экономические условия жизни, и уровень медицинской помощи в 1924–1926 гг. отличались от довоенных в худшую сторону. Правда, некоторые социальные перемены, такие как разрешение абортов, снизили младенческую смертность, но ведь и смертность

других поколений оказалась меньше довоенной. В возрасте пяти лет в 1926/27 г. смертность была меньше, чем в 1896/97 г., в два раза, в возрасте 65 лет — на 31% [*Перепись 1959*, с. 258]. После голода 1933 г. смертность также заметно упала, но массовые расстрелы в ходе Большого террора отчасти изменили эту картину. С окончанием Второй мировой войны коэффициент смертности очень скоро оказался в два раза меньше, чем был до нее. Это произошло задолго до восстановления экономики и заметного улучшения медицинского обслуживания.

Причина этого странного явления в том, что заметная часть повышенной убыли населения в годы катастроф составляли люди слабые, хронически больные, неприспособленные к жизни. Из катастрофы каждое поколение выходило, потеряв свою ослабленную часть, то есть становилось на некоторое время более жизнестойким[1].

Эффект этот отмечается порой и в других странах, но в заметно меньших размерах, чем в СССР. Так, в США в результате эпидемии испанки в 1918 г., унесшей более миллиона человек, продолжительность жизни упала по сравнению с предыдущим годом на 12 лет, а в 1919 г. она подскочила по сравнению с 1917 г. на несколько лет (рис. 2.1 на с. 308).

Это объясняет, как СССР в 1958 г. при более низком медицинском уровне и худших условиях жизни населения сумел догнать и обогнать США по продолжительности жизни (табл. 1). Без искусственного эффекта оздоровления продолжительность жизни в 1950–60-х годах была бы в СССР заметно меньше. Но этот эффект постепенно сходил на нет, что приводило к сокращению продолжительности жизни, которое на самом деле было восстановлением уровня, соответствующего данным жизненным условиям и медицинскому обслуживанию.

Все сказанное отнюдь не снимает ответственности с правительства Брежнева за сокращение продолжительности жизни. Конечно, были объективные причины для роста смертности, но власти

---

[1] Многие демографы не признают отмеченного явления, утверждая, что болезни и голод в годы катастроф, напротив, подрывают здоровье населения, а относительно продолжительную жизнь российских стариков объясняют ошибками в указании возраста. И то и другое, на мой взгляд, имеет место, но при этом в рассмотренных случаях искусственное оздоровление населения оказывает более заметное воздействие, чем другие упомянутые факторы. Иначе более высокая продолжительность жизни в СССР вскоре после Второй мировой войны по сравнению с США и большинством европейских стран труднообъяснима.

должны были бороться с этими причинами, и большинство государств обычно справляется с такого рода проблемами. Снижение достигнутой продолжительности жизни, за исключением катастроф, — явление в современной мировой практике экстраординарное. Исключения можно пересчитать по пальцам: Афганистан, Северная Корея, несколько африканских стран.

Вложения в медицину в брежневское время были явно недостаточны. Оборудование устаревало, новые методы и лекарства внедрялись с большим отставанием от развитых стран. В результате в середине 1970-х годов произошел некоторый рост смертности даже у поколений, родившихся после Второй мировой войны. Так, смертность новорожденных снизилась в 1960–1972 гг. на 15 промилле, а в последующие 10 лет не только не снижалась, но и порой на 2–3 промилле увеличивалась. Этот рост в мирное время не объясняется какими-либо катастрофическими изменениями в уровне жизни и медицинском обслуживании, социальными условиями существования. Не было в эти годы войн или массовых эпидемий. Очевидно, это результат воздействия нескольких факторов, в числе которых снижение позитивного эффекта искусственного оздоровления, увеличение в населении доли юго-восточных регионов с повышенной рождаемостью и смертностью (Средняя Азия и Кавказ) и улучшение статистического учета демографических сведений в этих регионах.

По-видимому, в конце 1970-х — начале 1980-х годов этап изживания результатов искусственного оздоровления населения России окончательно завершился, и смертность населения вернулась к реальному, объективно соответствующему данному населению уровню. Был целый ряд факторов, ухудшающих положение. Снижение детской смертности в несколько раз ослабило тяжелый пресс естественного отбора, и процент детей с наследственными и хроническими заболеваниями или просто с предрасположенностью к тем или иным болезням увеличился. Социальные, экономические и экологические условия существования, изменение характера питания, использование химикатов при производстве и хранении продуктов — все это требовало от медицины более современных методов реагирования. Безусловно, советская система здравоохранения расширялась и совершенствовалась, но в то же время обострялись старые и возникали новые проблемы, такие как рост потребления алкоголя и табака, издержки калорийного питания у людей, не занятых физическим трудом, привыкаемость к антибиотикам и другим современным лекарствам, рост численности

стариков с их специфическими заболеваниями и т. п. Судя по росту смертности, с изложенными проблемами советская медицина справлялась не очень успешно.

Определенную ответственность за невысокие темпы снижения смертности в СССР несет и само советское население. К середине 1960-х годов так называемый первый переход (внедрение общедоступной медицины, гигиены, прививок и других коллективных мероприятий по укреплению здоровья) был почти завершен. Дальше требовалось личное участие человека в борьбе за сохранение своего здоровья (разумное питание, занятия спортом, отказ от вредных привычек и т. п.). Советский человек был к этому не готов.

Следует заметить, что и в западных странах этот процесс протекал не везде гладко. Государства с гомогенным, дисциплинированным населением, такие как Финляндия или Япония, без труда обогнали США по уровню продолжительности жизни населения и снижению детской смертности, хотя затраты на медицину у них намного меньше, чем в Америке. Американским же мужчинам рубеж второго перехода дался нелегко. С уровня 66,7–66,9 лет они не могли сдвинуться 15 лет (с 1954 по 1969 г.) Зато в последующие 10 лет их средняя продолжительность жизни увеличилась на четыре года.

Наконец, определенную роль в преуменьшении уровня смертности в России в те годы играл неточный учет возраста. Вообще, завышение и округление возраста в старших возрастах играло большую роль в дореволюционные и первые послереволюционные годы (см. главу «Численность населения»). Это было вполне естественно, это и психологическая проблема, и отсутствие документов у большого числа лиц, родившихся до революции или вскоре после нее. Кроме того, регистрация браков, рождений и смертей осуществлялась православной церковью и отчасти другими религиозными конфессиями и практически не контролировалась государством[1]. Естественно, завышение возраста встречается тем чаще, чем люди старше. Поэтому в возрастах старше 50–60 лет в переписях 1959 г. и более ранних смещение на 3–5 и больше лет вполне возможно. Постепенно, с ростом грамотности это явление становится все менее значимым. Вероятно, именно

[1] Однако, если бы низкая смертность старческих возрастов в России определялась только ошибками в указании возраста, она должна была бы быстро уменьшаться в результате установления строгого контроля за учетом населения в советские годы.

с этим отчасти связан рост смертности в поколениях старше 65 лет в таблицах 1968–1971 гг. по сравнению с таблицами 1958–1959 гг.

Еще одним фактором было увеличение в населении СССР доли жителей Средней Азии и Кавказа, имевших более высокий уровень смертности. Определенную роль играет также снижение упоминавшегося выше показателя фиктивного оздоровления населения в результате огромной убыли в военные годы. Однако, хотя эти признаки свидетельствуют о погрешностях таблиц, исправление по сведениям о других странах или по отдельным территориям в СССР представляется неверным. Дело в том, что ошибки возраста в такой же степени зафиксированы в данных переписей населения, как и в сведениях о смертности. То есть таблицы смертности Новосельского и Паевского привязаны к определенному населению и верны относительно него, хотя возможно, что реальный возраст при этом сдвинут на несколько лет. Это же можно сказать и об украинских таблицах. При составлении их Корчак-Чепурковский проводил сглаживание поколений переписи 1926 г., и тем самым сведения о смертности и численности представлены в единой системе данных.

Итак, по имеющимся в нашем распоряжении сведениям, на уровень смертности в 1920–30-х годах оказали влияние три фактора:

1) высокая смертность новорожденных, которая устраняла заметное число потенциально больных людей;
2) высокая смертность всех поколений в годы катастроф, когда в первую очередь умирали хронически больные и слабые люди;
3) искажение своего возраста людьми старших поколений, что приводило к занижению оценки уровня смертности в старших возрастах.

Приложение 19
Смертность в украинском селе Романково

Сегодня мы знаем, что наиболее тяжелым для населения страны был 1933 г. И в то же время учет смертности в этом году был наименее надежным. Обобщенные статистические сведения, сохранившиеся в архивах, неполны. Поэтому особый интерес имеют первичные источники. В распоряжении ученых в конце XX века было очень мало документальных свидетельств страшной катастрофы, разразившейся на Украине в годы коллективизации, поэтому каждый такой документ требовал самого тщательного изучения. Я хочу рассказать об одном из таких материалов, книге регистрации смертей села Романкова Криничанского района Днепропетровской области. В течение многих десятилетий это был единственный документ такого рода, оказавшийся в распоряжении исследователей. Об этой книге уже писал О. Калинник [*Калинник*]. Он справедливо указывал, что село находилось в годы коллективизации в относительно благополучных условиях, так как многие жители работали в городе Днепродзержинске. Я согласен с основной мыслью профессора Калинника, что смертность в этом селе была в несколько раз выше нормы, но хочу более подробно рассмотреть имеющиеся материалы с точки зрения причин смерти и социальной демографической характеристики умерших.

Для этого был использован микрофильм книги регистрации смертей, хранящийся в Колумбийском университете. В ней содержатся акты регистрации смертей за пять месяцев: август — декабрь 1933 г. Последние зарегистрированные акты — две записи от 2 января 1934 г. — имеют номера 597 и 598. Эти тексты зачеркнуты, вероятно перенесены в тетрадь 1934 г., где нумерация началась сначала. К сожалению, сохранились только последние 148 актов, но не приходится сомневаться, что нумерация началась с первого января 1933 г. Некоторую оценку численности населения деревни находим в адресах, указанных в книге: восьмая сотня, пятая сотня и т. д. Очевидно, речь идет о делении территории на сотни домов, а среднее число жителей в одном доме было обычно 4–5 человек. Таким образом, в сельраде, центром которой было Романково, проживало несколько тысяч или даже десятков тысяч человек и за год умерло около 600 человек, больше, чем во многих украинских городах. При этом следует иметь в виду,

что регистрация смертей в Романково была, очевидно, неполной. Об этом говорят факты поздней записи, в некоторых случаях через четыре и даже шесть месяцев. И если можно было фиксировать смерть с таким опозданием, то, очевидно, можно было вообще этого не делать. Кроме того, обращает на себя внимание очень малое количество детей, умерших в возрасте 1–2 месяца по сравнению с числом умерших в возрасте трех месяцев и старше. Согласно данным Корчак-Чепурковского, на Украине смертность на первом месяце после рождения превышала смертность на третьем месяце в несколько раз. В поколении 1906 года рождения, исследованном Урланисом [1968, с. 102], в первый месяц убыло 55% всех детей, не доживших до года. В Романково мы видим прямо противоположную картину — почти полное отсутствие умерших в течение первого месяца жизни, что указывает на многочисленные случаи незарегистрированных смертей новорожденных.

Среди умерших большинство составляли крестьяне: 10 колхозников, 15 единоличников. Кроме них, 13 рабочих. Остальные 110 рассмотренных актов не содержат данных о занятиях покойного, в большинстве случаев это были старики и дети. Однако свидетелями, близкими родственниками, сообщающими о смерти, чаще всего оказывались рабочие и служащие Днепропетровского государственного завода и других предприятий (88 человек), что, несомненно, указывает на распределение занятий по возрастам — более молодые ушли в город на завод, старшие остались крестьянствовать. Но, кроме того, повышенная смертность именно сельского населения, несомненно, не случайна. Она связана с худшим питанием деревенских жителей.

Большинство жителей деревни умерли у себя дома и, видимо, не обращались за медицинской помощью. На больницу приходится лишь 7% всех зарегистрированных смертей. Диагноз умершим ставили служащие сельсовета со слов родственников. В каждом десятом случае записано «истощение организма», то есть голод. Причем следует иметь в виду, что речь идет об августе — декабре 1933 г., когда уже созрел новый урожай и нельзя говорить о полном отсутствии пищи. Голод скрывается и за большей частью желудочно-кишечных заболеваний, составивших 27% всей убыли. Но и пневмония, тиф, туберкулез явно собрали повышенную жатву с ослабленных голодом людей. На их долю приходится свыше половины всех смертей в селе.

Книга регистрации проливает некоторый свет и на сами трагические события того страшного времени. Например, из акта

№ 536 от 11 октября мы узнаем, что от истощения организма умер двухлетний мальчик Владимир Голенко. И сразу за ним в книге идет запись о смерти 15 июня его брата Григория 18 лет от дизентерии. Затем следует акт о смерти Катерины Платоновны Голенко 63 лет, случившейся еще раньше, 30 мая, и акт о смерти Мотри Голенко 17 лет, умершей 31 июня.

Мы видим, что в начале лета умерли трое взрослых членов семьи и осенью от истощения умирает двухлетний мальчик, каким-то чудом продержавшийся четыре с лишним месяца. Только после этого, когда изба совсем опустела, сестра, работавшая в городе на комбинате, регистрирует в сельсовете гибель всех четырех.

Интересно сопоставить причины смертности в Романково со смертностью в голодные годы Гражданской войны. Возьмем для этого сведения по Петрограду, так как это было одно из немногих мест, где учет движения населения велся достаточно удовлетворительно. Воспользуемся данными, опубликованными С. А. Новосельским (табл. 1).

Таблица 1. **Сравнение смертности в Петрограде и станице Романково, % от общей убыли**

Причина смерти	Петроград, 1919	Романково, 1933
Крупозная и катаральная пневмония	12,6	16,9
Дизентерия	11,9	15,5
Острые желудочно-кишечные заболевания	9,8	10,8
Голодное истощение	8,8	11,5
Бугорчатка (туберкулез)	6,2	4,0
Насильственная смерть	5,1	2,0
Тиф	3,8	1,5
Старческий маразм	3,4	5,4
Прочие причины	38,4	32,4

Примечание. Название заболеваний дано по С. А. Новосельскому. Данные по Петрограду — [*Новосельский*, 1978, с. 110–111]; данные по Романково — Архив Колумбийского университета.

Схожесть данных в таблице удивительна. Совпадают не только основные причины убыли населения, но даже их удельный вес в общей структуре смертности. Это, несомненно, указывает на похожесть в обоих случаях процессов, определявших смертность населения. Причем, как уже отмечалось, имеющиеся у нас данные относятся к концу катастрофического периода. Если

на январь — июль приходится в деревне 445 смертей (в среднем по 63 человека в месяц), то в августе — 41, сентябре — 22, октябре — 28, ноябре — 27 и декабре — 16. Сведения за декабрь неполны, так как данные об умерших в конце месяца, очевидно, будут записаны в следующую (январскую) книгу. Несомненно, что в страшные зимние и весенние месяцы голод был непосредственной причиной смертей намного чаще, чем в летние и осенние.

Таким образом, перед нами большое украинское село Романково, находящееся неподалеку от крупного промышленного города. Часть жителей села работала в городе и, следовательно, имела продовольственные карточки. Большинство свидетелей, заявивших о смерти родственников, — рабочие. Большинство умерших — крестьяне. Среди умерших довольно много стариков и немного детей, что указывает на неполноту регистрации. Основные причины смертности населения Романково связаны с голодом или его последствиями, это истощение, дизентерия, острые кишечно-желудочные заболевания. Ухудшение питания обострило все болезни и увеличило общую убыль населения. Причины смертности были самыми разными, но недоедание, несомненно, содействовало гибели в каждом случае.

Приложение 20
Таблицы смертности

На неполноту данных в таблицах смертности 1926/27 г. в старших возрастах указывали их авторы и многие другие исследователи. Американский ученый А. Коул откорректировал таблицы Новосельского и Паевского, ориентируясь, по словам Лоримера, на европейские таблицы смертности (табл. 1).

Таблица 1. **Сравнение коэффициентов смертности Новосельского — Паевского и Коула по возрастным когортам**

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
До 1	233,7	233,7	195,0	195,0	0,0	0,0	—	—	—	—
1	69,3	69,3	63,1	63,1	0,0	0,0	—	—	—	—
2	33,6	33,6	31,4	31,4	0,0	0,0	—	—	—	—
3–4	16,9	16,9	16,4	16,4	0,0	0,0	50,3	50,3	52,2	52,2
5–9	7,2	7,2	6,7	6,7	0,0	0,0	42,6	42,6	40,9	40,9
10–14	2,8	2,8	2,7	2,7	0,0	0,0	38,9	38,9	40,3	40,3
15–19	4,0	4,0	3,7	3,7	0,0	0,0	142,9	142,9	137,0	137,0
20–24	5,9	5,9	5,2	5,2	0,0	0,0	147,5	147,5	140,5	140,5
25–29	6,3	6,7	5,8	6,3	−6,3	−8,6	106,8	113,6	111,5	121,2
30–34	6,8	7,4	6,3	6,8	−8,8	−7,9	107,9	110,4	108,6	107,9
35–39	8,2	8,9	6,9	7,6	−8,5	−10,1	120,6	120,3	109,5	111,8
40–44	10,6	11,2	7,8	8,3	−5,7	−6,4	129,3	125,8	113,0	109,2
45–49	14,0	14,4	8,5	9,8	−2,9	−15,3	132,1	128,6	109,0	118,1
50–54	19,3	19,3	11,1	13,1	0,0	−18,0	137,9	134,0	130,6	133,7
55–59	24,3	26,5	15,0	18,7	−9,1	−24,7	125,9	137,3	135,1	142,7
60–64	33,0	38,0	22,8	28,7	−15,2	−25,9	135,8	143,4	152,0	153,5
65–69	47,7	55,4	34,7	44,7	−16,1	−28,8	144,5	145,8	152,2	155,7
70–74	71,3	84,4	56,5	71,3	−18,4	−26,2	149,5	152,3	162,8	159,5
75–79	95,4	129,2	77,9	112,4	−35,4	−44,3	133,8	153,1	137,9	157,6
80–84	138,9	192,8	114,7	171,1	−38,8	−49,2	145,6	149,2	147,2	152,2
85+	205,7	277,5	192,1	248,3	−34,9	−29,3	148,1	143,9	167,5	145,1

Примечание. Данные по таблицам Новосельского и Паевского (НП) для 1926/27 г. и коррекции к ним Коула (на 1000). **1** — возраст. **2–3** — мужчины (НП и Коул). **4–5** — женщины (НП и Коул). **6–7** — разница значений НП и Коула для мужчин и женщин. **8–11** — темп роста при соотношении соседних строк в колонках **2–5**.
Источники: [*Лоример*, с. 123–126; *Новосельский, Паевский*, 1930].

Скорее всего, это были обобщенные таблицы, опубликованные впоследствии Коулом и Демени [*Коул*, 1966, с. 10–13]. Суммарный коэффициент смертности за 1926/27 г. поднялся, по расчету Коула, с 20,5 до 21,8 промилле, а продолжительность жизни сократилась у мужчин с 41,9 до 41 года, а у женщин с 44,4 до 43 лет [*Лоример*, с. 122–126]. Рассмотрим подробнее, какие изменения внес Коул в таблицу Новосельского и Паевского (табл. 1, столбцы 6 и 7).

Мы видим, что смертность мужчин и женщин начиная с 15–19 лет монотонно растет в обеих таблицах. При этом процент роста смертности при переходе от пятилетия к пятилетию (столбцы 8–11) ведет себя во всех случаях сходным образом: до 15 лет медленно снижается, затем в три раза подскакивает вверх, через 10 лет падает на треть и на этой широкой ступени задерживается надолго (с 25 до 60 лет), в конце (с 65 до 85 лет) темпы возвращаются к высокому, почти постоянному уровню. Самым удивительным образом ведет себя разница между коэффициентами, то есть поправка, вносимая Коулом. До 25 лет данные Новосельского и Паевского принимаются без изменений. Затем в возрастах 25–40 лет смертность увеличивается на 6–10% за пятилетний интервал, причем изменения происходят не равномерно, а колебаниями, с отклонениями от среднего на 1–1,5%, при среднем у мужчин около 7%, а у женщин около 8%. Однако в 40 лет картина решительно меняется. У мужчин с 40 до 54 лет поправки сокращаются до нуля, у женщин возрастают до 18%. После этого темп смертности у мужчин медленно растет, а у женщин, быстро поднявшись, колеблется вокруг довольно высокого уровня. Последняя ступень снова высокая, смертность растет примерно на треть каждые пять лет. У женщин темп выше — 45–49%.

Такая система поправок не может не вызвать вопросов. Что значит почти полное отсутствие поправок у мужчин в возрасте 45–54 лет? Как это так получилось, что именно в этой возрастной группе смертность чудесным образом подсчитывалась точно, а в соседних возрастах ошибка составляла 5–9%? Почему при равномерном возрастании смертности ее неполнота возрастает скачками? Почему женская смертность учитывалась с намного большими ошибками, чем мужская? Почему до 40 лет расхождение между неполнотой учета женщин и мужчин было относительно невелико, а с 45 возрастает до огромных величин?

Лоример и Коул не объясняют, как были получены поправки и почему они носят такой странный характер.

Мне представляется, что ошибки в возрасте могут быть разными у мужчин и женщин, что фиксируется, в частности, при округлении

возраста до 5 или 0. Так, в переписи 1926 г. численность мужчин 60 лет в 4,1 раза больше, чем 61-летних, а женщин — в 6,4 раза. У 70- и 71-летних эти цифры соответственно равны 5,4 у мужчин и 8,9 у женщин и так далее по всем возрастным группам. Мы видим, что мужчины округляли свой возраст реже женщин. Ошибки округления были так велики, что огромные искажения возраста умерших были возможны и, более того, неизбежны. Не учет в больницах и на кладбищах был плохой, а покойники были не того возраста, какой им приписали. Можно предполагать, что основные расхождения в старших возрастах связаны с преувеличением возраста респондентами, но такая же ошибка содержится в материалах переписи. В этом отношении сведения таблиц и численность населения сохраняют правильное соотношение между собой и, следовательно, не нуждаются в исправлении.

Как отмечал С. А. Новосельский, Россия отличалась от европейских стран более высокой продолжительностью жизни стариков. Важно также, что Коул и Лоример ориентировались на расчеты для всего СССР, то есть включая и восточные регионы с их более высокой смертностью и плохой изученностью. Для расчетов собственно европейского населения такого размера поправки не нужны.

Таблицы представляют собой развернутую систему показателей повозрастной смертности и доживаемости при переходе от одного возраста к другому. Таблицы показывают, каким образом определенная совокупность родившихся постепенно уменьшается во времени в своем составе под влиянием смертности. Возможен и обратный расчет: по численности поколения в некотором году определить его численность в предшествующие годы вплоть до рождения. Таблицы включают несколько взаимосвязанных показателей. Первый из них — число людей, доживающих до данного возраста, из 100 тыс. родившихся, а последний — средняя продолжительность предстоящей жизни человека, достигшего данного возраста. Нам для дальнейших расчетов важен коэффициент дожития, показывающий, как из года в год постепенно сокращается численность условного поколения в 100 тыс. человек. Соотношение двух соседних коэффициентов демонстрирует долю убывших в течение года. Такие таблицы содержат наиболее достоверную статистическую информацию о смертности населения из всех доступных для обобщения демографических сведений. Это определяется, во-первых, повышенной надежностью данных о смертности, специально собираемых и проверяемых авторами таблиц. Во-вторых, учетом повозрастной численности населения переписью. В-третьих, плавностью

изменения повозрастных показателей, что не позволяет случайным флуктуациям в исходном материале исказить общую тенденцию. И. Г. Венецкий отмечал, что коэффициенты таблиц надежны обычно до четырех знаков. Это по крайней мере на порядок точнее данных о рождаемости и смертности, рассчитываемых ЗАГСами.

С. А. Новосельскому и В. В. Паевскому принадлежит сглаживание данных переписи 1897 г., расчет таблиц смертности 1896/97, 1907/08, 1926/27 г. и сглаживание результатов переписи 1926 г. Возникает, таким образом, единая система согласованных между собой материалов, созданных известными учеными, которые обладали не только всеми имевшимися к тому времени данными, но и широкими возможностями проверки своих гипотез и результатов на материалах текущей демографической статистики по регионам (информация с кладбищ, из больниц, о сборе сельхозналога, данные о потреблении зерна, хлеба и ряда других ключевых товаров).

Для периода 1896/97 г. характерна более высокая смертность в городе, чем в селе, причем в городе смертность мужчин была выше, чем женщин, кроме 20–24 летних. Эта особенность наблюдается во многих переписях в разных странах. Дело, очевидно, в том, что в этом возрасте особенно велико число переезжающих из деревни в город здоровых молодых мужчин. С возрастом, в когортах 40–65 лет, преобладание мужской смертности увеличивается до 30–35%. У сельского населения женская смертность, как правило, была выше, что неудивительно, поскольку беременная или кормящая грудью деревенская женщина несла огромную физическую нагрузку, работая в поле, дома, на скотном дворе, приусадебном участке. Лишь в возрасте 45–54 лет женщины умирали меньше, чем мужчины, что объяснимо тем, что возрастное снижение потерь от гибели во время родов уже произошло, а старческие болезни еще не появились [*Бедный*, 1976, с. 40].

Таблицы смертности для СССР 1926/27 г. были составлены Новосельским и Паевским, а для Украины аналогичную работу проделал Ю. А. Корчак-Чепурковский для 1925/26 г. (табл. 2). В основу расчетов и в том, и в другом случае были положены данные переписи 1926 г. и сведения о смертности за два прилегающих года. Таблицы охватывали европейскую часть СССР за пропуском некоторых районов, для которых надежные сведения о смертности или численности населения отсутствовали.

На этой территории, охваченной таблицами, проживали примерно 120 млн человек из 147 млн, учтенных переписью 1926 г. У авторов таблиц не было достаточно надежных данных о смертности

в остальных районах страны, имеющиеся материалы представлялись им заниженными, а введение поправок на неполноту учета могло, по их мнению, существенным образом исказить картину. Лишь для Башкирии была введена поправка, увеличивающая на 12,7% коэффициенты смертности. Остальные сомнительные районы (например, автономные области Северного Кавказа) из расчетов исключались. Коэффициенты 1926/27 г. заметно отличаются от значений в дореволюционных таблицах. Продолжительность жизни мужчин — 41,9, женщин — 46,8 лет, в то время как в 1896/97 г. соответствующие цифры были 29,4 и 31,7.

В европейской части СССР, и в частности на Украине, смертность у женщин почти во всех возрастах оказалась ниже, чем у мужчин. Наибольшее снижение смертности отмечают у городского населения, особенно женщин и детей [*Дмитриева*, *Андреев*, 1977, с. 28–61].

По сравнению с 1897 г. коэффициент смертности годовалых сократился на 30%, 5–10-летних — в два раза. У 15-летних мальчиков — на 30%, девочек — на 40%. В более старших возрастах сокращение смертности колеблется между 10 и 20% у мужчин и 40–30% у женщин. Лишь у мужчин в возрасте 80 лет и старше смертность в 1926/27 г. оказалась выше, чем в 1896/97 г. Такая же картина наблюдается на Украине (табл. 2). Сокращение смертности в 1926–1939 гг. оказалось не очень большим, но затронуло все возрастные группы, за исключением мужчин 60 лет. Скорее всего, это отклонение связно с погрешностями учета возраста и округления к значениям, кратным десяти. Случайность этого явления очевидна из того, что в последующих переписях соотношение между рассматриваемыми поколениями стало таким же, как и во всех других возрастных группах (табл. 2).

Общее снижение смертности продолжалось и в последующие советские десятилетия и было зафиксировано переписью 1959 г. Однако еще через 10 лет по таблицам 1968–1971 гг. смертность у мужчин старше 25 лет оказалась заметно выше, чем в 1958/59 г. У женщин смертность в рассматриваемый период немного сократилась, а в поколениях старше 65 лет заметно увеличилась (табл. 1). Для нашей методики расчета потерь ошибки за счет неполного охвата территорий не очень важны, поскольку мы исключаем из расчета большинство жителей регионов с плохой статистикой.

На величину табличных коэффициентов смертности влияет и неполнота данных о численности населения, собираемых при переписи. Она несколько завышает норму смертности. Искажение

Таблица 2. **Вероятность для людей данного возраста умереть в течение предстоящего года жизни по таблицам смертности, число умерших на 100 тыс. человек**

Год	Возраст										
	0	5	10	15	20	30	40	50	60	70	80
Россия (М)											
1896/97	29418	2984	699	476	691	828	1127	1900	3221	6885	10972
1926/27	20102	1091	322	316	540	639	934	1657	2787	5968	11311
1938/39	17469	857	310	277	448	549	914	1647	2936	5471	10635
1958/59	4424	143	103	113	205	328	519	1004	2222	4404	9253
1968/71	2786	94	67	97	208	389	636	1132	2322	4864	10707
Украина (М)											
1896/97	23644	1737	684	509	689	758	956	1755	3089	6718	10869
1925/26	17352	1304	444	390	625	619	821	1391	2470	5385	11189
Польша (М)											
1922	17967	453	245	287	584	619	751	1136	2400	6283	16288
Германия (М)											
1924/26	11538	242	142	184	427	405	535	1030	2362	5808	14196
Россия (Ж)											
1896/97	25800	2079	662	531	703	894	1139	1629	3200	6993	10520
1926/27	17214	1049	292	320	474	600	726	942	1834	4576	9046
1938/39	15162	816	268	273	384	464	614	861	1528	3858	8778
1958/59	3677	117	70	77	117	160	259	474	1928	2793	7500
1968/71	2180	69	45	47	75	119	218	476	9812	5941	12427
Украина (Ж)											
1896/97	19685	1767	634	618	737	874	1128	1750	3705	7591	11770
1925/26	14443	1283	418	420	578	668	764	987	2939	4811	10160
Польша (Ж)											
1922	15652	481	280	338	455	603	710	976	1968	5664	14321
Германия (Ж)											
1924/26	9392	219	120	181	332	414	531	886	1947	5198	13371

Источники: [*Паевский*, 1970, с. 297; *Птуха*, 1971, с. 345–346; *Корчак-Чепурківський*, 1929, с. 82–84; *Дмитриева, Андреев*, 1977, с. 28–49].

вносит также неверный учет возраста. Российские переписи отмечают огромное количество лиц, округливших свой возраст до пяти или до нуля (прил. 7). Причем чаще всего округление происходит в бóльшую сторону. Распространено и обычное завышение возраста, особенно среди малограмотного сельского населения, никогда не имевшего на руках документов, фиксировавших дату рождения.

Возможен и неполный учет смертей, особенно в младших возрастах. Авторы таблиц 1926/27 г. сообщают, что в специальном исследовании опросом селькоров на территории, где проживало в 1928 г. примерно 500 тыс. человек, выяснилось, что не было зарегистрировано примерно 2,5% похорон. Они отмечают, что особенно велик был недоучет грудных детей, умерших в первые дни жизни, и женского населения старших возрастов, 50—70 лет. С. А. Новосельский и В. В. Паевский даже считали, что отчасти снижение женской смертности относительно мужской вызвано погрешностями учета. Фактически ошибка коэффициентов таблиц для взрослого населения, вероятно, намного меньше 2,5%, так как эта цифра включает значительное количество смертей детей, которые не были учтены среди родившихся. Кроме того, оценка сделана для сельской местности, а часть населения (около 20%) проживала уже в городах, где регистрация была заметно точнее.

В таблицах Корчак-Чепурковского 1925/26 г. также наблюдается заметное снижение смертности по сравнению с концом XIX века. У мужчин смертность на Украине ниже, чем в европейской части страны, во всех возрастах, кроме 5—25-летних. У женщин, напротив, смертность выше во всех возрастных группах, кроме годовалых и старше 65 лет (табл. 3).

Рассмотрим аргумент Лоримера относительно более высокого уровня смертности на южных и восточных окраинах страны. Он предполагает, что смертность населения, охваченного таблицами (82%), была в 1926 г. не 20 промилле, как по таблицам Новосельского и Паевского, а 23,5 промилле. Но учет смертности на не охваченных таблицами территориях увеличивает коэффициент до 26 промилле на тысячу жителей. 2,5 промилле от населения страны — это 357 тыс. смертей.

Таблица 3. **Сопоставление коэффициентов дожития по таблицам 1926 г. Новосельского — Паевского и Коула — Демени, из 100 тыс. родившихся**

Возраст	НП М	L10	L11	%	НП Ж f	L10	L11	n L12	%	%
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
0	86002	76547	78641	−10	88270	80258	82040	83700	−9	—
5	69316	68691	71579	1	72516	72142	74777	77280	−1	—
10	67144	66647	69695	2	70414	69946	72768	75464	−1	—
15	66224	65643	68733	2	69459	68713	71612	74401	−1	—
20	64834	64096	67233	1	68133	67057	70036	72942	−2	—

Продолджение табл. 3

Возраст	НП М	L10	L11	%	НП Ж f	L10	L11	n L12	%	%
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
25	62917	61892	65100	1	66346	64938	68011	71056	−2	—
30	60965	59724	62999	1	64439	62529	65710	68904	2	—
35	58879	57388	60734	0	62412	59947	63241	66575	1	—
40	56474	54640	58064	0	60282	57205	60600	64051	1	−1
45	53490	51365	54853	−1	57949	54376	57845	61373	0	−2
50	49740	47463	50968	−1	55504	51299	54800	58360	−1	−2
55	45008	42763	46199	−1	52393	47446	50948	54506	−3	−2
60	39739	37070	40333	−3	48480	42302	45773	49290	−2	−2
65	33446	30256	33212	−5	42995	35414	38758	42138	−6	−1
70	26043	22321	24808	−10	35806	26761	29776	32823	−13	1
75	17943	14038	15865	−17	26587	17228	19608	22020	−22	−3
80	10895	6843	7923	−32	17750	8600	10105	11637	−39	−3*
85	5020	—	—	—	9569	—	—	—	—	—

Примечание. НП — таблицы Новосельского и Паевского; НП М — мужчины; НП Ж — женщины; L — таблицы Коула и Демени, вариант восточный; колонки 3, 4 (серии 10 и 11 НП Ж) — таблицы Новосельского и Паевского. При расчете средних значений для мужчин (колонка 5) использованы средние значений серий 10 и 11 (колонки 3, 4). Для женщин в возрасте 0–25 лет берутся средние L10 и L11 (колонки 7 и 8), для женщин 30–55 лет берется серия 11 (колонка 8), а для 60–80 лет — среднее по сериям 11 и 12 (колонки 8 и 9). Для женщин 80–85 лет в последней колонке данные сдвигаются на пять с половиной лет вверх. В этом случае наблюдается наиболее точное соответствие табличных сведений реальным данным. Вероятно, таким способом компенсируется преувеличение возраста. Результаты округлены до целого.

Источники: [*Новосельский, Паевский*, 1930; *Коул*, 1966].

Для населения, не учтенного таблицами Новосельского и Паевского (около 27 млн), это означает рост смертности выше табличного на 12,3 промилле, что дает смертность 36 на тысячу. При максимально высоком уровне рождаемости для этих территорий в эти годы — 42 промилле — народы, живущие на рассматриваемой территории, могли увеличить численность за 12 лет на 7–8%. Однако почти все коренные народы рассматриваемых регионов (за исключением казахов и туркмен, потери которых в годы коллективизации рассматриваются особо) сильно увеличили между переписями 1926 и 1939 гг. свою численность. Это показывает, что их смертность не была так велика, как следует из гипотезы Лоримера. Еще менее достоверная картина наблюдается при допущении предположения Лоримера о росте смертности в 1927 г. на 4,2 промилле, с 21,8 (коэффициент Коула, включающий недоучет

смертности в старших возрастах) до 26. Это означает дополнительную смертность в 529 тыс. человек. На территориях, не охваченных таблицами смертности, повышенная смертность населения составила бы в этом случае почти 20 промилле, а значит, коэффициент смертности на этой территории будет равен 42 промилле. Это практически равно уровню рождаемости, то есть прирост коренных национальностей, отмеченный выше, был бы невозможен.

Заметим, что авторы, занимавшиеся прогнозами численности населения (Новосельский и Паевский, Птуха, Урланис и др.), не вводили в свои расчеты поправок на неполноту таблиц смертности, справедливо полагая, что их неточность сравнительно с другими погрешностями невелика. Важно также отметить сходство повозрастной смертности в 1926/27 г. и 1938/39 г. (табл. 2). Таблицы 1938/39 г. охватывают всю территорию страны. Из того, что практически для всех возрастных групп показатели 1938/39 г. меньше, чем 1926/27 г., можно заключить, что произошло заметное снижение смертности, которое, по мнению исследователей, отчасти нивелируется улучшением учета [*Дмитриева*, *Андреев*, с. 38].

Гипотеза неполноты российских таблиц смертности была принята в постсоветские годы некоторыми учеными России, Украины и других стран, и многие из них использовали для коррекции таблицы Коула и Демени. Так, М. Ливи-Баччи проделал расчеты сразу по двум моделям, «Запад» и «Восток», используя для мужчин серию 10, а для женщин — 12 [*Ливи-Баччи*]. Как отмечено выше, мне представляется неверной гипотеза о пригодности усредненных таблиц для расчета российских потерь. Однако должен отметить, что средний вариант, к которому приходит автор, довольно близок, как он справедливо отмечает, к результатам моего расчета передвижкой поколений между переписями 1926 и 1939 гг. по таблицам смертности Новосельского и Паевского.

В своей совместной работе, изданной в 1995 г., Сергей Адамец и Владимир Школьников также с помощью таблиц Коула и Демини стараются компенсировать неполноту сведений таблиц смертности 1926/27 г. и 1938/39 г. [*Адамец, Школьников*]. Авторы считают, что эти таблицы преуменьшают смертность главным образом из-за неполной регистрации смертности на национальных окраинах, поэтому они, используя архивные сведения о смертности, составили таблицы для России, Украины и Белоруссии со сравнительно достоверным статистическим учетом. В этих таблицах были откорректированы сведения старших возрастных групп и младенческой смертности. Каждую кривую авторы аппроксимируют

несколькими уровнями модели «Восток», внося дополнительные исправления в отдельные возрастные группы (например, 1–4 года и 5–9 лет). Эта процедура не кажется обоснованной, поскольку пригодность таблиц Коула и Демени для российских данных не рассматривается.

Таблицы Коула и Демени также использованы при оценке потерь населения Украины французскими учеными [Валлен]. Полученные результаты не слишком хорошо согласуются с имеющимися представлениями о демографической ситуации на Украине в 1920–30-е годы. Так, продолжительность жизни в 1927–1931 гг. остается у мужчин стабильной (43,3 года в 1927 г. и 43,5 в 1931 г.) и постепенно растет у женщин (46,8 в 1927 г. и 47,9 в 1931 г.). В 1932 г. смертность снижается на 15%, а в 1933-м продолжительность жизни катастрофически падает до семи лет у мужчин и десяти у женщин. В 1934 г. она на 15–20% ниже, чем в среднем за весь период. Но уже в 1935 г. продолжительность жизни поднимается до невиданной прежде высоты (46,3 у мужчин и 52,7 у женщин) и дальше вплоть до войны продолжает медленно расти у мужчин и остается стабильной у женщин. Конечно, катастрофа 1933 г. отмечена огромным падением продолжительности жизни, но в целом, по расчетам авторов, за 1927–1938 гг. продолжительность жизни мужчин на Украине выросла на 4,6 года, а женщин — на 5,9 лет, заметно больше, чем за тот же период у французов и француженок, которые увеличили продолжительность жизни только на 2,3 и 3,9 года (данные по Франции приводятся авторами на той же странице, что и по Украине).

В 1983 г., в начале моей работы над проблемой потерь населения в годы коллективизации, я попробовал сравнить коэффициенты дожития по таблицам Куола и Демени и Новосельского и Паевского. Полного совпадения значений обнаружить не удалось. Более того, при сравнении реальных таблиц разных стран за разные десятилетия конца XIX и первой половины XX века (США, Англия, Польша, Япония) во всех случаях наблюдались расхождения в некоторых точках на несколько процентов [*Престон*, 1972]. Это неудивительно, поскольку таблицы Коула и Демени содержат усредненные данные по группе стран и естественно, что индивидуальные значения отклоняются от среднего. Наилучшее соответствие таблицам Новосельского и Паевского получено в модели «Восток» в сериях 10–12. Мужчины попадают в интервал между сериями 10 и 11 — продолжительность жизни 39,6 и 42,1. У женщин 10–12-я серии, то есть продолжительность жизни — 42,5; 45; 47,5 (табл. 2).

Заметные расхождения у мужчин отмечены у новорожденных (10%) и в возрасте старше 70 лет. Для этих поколений лучше подходят не средние значения, а параметры серии 11. В этом случае для 65 лет отклонение будет 1%, для 70 лет — 5%, для 75 лет — 12% и для 80 лет — 27%. У женщин ситуация более трудная, разные возрастные группы дают близкие совпадения с различными сериями. Моложе 30 лет сходятся со средними 10-й и 11-й серий. Старше 30 и до 55 неплохо ложатся на 11-ю серию, а старше 60–80 лет лучше других согласуются со средними 11-й и 12-й серий. Отклонения, однако, составляют 13–39%. Если сдвинуть данные таблицы Новосельского на пять лет вверх, то есть сравнивать коэффициенты 80-летних с 75-летними в таблицах Коула и Демени, а 75-летних с 70-летними и т. д., то совпадение, будет очень сильным (последняя колонка в табл. 2). Правда, значения 85-летних для большей близости сдвинуты на пять с половиной лет. Достижение лучшего соответствия с помощью сдвига, то есть как бы омоложения старших возрастов, видимо, свидетельствует о том, что мы имеем дело не столько с недоучетом уровня смертности, сколько с преувеличением возраста у российских мужчин и женщин. Результаты по сельской местности повторяют картину, рассмотренную выше. Напротив, горожане близки скорее к западной модели. Очевидно, речь идет не столько о национальных различиях, сколько об образе жизни населения.

На Украине наблюдается похожая ситуация: сходство данных для возрастов 15–75 лет оказывается довольно высоким, а если предположить некоторое преувеличение возраста украинским населением на 3–4 года (то есть сдвинуть коэффициенты), то наблюдается практически полное совпадение. При смещении на пятилетний интервал убыли мужчин за данный период расхождение сведений с восточной моделью серии 11 с поправками, внесенными в табл. 3, наблюдается лишь в 10% случаев, причем не носит систематического характера [*Коул*, 1966; *Корчак-Чепурківський*, 1929, с. 84]. У женщин расхождения более значительны, но меньше, чем по европейской части СССР.

Сравнение таблиц Новосельского и Паевского со среднеевропейскими моделями таблиц Коула и Демени позволяет сделать следующие выводы.

Наблюдается близость соотношения большинства точек на сравниваемых моделях, кроме самых младших, младенческих возрастов и самых старших, 70–80-летних. Полученные расхождения

вызваны как неполнотой информации о смертности, так и ошибками в указании возраста при переписях и учете смертей в ЗАГСах.

Расчеты движения населения между переписями показывают не ошибку в коэффициентах смертности детей, а преуменьшение численности новорожденных переписью. Это отмечают и многие исследователи.

Проверкой пригодности таблиц является их использование для расчетов численности населения и сопоставление полученных результатов с фактическими сведениями. За пять с половиной лет расчет численности поколения, родившегося до 1927 г., по таблицам смертности Новосельского и Паевского разошелся с административным учетом населения в 1931 г. всего на 700 тыс. (0,4% от численности населения). Важно отметить, что расчет по таблицам смертности оказался меньше данных учета, то есть преувеличил, а не преуменьшил уровень смертности населения.

Приложение 21
Детская смертность

С началом коллективизации, сопровождавшейся насильственной организацией колхозов и массовой депортацией на север так называемых кулаков, большого одномоментного снижения рождаемости не произошло (табл. 1).

Таблица 1. **Рождаемость и смертность в 1926–1935 гг., тыс. человек**

Год	Рождаемость				Смертность			
	РСФСР			УССР	РСФСР			УССР
	Город	Село	Всего	Всего	Город	Село	Всего	Всего
1927	576	3617	4193	1184	318	1773	2091	523
1928	572	3730	4302	1149	306	1547	1853	496
1929	563	3602	4165	1081	336	1775	2111	539
1930	544	3055	3599	1023	369	1518	1887	538
1931	630	2962	3592	975	479	1553	2032	515
1932	715	2644	3359	782	581	1470	2051	668
1933	553	2170	2723	471	801	2137	2938	1850
1934	584	2062	2646	572	541	1464	2005	483
1935	790	2576	3366	759	473	1402	1875	342
1936	933	2743	3676	895	592	1682	2274	361
1937	1360	2883	4243	1214	645	1549	2194	428

Источник: РГАЭ, ф. 1562, оп. 329, ед. хр. 83, л. 27.

Смертность в российском селе в эти годы, естественно, была выше, чем в городе, на несколько промилле. В 1927 г. в РСФСР село 11 месяцев в году имело бóльшие значения смертности, чем город. В 1928, 1929, 1930 гг. таких месяцев было уже шесть и семь в год, а начиная с 1931 г. (то есть в годы голода и развала статистики) город преобладал в 9–10 месяцах в году. В 1933 г. коэффициенты приблизительно равны. А в 1934 и 1935 гг. городская смертность вновь оказалась ниже сельской соответственно на 2 и 4,5 промилле. Можно утверждать, что в период 1931–1934 гг. был заметный недоучет смертности в селе. На Украине превышение городской смертности над сельской было слабее 2–3 месяца в 1927–29 гг. и 4–7 месяцев в последующие годы. Также обращает на себя внимание, что суммарное расхождение рождаемости и смертности в селе и в городе в 1932 г. больше, чем в 1933-м. Это свидетельствует о более сильном развале статистического учета в 1933 г.

Как и в РСФСР, на Украине данные о детской смертности в 1932 г. в городе были или выше, чем в селе, или мало отличались от сельских показателей, а в деревне заметно превышали сведения 1933 г. в июле — декабре (табл. 2–3). Представляется, что это свидетельствует лишь о заметном ухудшении статистического учета в этом катастрофическом году.

Таблица 2. **Смертность новорожденных по месяцам за 1927–1933 гг. (умерло на первом году из тысячи родившихся)**

Месяц	1927	1928	1929	1930	1931	1932	1933
Европейская часть РСФСР							
Город							
Январь	156	128	160	131	168	183	186
Февраль	150	134	167	136	180	212	192
Март	181	154	155	166	199	259	233
Апрель	180	172	161	203	190	246	222
Май	167	176	163	210	168	233	229
Июнь	206	175	198	246	250	262	239
Июль	312	218	306	246	342	289	324
Август	272	195	264	245	290	241	291
Сентябрь	183	150	179	180	184	160	189
Октябрь	133	129	123	131	137	124	162
Ноябрь	110	117	117	127	133	121	136
Декабрь	119	140	128	145	165	134	147
Село							
Январь	185	126	182	90	98	94	109
Февраль	176	152	206	84	101	107	115
Март	206	172	172	110	118	159	174
Апрель	193	153	155	119	120	196	171
Май	165	148	133	123	102	179	163
Июнь	176	136	148	176	150	294	198
Июль	361	187	323	225	263	377	279
Август	448	261	449	188	246	260	287
Сентябрь	270	197	262	118	138	178	186
Октябрь	157	144	151	100	103	145	140
Ноябрь	117	127	127	89	83	108	96
Декабрь	120	168	147	90	92	93	92
УССР							
Город							
Январь	98	89	105	90	98	94	109
Февраль	96	102	103	84	101	107	115
Март	99	112	110	110	118	159	174

Продолжение табл. 2

Месяц	1927	1928	1929	1930	1931	1932	1933
Апрель	103	112	108	119	120	196	171
Май	98	108	109	123	102	179	163
Июнь	143	121	141	176	150	294	198
Июль	190	202	231	225	263	377	279
Август	173	182	254	188	246	260	287
Сентябрь	135	144	169	118	138	178	186
Октябрь	121	117	114	100	103	145	140
Ноябрь	87	100	94	89	83	108	96
Декабрь	89	109	93	90	92	93	92
			Село				
Январь	163	103	160	124	118	97	101
Февраль	158	133	166	123	110	109	125
Март	156	177	152	147	131	136	200
Апрель	142	154	137	148	138	153	191
Май	121	130	122	130	110	156	204
Июнь	104	106	105	117	99	166	210
Июль	137	113	127	136	134	221	209
Август	205	145	217	189	164	222	169
Сентябрь	189	153	199	150	134	177	119
Октябрь	159	137	145	131	105	170	103
Ноябрь	114	122	115	124	92	110	85
Декабрь	111	154	120	128	99	95	86

Источник: РГАЭ, ф. 1562, оп. 329, ед. хр. 16, л. 75.

Еще более яркая картина вырисовывается относительно смертности на первом году жизни. И в России, и на Украине она в 1926–1930 гг. в селе заметно выше, чем в городе, что неудивительно, если вспомнить, где находятся больницы, родильные дома, врачи и медсестры, кареты скорой помощи и прочие блага цивилизации. Но в 1931–1935 гг. наблюдается обратная картина: голодающая деревня в уходе за новорожденными в обеих республиках догоняет или даже обгоняет «зажравшийся» город. С началом коллективизации в городе детская смертность постоянно росла, а в селе, напротив, падала, так что в 1933 г. убыль новорожденных в городе оказалась на 32 промилле выше, чем в деревне (табл. 1).

К сожалению, это чудо имеет то же самое печальное объяснение — полное разрушение сельской статистики в рассматриваемый период. Совершенно очевидно, что сельская смертность занижена не меньше, чем на 40–50 промилле. Из этого следует, что

сельская рождаемость преуменьшена на такую же или большую величину. Похожая картина наблюдается и при рассмотрении смертности новорожденных по месяцам (табл. 2).

Сведения о количестве умерших в селах Украины демонстрируют в шести месяцах (июль — декабрь) более высокие значения в 1932 г., чем в 1933-м, и в двух месяцах (январь — февраль) небольшие различия. И маловероятно, чтобы почти при двукратном превышении общей смертности 1933 г. над 1932 г. данные по детской смертности носили противоположный характер. Очевидно, что это лишь показывает огромный недоучет гибели младенцев в 1933 г.

Конечно, сведения предшествующих лет неполны, но утраты 1933 г. намного значительнее (табл. 1). В 1927–1931 гг. при довольно высокой по сравнению с табличным уровнем смертности наблюдаются странные колебания значений. Сам факт высокой смертности не удивителен, но пики смертности в 1927 и 1929 гг. и спады в 1928 и 1930 гг. исторически неоправданны. Используя результаты переписей 1937 и 1939 гг. и оставляя без изменений сумму рождений за этот период, можно предложить сглаженную последовательность числа рождений (табл. 2).

Мы видим, что самая большая убыль новорожденных приходится на 1932–1933 гг. Возрастные группы 1935–1936 гг., которые не прошли через катастрофу, понесли незначительные потери. Поколения, застигнутые голодом в возрасте 2–3 лет, потеряли в два раза меньше, чем младенческие возраста (0–1 год). Родившиеся в 1927–1930 гг. и прошедшие пик голода в 3–5 лет потеряли всего по 3–5% (200–300 тыс. человек). Суммарные потери родившихся в 1927–1936 гг. составили 3741 тыс. человек.

Почти в течение всего рассматриваемого периода смертность младенцев в городах и селах РСФСР была выше, чем на Украине. Лишь в 1932 г. с июня по октябрь дети, родившиеся в украинских городах, умирали чаще, чем в российских. В селах такая ситуация встречается лишь в четырех месяцах 1932 г. и трех месяцах 1933 г. Следует также заметить, что в большинстве случаев, когда мы сталкиваемся с отклонением от естественно ожидаемой ситуации (в городе смертность меньше, чем в селе, на Украине меньше, чем в России), «нарушения» приходятся на третий и второй кварталы, в которых обычно и более высокая смертность.

Как известно, снижение рождаемости определялось главным образом использованием абортов, то есть решениями, принятыми за 7–8 месяцев до момента возможного рождения. Такой сдвиг

падения рождаемости мы наблюдаем в РСФСР, на Украине, Северном Кавказе и Нижней Волге. Низкая рождаемость в сентябре — июне 1934 г. вызвана, очевидно, как и в РСФСР, абортами и сокращением числа зачатий в тяжелые годы высокой смертности. Но падение рождаемости в феврале — октябре 1933 г. таким образом нельзя объяснить. Причиной здесь, очевидно, является не сокращение рождаемости, а рост мертворождений и гибель новорожденных, не успевших попасть в регистрацию. Северный Кавказ похож в этом отношении на Украину, а на Нижней Волге ситуация была близка к положению в РСФСР. В табл. 3 видно большое различие между рождаемостью в отдельные месяцы, иногда в полтора-два, а то и три раза. Например, в январе 1932 г. рождаемость на Украине была равна 35,3 промилле, в декабре — 14,5; а в 1934 г. — 10,6 и 27,6 промилле соответственно. Такое огромное различие между рождаемостью в отдельные месяцы того же самого года или соседних лет нельзя объяснить падением рождаемости во времени.

Психологическая готовность женщин к аборту и физическая возможность прибегнуть к этому средству — это сложный процесс, связанный с возрастом, семейными отношениями и множеством других факторов, которые обеспечивали медленное и плавное снижение рождаемости у сельских жителей, особенно в русской деревне.

Огромная разница рождений между соседними месяцами не может быть объяснена только сезонными колебаниями, которые имели место и в городе, и в деревне по всей стране. Вопрос этот в свое время серьезно изучался демографами Украины. По их сведениям, помесячные колебания были сравнительно невелики. Обычное расхождение между самым большим и самым маленьким месячными значениями в спокойном 1929 г. были равны 27%, а среднеквадратичное отклонение в этих данных составляет всего 0,08. Такой же характер изменений наблюдался в трех больших регионах, на которые исследователи в 1922 г., изучая связи демографических процессов с урожаем зерновых, разбили Черниговскую, Полтавскую и Харьковскую губернии. Наблюдается высокая степень близости характеров колебаний рождаемости на этих территориях в 1922 и 1929 гг. Так, пик приходится во всех случаях на январь — март, а наибольший спад отмечается в апреле — июле с пиком в мае — июле [*Гуревич*]. По данным М. Трацевского, во всех девяти украинских губерниях по административному делению 1920–30-х годов наблюдаются те же колебания: пик в январе — феврале, спад в апреле — июне [*Трацевский*, с. 2025].

Представляется, что с некоторым приближением эти данные могут быть использованы в качестве нормы для сельского населения УССР, чтобы понять, какие отклонения связаны с сезонными колебаниями, а какие свидетельствуют о потерях населения. Из табл. 3 видно, что значительное падение рождаемости отмечается лишь в некоторые временны́е интервалы. Почти в каждом году есть один или несколько месяцев с относительно высокими значениями. Можно предположить, что в эти сравнительно благополучные месяцы рождаемость приближалась к норме, а повышенная смертность рожениц и новорожденных была невелика.

Остановимся на вопросе о связи высокой смертности с падением рождаемости (табл. 3). Как уже отмечалось, основными средствами снижения рождаемости в тот период были аборты. Число абортов быстро росло в городах, они распространялись в селах Украины, но заметно медленнее проникали в русскую деревню (прил. 12). В 1936 г. к моменту их запрещения в городе РСФСР производилось 28, а в деревне — пять абортов на тысячу жителей [*Садоквасова*, 1969]. Даже в 1938–1939 гг., когда аборты делались только по специальным разрешениям, в городах они составляли 9–10 промилле, в селах — 1,3 [Там же][1].

Совершенно очевидно, что аборт не слишком гибкое орудие для непосредственной реакции на резкие изменения ситуации в стране, его инерционное запаздывание составляло примерно семь месяцев. При этом расширение использования абортов — плавный процесс, поэтому и рождаемость не должна меняться скачками, она не может быть непосредственной реакцией на неприятные события. Так, заметное снижение рождаемости в 1933 г. в России и на Украине не могло быть сознательной реакцией населения на голод (табл. 3).

Можно предположить, что в периоды, когда положение было наиболее тяжелым, а смертность — высокой, женщины более склонны прибегать к абортам. Кроме того, возможны мертворождения и гибель новорожденных вскоре после рождения — такие случаи лишь отчасти попадают в регистрацию. Мы видим, что повышенная смертность отмечается в РСФСР в мае — сентябре 1933 г. Рождаемость в этот период остается на достаточно высоком уровне. Невысокая рождаемость отмечается с апреля 1933 по июнь 1934 г. Очевидно, снижение числа зачатий или прерывание

[1] Западные ученые считают, что за генеративный период на городскую женщину приходилось 4–5 абортов.

Таблица 3. **Смертность до года и рождаемость в сельской местности регионов России и Украины, на 1000 человек**

Месяц	РСФСР		УССР		Нижняя Волга		Северный Кавказ	
	Смертн.	Рожд.	Смертн.	Рожд.	Смертн.	Рожд.	Смертн.	Рожд.
				1932				
Январь	17,9	47,9	15,1	35,3	11,8	35,9	16,4	37,0
Февраль	20,6	44,2	18,1	32,0	12,9	33,2	16,5	32,3
Март	20,4	38,1	20,6	28,8	13,7	29,3	16,1	29,7
Апрель	20,0	31,6	23,0	26,3	15,2	22,8	16,7	35,9
Май	17,0	29,9	24,1	24,6	15,3	22,5	15,7	26,0
Июнь	15,7	31,5	27,4	23,1	17,6	24,2	14,6	25,1
Июль	19,1	34,9	25,2	26,4	21,0	26,2	18,3	30,2
Август	25,1	34,2	22,9	24,6	17,9	25,7	22,1	31,0
Сентябрь	20,2	32,9	21,4	22,8	17,7	26,6	30,4	30,7
Октябрь	17,1	32,3	22,4	21,8	14,9	23,0	29,2	28,2
Ноябрь	16,7	31,3	19,1	18,5	13,2	19,9	25,4	25,2
Декабрь	16,5	28,2	16,6	14,5	12,9	17,2	22,7	20,3
				1933				
Всего	226,3	417	255,9	298,7	184,1	306,5	244,1	351,6
Январь	22,6	38,7	22,4	18,6	21,9	27,8	28,1	27,2
Февраль	**30,9**	39	**35,5**	***14,6***	31,0	29,6	**44,1**	27,4
Март	**35,6**	35,9	**72,4**	***11,8***	**47,1**	26,1	**61,7**	26,3
Апрель	**35,6**	***30,2***	**103,5**	***11,3***	**71,2**	23,2	**97,3**	***18,6***
Май	**38,5**	***28,4***	**145,1**	***12,2***	**106,0**	24,6	**95,5**	***16,1***
Июнь	**44,3**	***30,7***	**196,2**	***12,8***	**133,1**	26,6	**92,1**	***16,3***
Июль	**47,5**	***32,4***	**133,0**	***14,1***	**125,3**	28,1	**65,7**	***16,7***
Август	**43,6**	***33,4***	**43,7**	17,0	**75,2**	33,1	**56,9**	***20,3***
Сентябрь	**32,1**	***30,3***	23,3	25,6	**46,8**	29,1	**52,3**	***17,6***
Октябрь	25,0	***29,1***	13,1	15,0	**32,5**	25,7	**38,9**	***15,8***
Ноябрь	21,3	***27,5***	11,6	11,7	26,5	20,4	27,4	***13,4***
Декабрь	22,5	***25,0***	12,5	7,8	29,7	***15,7***	27,8	***9,2***
				1934				
Всего	399,5	380,6	812,3	172,5	746,3	310,0	687,8	224,9
Январь	20,9	***30,6***	17,4	***10,6***	18,1	***14,5***	26,9	***11,4***
Февраль	21,5	***27,9***	15,3	***10,3***	14,6	***11,7***	25,8	***10,0***
Март	21,7	***23,4***	18,6	***8,1***	15,7	***11,3***	21,8	***8,9***
Апрель	21,2	***19,8***	15,6	***6,8***	15,8	***10,1***	19,2	***9,8***
Май	18,3	***19,5***	13,6	***10,1***	15,4	***12,0***	15,2	***12,4***
Июнь	18,7	***24,9***	15,0	***15,0***	14,7	***17,0***	13,5	***14,8***
Июль	24,3	***31,8***	15,7	***23,3***	17,5	23,9	16,5	***20,2***

Продолжение табл. 3

Месяц	РСФСР		УССР		Нижняя Волга		Северный Кавказ	
	Смертн.	Рожд.	Смертн.	Рожд.	Смертн.	Рожд.	Смертн.	Рожд.
Август	29,2	35,2	21,9	32,4	20,5	32,1	25,4	28,8
Сентябрь	27,0	34,6	25,1	35,1	23,2	35,2	24,8	34,0
Октябрь	20,5	35,2	23,1	37,6	20,6	39,9	20,4	39,2
Ноябрь	18,4	35,3	14,6	35,3	15,8	40,4	15,2	37,5
Декабрь	20,5	31,2	15,5	27,6	16,9	34,4	16,4	37,5

Примечание. **Полужирным** выделены месяцы роста смертности, а ***полужирным и курсивом*** — падения рождаемости. РСФСР без Западной Сибири и Дальневосточного края, Дагестанской, Казахстанской, Киргизской и Якутской АССР. Для Украины сведения откорректированы по таблице «Помесячные данные о рождаемости и смертности по городским и сельским местностям», находящейся в той же единице хранения, что и сведения таблицы Уиткрофта. В пояснении сказано, что цифры за 1932 и 1933 гг. взяты из годовых отчетов, за 1934 г. — рассчитаны по конъюнктурным данным, распространенным на все население. Расхождения в источниках в большинстве случаев невелики, существенно только одно — для сентября 1933 г. рождаемость у Уиткрофта на 10 больше (25,6 промилле). Цифра нашей таблицы представляется более достоверной, поскольку устраняет малооправданный скачок вверх. Расхождения в документах, хранящихся в архивах, встречаются часто, поскольку документы составлялись в разное время и разными авторами, которые используют разные допущения. Например, в двух упомянутых выше таблицах непонятно, какую численность населения по месяцам и годам использовали их составители.

Источники: РГАЭ, ф. 1562, оп. 20, д. 41, л. 16; [*Уиткрофт*, 2001а, с. 878–879].

беременности началось весной 1933-го и продолжалось до конца года. На Украине период катастрофической, огромной смертности начинается в феврале 1933 г. и заканчивается в августе-сентябре этого же года. Резкое снижение рождаемости также начинается в феврале 1933-го и продолжается полгода. Совпадение по времени снижения рождаемости и роста смертности, безусловно, не случайно. У этих процессов одна и та же причина — ужасные условия жизни населения. Не приходится сомневаться, что сокращение рождаемости вызвано не абортами или уменьшением числа зачатий — эти явления действительно имели место, но их результаты сказываются лишь через семь с лишним месяцев. Падение рождаемости в период катастроф — очевидный результат высокой смертности новорожденных, не зарегистрированной текущей статистикой. На Украине отмечается и второй этап падения рождаемости — с октября 1933 по июнь 1934 года, который следует рассматривать как результат роста числа абортов и уменьшения числа зачатий в катастрофический период.

На Северном Кавказе наблюдается такая же картина, как и на Украине, но уровень падения рождаемости меньше. Возможно, сказывается включение в статистику региона нескольких автономных республик, не затронутых страшным голодом и не имевших в тот момент сколько-нибудь достоверной статистики. На Нижней Волге рост смертности зимой, весной и в начале лета заметно ниже, чем на Украине, но начиная с августа 1933 г. он заметно превосходит украинский. При этом падения рождаемости в месяцы высокой смертности на этой территории не отмечается.

Приложение 22
Расчет коэффициентов потерь

Численность поколений сельских женщин 1927–1938 гг. в переписи 1939 г. (табл. 1) позволяет оценить относительные потери 1933 г. по территории страны.

Для этого могут быть использованы различные соотношения численности родившихся в 1933 г. с поколениями предшествующих и последующих лет. Результаты этих оценок представлены в табл. 2.

В годы перестройки из архивов были извлечены сведения о смертности населения по областям. По этим данным, наивысшая убыль жителей была в Киевской и Харьковской областях (8,6–8,8%). В областях на западе (Винницкая) и на юге (Днепропетровская, Одесская области и Молдавская ССР) смертность составила 5–5,7%, в Черниговской и Донецкой областях — соответственно 3,8 и 3,4%. Об относительных размерах потерь от голода будем судить по численности младших поколений в переписи 1939 г. Дети являются хорошим общим индикатором, и, кроме того, на них приходится заметная доля общих потерь в голодные годы.

Всего для 1932 г. получаем сумму коэффициентов рождаемости не 417, а 439,59 на тысячу. Последняя цифра, деленная на 12, дает средний коэффициент рождаемости за год, а разница годовых сумм, деленная на 12 и умноженная на среднегодовую численность населения, позволяет оценить потери за год.

Таблица 1. **Поколения сельских женщин 1927–1938 годов рождения по переписи 1939 г. по регионам Европейской России и УССР, тыс. человек**

Область	Численность села			1927	1928	1929	1930	1931	1932	1933	1934	1935	1936	1937	1938
	Оба пола	Женщины	Старики												
Полтавская	1819	947,1	101,2	21,9	22,8	17,9	20,4	14.9	9,0	7,1	13,9	18,8	23,5	27,5	26,6
Кировоградская	958	502,1	51,6	12,6	12,8	9,4	10,8	7,5	4,2	3,9	8,5	9,1	11,4	14,6	14,8
Харьковская	1208	637,7	63,8	17,0	18,1	13,8	15,1	11,3	6,7	5,1	10,4	12,5	18,3	19,5	21,2
Киевская	2319	1232,3	133,5	28,9	30,3	23,3	26,9	20,5	12,1	10,5	20,5	26,0	32,2	37,1	39,2
Днепропетровская	1068	557,0	56,0	15,2	16,4	12,3	14,7	10,4	6,2	4,8	10,1	10,0	14,2	19,5	18,3
Сумы	1388	728,9	86,8	17,5	18,7	14,9	17,1	13,5	9,1	7,0	9,4	15,4	19,2	20,0	21,6
Ворошиловградская	632	328,8	41,9	8,7	9,3	7,5	8,4	6,2	4,1	3,2	5,5	7,4	8,4	9,5	10,8
Запорожская	1030	533,8	47,8	15,8	16,0	12,5	14,7	11,2	7,8	5,7	9,9	9,2	14,0	18,8	19,0
Одесская	955	490,5	49,8	12,8	12,9	9,7	12,8	10,4	6,8	5,0	9,0	8,9	11,0	14,7	16,2
Николаевская	772	388,9	36,2	10,5	10,5	7,9	10,4	8,0	5,6	4,1	7,4	6,7	9,3	13,2	13,9
Сталинская	678	340,7	39,1	10,0	10,7	8,5	10,0	7,5	5,5	3,7	6,1	6,5	8,2	10,9	10,9
Винницкая	2074	1110,0	131,1	25,1	26,9	21,6	26,9	22,5	15,9	11,2	18,5	18,9	25,5	28,9	30,4
Черниговская	1500	777,7	106,9	18,4	19,3	15,8	18,1	15,2	11,6	8,7	9,8	14,7	17,5	19,7	21,2
Житомирская	1344	695,7	69,3	17,6	18,4	15,6	19,5	16,4	12,0	8,9	12,2	16,0	19,9	21,1	22,5
Молдавская ССР	475	252,7	28,2	5,9	6,1	4,5	6,5	5,7	4,0	3,3	6,2	6,3	6,2	7,1	8,1
Каменец-Подольская	1535	813,5	109,0	18,7	20,5	16,6	21,0	17,9	14,5	11,2	12,6	13,6	17,7	20,4	21,2
Курская	2857	1541,8	179,2	42,6	45,5	38,5	44,9	40,4	30,2	22,9	24,3	32,6	39,6	37,4	51,2
Московская	2650	1400,2	188,0	33,4	33,2	28,0	31,1	28,4	26,4	21,7	19,9	23,9	28,3	38,3	42,0
Воронежская	2887	1556,0	201,7	42,9	46,7	39,0	45,7	41,0	33,3	25,4	27,0	32,6	37,9	32,6	50,9
Гомельская	655	339,3	48,7	8,8	9,3	7,7	9,9	9,5	7,8	6,6	6,9	8,1	9,0	8,9	10,5
Витебская	937	483,5	77,2	12,9	13,0	10,0	13,5	13,1	11,2	8,6	7,8	10,1	11,2	13,1	13,5
Горьковская	2650	1423,4	204,7	35,2	38,2	32,9	36,2	34,6	34,9	31,2	34,6	33,3	33,9	38,7	46,3
Куйбышевская	1993	1066,0	143,1	30,3	32,8	28,4	29,7	27,8	21,4	17,6	17,3	23,5	28,8	29,0	39,9
Саратовская	1133	608,9	72,8	17,4	18,1	15,7	16,3	13,2	8,9	7,2	10,0	13,9	17,2	16,9	24,1
Ростовская	1628	865,1	108,4	24,1	25,0	20,4	23,4	16,5	12,2	8,9	14,5	20,6	22,1	25,4	28,4
Краснодарская	2389	1273,4	119,6	34,3	34,4	28,0	29,5	20,7	15,3	11,9	20,5	29,2	34,9	42,9	47,5
Ставропольская	1557	1423,3	84,6	23,2	23,5	19,1	21,2	16,5	12,5	9,5	14,5	20,6	21,7	26,0	29,5

Источник: Демоскоп.

Таблица 2. **Соотношение численности в переписи 1939 г. сельских женщин 1933 года рождения и других возрастов в 1932–1934 гг. по некоторым областям и краям Украины, Белоруссии и РСФСР**

Область	1	2	3	4	5	6	7	8
Полтавская	0,75	0,38	0,27	0,35	0,75	0,41	0,48	5,56
Кировоградская	0,73	0,43	0,26	0,36	0,78	0,44	0,49	5,39
Харьковская	0,74	0,41	0,24	0,34	0,80	0,41	0,46	5,28
Киевская	0,73	0,40	0,27	0,39	0,85	0,43	0,53	5,76
Днепропетровская	0,70	0,48	0,26	0,33	0,86	0,45	0,48	5,24
Сумы	0,89	0,45	0,32	0,41	0,96	0,45	0,50	6,25
Ворошиловградская	0,73	0,43	0,30	0,38	0,97	0,57	0,50	6,63
Запорожская	0,77	0,62	0,30	0,39	1,07	0,51	0,53	4,64
Одесская	0,88	0,56	0,31	0,39	1,02	0,55	0,58	5,22
Николаевская	0,81	0,61	0,29	0,39	1,05	0,53	0,58	4,69
Сталинская	0,86	0,57	0,34	0,37	1,09	0,56	0,52	5,76
Винницкая	0,94	0,59	0,37	0,42	1,01	0,59	0,60	6,32
Черниговская	1,02	0,59	0,41	0,48	1,12	0,55	0,56	7,13
Житомирская	0,89	0,56	0,40	0,46	1,28	0,56	0,62	5,16
Молдавская ССР	—	0,52	0,41	0,51	1,31	0,65	0,78	5,94
Каменец-Подольская	1,08	0,82	0,53	0,53	1,38	0,70	0,66	7,10
Курская	1,05	0,70	0,45	0,51	1,49	0,64	0,60	6,27
Московская	1,00	0,91	0,52	0,70	1,55	0,68	0,72	7,10
Воронежская	1,11	0,78	0,50	0,56	1,63	0,74	0,66	6,99
Гомельская	1,01	0,81	0,63	0,67	1,95	0,78	0,80	7,43
Витебская	1,02	0,85	0,64	0,64	1,78	0,77	0,74	8,24
Горьковская	0,97	0,94	0,67	0,86	2,19	0,88	0,94	7,72
Куйбышевская	0,96	0,75	0,44	0,59	1,65	0,62	0,62	7,18
Саратовская	0,84	0,52	0,30	0,44	1,18	0,48	0,52	6,43
Ростовская	0,83	0,43	0,31	0,38	1,03	0,49	0,51	6,66
Краснодарская	0,80	0,41	0,25	0,40	0,93	0,41	0,50	5,01
Ставропольская	0,80	0,46	0,32	0,45	1,16	0,50	0,56	5,43

Примечание. Данные приводятся по административному делению середины 1930-х годов для восьми больших областей. В Киевскую область входила тогда Черкасская область, в Харьковскую — Полтавская и часть Сумской области, в Днепропетровскую — Запорожская. Рассчитано по табл. 1 и [*Перепись 1959*]. **1** — коэффициент соотношения поколений сельских женщин в переписи 1959 г. **2** — соотношение в переписи 1939 г. численности поколений 1933 и 1935 годов рождения. **3** — соотношение численности поколений 1933 и 1938 годов рождения (эти дети были зачаты в условиях запрещения абортов). **4** — соотношение поколений 1933 и 1930 гг. (дети, рожденные в 1930 г., были зачаты до начала коллективизации). **5** — процент поколения 1933 г. от численности сельских женщин в 1939 г. **6** — соотношение средней численности поколений, родившихся в годы коллективизации (1932–1933) и в 1935–1938 гг. **7** — отношение средней численности поколений 1932–1934 годов рождения к средней численности поколений, родившихся перед коллективизацией (1927–1930). **8** — численность стариков 60–89 лет в 1939 г. в процентном отношении к общей численности населения.

Приложение 23
Сведения ЗАГСов по регионам РСФСР

Таблица 1. **Сведения ЗАГСов о рождаемости и смертности населения в 1933 г., тыс.**

Регион	С пропиской					Без прописки*		
	Население	Рождений	Мертворожденных	Смертей	До года**	Рождений	Смертей	До года**
Москва	3564	60	1,2	55	12,0	0,8	8,3	1,1
Ленинград	2662	46	1,2	42	9,0	0,8	2,7	0,2
Московская	8862	226	0,9	194	46,0	4,9	6,4	0,5
Ленинградская	4187	114	0,5	92	21,0	1,4	2,3	0,3
Западная	6674	169	0,1	114	24,0	0,5	1,0	0,06
Ивановская	4480	129	0,8	108	28,0	0,5	0,8	0,1
Зап. Сибирь	383	14	0,8	13	3,0	0,5	1,8	0,2
Горьковская	7093	311	1,5	243	3,5	1,2	22,9	0,2
Карелия	375	13	0,1	11	2,1	0,1	1,2	2,1
Башкирия	2584	96	0,1	63	15,0	1,2	1,7	0,1
Татария	2800	99	0,1	82	22,0	0,6	1,4	0,3
Воронежская	6171	180	0,2	205	42,0	0,1	2,1	0,1
Курская	4626	119	0	156	20,0	0,2	1,2	0
Свердловская	3847	122	0,7	151	41,0	2,3	18,2	1,3
Челябинская	2657	91	0,3	98	26,0*	1,7	11,3	1,3
Саратовская	1769	35	0	120	10,0	—	8,0	0,2
Северокавказский край	2040	39	—	118	10,0	0	0	0
Средняя Волга	5888	218	0,2	236	52,0	1,1	7,4	0,5
Сталинградская	1982	45	0,2	82	10,0	—	7,0	0,6
Дагестан	549	10	—	11	2,0	0,2	0,4	0
Коми	270	10	0,1	11	2,0	0,1	1,2	0
Крымская	675	17	0,3	18	3,0	0,3	4,1	0,5
Немцев Поволжья	483	14	0,1	50	5,0	—	—	—
Москва + Ленинград	6226	106,4	2,4	97	21,0	1,6	11,0	1,3

Продолджение табл. 1

Регион	С пропиской					Без прописки*		
	Население	Рождений	Мертворожденных	Смертей	До года**	Рождений	Смертей	До года**
Моск. обл. + Лен. обл.	13 049	340	1,4	286	67,0	6,3	8,7	0,8
Благополучные регионы***	28 576	945	4,0	726	118,6	6,0	33,1	3,36
Неблагополучные регионы****	25 657	900	2,1	1 256	223,0	6,0	60,9	3,5

* Сведения о людях, не живущих в данном месте постоянно.
** Дети, умершие на первом году и не включенные в сведения о смертности.
*** Регионы, где рождаемость больше смертности.
**** Регионы, где смертность больше рождаемости.
Примечание. Данные округлены.
Источники: РГЭА, ф. 1562, оп. 329, д. 17, л. 44–128; [*Жиромская*, 2014, с. 281–307].

Приложение 24
Балансы миграции

Исходными данными в нашем исследовании миграции являются сведения о национальном составе населения по переписям 1926, 1937, 1939 гг. Влияние точности учета этих данных на размер миграции оценивается отдельно для каждого из рассматриваемых регионов. Следует отметить, что в период 1920–30-х годов в СССР проходили интенсивные национально-демографические процессы: консолидация одних народов и ассимиляция других. Кроме того, в переписях 1926, 1937 и 1939 гг. вопрос о национальной принадлежности ставился по-разному, что заметно сказывалось на оценке численности некоторых народов (например, грузин и украинцев). Наконец, государственная политика коренизации в начале периода и русификации в его конце оказывала заметное влияние на изменение «национального самосознания» больших групп граждан.

Все это затрудняет использование данных о численности народов, но не делает невозможным. Суть проблемы в том, что тесные национальные взаимодействия, ведущие к изменению национальной принадлежности, происходили внутри нескольких больших групп наций, но границы между этими группами редко нарушались. Так, например, казахи, узбеки и азербайджанцы в 1930-е годы интенсивно ассимилировали небольшие мусульманские народы, проживавшие рядом с ними. В то же время русификации подвергались украинцы, белорусы, евреи, поляки, немцы и народы Поволжья. Однако национальный переход жителей Европейской России в азиатскую группу народов, так же как и обратное явление, был большой редкостью. Это видно из незначительного числа смешанных браков и приверженности к родным языкам. Дело в том, что европейско-азиатские культурные, религиозные, национальные различия сложились давно, а активные экономические и культурные контакты начались лишь в 1920-х годах в больших городах Средней Азии, Казахстана и Закавказья. Стабильность мусульманско-европейской культурной границы позволяет считать, что ассимиляция не оказывала в те годы заметного влияния на изменение численности европейского населения в азиатских районах страны. Это делает оценку размера миграции довольно точной. С другой стороны, точность снижается, когда рассматривается

движение населения между территориями, на которых проживают народы одной группы, например между Россией и Украиной

Здесь мы оцениваем направления перемещения населения СССР в 1926–1939 гг. В советской и западной литературе этой проблеме уделялось довольно много внимания, и выводы исследователей мало различаются. Вот что писали, например, советские демографы А. И. Гозулов и М. Г. Григорьянц: «Миграционный процесс населения в период между 1926 и 1939 годами оказался положительным для РСФСР в целом. Положительным он был для республик Закавказья и Средней Азии. На численность населения Украинской, Белорусской и Казахской республик миграция оказала отрицательное воздействие» [*Гозулов, Григорьянц*, с. 32].

В основе этих рассуждений лежит сопоставление численности населения регионов между переписями 1926 и 1939 гг., причем как бы предполагается, что естественное движение населения повсюду должно быть примерно одинаковым, резкие изменения объясняются механическим приростом или убылью. Похожим образом рассуждают и многие другие исследователи[1]. Например, Франк Лоример, предположив, что средний рост численности населения СССР — 15,94% — был постоянным по всей стране, получил следующую картину миграции для областей и республик: из Украины выбыло 2712 тыс. человек, из Белоруссии — 209 тыс., из Казахстана — 897 тыс., из центральных районов России — 2468 тыс., зато Урал, Сибирь и Дальний Восток получили 3257 тыс. В целом Россия приобрела 920 тыс. новых жителей, Закавказье — 1227 тыс., а Средняя Азия — 1671 тыс. [*Лоример*, с. 163].

Интересно, что в свое время руководители Госплана и ЦУНХУ (Вознесенский и Саутин), докладывая об итогах переписи 1939 г. Сталину, высказывали весьма похожие соображения: «В указанные районы [Урал, Сибирь, Дальний Восток] прибыло из других районов страны свыше 3000 тыс. человек. Население Узбекской, Таджикской, Туркменской и Киргизской республик за этот же период времени увеличилось на 2883 тыс., или на 37.9%. В эти республики прибыло из других районов около 1700 тыс. Перемещение населения между отдельными областями РСФСР взаимно компенсировалось и никак не отразилось на итоге по РСФСР.

---

[1] См.: Статистика миграции населения. М., 1973; [*Козлов*]; Lewis R. A., Roland R. H. Population Redistribution in the USSR. Its Impact on Society 1897–1977. N.Y, 1980; Lewis R. A., Roland R. H., Clem R. S. Nationality and Population Change in Russia and the USSR. An Evaluation of Census Data 1897–1970. N.Y., 1976.

В другом положении оказались Украинская, Казахская и Белорусская республики. За истекшие годы имел место значительный переход населения УССР и БССР в индустриальные центры РСФСР, в особенности в новые промышленные районы. [...] Переход населения в индустриальные центры РСФСР (в частности, в Урало-Кузбасс) имел место и в Казахской ССР. Наряду с этим следует иметь в виду, что при переписи 1926 года в Казахстане было переписано довольно значительное количество кочевого населения. Есть основания предполагать, что часть этого населения за период 1926–1939 годов перекочевала в соседние республики, в особенности в Узбекскую и Киргизскую. Это предположение подтверждается, в частности, и чрезвычайно высокими темпами роста населения соседних с Казахстаном республик» [*Перепись 1939*, 1990, ч. 4, с. 792–801].

Известные демографы Е. Андреев, Л. Дарский и Т. Харькова приходят к похожему результату: используя свой метод (модельный расчет), они оценивают прирост населения России за счет миграции в 1926–1938 гг. в 450 тыс. человек [*АДХ*, 1998, с. 88–89].

Несмотря на столь поразительное единодушие по данному вопросу российских руководителей, западных и советских демографов, следует заметить, что метод оценки и его результаты представляются недостоверными. Условия жизни в разных регионах страны сильно различались, и любые предположения об одинаковом естественном приросте приводят к огромным погрешностям.

Перепись 1926 г. неполна и содержит как систематические ошибки (мусульмане скрывали от учета вторых жен, детей), так и случайные пропуски, особенно при учете кочевников. По-видимому, погрешностей такого рода при переписи 1937 г. было меньше. При этом, однако, мы пользуемся предварительными материалами этой переписи. В этих сведениях суммарная численность населения СССР по национальностям на 2,85 млн человек меньше, чем общее число жителей, учтенных переписью. В эту цифру входят все военнослужащие (1,99 млн) и, возможно, часть заключенных. Неясно также, полностью ли включены данные об арестованных в материалы переписи по республикам и областям. Кроме того, мы не вносим поправки в материалы переписей на неполноту учета.

Следует отметить, что, говоря о балансе миграций, мы, как правило, имеем в виду не разницу между количеством приехавших и уехавших из региона за данный период, а разницу между новоприбывшими и убывшими в конце периода, то есть умершие после

переезда не попадают в расчет, а родившиеся за эти годы на новой территории у родителей, приехавших в рассматриваемый период, считаются мигрантами. Такой подход, вызванный характером используемых данных, несколько преуменьшает реальную оценку миграции, поскольку в первые годы после переезда смертность на новых местах раскулаченных и рабочих новостроек в необжитых восточных районах была очень велика, обычно заметно выше рождаемости у этих групп населения. Для оценки размеров миграции рассмотрим изменение численности коренного и приезжего населения в 1926–1937 гг. в восточных районах СССР.

Баланс миграции в Закавказье

С точки зрения движения населения 1926–1939 гг. в Закавказье были относительно спокойными. Конечно, грозные кампании преобразований: индустриализация, коллективизация и репрессии — не обошли его стороной, но проявились они в несколько смягченной форме. Главная причина заключалась в том, что республики Закавказья не были зерновыми и потому попали в разнарядке раскулачивания и строительства колхозов в самую последнюю категорию. Патриархальные традиции, родственные связи и привычка к по-восточному покорному внешнему подчинению при фактическом неприятии нового, сохранение прежних форм жизни под новой оболочкой также помогли придать грозным распоряжениям властей формальный, а порой даже фиктивный характер. Так, число высланных в 1930–1931 гг. кулаков составило всего 870 семей, что ничтожно мало по сравнению с соседними русскоговорящими регионами. С примерно равного по численности населения Северного Кавказа было выслано 38 тыс. семей[1].

В то же время социально-экономические усилия государства во многих отношениях благотворно сказывались на жизни населения. Осушение болот, помощь при родах, запрет многоженства и ранних браков, прекращение межнациональных столкновений — все это вело к увеличению рождаемости, снижению смертности и более высокому приросту коренного населения. Например, между переписями 1897 и 1926 гг. средний прирост грузин составил 1,5% в год, а за период 1926–1939 гг. он оказался почти в два раза выше [*Джаошвили*, с. 48]. У азербайджанцев и армян численность

[1] Данные из Архива Политбюро (Ивницкий Н. А. Раскулачивание : рукопись. 1993).

росла еще быстрее, но у них, кроме естественного прироста, важную роль играли в первом случае ассимиляция небольших тюркоязычных народов, а во втором — переезд армян в АССР и Грузию из других частей страны. Еще быстрее увеличивалось русское население и связанная с ним группа русскоязычных народов, выходцев из европейской части России (украинцы, белорусы, поляки, немцы, евреи, жители Поволжья). Рост их численности был связан с миграцией в города, развитием промышленности, формированием государственных и социально-общественных структур. Естественный прирост у русскоязычных переселенцев был сравнительно невысок, поскольку переезжали в первую очередь мужчины и они не сразу обзаводились семьями и детьми. Влияние традиций окружающего многодетного населения на первых порах мало сказывалось на новых переселенцах. Результаты этих процессов зафиксировала перепись 1937 г. (табл. 1).

Другой косвенной оценкой неполноты статистики является доля людей, включенных в статистику, но не имеющих прописки в данном регионе. В большинстве областей оно не превышает нескольких процентов, но в Челябинской и Свердловской областях смертность незарегистрированных больше 12%. Здесь также можно предположить неполноту учета этого параметра в разных регионах (табл. 1). Мы видим, что баланс миграции в Закавказье за 10 лет составил почти полмиллиона человек, главным образом это миграция русских и русскоязычных граждан в Азербайджан и Грузию и армян — в Армению и отчасти в Грузию.

Насколько ошибка в учете населения переписями по территориям и отдельным национальностям может повлиять на точность этой оценки? Недоучет численности населения переписью 1926 г., по мнению современных исследователей, составляет 1–2% [*АДХ*, 1993, с. 21]. Но в первую очередь он относится к коренным жителям азиатских территорий, а для русскоязычных эмигрантов в Закавказье ошибка заведомо меньше и не превышает нескольких тысяч человек. В то же время численность национальностей в переписи 1937 г. меньше общей численности населения на 2%, что для европейских народов в Закавказье дает около 23 тыс. Таким образом, погрешность в оценках численности населения переписями может привести к занижению миграции на 15–20 тыс. человек [*АДХ*, 1993, с. 29 (суммарная)].

Несомненно, в 1927–1938 гг. происходила сильная русификация украинцев и других переселенцев из Европейской России, но это не влияет на полученный выше результат, поскольку мы

Таблица 1. **Баланс миграции в Закавказье по переписям 1926 и 1937 гг., тыс. человек**

Народы	1926	1937	Рост за 10 лет	Прирост*	Миграция**
Русские	336	795	459	50	409
Украинцы	35	44	9	5	4
Греки	58	91	33	16	17
Армяне	1333	1776	443	368	75
Грузины	1798	2080	282	292	−10
Азербайджанцы	1639	2081	442	452	−10
Абхазы	57	55	−2	−2	
Осетины	114	144	30	30	
Курды	52	46	−6	−6	
Малые народы Кавказа***	231	278	47	47	
Прочие****	208	244	36	36	
Всего европейских народов	637	1174	537	107	430
Коренные народы	5224	6460	1236	1181	55
Итого	5861	7634	1773	1288	485

* Гипотетический естественный прирост. Прирост русскоязычного населения принят средним по стране. Уменьшение доли украинцев среди эмигрантов связано с тем, что миграция в этот период носила городской характер, а также с ассимиляцией украинцев окружающим русским населением. Естественный прирост греков в 25% принят более высоким, чем среднее значение их прироста в СССР. Численность армян в СССР вне Закавказья уменьшилась в 1926–1937 гг. на 22 тыс., что, очевидно, объясняется их миграцией в Армению и отчасти в Грузию. Вероятно, естественный прирост абхазов и курдов был примерно таким же, как и окружающего их коренного населения, и сокращение их численности связано с ассимиляцией этих народов грузинами и азербайджанцами.

** Размер эмиграции грузин и азербайджанцев из Закавказья оценивается в общеисторическом контексте. Перепись 1937 г. отмечает уменьшение численности грузин в Закавказье (без Грузии) с 23 тыс. до 16 тыс.; численность азербайджанцев выросла с 132 тыс. до 163 тыс. человек. Но это в первую очередь связано с изменением самосознания выходцев с Кавказа и с различием в постановке вопроса при переписях. Представляется, что в балансе миграции выезд грузин и азербайджанцев и других коренных жителей с Кавказа (без армян) в другие регионы страны на учебу и работу составил около 20 тыс. человек.

*** В группу «Малые народы Кавказа» входят народы Дагестана, персы, изиды, чеченцы, ингуши и другие небольшие кавказские народы, которые в рассматриваемый период интенсивно ассимилировались азербайджанцами.

**** В группу «Прочие» входят белорусы, немцы, европейские и горские евреи, поляки, народы Поволжья и Прибалтики. По переписи 1937 г. большинство граждан этих национальных групп попали в «прочие», поскольку в регионах учитывались только 10 самых больших национальностей. В 1926 г. 68 тыс. граждан, отнесенных к «прочим», были иностранцы, которые в 1937 г. уже были приняты в гражданство или уехали.

Источники: [*Перепись 1926*, т. 14 с. 6–17; *Перепись 1937*, 2007, с. 83–96; *Перепись 1939*, 1990, ч. 8, с. 1615–1616].

рассматриваем суммарную численность всех европейских народов. Русификация коренных жителей и перемена национальности европейскими переселенцами, как уже отмечалось, были незначительными. Ошибка также возможна из-за того, что прирост русского населения и других переселенцев из Европейской России принят средним для этих народов по СССР (12,5%). Эта цифра кажется скорее преувеличенной, чем преуменьшенной, поскольку мигранты не сразу обзаводились семьями и селились преимущественно в городах, где рождаемость была намного меньше. Прирост коренных жителей Кавказа был 20% (табл. 1). Если предположить, что численность европейских переселенцев увеличивалась с такой же скоростью, их естественный прирост должен был составить 170 тыс., на 63 тыс. больше, чем в нашем расчете. Эта цифра представляется максимальной (но маловероятной) оценкой преувеличения иммиграции.

Очевидно миграция в 1937–1939 гг. продолжалась в Закавказье примерно на таком же уровне, по 50 тыс. в год, поскольку развитие промышленности шло здесь высоким темпом. Подтверждением служит рост численности русских в этом регионе в 1937–1939 гг. еще на 93 тыс. Вместе с украинцами, армянами и другими малыми народами это дает численность приезжих за два года примерно 120 тыс. Однако, учитывая репрессии конца 1930-х годов и выезд в столицу и другие русские города некоторого количества коренных жителей Закавказья, примем баланс миграции за 1937–1939 гг. в размере 65 тыс. человек, а значит, за весь рассматриваемый период он составит 550 тыс. По данным В. Джаошвили [с. 122], на Грузию приходилось 240 тыс. В Армении появилось около 25 тыс. русских и 75 тыс. армян, а на долю Азербайджана остается 210 тыс. Фактически число русских в Азербайджане в связи с быстрым развитием нефтяной и другой промышленности в 1926–1939 гг. выросло с 220 тыс. до 529 тыс., в то время как в Грузии оно изменилось меньше — с 97 тыс. до 308 тыс. соответственно. Следовательно, наша оценка баланса иммиграции для Азербайджана, а значит, и для всего Закавказья преуменьшена на 60–70 тыс. человек.

Баланс миграции в Казахстане и Средней Азии

Советская политика по отношению к мусульманскому населению в Казахстанско-Среднеазиатском регионе в конце 1920-х — 1930-х годах проводилась по двум взаимосвязанным направлениям.

Первое — военное и политическое подчинение, уничтожение отрядов басмачей решительными действиями конницы Буденного, разрушение всех прежних структур власти и многих традиционных обычаев и экономических порядков силами партийного и государственного аппарата. Особенно обострилась эта борьба после решения об организации коллективных хозяйств и перевода кочевников (казахов, туркмен и малых степных народов) к оседлой жизни. Кочевое население попыталось уйти на другие места кочевки, спрятаться от новых непонятных порядков. В процессе этого бегства погибло почти все поголовье скота кочевников. В результате разразился страшный голод, унесший более миллиона казахов и около 100 тыс. кочевников других национальностей.

Второй составляющей советской политики на Востоке была модернизация общества, включавшая развитие производства, внедрение медицины и образования, запрет феодальных обычаев и порядков. Эти изменения также насаждались решительно, а порой и с помощью насилия, но они быстро положительно сказались на уровне жизни коренного населения и привели к росту его численности. Даже организация колхозов в зоне поливного земледелия не слишком сильно повлияла на жизнь декхан, привыкших к тому, что воду и землю контролируют сильные мира сего.

Одним из важных процессов, сопровождавших модернизацию, была консолидация больших национальностей, получивших статус республиканских (узбеки, казахи, киргизы, туркмены, таджики), включавших множество отдельных сельских общин и племен, что, конечно, также сказывалось на изменении их численности.

Главной движущей силой модернизации было приезжее русскоязычное население, составившее бóльшую часть населения городов. Именно из него рекрутировались основные кадры бюрократии, системы образования и медицины, строительные и промышленные рабочие. Миграционная подвижность коренных жителей была невелика, они неохотно переезжали не только в другие республики, но даже в ближайшие города. Так, в 1934 г. по данным текущей статистики, в города РСФСР прибыло 5,2 млн человек, Украины — 1,5 млн, а Узбекистана — 41 тыс., да и то это были большей частью русские и русскоязычные граждане (ГАРФ, ф. 1562, оп. 20, ед. хр. 38, с. 749). Даже в 1970 г. узбеки составляли только треть жителей Ташкента, а казахи — 12% населения Алма-Аты. Еще меньше была доля коренного населения в промышленных городах-новостройках, таких как Караганда, Семипалатинск и др. [*Перепись 1970*, т. 4, с. 218,–226]. Раскулачиваемые сельские

жители почти всегда оставались в границах региона. Так, в 1932 г. в Казахстане были расселены 7 тыс. семей казахских кулаков и тысяча с небольшим семей баев из Средней Азии (ГАРФ, ф. 3316, оп. 2, д. 125, л. 3). Правда, несколько тысяч среднеазиатских земледельцев были переселены на Северный Кавказ с целью перенесения туда культуры поливного земледелия, 5 тыс. узбекских семей предполагалось расселить в Башкирии (ГАРФ, ф. 9479, оп. 1, ед. хр. 4, с. 8), и сотни печальных, одетых в стеганые халаты мусульман появились на стройке Беломорско-Балтийского канала.

Поездки с целью получения образования, кадровые перестановки, репрессии середины 1930-х годов вели к перемещению населения из азиатских республик в Россию, но в целом миграционные потери коренных жителей Казахстана и Средней Азии не превысили в рассматриваемый период нескольких десятков тысяч человек. Исключение составляют казахи, бежавшие в 1930–1933 гг. в Китай, около 200 тыс., и в Россию — около 165 тыс., из которых примерно 60 тыс. стали «эмигрантами» в результате изменения границ между Россией и Казахстаном.

Иной была судьба русского населения региона. После Гражданской войны правительство санкционировало выселение сотен тысяч казаков, столыпинских переселенцев, которые совсем недавно выступали врагами советской власти и в то же время были ненавистны коренному населению как захватчики его земель. В середине 1920-х годов принудительные выселения прекратились, но и сельскохозяйственная колонизация также была приостановлена. При этом русскоговорящее крестьянство Казахстана и Киргизии было довольно зажиточным и почти поголовно зачислялось властями в кулаки. Последующие события: раскулачивание и депортации, организация колхозов, падение производства и ухудшение условий питания вплоть до голода — были типичными не только для русскоязычного населения Северного Казахстана, но и для всего русско-украинского крестьянства СССР.

Одновременно в Казахстане строились рудники и заводы, создавались лагеря, как промышленного, так и сельскохозяйственного назначения. Регион становится местом ссылки, куда отправлялись группы людей и целые народы и где они быстро начинали терять свою численность и исчезать. Так, согласно отчету ОГПУ, в начале 1932 г. в Казахстане было 186 тыс. ссыльных кулаков, в 1933 г. Ягода рапортует Сталину, что на пути туда находятся 138 тыс. ссыльных и предполагается расселить в Казахстане и Сибири еще 608 тыс. человек. Из-за возражений местных

руководителей, не справлявшихся с «освоением» такой массы переселенцев, план не был выполнен полностью. В архивных документах МВД 1948 г. отмечается переселение в Казахстан в 1936 г. 36 тыс. поляков как лиц «политически неблагонадежных». Переписью 1937 г. было учтено НКВД только 176 тыс. человек (112 тыс. мужчин, 64 тыс. женщин и 38 тыс. детей моложе 18 лет). Значительная доля женщин и детей показывает, что это были ссыльные, составлявшие целые семьи. Перепись 1939 г. дает практически такую же цифру (189 тыс.), хотя аресты и депортации в Казахстан продолжались в этот период весьма интенсивно. Возникла своего рода демографическая черная дыра, втягивавшая и поглощавшая массы населения. О движении населения в регионе в рассматриваемый период известно по переписям 1926 и 1937 гг. (табл. 2).

Таблица 2. **Баланс миграции по переписям 1926 и 1937 гг. в Казахстане и Средней Азии**

Народы	1926	1937	Рост за 10 лет	Прирост	Потери	Миграция
Русские Средней Азии	541	1 406	865	80	—	785
Русские Казахстана*	2 166	2 498	332	217	−120	235
Казахи**	3 832	2 567	−1 265	350	−1 450	−165
Узбеки**	3 904	4 548	644	654	—	−10
Туркмены**	754	746	−8	80	−85	−3
Киргизы**	762	846	84	86	—	−2
Таджики	979	1 138	159	164	—	−5
Каракалпакская СССР	147	179	32	32	—	—
Уйгуры**	111	122	11	11	—	—
Армяне*	30	33	3	3	—	—
Немцы*	61	91	30	6	—	24
Евреи*	44	52	8	8	—	—
Татары*	119	161	42	—	22	22
Прочие народы*	293	567	274	60	—	214
Европейские народы*	3 210	4 756	1 546	386	−120	1 280
Коренные народы**	10 533	10 198	−335	1 385	−1 535	−185
Итого	13 743	14 954	1 211	1 771	−1 655	1 095

* Народы, преимущественно проживающие в европейской части страны.
** Коренные жители региона.
Источники: [*Перепись 1926*, т. 14, с. 6–17; т. 15, с. 2–9; *Перепись 1937*, 2007, с. 83–96; *Перепись 1939*, ч. 8, с. 1615–1616].

По росту городского населения Казахстан в 1926–1937 гг. (758 тыс.) обгонял Среднюю Азию. Прирост мог происходить за счет приезжих из России и других республик, поскольку казахское население неохотно селилось в городах. Русскоязычные сельские жители Казахстана также не могли дать значительного процента новоселов в города, как в силу традиционной привязанности к земле, так и по причине отсутствия необходимой квалификации и образования — города нуждались во врачах, учителях, канцелярских работниках, инженерах и мастерах, квалифицированных рабочих и т. п. Однако данные о национальном составе населения Казахстана в 1937 г. свидетельствуют лишь о незначительном росте численности русскоязычного населения (примерно 280 тыс.). Вероятно, потери «съели» заметную часть эмиграции, и баланс миграции Казахстана преуменьшен. Большие потери русского и украинского крестьянства, его выезд в другие регионы страны едва компенсировались прибытием в города новых переселенцев из европейской части страны. Общий баланс миграции населения Казахстана и Средней Азии в 1926– 1937 гг. составил 1095 тыс. человек (225 тыс. — Казахстан, 870 тыс. — Средняя Азия). Он складывается из прибытия 1280 тыс. русских и других народов европейской части страны и убытия 185 тыс. казахов и других коренных жителей региона (не считая казахов, бежавших за пределы СССР).

На точности этой оценки никак не сказываются ассимиляционные процессы внутри групп европейских и коренных жителей региона. Также не влияет на нее погрешность учета коренного населения переписями. Преувеличение размера миграции может возникнуть лишь за счет недоучета численности европейского населения в регионе переписью 1926 г. Она составляет около 30 тыс. при предположении об ошибке в 1% (средней по стране). В действительности погрешность должна быть меньше, поскольку заметную часть недоучета составляли пропуски при подсчете кочевников и других мусульманских народов. Завышение размеров миграции в результате недооценки уровня рождаемости европейских жителей региона представляется маловероятным. Он принят на среднем уровне для этих народов по всему СССР. Но, по-видимому, он был несколько ниже, поскольку русскоязычные жители Средней Азии были преимущественно горожанами, то есть имели более низкий уровень рождаемости, а русско-украинское сельское население Казахстана находилось в этот период в более тяжелых условиях, чем сельские жители большинства русских областей, а значит, имело и более низкий уровень естественного прироста.

Оценка потерь европейского населения Казахстана в размере 120 тыс. может быть несколько преувеличена, но вряд ли потери были меньше 60–70 тыс. человек. Возможно, мы недооценили выезд из региона коренных жителей в размере 20–30 тыс. (10%). Таким образом, преувеличение размеров миграции может достигать 100 тыс., но это представляется не слишком вероятным. Более вероятна недооценка размеров въезда в регион. Как уже отмечалось, материалы переписи 1937 г. по численности национальностей, использованные в расчете, неполны, они не включают армию и значительную часть заключенных.

Ошибка может составлять несколько сотен тысяч человек. Это видно и на материалах переписи 1939 г. К сожалению, она не дает надежных сведений о численности отдельных национальностей в Казахстане, поскольку при обработке первичных данных в них были включены огромные контингенты переписанных централизованным порядком военных и заключенных. Большие лагеря находились на территории Казахстана, а часть переписных листов была переброшена из других районов страны.

Попытаемся воспользоваться первичными данными переписи 1939 г. о численности городского и сельского населения, известными без этих поправок. В 1937–1939 гг. в Казахстане численность населения увеличилась на 288 тыс., в том числе горожан — на 251 тыс. Кроме того, переписью 1939 г. по линии НКВД в Казахстане было учтено 187 тыс. человек [*Перепись 1939*, ч. 3, с. 665–666; ч. 4, с. 683; ч. 9, с. 1687–1706]. Естественный прирост населения Казахстана никак не мог превысить 200 тыс. за два года, а следовательно, в Казахстан в эти годы прибыло более 275 тыс. человек.

В Узбекистане также отмечается рост численности населения в 330 тыс., причем в основном в сельской местности. Очевидно, этот прирост объясняется переселением в Среднюю Азию в 1937 г. с Дальнего Востока 185 тыс. корейцев. Прирост населения Таджикистана и Киргизии также отчасти объясняется миграцией.

Общий баланс миграции 1937–1938 гг. в регионе составляет как минимум 460 тыс. человек (275 тыс. прибывшие в Казахстан, 185 тыс. корейцы, депортированные в Узбекистан). Всего с 1926 по 1939 г. баланс миграции составил 1565 тыс. (Казахстан — 500 тыс. и Средняя Азия — 1065 тыс.). Это достаточно осторожная оценка, поскольку, как уже отмечалось, она не включает часть заключенных и ссыльных, учтенных НКВД в республиках Средней Азии, военных расположенных в регионе частей и поправок на неполноту учета переписей 1937 и 1939 гг. Представляется также, что

наши предположения о размерах естественного прироста русскоязычного населения региона скорее несколько преувеличены, чем преуменьшены.

В последующие предвоенные и военные годы регион служил местом ссылки. Сюда, в частности, были высланы сотни тысяч жителей из вновь присоединенных земель, немцы, народы Северного Кавказа, крымские татары. Однако этот период, относящийся к стране в новых границах, следует, по нашему мнению, рассматривать особо.

Баланс миграции населения Украины

В дореволюционный период Украина испытывала аграрное перенаселение и давала около 22% всей сельскохозяйственной миграции на Северный Кавказ, в Сибирь, Казахстан и на Дальний Восток, а также небольшую долю переселенцев в промышленные районы Центральной и Северной России [*Яхонтов*].

Однако после Гражданской войны положение существенно изменилось. Во-первых, произошло некоторое ослабление аграрного перенаселения за счет перераспределения земли; во-вторых, власти в регионах традиционной колонизации перестали поощрять сельскохозяйственную миграцию, а из Казахстана и Киргизии наметился обратный поток переселенцев, подталкиваемый угрозой национальных движений [*Гиршфельд*, с. 69]. В этот период интенсивно развивается украинская промышленность, особенно Донбасс, привлекавший приезжих из других районов страны. По данным демографа А. Хоменко, жители других республик составляли примерно две трети прибывавших на работу в Донбасс [*Хоменко*, 1928, с. 104]. В 1929 г., по данным ЦСУ УССР, в сельские местности других республик переселилось 41,2 тыс. жителей Украины, а в города других республик — 18,5 тыс. В города Украины из других районов страны прибыло 60,4 тыс. человек [*Природний рух*, 1932, с. 4–6]. Таким образом, механический прирост населения практически отсутствовал. На это, в частности, указал Ю. А. Корчак-Чепурковский [1975, с. 80]: «Можно считать, что аграрное переселение из УССР в другие районы Союза компенсировалось в 1929–1930 гг. миграцией населения в УССР, в Донбасс и прочие промышленные центры». Однако следует заметить, что в общем балансе миграции тех лет въезд несколько превышал выезд. В приведенных выше данных отсутствует приезд в сельские местности Украины. Эта цифра не так уж мала, поскольку

включает возвратную миграцию с востока неприжившихся колонистов. По данным Кулишера [с. 83], в 1928–1929 гг. этот возврат по СССР составил 61 тыс. человек. Зная, что около 22% переселенцев в предшествующие годы были выходцами с Украины, можно считать, что и возврат был примерно таким же, то есть составлял 10–12 тыс. человек в год.

Коллективизация решительно изменила ситуацию. Власти принудительно переселили на Урал и в Сибирь несколько миллионов крестьян, в том числе 65 тыс. семей (около 300 тыс. человек) выбыло с Украины [*Исупов*, 2011; *Максудов*, 1989а, с. 283–286]. Взволнованное крестьянское море металось по стране. За год полностью обновлялся состав рабочих на заводах и стройках, в города приезжало столько же новоселов, сколько там находилось жителей, и немногим меньше уезжало. Беженцы с Украины составляли заметную часть этого потока обездоленных.

В первую очередь они отправлялись в близлежащие районные центры, затем на шахты Донбасса и, наконец, в промышленные города России и на далекие стройки. Голод, разразившийся на Украине в 1931–1933 гг., с одной стороны, увеличивал желание выехать из республики, с другой — затруднял бегство. В городах была распространена карточная система, вводились паспорта и прописка, на предприятиях укреплялась дисциплина и затруднялся прием новых рабочих, выезд же жителей из деревень был поставлен под контроль местных властей. Как при крепостном праве, без справки из сельсовета крестьянин не имел права поехать даже в соседний город. Общие потери украинского населения от голода и ухудшения условий жизни составили около 4 млн человек. Эта убыль существенно затрудняет оценку миграции.

Другой помехой является «исчезновение» миллионов украинцев, проживавших за пределами республики. Этот факт вызван как реальной ассимиляцией, так и изменением постановки вопроса о национальной принадлежности в переписях 1937 и 1939 гг. по сравнению с переписью 1926 г.

Вероятно, важную роль играли паспортизация населения и активная борьба центральных властей с украинским национализмом. Быть русским в русских областях стало в некотором отношении более удобным и безопасным. Однако, несмотря на эти трудности, построение баланса миграции населения Украины представляется возможным. В табл. 3 показано заметное увеличение численности русских на Украине, которое было бы невозможно только в результате естественного прироста. Маловероятна и заметная

Таблица 3. **Численность украинцев в регионах РСФСР в 1926, 1937 и 1959 гг. и оценка их возможной миграции на эти территории в 1926–1937 гг., тыс. человек**

Регион	1926	1937	1959	Оценка миграции:	
				средняя	максимальная
Сев. Кавказ	3106	233	362	30	60
Центрально-Черноземная область	1652	713	286	10	70
Поволжье	643	307	381	10	60
Крым	77	128	124	90	128
Зап. Сибирь	786	486	415	100	486
Вост. Сибирь	42	138	237	100	138
Дальн. Восток	315	328	447	90	328
Урал	227	351	558	210	351
Ленинград и Карелия	11	48	104	40	48
Центр	77	233	316	190	233
Всего	6937	2965	3230	870	1902

Источники: [*Максудов*, 1999; *Українська людність*, с. 139–142; *Перепись 1937*, 1991, с. 83–96; *Перепись 1959*, с. 202–208 (СССР), 312–337 (РСФСР)].

Таблица 4. **Изменение численности народов на Украине, тыс. человек**

Народы	1926	1937	Разница	Естественный прирост	Миграция
Русские	2 677	3 221	544	154	390
Украинцы	23 219	22 213	−1 006	—	—
Евреи	1 577	1 470	−107	123	−230
Поляки	476	418	−58	—	—
Немцы	395	402	7	—	—
Молдаване	260	222	−38	—	—
Греки	108	102	6	—	—
Болгары	93	75	−18	—	—
Белорусы	76	106	30	10	20
Прочие	137	169	32	22	10
Всего	29 018	28 398	−620	—	—

Примечание. Низкий естественный прирост связан с высокими потерями от голода. В расчете не учтены численность военнослужащих и заключенных, что преуменьшает сведения о русских в 1937 г. на 200–300 тыс. человек. Соответственно, занижена оценка миграции на Украину.

Источники: [*Перепись 1926*, т. XI, с. 8–10; *Перепись 1937*, 1990, с. 94].

русификация украинцев в границах республики. Сельское украинское население было достаточно консервативным — смешанные браки составляли в 1926 г. всего 2%, а родным языком не назвали украинский всего 3% крестьян, в 1959 г. эта цифра была еще меньше. Русификация в городах Украины в эти годы также не была массовым явлением. Дело в том, что политика украинских властей была направлена на «украинизацию»: распространение украинского языка и украинской культуры, расширение всех видов образования по-украински, привлечение украинцев в партийный и правительственный аппарат и т. д. В этих условиях украинцем на Украине было быть выгодно, что приводило к некоторой украинизации как небольших по численности народов (поляки, белорусы, молдаване), так и в некоторой степени русских и евреев. Правда, политике украинизации был нанесен заметный удар репрессиями 1934 и последующих годов, борьбой против так называемого украинского национализма, но эти изменения не могли сразу остановить общественно-политические процессы, продолжавшиеся более 10 лет.

По данным украинской статистики, русские составляли заметную часть прироста городского населения. В 1931–1934 гг. прибывшими из других республик были 25–30% всех приезжавших в города Украины[1]. В городах с населением свыше 100 тыс. человек и в индустриальных центрах Украины в 1933 г. выходцы из РСФСР составили 26% всех прибывших в города УССР. В 1927–1937 гг. городское население Украины выросло на 4 млн человек [*Перепись 1937*, 2007, с. 50–51]. 25% от этой цифры равно 1 млн. В действительности баланс миграции русского населения был намного более скромным — 390 тыс. человек (табл. 3). Дело в том, что русские, как и другие жители Украины, понесли большие потери, часть из них выехала в Россию на восток и в промышленные центры, а небольшая часть, возможно, украинизировалась.

Из табл. 3 также следует высокая цифра выезда с Украины евреев. Этот процесс, начавшийся с упразднения черты оседлости, был, несомненно, интенсифицирован голодом 1931–1933 гг. Сокращение численности небольших национальностей связано с потерями от голода, ассимиляцией, а порой и депортацией, как у поляков.

Для оценки миграции собственно украинского населения рассмотрим изменение численности украинцев на территории РСФСР (табл. 4). Мы видим, что в основных районах

[1] 450 тыс. человек, согласно сводным таблицам анализа годовых отчетов республик УНХУ по механическому движению населения (РГАЭ, ф. 1562, оп. 20, с. 23н).

традиционной массовой сельскохозяйственной миграции в конце XIX века (Северный Кавказ, Центрально-Черноземная область, Поволжье) число украинцев катастрофически уменьшилось. Независимо от причин этого явления следует отметить, что в конце 1920–30-х годов эти территории не могли служить очагами интенсивной иммиграции. Они отдавали, а не принимали жителей и между переписями 1926–1937 гг. не увеличили, а уменьшили численность сельского населения. На этих землях бушевали раскулачивание, депортация кулаков, хлебозаготовки, голод, они выталкивали в неизвестность местных уроженцев, и новые поселенцы были здесь совершенно не нужны. Исключение составляют несколько станиц Северного Кавказа, куда вместо депортированных казаков были ввезены в 1933 г. несколько тысяч новых поселенцев из русских и украинских областей. Также есть сведения о заселении нескольких районов Украины, пострадавших от голода 1931–1933 гг., переселенцами с севера и демобилизованными красноармейцами. Конечно, несколько тысяч или десятков тысяч украинцев могли обосноваться в этих регионах у родственников или даже найти там работу. Но несомненно, что еще большее число украинцев, проживавших прежде в этих местах, бежали оттуда куда глаза глядят.

Много украинцев появилось в эти годы в районах промышленного развития (Урал, Восточная Сибирь, Центр, Ленинград), то есть в регионах, прежде не слишком привлекавших сельских переселенцев с Украины. Можно предположить, что прежнее украинское население этих районов за 10 лет ассимилировалось наполовину и весь прирост украинцев на этих территориях вызван миграцией. В то же время новые переселенцы не успели ассимилироваться, поскольку, как отмечалось выше, сельские жители Украины были достаточно консервативны и не подвержены интенсивной русификации. Данные о численности украинцев в 1959 г. показывают, что массовая ассимиляция украинцев, зафиксированная переписью 1937 г., была единовременным явлением и на большинстве территорий не имела продолжения в 1940-х и 1950-х годах.

Западная Сибирь была старым районом украинской сельскохозяйственной миграции. Сельские жители здесь, как и в других регионах страны, страдали от коллективизации, бежали в города; вероятно, здесь происходила русификация «коренного» украинского населения, следовательно численность украинцев должна была сокращаться. С другой стороны, здесь же росли промышленные

города Кузбасса, привлекавшие новых переселенцев из России и Украины. Примерная оценка баланса миграции региона составляет 350 тыс., что при 20%-й доле украинцев дает 70 тыс. человек. Мы также предполагаем, что около 30 тыс. украинцев поселились в сельской местности Западной Сибири.

В похожей ситуации находился и Дальний Восток. Данные 1937 г. не показывают роста числа украинцев, в то время как очевидно, что они попадали на стройки этого региона, так же как и в Иркутскую, Читинскую и другие соседние области. По-видимому, ассимиляция и раскулачивание живших в селах Дальнего Востока украинцев перекрыли появление новых выходцев с Украины. Оценить их численность можно по общей миграции в регион, составившей около 450 тыс. Долю украинцев в этом приросте также можно принять в 20%, что дает около 90 тыс. человек [*Перепись 1937*, 2007, с. 48–59, 85–96; *Українська людність*, с. 139–142]. Прирост украинцев на Урале составлял около 20% от оценки эмиграции, а в Восточной Сибири — 16%. Исходя из этого, считаем, что в Западной Сибири, на Дальнем Востоке доля украинцев среди эмигрантов была около 20%. Численность населения Дальнего Востока выросла с 1563 тыс. в 1926 г. до 2273 тыс. в 1937 г., при 15% естественного прироста (260 тыс.) прибытие в регион составляет 450 тыс. человек.

Однако не следует считать всех переселенцев-украинцев выходцами с Украины. Некоторые из 7 млн украинцев, живших в зерновых областях Поволжья, черноземного Центра, Северного Кавказа, Казахстана и других очагах коллективизации, несомненно, так же раскулачивались и вывозились на Урал и в Сибирь, так же бежали на далекие стройки и в промышленные районы. Им в некотором отношении было легче устроиться на работу в России, поскольку они лучше владели русским языком. От общего числа всех украинцев они составляли 25%, но, учитывая их высокую ассимиляцию, предположим, что их было только 10% от всех украинских переселенцев в 1937 г. Таким образом, численность выходцев с Украины среди мигрантов-украинцев составляет 780 тыс. Окончательный же баланс въезда и выезда из Украины, включая убытие 230 тыс. евреев и прибытие 420 тыс. русских, белорусов и других малых национальных групп, равен 590 тыс. человек.

К этой же оценке можно прийти и другим путем. Долю украинцев в промышленном строительстве принимаем за 10% (такую и меньшую оценку дают Казахстан, Средняя Азия, Восточная Сибирь). От 3 млн мигрантов это составляет 300 тыс. украинцев,

приехавших с Украины. К этой цифре следует добавить 200 тыс. перемещенных кулаков (цифра уменьшена с учетом возвратной миграции и потерь) и 100 тыс. сельских переселенцев в Крым и на восток.

В табл. 3 приводится также максимальная оценка появления украинцев в РСФСР. Для Крыма, промышленных районов Урала, Сибири, Дальнего Востока предполагается, что почти все украинцы, жившие там в 1937 г., были приезжими. Это, конечно, заметное преувеличение, так как при таком предположении оказывается, что украинцы составляли в ряде регионов большинство приезжих, что не подтверждается ни имеющимися статистическими данными, ни воспоминаниями. Для районов традиционной сельскохозяйственной колонизации, которые в рассматриваемый период теряли, а не получали население, взяты достаточно высокие оценки новоприбывших (10–20% от численности украинцев на этих территориях в 1937 г.). В таком случае максимальная оценка баланса миграции между Украиной и Россией будет −1510 тыс., на 920 тыс. больше, чем принятая в расчет. Эта оценка складываться из убыли 1700 млн украинцев Украины (90%) из общего числа украинцев в РСФСР, 230 тыс. выехавших евреев и прибытия 420 тыс. русских и белорусов. За два года между переписями 1937, 1939 гг. произошло увеличение украинского населения на 1087 тыс. В действительности — еще больше, поскольку данные за 1939 г. не включают людей, переписанных особым порядком (194 тыс. человек).

Такой рост численности нельзя объяснить только естественным приростом. Вероятно, заметную роль играла в этот период возвратная миграция как сельских жителей, бежавших от голода, так и рабочих, трудившихся на далеких стройках и решивших вернуться на родину, когда экономическая ситуация стала более благополучной. Оценить размер этого обратного потока трудно, но можно определенно утверждать, что баланс миграции в эти два года был на Украине положительным.

Баланс миграции по регионам

Общий баланс миграции населения внутри СССР выглядит следующим образом. В Россию прибыло на 590 тыс. больше жителей Украины, чем выехало в обратном направлении. Это были преимущественно украинцы, евреи и русские. С Белоруссией баланс миграции составил 273 тыс. Россия при этом потеряла 531 тыс.

выехавших на Кавказ и 1490 тыс. поселившихся в Средней Азии и Казахстане. Баланс Украины с Кавказом и азиатскими республиками также был отрицательный и составил 217 тыс. Белоруссия потеряла соответственно 57 тыс. Таким образом, эмиграционная убыль России составила 1158 тыс., Украины — 807 тыс., Белоруссии — 330 тыс. Казахстан и Средняя Азия увеличили численность на 1705 тыс., а Закавказье — на 590 тыс. человек[1].

Численность населения в целом по республикам и по отдельным народам, известная по переписям 1926 и 1937 г. (табл. 5), позволяет нам представить размеры переселения. Из таблиц видно, что прирост русских, украинцев, татар и других европейских народов мог возникнуть только в результате миграции. В свою очередь, отъезд из региона коренных народов Средней Азии вряд ли был выше сделанной оценки, поскольку переписи 1937 и 1939 гг. не показывают заметного изменения их численности за границами региона. Поэтому достаточно очевидно, что в Среднюю Азию прибыло большое количество эмигрантов.

В 1937–1938 гг. в азиатские республики мигрировало еще как минимум 525 тыс. человек. Практически все они прибыли из России, поскольку эмиграция из Белоруссии была в эти годы невелика, а выезд из Украины сменился въездом. Это значит, что всего в период 1926–1938 гг. Россия потеряла 1158 тыс. человек. (При максимальной оценке въезда украинцев в РСФСР убыль российского населения составит 238 тыс.) В Казахстан в эти годы прибыло 550 тыс., в Среднюю Азию — 1155 тыс., а в Закавказье — 590 тыс. человек (табл. 5).

В таблице приводится не прибытие в регион и выбытие из него, а баланс миграции между регионами, поэтому по вертикали и горизонтали мы имеем те же результаты, но с разными знаками. Методика расчета и характер исходных данных (сведения о численности населения по национальному составу в 1937 г. заметно преуменьшены) позволяют считать сделанную оценку убыли из европейской части страны несколько заниженной. Кроме того, в нее не входят потери населения от тяжелых условий существования на местах прибытия. Для таких регионов, как Казахстан и Сибирь, недоучет по этой причине может составлять сотни тысяч человек

---

[1] Пояснения к методике расчета см.: [*Максудов*, 1996]. В отличие от обычных таблиц такого рода здесь даны не сведения о прибытии и убытии в регион, а балансы миграции.

Таблица 5. **Баланс балансов миграции по регионам СССР в 1926–1938 гг.**

Coumn1	Россия	Украина	Белорус-сия	Закав-казье	Казах-стан и Ср. Азия	ВСЕГО
Россия	—	590	273	−531	−1490	−1158
Украина	−590	—	—	−44	−173	−807
Белоруссия	−273	−273	—	−15	−42	−330
Закавказье	531	44	15	—	—	590
Казахстан и Ср. Азия	1490	173	42	—	—	1705

Источник: табл. 1–4.

Приложение 25
К истории этой книги

С детства я собирался стать историком. Историком был мой отец[1], погибший в боях на Северном Кавказе в сентябре 1942 г. За несколько недель до гибели он писал моей матери: «Береги сына. Возись сама с ним при всех обстоятельствах. Мне даже больно только подумать, что он может иметь отвратительные манеры, быть грязным, голодным. Этот карапуз не ведает, как любит его далеко находящийся от него угловатый во всем мужчина. Мне хочется, чтобы он обо мне помнил. Рассказывай ему обо мне, когда он будет подрастать, привлекай его внимание к вопросам истории, заинтересуется, увлечется, с юношеских лет займется этим делом и будет толк. Право, история — прекрасное поприще приложения сил. Детям пишу особо».

От другого историка, китаеведа, погибшего на Дальнем Востоке, мне досталось в наследство три тома машинописной истории Китая, два тома ротапринтной монографии «Новый порядок в Маньчжоу-го», книжечка для детей «Тайпины» и русско-китайский разговорник для солдат, выпуск первый. К семейному наследству добавилась замечательная книжка М. Ильина и Е. Сегал «Как человек стал великаном», рассказывающая о развитии науки и философии Древнего мира.

Я верил в прогресс и построение коммунизма. Моей первой научной работой стал расчет даты наступления этого счастливого будущего. Я взял первоапрельские газеты за два года, в которых печатались таблицы снижения цен на продукты и товары широкого потребления, вычислил коэффициенты снижения по выбранной группе товаров (к сожалению, не помню, что туда было включено, кроме черного и белого хлеба) и рассчитал, когда стоимость каждого товара приблизится к нулю (точнее, к нескольким копейкам). Эти сотни умножений, я, конечно, проделал вручную, калькуляторы еще не были изобретены. Окончательные ответы оказались в интервале от 8 до 15 лет. Коммунизм реально был не за горами. Но вскоре смерть Сталина разрушила мои (и не только мои) ожидания, снижение цен прекратилось. Тогда же произошло и первое мое политическое разочарование: врачей-убийц выпустили на

---

[1] В Ленинской библиотеке сохранились две его книжечки — о донских казаках и сталинской конституции.

свободу. Если они не виноваты, то, как же был возможен арест десятков ни в чем не повинных людей?![1] Окончательно я стал антисоветчиком, когда Берия оказался преступником и иностранным шпионом. Его многолетнее пребывание у власти бросало тень подозрения на всю систему государственного управления. А вскоре, с возвращением из лагерей реабилитированных родственников и знакомых, преступность режима стала очевидна для очень многих. Оканчивая школу, я был убежден, что советский историк честно работать не может, поэтому в качестве будущей профессии выбрал геологию и поступил в МГРИ. Жизнь жестоко посмеялась над моим рациональным и политически ангажированным решением[2].

Как у многих советских инженеров, работа не требовала от меня напряжения всех сил и эффективного использования всего моего времени. Где-то в 1962 г. я решил написать книгу о реальных результатах деятельности советской власти за 50 лет. При этом, будучи противником манипуляций с процентами, широко распространенных в то время[3], я в первую очередь составил табличку

---

[1] Мое недовольство подогревалось еще и тем, что в споре о вине врачей права оказалась моя бабушка. Она, исходя из того, что врачами-убийцами были названы известные евреи, была убеждена в их невиновности, я же аргументировал справедливостью советских законов и заинтересованностью высших руководителей и всех граждан страны в их правильном применении.

[2] По распределению я попал в институт «Гидропроект», который по мере завершения строительства гигантских электростанций (Великих строек коммунизма) и в отсутствие новых крупных проектов постепенно оказался в некотором отношении не у дел. В частности, мне было поручено заниматься разведкой подземных вод в долине реки Нура в районе Целинограда (Акмолá). Полевые работы выполняла экспедиция из Караганды, а я обрабатывал результаты и защищал их в Государственной комиссии по запасам полезных ископаемых в Москве. Защита запасов была весьма серьезным мероприятием, и госкомиссия их нам поначалу не утвердила. Пришлось знакомиться с новыми методами расчета динамических эксплуатационных запасов подземных вод, которые появились уже после окончания мной института. Пробурили еще несколько дополнительных скважин, и со второй попытки запасы были утверждены. Это был успех. Мне полагалась огромная по тем временам премия в 30 тыс. руб., которую мне, к сожалению, не выплатили, поскольку в фонде зарплат «Гидропроекта» она не была предусмотрена. Это было неприятно, но более серьезный удар я получил через 30 лет, когда власти Казахстана перенесли столицу республики из Алма-Аты в Целиноград, ставший в это время Астаной. Думаю, что эта политическая акция (разбавить ненадежное русскоговорящее население Северного Казахстана казахами) стала возможна благодаря наличию в районе разведанных запасов подземных вод. Увы, «нам не дано предугадать» не только про слово, но и про последствия нашего дела.

[3] Напомню, что и на XIX, и на XX съезде партии все «потрясающие» достижения иллюстрировались процентами роста от начала пятилетки или от еще более далекого 1913 г.

сравнения темпов роста численности производимых автомобилей в СССР и США. Советский Союз, как это ни удивительно, в течение 50 с лишним лет обгонял Америку по темпам роста производства легковых машин[1]. Но вскоре я понял, что начинать надо с численности населения, и это стало моим занятием на всю последующую жизнь. Как раз в это время были опубликованы результаты переписи 1959 г. с фрагментами сведений из переписи 1939 г. Данные переписи 1926 г. я долгими часами переписывал в читальном зале Ленинской библиотеки. Используя эти и другие материалы, публиковавшиеся в СССР, я написал за 10 лет книгу о потерях населения Советского Союза в XX веке.

В московской либеральной, околодиссидентской среде признания мои результаты не получили. По сравнению со многими десятками миллионов Солженицына и Конквеста мои цифры (около одного миллиона — репрессии 1936–1938 гг. и 6 млн без детей до 12 лет — жертвы коллективизации) казались ничтожными. Основной аргумент моих оппонентов был такой: перепись 1939 г., на которую я опирался, фальсифицирована. Я пытался объяснить Александру Исаевичу, что используемые им цифры числа репрессированных и погибших находятся за пределами здравого смысла. Писатель ответил, что, пока советская власть прячет от нас подлинные данные, мы имеем право на любые оценки. Когда Андрей Дмитриевич Сахаров стал повторять расчет Роя Медведева числа репрессированных по сведениям о вычищенных из партии, я передал ему рукопись моей книги с оценками потерь. Я получил ее обратно с комплиментарным и достаточно серьезным отзывом, принадлежавшим, по-видимому, одному из сахаровских знакомых. Но впоследствии, уже в годы перестройки, Андрей Дмитриевич сильно огорчил меня: выступая вместе со Старовойтовой в Челябинске, он показал рукой на шахту и сказал: «Здесь похоронено два миллиона расстрелянных».

Забавно, что и у КГБ моя работа не вызвала никакого интереса. Ее взяли на обыске у моего хорошего знакомого, обвинявшегося вместе с другими ленинградскими молодыми людьми в создании

---

[1] В 1910 г. в США — 187 тыс. машин, в СССР — 5; в 1920 г. США — 2227 тыс., СССР — 500 (рост в США в 11 раз, в СССР в 100 раз); в 1930 г. — 3362 тыс. и 4 тыс. (рост соответственно на 51% и в 7 раз). В 1940 г. — 4472 тыс. и 145 тыс. (рост на 33% и в 70 раз); в 1950 г. — 8 млн и 300 тыс. (рост на 79% и в 2 раза); в 1960 г. — 7900 тыс. и 514 тыс. История эта продолжалась похожим образом вплоть до распада СССР. В 1970 г. США — 8239 тыс., в СССР — 916 тыс.; в 1980 г. — 7956 тыс. и 2189 тыс.; в 1990 г. — 9301 тыс. и 2600 тыс.

сионистской организации по обучению ивриту. Члены этой группы стояли на той позиции, что действовать они должны максимально открыто, поскольку не совершают ничего незаконного. И если бы следователь спросил моего приятеля, откуда у него эта статья, кто автор, тот, согласно этой установке, назвал бы меня. (Он сам мне впоследствии об этом рассказал.) Но его не спросили.

Рой Александрович Медведев, хороший знакомый нашей семьи, попросил меня сделать из книги большую статью для его самиздатского журнала «XX век». Статья вместе с журналом попала на Запад и была напечатана по-французски и по-английски [*Максудов*, 1977; 1980; 1984а; 1989а, с. 177–212][1]. Она вызвала заметный интерес у западных ученых. Когда я в 1981 г. приехал в Бостон, США, меня почти сразу взяли в Украинский институт Гарвардского университета, где в это время затевался грандиозный проект по изучению голода 1933 г. на Украине, получивший название «Голодомор». Предполагалось, что Джим Мейс, американский ученый, только что защитивший диссертацию о репрессиях против украинской интеллигенции в начале 1930-х годов, будет собирать воспоминания и документы украинцев США и Канады, эмигрировавших в годы Второй мировой войны, я займусь демографической оценкой потерь населения СССР и Украины в рассматриваемый период, а Роберт Конквест напишет книгу о голодоморе.

Тема коллективизации и голода была близка мне. Моя бабушка несколько дней в 1932 г. прожила в северокавказской станице. Ее зять, первый муж моей матери Андрей Куксин, выходец из шахтерской семьи, преподаватель политэкономии в Педагогическом институте Ростова-на-Дону был послан в 1932 г. в станицу Старощербиновскую на хлебозаготовки. С собой он взял подышать свежим воздухом мою сестру и нашу бабушку. Когда после приезда бабушка разожгла во дворе таганок, чтобы приготовить обед, со всей станицы собрались вокруг нее дети — худые, с выпирающими ребрами, раздутыми животами. Стояли и молча смотрели на чудо — жарящиеся на сковородке картофельные оладьи. Она не могла накормить голодных детей, но ощущение ужаса и беспомощности осталось в ней навсегда. Каждый раз, когда рассказывала об этом, у нее на глазах наворачивались слезы. Говорила она и том,

---

[1] Этой статье редкостно повезло. Когда по указанию Горбачева военные опубликовали армейские потери, эти результаты по очень многим показателям (численность мобилизованных, убитых на фронте, раненых, умерших от ран и др.) оказались близки (с расхождением в 1–5%) к данным моей статьи (см.: [*Максудов*, 1977; 1993б]).

как опасалась за жизнь моей сестры — по селу ползли страшные слухи о людоедах. Андрей Куксин написал в Ростовский обком партии письмо, протестуя против хлебозаготовок в голодающей станице. Он был исключен из партии, а позже арестован, сослан в Сибирь и в 1937 г. расстрелян.

О моей работе в Гарварде узнал директор канадского Украинского института Университета города Эдмонтон Богдан Кравченко. Он предложил мне временную профессорскую позицию в Эдмонтонском университете для написания книги о размерах потерь. Я согласился. Кравченко собрал в своем институте большое количество сведений по теме голодомора. Это были серийные выпуски изданий ЦСУ СССР и Украины по экономике и демографии, ксерокопии советских документов и научных журналов 1920-х годов, сборники законов, труды демографических институтов Ленинграда и Киева и многие другие материалы. Я также использовал в своей работе труды Института по изучению СССР в Мюнхене, материалы Гарвардского проекта (опроса гарвардскими учеными 3 тыс. человек, оказавшихся в Германии и не вернувшихся в СССР после Второй мировой войны), воспоминания людей, переживших коллективизацию и голод, документы Смоленского архива, работы советских историков, сумевших в годы оттепели многое рассказать о сельском хозяйстве России-СССР и о проблемах коллективизации: Н. Д. Кондратьева, А. В. Чаянова, В. П. Данилова, Ю. А. Мошкова, Н. А. Ивницкого; книги западных исследователей и ученых-эмигрантов: Ф. М. Фейнсода, М. Левина, Ван дер Берга, С. Коэна, Р. Майнинг, Н. Ясного, С. Прокоповича.

За полтора года я написал книгу объемом 1250 машинописных страниц. Половину составляло историческое описание коллективизации и голода, вторую половину — изменения рождаемости, смертности, миграции, численности населения, расчеты потерь. Книга Кравченко понравилась, он заключил договор с издательством Оксфордского университета и отдал экземпляр переводчику. На вопрос, можно ли издать книгу по-русски, он ответил, что поможет это сделать, но позднее, после выхода книги на английском. Затем начался длительный процесс перевода, компьютеризации (дело, к сожалению, происходило до появления домашних компьютеров) и редактирования. Перевод оказался плохой, и Богдан, взявшись редактировать книгу, тратил много времени на каждую страницу, мы с ним находились в постоянном контакте, выясняя возникающие недоразумения. Отредактировав примерно 500 страниц, Богдан Кравченко поехал в командировку

на Украину и остался там навсегда. Идея реализации незалежности заставила его забыть не только мою злополучную работу, но и дом, семью, родной институт. Рукопись моя была депонирована в украинских институтах Гарварда и Эдмонтона и где-то в Киеве, куда ее в числе прочих достижений проекта «Голодомор» отвез в годы перестройки директор Украинского института, гарвардский профессор, украинский академик Емельян Прицак.

С открытием в СССР архивов работа моя потребовала серьезных уточнений и дополнений. Появились цифры и факты, которые я раньше пытался оценить косвенными способами. Многие высказанные в книге соображения стали очевидностью, не заслуживающей специального обоснования, другие требовали пересмотра. Я некоторое время работал в архивах России и Украины, снял тысячи страниц ксерокопий. Но после расстрела президентом Ельциным парламента, который поддержало большинство моих знакомых и недавних единомышленников, а также большинство жителей страны, у меня пропало желание заканчивать эту работу. Я время от времени делал доклады на международных конференциях, публиковал статьи, но к книге не возвращался. Лишь полемика, разгоревшаяся вокруг вопроса, являлся ли голодомор геноцидом, и показавшая, что до сих пор не существует надежных оценок потерь коллективизации, заставила меня вернуться к этой работе, законченной когда-то, но нуждавшейся в серьезном пересмотре полученных результатов.

Я сильно сократил историческую часть. Первая глава — описание происходивших событий, какими они мне представляются. Я не делаю ссылок на работы современных исследователей, считая, что моим оправданием служит факт написания заметной части этой работы 33 года назад. Напротив, демографические расчеты сделаны на новых, опубликованных за прошедшие годы материалах, новыми методами, и они, по моему убеждению, оценивают потери населения в годы коллективизации более точно, чем известные в настоящее время работы других исследователей.

Библиографические ссылки на источники

А

Аборты в СССР в 1925 году. — М., 1927.

Аборты в СССР : Труды ЦСУ : XXXV. — Вып. 2. — М., 1937.

Адамец С., Школьников В. О довоенных таблицах смертности СССР // Доклад на конференции в Торонто «Population of the USSR in the 20s–30s in light of newly classified documentary evidence». — Торонто, январь 1995.

(*АДХ*). Андреев Е. М., Дарский Л..Е., Харькова Т. Л. Население Советского Союза : 1922–1991. — М., 1993.

(*АДХ*). Андреев Е. М., Дарский Л. Е., Харькова Т. Л. Демографическая история России : 1927–1959. — М., 1998.

Александров В. А. Сельская община в России (XVII — начало XIX века). — М., 1976. — С. 55–56.

Аманжолова Д. А. Некоторые проблемы изучения советской истории в казахстанской историографии : Мир глазами историка : Памяти академика Ю. А. Полякова. — М., 1914.

Анфимов А. М. Зерновое хозяйство России в годы Первой мировой войны. — М., 1959.

Арнаутов В. А. Голод и дети на Украине. — Харьков, 1922.

Архив ЦСУ (Госкомстата). Папка № 2 : 1941–1945. Объяснительная записка к уточненным расчетам численности населения на годы 1927–1938[1].

Б

Бабанов А. А., Альбицкий В. Ю. Смертность детского населения в России. — М., 2006.

Бабынин Б. Перспективы роста населения СССР в 1927/28–1932/33 гг. // Плановое хозяйство. — 1928. — № 11. — С. 320–326.

Бароян О. В. Итоги полувековой борьбы с инфекциями в СССР. — М., 1976.

Баткис Г. А. Социальная гигиена. — М., 1936.

Бедный М. С. Демографические процессы и прогнозы здоровья населения. — М., 1972.

Бедный М. С. Продолжительность жизни в городах и селах. — М., 1976.

(*Бирабен*) Biraben J. N. Naissances et repartition par age dans L'Empire Russe et en Union Sovietique // Population. — 1976— №2.

Блюм, А., Меспуле М. Бюрократическая анархия : Статистика и власть при Сталине. — М., 2006.

Богденко М. А. Строительство зерновых совхозов в 1928–1932 гг. — М., 1958.

Богденко М.А. К истории начального этапа сплошной коллективизации // Вопросы истории. — 1963. — № 5.

Бокарев Ю. П. Бюджетные обследования крестьянских хозяйств 20-х годов как исторический источник. — М., 1981.

---

[1] Данные, любезно предоставленные мне Л. Е. Дарским.

Бондарская Г. А. Рождаемость в СССР : (Этнодемографический аспект). — М., 1977.
Боярский А. Я. К вопросу о естественном движении населения в России и СССР в 1915–1923 гг. // Уч. записки МЭСИ. — М., 1948. — Т. 1.
Боярский А. Я. Население и методы его изучения. — М., 1975.
Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. — М., 1977.
(*БСЭ*) Большая советская энциклопедия : в 65 т. — М., 1926–1947.
Бюллетень ЦСУ. — М., 1921.

В

(*Валлин*) Vallin J., Mesle F., Adamets S., Pyrozhkov S. Evolution de l'esperance de vie a long terme et consequences des grandes catastrophes du pass`e. Mortalite et causes de deces en Ukraine au XXe si`ecle. — Paris, 2003.
Вебб С., Вебб Б. Советский коммунизм, новая цивилизация. — М., 1937. — Т. 1.
Венецкий И. Г. Элеминирование влияния снижения рождаемости на общий показатель смертности // Проблемы демографической статистики. — М., 1966.
Вербицкий Г. М. К оценке точности учета посевных площадей на Украине. — Харьков : ЦСУ УССР, 1926а.
Вербицкий Г. М. Исчисление вероятного урожая. — Харьков : ЦСУ УССР, 1926б. — С. 3–20.
Вербицький М. Найбільший злочин Кремля. — Лондон, 1952.
Вісник статистики України, 1929. — Харьків, 1930.
Вишневский А. Г. Демографическая революция. — М., 1976.
Вишневский А. Г. Ранние этапы становления нового типа рождаемости в России // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. — М., 1977.
Вишневский А. Г. Серп и рубль. — М., 1998.
Внешняя торговля СССР в 1918–1966 гг. — М. ; Л., 1967.
Воблый В. К., Пустоход П. И. Переписи населения. — М., 1940.
Волков А. Г. Избранные демографические труды. — М., 2014.
Волков Е. З. Динамика населения СССР за 80 лет. — М., 1930.
Волков О. В. Погружение во тьму. — Париж, 1987.
Воробьев Н. Я. Всесоюзная перепись населения 1926 года. — М., 1957.
Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане : сборник документов. — М., 1960.
Всесоюзное совещание статистиков 22–26 апреля 1968 года. — М., 1969.

Г

Гельфанд В. С. Население СССР за 50 лет. 1941–1999. — Пермь, 1992.
Геноцид в Україні голодом 1932–1933 років свідчення. — Київ, 2009.
Генс А. Искусственный аборт как социально-бытовое явление // Большая медицинская энциклопедия. — М., 1928. — Т. 1.
География населения. — М., 1962.
Георгиевский А. С., Гаврилов О. К. Социально-гигиенические последствия и проблемы войн. — М., 1975.
Гернет М. Повторные и многократные аборты // Статистическое обозрение. — 1928. — № 12. — С. 110–114.

Гиршфельд М. Міграціині процеси на Україні в світіь перепису 1926 р. — Харьків, 1930.
Гозулов А. И., Григорьянц М. Г. Народонаселение СССР. — М., 1969.
Голод в СССР : 1930–1934. — М., 2009.
Голод в СССР : 1929–1934 : документы в 3-х т. — Т. 1 —М., 2011; Т. 2 — М., 2012; Т. 3 — М., 2013.
(*Голод в Украине*) *Famine in Ukuaine* / под ред. Р. Сербина и Б. Кравченко. — Эдмонтон, 1986.
Голод-геноцид 1932–1933 років в Україні / Ю. Шаповал (ред.). — Канада, 2005.
Голод 1932–1933 років на Україині очима істориків, мовою документів. — Київ, 1990.
Голод 1932–1933 років на Хмельничині: причини, наслідки, уроки. — Хмельницкий, 1993.
Голод 1933 року в Україні — Мюнхен, 1963.
Голод 33 : Народна книга-Меморіал / підготовлена Л. Коваленко, В. Маняком. — Київ, 1991.
Голодомор 1932–1933 років в Україні : Документи матеріали. — Київ, 2007.
Голодомор 1932–1933 років в Україні за документами ГДА СБУ. — Львів, 2010.
Голубничий С. К вопросу о возникновении зерновых кризисов в СССР. — Мюнхен, 1956. — [Ротапринт].
Господарство Україні в 1924–25. — Харьків, 1926.
Гражданников Е. Д. Прогностические модели социально-демографических процессов. — Новосибирск, 1974.
(*Грант*) Grant W. H. Medical Review of Soviet Russia. Results of the Five Year Plan // British Medical Journal. — 1936. — 4 and 18 July.
Грегори П. Политическая экономия сталинизма. — М., 2008.
Григоренко П. В подполье можно встретить только крыс. — Нью-Йорк, 1981.
Григорович Д. В. Избранные произведения. — М. ; Л., 1959.
Гриневич Л. Хроника коллективізації та голодомору в Україні : 1927–1929. — Київ, 2008. — Т. 1. — Кн. 1.
Гришко В. Український голокост, 1993. — Нью-Йорк ; Торонто, 1978.
Громан В. Г. Хлебная продукция и хлебный экспорт // Энциклопедия советского экспорта / Изд. торг. представит. СССР в Германии. — Т. 1 : Хлеб. — Берлин : Советская энциклопедия, 1928.
Гроссман В. Все течет. — Франкфурт, 1974.
Гуревич М. В. Голод и сельское хозяйство Украины : очерк / У.С.С.Р. Центральн. статист. управл. и Центральн. комиссия по борьбе с последствиями голода. — Харьков, 1923.

Д

Данилов В. П. Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. — М., 1977. — Т. 1.
Данилов В. П. История крестьянства в России в XX веке. — М., 2011. — Ч. 1, 2.
Дарский Л.Е. Таблицы брачности женщин СССР : Изучение воспроизводства населения. — М., 1968.

Дахшлейгер Г. Ф. Изменение социальной структуры казахского аула в период перехода к социализму. — Алма-Ата, 1982.
20 лет Советской власти. — 2 изд. — М., 1937.
Демографическая модернизация России : 1900–2000 / под ред. А. Вишневского. — М., 2006.
Демографічний збірник : Праці Демографічного институту. — Т. IV. — Київ, 1926 ; Т. VIII — Київ, 1930.
Демографічні дослідження. — Віп. 2–5. — Київ, 1971–1980.
Денисенко М. Демографический кризис в СССР в первой половине 1930-х годов: оценки потерь и проблемы изучения // Демографические исследования. Историческая демография. — Вып. 4. — М., 2008.
Дети после голода : сборник материалов. — Харьков, 1924.
Джаошвили В.Ш. Население Грузии. — Тбилиси, 1968.
Динамика народного хозяйства Украины 1921/22 — 1924/25 гг. — Харьков, 1926.
Дмитриева Р. М., Андреев Е. М. Снижение смертности в СССР за годы советской власти // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. — М., 1977. — С. 28–61.
Дмитриева Р. М. Таблицы смертности и средней продолжительности жизни населения Средней Азии // Проблемы народонаселения : Труды Всесоюзн. межвузовск. научн. конф., посвященной проблемам народонаселения Средней Азии, г. Ташкент, сентябрь 1965 / ред. кол.: Д. И. Валентей, С. А. Ковалев, М. К. Караханов (отв. ред.) и др. — М. : Изд. Моск. ун-та, 1970. — С. 333–335.
Дмітровський В. Розлука на Україні 1924–1926 рр. — Харків, 1928.
Документы свидетельствуют : Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации 1927–1932 гг. : [сборник / сост. В. П. Данилов и др.]; под ред. [и со вступ. ст.] В. П. Данилова, Н. А. Ивницкого. — М. : Политиздат, 1989.
Досягнення охорони здоровья в Українській РСР. — Київ, 1958.
Дубровский С. М. Сельское хозяйство и крестьянство России в период империализма. — М., 1975.
Дэвис Р., Уиткрофт С. Годы голода : Сельское хозяйство СССР 1931–1933. — М., 2011.

Е

Економічні відомості про торгівлю Україні 1929/1930. — Харьків, 1932.
Есиков С. Российская деревня в годы НЭПА. — М., 2010.
Естественное движение населения Союза ССР : 1923–1925. — М., 1928.
Естественное движение населения Союза ССР за 1926. — М., 1929. — Т. 1. — Вып. 2.
Естественное движение населения Украины в 1929 году. — Київ, 1932. — Т. 4.
Естественное движение населения современного мира. — М., 1974.

Ж

Жангуттин Б. О. Репатриация из Синьцзяня в Казахстан во второй половине 40-х годов — 50-е годы XX века // Проблемы народонаселения в зеркале истории. — М., 2010.

Жбанков Д. Н. Влияние отхожих промыслов на движение населения. — СПБ., 1895. — С. 17.
Жиромская В. Б. Всесоюзная перепись населения 1939 г. : История проведения, оценка достоверности // [*Перепись 1939*, 1992]. — С. 4–10.
Жиромская В. Б. Демографическая история России в 1930-е годы : Взгляд в неизвестное. — М., 2001а.
Жиромская В. Б. Население России в XX веке : в 2-х т. — Т. 1 : 1900–1939. — М. 2000. — Т. 2 : 1940–1959. — М., 2001б.
Жиромская В.Б. Основные тенденции демографического развития России в XX веке. — М., 2012.
Жиромская В. Б. Новые данные о великом голоде в России в начале тридцатых годов XX в. // Мир глазами историка: памяти академика Юрия Александровича Полякова. — М., 2014.
Жиромская В. Б., Поляков Ю. А. Всесоюзная перепись населения 1937 года : Общие итоги : Сборник документов и материалов. — М., 2007.

З
Зайцов А. А. Динамика населения СССР на 1952 год / Институт по изучению истории и культуры СССР. — Мюнхен, 1953.
Залесский М. Я. Налоговая политика советского государства в деревне. — М., 1940.
Збірник з питань санітарной статистики. — Київ, 1938.
Збірник статистично-економіческіх відомостей про торговлю Україіні 1925/26–1929/30 гг. — Харків, 1932.
Зеленин И. Е. Решающие успехи колхозного движения в период сплошной коллективизации (осень 1930–1932) // История СССР. — 1980. —№ 4.
Земсков В. Н. Спецпоселенцы в СССР : 1930–1960. — М., 2003.
Знаменский А. Тишанка горит // Наш современник. — 1988. — № 2.

И
Ивницкий Н. А. Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса. — М., 1972.
Ивницкий Н. А. Голод 1932–1933 гг. в СССР. — М., 2009.
Ильиных В. Хроники хлебного фронта. — М., 2010.
История индустриализации Северного Кавказа (1933–1941). — Грозный, 1973.
История Казахской ССР. — Алма-Ата, 1977. — Т. 4.
Історія коллективізації сільского господарства Україніської РСР : 1917–1937 : Збірник документів і матеріалов у троіх томах. — Київ, 1962.
Історія міст і сіл УРСР. — Т. 4 : Дніпропетровська область. — Київ : АН УРСР, 1969.
Історія селянства Україньскоі РСР. — Київ, 1967. — Т. 2.
История советского крестьянства : в 5 т. — М., 1986–1989.
История социалистической экономики в СССР : 1926–1932. — М., 1977. — Т. 3.
Исупов В. А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века. — Новосибирск, 2000.
Исупов В. А. Индивидуальные крестьянские переселения в города Западной Сибири (конец 1920 — начало 1940-х годов) // Глобальные демо-

графические проблемы современности. Миграции и миграционная политика. — М., 2011.
Итоги борьбы с голодом в 1921–22 гг. : Сборник статей и отчетов. — М., 1922.
Итоги десятилетия советской власти в цифрах : 1917–1927. — М., 1927.

К
Кабузан В. М. Народонаселение России в XVIII — первой половине XIX века. — М., 1963.
Казенов С. Динамика смертности населения в пожилых возрастах // Продолжительность жизни. — М., 1974.
Калинник О. Що несе з собою комунізм? — Торонто ; Мюнхен, 1953.
Каминский Л. С. Медицинская и демографическая статистика. — М., 1974.
Караханов М. К. Демографические процессы в Средней Азии во второй половине XIX столетия // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. — М., 1977.
Квиткин О. Население СССР в 1926 году // Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г. : краткие сводки / изд. ЦСУ Союза ССР. — М., 1927–1929.
К вопросу о социалистическом переустройстве сельского хозяйства // Материалы исследования НКРКИ СССР / под ред. Я. А. Яковлева. — М. ; Л., 1928.
Кийкбаев Н. Торжество ленинской национальной политики в Казахстане. — Алма-Ата, 1968.
Козлов В. И. Национальности СССР : Этнодемографический обзор. — М., 1975. — 2-е изд. — М., 1982.
Колгоспи УРСР. — Київ, 1938.
Колективізація і голод на Україні 1929 –1933. — Київ, 1992.
Коллективизация сельского хозяйства : Важнейшие постановления коммунистической партии и советского правительства : 1927–35. — М., 1957.
Коммунистическая партия Украины в резолюциях и решениях съездов и конференций : 1918–1956. — Киев, 1958.
Кондратьев Н. Д. К вопросу об особенностях условий развития сельского хозяйства СССР и их значении (8 октября 1927 г.) // Известия ЦК КПСС. — 1989. — № 7. — С. 186–210.
Кондратьев Н. Д. Особое мнение. — М., 1993. — С. 573–608.
Кондрашин В. В. 1932–1933 гг. : Трагедия российской деревни. — М., 2008.
Кондрашин В.В. Предпосылки и начало сталинского голода (1929–1932) // Голод в СССР : 1929–1934 : Документы в 3-х томах. — Т. 1. — Кн. 1. — М., 2011.
Кондрашин В. В. Хлебозаготовительные политики в годы первой пятилетки и ее результаты : 1929–1933. — М., 2014.
Конквест Р. Жатва скорби. — Лондон, 1988.
Кононенко К. С. Україні і Росія: социально-економічни підстави Українськоі національноі ідеі, 1917–1960. — Мюнхен, 1965.
Кооперативно-колхозное строительство в Нижегородской губернии : 1917–1927. — Горький, 1980.
Копелев Л. И сотворил себе кумира. — Анн Арбор, 1978.

Корчак-Чепурківський Ю. А. Подружність і народжуванність у жінок УССР // Демографічні дослідження. — Київ, 1979. — Віп. 4.
Корчак-Чепурківський Ю. А. Природний рух людності УРСР 1927 році // Вісник статистики України. — 1928. — № 1.
Корчак-Чепурківський Ю. А. Таблиці дожівання і сподіванного життя людності УРСR : 1925–1926. — Харьків, 1929.
Корчак-Чепурковский Ю. А. Влияние смертности в разных возрастах на увеличение средней продолжительности жизни : Изучение воспроизводства населения. — М., 1968.
Корчак-Чепурковский Ю. А. Избранные демографические исследования. — М., 1970.
Корчак-Чепурковский Ю. А. Воспроизводство населения Украинской ССР к началу первой пятилетки // Демографічні дослідження. — Київ, 1975. — Віп. 3.
Косиор С. Отрывки из доклада 5 февраля на пленуме ЦК КП(б)У о результатах хлебозаготовок 1932 года и постановлении ЦК КП ВКП(б) от 24.I.1933 года // Голод 1932–1933 років на Україні очима істориків, мовою документів. — Київ, 1990.
(*Коул*) *Coale A. J., Demeny P.* Regional model life. Tables and stable populations. — Princeton, 1966.
(*Коул*) *Coale A. J., Andersen B., Harm E.* Human fertility in Russia since XIX Century. — Princeton, 1979.
Кошелева. Опыт социальной группировки данных об абортах // Вестник статистики. — 1928. — № 5.
Коэн С. Бухарин : Политическая биография 1888–1938. — М., 1988.
Красильников С. Серп и молох : Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е. — М., 2009.
Кулак и агрогулаг. — Ч. 1. — Челябинск, 1991.
(*Кулишер*) *Kulisher E. M.* Europe on the Move: War and Population Changes, 1917–1947. — N.Y., 1948.
Кульчицкий С. В. Внутренние ресурсы социалистической индустриализации СССР (1926–1937). — Київ, 1979.
Кульчицкий С. В. Голод 1932–1933 рр. в Україні як геноцид: труднощі усвідомлення. — Київ, 2007.
Кульчицкий С. В. Голод 1932–1933 рр. в Україні як геноцид: мовою документів, очима свідків. — Київ, 2008.
Курман М. В. Актуальные вопросы демографии. — М., 1976.
Курганов И. Три цифры // Новое русское слово. — 1981. — 13 сент.
Куц М. Т. Питання колгоспного буднітства на Україні : 1929–1941. — Львів, 1965.

Л

Ленин В.И. Полн. собр. соч. — Т. 39. — С. 276.
(Ливи-Баччи) Livi-Bacci M. On the Human Costs of Collectivization in the Soviet Union // Population and Development. Review 19. — 1993. — № 4.
Лисицын У. П. Социальная гигиена и организация здравоохранения. — М., 1975.
Лифшиц Г. А. Демографические тетради. — Киев, 1973. — Вып. 8.

(*Лоример*) *Lorimer F.* The Population of the Soviet Union: History and Prospects. — Geneva, 1946.
Лубны-Герцык Л. И. Движение населения на территории СССР за время мировой войны и революции. — М., 1926.
Лубны-Герцык Л. И. Естественное движение населения Союза ССР : 1923–1925 гг. — М., 1928. — Т. 1.
Лубны-Герцык Л. И. Естественное движение населения Союза ССР за 1926 год // Статистическое обозрение. — 1929. — № 8.
Лубны-Герцык Л., Овчинский В. Сокращенные таблицы смертности населения Европейской части СССР за 1926 год // Статистическое обозрение. — 1929. — № 1, 8.
Лютаревич Г. Ф. Цифри і факти про голод в Україні // Українськиі збірник 2. — Мюнхен, 1955.
Лященко П. С. История народного хозяйства СССР. — М., 1956. — Т. 3.

М

Максудов С. Pertes subies par la population de l'URSS 1918–1958 // Cahiers du Monde Russe et sovietique. — Paris XVIII, 1977. — P. 223–265.
Максудов С. Интернационалисты и русская революция // Вестник РХД. — 1980. — № 131.
Максудов С. Some Causes of Rising Mortality in the USSR // Russia. — 1981. — № 4.
Максудов С. A Note on the Death Record of the Village of Romankovo // Journal of Ukraïnsьkих studies. — 1984. — Vol. 9. — N 1.
Максудов С. Начало 1937: перепись населения // Минувшее. — Париж, 1986. — № 1. [В соавт. с Солодовым].
Максудов С. Неуслышанные голоса : Документы Смоленского архива : Кулаки и партейцы. — Ан Арбор, 1987а.
Максудов С. Дискуссия на западе о потерях советского населения в эпоху коллективизации // Минувшее. — Париж, 1987б. — № 4. — С. 369–393.
Максудов С. Потери населения СССР. — Бенсон, Вермонт, 1989а.
Максудов С. The Soviet System Under Demographic Challenge The Soviet Union the Challenge of the Future. V. 2 // Prospects for the Development of the USSR Nationalities. — N.Y., 1989б. — Vol. 3.
Максудов С. Втрати населення України від голоду 1933 // Український історичний журнал. — Київ, 1991. — № 2. [В соавт. с С. В. Кульчицким].
Максудов С. О фронтовых потерях советской армии в годы Второй мировой войны // Свободная мысль. — 1993. — № 9.
Максудов С. Миграции в СССР в 1926–1939 годах // Cahiers du Monde russe. — Paris, 1999. — Oktobre — decembre.
Максудов С. Чеченцы и русские : Победы, поражения, потери. — М., 2010.
Максудов С. Dehumanization: The Change in the Moral and Ethical Consciousness of Soviet Citizens as a Result of Collectivization and Famine // After the Holodomor. The Enduring Impact of the Great Famine on Ukraine. — Boston, 2013.
Максудов С. Переписи населения 1937 и 1939 гг. // Мир глазами историка. — М., 2014.
Максудов С. Оценка численности населения по переписи 1926 года // Население России: историко-демографическое измерение. — М., 2016.

Малафеев А. Н. История ценообразования в СССР (1917–1963). — М., 1964.
Малинкович В. Голод 1933 года на Украине // Форум. — 1983. — № 3, 4, 14.
Мандельштам Н. Я. Воспоминания : Вторая книга. — Париж, 1978. — С. 327–329.
Марченко В. Динамика численности советского населения в 1926–39 годах // Программа изучения СССР. Труды. — N. Y., 1953. — №35 (Мимиограф).
Марченко О. В. Индексы рождаемости по 50 губерниям Европейской России в конце XIX века // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. — М., 1977.
Марыхин Г. Налоги в СССР. — М., 1958.
(*Масимо*) Massimo L-B. On the Human Costs of Collectivization in Tye Soviet Union // Population and Development Review. — 1993. — N 19.
Маслов П. Сельскохозяйственная статистика. — М., 1930.
Материалы о работе политотделов МТС за 1933 // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства в СССР. — М., 1959.
Медведев В. К. Ликвидация кулачества в Нижне-Волжском крае // История СССР. — 1958. — № 6.
Менделеев Д. И. К познанию России. — СПб., 1906.
Милютин В. А. Избранные произведения. — М., 1946. — С. 93.
Миронов Б. Н. Традиционное демографическое поведение крестьян в XIX — начале XX века // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. — М., 1977. — С. 83–104.
Михайловский В. Г. Факты и цифры русской действительности : Население России по первой всеобщей переписи // Новое слово. — 1897. — Кн. 9.
Мозохин О. Б. Статистические сведения о деятельности органов ВЧК-ОГПУ-НКВД-МГБ (1918–1953) : Статистич. справочник. — М., 2016.
Мошков Ю. А. Зерновая проблема в годы сплошной коллективизации. — М., 1966.
Мышкис В. С. Народное хозяйство Украины в первой четверти 1922/23 года. — Харьков, 1923.
Мышкис В. С. Баланс народного хозяйства Украины за 1925–26 год. — Харьков, 1928.
Мэйс Дж. Украинская национальная проблема и ее решение Сталиным // СССР: внутренние противоречия. — Бенсон, Вермонт, 1982. — № 5.

Н

Народне господарство України в 1924–25 рр. — Харьків, 1926.
Народне господарство УССР. — Київ, 1935.
Народное хозяйство РСФСР в 1965 г. — М., 1966.
Народное хозяйство СССР. — М. ; Л., 1932. — С. 7.
Народное хозяйство СССР. — М., 1956–1987.
Народное хозяйство Узбекской ССР в 1974 г. — Ташкент, 1975.
Народное хозяйство Украинской ССР в 1975 г. — Киев, 1976.
Народное хозяйство Украины. — Харьков, 1926.
Народное хозяйство Украины в 1921/22 году. — Харьков, 1923.
Народонаселение стран мира. — М., 1978.
Народы Восточной Азии / под ред. Н. Н. Чебоксарова и др. — М., 1965.

Население в городах Украины // Статистика Украины. — 1998. — № 55.
Население России в 1920–1950-е годы : Численность, потери, миграции. — М., 1994.
Население России в XX веке : Исторические очерки : 1990–1939. — М., 2000. — Т. 1.
Население СССР : (Численность, состав и движение населения) : 1973 : Статистич. сб. — М., 1975.
Негретов П. И. Короленко В. Г. Летопись жизни и творчества : 1917–1921. — М., 1990.
Немчинов В. С. Избранные произведения : в 6 т. — М., 1967. — Т. 4.
Нифонтов А. С. Зерновое производство в России во второй половине XIX века. — М., 1974.
Новая экономическая политика. — М., 1974.
Новосельский С. А. О различиях в смертности городского и сельского населения Европейской России // Общественный врач. — 1911. — № 4.
Новосельский С. А. Смертность и продолжительность жизни в России. — Пг., 1916.
Новосельский С. А. Демография и статистика. — М., 1978.
Новосельский С. А., Паевский В. В. Смертность и продолжительность жизни населения СССР : 1926–1927 : Таблицы смертности. — М. ; Л., 1930.
Новосельский С. А., Паевский В. В. О сводных характеристиках воспроизводства и перспективных исчислениях населения // Труды Демографического института. — Л., 1934а. — Т. 1.
Новосельский С. А., Паевский В. В. К вопросу о выравнивании возрастных группировок // Труды Демографического института. — Л., 1934б. — Т. 1. — С. 39–61.

О

Оболенский В. А. Воспоминание о голоде // Современные записки. — Париж, 1936. — № 36.
Осокина Е. А. Иерархия потребления. — М., 1993.
Осокина Е. А. За фасадом сталинского изобилия. — М., 2008.
Отход сельского населения на заработки в СССР в 1926–1927 годах. — М., 1929.
Очерки истории коллективизации сельского хозяйства в союзных республиках / под ред. В. П. Данилова. — М., 1963.

П

Павлов Г. А. Советские переписи населения (1920–1959) // Советская статистика за полвека (1917–1967 гг.). — М., 1972.
Паевский В. В. Аборты в Москве и Ленинграде // Аборты в 1925 году. — М., 1927.
Паевский В. В. Вопросы демографической и медицинской статистики. — М., 1970.
Палена К. К. Отчет по ревизии Туркестанского края // Брачность, рождаемость, смертность в России и СССР. — М., 1977. — С. 74.
Память народу: геноцид в Україні голодом 1932–1933 років : Свідченяі. — Київ, 2009. — Т. 1, 2.

«*Первая заповедь*» : Хлебозаготовки в СССР : 1931–1932 : сборник / отв. сост. В. В. Кондрашин. — М., 2016.
(*Перепись 1897*) Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. : Общий свод по империи. — СПб., 1905.
(*Перепись 1920*) Предварительные итоги переписи населения 28 августа 1920 г. : Население 28 губерний Европейской и Азиатской России. — М., 1921.
(*Перепись 1920*) Итоги переписи населения 1920 г. — М., 1928.
(*Перепись 1923*) Підсумки Всесоюного Міського Перепису 1923 р. на Україні. — Харьків, 1923.
(*Перепись 1923*) Итоги Всесоюзной городской переписи 1923 г. // Труды ЦСУ. — М., 1924. — Т. XVII. — Вып. 1–3.
(*Перепись 1926*) Всесоюзная перепись населения 1926 года : в 56 т. — М., 1928–1933.
(*Перепись 1937*) Всесоюзная перепись населения 1937 г. : Краткие итоги. — М., 1991.
(*Перепись 1937*) Всесоюзная перепись населения 1937 года : Общие итоги. — М., 2007.
(*Перепись 1939*) Перепись 1939 года: документальные источники Центрального государственного архива народного хозяйства (ЦГАНХ) СССР. — Т. 9. — М., 1990.
(*Перепись 1939*) Всесоюзная перепись населения 1939 года : Основные итоги / сост. Ю. А. Поляков и др. — М., 1992.
(*Перепись 1959*) Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года : СССР (сводный том) / Центральн. статистич. управл. при Совете Министров СССР. — М., 1963.
(*Перепись 1970*) Перепись населения 1970 года. — М., 1969.
(*Перепись 1970*) Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. — М., 1972.
(*Перепись 1979*) Итоги Всесоюзной переписи населения : 1979. — М., 1989.
(*Перепись 1989*) Всесоюзная перепись населения 1989 года. — М., 1991–1992.
Перковський А., Пирожков С. Демографічні втрати УРСР у 30-ті роки Укр // Іст. журн. — 1989. — № 8.
Перспективы роста населения СССР в 1926–28 гг. — М., 1932.
Песчанский В., Каплун И. Детская смертность // Статистическое обозрение. — 1928. — № 3.
Пирожков С. Які ж наші людські втрати // Вісник АН УРСР. — 1991. — № 1.
Писарев И. Ю. Народонаселение СССР : (Социально-экономический очерк). — М., 1962.
Пискунов В. П., Стешенко В. С. Динаміка та географія населення народуванності населення Україниської РСР // Демографічні дослідження. — Кіив, 1975. — Вып. 3.
Пішджарий Ф. Комуністична партія України в боротьбі за перемогу колгоспного ладу. — Киів, 1960.
Подъячих П. Г. Всесоюзная перепись населения 1939 г. — М., 1953.
Покровский В. И. Влияние колебаний урожая и хлебных цен на естественное движение населения. — СПб., 1897.

Покровский Н. Н. Политбюро и церковь // Новый мир. — 1994. — № 8.
Покишишевский В. В. География населения СССР. — М., 1971.
Политбюро и крестьянство : Высылка, спецпоселение : 1930–1940 гг. — М., 2005 (Т. 1), 2006 (Т. 2).
Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) : Повестки дня : 1919–1952 : Каталог. — М., 2000, 2001. — Т. 1 : 1919–1929; Т. 2 : 1919–1952.
(*Поляков и др.*)Поляков Ю. А., Жиромская В. Б., Киселев И. М. Полвека молчания : (Всесоюзная перепись населения 1937 г.) // Социологические исследования. — 1990. — № 6–8.
Померші в містах Україіни в 1923 і 1924 рр. за причинами смерті // Статістика Україіни. — Харьків, 1926. — № 84. — Т. 4. — Вып. 4.
Померші в містах Україіни за прічинами смерті в 1926–1927 рр. // Статістика Україіни. — Харьків, 1930. — № 181. — Т. 4. — Вып. 1.
Построение фундамента социалистической экономики в СССР : 1926–1932. — М., 1960.
Постышев П. П. Речь на пленуме ЦК КП(б)У «Итоги 1933 сельскохозяйственного года и очередные задачи КП(Б)У» // Правда. —1933. — Февраль.
Предварительные итоги переписи 1926 года. — Харьков, 1926а. — Вып. 1.
Предварительные итоги Общесоюзной городской переписи 1923 года по Украине // Статистика Украины. — Харьков, 1923б. — № 30.
(*Пресса*) Pressat R. Pertes subies par la population de l'U.R.S.S. 1918–1958 // Population. — 1979. — № 6.
(*Престон*) Preston S., Keyfitz N., Schoen R. Causes of Death: Life Tables for National Populations. — N.Y. ; L., 1972.
Природний рух населення Україіни 1924–1932 році // Статистика Україіни. — Харків. — Т. 4. — Вып. 2–10.
Проблемы аграрной истории советского общества. — М., 1971.
Прокопович С. Н. Народное хозяйство СССР. — Нью-Йорк, 1952. — Т. 1.
Птуха М. В. Смертність в Росії і на Україіні : Праці Демографічного інституту УАН //Демографічній збірник. — Київ, 1928а. — Т. 5.
Птуха М. В. Смертність 11 народностей Европейской России в конце 19-го века : Праці Демографічного інстиітуту УАН // Демографічній збірник. — Київ, 1928б. — Т. 6.
Птуха М. В. Очерки по статистике населения. — М., 1960.
Птуха М. В. Вибрані праці. — Київ, 1971.
Пустоход П. И. Демографические особенности населения Украины в конце XIX — начале XX века // Демографический сборник : Труды Демографического института. — Киев, 1926. — Т. 4. — С. 1–68.
Пустоход П. И., Трацевский М. Шлюбність на Україіні : Праці Демографічного інституту УАН // Демографічній збірник. — Т. 6. — Київ, 1929.

Р

Раков А. А. Население Белоруссии. — Минск, 1969. — С. 66.
Раков А. А., Маськов Л. И. Из демографической истории Белоруссии // Проблемы населения и трудовых ресурсов. — Минск, 1973. — Вып. 4. М., 2005.
Рашин А. Г. Население России за сто лет. — М., 1956.

Розкуркулення в УСРР // Український Іисторичний журнал. — Київ, 1992. — № 3–4.

(*Рудницкий и др.*) Рудницкий Н., Левчук Р., Шевчук А., Савчук А. Голод в Україні у першій половині XX століття: причини та наслідки (1921–1923, 1932–1933, 1946–1947) : Матеріали Міжнародної наукової конференції. — Київ, 2013.

С

Садоквасова Е. А. Роль аборта в осуществлении сознательного материнства // Изучение воспроизводства населения. — М., 1968.

Садоквасова Е. А. Социально-гигиенические аспекты регулирования семьи. — М., 1969.

Сапожников В. И кто все-таки виноват? // Литературная газета. — 1988. — 24 авг.

Сачук Н. М. Об особенностях старения населения в союзных республиках СССР // Проблемы демографической статистики. — М., 1966.

Сачук Н. М. К характеристике материалов для исчисления показателей таблиц смертности по старческим возрастам населения // Демографічні дослідження. — Київ, 1971. — Віп. 2.

Сдвиги в сельском хозяйстве СССР за 1927–30 гг. — М., 1930.

Сельское хозяйство СССР. — М., 1935–1972.

Семашко М. Писание по Бондарю // Литературная газета. — 1988. — 1 июня.

(*Семашко*) Semashko N. A. Health protection on the USSR. — London, 1934.

Семевский В. И. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. — 2-е изд. — СПб., 1903. — Т. 1.

Сербин Р. Голод 1921–1923 і українська пресса в Канаді. — Торонто ; Київ, 1992.

Синкевич Г. П. Вологодская крестьянка и ее ребенок. — М. ; Л., 1925.

Сірык Г. Факти і події для маібутньої історіі Сиверщины. — Торонто, 1975.

Сифман Р. И. Рождаемость в селах Закавказья с начала XX века до Великой Отечественной войны // Проблемы демографической статистики. — М., 1966. — С. 176–210.

Сифман Р. И. Интервалы между рождениями и между вступлением в брак и первым рождением : Изучение воспроизводства населения. — М., 1968.

Сифман Р. И. Динамика рождаемости в СССР. — М., 1974.

Сифман Р. И. Динамика численности населения России за 1897–1914 гг. // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. — М., 1977. — С. 62–68.

Слинько І. І. Соціалістична перебудова і технічна реконструкція сільського господарства України (1927–1932 рр.). — Київ, 1961.

(*Сова*) Sauvy A. Doctrine sovietique en matiere de population // Revista Italiana di Demografia e Statististica. — 1948. — Vol. II. — N 4.

Совершенно секретно: Лубянка Сталину о положении в стране : (1922–1934 гг.). — Т. 8. — Ч. 2. — М., 2008.

Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД : 1918–1939 : документы и материалы в 4-х т. — М., 1998–2003.

Советская статистика за полвека (1917–1967). — М., 1972.

Советское руководство : Переписка : 1928–1941 гг. / сост. А. В. Квашонкин, Л. П. Кошелева, Л. А. Роговая, О. В. Хлевнюк. — М., 1999.
Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ : 1918–1956 : Опыт художественного исследования. — Париж, 1983. — Т. 1–4.
Соловей Д. Стежками на Голготу винищення в Україні терором та штучним голодом в 1929–1933 роках. — Детройт, 1952.
Соловей Д. Голгота Україні. — Виннипег, 1953.
Соловей Д. Українське село в роках 1931–1933 // Український збірник. — Мюнхен, 1955.
Солоневич И. Россия в концлагере. — Вашингтон, 1958.
Сорокин П. А. Голод как фактор. — М., 2003.
Социалистическое народное хозяйство СССР в 1933–1944 гг. — М., 1960.
Социалистическое переустройство сельского хозяйства СССР между XV и XVI съездами ВКП(б). — М. ; Л., 1932.
Социалистическое строительство СССР — М., 1934–1936.
Соціалістічна перебудова і розвиток сільского господарства Українськоі РСР. — Т. 1 : 1917–1937 рр. — Київ, 1967.
Спецпереселенцы в Западной Сибири : 1930 — весна 1931 г. / сост. С. А. Красильников, В. Л. Кузнецова, Т. Н. Осташко, Т. Ф. Павлова, Л. С. Пащенко, Р. К. Суханова. — Новосибирск, 1992.
(*Справочник США*) The World Almanac (and Book of Facts). — New York.
Сталин И. В. Сочинения. — Т. 1–13. — М., 1952–1953; Т. 14. — М., 2007.
(*Статистика США*) Vital Statistics of the United States. — 1978. — Vol. II.
Статистична Хроника. Периодическое издание ЦСУ Украины, посвящено сельскому хозяйству, выходило в 1925-1930 гг. и Харькове
Страна Советов за 50 лет : Сборник статистич. материалов. — М., 1972.
Струмилин С. Г. Наши трудовые ресурсы и перспективы. — М., 1922.
Струмилин С. Г. Избранные произведения : в 5 т. — М., 1964. — Т. 3.
Сулейменов Б. С., Басин Б. Я. Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. — Алма-Ата, 1973.

Т

(*Таблицы смертности*) Causes of Death. Life Tables for National Populations. — N. Y. ; L., 1972.
Таугер М. Голод, голодомор, геноцид. — Киев, 2008.
Твардовский И. Страницы пережитого // Юность. — 1988. — № 3.
Тендряков В. Рассказы // Новый мир. — 1988. — № 3.
Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений. — М., 1937. — Т. 25. — С. 408.
Тольц М. С. Брачность населения России в конце XIX–начале XX в. // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. — М., 1977.
Тольц М. С. Некоторые обобщающие характеристики брачности, прекращение длительности брака // Демографическое развитие семьи. — М., 1979. — С. 39–58.
Тольц М. С. Репрессированная перепись // Родина. — 1989. — № 11.
Томілін С., Шрейдер М. Аборти на Україні : Основні покажчики поширення та методика визчения аборту. — Харків, 1930.
Трагедия советской деревни : Коллективизация и раскулачивание : Документы и материалы : в 5 т. — М., 1999–2004.

Трапезников С. П. Исторический опыт КПСС в осуществлении ленинского кооперативного плана. — М., 1965.
Трацевский М. Рождаемость на Украине : Праці Демогорафічного інституту УАН // Демографічній збірник. — Київ, 1926. — Т. IV.
Трифонов И. Я. Очерки истории классовой борьбы в СССР в годы НЭПа (1921–1937). — М., 1960.
Тройницкий Н. А. Общий свод по Империи результатов разработки данных Первой Всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года. — СПб., 1905. — Т. 1.
Труд в СССР. — М., 1936 ; 1968.
Труды демографического института // Демографический сборник. — Киев, 1930. — Т. 6, 7.
Турсунов Х. Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. — Ташкент, 1962.

У

Уиткрофт С. О демографических свидетельствах трагедии советской деревни в 1931–1933 гг. // Трагедия советской деревни. — Т. 3 : Коллективизация и раскулачивание. — М., 2001а.
Уиткрофт С. О зерновых балансах и оценке урожайности в СССР в 1931–1933 гг. // Трагедия советской деревни. — Т. 3 : Коллективизация и раскулачивание. — М., 2001б.
Украина : Статистический справочник. — Харьков, 1925.
Українська людність СССР. — Варшава, 1931. — Т. 1.
Український збірник. — 1955. — № 2.
Український статистичний ричник. — Варшава ; Львів, 1934–1938. — Т. 2–4.
Урланис Б. Ц. Рождаемость и продолжительность жизни в СССР. — М., 1963.
Урланис Б. Ц. История одного поколения. — М., 1968.
Урланис Б. Ц. Динамика общей численности населения СССР за 50 лет // Население и народное благосостояние / под ред. И. К. Беляевского. — М., 1970.
Урланис Б. Ц. Проблемы динамики населения. — М., 1974.
Урланис Б. Ц. Динамика уровня рождаемости в СССР за годы советской власти // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. — М., 1977.

Ф

(*Фейнсод*) *Fainsod M.* Smolensk under Soviet Rule. — Cambridge, Mass., 1958.
Феноменов М. Я. Современная деревня : Опыт краеведческого обследования одной деревни. — Ч. II : Старый и новый быт. — М. ; Л., 1925.

Х

(*Хлевнюк и др.*)Хлевнюк О. В., Дэвис Р. У., Кошелева Л. П., Рис Э. А., Роговая Л. А. Сталин и Каганович : Переписка : 1931–1936. — М., 2001.
Хоменко А. До питання про майбутній темп росту населення України // Червоний шлях. — 1927. — № 7–8.
Хоменко А., Кольнер Р. Сучасна смертність немовлят в УРСР. — Харьків, 1930.

Хрущев Н. С. Воспоминания. — Нью-Йорк, 1981. — Кн. 1.

Ч

Чаянов А. В. Очерки по теории трудового крестьянского хозяйства. — М., 1932.

(*Чемберлин*) Chamberlin W. H. Ukraine a Submerged Nation. — N. Y., 1944.

Чемерисский И. А. Влияние аграрной революции 1917–1918 гг. на сельскохозяйственное производство СССР // Проблемы аграрной истории советского общества. — М., 1971.

Черчилль У. Вторая мировая война. — Минск, 2003.

Чорна книга України. — Київ, 1998.

Чорні жнива : Голод 1932–1933 років у Валківському та Коломацькому районах Харківщини. — Київ, 1997.

Ш

(*Шаповал*) Shapoval Y. The Holodomor: A Prologue to Repressions and Terror in Soviet Urrqie // After the Holodomor. The Enduring Impact of the Great Famine on Ukraine. — Boston, 2013. — P. 99.

Шибаев В. П. Этнический состав населения европейской части Союза ССР. — Л., 1930.

Шингарев А. И. Положение женщины в крестьянской среде // Медицинская беседа. — 1889. — № 10.

Шолохов М. А. Письма. — М., 2003.

Э

(*Энциклопедия*) Ukraine a Concise Enciclopedia. — Toronto, 1963. — Vol. 2.

(*ЭСБЕ*) Энциклопедический словарь Брокгуза и Ефрона. — Пг., 1890–1907. (Ст. «Выкидыш» — Пг., 1892).

Я

Яковецкий В. Н. Аграрные отношения в СССР в период строительства социализма. — М., 1964.

Яковлев Я. А. Сельское хозяйство и индустриализация : Речь в Комакадемии. — М. ; Л., 1927.

(*Ясный*) Jasny N. The Socialized Agriculture of the U.S.S.R. — Stanford, 1949.

Яхонтов А. П. Переселение за пределы Украины. — Харьков, 1926.

Яшин А. Рычаги // Литературная Москва. — М., 1956.

Минимальные системные требования определяются соответствующими требованиями программ Adobe Reader версии не ниже 11-й либо Adobe Digital Editions версии не ниже 4.5 для платформ Windows, Mac OS, Android и iOS; экран 10″

Научное электронное издание

Максудов Сергей

ПОБЕДА НАД ДЕРЕВНЕЙ

Демографические потери коллективизации

Подписано к использованию 07.03.20
Формат 12,0×19,5 см
Гарнитура Newton

Издательство «Социум»
117321, Москва, ул. Островитянова, 26, корп. 1
Тел.: (495) 330-51-98
Сайт: http://sotsium.ru
Эл. почта: mail@sotsium.ru

Электронное издание данной книги подготовлено
Агентством электронных изданий «Интермедиатор»
Сайт: http://www.intermediator.ru
Телефон: (495) 587-74-81
Эл. почта: info@intermediator.ru

ФОНД ЛИБЕРАЛЬНАЯ МИССИЯ

...И тени страшные Украйны и Кубани —
На войлочной земле голодные крестьяне
Калитку стерегут, не трогая кольца.

О. МАНДЕЛЬШТАМ
«СТАРЫЙ КРЫМ»
1933 Г.

СОЦИУМ

интернет-магазин **sotsium.ru**